

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Нил Гейман, Тэд Уильямс
Йон Колфер, Орсон Скотт Кард

Черная магия

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Год
ГВЯМАН
ТЯ
УДИЯМС
В
ГОДИ
КОРДЕР
ОТТОМ ДИТЕ
УАД

ЧЕРНОВА МОСТ

Neil
GAIMAN
Tad
Williams

Eoin
COLFER

Orson Scott
CARD

Wizards: Magical Tales
from the Masters
of Modern Fantasy

ЭКСМО
Москва

Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2010

Нил
ГЕЙМАН
Тэд
УИЛЬЯМС
Йон
КОЛФЕР
Орсон Скотт
КАРД
и другие

Черная магия

ЭКСМО
Москва
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2010

УДК (082)(1-87)
ББК 84(2Англ)9
Г 27

WIZARDS

Collection copyright © 2007 by Jack Dann & Gardner Dozois

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Серия основана в 2001 году

Оформление серии художника *А. Саукова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Гейман Н.

Г 27 Черная магия / Нил Гейман, Тэд Уильямс, Йон Колфер, Орсон Скотт Кард и другие ; [пер. с англ. О. Степашкиной]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 528 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-40612-8

Маги, шаманы, колдуны, знахари, прорицатели, ведуньи, чародеи, волшебники... Те, кто общается с духами и взывает к сокрытым силам, те, перед кем распахнуты древние загадки, те, кто способен видеть сразу в двух мирах — материальном мире и мире духов, те, кто может служить посредником между ними.

Иногда они доброжелательны и мудры, иногда — злы и вредоносны, а в некоторых случаях совмещают эти качества. Но кем бы ни были эти люди и какие бы ритуалы ни вершили, их таинственное ремесло всегда будоражило наше воображение...

УДК (082)(1-87)
ББК 84(2Англ)9

© О. Степашкина, перевод с английского, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-40612-8

*Посвящается Меррилин Хейфли,
которая поддержала эту затею*

Предисловие

Волшебники тревожат наше воображение на протяжении многих тысячелетий — возможно даже, с тех пор, когда мы еще не были людьми в полном смысле слова. На стоянках первобытных племен были обнаружены следы неандертальской магии, например площадка, огороженная низенькой каменной стеной, а на ней — семь медвежьих черепов, глядящих в одну сторону, или человеческий череп на шесте в окружении кольца из камней. Кроманьонцы спустя несколько десятков тысячелетий также занимались магией, возможно переняв обряды у исчезнувших неандертальцев. В глубинах пещер Ласко, Альтамира и Руффиньяк кроманьонцы покрывали стены поразительно реалистичными символическими рисунками животных ледникового периода, контурными изображениями собственных ладоней и переплетающимися линиями, так называемыми «макаронами» (почти не осталось сомнений, что они использовались для колдовских обрядов, особенно те, где демонстрируются ритуальные убийства животных; возможно, это делалось для того, чтобы обеспечить удачную охоту). В этих древних жилищах встречается таинственный образ массивной и косматой человеческой фигуры с оленьей головой, наблюдающей за яркими животными, что резвятся рядом на стене. Возможно, это первые в истории волшебники, внешний вид которых передан с помощью художественных средств.

Маги, шаманы, колдуны, знахари, прорицатели, ведуньи, чародеи, волшебники — все века и культуры, начиная с доисторических времен, по-своему называют человека, владеющего магией, того, кто общается с духами и взывает к сокрытым силам, того, перед кем распахнуты древние тайны, кто способен видеть сразу в двух мирах — материальном мире и мире духов и кто может служить посредником между ними. Ино-

гда эти люди были доброжелательны и мудры, иногда — злы и вредоносны, а в некоторых случаях совмещали эти качества. Даже сейчас, в двадцать первом веке, когда в небе над нами кружат спутники и космические станции, когда можно мгновенно связаться с человеком по другую сторону земного шара и за несколько часов перемахнуть континент от края до края (что несколько сотен лет назад уже само по себе сочли бы невероятным проявлением магии), образ волшебника неизменно остается важным. Этот архетип до сих пор часто встречается в изобразительном искусстве, рекламе, литературе, фольклоре, комиксах, фильмах и даже в наших собственных снах.

Мы попросили лучших фантастов современности — Нила Геймана, Гарта Никса, Элизабет Хэнд, Джейн Йолен, Питера С. Бигла, Кейдж Бейкер, Йона Колфера, Тэда Уильямса, Орсона Скотта Карда, Джина Вулфа, Патрицию А. Маккиллип, Терри Биссона, Нэнси Кресс, Энди Данкана, Мэри Розенблюм, Джеффри Форда, Танит Ли, Терри Доулинга — написать о самом сильном из архетипов фэнтези, архетипе волшебника. Результатом стала книга, которую вы держите в руках. В ней вы найдете волшебников юных и старых, злых и милосердных, мужчин и женщин, обитающих и в древности, и в современности, и в вымышленных, никогда не существовавших мирах, ребенка, умеющего говорить с животными, и животных, готовых отдать жизнь в борьбе против злой магии. Вы узнаете о девочке, водящей дружбу с призраками, и о мальчиках — один воскрес из мертвых, другой столкнулся с дьяволом, когда тот листал журналы в гараже, третий втайне овладел мощью богов. Вы прочитаете о женщине, наделенной непостижимыми тайными знаниями, которая вышла замуж за Зиму, о юношах и девушках, сражающихся при помощи магии железа с магией падуба в глухих лесах артуровской Британии или разоблачающих смертельно опасный магический заговор у себя же во дворе. Вам встретятся чудовищные мантикоры, говорящий цыпленок, каменные люди, таинственные незнакомцы, Несравненный Рубин, волшебники, злобные и черные, как ночь, или ясные и добрые, как летний день... и плюс к этому несколько чародеев, которые просто не в состоянии определиться!

Мы надеемся, что они вам понравятся.

Нил Гейман

НАДГРОБИЕ ДЛЯ ВЕДЬМЫ

Нил Гейман, одна из самых ярких величин современной фантастики, фэнтези и литературы ужасов, четырежды получал премию «Хьюго», дважды — «Небьюлу», один раз — Всемирную премию фэнтези, шесть раз — премию журнала «Локус», четыре раза — премию Брэма Стокера, трижды — «Геффен» и дважды — Мифопоэтическую премию фэнтези.

Впервые Гейман привлек внимание широкой публики своей серией комиксов «The Sandman», которая была и остается самой популярной за всю историю комиксов. Гейман и поныне суперзвезда в этом жанре. Он написал множество графических романов, часть из которых была иллюстрирована Дэйвом Маккином: «Black Orchid», «The Violent Cases», «Signal To Noise», «The Tragical Comedy or Comical Tragedy of Mr. Punch». Также Нил Гейман является автором книг для детей — «The Wolves in the Walls» и «The Day I Swapped My Dad for Two Goldfish».

В последние годы Гейман пользуется не меньшим успехом в сфере фантастики и фэнтези. Его ставший популярным роман «Американские боги» получил в 2002 году «Хьюго», «Небьюлу» и премию Брэма Стокера. Роман «Коралина» удостоен в 2003 году «Хьюго» и «Небьюлу», а повесть «Этюд в изумрудных тонах» завоевала «Хьюго» в 2004 году.

В лиричном рассказе, вошедшем в нашу книгу, Гейман стирает различия между живым и мертвым. Автор показывает, что на самом деле важна лишь доброта, по какую бы сторону могилы ты ни находился...

На краю кладбища была похоронена ведьма. Это все знали. Миссис Оуэнс неизменно велела Нику держаться подальше от этого участка.

— Почему? — интересовался он.

— В той стороне очень сыро, практически болото, — отвчала миссис Оуэнс. — Живому человеку вредно бывать там. Ты можешь простудиться и умереть.

У мистера Оуэнса с фантазией было похуже, да и уклончивостью он не отличался.

— Дурное это место, — только и говорил он.

Кладбище заканчивалось у подножия холма, под старой яблоней. Каждый прут бурой от ржавчины изгороди венчал маленький ржавый наконечник вроде копейного. За оградой лежал пустырь, где переплелись крапива и сорняки, ежевика и всякая увядающая растительность. Ник спустился к ограде, но, будучи в целом хорошим и скорее послушным ребенком, не стал пролезать между прутьями, а просто посмотрел сквозь них. Он понимал, что ему не рассказывают историю целиком, и его это раздражало.

Ник поднялся обратно на холм, к заброшенной церкви, стоящей посреди кладбища, и стал ждать наступления темноты. Когда небо из серого сделалось фиолетовым, на шпиле послышался звук, напоминающий шорох тяжелого бархата: то Сайлас, опекун Ника, покинул колокольню — свое место отдыха. Головой вперед он спустился со шпиля.

— Что там, в дальнем углу кладбища? — обратился к нему мальчик. — За пекарем Харрисоном Вествудом и его женой, Марион и Джоан?

— А почему ты спрашиваешь? — осведомился Сайлас, матово-белой рукой стряхивая пыль с черного костюма.

Ник пожал плечами.

— Просто интересно.

— Это неосвященная земля, — произнес Сайлас. — Ты знаешь, что это значит?

— Не совсем, — признался Ник.

Сайлас прошел по тропе, не потревожив опавшей листвы, и уселся рядом с Ником на каменную скамью.

— Некоторые, — начал он мягко, — верят, что вся земля священна. Что она была священна до того, как мы пришли на нее, и останется таковой, когда нас уже не будет. Но здесь, в этой стране, принято освящать церкви и участки, отведен-

ные для похорон, чтобы придать им святости. Рядом с освященной землей остается неосвященная, так называемая земля горшечника. В ней хоронят преступников, самоубийц или иноверцев.

— Так значит, те, кто похоронен по ту сторону ограды, были плохими людьми?

Сайлас хмыкнул и приподнял безупречно очерченную бровь.

— Да нет, собственно. Дай подумать... я там давненько не был. Не припомню никого особенно дурного. Не забывай, в былые дни человека могли повесить за украденный шиллинг. К тому же всегда находились люди, которым жизнь казалась настолько нестерпимой, что, по их мнению, лучше было ускорить свой переход в иную форму существования.

— В смысле — они убивали себя? — уточнил Ник. Ему было почти восемь лет, он был наивен, но любознателен и отнюдь не глуп.

— Именно.

— И как, помогало? Им после смерти становилось лучше?

Сайлас улыбнулся быстро, но так широко, что стали видны клыки.

— Иногда. В основном — нет. Подобно тому, как некоторые верят, что если бы они переселились куда-нибудь в другое место, то были бы счастливы, но в результате обнаруживают, что это не помогает. Куда бы ты ни шел, ты забираешь с собой себя. Если понимаешь, о чем я.

— Примерно, — отозвался Ник.

Сайлас взъерошил мальчику волосы.

— А как насчет ведьмы? — спросил Ник.

— Да, именно, — кивнул головой Сайлас. — Самоубийцы, преступники и ведьмы. Те, кто умер без покаяния и отпущения грехов. — Сайлас полуночной тенью поднялся со скамьи. — Разговоры, разговоры, а я даже не завтракал. К тому же ты опаздываешь на урок.

Кладбищенский мрак беззвучно сомкнулся, по бархату тьмы пробежала дрожь, Сайлас исчез.

Пока Ник добирался до мавзолея мистера Пенниурта, появилась луна. Томас Пенниурт («Здесь он покоится, уве-

ренный в чудесном воскрешении») уже ожидал ученика и был не в духе.

— Ты опоздал,— заметил он.

— Извините, мистер Пенниурт.

Учитель недовольно буркнул. Всю предыдущую неделю мистер Пенниурт рассказывал Нику о стихиях и темпераментах, но Ник напрочь забыл, что есть что. Он ожидал контрольной работы, но вместо этого мистер Пенниурт произнес:

— Думаю, пора потратить несколько дней на практические занятия. В конце концов, время уходит.

— Правда? — удивился Ник.

— Боюсь, что да, молодой мастер Оуэнс. Как у тебя с истаиванием?

Ник надеялся, что учитель об этом не вспомнит.

— Все в порядке,— проямлил он.— Серьезно. Вы же знаете.

— Нет, мастер Оуэнс. Не знаю. Почему бы тебе не продемонстрировать мне, как это у тебя получается?

Ник совсем пал духом. Он глубоко вздохнул, поднял глаза к небу и попытался постепенно раствориться в воздухе.

На мистера Пенниурта его старания впечатления не произвели. Учитель лишь презрительно фыркнул.

— Не то! Абсолютно не то! Ускользание и истаивание, мальчик,— вот путь мертвых. Скользить сквозь тени. Постепенно исчезать из поля зрения. Попробуй еще раз.

Ник напрягся сильнее.

— Ты абсолютно нагладен,— недовольно изрек учитель.— Как твой нос, который прямо-таки бросается в глаза, как твое лицо, как весь ты. Ради всего святого, освободи свой разум. Немедленно. Ты — пустой переулок. Проем открытой двери. Ничто. Взгляд скользнет мимо тебя. Сознание не отметит твоего присутствия. Ты — ничто и никто.

Ник предпринял еще одну попытку. Он зажмурился, представил, как постепенно сливается с каменной кладкой мавзолея, становится тенью в ночи и ничем более, и чихнул.

— Ужасно,— вздохнул мистер Пенниурт.— Просто ужасно. Думаю, мне следует обсудить это с твоим опекуном.—

Учитель покачал головой. — Итак, темпераменты. Перечисли их.

— Э-э... Сангвиник, холерик, флегматик и еще один, кажется, меланхолик.

Обучение шло своим чередом, и вот настала очередь грамматики и композиции. Их преподавала мисс Летиция Борроу, старая дева из местного прихода. (За всю свою жизнь она не причинила вреда ни единой живой душе. Читатель, можешь ли ты сказать о себе то же самое?) Нику нравилась мисс Борроу, ее уютный маленький склеп, а также то, что она легче легкого отвлекалась от темы урока.

— Говорят там, в неовся... неосвященной земле, лежит ведьма.

— Да, милый. Но тебе не следует заходить за ограду.

— А почему?

Мисс Борроу широко улыбнулась улыбкой мертвеца.

— Там люди не нашего круга.

— Но тоже кладбище, верно? В смысле — мне не запрещено там появляться, если я захочу?

— И все же не рекомендуется, — настаивала мисс Борроу.

Ник был послушным, но любопытным, и потому, когда на эту ночь все уроки закончились, прошел мимо пекаря Харрисона Вествуда и его семейного памятника — ангела с отбитой головой, — но не стал спускаться с холма. Вместо этого мальчик отправился вдоль склона, туда, где росла большая яблоня — в память о каком-то пикнике тридцатилетней давности.

Ник уже успел усвоить кое-какие уроки. Года четыре назад он наелся до отвала неспелых яблок с этой яблони, кислых, с еще белыми зернышками, и потом несколько дней очень об этом сожалел, мучаясь коликами и выслушивая наставления миссис Оуэнс о том, чего есть не следует. После того случая он стал дожидаться, пока яблоки поспеют, и не съедал больше двух-трех штук за ночь. Последние яблоки он сорвал с дерева на прошлой неделе, но яблоня нравилась ему и сама по себе, как место, где хорошо думается.

Ник вскарабкался к своему любимому месту в развилке двух ветвей, окинул взглядом землю горшечника — залитый

лунным светом пятачок, заросший сорняками, низкорослым кустарником и некошеной травой — и принялся размышлять, что за ведьма там похоронена. Старая, с железными зубами, из тех, что путешествуют в избушке на курьих ножках, или худая и летавшая на помеле?

Через какое-то время Ник почувствовал, что голоден. И зачем только он съел все яблоки с яблони? Если б он оставил хоть одно...

Мальчик оглядел дерево, и ему показалось, будто в листьях что-то есть. Он внимательно присмотрелся. Да, действительно яблоко, красное и спелое.

Ник гордился своим умением лазить по деревьям. Раскачиваясь, он перемахивал с ветки на ветку, воображая себя Сайласом, плавно взбирающимся на отвесную кирпичную стену. Яблоко — в лунном свете его красный бок казался почти черным — висело ровнехонько на границе досягаемости. Ник, медленно продвигаясь вперед, в конце концов оказался точно под яблоком. Он протянул руку вверх и коснулся безупречного плода.

Но мальчику так и не суждено было полакомиться.

Раздался треск, громкий, словно выстрел из охотничьего ружья — сук под ним надломился.

Ник пришел в себя от боли, острой, как лед, яркой, как вспышка молнии, и обнаружил, что лежит в зарослях травы.

Земля под ним была довольно мягкой и странно теплой. Ник пошарил под собой. Рука наткнулась на что-то вроде меха. Оказалось, он приземлился в кучу накошенной травы, на то место, куда ее выбрасывает кладбищенский садовник, и это смягчило падение. Однако в груди что-то болело, и нога ныла так, будто он ее подвернул.

Ник застонал.

— Тсс! Тише! — раздался сзади чей-то голос. — Откуда ты взялся? Свалился как гром среди ясного неба. Что за манера — так себя вести?

— Я сидел на яблоне, — попытался оправдаться Ник.

— А! Дай-ка взглянуть на твою ногу. Готова поручиться, она у тебя хрустнула, словно ветка.

Холодные пальцы пробежались по ноге Ника.

— Нет, не сломана. Вывихнута — да. Возможно, и растяжение есть. Тебе чертовски повезло, мальчик, что ты упал в эту кучу. До свадьбы заживет.

— Вот хорошо! — обрадовался Ник. — Только больно.

Он откинул голову и посмотрел вверх, стараясь разглядеть незнакомку. Она была старше его, но не взрослая, вид у нее был и не дружелюбный, и не враждебный. Скорее, настороженный. Лицо было умным и даже, пожалуй, красивым.

— Меня зовут Ник, — представился он.

— Тот самый живой мальчик?! — воскликнула незнакомка.

Ник кивнул.

— Я так и думала, что это ты, — сказала она. — Даже тут, на земле горшечника, мы о тебе слышали. Как твое полное имя?

— Оуэнс, — ответил Ник. — Оуэнс Никто. Сокращенно Ник.

— Как поживаешь, молодой мастер Ник?

Он осмотрел девочку с головы до ног. На ней была белая сорочка до пят. В лице, окаймленном блеклыми длинными волосами, угадывалось что-то гоблинское — какой-то намек на усмешку, таящийся в уголках губ.

— Ты самоубийца? — поинтересовался Ник. — Или ты украла шиллинг?

— В жизни ничего не крада, — дерзко произнесла девочка, — даже носовой платок. И вообще, самоубийцы лежат вон там, за боярышником, а оба висельника — у ежевики. Один из них был фальшивомонетчиком, а другой — разбойником с большой дороги. Во всяком случае, он утверждал именно это. Хотя лично я думаю, что в лучшем случае он был обычным грабителем.

— А! — отозвался Ник. Затем в душе его зародилось сомнение, и он нерешительно добавил: — Говорят, будто здесь покоится ведьма...

Девочка кивнула.

— Утоплена, сожжена и похоронена даже без могильного камня.

— Это ты?! Это тебя утопили и сожгли сразу?

Девочка уселась на груду скошенной травы рядом с Ником и взялась холодными руками за его пульсирующую ногу.

— Они пришли ко мне в хижину на рассвете, когда я еще не проснулась толком, и вытащили меня на луг. Они орали: «Ведьма!» Они были жирные и свежевывмытые, аж розовые — розовые, словно стадо свиней, отмытых к базарному дню. Они выходили вперед один за другим и твердили про скисшее молоко и захромавших лошадей. Последней вышла госпожа Джемайма, самая жирная, розовая и отмытая из всех, и поведала, что Соломон Поррит больше ее не замечает, а вместо этого ошивается вокруг моей хижины, как оса вокруг горшочка с медом, и все из-за моей магии — так она заявила. Дескать, это магия сделала его таким, и надо снять чары с несчастного. Потом они привязали меня к позорному стулу и опустили с головой в пруд для уток, сказав, что если я ведьма, то не утону, а если не ведьма, то должно подействовать. Отец госпожи Джемаймы дал каждому по серебряному четырехпенсовику и велел подольше держать стул под этой мерзкой зеленой водой — чтоб наверняка.

— И ты захлебнулась?

— О да. Воды в меня влилось под завязку. На меня подействовало.

— Так значит, ты не ведьма... — охнув, протянул Ник.

Девочка посмотрела на него своими круглыми и блестящими, словно бусинки, глазами, и криво улыбнулась. Она по-прежнему походила на гоблина, но теперь это был хорошенький гоблин, и Ник подумал, что ей вовсе не нужна была магия для привлечения внимания Соломона Поррита — с такой-то улыбкой!

— Чушь какая! Конечно, я была ведьмой. Они в этом убедились, когда отвязали меня от позорного стула и растянули на траве, мертвую на девять десятых, всю с головы до ног в ряске и какой-то вонючей дряни из пруда. Я закатила глаза и прокляла всех и каждого, кто тем утром был на деревенском лугу, чтобы никто из них не обрел покоя в могиле. Я сама удивилась, как, оказывается, легко проклинать. Это как в танце, когда ты и музыки такой слыхом не слыхивал, а ноги сами пускаются в пляс, и в итоге ты веселишься до утра.

Девочка встала, закружилась, вскинула ногу, голая ступня мелькнула в лунном свете.

— Вот так я прокляла их своим последним хрипом, в котором клочкотала вода из пруда. А потом умерла. Эти люди жгли мое тело прямо там, на лугу, пока оно не стало черным, как угли, а потом бросили его в яму в земле горшечника, даже не поставив камня с моим именем.

После этих слов девочка умолкла, и на мгновение вид у нее сделался тоскливым.

— И что, кого-нибудь из них похоронили на этом кладбище? — осведомился Ник.

— Никого, — подмигнула девочка. — В следующую субботу, после того как они утопили и сожгли меня, господину Поррингеру доставили ковер — отлично вытканый, из самого Лондона! Но оказалось, что ковер состоял не только из прочной и качественной шерсти — он нес с собой чуму. В воскресенье пятеро из них уже кашляли кровью, и кожа их сделалась черной, как у меня после костра. Неделью спустя чумой заразилась почти вся деревня, трупы беспорядочно побросали в чумную яму, которую вырыли за городом.

— И что, все жители деревни умерли?

Девочка пожала плечами.

— Все, кто смотрел, как меня топили и жгли. Как твоя нога?

— Лучше, — сказал Ник. — Спасибо.

Он медленно поднялся, спустился, прихрамывая, с кучи травы и прислонился к железной ограде.

— Так ты с самого начала была ведьмой? — поинтересовался он. — В смысле — до того, как прокляла их всех?

— Можно подумать, — фыркнув, отозвалась девочка, — нужна была магия для того, чтобы Соломон Поррит стал ошиваться вокруг моей хижины.

Ник решил, что это вовсе не ответ на его вопрос, и предпочел перейти на другую тему.

— Как твое имя? — спросил он.

— У меня нет надгробия, — напомнила девочка, поджав губы. — И имя может быть любым. Верно?

— Но ведь тебя как-то звали.

— Лиза Хэмпсток, если тебе так интересно, — резко ответила она и добавила: — Я ведь прошу совсем немного! Хотя что-нибудь себе на могилу. А то я лежу там, внизу, и место это не отмечено ничем, кроме крапивы.

На миг она сделалась такой печальной, что Нику захотелось обнять ее. А потом, когда он уже протискивался между прутьями ограды, его вдруг осенило. Он добудет для Лизы Хэмпсток могильный камень с ее именем. Он сделает это, чтобы она чаще улыбалась.

Перед тем как взобраться на холм, Ник повернулся, намереваясь помахать на прощание, но Лиза уже исчезла.

На кладбище имелись обломки надгробий и статуй с разных могил, но Ник знал, что они совершенно не подходят для сероглазой ведьмы с земли горшечника. Нужно что-то другое. Ник решил не делиться ни с кем своим замыслом, поскольку вполне обоснованно предполагал, что ему велят оставить эту затею.

Следующие несколько дней в его голове роились планы, один сложнее и сумасброднее другого. Мистер Пенниурт впал в отчаяние.

— Я думаю, — объявил он, почесывая серовато-коричневые усы, — что если у тебя и наблюдаются перемены, то только к худшему. Ты не истаиваешь. Ты бросаешься в глаза, парень. Тебя трудно не заметить. Полагаю, если б ты явился ко мне в компании фиолетового льва, зеленого слона и короля Англии в парадном облачении, верхом на алом единороге, люди все равно обратили бы внимание на тебя и только на тебя, а от остальных отмахивались бы, как от мелкой помехи.

Ник смотрел на учителя и молчал. Он размышлял, существуют ли в тех местах, где обитают живые, специальные магазины по продаже надгробий, и если да, то как бы ему добраться до них и подыскать подходящее. Истаивание его мало волновало.

Ник воспользовался способностью мисс Борроу отвлекаться от грамматики и композиции и болтать о чем угодно и расспросил ее о деньгах: как именно они работают, и как ими воспользоваться, чтобы получить желаемую вещь. У Ни-

ка было несколько монет, найденных на протяжении последних лет. (Мальчик выяснил, что лучше всего искать деньги там, где влюбленные парочки целуются, обнимаются и валяются на кладбищенской травке, и часто находил монетки именно в таких местах.) И вот наконец-то они могли Нику пригодиться.

— А сколько стоит надгробие? — спросил он у мисс Бору.

— В мое время, — ответила она, — надгробие стоило пятнадцать гиней. Сколько стоит сейчас — даже не представляю. Полагаю, что больше. Намного больше.

Богатство Ника составляло пятьдесят три пенса — явно недостаточная сумма.

С того дня, как Ник побывал в могиле Синего Человека, прошло четыре года — половина его жизни. Но он до сих пор помнил дорогу. Мальчик поднялся на вершину холма, к склепу Фробишеров, похожему на гнилой зуб, и оказался над всем городом — даже выше верхушки яблони и шпиля разрушенной церкви. Ник забрался в склеп и начал спускаться, вниз, вниз и вниз, по маленьким каменным ступеням, высеченным в центре холма, и до самого его основания, в каменный зал. Было темно, словно в глубокой шахте, но Ник видел не хуже мертвых, и могила открыла перед ним свои тайны.

Вдоль стены, выложенной внутри могильного холма, вытянулась Стража. Все оставалось таким же, как запомнилось Нику: струйки дыма, ненависть и алчность. Однако на этот раз Ник не испытывал страха.

«Бойся меня, — прошипела Стража. — Я охраняю вещи драгоценные и никогда не теряющиеся».

— Я тебя не боюсь, — сказал Ник. — Помнишь меня? Мне нужно кое-что взять.

«Ничто никогда не уйдет, — донесся из тьмы голос свернувшейся кольцами твари. — Нож, брошь, кубок. Я храню их во тьме. Я жду».

В центре зала лежала каменная плита, а на ней — нож, украшенный камнями, брошь и кубок.

«Господин поместил нас сюда, на равнину, зарыл наши черепа под этим камнем, оставил нас здесь, научив, что мы

должны делать. Мы стережем сокровища до тех пор, пока господин не вернется».

— Думаю, он про вас забыл, — заметил Ник. — Уверен, что он уже давным-давно умер.

«Мы — Стража. Мы охраняем».

Ник попытался прикинуть, когда на месте холма была равнина, на которой и располагалась самая глубокая могила. В конечном итоге он решил, что это было очень-очень давно. Ник чувствовал, как Стража обвивает вокруг него свои волны страха, словно усики какого-то плотоядного растения. Мальчик ощутил холод и скованность, как будто полярная гадюка укусила его в сердце, и ледяной яд медленно растекается по телу.

Ник шагнул вперед, к каменной плите, наклонился, пальцы его сомкнулись на холодной броши.

«Это принадлежит господину! — зашипела Стража. — Мы храним это для господина!»

— Он не будет возражать, — попытался успокоить Ник.

Мальчик отступил на шаг и двинулся к каменным ступеням, обходя иссохшие останки людей и животных.

Стража в гневе забилась, извиваясь в крохотной камере, словно призрачный дым. Потом движения ее замедлились. «Вернется, — наконец произнесла Стража своим троящимся голосом. — Они всегда возвращаются».

Ник постарался как можно быстрее пробежать по каменным ступеням и выбраться наверх. В какой-то момент ему показалось, будто его преследуют, но когда он выскочил в склеп Фробишеров, позади не чувствовалось никакого движения.

Ник уселся на вершине холма, под открытым небом, с брошью в руках. Сначала ему показалось, будто она полностью черная, но когда встало солнце, мальчик увидел, что камень, окруженный черным металлом, был размером с яйцо малиновки и искрился красным. Внутри него словно что-то бурлило и вращалось. Ник погрузился взглядом и мыслями в темно-красный мир, раздумывая, не движется ли кто внутри драгоценности. Будь Ник помладше, ему захотелось бы сунуть эту штуку в рот.

Камень находился в тисках черного металла, сделанного в виде когтей, и был опоясан изображением какого-то суще-

ства, похожего на змею, только с множеством голов. Интересно, не так ли выглядит Стража при дневном свете?

Ник спустился с холма, срезая путь, где только можно — через спутанный плющ, через склеп рода Бартлеби (слышно было, как внутри ворчат укладывающиеся спать члены семьи), вниз и вниз, через прутья ограды. Наконец он оказался на земле горшечника.

— Лиза! Лиза! — позвал Ник и огляделся по сторонам.

— Доброе утро, увалень, — раздался знакомый голос.

В свете раннего утра мальчик увидел тень под боярышником. Когда он подошел ближе, эта тень собралась в нечто прозрачно-жемчужное. Нечто похожее на девочку. Нечто с серыми глазами.

— Мне спать полагается, — пробурчала она. — Что тебя сюда принесло?

— Твое надгробие, — ответил Ник. — Как считаешь, что должно быть на нем написано?

— Мое имя, — сказала Лиза. — На нем должно быть мое имя, с большой буквой «Е» — Елизавета, как у старой королевы, которая умерла, когда я родилась, — и с большой «Х» — Хэмпсток. Этого хватит, я все равно так и не выучила остальные буквы.

— А даты? — спросил Ник.

— Год Вильгельма Завоевателя, тысяча шестьдесят шестой, — пропела девочка вместе с шепотом утреннего ветерка в кроне боярышника. — Большое «Е», пожалуйста. И большое «Х».

— А чем ты при жизни занималась? — поинтересовался Ник. — В смысле, кроме колдовства.

— Я была прачкой, — только и успела произнести мертвая девочка.

Тут пустошь залили лучи рассветного солнца, и Ник остался один.

Было девять утра — время, когда мир спит. Но Ник твердо решил бодрствовать. В конце концов, у него важное дело. Ему уже восемь лет, и мир за пределами кладбища его не страшит.

Одежда. Ему потребуется одежда. Ник понимал, что обычный его наряд — серый саван — никак не подойдет. Он хорош для кладбища, с его цветом теней и камня. Но если Ник со-

бирается выйти в мир, расположенный за кладбищенскими стенами, ему нужно будет влиться в ту обстановку.

В подземной часовне под разрушенной церковью имелась кое-какая одежда, но туда Ник идти не хотел. Хотя он и готов был оправдываться перед мистером и миссис Оуэнс, но совершенно не готов был объясняться с Сайласом. При одной лишь мысли о гневном — или, хуже того, разочарованном — взгляде опекуна Нику делалось стыдно.

В дальнем конце кладбища находилась хижина садовника — маленький зеленый домишко, от которого пахло моторным маслом. Там, наряду с множеством отслуживших свое садовых инструментов, стояла и ржавела без дела старая сенокосилка. Хижина оставалась заброшенной с тех самых пор, как последний садовник уволился — было это еще до рождения Ника, — и теперь уход за кладбищем делили между собой совет (раз в месяц, с апреля по сентябрь, он отправлял кого-нибудь подстричь траву) и местные добровольцы.

Содержимое домика оберегал большущий амбарный замок, но Ник давным-давно обнаружил в задней стене отстающую доску. Иногда, когда ему хотелось побыть одному, он забирался в хижину посидеть и подумать.

Сколько он себя помнил, на двери висели джинсы в пятнах травы и коричневая рабочая куртка, не то позабытая, не то оставленная много лет назад. Джинсы были чересчур велики, но Ник подвернул штанины так, чтобы не наступать на них, соорудил ремень из коричневой бечевки и подпоясался. В углу стояли ботинки, и Ник попытался надеть их, но они оказались настолько большими и были покрыты таким слоем грязи и бетона, что мальчик едва волочил ноги, да и то ботинки не сразу отрывались от пола. Ник через щель выпихнул наружу куртку, вылез сам, а потом уж надел ее. И решил, что если закатать рукава, то получится очень даже ничего. У куртки имелись большие карманы; Ник засунул в них руки и почувствовал себя настоящим денди.

Он подошел к главным воротам кладбища и выглянул наружу. Мимо с дребезжанием проехал автобус; улица, на которой уже открылось множество магазинов, была заполнена машинами и шумом. За спиной у Ника раскинулся прохлад-

ный зеленый полумрак, заросший деревьями и плющом,— его дом.

С колотящимся сердцем мальчик вышел в большой мир.

За все время работы Эбенейзеру Болджеру довелось пови-
дать немало странных типов. Если бы вы держали такую ла-
вочку, как у Эбенейзера, вы бы тоже не избежали этой уча-
сти. Затерянная в лабиринте улочек Старого города, лавчон-
ка, напичканная всяким старьем, являла собой в то же время
и антикварный магазинчик, и ломбард (даже сам Эбенейзер
не сказал бы с уверенностью, что где располагается) и при-
тягивала странных типов и чудной народ. Одни хотели что-то
купить, другим нужно было что-то продать. Эбенейзер Бол-
джер стоял за прилавком, выполняя эти операции, но куда
более выгодная торговля шла в задней комнатке: там в его
руки попадали вещи, которые нельзя было приобрести за-
конным путем, затем они тихонько уплывали на сторону.
Бизнес Эбенейзера был настоящим айсбергом, и маленькая
пыльная лавчонка — лишь видимой его частью. Все прочее
было скрыто под водой, и такое положение дел вполне устраи-
вало Эбенейзера Болджера.

На носу лавочника красовались очки с толстыми стекла-
ми. С лица не сходило выражение легкого отвращения, буд-
то он совсем недавно понял, что молоко, добавленное в чай,
скисло, и теперь не может избавиться от неприятного привку-
са во рту. Эта гримаса была очень полезной в те моменты,
когда ему пытались продать что-либо. «Честно говоря,— из-
рекал Болджер с мрачным видом,— эта вещь ничего не стоит.
Но я вам заплачу, сколько смогу, из сентиментальных со-
ображений». В общем, если кому-то удалось получить от Эбе-
нейзера Болджера хотя бы часть желаемого — считайте, ему
повезло.

Бизнес лавочника притягивал необычных людей, но маль-
чишка, явившийся тем утром, был самым странным на памя-
ти Эбенейзера — самым странным за все то время, что он об-
манывал чудаков, покупая их вещи. На вид мальчишке было
лет семь, но он напялил на себя одежду своего деда. От него
воняло садовым сараем. Волосы у него были длинные и не-

чесанные, а вид — чрезвычайно серьезный. Руки он держал в карманах пыльной коричневой куртки, но, несмотря на это, Эбенейзер заметил, что в правой руке мальчишка крепко сжимает какой-то предмет.

— Прощу прощения, — начал маленький посетитель.

— Здравствуй, сынок, — осторожно отозвался Эбенейзер Болджер.

«Ох уж эти дети! — подумал он. — Вечно они то сопрут что-нибудь, то попытаются продать свои игрушки!» Обычно он в обоих случаях говорил «нет». Стоит купить у мелюзги краденую вещь, и на тебя тут же свалится разъяренный взрослый, обвиняющий в том, что ты дал крошке Джонни или Матильде десятку за его обручальное кольцо. С этими детьми хлопот не оберешься, а толку мало.

— Мне нужно кое-что приобрести для моего друга, — продолжил мальчишка. — И я подумал — может, вы купите у меня одну вещь.

— Я ничего не покупаю у детей, — категорично заметил Эбенейзер Болджер.

Ник вытащил руку из кармана и положил брошь на грязный прилавок. Болджер бросил на нее мимолетный взгляд, затем присмотрелся внимательней. Он снял очки, взял с прилавка лупу и стал внимательно изучать брошь.

— Змеиный камень? — пробурчал он себе под нос.

Затем отложил лупу, снова надел очки и уставился на мальчишку мрачно и с подозрением.

— Где ты ее взял? — поинтересовался Эбенейзер Болджер.

— Вы ее купите? — вместо ответа спросил Ник.

— Ты украл эту брошь. Стащил из музея или еще откуда-то. Верно?

— Нет! — отрезал Ник. — Так вы ее берете, или я иду искать другого покупателя?

Кислая мина исчезла с лица Эбенейзера Болджера. Внезапно он сделался сама любезность и широко улыбнулся.

— Извини, — смягчился он. — Просто нечасто можно увидеть подобные вещи. Во всяком случае, в магазинчике вроде моего. Вообще за пределами музея. Но она мне определенно

нравится. Давай-ка выпьем чаю с шоколадным печеньем — у меня в подсобке есть пакетик — и обсудим, сколько она может стоить. Идет?

Когда продавец повел себя дружелюбно, Ник наконец смог перевести дух.

— Мне нужно столько денег, чтобы хватило на надгробие, — сказал он. — Для одного моего друга. На самом деле она не мой друг. Просто знакомая. Понимаете, она помогла мне подлечить ногу.

Эбенейзер Болджер, не обращая внимания на лепет мальчишки, повел его за прилавок и отворил дверь в подсобку — маленькую комнатку без окон, сплошь заставленную картонными коробками со всяким хламом. Также там были ящик со скрипками, множество чучел животных, стулья без сидений, книги и гравюры. В углу находился большой старый сейф.

Рядом с дверью был втиснут маленький стол. Эбенейзер Болджер отодвинул единственное кресло и уселся, оставив Ника стоять. Торговец пошарил в ящике стола, в котором Ник успел заметить наполовину выпитую бутылку виски, вытащил почти пустой пакет с печеньем и предложил его мальчишке. Затем Болджер включил настольную лампу и снова стал рассматривать брошь — красно-оранжевые переливы в камне и кайму из черного металла. Когда Эбенейзер увидел морды змееподобных тварей, его слегка передернуло.

— Это старая вещь, — наконец произнес он и подумал про себя: «И бесценная». — Возможно, она не особо много стоит, хотя всякое бывает.

У Ника вытянулось лицо. Торговец попытался напустить на себя доброжелательный вид.

— Впрочем, мне нужно быть уверенным, что она не украдена, прежде чем я смогу дать тебе хоть пенни. Где ты ее взял — в мамочкином туалетном столике? Или стащил из музея? Не стесняйся, говори. Я тебе ничего не сделаю. Мне просто нужно знать.

Ник покачал головой. Он с трудом грыз печенье.

— Тогда где?

Ник молчал.

Эбейзеру Болджеру не хотелось выпускать брошь из рук, но он подтолкнул ее через стол к мальчишке.

— Если ты не можешь быть откровенным, лучше забери ее,— заявил торговец.— В конце концов, друг другу нужно доверять. Приятно было иметь с тобой дело. Жаль, что не удалось довести сделку до конца.

В глазах Ника появилась тревога.

— Я нашел ее в старой могиле,— наконец выдавил он.— Но точно не могу сказать, где именно.

Мальчик осекся, потому что благодушное выражение на лице Эбейзера Болджера сменилось неприкрытой алчностью и возбуждением.

— И много там осталось подобных вещей?

— Если вы не хотите ее покупать, я найду кого-нибудь другого,— отрезал Ник.— Спасибо за печенье.

— Ты, никак, торопишься? — поинтересовался Болджер.— Что, папочка с мамочкой ждут?

Мальчишка отрицательно помотал головой и тут же пожалел об этом.

— Значит, никто не ждет. Отлично.— Эбейзер снова взял брошь.— А теперь отвечай, где именно ты ее нашел. Ну?

— Не помню,— отозвался Ник.

— Поздно! — повысил голос торговец.— Пожалуй, тебе стоит немного поразмышлять о том, откуда она взялась. А когда надумаешь, мы с тобой поговорим, и ты мне все расскажешь.

Эбейзер встал, вышел из комнаты, закрыл за собою дверь и запер ее большим металлическим ключом.

Потом он разжал кулак, посмотрел на брошь и жадно улыбнулся.

Тут звякнул колокольчик над входной дверью, сообщая о приходе посетителя. Болджер с виноватым видом поднял голову, но никого не увидел, однако в оставленную щель врывался воздух с улицы. Болджер захлопнул дверь. Заодно лавочник перевернул табличку, которая теперь гласила: «Закрыто». В довершение Эбейзер задвинул засов. На сегодня ему непрощенные и любопытные гости ни к чему.

Осенний день из солнечного превратился в пасмурный, и в грязное окно лавочки негромко постукивал дождик.

Эбенейзер Болджер снял трубку с телефона, стоящего на прилавке, и чуть дрожащей рукой набрал несколько цифр.

— Том, кажется, нам подфартило, — произнес он. — Мчи сюда как можно быстрее.

Ник услышал щелчок запираемого замка и понял, что очутился в западне. Он подергал дверь, но та не поддавалась. Мальчик почувствовал себя дураком: так глупо попался! Нужно было следовать своему первому порыву и убираться из этой лавочки как можно дальше и как можно скорее. Ник нарушил основные правила кладбища, и в итоге все пошло не так. Что скажет Сайлас? Или Оуэнсы? Ник ощутил, как его охватывает паника, и постарался заглушить беспокойство. Все будет хорошо, он уверен в этом. Конечно, сначала нужно выбраться отсюда...

Ник осмотрел комнату, ставшую для него ловушкой. Это был обычный чуланчик, в который поставили стол. Выбраться из него можно было только через дверь.

Ник выдвинул ящик стола. Там не было ничего интересного, помимо баночек с красками (чтобы подновлять старые вещи) и кисточки. А если бросить краску этому типу в лицо? Тогда он ослепнет на какое-то время, и можно будет сбежать. Ник открыл баночку и сунул палец в краску.

— Что ты делаешь? — раздался голос у него над ухом.

— Ничего, — ответил Ник, быстро закрыв баночку и сунув ее в один из огромных карманов куртки.

Лиза Хэмпсток скептически посмотрела на мальчика.

— Ты почему тут сидишь? — спросила она. — И что за старый жирный мешок торчит под дверью?

— Хозяин магазина. Я пытался кое-что продать.

— Зачем?

— Не твое дело!

Лиза фыркнула.

— Возвращался бы ты лучше на кладбище!

— Не могу. Он меня запер.

— Еще как можешь! Просто пройди сквозь стену...

Ник покачал головой.

— Нет. Когда я был совсем маленьким, мне предоставили полную кладбищенскую свободу, но только дома я имею право проделывать подобные штуки.

Он поднял голову и взглянул на Лизу при электрическом свете. Ее трудно было разглядеть как следует, к тому же Ник всю жизнь общался с мертвыми в полумраке.

— И вообще, что ты сама тут делаешь? Чего вдруг ты вышла за пределы кладбища? Сейчас же день. И ты не Сайлас. Тебе полагается там оставаться.

— Это правило для тех, кто лежит на кладбище, а не для тех, кто похоронен в неосвященной земле, — сообщила Лиза. — Никто не может указывать мне, что делать и куда ходить.

Она сердито взглянула на дверь.

— Не нравится мне этот человек! Пойду посмотрю, что он делает.

Легкое колебание воздуха — и Ник снова остался один в комнатухе. До него донесся отдаленный раскат грома.

Эбенейзер, владелец «Древностей Болджера», сидел в темноте посреди своего многочисленного хлама. Ему показалось, что на него кто-то смотрит, и он с подозрением поднял голову, но сразу отгнул эти мысли.

«Мальчишка закрыт в подсобке, — рассудил он. — Входная дверь заперта».

Торговец полировал металл, оплетающий змеиный камень, осторожно и бережно, словно археолог в раскопе, удаляя черноту и открывая блеск серебра.

Он уже начал сожалеть, что вызвал сюда Тома Хастингса, хотя Хастингс был здоровяком и отлично умел наводить страх на людей. Еще Болджер сожалел, что драгоценность придется продать. Украшение было необыкновенным. Чем сильнее брошь начинала блестеть под светом маленькой настольной лампы, тем больше Эбенейзеру хотелось, чтобы она принадлежала ему и только ему.

Но, впрочем, там, где мальчишка нашел ее, есть еще. Маленький негодник все ему расскажет и ответит его к...

Во входную дверь постучали.

Болджер подошел, пытаясь сквозь дождь разглядеть фигуру посетителя.

— Эй, пошевеливайся! — крикнул ему Том Хастингс. — Тут паршиво! Жуть просто. Я весь вымок!

Болджер отпер засов, и Том Хастингс протиснулся в проем. С его плаща и волос стекала вода.

— Чего у тебя тут такого важного, что ты не мог сказать об этом по телефону?

— Наше состояние, — с кислой миной ответил Эбенейзер Болджер. — Вот чего.

Хастингс снял плащ и повесил на вешалку у входа.

— И что же это? Проезжал грузовик, и с него свалилось золото?

— Сокровище, — заговорщицки подмигнул Эбенейзер Болджер.

Он подвел приятеля к прилавку и показал ему на брошь, лежащую в пятне света.

— Она старая, да?

— Еще с языческих времен, — кивнул головой торговец. — Нет, древнее. Со времен друидов. Она сделана до прихода римлян. Это — змеиный камень. В музеях мне приходилось встречать подобные камушки. Но настолько искусной работы по металлу я не видел никогда. Должно быть, украшение принадлежало королю. Малый, который принес эту брошь, говорит, что нашел ее в могиле. Думаю, там курган, набитый сокровищами.

— Может, стоит законно этим заняться? — с сомнением протянул Хастингс. — Сказать, что нашли клад. Нам за него заплатят по рыночной стоимости. Можно будет присвоить ему наше имя. Клад Хастингса—Болджера.

— Болджера—Хастингса, — машинально поправил его Эбенейзер, потом продолжил: — Я знаю кое-каких людей с серьезными деньгами, они заплатят больше рыночной стоимости за возможность держать такую вещь в руках, вот как ты сейчас. И при этом не будут задавать лишних вопросов.

Том Хастингс погладил брошь, нежно, словно котенка. Торговец протянул руку, и Том неохотно передал брошь ему.

Двое мужчин принялись спорить, обсуждая преимущества и недостатки обоих вариантов: объявить брошь кладом или заставить мальчишку показать им, где лежат сокровища. Им уже рисовалась огромная пещера, заполненная драго-

ценностями. В ходе дебатов Эбейзер вытащил из-под прилавка бутылку терновки и щедро наполнил два стакана — «чтоб голова лучше соображала».

Лизе вскоре надоело слушать их спор, двигавшийся по кругу, подобно юле, и ни к чему не приводящий. Она вернулась в чулан и обнаружила, что Ник стоит посреди комнатухи, крепко зажмурившись и стиснув кулаки, лицо его искалось, словно от зубной боли, и побагровело от задержки дыхания.

— А теперь ты чего делаешь? — все так же скептически поинтересовалась она.

Ник открыл глаза и расслабился.

— Пытаюсь истаять, — отозвался он.

Лиза фыркнула.

— Попробуй еще раз.

Ник повторил попытку, на этот раз еще дольше стараясь не дышать.

— Прекрати! — велела Лиза. — Не то лопнешь!

Ник выпустил воздух.

— Ничего не выходит, — признался он. — Может, мне удастся стукнуть его камнем и просто удрать...

Камней поблизости не было, поэтому Ник взял пресс-папье из цветного стекла и взвесил в руке, прикидывая, получится ли бросить его с такой силой, которая остановит Эбейзера Болджера.

— Их там уже двое, — сообщила Лиза. — Если один тебя не сцапает, то сцапает второй. Они хотят, чтобы ты показал им, где взял брошь, и тогда они разроют могилу и заберут сокровища. — Лиза покачала головой. — Как тебя утормозило сотворить такую глупость? Ты же знаешь правила насчет выхода за пределы кладбища. Ты сам нарвался на неприятности.

Ник почувствовал себя глупцом и ничтожеством.

— Я хотел раздобыть надгробие для тебя, — тихо произнес он. — И думал, что оно дорого стоит. Вот я и решил продать ему брошь и купить надгробие.

Лиза промолчала.

— Ты сердишься?

Девочка покачала головой.

— Ты первый за последние пять сотен лет, кто старается ради меня,— сказала она с тенью гоблинской улыбки.— С чего мне сердиться? Кстати, а что ты делаешь, когда пытаешься истаять?

— То, что мне говорил мистер Пенниурт. «Я — пустой переулок. Проем открытой двери. Ничто. Взгляд скользнет мимо меня. Сознание не отметит моего присутствия. Я — ничто и никто». Только у меня не выходит.

— Это потому, что ты живой,— фыркнула Лиза.— У живого человека это никогда не получится. У нас, мертвых, это срабатывает, ведь нам приходится бороться за лучшие времена, когда нас наконец станут замечать.

Девочка обхватила себя за плечи и начала раскачиваться взад-вперед, словно спорила с кем-то. Затем она произнесла:

— Ты влез в это из-за меня... Иди сюда, Никто Оуэнс.

Ник подошел — в крохотной комнатухе для этого хватило шага,— и Лиза положила ему на лоб холодную руку. Прикосновение напоминало влажный шелк.

— Ну-ка,— продолжила она.— Возможно, я смогу оказать тебе услугу.

И с этими словами Лиза забормотала что-то себе под нос, так, что Ник не мог разобрать ни слова. Потом она громко и отчетливо произнесла:

Пеплом, прахом, тьмой ночной,
Как пушинка над волной,
Тенью тайной пронесись,
Сном забытым растворись!

Что-то огромное коснулось Ника, прошлось, словно щеткой, с головы до ног. Мальчик задрожал и покрылся гусиной кожей, по телу побежали мурашки.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Протягиваю тебе руку помощи,— отозвалась Лиза.— Я, может, и мертвая, но ведьма, помнишь об этом? И мы ничего не забываем.

— Но...

— Тсс! — шикнула на него Лиза.— Они возвращаются. Заскрежетал замок чулана.

— Эй, дружок,— раздался голос, которого Ник прежде не слышал.— Я уверен, мы с тобой поладим.

С этими словами Том Хастингс отворил дверь, но тут же застыл в дверном проеме, с озадаченным видом озираясь по сторонам. Это был редкий здоровяк, рыжий, словно лиса, и с красным носом выпивохи.

— Эбенейзер! Ты ж вроде говорил, что он в каморке!

— Да, именно,— донесся сзади голос Болджера.

— А по-моему, от него тут ни слуху ни духу.

Из-за рыжего здоровяка высунулся Болджер и оглядел комнатку.

— Спрятался,— удрученно заметил он, глядя в точности на то место, где стоял Ник.— Зря скрываешься! — громко предупредил Эбенейзер.— Я тебя вижу! Вылезай-ка!

Двое мужчин вошли в чулан; Ник неподвижно стоял между ними, подобно столбу, и думал об уроках мистера Пенниурта. Мальчик не реагировал и не шевелился. Взгляды мужчин скользили мимо него.

— Ты пожалеешь, что не вышел, когда тебя звали! — пригрозил Болджер. Он закрыл дверь и обратился к своему приятелю: — Давай-ка, перекрой выход, чтобы мальчишка не удрал.

И Эбенейзер двинулся в обход; он заглянул за коробки, неловко наклонившись, посмотрел под стол, прошел совсем рядом с Ником и открыл шкаф.

— Я тебя вижу! — крикнул он.— Вылезай!

Лиза хихикнула.

— Что это было?! — удивился Том Хастингс, резко развернувшись.

— Я ничего не заметил,— возразил Эбенейзер.

Лиза хихикнула снова. Потом она сложила губы трубочкой и подула — раздался свист, перешедший в звук наподобие отдаленного шума ветра. Электрические лампочки в комнатшке зажужжали, замигали и наконец погасли.

— Чертовы пробки! — выругался торговец.— Пойдем отсюда. Это пустая трата времени.

Снова щелкнул ключ в замке, и Лиза с Ником остались одни.

— Он ушел,— сказал Эбенейзер Болджер.

Ник хорошо слышал эти слова через дверь.

— В этой комнате ему попросту негде спрятаться. Был бы он там, мы бы его увидели.

Молчание.

— Эй, Том Хастингс! Куда делась брошь?

— А? Что? Она у меня. Я храню ее.

— Хранишь? У себя в кармане? Странное место для хранения, как мне кажется. Сдается мне, ты намереваешься удрать с ней. Ты хочешь присвоить мою брошь!

— Твою брошь, Эбенейзер? Какую твою брошь? Ты хотел сказать — нашу?

— О чем ты? Нашу? Не припомню, чтобы ты был тут, когда я забирал ее у того мальчишки.

Снова надолго воцарилось молчание, потом Эбенейзер Болджер продолжил:

— Похоже, терновку мы допили. Что скажешь насчет доброго шотландского виски? У меня есть бутылочка в подсобке. Сейчас принесу.

Торговец отпер дверь в подсобку и вошел внутрь; в руках он держал трость и электрический фонарик, выражение его лица было даже более кислым, чем обычно.

— Если ты еще здесь, — со злостью буркнул он, — не вздумай удирать. Я позвонил в полицию, понял?

Эбенейзер пошарил в ящике стола, вытащил полупустую бутылку виски, а следом за ней — крохотную черную бутылочку.

— Брошь моя и только моя, — пробормотал он и тут же гаркнул: — Уже иду, Том!

Лавочник сердито осмотрел темное помещение, глядя мимо Ника, вышел, держа бутылку перед собой, и снова запер дверь.

— Давай, Том, снимай пробу, — донесся из-за двери голос Эбенейзера Болджера. — Подставляй стакан. Хороший глоток спиртного — и у тебя волосы на груди дыбом встанут. Скажешь, когда хватит.

Тишина.

— Дряннь виски, дешевка. А ты чего не пьешь?

— Да у меня от терновки живот прихватило. Минутку пожду, чтоб внутри успокоилось... — Последовала короткая пауза. — Слушай, Том, так куда ты подевал мою брошь?

— Твою? Это теперь твоя брошь? Ах ты... Что ты... Ах ты ж гад, ты мне что-то подмешал в виски!

— Если и так? Да на твоём лице написано все, что ты задумал, Том Хастингс! Вор!

Последовали крики, грохот, треск, несколько сильных ударов — казалось, что переворачивают мебель...

...потом все смолкло.

— А теперь быстро,— велела Лиза.— Надо вытащить тебя отсюда.

— Но ведь дверь заперта.— Ник посмотрел на девочку.— Ты можешь что-нибудь с этим сделать?

— Я? Нет, парень, не знаю никаких волшебных фокусов, которые бы вытащили тебя из запертой комнаты.

Ник присел и посмотрел в замочную скважину. Но ничего не было видно: в замке торчал ключ. Ник задумался, и через какое-то время лицо его на миг озарила улыбка, словно вспышка электрической лампочки. Он вытащил из коробки с вещами смятую газету, старательно расправил ее и подсунул под дверь так, чтобы с его стороны остался только небольшой уголок.

— Это что еще за игра? — нетерпеливо спросила Лиза.

— Мне нужно что-нибудь вроде карандаша, только потоньше,— отозвался Ник.— Ага, вот!

Он взял со стола кисточку, сунул острый кончик в замок, повертел немного и протолкнул чуть дальше.

Послышалось приглушенное звяканье — ключ выскочил из замка и приземлился на газету. Ник втянул ее обратно в комнату, уже вместе с ключом.

Лиза восторженно рассмеялась.

— Вот это умно, молодой человек! — восхитилась она.— Вы очень находчивы.

Ник вставил ключ в замок, повернул и отворил дверь подсобки.

Посреди тесной антикварной лавочки лежали двое мужчин. Мебель и вправду падала: повсюду были разбросаны осколки разбитых часов и остатки сломанных стульев. Посреди пола распростерлась здоровенная туша Тома Хастингса,

грохнувшегося поверх менее внушительного Эбенейзера Болджера. Оба не шевелились.

— Они умерли? — поинтересовался Ник.

— Зря надеешься, — ответила Лиза.

На полу рядом с мужчинами лежала сверкающая серебряная брошь: оранжево-алый камень в оправе когтей и змеиных голов, на мордах которых читались триумф, алчность и удовлетворение.

Ник сунул брошь в карман, в компанию к тяжелому стеклянному пресс-папье, кисточке и небольшой баночке с краской.

Мощенная булыжником улица была ярко освещена.

Лил дождь, и Ник быстро шел по Старому городу по направлению к кладбищенскому холму. Пока он сидел в подсобке, на смену пасмурному дню пришел вечер, и потому мальчик даже не удивился, когда воздух под фонарем сгустился, превращаясь в знакомую тень. Взметнувшийся полуночно-черный бархат обрисовал мужскую фигуру. Ник остановился.

Сайлас, скрестив руки на груди, нетерпеливо шагнул к нему.

— Ну? — произнес он.

— Извини, Сайлас, — начал Ник.

— Я в тебе разочаровался, — перебил Сайлас, покачав головой. — Я ищу тебя с того момента, как проснулся. От тебя так и веет неприятностями. И ведь знаешь, что тебе не дозволено выходить в мир живых!

— Да, знаю. Извини.

Капли дождя текли по лицу мальчика, словно слезы.

— Прежде всего нам нужно позаботиться о твоей безопасности.

Сайлас укрыл живое дитя полами своего плаща, и Ник почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

— Сайлас! — позвал он.

Опекун не ответил.

— Я немного испугался, — продолжал Ник. — Но я знал, что, если станет совсем плохо, ты придешь за мной. И еще там была Лиза. Она мне помогла.

— Лиза? — недовольно повторил Сайлас.

— Ведьма. С земли горшечника.
— Ты говоришь, она тебе помогла?
— Да. Особенно с истаиванием. Кажется, теперь я могу это делать.

— Ладно, расскажешь обо всем, когда вернемся домой,— проворчал Сайлас.

Ник затих и помалкивал до тех пор, пока они не приземлились рядом с церковью. Они зашли внутрь, в пустой вестибюль; дождь усилился и с удвоенной скоростью принялся стучать по лужам, поднимая легкие брызги.

— Теперь выкладывай,— велел Сайлас.

Ник во всех подробностях описал ему прошедший день. Когда мальчик закончил, учитель медленно и задумчиво покачал головой.

— Я влип в неприятности? — спросил Ник.

— Никто Оуэнс, у тебя действительно неприятности,— подтвердил Сайлас.— Однако я полагаю, твои приемные родители сами решат, какой выговор тебе сделать и какому наказанию подвергнуть.

С этими словами Сайлас исчез, что вообще было свойственно его племени.

Ник натянул куртку на голову, взобрался по скользким дорожкам на вершину холма, к склепу Фробишеров, и снова спустился вниз, вниз и вниз.

Оказавшись в зале, он положил брошь рядом с кубком и ножом.

— Вот, держите,— сказал Ник.— Теперь она отполирована. Очень красиво.

«Она вернулась.— В дымном голосе Стражи звучало удовлетворение.— Они всегда возвращаются».

Ночь выдалась долгая.

Светало. Ник шел мимо последнего пристанища Харрисона Вествуда, пекаря этого прихода, и его жен, Марион и Джован. Мальчик выглядел сонным и немного растерянным. Мистер и миссис Оуэнс скончались за несколько столетий до того, как общественное мнение решило, что бить детей нехорошо, и в эту ночь мистер Оуэнс с сожалением исполнил то, что считал своим долгом. В итоге мягкое место мальчика ощу-

тимо болело. Однако встревоженное лицо миссис Оуэнс расстраивало Ника больше, чем любая порка.

Он добрался до железной ограды между кладбищем и землей горшечника и проскользнул между прутьями.

— Эй! — выкрикнул Ник. — Надеюсь, я не втянул тебя в неприятности.

Ему никто не ответил. Даже в кустах боярышника не шевельнулось ни единой тени.

Тишина.

Ник вернул джинсы в хижину садовника — ему было удобнее в привычном сером саване, — но оставил себе куртку, поскольку на ней были очень удобные карманы.

Когда Ник заходил в сарайчик, то снял со стены небольшую косу и, вооружившись ею, атаковал заросший крапивой пятачок на земле горшечника, рубя и кромсая противника так, что части травы разлетались во все стороны, и в конце концов на этом участке осталась лишь обжигающая стерня.

Ник извлек из кармана баночку с краской, кисточку и большое стеклянное пресс-папье, в глубине которого переплетались яркие полосы.

Он окунул кисточку в коричневую краску и старательно вывел на поверхности пресс-папье буквы «Е» и «Х», а под ними написал: «Мы не забудем».

Уже разгоралась заря — близилось время сна. Ник подумал, что в ближайшее время ему, пожалуй, не стоит опаздывать в свою постель.

Он положил пресс-папье на землю, туда, где прежде царила крапива, на то место, где, по его представлениям, должна находиться голова Лизы. Задержавшись на миг, чтобы взглянуть на дело своих рук, он пробрался сквозь ограду и уже куда более смело зашагал вверх по склону холма.

— Неплохо! — раздался дерзкий голос у него за спиной, со стороны земли горшечника. — Очень даже неплохо!

Ник оглянулся, но там никого не было.

Гарт Никс

ПАДУБ И ЖЕЛЕЗО

Перед вами захватывающее, волнующее, пугающее, полное приключений повествование о временах, когда столкнулись и сошлись в битве два мира, два народа, две древние системы магии, и о том, к каким неожиданным результатам это привело.

Австралийский писатель Гарт Никс успел поработать книгоиздателем, редактором, менеджером по продажам, пиар-консультантом и литературным агентом. Также он написал множество книг, в их числе — популярнейший цикл «Старое королевство», куда входят романы «Сабриэль», «Лиразель», «Аборсен» и сборник «За стеной». Кроме того, он написал цикл «Seventh Tower» («Седьмая башня») и цикл «Ключи от королевства».

Гарт Никс родился в Мельбурне, вырос в Канберре, ныне проживает в Сиднее.

— Шестеро воинов в доспехах, все верхом, — доложил Джек. Он на миг отвлекся, чтобы выплюнуть скорлупу ореха — последствие его перехода из беличьей шкуры в человеческое обличье, — и добавил: — Трое перед паланкином, трое позади.

— А носильщики? — спросила Меревин.

Она не смотрела на Джека, который натягивал одежду. Пристальный взгляд голубых глаз был устремлен на небольшой отряд, двигавшийся по старой римской дороге, что прорезала долину. Между их укрытием и дорогой было каких-нибудь сто ярдов густо поросшего лесом склона.

— Рабы,— сказал Джек.— Наши соплеменники, судя по виду. У каждого на лодыжке плетеный амулет из падуба. Так что мастера железа среди них нет.

— Мастер железа может некоторое время сопротивляться падубу, и даже довольно долго, если тот не касается его кожи,— напредила ему Меревин.— Или, возможно, их амулеты фальшивы, из бумаги или раскрашенного дерева. Ты уверен в их подлинности?

Джек кивнул. Он был крупным мужчиной — шесть футов ростом, могучие плечи. Даже в самом маленьком из своих обличий, беличьем, он был почти два фута. А еще он мог преображаться в крупного кабана или медведя. Но при всем при этом он был на голову ниже и на полсотни фунтов легче своего младшего брата, прозванного Двойным Джеком. Тот молча стоял рядом, ожидая указаний Меревин. Если они все-таки решат напасть на норманна, что восседает в паланкине, и на его охрану, то Двойной Джек, вероятно, примет обличье кралле-пса — животного размером с пони.

Джек и его брат были единственными оборотнями в отряде Меревин. Этот талант встречался очень редко, да и пользовались им нечасто, поскольку оборотню, вернувшемуся к человеческому обличью, необходимо съесть много свежего мяса, а его порой нелегко обеспечить. Вот и теперь Джек не спускал глаз с только что освежеванной оленьей туши, подвешенной за задние ноги к суку. Уменьшение в размерах вызывало меньший голод, чем увеличение, но все равно Джек собирался съесть оленью ногу, а то и две, а остальное оставить Двойному Джеку на потом.

— Шестеро воинов в доспехах,— задумчиво произнесла Меревин.— Странное количество. Почему только шесть? Ведь всем известно, что здесь мы. И вид у них загорелый... может, наемники-южане? Но не гвардия... Тоже любопытно. И паланкин у них какой-то странный. Не могу точно сказать, что я чувствую, мне кажется, будто тут задеиствована норманнская магия. Что-то, связанное с холодным железом... и все же я не уверена. Робин, что думаешь?

Робин с нетерпением покачала головой, давая понять, что не ощущает на себе воздействия норманнской магии. Но она

и не хотела ощущать ничего подобного, потому попросту не сосредотачивала свое внимание на паланкине.

— Так мы нападаем или нет? — вместо этого спросила Робин.

Она, подобно мужчинам и своей единокровной сестре Меревин, была одета в плотную шерстяную тунику и кожаные облегающие штаны, но если не считать одежды, ни Робин, ни Меревин не пытались скрыть своей принадлежности к женскому полу. У обеих сестер были длинные волосы, заплетенные в косы и закрепленные серебряными гребнями с янтарем: такие гребни отчасти защищали от воздействия норманнской магии и отчасти помогали в магии собственной, английской.

Серебро с янтарем смотрелись совершенно естественно в белокурых волосах Меревин. Она была чистокровной английкой — высокая, мускулистая, светлолицая женщина-воительница, способная скрутить и заколоть взрослого оленя или за две сотни ярдов выпустить стрелу и прошить насквозь доспехи норманнского воина, а заодно и его самого.

Робин, к вечному ее стыду и досаде, внешне более походила на норманнов, чем на англов: более низкорослая и коренастая по сравнению с сестрой, а также темноволосая и сероглазая, и всегда — очень загорелая, из-за жизни под открытым небом. Робин уродилась в мать, вторую жену своего отца, ту самую, которую тот украл у ее отца-норманна. Это повлекло за собой гибель отца Робин и Меревин и переход его королевства в руки того самого норманна. Череда событий привела к тому, что сестры сидели теперь в засаде на опушке леса над долиной, и старшая из них возглавляла отряд, членов которого с равным успехом можно было назвать бандитами, мятежниками или последними остатками воинства истинного короля Англии.

— Мне что-то не по себе, — сказала Меревин. — Скоро совсем стемнеет. И мы не знаем, кто сидит в паланкине.

Она посмотрела на небо. Солнце все еще проглядывало, но уже над самым краем западных холмов. Над головами кружили два ворона — черные силуэты на фоне темнеющего неба.

— Всего шесть охранников, — отозвалась Робин. — Там не может быть никого важного... или опасного.

— Например, кто-то, кто настолько уверен в себе, что не нуждается в большей охране, — возразила Меревин. — Мастер железа, до последнего скрывающий свои чары и намерения.

— Давай нападём, пока не стемнело! — не унималась Робин. — Нам уже несколько недель не представлялось такой удачной возможности.

Меревин не ответила. Робин нахмурилась, потом дернула сестру за рукав.

— Если ты не отдашь приказ, это будет уже третий норманн, которого мы упустим! Да что с тобой такое?

— Ничего, Робин, — мягко произнесла Меревин. — Понимать, когда нападать не следует, — не менее важное для командира качество, чем готовность нестись вперед, размахивая мечом.

— Это не командование! — огрызнулась Робин. — Вот что такое командование!

Она сорвала рог с плеча Меревин и, прежде чем сестра успела ее остановить, подула в него. Звонкое пение разнеслось над долиной. Робин стрелой ринулась вперед, на ходу выхватывая меч.

От условного сигнала тщательно подготовленная засада пришла в движение. Впереди, перед норманнским отрядом, раздался гулкий стук топоров. Несколько секунд спустя большое дерево рухнуло поперек дороги — свидетельство искусства дровосеков, которые всю вторую половину дня удерживали его в равновесии на тоненьком конусе перерубленной сердцевины ствола.

После падения дерева лучники выступили из своих укрытий, расположенных в стороне от дороги, и стали стрелять по лошадям. Всадники в ответ ринулись на лучников, изрыгая проклятия. Вопреки обыкновению, носильщики не пустились наутек сразу, просто бросив паланкин, а сначала осторожно поставили его наземь, прежде чем рвануть в лес.

Робин мчалась по пятам за лохматым спонявым псом ростом почти с нее саму. Следом спешили Меревин, Джек и

дюжина членов отряда, вооруженных мечами, копьями или кривыми садовыми ножами. Перед ними стояла задача не позволить добыче удрать по дороге назад, путь вперед перекрывало упавшее дерево.

Но никто и не пытался бежать. Один из охранников валялся на земле: стрела, отыскавшая слабое место в хауберке*, уложила его наповал. Еще двое были придавлены мертвыми или умирающими лошадьми. Трое оставшихся повернули обратно, поскольку поняли, что нет никакого смысла гнаться за лучниками, нырнувшими в лес.

— Сдавайтесь! — крикнула Робин.

За время безумного рывка вниз по склону она запыхалась, и ей пришлось повторить:

— Сдавайтесь!

Три воина посмотрели на лучников, выступивших из-под зеленого полога леса, на огромного кралле-пса, как раз в этот момент завывшего, и на пятнадцать приближающихся вооруженных разбойников.

— Вы умрете, если попытаетесь прорваться! — громко сказала Меревин, заметив, что всадники напряглись и кони под ними вскинули головы. — А так мы обещаем пощаду.

Двое всадников посмотрели на третьего. Тот кивнул и бросил меч. Товарищи последовали его примеру. Они спешили и остались стоять рядом со своими лошадьми, мрачно поглядывая на Робин и Меревин, нервно — на Двойного Джека, который приняхивался к паланкину.

Меревин подала знак, и лучники подошли ближе, продолжая держать оружие на изготовку. Шестеро ее людей кинулись вперед, пошвыряли воинов наземь и связали им руки, попутно отобрав кинжалы и засапожные ножи, а у предводителя — еще и крохотный нож, прятанный в латной перчатке в специальных ножнах.

— Кто в паланкине? — спросила Робин.

В паланкине не было заметно ни малейшего движения — даже шевеления отодвигаемой занавески. Двойной Джек по-

* Хауберк — железный доспех, покрывающий тело полностью, с головой до ног.

прежнему кружил вокруг него, задумчиво морща здоровенный нос, как погрузившийся в размышления человек морщит лоб.

— Норманнский торговец почтенного возраста, направляется на воды в Аква-Сулис, — ответил один из воинов — тот, на кого смотрели остальные, прежде чем сдаться. На щеке у него был старый шрам в виде полумесяца — татуировка раба.

— Никуда он не поедет, пока не заплатит пошлину, — отрезала Робин.

Она решительно подошла к паланкину, перерубила шнуры, которыми занавески крепились к каркасу, сорвала дорогие, но загрязнившиеся в дороге бархатные ткани и бросила себе под ноги.

В паланкине обнаружился мужчина; он сидел, завернувшись в плащ из толстой синей шерсти и надвинув капюшон так, что лицо его было скрыто тенью. Перед ним лежала шахматная доска, сделанная из темно-красного дерева и слоновой кости. Игра была в разгаре, хотя напротив мужчины никого не было. Крупные сине-серые фигуры выступали против других, более мелких, вырезанных из древесины вишневого дерева.

— Ты наш пленник, — заявила Робин. Она протянула меч, и его острое оказалось в нескольких дюймах от прикрытого капюшоном лица незнакомца. — И мы хотим получить подбавляющий выкуп. Как твое имя?

Незнакомец не ответил, просто снял с доски одного из сине-серых рыцарей. Робин мгновенно поняла, что все серые фигурки на шахматной доске — рыцари. И тут меч Робин вырвался из руки и улетел ей за голову, едва не зацепив Двойного Джека.

Робин тут же сорвала с пояса ожерелье-удавку из бусин, выточенных из падуба, но, прежде чем она успела пустить в ход это средство, норманн бросил серого рыцаря наземь. Когда тот ударился о землю, раздался раскат грома, странно пугающий в неподвижном воздухе. Робин окатила волна жара, словно она вошла в кузню. Вместо шахматной фигурки между нею и паланкином возник воин восьми футов ростом, сде-

ланный целиком из железа. В руках у него был меч из звездной стали, по краям лезвия отливающий синевой, и треугольный щит, зеленый от патины.

Этим щитом железный воин и попытался атаковать Робин. Если бы она не отшатнулась, то точно рухнула бы как подкошенная. Робин, выронив удавку, перекатилась и увернулась из-под ног железного рыцаря, затопавшего к ней. Воин продолжал шагать, оставляя глубокие вмятины в мягкой лесной земле.

Робин, пытаясь подняться, услышала крик Меревин: «Бегите!» Но сестра не стала выполнять свой же приказ, а вместо этого кинулась на помощь Робин и вскоре оказалась у нее за спиной. Земля была сырая, и скользкие слежавшиеся листья разъезжались под их ногами.

В это мгновение рыцарь напал на Меревин. Девушка попыталась увернуться от железного щита, но противник был слишком ловок. Край щита ударил Меревин в шею. Раздался ужасающий звук, похожий на треск ломающейся ветки, и Меревин полетела на землю. Она так и осталась лежать, с головой, повернутой под неестественным углом.

Робин больше ничего не оставалось, как бежать. Вокруг гремели раскаты грома: это мастер железа бросал свои шахматные фигурки, и там, где они касались земли, вставали железные рыцари. Робин мчалась к опушке, она пригибалась, изворачивалась и петляла, а железные воины ломились за ней через кустарник и молодую поросль.

Добравшись до леса, Робин на миг приостановилась и бросила взгляд назад. Ближайший железный воин находился в дюжине шагов — значит, у нее есть секунда, чтобы охватить взглядом происходящее.

Целая дюжина железных воинов двигалась через росчисть, и еще два стояли перед паланкином, вскинув щиты, готовые в случае нападения защитить своего господина, хотя в него никто не стрелял — отряд Меревин испарился, словно летний дождик. О том, что он вообще здесь был, напоминало лишь присутствие троих охранников, выбирающихся из пут, и тело Меревин, лежащее в десятке шагов от паланкина.

Робин задержалась еще на секунду, которой уже не могла себе позволить, надеясь увидеть, как ее сестра вдруг вскакивает и бросается прочь. Но Меревин не шевелилась. В глубине души, вопреки всей своей надежде, Робин знала, что Меревин не поднимется — ни теперь, ни в будущем. Слишком уж тяжелой была травма.

Железный воин ударил мечом по дереву, под которым укрывалась Робин, и снес ветви толщиной в руку. Девушку осыпал дождь щепок. Она кинулась в глубь леса.

На следующее утро, вскоре после рассвета, уставшая Робин вскарабкалась на ветвь древнего дуба, что росла параллельно земле, и перешла по ней, словно по мосту, через узкое ущелье, известное среди местных жителей под названием Удар Молота. Всего несколько часов назад Робин оторвалась от настойчивых и неестественно выносливых железных воинов (по крайней мере один из них увяз в самом большом из местных болот).

Робин посмотрела на вершину дуба, выискивая часовых, но там никого не было. Девушка обогнула могучий ствол и окинула взглядом голую каменистую вершину зеленого холма, что поднимался из леса ярдах в ста от нее, а также пространство между более молодыми деревьями — там, надежно укрытые большим скальным выступом, стояли палатки из шкур. Судя по всему, в лагере тоже было пусто.

Робин уныло свистнула. На самом деле она не ожидала ответа и потому не удивилась, когда его не последовало. Девушка добрела до костровой ямы и заглянула в нее. Костер был устроен на глубине в три фута, чтобы легче было скрывать дым, и дрова туда кидали лишь хорошие, сухие. Огонь поддерживали непрерывно, поскольку нельзя было предсказать заранее, когда он понадобится.

Но сейчас он не горел. Робин подобрала согнутый железный прут, который использовали и в качестве кочерги, и в качестве крюка для подвешивания котелка. Девушка поворошила пепел, но горячих углей в нем не нашла.

Тем не менее она продолжила это занятие, хотя понимала, что толку в нем нет, в любом случае, делать ей было нече-

го. Ей казалось символичным ворошить остывший пепел, останки пылавшего прежде яркого огня. Меревин мертва, и виновата в этом она, Робин. Ее сестру убили из-за нее. И раз никто из разбойников не вернулся в лагерь, значит, они тоже так думают. Возможно, сказалось еще и недоверие к наследию ее норманнской крови, такие настроения имели место в отряде, но сдерживались благодаря присутствию Меревин.

Робин с силой ткнула кочергой в угли, представив, что это сердце того норманнского мастера железа. Внезапно над остывшим пеплом взвилось пламя. Робин отпрянула, но не из страха перед огнем — она испугалась чуда, которое случилось словно само собой.

— Чисто норманнское умение. Магия железа, — заметил Джек.

Робин снова подскочила, от неожиданности едва не свалившись в огонь.

— Я... я не...

Джек покачал головой, подобрал кривой сук старой березы и бросил его в огонь.

— Не бойся, девочка, — успокоил он. — Я всегда знал, что ты унаследовала магию железа от матери. К счастью, тут больше никого нет, только я да Двойной Джек, и то он на той стороне ущелья — ест чье-то мясо. Я уж не стал приглядываться, чье именно.

— Ты видел?.. — тихо произнесла Робин. — Меревин...

Джек взял кочергу и пошевелил угли, выбросившие снопы искр. На Робин он не смотрел.

— Принцесса мертва, — сказал он наконец. — Я возвращался туда в беличьем облике, желая убедиться наверняка, — впрочем, ферраменты все равно погнались за мной. У Меревин была сломана шея. Они забрали тело.

— Я убила ее, — прошептала Робин.

Она зачерпнула полные пригоршни высохшей грязи и размазала ее по лицу, а потом вскочила и крикнула:

— Я убила свою сестру!

Звук, отраженный нависшей скалой, вернулся обратно.

Робин попыталась схватить ладонями горячие угли из костра, но Джек сгреб ее в охапку и оттащил, невзирая на то,

что девушка брыкалась и орала. От потрясения, горя и изнеможения она вообще перестала соображать. Джек отнес Робин в палатку, служившую им лекарским приютом, и стал гладить по голове, вполголоса мурлыча всякую чепуху, которой успокаивал щенков еще в те времена, когда был старшим псарем короля Англии.

Когда девушку перестало трясти, а крики сменились монотонным завыванием, Джек откупорил маленькую кожаную бутылочку и влил в рот Робин сонное зелье. Через несколько минут девушка успокоилась под одновременным воздействием болиголова, мандрагоры, макового молочка, белены и вина, а вслед за тем погрузилась в сон без сновидений.

Когда Робин проснулась, то почувствовала себя странно спокойно и отстраненно, словно после гибели Меревин прошло несколько месяцев. Но она знала, что сумерки, стусившиеся вокруг палатки, — это вечер того же дня, на рассвете которого она спаслась от погони ферраментов. Сонное зелье не может заставить человека проспать больше девяти-десяти часов.

На языке у девушки до сих пор оставался привкус травяного варева, и изо рта пахло так, словно ее рвало, хотя сама она была довольно чистой. Кто-то вымыл ей руки и намазал царапины мазью из тысячелистника. Робин устала на царапины: она никак не могла вспомнить, откуда они взялись. Пару минут Робин сидела, размышляя об этом, потом медленно распустила свои темные норманнские волосы и коротко обрезала их собственным кинжалом — настолько коротко, что несколько раз поранила голову и пришлось прижимать к порезам тряпку, чтобы остановить кровь.

Джек и Двойной Джек сидели у костра, изредка передавая друг другу мех с вином и еще реже обмениваясь словами. Когда Робин вышла из палатки, они оглянулись — и вздрогнули при виде ее изменившейся внешности, а когда она приблизилась к костру — встали и поклонились. Поклонились низко, как придворные, — совершенно неуместно для изгоев в лесной глуши.

— Не надо,— остановила их Робин.— Не надо мне кланяться.

— Ты теперь наследница королевства англов,— напомнил Джек.

— Вот все мое королевство,— пробормотала Робин, обведя жестом пустой лагерь.

Она протянула руку за мехом, сделала большой глоток и вернула емкость обратно.

— Ты дочь короля Гарольда,— сказал Джек. Двойной Джек кивнул, подтверждая слова брата, и чуть не расплескал вино.— Ты законная королева Англии.

Робин с горечью рассмеялась.

— Королева пустого места,— ответила она.— Нам следовало придумать что-нибудь другое, а не вести жизнь разбойников, шатающихся по лесам, в то время как власть герцога Вильяма становилась все прочнее.

— Мы дожидались подходящего момента,— возразил Джек. Слова легко сорвались с его губ — знакомые слова, в которых он никогда прежде не сомневался.— Герцог стар, и у него нет сыновей. Когда он умрет, норманны передерутся между собой, и тогда настанет наше время. Все истинные англы соберутся под твои знамена...

— Нет,— произнесла Робин.— Не соберутся. На службу к Меревин они могли бы перейти. Мне они служить не будут. Кроме того, не далее как вчера герцог Вильям выглядел совсем неплохо. Он может прожить еще долго и даже зачать сыновей.

— Это был герцог?! — изумился Джек.— Я думал...

— Наверняка он,— кивнула головой Робин.— Четырнадцать ферраментов, точных, как часы, ни на миг не отклоняющихся от цели. Герцог Вильям — единственный из ныне живущих мастеров железа, кто обладает такой силой. Так что это был он. Мой дед принес гибель моей сестре. Хотя вина лежит и на мне тоже...

— Не надо,— быстро перебил ее Джек, увидев, как лицо Робин исказилось от горя.— От судьбы не уйдешь. Значит, принцессе на роду было написано погибнуть именно так.

С минуту Робин молчала, глядя в огонь. Когда она наконец подняла голову, глаза у нее были покрасневшими, но без слез. В глубине ее сознания начал складываться план... вернее, еще не план, а какое-то смутное представление.

— Кто наследовал бы герцогу, умри он сейчас? — спросила девушка.

Меревин всегда была осведомлена о кознях, заговорах, ответных заговорах и смертях среди норманнской знати, но Робин предпочитала ничего об этом не слышать, поскольку отрицала свою принадлежность к этому роду.

— По-моему, до сих пор живы восемь его внучатых племянников: сыновья сыновей его сестры, сын любовницы его брата — бастард Орильякский. — Джек поколебался немного и добавил: — Но никто из твоих кузенов не имеет столько прав на земли герцога, сколько ты, принцесса.

— Я не норманнская наследница! — возмутилась Робин. — Свои права я унаследовала от своего отца, истинного короля Англии! Кроме того, герцог уже пытался убить меня, так же как его железные слуги убили Меревин!

Джек чуть склонил голову, выражая сомнение в том, что ферраменты действительно хотели убить Робин. Но девушка этого не заметила. Она неотрывно смотрела на огонь и была погружена в собственные мысли.

— Джек, если я умру, кто будет следующим наследником?

Джек взглянул на Робин, стараясь понять, о чем она думает. Он знал Робин с самого ее рождения, но даже когда она была совсем малышкой, трудно было предсказать ее действия и угадать, что у нее в голове. Робин всегда была своенвольной, но обычно этот недостаток сглаживался острым умом. Она никогда не делала одну и ту же глупость дважды. Хотя и одного раза бывает достаточно, чтобы раскаиваться потом всю жизнь...

— Прямого наследника не существует, — с расстановкой произнес Джек. — Если говорить о линии твоего отца и его брата, то родичи жены брата в Ютландии. Думаю, король Свен и заявил бы о своих правах, да никто из нашего народа не пойдет за ним...

— А среди англов наследника нет?

— У твоей семьи есть отдаленная родня, но никто из них не обладает ни именем, ни кровью, которые могли бы впечатлить наш народ. И среди них нет того, кто владеет магией падуба или рябины, как ты.

То, что Робин владеет также и магией железа, осталось произнесенным. Магия падуба и рябины была английской, корнями уходила в самую эту землю и являлась свойством королевской крови. Магия железа не была родной для островных королевств. Это была чуждая сила, как и сами норманнские захватчики. Также это была магия, куда более подходящая для войны и завоеваний.

— Принцесса, что ты задумала? — спросил Джек.

Робин не ответила.

— Я знаю... я полагаю... ты хочешь увидеть обряд, который пройдет в память о принцессе Меревин. Но мы не можем привести жреца сюда, равно как и не можем здесь задерживаться. Скорее всего, ферраменты не сумеют перебраться через Удар Молота, но обычные живые воины сумеют, к тому же это место достаточно известное... и здешние жители могут не выдержать и проговориться.

— Особенно теперь, когда они знают о смерти Меревин, — с горечью добавила Робин. — Скажи-ка, толстый жрец все еще живет в той пещере у поляны?

Джек посмотрел на Двойного Джека.

— Угу, живет, — отозвался тот.

— Какому богу он служит?

Двойной Джек пожал плечами.

— Он об этом помалкивает. По-моему, Всеотцу.

— Не самый лучший... — начал было Джек.

— Он может отпеть мертвого? — перебила его Робин.

— Он отпевал Уота, сына мельника, — откликнулся Двойной Джек. — Но не в пещере.

— Ее должны отпевать в Высоком храме в Винчестере, — с грустью заметила Робин. — Но мы не можем отправиться туда и вообще в какой-либо храм или церковь. Поэтому мы пойдем к толстому жрецу, кому бы он ни служил.

Джек и Двойной Джек поклонились, хотя ясно было, что Джек спорил бы и дальше, если бы не запрет Робин.

— Принцесса, нам нужно забрать отсюда все, что только возможно, — сказал Джек. — Вдруг у нас не получится сюда вернуться.

— Я заберу все, что нужно, из нашей... из моей палатки, — кивнула головой Робин.

Она подошла к маленькой палатке, которую долгие годы делила с сестрой. Там находилось не так уж много вещей. Робин взяла второй лук Меревин, который был лучше ее собственного, а все остальное оставила. Из своих вещей она выбрала колчан: среди дюжины стрел была одна с наконечником из слоновой кости и черным оперением — такие стрелы делались, чтоб убивать норманнских мастеров железа. Помимо этого, она прихватила небольшой кошелек с серебряными пенни и один охотничий наряд.

Затем Робин вытащила из-под соломенного тюфяка кожаный футляр. В нем лежали две книги. Одна из них, в яркосинем кожаном переплете, была учебником по англской магии падуба, рябины и дуба. Вторая, принадлежавшая когда-то ее матери, была переплетена в тускло-бронзовую и черную кожу и представляла собой колдовскую книгу, сборник заклинаний и знаний мастеров железа.

Робин начала рассортировывать и упаковывать вещи. В душе у нее, пробиваясь сквозь остатки сонного зелья, снова всколыхнулась буря чувств. Но Робин подавила в себе смесь из горя, вины, гнева и печали, стараясь сосредоточиться на укладывании футляра, лука, колчана и узла с одеждой. Ей потребовалось всего несколько минут; за последние четыре года необходимость быстро покидать лагерь стала неотъемлемой частью ее жизни. И все-таки Джек и Двойной Джек собирались быстрее: их заспинные коробки были набиты теми вещами, без которых не обойтись.

Дорога, по большей части пролегающая по тайным тропам в глухом лесу, тянулась долго. Ночь выдалась достаточно светлой для путешествий — прибывающая луна была почти полной, да и звезды светили ярко, и лишь на горизонте протянулась единственная длинная линия облаков. Робин не думала ни о том, куда ступать, ни о зеленом царстве вокруг,

она просто следовала за Джеком, а Двойной Джек следовал за ней. Разум девушки не мог сойти с собственной узкой тропы, на которой раз за разом повторялись те роковые мгновения, когда феррамент шагнул вперед и обрушил свой щит на Меревин.

Пытаясь вырваться из этого замкнутого круга, Робин сосредоточилась на плане, который постепенно складывался у нее в голове. Если она сумеет исполнить задуманное, то, быть может, отчасти загладит свою вину перед Меревин, перед отцом и перед народом Англии.

До места они добрались ближе к полуночи. Хотя они двигались медленно и в итоге пришли поздно, жрец ждал их у выступа скалы неподалеку от входа в пещеру.

В отряде Меревин его звали толстым жрецом, потому что, когда он впервые появился в лесу, плоти у него было с излишком. С тех пор минуло два года, и жрец сделался сухопарым. Теперь лишь складки кожи на шее да щеках свидетельствовали о прежней тучности. Вряд ли старые знакомые, видевшие его лишь до переселения в пещеру, узнали бы его теперь. Особенно если учесть, что он не только изрядно исхудал, но еще и выколол себе левый глаз в честь своего бога.

Робин поднялась по каменным ступеням к входу в пещеру, и жрец опустился перед ней на одно колено. Джек тем временем проскользнул мимо него внутрь — проверить, не прячется ли там кто-нибудь.

— Приветствую вас, ваше высочество, именем Всеотца, — негромко, нараспев произнес жрец.

— Твои слова — честь для меня, — ответила Робин. Со жрецами всегда нужно держаться вежливо, особенно со жрецами Всеотца. — Раз ты знаешь, кто я такая, думаю, тебе известно, зачем я здесь.

— Вы хотите отпеть принцессу Меревин, ушедшую из этого мира, — отозвался жрец. — На рассвете ко мне прилетел ворон и принес весть о ее смерти и о том, что от меня может потребоваться помощь. Проходите, снимайте свою ношу. В пещере я приготовил эль и овсяные лепешки.

— Мы не поклоняемся Всеотцу, — сказала Робин. — И не хотим быть обязанными ему. Мы сложим свои вещи здесь,

сядем на ступенях и поужинаем своим хлебом и водой, пока ты будешь петь.

— Как вам угодно,— согласился жрец.

Он тяжело поднялся на ноги, прошел в пещеру и вернулся через несколько минут, держа в руках арфу, у которой было только четыре струны, чашу с элем, овсяную лепешку и рог с серебряной оковкой. Все, кроме чаши, жрец поставил на землю. Инструмент он взял под мышку и, глядя на звездное небо, начал наигрывать мелодию. Поначалу она была простой, но постепенно усложнялась, и у Робин возникло чувство, будто она слышит даже те струны, которых нет на арфе.

Жрец запел. Голос у него был хриплый, но сильный, и после первых нескольких слов возникло странное эхо, будто кто-то вдали подхватил песню.

Звуки становились все более громкими и странными, голос незримого певца начал заглушать пение жреца. Робин передернуло. Внезапно за звоном арфы и накладывающимися друг на друга голосами она отчетливо услышала голос Меревин.

— Робин! Ищи новое начало!

Робин вскочила и кинулась к жрецу, но едва она вцепилась в него с криком: «Меревин! Меревин!», как голос сестры исчез — вместе с другими. Остался лишь жрец, который извлек последнюю ноту и тоже умолк.

— Она ушла,— вздохнул жрец и отступил на шаг, высвобождаясь из хватки Робин. Девушка не попыталась его удержать. — Вам лучше уйти одной, ваше высочество, пока ваши люди не проснулись.

Робин оглянулась. Джек и Двойной Джек растянулись на ступенях; грудь каждого медленно вздымалась и опускалась — братья спали глубоким сном.

— Герцог Вильям сейчас в Винчестере,— молвил жрец. Его единственный глаз блестел алым отражением лунного света, как будто в небе горел огонь. — Вы ведь хотите убить его, так? Свершить возмездие?

— Да,— осторожно произнесла Робин.

В тот момент она не вполне понимала, с кем говорит — со жрецом или с тем, кому он служит. Девушка внезапно ощу-

тила, что окружающие дубы проявляют внимание к происходящему. Они не снизошли бы до того, чтобы прислушиваться к смертному. Но искать благосклонности Всеотца небезопасно. Этот бог любит войну и несогласие и радуется предательству.

— Ваши слуги попытаются не пустить вас в Винчестер, — продолжал жрец. — Но они проспят до рассвета, а к тому времени вы со своей черной стрелой будете уже у врат Винчестера.

— Я не желаю твоей помощи, кем бы или чем бы ты ни был! — огрызнулась Робин. — Разбуди моих людей!

— Я только хочу быть полезен, — вкрадчиво вещал жрец. — Герцог Вильям — могущественный враг. Как вы нанесете ему удар, не имея еще более могущественных союзников?

— Я попросила лишь о том, о чем любой человек может просить любого жреца, — ответить мою сестру! — воскликнула Робин. — Я больше ничего не приму, не желаю быть в долгу. Разбуди моих людей!

— Что ж, хорошо, я разбужу их.

Жрец схватил рог и с силой протрубил в него; пение эхом разнеслось над лесом. Ответом ему были не только ругательства потрясенных Джека и Двойного Джека, но и множество голосов с лесной тропы, сопровождаемых бряцанием оружия, доспехов и сбруи.

Робин оглянулась и увидела воинов, колонной растянувшихся по тропе. Их было десятка четыре, если не больше. Их шлемы блестели в лунном свете. Лошадей они вели под уздцы.

Когда Робин повернулась обратно, жрец исчез, а вместе с ним рог, чаша и овсяная лепешка. Раздавшиеся сзади крики ясно показали, что девушку заметили. Через несколько секунд норманнские воины должны были взбежать по ступеням.

— Принцесса, скорее в пещеру! — Джек толкнул Робин из лунного света в темный провал входа. — Ты должна спастись!

Робин знала, что в дальней части пещеры есть широкая расщелина, что-то вроде дымохода, но было невозможно ее

разглядеть, и девушка даже не стала пытаться. Вместо этого она повернула обратно, к Джеку и Двойному Джеку. На пороге пещеры, на фоне лунного света, отчетливо вырисовывались две фигуры с мечами в руках. Оттуда же доносился грохот: это солдаты мчались вверх по ступеням. Клича воинов эхом заматались по пещере.

— Уходи! — крикнул Джек, не оборачиваясь.

Мгновение спустя напротив него и Двойного Джека возникли трое воинов — атаковать вход большим числом одновременно было невозможно. Остальные норманны ожидали своей очереди на ступенях ниже или на лесной траве.

Робин попыталась придумать, какую бы магию применить, как задержать солдат, чтобы Джек и Двойной Джек успели оторваться от противника. Но ей не шло на ум никакого англского заклинания, во всяком случае такого, которое сработало бы в холодной каменной пещере. Также у нее не было ни приспособлений, ни специальных предметов, что позволили бы ей использовать серьезное заклинание из арсенала норманнской магии.

Зато у нее был меч. Робин кинулась вперед, пригнулась и сделала выпад между двумя своими телохранителями, метя в колено одного из атакующих норманнов. Удар, скользя под край длинной кольчуги, достиг цели. Норманн отпрянул, зашатался на краю площадки перед входом, получил удар от Джека и рухнул вниз.

Второй воин уже лежал к тому времени мертвым. Третий отступал к ступеням. Снизу, из леса, донесся повелительный голос:

— Лучники, к бою!

— Бери принцессу и беги! — приказал Джек брату.

Двойной Джек покачал головой. Это движение начала человеческая голова, а завершила уже собачья. Разорванная в клочья одежда Двойного Джека и его короб упали на землю, огромный кралле-пес припал к земле, изготовившись к прыжку. С низким воем, от которого у Робин кровь застыла в жилах, огромный зверь прыгнул на перепуганных норманнов. Те, пытаясь отскочить в сторону, в беспорядке посыпались со ступеней.

Две долгие секунды Джек смотрел на происходящее, потом стремительно развернулся и с силой сжал руку Робин.

— К расщелине!

Они вбежали в пещеру. Робин попыталась вырвать руку из хватки Джека. Она ничего не видела в этой темноте, но Джек, судя по всему, видел, поскольку они не задели ни единого предмета.

— Мы должны вернуться! Двойной Джек...

— Они застрелят нас на месте! Не смей упустить возможность, которую брат нам подарил!

Робин перестала вырываться. Джек протащил ее по дюжине ступенек, а потом внезапно подхватил на руки. Запрокинув голову и посмотрев вверх, Робин обнаружила среди темноты более светлый полукруг.

— Надеюсь, там железные скобы,— сказал Джек.

— Да, скобы,— подтвердила Робин.

Ей не нужно было использовать зрение, чтобы выяснить это. Железо звало ее. Девушка костями чувствовала этот зов. Не глядя, она протянула руку; сомкнув пальцы на первой скобе, Робин начала взбираться.

Расщелина уходила вверх футов на пятьдесят. Робин выбралась на крутой склон, меж низкорослых деревьев, цепляющихся за камни узловатыми, выпшедшими на поверхность корнями. Следом за ней из расщелины вылез Джек.

Они посмотрели вниз. Им не было видно входа в пещеру, зато на тропе, что бежала от этого входа, они хорошо могли разглядеть не менее сорока норманнов в доспехах. Они стояли наготове вместе с полудюжиной лучников, расположенных полукругом. Между собой воины смеялись и перешучивались. По их поведению и по долетающим наверх обрывкам разговора стало понятно, что яростная атака Двойного Джека была остановлена ливнем стрел.

— Двойной Джек...

— Он мертв,— вздохнул Джек.— Идем. Рано или поздно какой-нибудь храбрый дурак попытается повторить наш путь через расщелину, а кто-нибудь поумнее поднимется с другой стороны холма, менее крутой.

И Джек принялся взбираться наискось по склону, хватаясь за торчащие из земли корни. Робин более медленно двинулась за ним. Джек больше не нес тяжелую корзину, но Робин умудрилась сохранить при себе кожаную сумку и колчан, хотя лук Меревин остался лежать внизу, на ступенях пещеры.

Они с трудом вскарабкались на вершину, а потом помчались по гребню холма, пригибаясь, изворачиваясь и прячась за деревьями, поскольку норманны действительно начали подъем по более пологому склону. К счастью, в лесу воины двигались куда медленнее и нескладнее, чем Джек и Робин, а проламывать себе путь через подлесок, как это делали ферраменты, им было не под силу.

Наконец, когда шум погони стих и вокруг остались лишь обычные звуки ночного леса, Джек остановился у ствола могучего дуба, в который когда-то ударила молния. Ствол раскололся в нескольких местах, сквозь просветы видно было большое дупло, но дыры были маленькими — через них не пролез бы даже ребенок.

— Принцесса, ты можешь открыть нам дорогу внутрь?

Робин коснулась дуба, прижав ладонь к древнему стволу. Будь дерево живым, девушка сразу почувствовала бы его зеленую искру. Но дуб давно умер. От него осталась лишь тень, вплетенная в общую память леса.

Робин затаила дыхание и застыла, стараясь не шелохнуться. Она ощущала, как разум леса медленно просачивается в ее сознание, словно туман, растекающийся над болотом. Она чувствовала, как молодое деревце тянется к солнцу, как листья трепещут под тяжелыми каплями дождя, как вытягиваются и разрастаются ветви, как увеличивается в объеме ствол — год за годом, век за веком.

Она словно стала дубом, заняла его место в памяти леса. Ладонь девушки окружили зеленые побеги. Там, где она касалась дерева, старая, загрубевшая кора ожила. Одна из щелей в стволе застонала и разошлась шире, с одной ее стороны проклюнулась маленькая веточка. Щель увеличивалась, а веточка становилась все внушительней; и вот уже она сама покрылась побегами. Несколько мгновений спустя зеленые почки раскрылись, выпустив на волю листья.

— Хватит,— подал голос Джек.

Робин услышала его издалека. Но она не хотела останавливаться, не хотела покидать лес. Она была дубом, и вся ее человеческая боль, вина и страх сделались чужими и далекими.

— Хватит! — повторил Джек уже с большим нажимом.

Робин содрогнулась и отдернула руку, сорвав кожу с буторка у основания большого пальца, там, где она срослась с корой.

Девушка слизнула кровь со ссадины и нырнула сквозь щель в теплую, сухую и на удивление просторную полость, занимавшую примерно четверть ствола королевского дуба. Изнутри дупло было устлано толстым слоем мха, и Робин с радостью растянулась на нем, позволив долго подавляемой изможденности растечься по телу.

Через несколько минут Джек, прислонившийся к стенке рядом со щелью, произнес:

— До рассвета мы здесь в безопасности. А потом, возможно, лучше всего отправиться в Эвингтон. Ты сможешь попросить убежища в женском монастыре.

— Нет,— отрезала Робин.— Я не стану бежать от Всеотца к Христу Божьему Сыну.

— Тогда что ты собираешься делать, принцесса? — спросил Джек.

Голос у него был усталый — настолько усталый, что он начал запинаться. Робин посмотрела на него и впервые за свою недолгую жизнь осознала, что Джек уже стар, что ему самое меньшее сорок, а то и больше. А она и не заметила, что лицо у Джека серое от усталости, потому что думала только о себе.

— Прости, Джек,— тихо промолвила девушка.— Прости за все. Если бы я сдержала свое нетерпение и не кинулась в атаку, ничего этого не случилось бы... Меревин... Двойной Джек...

— Это все равно произошло бы вскорости,— сказал Джек непривычным для Робин тоном. Вся его обычная уверенность исчезла.— Принцесса Меревин это знала. После Сенлак-Хилл у нас было больше двух тысяч человек. А сколько осталось два дня назад? Тридцать и четыре! Не хочется под-

нимать эту тему, принцесса, но, думаю, тебе пора вступить в переговоры с твоим дедом.

— Что?! — в изумлении вскрикнула Робин.

Джек на несколько секунд опустил веки, потом с явным усилием заставил себя снова открыть глаза.

— Давай обсудим это утром, принцесса, — прошептал он. — Я устал... я так устал... быть может, усталость и отчаяние завладели моими мыслями. Давай отложим до утра...

Голос его оборвался, голова упала на грудь, дыхание стало медленным, ясно свидетельствуя, что Джека сморил сон.

Робин не спала. В ней бурлил гнев, но она не могла дать ему волю. Джек верно служил их семье — ее отцу, затем ее сестре — еще до того, как Робин появилась на свет. Конечно же, он ошибается. Кому-то могло показаться, что англы побеждены, но Робин не собиралась преклонять колени перед своим дедом и молить его о прощении. У нее были другие планы.

Именно эти планы заставили девушку проснуться до рассвета и тихонько выбраться из дупла, оставив спящего Джека. Несколько мгновений Робин смотрела на него, думая, правильно ли поступает, и даже протянула руку, собираясь разбудить его. Но рука застыла в нескольких дюймах от плеча Джека. Джек не позволит ей сделать то, что она задумала.

И все же Робин чувствовала, что ей не следует уходить, не сказав ни слова или не оставив знака, свидетельствующего, что она не попала в плен, а покинула это место по собственной воле. Поэтому она воткнула в землю рядом с Джеком свой ставший ненужным серебряный гребень с янтарем — все равно она отрезала волосы...

Солнце уже давно встало, и воздух хорошо прогрелся. Робин пряталась в высокой траве и наблюдала за римской дорогой, ведущей из Ньюбери в Винчестер. На рассвете здесь проехал одинокий всадник, но Робин ожидала нескольких путников, или, еще лучше, обоз торговцев, тогда можно будет пристать к ним и затеряться среди людей. Чтобы облегчить себе задачу, девушка выбросила колчан, оставив при себе лишь стрелу с наконечником из слоновой кости. Теперь она

была неудобно привязана к телу под туникой. Оперение Робин отломила — она не собиралась стрелять этой стрелой.

Когда заря уже сменилась ярким солнцем летнего дня, по дороге прошла небольшая процессия паломников в широкополых шляпах и с посохами. Их Робин также пропустила. Среди паломников она будет бросаться в глаза, как бурая поганка в корзине с мухоморами.

Следующая группа выглядела более многообещающей: будто целая деревня снялась с места и отправилась на ярмарку в Винчестер продавать плоды своих трудов. В группе было более тридцати человек, и мужчины, и женщины, с дюжиной ручных тележек и тремя повозками, которые тянули воле.

Робин вышла из-за деревьев, одергивая тунику и подтягивая штаны, как будто она отошла поискать место поукромнее и вот теперь возвращается обратно на дорогу.

Тридцать пар глаз с подозрением следили за ее приближением. Но когда путники увидели, что при ней нет ни меча, ни лука и что она не является предвестником появления оравы вооруженных разбойников, некоторые даже поприветствовали ее — неразборчиво, но дружелюбно.

Разговорившись по дороге с этими людьми, Робин выяснила, что все они — жители двух деревень. Девушка думала, что из-за ее норманнской внешности к ней отнесутся с подозрением, но если крестьяне и вправду что-то подозревали, то никак этого не показывали. Ближе к середине утра одна женщина даже пригласила Робин устроиться у нее на повозке, ссадив на время одну из своих внучек. Уставшая Робин с благодарностью приняла предложение.

Поначалу шли молча. Примерно через милю пути — все это время тишину нарушало лишь громохание колес, скрип повозки да редкое фыркание волов — женщина обратилась к Робин с вопросом. Выговор крестьянки сложно было разобрать, но Робин понял.

— Ты откуда, малый? Кто твой хозяин?

— Из Винчестера, — ответила Робин, радуясь, что ее, как она и надеялась, приняли за юношу. — Я свободный человек. Зовут меня... Вульф.

Женщина трижды кивнула, словно отчеканивая эти сведения в памяти.

— Я Элва,— представилась она.— Вдова. Мои сыновья — тоже свободные люди. Они держат надел от Генри Молине.

— А он хороший господин? — спросила Робин.

— Получше, чем тот, что был до него.

— У норманнов много плохих господ,— произнесла Робин. Она заметила, что женщина бросила взгляд на ее короткие волосы, и добавила: — Мой отец был англom, а мать — норманнкой.

— До сэра Генри нашим господином был англ. Когда стало известно, что он нашел свой конец при Сенлак-Хилл, мы плясали от радости.

Робин смерила крестьянку гневным взглядом и собралась спрыгнуть с повозки. Но женщина поймала ее за локоть.

— Я не имела в виду ничего дурного, парень. Что английские господа, что норманнские — мне без разницы. Все, больше ничего не скажу.

Робин опустилась на прежнее место. Они перестали разговаривать, но через некоторое время напряжение развеялось, и молчание сделалось дружелюбным.

Теперь Робин смотрела по сторонам, наслаждаясь свежим воздухом и солнечным светом. Ей уже несколько лет не доводилось выходить днем из леса. Сейчас она видела, что земля вокруг стала более процветающей, чем раньше. Больше овец на склонах холмов, больше крестьянских домов, и за дорогой явно хорошо следили.

Когда крестьяне остановились, чтобы восстановить силы и дать покой волам, пока солнце стоит в зените, Робин поблагодарила Элву, пожелала всего хорошего и пошла дальше. Телом она чувствовала себя отдохнувшей, но в уме теснились мысли, порожденные мирной дорогой, довольством крестьян и богатством окружающей земли. Девушка пыталась убедить себя, что за землей ухаживают, как за ягненком — кормят на убой,— но это противоречило и тому, что она видела, и тому, как вели себя люди.

Через милое ее взору предстал Винчестер — древняя столица королей Англии. Когда-то этот город был ее домом. Робин не видела его больше трех лет. Она думала, что Винчестер будет выглядеть так же, как прежде, ведь первые двена-

дцать лет ее жизни он не менялся. Но город стал другим, совсем другим. Робин остановилась на дороге и в изумлении уставилась на него.

Старый деревянный частокол исчез, сменившись куда более высокой белокаменной стеной, соединенной с тремя старыми и четырьмя новыми каменными сторожевыми башнями. Сначала Робин показалось, что от старого королевского дворца — чертога, размещенного на невысоком холме, — ничего не осталось, но потом она поняла, что старый дворец встроен в новый замок. Получилось укрепление, которое полностью господствовало бы над городом, если бы его не уравновешивало аббатство с колокольной, не столь воинственной, но не менее высокой. Аббатство тоже изрядно разрослось и изменилось с той поры, как Робин видела его в последний раз. Гарольд не благоволил последователям Христа Божьего Сына, а вот Вильям, говорят, оказывал его жрецам всяческий почет.

Войдя в город через новые ворота, сооруженные из свежеотесанного камня — каменщики все еще трудились над фасадом, — Робин очутилась в толпе, и на несколько мгновений ее охватил неопиcуемый страх. Она не привыкла к такому шуму и суете вокруг, к случайным прикосновениям людей. Но девушка продолжала проталкиваться вперед, к рыночной площади, где обычно свободнее. Она решила, что уж рыночная-то площадь не могла слишком сильно измениться.

Однако добравшись, Робин обнаружила, что и тут все не так, как она ожидала. Площадь не пустовала, как бывало семь дней из четырнадцати, и не была забита продавцами, покупателями, товарами и мелкой домашней живностью, как другие семь дней.

Вместо этого по периметру площади была натянута грязно-красная веревка, ее держали вбитые в землю железные столбы. В каждом углу поля стояла небольшая группа воинов в доспехах, а посредине находилась огромная, грубо обтесанная глыба песчаника, лежащая на боку, словно опрокинутый эоловый столб. Из нее торчал меч. Даже на расстоянии шестидесяти футов Робин чувствовала, что здесь замешана

магия железа. Меч вогнали в камень при помощи какого-то сильного заклинания.

Но присутствовал и отголосок магии падуба. Толком разобраться у Робин не получалось, но это было как-то связано с лежащей на камне рядом с мечом грудой веточек, — не то птичьим гнездом, не то чем-то подобным. Только вот в этом «гнезде» ощущалась мощная магия падуба, да и рябины тоже. От такого близкого соседства двух магий — падуба и железа — Робин охватило необычное чувство, и ее слегка замутило.

— Странно, правда? — донесся шепот у нее из-под локтя. — Посеребри ручку, и я расскажу тебе всю историю.

Робин оглянулась — и отступила. Безногий калека — у него не было обеих ног по колено — улыбался ей и протягивал ладонь. Видно было, что этот англ некогда отличался ростом, силой и красотой. Теперь же он сделался нищим — хотя, как предположила Робин, достаточно преуспевающим, потому что одет был вполне прилично, а для культей были сделаны мягкие подушечки.

— Ты потерял ноги при Сенлаке? — спросила она.

Робин решила дать калекке монету, если он окажется одним из людей ее отца.

— Не-е,— улыбнулся калека.— Несчастный случай при постройке замка. Королевский судья заплатил мне за увечье, но денежки давно разошлись. Давай же, не скупись. С тебя серебряный, с меня — история про меч.

— Нет,— отрезала Робин.

Она отвернулась и зашагала обратно к шумным, забитым народом улицам. Калека что-то крикнул ей вслед, но без злости. Что-то насчет того, что без хорошего рассказчика эту историю и слушать-то не стоит.

Толпа поглотила и закружила Робин. Девушке потребовалось некоторое время, чтобы снова сориентироваться и найти людской поток, который понес бы ее в нужном направлении, а не в противоположном, в более сомнительные кварталы.

Как бы ни поворачивали улицы, сколько бы народу ни толпилось вокруг, Робин держала свою цель перед глазами.

Башни замка неизменно возвышались над всеми крышами города.

В конце концов она добралась до ворот и остановилась между торговой сумятицей города и стражниками, бросившими на нее безразличный взгляд. Новая надстройка над воротами была сделана из того же белого камня, что и городская стена. Но створки ворот, вырезанные из древнего дуба, были достаточно старыми, и на них были написаны имена всех королей и правящих королей Англии, начиная с Альфреда.

Робин обнаружила среди них имя отца. Герцог Вильям не стал его удалять, хотя этого можно было ожидать. Имя самого герцога красовалось здесь же, оно выделялось свежей резбой по старому дереву и стояло над Гарольдом и Эдуардами, Эдгарами, Эдмундами и прочими, потускневшими до полной нечитаемости.

Робин кашлянула, пытаясь прочистить горло, и стражники снова посмотрели на нее. В ответ она уставилась на них и вдруг осознала, что это мгновение сродни тому, когда она сорвала с плеча Меревин рог. Если она сделает шаг вперед и заговорит, ее план придет в движение, которое уже не остановишь. От того, сработает план или провалится, будет зависеть ее судьба, и судьба герцога Вильяма, и всего английского королевства — а может быть, и всего мира.

Если она сделает шаг вперед и заговорит.

Один из стражников положил руку на рукоять меча. Теперь все трое смотрели на Робин, недоумевая, отчего она никак не наглядится на ворота и не пойдет своей дорогой, как делало большинство.

Робин шагнула вперед и одновременно с этим потянулась к железу, из которого были сделаны мечи, кольчуги и шлемы стражников, почувствовала его вес, потоки притяжения и отталкивания, что пульсировали в металле. Девушка вскинула руку, тряхнув сжатым кулаком в ритуальном жесте, и с этим взмахом все железо на стражниках и рядом с ними испустило пронзительный лязг, такой громкий и усиливающийся звук, что лицо младшего из стражников исказилось, и он чуть отступил в сторону.

Это был клич железа, объявляющий о прибытии благородного норманнского мастера железа. Его должен был услышать весь замок. Но даже мастера железа не сумели бы распознать данный конкретный клич, поскольку Робин никогда прежде его не использовала. И сейчас все они, начиная с герцога, должны были недоуменно гадать, кто же мог издать такой чистый и долгий зов.

Стражники отреагировали инстинктивно, вытянувшись по стойке «смирно». Пускай Робин и выглядела как мальчишка-бродяга, но клич железа не знал отказа. Девушка подошла к стражникам, остановилась вплотную к воротам и произнесла:

— Я принцесса Робин. Желаю, чтобы меня провели к моему деду, герцогу... королю Вильяму.

Еще несколько стражников подбежали и встали навстречку по обе стороны от арки ворот. За ними появился какой-то рыцарь, на ходу цепляющий к поясу меч. Он четким шагом подошел к Робин, на миг преклонил перед нею колени и улыбнулся, весело и открыто, без малейшего следа двуличности, которую Робин подозревала во всех норманнах.

— Приветствую вас, ваше высочество! Я — Жоффрей из Мэндака. Король ждал вашего прибытия, он сейчас в большом чертоге. Прошу, пройдемте.

— Ждал моего прибытия? — переспросила Робин.

Внезапно горло ее сжалось от замешательства и страха, так что слова получились хриплыми и прерывистыми.

— Да, там уже собрались все наследники короля, — радостно ответил Жоффрей.

Он поднимался, отставая от Робин на ступеньку, и по-прежнему возился со своей подвеской для меча. Он напоминал Робин охотничьего пса, что был у нее давным-давно, еще когда отец был жив. Точнее, псу полагалось быть охотничьим, но вопреки своему рвению он постоянно путался в собственных лапах и радостно носился кругами.

— Король, вернувшись вчера вечером из леса, сообщил двору, что вы решили покончить со своим добровольным изгнанием. Вы — дорогой гость здесь, ваше высочество.

— Это не... — начала было Робин. Она пыталась сообщить, что задумал герцог, и как это может повлиять на ее план. — Ладно, неважно. Вы сказали, все наследники короля здесь?

— Да, им велено было явиться, хотя никто из них не знает, в чем причина, — весело выпалил Жоффрей. — Король ничего не объяснил, но многие думают, что это как-то связано с мечом, который он вогнал в камень на рыночной площади в последний день платежа.

— Какой-то нищий сказал мне, что может поведать историю меча, — произнесла Робин, хотя у нее было ощущение, что это не она говорит, а кто-то другой. Внимание ее было почти полностью сосредоточено на арке ворот и на внутреннем дворе за воротами. Она отмечала, как расставлены стражники, и выискивала боковые двери или другие способы выбраться из замка.

— Наверняка мог! — рассмеялся Жоффрей. — Нищий — да без историй? Но вы, ваше высочество, наверняка знаете истории не хуже. Жизнь жрицы богини Луны...

— Что? — удивилась Робин. — Я никогда не была ничьей жрицей и уж тем более жрицей Лунной Госпожи. Я была...

Жоффрей потянулся к ней, ловя ее слова, и Робин поняла, что он вовсе не так прост, как кажется. Он был каким-то должностным лицом, но при этом и придворным и вот прямо сейчас пытался заполучить преимущество, выведав у внучки короля некие тайные сведения.

— Так здесь не знают, где я была последние четыре года? — негромко поинтересовалась Робин.

Они обогнули подножие зеленого холма, но не стали взбираться к главной башне замка, а направились к большому чертогу.

— Нет, ваше высочество, — ответил Жоффрей. — Но историй ходит много.

— А моя... моя сестра, принцесса Меревин? Что эти истории говорят о ней?

Жоффрей удивленно посмотрел на нее.

— Принцесса Меревин? А разве она не умерла от лихорадки через три дня после битвы при Сенлак-Хилл?

Робин покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Она вдруг осознала, что ее жизнь на протяжении последних четырех лет не имела никакого значения для норманнов, для народа, для... да ни для кого за пределами леса. Они были всего лишь еще одной бандой разбойников, прячущихся в чаще, как все разбойники. Они даже не стали такой силой, про которую ходят истории.

Огромные створки двери большого чертога были распахнуты. Когда они подошли ближе, Робин услышала внезапно поднявшийся многоголосый шум, а сразу вслед за ним — пронзительный лязг металла. Это ферраменты ударили мечами о щиты.

— Думаю, король объяснил, в чем там дело с мечом, — предположил Жоффрей.

Он ускорил шаг. Несмотря на звон мечей ферраментов, взволнованные крики в зале и не думали стихать.

В чертоге было еще громче. В просторном зале с высоким сводом бушевало море громкоголосых мужчин и столь же громкоголосых, хоть и не столь многочисленных женщин. В дальнем конце зала строй из двадцати ферраментов преграждал гостям путь к помосту, на котором был расположен простой деревянный трон. Лишь четверо из них били по щитам, но этот неумолчный лязг постепенно заставил толпу притихнуть. За ферраментами стояли два десятка лучников в черных нараменниках гвардии герцога Вильяма.

Сам герцог стоял перед троном, спокойно ожидая, пока станет тихо. Если он и увидел Робин, то не подал вида. Пока Жоффрей вел ее по направлению к трону, девушка поняла, что почти все присутствующие были сторонниками кого-либо из наследников Вильяма. Чертог был набит норманнской знатью, а также самыми высокопоставленными рыцарями и дамами королевства Вильяма. Большинство из них были разозлены, потрясены или взволнованы, да еще шум дополнял накал эмоций.

Робин ни с кем из них не заговаривала, но через каждые несколько ярдов Жоффрей хватал кого-то за локоть и обменивался несколькими словами, после чего Робин получала возможность продвинуться вперед еще немного.

Они одолели всего половину пути, когда Робин внезапно ощутила холодную, жгучую боль под правым глазом. Это длилось всего мгновение, но вызвало у Робин внезапную, странную вспышку гнева. Гнев был направлен на герцога Вильяма. Он убил ее отца и сестру, захватил корону, по праву принадлежащую ей, Робин! Он должен умереть!

Робин остановилась. Она, безусловно, была зла на герцога. Да, верно, она намеревалась уничтожить его — но это решение было принято хладнокровно, без гнева. Этот внезапный приступ ярости был странно неуместным, словно исходил откуда-то извне. Девушка огляделась, но не заметила никого, кроме норманнов, внимание которых было приковано к трону.

А потом она подняла голову и увидела ворона. Ворон смотрел на нее со стропил. Взгляд черных блестящих глаз-бусин был устремлен на Робин, но это не был взгляд птицы. Робин чувствовала этот взгляд, как чувствуют ветер, — нечто невидимое, но сильное и холодное.

Робин покачала головой и уставилась в пол, на грязь и стебли камыша, покрывающие белый камень-плитняк. Ярость оставалась на месте, но Робин знала, что это не ее чувство. Это Всеотец пытается заставить ее начать действовать слишком рано.

— Ваше высочество, с вами все в порядке? — негромко спросил Жоффрей.

Робин вскинула голову и внезапно поняла, что ферраменты перестали бить мечами о щиты, присутствующие прекратили вопить, и в чертоге стало тихо. Девушка медленно выдохнула, изгоняя гнев, который не мог помочь ей.

— Да, — отозвалась она. — Но прежде чем мы двинемся дальше, расскажите мне, чем вызвано такое смятение?

— Король объявил, что его наследником станет...

Тут Жоффрей умолк, потому что в этот момент внезапно заговорил король. Его сильный, резкий голос разнесся над головами.

— Я сказал. Так тому и быть. Кто первый из моих родичей по крови попробует пройти испытание?

После слов короля на несколько секунд воцарилось молчание. Потом низкорослый, но очень широкий в плечах мужчина с бритым затылком протолкался вперед и прошел мимо ферраментов. Железные рыцари пропустили его, лучники в черном молча смотрели, как он решительно шагает к подножию помоста. Подойдя, мужчина не поклонился, лишь едва заметно наклонил голову.

— Это Орильяк, — прошептал девушке Жоффрей.

— Дядя, я протестую! — недовольно бросил бастард Орильясский. — Я твой наследник по праву крови. Совершенно незачем устраивать этот балаган с мечами...

— Есть и другие, чье право крови не уступает твоему или даже превосходит его, — напомнил Вильям. — Одного этого недостаточно, чтобы стать наследником короля Англии и Нормандии. Я объявил, каким путем намерен избрать наследника. Если ты не осмеливаешься предпринять попытку...

Орильяк фыркнул, словно бык.

— Я превосхожу в магии железа всех, здесь присутствующих, кроме тебя, дядя! Я пойду и прямо сейчас вытащу твой меч из камня!

Он не стал дожидаться дозволения, лишь снова чуть наклонил голову, развернулся и размашистым шагом двинулся к выходу. Его бароны и рыцари — около четверти присутствующих в чертоге — последовали за ним. Зал снова заполнился беспорядочными выкриками, которые вскоре еще более усилились, когда ферраменты построились клином и помаршировали к двери, прокладывая путь королю и его лучникам.

Жоффрей осторожно потянул Робин за рукав, стараясь не прикасаться к ней, и попытался отвести ее назад.

— Давайте лучше подождем, прежде чем следовать за королем, — предложил он. — А то через эту толпу мы к нему не пробьемся.

Робин кивнула и стала пробираться к стене чертога следом за лавирующим между людьми Жоффреем. Она чувствовала стрелу с наконечником из слоновой кости, привязанную к боку, и ей до боли хотелось выхватить ее и вонзить в грудь Вильяму. Но нет, сейчас она не может подобраться доста-

точно близко. Ничего, позднее ей представится такая возможность.

Робин понимала, что после этого ее убьют, но, по крайней мере, она умрет, зная, что отомстила за смерть сестры и отца. После смерти герцога наследники Вильяма ввергнут Англию и Нормандию в войну, хотя, судя по нынешнему раскладу сил, бастард Орильякский быстро одержит верх — у него самая большая и самая воинственная свита. Он войдет сюда, в столицу...

В душе у Робин зародилась тень сомнения. Если она убьет Вильяма, не отдаст ли она тем самым Англию Орильяку, который, по всеобщему мнению, куда худший господин, чем герцог? И действительно ли ей хочется новой войны в Англии? Эти мысли казались ей предательскими, и ухватить их было труднее, чем неприкрытый, отчетливый гнев в адрес Вильяма. Но они тоже были упорными и продолжали крутиться в голове у Робин, когда вслед за толпой девушка вышла из замка и спустилась через город к рыночной площади.

Этот внезапный исход из замка — процессия, состоящая из короля, ферраментов и четырех с лишним сотен высокородных норманнов, — вызвал в городе переполох. Робин казалось, что все, кто только был в Винчестере, с воплями ринулись к рыночной площади; и горожане, и явившиеся в город крестьяне приставали к шествию и следовали за ним.

Благодаря расторопности Жоффрея, который говорил что-то на ухо шагающим впереди баронам и рыцарям, а потом тащил Робин за рукав, к тому моменту, как они подошли к полю, девушка оказалась у самого строя ферраментов. Железные рыцари и лучники, получившие на поле подкрепление в лице дружинников, образовали кордон ярдах в тридцати от камня с мечом и остановили толпу, которая, как казалось Робин, к тому моменту сделалась многотысячной.

Внутри этого кордона находились лишь Вильям с Орильяком. Жоффрей снова потянул Робин за рукав и осторожно подтолкнул вперед, к месту, где все было хорошо видно в просвет между двумя ферраментами. Девушку аж передернуло от близости этих железных воинов. Она старалась не обращать внимания на то, как горячие духи, заключенные в металлические тела, пыгаются коснуться ее разума. Это мысленное

вмешательство одновременно и отталкивало, и притягивало ее. Много лет прошло с тех пор, как Робин ощущала его последний раз, еще во время уроков, которые давала ей мать. Два дня назад, спасаясь бегством от железных воинов, она была для этого слишком занята.

Орильяк что-то вопил, обращаясь к Вильяму. Робин вынудила себя переключить внимание с железных рыцарей на слова бастарда.

— ...прочь простолюдинов! Я не позволю, чтобы меня дурачили в присутствии толпы, дядя!

Вильям что-то произнес — Робин не расслышала, что именно, — и указал на меч. Орильяк зарычал, шагнул к камню, вскарабкался на него, встал над мечом и ухватился за рукоять обеими руками. Мышцы Орильяка напряглись, и в то же мгновение Робин ощутила порыв исходящей от него магии железа. Он пытался воздействовать одновременно и на металл меча, и на более неподатливый камень, ведь Вильям сплавил их воедино.

— Ты также должен надеть корону! — крикнул Вильям.

Он указал на предмет, который Робин поначалу сочла птичьим гнездом, беспорядочной мешаниной веточек и ягод, пока не почувствовала таящуюся в нем магию.

— Что?! — возмутился Орильяк. От негодования и напряжения у него покраснели нос и скулы. — Это уже чересчур! Я не стану надевать какой-то дурацкий шлем...

— Это — корона короля Альфреда, — пояснил Вильям, и, хотя он не кричал, его голос каким-то образом пробился сквозь шум толпы и гнев Орильяка и заставил всех стихнуть. — Утраченная два столетия назад и обретенная вновь. Надень корону падуба, Орильяк, вытащи меч железа — и сменишь меня на троне Англии и Нормандии.

— Это что, очередное оскорбление? — протестовал Орильяк. — Хотя мои родители и не были обвенчаны, я чистокровный норманн! Я не могу надеть корону падуба.

— Это чушь, порожденная байками и воображением, — сказал Вильям.

Он подошел к камню и благоговейно взял в руки древнюю корону. Потом он высоко поднял ее, подержал несколько мгновений и осторожно возложил себе на голову. Толпа

ахнула, но Вильям не покрылся кровавым потом, не рухнул без сознания и вообще не выказал ни одного признака тех неприятностей, которые якобы должны приключиться с норманнскими мастерами железа, прикоснувшимися к доброму английскому падубу.

Орильяк устоял на Вильяма и медленно расплылся в усмешке. Робин не сомневалась: он считает, что корона — это какой-то фокус, подделка, сооруженная из бумажных ягод и крашенных веточек. Но сама девушка чувствовала силу этой вещи, которая ощущалась как холодное, обособленное озеро, рассеченное струями горячей магии железа, что текла между ферраментами, Вильямом, Орильяком и... ею самой.

— Дай мне корону! — потребовал Орильяк.

Он протянул руку, но Вильям отступил на шаг и снова поднял корону на всеобщее обозрение.

— Пусть корона короля Альфреда выберет моего преемника! — провозгласил он.

Орильяк заворчал и слез с камня. Он слегка наклонил голову, чтобы Вильям возложил на него корону, и тут же выпрямился.

Но усмешка сразу исчезла с раскрасневшегося лица бастарда, поскольку падуб вдруг покрылся шипами, те вспороли кожу Орильяка и рванули, словно когти, к его глазам. У бастарда хлынула носом кровь, а дыхание сделалось судорожным и прерывистым. Он упал на колени, прижав руки к глазам в надежде защититься от шипов. Вильям шагнул к нему и снял с него корону; шипы тут же исчезли.

Робин была потрясена. Она почувствовала порыв магии падуба, ее спокойствие внезапно улетучилось, и на смену пришла студеная стремительная волна, подобная холодному ветру с моря. Но при этом девушка ощутила, что корона отреагировала не на норманнскую кровь Орильяка, а на некую неправильность в его отношении к происходящему. Ей смутно припомнились слова матери о том, что подобные вещи во многом происходят из-за неприязни норманнов к падубу и дубу, которая повсеместно поддерживалась и укреплялась как вера — а вера обладает собственной силой. Изредка — реже, чем оборотни, — встречались люди, которые вообще не вери-

ли в магию. Они отличались невероятной устойчивостью к заклинаниям, а иногда вообще могли остановить действие магии. Ученые мужи полагали, что подобное поведение — всего-навсего еще одна разновидность магии.

Два рыцаря из свиты Орильяка помогли ему подняться. Бастард стер кровь с лица, смерил Вильяма взглядом, развернулся и отошел к своим сторонникам. Он быстро переговорил с главными из них, затем его люди начали разворачиваться и теснить простолюдинов, расчищая выход с поля.

— Орильяк! — крикнул Вильям. — Я не давал тебе дозволения уйти! Здесь есть и другие мои кровные родичи. Если кто-нибудь из них добьется успеха, остальные должны будут поклясться в верности избранному наследнику.

При этих словах четыре феррамента придвинулись ближе к тому месту, где стоял Орильяк; в стиснутых кулаках бастарда читалась ярость, а в развороте тела — он снова повернулся лицом к камню — осторожность.

Вильям посмотрел на другую группу рыцарей и дружинников, стоящую за тремя молодыми людьми, что хмуро глядели на камень. В отличие от Орильяка они были не в кольчугах, и их яркие наряды бросались в глаза на фоне одежд других мужчин.

— Ну, племянники?

— Мы подождем, пока ты умрешь, дядя, — откликнулся молодой человек в ярко-синей тунике и шапке с серебристым верхом. Он взглянул в сторону Орильяка и добавил: — А потом разделим все поровну.

Вильям расхохотался.

— Жан, ты честен, как всегда. Но я пока не собираюсь умирать и полагаю, что именно сегодня отыщу своего наследника, которому вы принесете клятву верности.

— Кому? — поинтересовался Жан. — Орильяк не смог вытащить твой меч, мы с братьями даже пытаться не будем. А больше никого и нет.

Вильям снова улыбнулся и повернулся к толпе. Он ничего не сказал — просто стоял и ждал. Толпа смолкла, и стало так тихо, что Робин не слышала ничего, кроме стука собственного сердца и пульсации крови в жилах на шее.

— Ключ железа у ворот замка! — вдруг произнес Жан. Среди общего молчания голос его прозвучал странно и пронзительно. — Кто это был?

Какой-то ворон каркнул и описал круг над полем. Какой-то одноглазый мужчина протиснулся в первый ряд и остановился за спинами Робин и Жоффрея.

Робин запустила руку под тунику, собираясь достать обломок стрелы с наконечником из слоновой кости. И тем не менее она колебалась. У нее никогда больше не будет такой возможности убить короля Вильяма, и все же...

Одноглазый ткнул Жоффрея мизинцем в поясницу. Это прикосновение не сокрушило бы и мухи, но норманн-придворный рухнул. Он непременно упал бы на Робин, но она уже сделала шаг вперед. Девушка выскочила из-за двух ферраментов, словно детская игрушка из коробочки, и оказалась на всеобщем обозрении.

Робин направилась к Вильяму, и присутствующие снова ахнули, ведь они видели перед собой норманна-мальчишку, бедняка, крестьянина, который шел к королю Англии и Нормандии, гордо вскинув голову.

— Принцесса Робин, — обратился к ней Вильям.

— Дедушка.

Из толпы донеслись пронзительный вскрик, нервный смех, а следом — множество голосов, требующих тишины. Орильяк ринулся вперед, но ферраменты стремительно преградили ему дорогу. Вильям подал знак, и его лучники в черных нараменниках придвинулись поближе, не спуская глаз с Орильяка и его свиты.

— И что это? — негромко, так, чтобы слышно было только им двоим, поинтересовался Вильям. — Что ты там прячешь? Древко? Может, сначала выслушаешь меня?

Робин кивнула и тут же почувствовала, что совершила ошибку. Ее мужество и ярость были напряжены, как тетива натянутого лука, и она не могла долго удерживать их в таком состоянии. Девушка стиснула стрелу и убедила себя, что лишняя минута ничего не решает. Просто Вильям расстанется с жизнью чуть позже.

— Убей меня — и ты умрешь, — продолжал король. — Англия погрязнет в войне. Все, чем дорожил твой отец, будет потеряно...

— Ты убил моего отца! — хрипло выдавила Робин.

Вся толпа с любопытством подалась вперед, желая услышать, о чем говорят эти двое.

— Он умер в битве, с мечом в руке, как и твоя сестра. Я сожалею об их кончине, в особенности о Меревин. Робин, моя смерть не вернет их к жизни, а твоя смерть не принесет никакой пользы. Надень корону, возьми мой меч, и через год-два ты будешь королевой Англии и Нормандии!

Вильям схватил Робин за плечи. Девушка дернулась от его прикосновения и едва не сломала стрелу. Он был так близко, и так легко было вонзить стрелу меж его старых ребер — прямо в сердце. Никакие защитные заклятия, которыми окутывает себя любой мастер железа, не устоят перед острым наконечником из слоновой кости.

Робин приподняла локоть и потащила стрелу из-под туники.

— Ты моя внучка, — тихо добавил Вильям. Он закрыл глаза и подался вперед, словно стремясь в ее объятия. — Делай, как знаешь.

«Ищи новое начало», — услышала Робин голос Меревин, и ей показалось, что сестра стоит у нее за плечом. Внезапное карканье вороньей стаи над головой едва не заглушило эти слова.

Но Меревин рядом не было, был лишь старый дед, который так и застыл с закрытыми глазами, положив руки ей на плечи. Была толпа, переполненная волнением и ожиданием. Присутствующие сознавали, что все они — свидетели великого и необычайного события. Были три внучатых племянника Вильяма, уставившиеся на Робин, словно на некое странное существо. Был Орильяк, очевидный враг, которого удерживала лишь его временная слабость.

Робин вспомнила, как сорвала рог с плеча сестры. Вспомнила, как неслась вниз по склону. Вспомнила глухой звук, с которым на Меревин обрушился удар железного рыцаря.

«Понимать, когда нападать не следует...» «Ищи новое начало...» Голос Меревин эхом звучал в голове Робин — и, возможно, будет звучать до конца ее жизни.

Робин медленно вернула стрелу на место и вытащила руку.

— Я никогда тебя не прощу, — прошептала она. — Но я возьму твой меч.

Потом она произнесла громко, так, чтобы слышала толпа:

— Дай мне корону!

Зрители радостно загалдели, но Робин не была уверена: то ли они приветствуют ее, то ли надеются увидеть повторение сцены с Орильяком.

Вильям высоко поднял корону, и Робин ощутила исходящую от нее магию. Корона, подобно семени, была вместилищем могучей силы, которая ожидает лишь подходящего момента, когда можно будет стремительно пуститься в рост.

Робин склонила голову — и колючие листья падуба царапнули кожу. Девушка напряглась, ожидая укола шипов или внезапного приступа тошноты. Но корона легко улеглась на ее почти сбритых волосах, а живот если и свело немного, то только от волнения.

— Меч! — выкрикнул кто-то, и в считанные секунды вся толпа подхватила этот клич.

Многотысячный хор принялся скандировать:

— Меч! Меч!

Робин поправила корону и, к своему изумлению, почувствовала под пальцами не сухие веточки и высохшие ягоды, а цветы и молодые побеги. Еще больше она удивилась, поняв, что волосы ее — уже не короткая и жесткая щетина. Они росли невероятно быстро и по длине сравнялись уже с первыми двумя фалангами ее мизинца.

— Меч, — повторил Вильям.

Робин не могла его слышать, настолько громким был рев толпы, но все поняла. Девушка отвела руки от вновь обретенных волос и цветущей короны, несколько раз согнула и разогнула пальцы и взобралась на камень.

Меч, словно крохотное солнце, излучал магию железа. Робин ощутила волну жара на лице и вдохнула горячий воздух. Но она знала, что это не настоящий жар и что он не обожжет ее, если она не будет бояться.

Девушка без колебаний ухватила обеими руками за ручья, впитывая и тепло, и магию, позволяя им течь через ее тело, принимая силу железа и таким образом преумножая собственную силу.

Она не чувствовала никакого сопротивления со стороны короны — скорее, корона признала ее. Наследие девушки шло и из зеленого леса, и от горячего камня, лежащего глубоко под землей. В сознании Робин они не мешали друг другу.

Когда Робин согнула колени и сосредоточила силы и волю на мече в камне, крики толпы сделались еще громче и неистовей. Девушка поняла, каким образом Вильям сплавил клинок с камнем, но отделить их было непросто. И все же постепенно ей удалось разъединить железо и камень, и меч с визгливым скрежетом, дюйм за дюймом, стал выходить на волю.

По лицу Робин струился пот, поясница и руки болели. Один последний выплеск силы и решимости — и камень отдал свою добычу. Робин взмахнула мечом и подняла его над головой. Она так запыхалась, что у нее не было сил ни громко порадоваться, ни хотя бы произнести скромную речь.

Вильям вскинул руки, призывая к молчанию, и ферраменты снова ударили мечами по щитам, подчеркивая это требование. Когда толпа утихла, Вильям повернулся к камню и двинулся к Робин, от которой его отделяло несколько шагов.

И в этот самый миг Орильяк и его люди внезапно ринулись в атаку. Сам бастард прыгнул на камень, извлекая меч из ножен.

Робин увернулась от первого его удара; острие меча Орильяка чиркнуло по камню, выбив искры. Следующую атаку она отразила, но удар был настолько сильным, что меч Вильяма вылетел из ее руки, а пальцы внезапно онемели и перестали слушаться.

Три стрелы отскочили от бастарда, не одолев защитного заклинания; Орильяк напал снова. Робин прыгнула с камня спиной вперед, удачно приземлилась и отступила подальше; толпа откатилась назад, словно море во время отлива.

Бросив быстрый взгляд, Робин убедилась, что Вильям, его лучники и ферраменты устроили людям Орильяка крова-

вую баню и что эта идиотская битва продлится не дольше нескольких минут.

Но бастарду требовалось лишь одно — убить Робин.

Он соскочил с камня и ринулся к девушке; левой рукой она попыталась вытащить черную стрелу. Робин напряглась, приготовившись атаковать и изворачиваться; стрела все еще пряталась у нее под одеждой. Но когда Орильяк вскинул меч, в спину ему врезался рычащий шерстяной ком — не то пес, не то небольшой медведь, вылетевший из толпы.

И в тот же самый миг более дюжины безоружных людей, горожан и простых крестьян ринулись между Орильяком и Робин. Один из них пал от меча Орильяка, но остальные накинулись на бастарда, а медведь сшиб его с ног. Еще часть людей выскочила из толпы и окружила Робин.

Все они выкрикивали одно и то же:

— Англия! Англия! Англия!

Самые высокие из мужчин подняли Робин на плечи. Мертвый Орильяк лежал рядом — можно было считать, что мертвый, потому что восемь-девять человек тыкали его ножами и молотили голыми руками. Медведь, сваливший бастарда с ног, уселся и принялся слизывать кровь с лапы и морды; толпа раздвинулась, давая ему место.

Робин посмотрела на медведя, и тот ответил ей по-человечески понимающим взглядом.

— Спасибо, Джек, — негромко произнесла Робин.

Медведь встал, поднялся на задние лапы, а потом медленно опустился на одно колено и склонил голову. Все вокруг последовали его примеру. Это походило на поле пшеницы под ветром: мужчины, женщины и дети склоняли головы и преклоняли колени. Первыми были крестьяне и горожане, их примеру последовали норманнские дружинники, а затем — рыцари, благородные господа и дамы. Они опускались прямо в кровавую грязь, в которой валялись мертвые или раненые сторонники Орильяка.

Лишь Вильям остался стоять. Даже мужчины, державшие Робин, преклонили колени, не снимая девушку с плеч. Ее волосы уже окаймляли лицо, а цветы падуба разрослись и образовали мантию, ниспадавшую на плечи, словно роскошный королевский плащ.

Вильям направился к Робин. На полдороге он поднял руку — и меч подлетел к нему. Вильям развернул его, взялся за клинок и протянул рукоятью к девушке. Она приняла меч левой рукой и вскинула над головой.

Так принцесса Робин получила наследие, к которому никогда не стремилась. Ее окружала пролитая кровь, которой она не хотела. Ее приветствовал дед, которого она всю жизнь боялась и ненавидела. Ей кричали хвалу норманны, на которых она так походила внешне, и англы, к которым она, по ее ощущению, на самом деле не принадлежала.

Наверху, в небе, два ворона каркнули с отвращением и полетели прочь, пытаясь на лету клевать и щипать друг друга. В это время одноглазый, лежавший на земле меж двумя мертвыми сторонниками Орильяка, закашлялся и умер. Из груди его торчала случайная стрела.

Мэри Розенблюм

ЦВЕТНОЕ ВИДЕНИЕ

Когда в дело замешаны волшебники, в глазах смотрящего может быть нечто помимо красоты...

Мэри Розенблюм, входящая в число самых популярных и плодовитых писателей девяностых, опубликовала свое первое произведение в 1990 году в «Asimov's Science Fiction». С тех пор она является одним из оплотов этого журнала, одним из самых часто публикуемых его авторов: на ее счету уже почти тридцать публикаций. Мэри Розенблюм также печаталась в «Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Sci Fiction», «Science Fiction Age», «Pulphouse», «New Legends» и других изданиях. Розенблюм создала одни из самых ярких, волнующих и эмоционально сильных произведений девяностых, такие как «The Stone Garden», «Synthesis», «Flight» и многие другие. Ее роман «Gas Fish» получил в 1996 году премию читательских симпатий от «Asimov's Science Fiction», а в 2007 году вышел в финал «Хьюго». Ее первый сборник рассказов, «Synthesis and Other Virtual Realities», получил множество похвал от критиков и был признан одним из лучших сборников 1996 года.

Мэри Розенблюм получила степень бакалавра в Клариион Вест. Она проживает в Портленде, штат Орегон.

Я смотрела на мистера Бизли, пока миссис Бэнкс что-то нудно говорила насчет дробей. Мистер Бизли — какой-то там питон, не помню точно, какой именно разновидности. Миссис Бэнкс — это моя учительница. Ее слова — тускло-сине-зеленые, как океан после бури. Вполне подходят для дробей. Мистер Бизли фиолетово зашипел на меня. Думаю,

я ему не нравлюсь. С другой стороны, он мне тоже не нравится. Он веселится, когда душит несчастных мышек, которыми его кормит миссис Бэнкс, хотя змеям не положено веселиться.

— Эй, а какого цвета я сейчас? — Джереми перегнулся через проход. — Я стараюсь говорить зеленым.

Мать Джереми — школьный психолог-консультант. Но он мне все равно нравится.

— Тихо! — шикнула я на него, ведь миссис Бэнкс только и ищет случая оставить нас после уроков. Мне вообще кажется, что она тоже радуется, когда мистер Бизли душит тех мышей. — Ты всегда желтый, — шепотом сообщила я Джереми, в надежде, что он умолкнет.

Вообще он в курсе, я ему уже сто раз объясняла, как работает синестезия. И Джереми считает, что это клёво, поэтому я свободно обсуждаю с ним такие вещи. А моего папу это пугает, я уж не знаю почему. Думаю, он беспокоится, что я такая, как мама. Хотя врач сказал, что это всего лишь устройство мозга — как если бы у меня провода в голове перепутались, и поэтому я воспринимаю звуки как цвета. Но папу это все равно пугает. Мне тот врач вообще понравился, но голос у него был гадкий, блевотно-зеленого цвета. К тому же мы все равно сразу оттуда уехали. Мы постоянно переезжаем. Даже если я не говорю про синестезию.

— Можете убрать учебники. — Миссис Бэнкс посмотрела на часы и засуетилась. — Нас сейчас навестит наш новый директор. Мистер Телеомара раньше руководил очень престижной частной школой в Нью-Йорке, и нам на редкость повезло, что у нас теперь такой директор.

Она пригладила волосы и взглянула на свое отражение в стекле аквариума мистера Бизли. А это еще что, неужели помада? Мне просто не верилось, но она действительно повернулась к нам спиной — как будто нам не видно! — и накрасила губы. Вот подлиза! Да ей же сто лет в обед! Пятьдесят точно.

— Я хочу, чтобы вы вели себя отлично, — сказала миссис Бэнкс и устремила на нас с Джереми убийственный взгляд. —

Только попробуйте нашкодить — и мы всю следующую неделю будем писать контрольные каждый день.

Замечательно! Конечно, класс устался на нас. Джереми соорудил наивную рожицу, от которой все засмеялись, а я просто опустила глаза в книгу, изо всех сил стараясь показать, какая я прилежная ученица. Нового директора еще никто не видел. Считалось, что он жутко строгий и, возможно даже, ест маленьких детей. Ну, сами понимаете. Я продолжала делать вид, что с головой ушла в дробь, а миссис Бэнкс, с придыханием вереща, ринулась к двери приветствовать директора.

— Здравствуйте, дети. Рад с вами познакомиться, — раздался низкий голос.

Серебро?

Я прищурилась. Он немножко искрился в воздухе, будто блески на одежде. Я никогда прежде такого не видела, поэтому подняла голову. Оказалось, он высокий и выглядит как кинозвезда. Наверно, поэтому миссис Бэнкс накрасилась. Она снова поправила волосы, глупо улыбнулась, и в голосе у нее появился зеленоватый оттенок. Даже мистер Бизли подключился к происходящему, фиолетово зашипев на весь класс. Я посмотрела на питона. И еще раз посмотрела. На его голове, прямо посередине, появился ярко-синий драгоценный камень. И глаза у него стали человеческими, то есть с радужкой и круглыми зрачками.

И да, я ему не нравилась.

Что-то тут не так.

— А, любительница рептилий!

Тут мистер Бизли зашипел совсем фиолетово, я же быстро вернулась к книжке, но было поздно. Оказалось, что новый директор стоит рядом с моей партой. И улыбается. И знаете что? Мне его улыбка напомнила мистера Бизли. Кажется, новому директору я тоже не нравилась.

— У Мелани проблемы с вниманием, — зашебетала миссис Бэнкс. — Она сложная ученица.

Катерина Саммерс, здешняя заводица, захихикала, и я почувствовала, как у меня горят щеки. Но потом я заметила ту

старую уродливую чашку на столе миссис Бэнкс — ту, в которую она ссыпает канцелярские скрепки.

Чашка стала золотой. А в ней — рубины, кажется...

Да, что-то тут явно не так.

— Я с нетерпением жду, когда начнется сотрудничество с каждым, кто учится или работает в этой школе.— Серебристые слова мистера Телеомары словно повисли в воздухе. Как туман. Это не было похоже на обычную синестезию. Они плавали вокруг меня, и я их чувствовала, словно истолченные в пыль бритвенные лезвия. У меня от них начался зуд.

Мистер Телеомара снова улыбнулся и стал еще больше похож на мистера Бизли.

— Мелани Дрейлинг! Вот это встреча!

Ничего себе! Дрейлинг — это моя настоящая фамилия.

Он не мог ее знать. Но он улыбался конкретно мне. Серебряная завеса из толченных лезвий сделалась такой плотной, что я едва могла разглядеть удивленное лицо Джереми. Мне захотелось выбраться из класса. Захотелось рассказать обо всем папе. Или даже нет — Крису. Он наверняка объяснит, что случилось с мистером Бизли и с чашкой.

Но я не могла пошевелиться. Не могла вздохнуть. Воздух был заполнен этой серебряной дрянью.

— Я знал твою мать,— продолжал мистер Телеомара.— Ты очень на нее похожа.

Тут у меня загудело в ушах, и мне представилось, как мистер Бизли хватает несчастных мышей и как они отчаянно пищат, пока он их окончательно не задушит. Потом к этому жужжанию в ушах прибавилось чувство, что мой желудок вывернулся наизнанку — может, из-за того, что я надышалась лезвиями. Миссис Бэнкс как раз захихикала над моей фамилией, и я решила, что теряю сознание...

...и меня вырвало.

Прямо на мой учебник математики. И на парту. И на пол.

Серебро исчезло. Миссис Бэнкс начала зудеть — мерзко, цветом моря в шторм,— и все стали издавать гадкие звуки, и цвета вокруг были тошнотворные. Меня снова замутило, и я пулей вылетела из класса. За дверь, и дальше, по коридору. Черта с два я сюда когда-нибудь вернусь!

Мистер Телеомара веселится ничуть не хуже, чем мистер Бизли с мышами.

— Эй, погоди! — Джереми поймал меня в тот самый момент, когда я собиралась нырнуть в пожарный выход, что располагался в конце коридора. — Ты в порядке?

Голос у него был встревоженный, немного с оранжевым оттенком.

— Нет. Да. В порядке.

Ничего я не в порядке. Я оглянулась, но за нами никто не гнался.

— Я пошла домой. А ты возвращайся обратно, пока тебя не оставили после уроков.

— Да что случилось? — Джереми не собирался уходить. — Почему он назвал тебя Дрейлинг? Отчего тебя вырвало?

— Отравилась. Что-то съела.

Я зашагала через спортплощадку, ожидая, что кто-нибудь вот-вот начнет вопить. Может, я бы себя и убедила, что этот таинственный серебряный голос мне померещился... но я его чувствовала, и мне от него становилось плохо. А еще были мистер Бизли и золотая чашка.

И мистер Телеомара.

Нет, надо поговорить с Крисом.

— Я тоже ел в столовой. — Джереми никак не хотел отставать. — Но я не блюю. А что такое он выдал насчет твоей мамы? Моя мама говорит, что она умерла, правда, запрещает обсуждать с тобой это, потому что у тебя вытеснение.

— Она не умерла! — огрызнулась я.

Но потом мне стало стыдно. Джереми заступался за меня, когда я только пришла в эту школу, прошлой зимой. Он со мной общался, когда никто из местной компании и словом со мной не желал обмолвиться.

— Извини. — Я вздохнула. — Слушай, мне очень надо увидеть кое с кем. Это действительно важно.

Мы уже прошли почти всю спортплощадку, и до сих пор никто не поднял крика. Мне прямо не верилось, что я так легко удрала из школы. Я пролезла сквозь ограду за качелями и через лаз, во дворик, где жила маленькая брехливая собачон-

ка. В тот момент она, видимо, сидела в доме. Джереми упорно следовал за мной.

Надо было дать ему понять, чтобы он отвалил. Обидится? Подумаешь! Но мне не хотелось его обижать. Он считает, что слышать цвета — это клево, пускай даже его мама — школьный психолог, и решила, что у меня реакция вытеснения. И я подумала: а вдруг — ну вдруг! — он хорошо поладит с Крисом? Так что я промолчала, он перелез через старую дощатую ограду следом за мной, мы срезали путь через заросший сорняками пустырь и зашагали по Фир-стрит. Вскоре улица превратилась в изрытую глубокими колеями грунтовую дорогу, уходящую в лес, к хибаре, которую мы снимали. Но вообще-то я шла не домой. Сначала мне нужно было поговорить с Крисом. Если бы я сказала папе о мистере Телеомаре, то и глазом бы моргнуть не успела, как мы бы уже мчались в другой штат.

Внезапно до меня дошло: мы уедем. То есть мы всегда уезжали — но мне будет ужасно неоставать Криса, ведь до встречи с ним я вообще ничего толком не знала. У меня сдавило горло, потому что мы прожили здесь всего несколько месяцев и потому что мне нравился Джереми, хотя обычно я не успеваю ни с кем подружиться. А сейчас у меня целых двое друзей, и мне придется расстаться с ними. Где-то ярко-оранжево жужжала косилка, и птицы рассыпали в ветвях синие, розовые и золотистые трели. Денек был бы просто отличным, если бы не явился поганый мистер Телеомара.

В лесной чаще было тихо и темно — почти как в сумерки. В грязном пруду шумно возилась лягушка-бык.

— Эй, а она какого цвета? — спросил Джереми. — Спорим, что темно-фиолетового?

Он постоянно задавал такие вопросы, и я не могла сдерживать улыбку.

— Ошибаешься, — ответила я. — Темно-коричневая, как шоколад.

— И ладно тогда. Может, поделишься со мной? Что случилось-то? — Теперь Джереми подошел ко мне вплотную. — Чего у тебя такого стряслось с новым директором, мистером Телео-как-его-там?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Что-то очень странное. Кажется, это из-за цвета его голоса.

— А какого он цвета?

— Серебряного. Но не... не такой, как обычные цвета. Когда я слышу слова, я просто вижу синий, или желтый, или какой-то другой. И он никак не мешает мне видеть все остальное. Понимаешь?

— А этот мешал?

— Мешал. — Я наблюдала за Джереми краем глаза — ждала, когда он перестанет мне верить. — Я его чувствовала... мне от этого было больно. И меня затошнило.

Это я еще не сказала про мистера Бизли и чашку.

— Как такое могло произойти?

Джереми нахмурился, судя по всему, он мне верил.

Мне нечего было терять. Как только я расскажу обо всем папе, мы тут же уедем. Тогда какая разница, подумает Джереми, что я спятила или нет?

Хотя, пожалуй, для меня была разница.

Поэтому я ничего не сказала, а просто пошла быстрее, Джереми даже пришлось меня догонять.

— Ты что, каждый день так ходишь? — запыхавшись, поинтересовался он. — Ой, блин! А почему тебя не забирает школьный автобус?

Автобус забирал бы, но в нем еще хуже, чем в классе. Я в этом давным-давно убедилась.

— Люблю пройтись.

Я свернула в лес до того, как мы приблизились к моему жилищу. Папа мог быть дома, и он сразу бы понял, что что-то не так. Я никогда не врала папе, и поэтому просто пошла по тропке, по которой возвращалась, когда впервые столкнулась с Крисом.

— А куда мы идем? — Джереми огляделся по сторонам. — Слушай, давай к нам домой? У мамы сегодня прием старшеклассников, она вернется не раньше пяти. Поиграем на новой приставке. Пока мама ее не распробовала и не забрала у меня. Игрушка реально клевая — значит, наносит психологический вред.

— Мы уже почти на месте,— сказала я. Пожалуй, мне и вправду хотелось познакомиться Джереми и Криса.— Я... У меня тут друг. Мне нужно с ним поговорить обо всем, что случилось.

— Ладно.— Джереми пожал плечами.— А потом пойдем ко мне? И его возьмем, если захочет.

— Он не может. Он в инвалидном кресле и... короче, не может. Нам сюда.

Дорожка повела нас влево, в сторону океана. До меня доносился запах воды и отдаленный шум прибоя. Его мне тоже будет не хватать.

— Тут никто не живет.— Джереми налетел на куст ежевики и ойкнул.— Тут и домов-то никаких нет. У меня кровь идет!

— Нет у тебя никакой крови.— Я вытащила шипы из подола его рубашки.— Почти нет. Мы уже у цели.

— Если только не...— Мы пробрались через плотные заросли елей и чего-то ползучего, и Джереми, не окончив фразу, воскликнул: — Ух ты! — Несколько мгновений он лишь молча глазел.— Черт, откуда это здесь взялось?

Действительно, с этими серыми каменными стенами и плетями ежевики сооружение смахивало на замок Спящей Красавицы. На самом деле оно выглядело в точности как этот замок. Я тоже поцарапалась до крови и зализывала запястье.

— Мелани, погоди! — Слова Джереми сделались темно-желтыми.— Я знаю, что это за место. Тот тип, который построил лесопилку... ту, которая закрылась. Он действительно здесь жил. Но это было сто лет назад, все уже развалилось. Мой двоюродный брат с друзьями лазили тут в прошлый Хеллоуин. На спор. Он утверждал, что крыша провалилась, что все заросло ежевикой и прочим. Они даже не смогли пробраться внутрь. Он досадовал, что это было пустой тратой времени.— Джереми изумленно посмотрел на каменную стену.— А про стену он ничего не говорил. И про замок. Тут ничего такого не было.

Я улыбнулась.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мой двоюродный брат...— Джереми снова посмотрел на стену, затем потрогал — осторожно, будто

опасаясь, что та его укусит. Не укусила. — Он бы мне сказал, если бы тут было что-нибудь интересное.

Я ждала, дойдет ли до него. Может, и нет, но знаете что? Мне очень-очень хотелось, чтобы до него дошло.

— А где дорога? — Джереми огляделся по сторонам. — Как сюда еду привозят? Как они ходят в церковь? Мелани, тут невозможно жить!

Я перестала ждать и направилась к старой яблоне. Она прислонилась к стене, будто один из тех типов, которых можно увидеть средь белого дня в таверне через открытую дверь — они так же приваливаются к стойке бара. Я начала взбираться на яблоню.

— Эй, подожди меня! — Джереми стал карабкаться следом, а он лазает по деревьям лучше меня. И знаете что? Мне без разницы.

Я рада, что он не развернулся и не пошел домой.

Ветви яблони образовали на вершине стены что-то наподобие беседки с лиственным сводом, а одна толстая, узловатая ветка торчала, словно рука, протянутая, чтобы не дать упасть. Занятно. Очень может быть, что мы с Крисом никогда бы не встретились, если бы не эта яблоня. Но в тот день я залезла на нее и наткнулась на Криса. Джереми перегнулся через ветку-руку, будто делал это сто раз.

— Откуда тут взялся этот замок? Тут же нет никакой дороги! — Он все не мог успокоиться. — Эй, гляди! — Джереми указал вниз. — Это и есть тот твой друг, в инвалидном кресле?

— Угу. Это Крис.

Я ухватилась за ветки и соскользнула вниз, как будто съехала со стены.

— Привет, Мелани!

Крис попытался подъехать ближе, но лозы, покрывающие все вокруг, так и норовили запутаться в колесах, как обычно. Эти лозы напоминали мне тощего, зеленого мистера Бизли. Думаю, им я нравлюсь ничуть не больше, чем питону. Во всяком случае, они постоянно норовят обернуться вокруг моей лодыжки и поймать меня. Не представляю, как Крис возвращается в замок. Может быть, дядя его заносит? Почему бы им не купить хорошую газонокосилку и не срезать всю эту растительность?

У Криса был неважный вид. Смуглые тощие руки, черные волосы, которые прилипли ко лбу, как будто Крис вспотел — хотя еще был май, и вовсе не жарко. Слова у него были цвета собачьих какашек.

— Никак не могу выпутаться из этих лоз.— Крис сдался и тяжело осел в кресло.— Привет,— обратился он к Джереми, когда тот свалился со стены.— Приятно познакомиться. Меня зовут Крис.

— Привет. А меня — Джереми.— Джереми стряхнул с головы что-то вроде птичьего гнезда и огляделся по сторонам.— Я тут прожил всю свою жизнь, но ничего не слышал про замок. Как тут клево!

— Это истинное обличье,— пожал плечами Крис.— Ты, возможно, видел тут что-то совсем другое. Дом, амбар или еще что-нибудь.

Вот теперь Джереми точно был сбит с толку. Ага, началось.

— Джереми, Крис — волшебный,— пояснила я.— Вокруг нас существует целый мир, а мы даже не знаем, что он рядом.

Понимаете, я привыкла считать, что все сама себе сочинила, все то, что наблюдала рядом с мамой. И мои учителя так говорили. Но потом я встретила Криса, и он мне объяснил, что ничего я не выдумала.

— Просто обычно ты этого не замечаешь,— продолжала я.— Если только рядом нет кого-то волшебного.

— Л-ладно,— выдавил в конце концов Джереми.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто думал, что я ему голову морочу. Я попросила бы Криса показать ему что-нибудь, но слишком волновалась.

— К нам сегодня пришел новый директор,— выпалила я.— Крис, он такой, как ты. Когда он вошел в класс, стало твориться что-то таинственное.

Джерри снова посмотрел на меня.

— А чего таинственного в рвоте?

— Крис, я видела истинные обличия. А еще мистер Телеомара знает мою фамилию. В смысле, мамину фамилию. Мою настоящую.

Крис, видимо, испугался.

— Зороан. Должно быть, твоя мама была из перворожденных. А значит, он пришел и за тобой. Ты же у нее первый ребенок, да?

— Да, но...

— Ладно, у вас тут клево.— Слова Джереми сделались желтыми, словно пилюля.— Но я не в теме. Так что я пошел домой играть на новой приставке.

И он направился к стене.

— Подожди минутку! — остановила я его.

Мне и вправду хотелось, чтобы он находился рядом. Но внезапно все эти дурацкие лозы обвились вокруг моих ног.

— Прячьтесь! — Крис оглянулся через плечо на замок.— Мой дядя идет, а мне не положено принимать гостей!

Джереми уже взобрался на стену, а я залезла следом. Уж не знаю, почему его дядя терпеть не может гостей. Крис говорит, это из-за того, что дядя думает, будто этот самый Зороан рыщет вокруг. Я нагнала Джереми и схватила за ногу, как раз когда он собрался слезать.

— Ляг на стену! — прошептала я.— Идет дядя Криса, а нас тут быть не должно.

— Вот спасибо! — Теперь Джереми и вправду разозлился.— И чего ты хочешь? Моего ареста за то, что я влез в чужое владение?

— Да заткнись же ты!

Я толкнула Джереми, и он растянулся на вершине стены, под веткой яблони, а я шлепнулась поверх него. Предпринимать что-либо было уже поздно: в дальнем конце сада я увидела эти самые серебряные искры, все лозы дружно свились и отползли в стороны, как на картинках в воскресной школе — там, где Моисей заставляет воды Красного моря расступиться.

Ой, блин!

— Слушай, давай просто слезем и уберемся отсюда! — пробурчал Джереми.

— Тихо! — взмолилась я и сильно его ушипнула.

Серебристая дрянь проплыла между расступившейся растительностью и обвилась вокруг кресла Криса — так мог бы

обвиться мистер Бизли, если бы был ну о-очень большим. Помоему, Крис этого даже не заметил: казалось, он смотрит на дверь в конце дорожки. А я не знала, то ли кричать, то ли бежать обратно. Я попыталась сесть, но зацепилась рубашкой не то за ветку яблони, не то еще за что-то, и освободиться у меня не получилось.

Дверь отворилась.

— Это же мистер Телеомара! — изумился Джереми. — Он-то что тут делает?

Я посмотрела на Криса — тот словно окаменел в своем кресле. Он просто сидел, не шевелился и ничего не говорил. Мистер Телеомара прошел по тропе, лозы словно съежились и попытались отползти от него. Затем он наклонился над Крисом. Мне захотелось закричать, и снова подумалось, что надо соскочить вниз, но ветка яблони придавила меня, и даже Джереми лежал тихо, потому что в том, как мистер Телеомара смотрел на Криса, было что-то очень мерзкое.

Потом мистер Телеомара положил руку Крису на горло, и тот закричал.

Не очень громко — как в кошмарном сне, когда тебе хочется завопить изо всех сил, а получается тихо и сипло. Но это был ужасный крик. Крис сидел с закрытыми глазами и корчился, будто пытался сопротивляться или надеялся очнуться, или уж не знаю что. И кричал, не переставая.

Тут меня жутко затошнило.

И у Джереми был такой вид, будто он ощущает что-то подобное.

— Уже недолго осталось, — негромко произнес мистер Телеомара, и вокруг Криса стал сгущаться этот туман из лезвий. — Еще несколько сеансов, и я с тобой покончу. Ты превратишься в шелуху. В пустую оболочку. Еще несколько перворожденных — и я получу все.

Он погладил Криса по лицу, будто бы с нежностью, — и у меня мурашки побежали по коже.

— Спи крепко, дитя, — добавил мистер Телеомара. — Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. До поры до времени.

Он расхохотался, прошел мимо трепещущих лоз и скрылся в проеме двери.

Дверь закрылась.

— Во блин, что это было?! — Голос Джека приобрел лимонный оттенок. — Что он сделал с Крисом?

— Ничего хорошего.

Я стала спускаться со стены.

— Ты что, чокнулась? — Джереми перегнулся вниз. — А вдруг он вернется? Блин, это ж прямо какой-то фильм про вампиров из ночного сеанса.

— Он не кусал Криса.

Вообще-то да, отчасти Джереми прав. Я, то и дело поглядывая на дверь, пробралась через дурацкие лозы, которые в кои-то веки оставили меня в покое.

— Крис, Крис, очнись!

Я потрясла его. Мне было очень страшно.

Джереми заглянул мне через плечо.

— С ним все в порядке?

А я-то думала, что Джереми уже идет к себе домой.

— Не знаю.

Но тут Крис моргнул, зевнул и улыбнулся.

— Извините. Кажется, я заснул, пока ждал вас. Так что было в школе сегодня? Вы больше не видели этого странного директора?

Мы с Джереми переглянулись.

— Мы никуда не уходили, — ответил Джереми. — Это все тот же день.

Он явно не собирался домой играть на приставке.

— Мистер Телеомара был здесь, — сообщила я Крису. — Тот самый странный директор.

— Это невозможно. — Крис вроде как не очень понимал, что происходит, словно только проснулся. — Тут же был мой дядя. Он бы его заметил. Он никого сюда не впускает. Из-за Зороана.

— Мы только что видели этого нового директора тут, рядом с тобой, — настаивала я.

— Здесь был мой дядя: — Крис окончательно был сбит с толку. — И...

— Хорошо, если дядя был здесь, то чем вы с ним занимались? — вмешался Джереми. — Что ты ел на ужин вчера вечером? О чем вы с дядей разговаривали?

— Ну, мы... — Выражение лица у Криса сделалось странным. — Я... я не помню. В смысле, я знаю... я знаю, что живу тут вместе со своим дядей. Он меня оберегает. Но я просто... — Казалось, Крис совсем перестал соображать. — Я просто не помню, что... что мы делали вчера вечером. И все.

Мы с Джереми снова переглянулись.

— Думаю, Крис, твой «дядя» и есть Зороан, — предположила я.

При воспоминании о том, как Телеомара наклонился над Крисом, как тот сопротивлялся и кричал, меня снова замутило.

— Крис, тебе надо идти с нами. — Я обошла кресло и ухватилась за ручки. — Тебе нельзя здесь оставаться. Он вернется.

— Но мой дядя...

— Кто бы он ни был, он причиняет тебе вред.

Я налегла на ручки кресла, но лозы обвилились вокруг спиц колес. Мне представилась жуткая картина: как Крис сидит в этом кресле посреди ночи, под дождем, и замерзает в серебристом тумане.

— Кажется, это называется похищением, — заметил Джереми.

Он начал пинать лозы и обрывать их с колес.

Я стала помогать ему и даже вспотела, потому что не успевали мы оборвать проклятую зелень, как она тут же обвивала колеса снова. В конце концов мы заставили кресло двигаться: Джереми толкал его, а я затаптывала лозы перед ним.

— А как мы отсюда выберемся? — спросил запыхавшийся Джереми.

Уж точно не через дверь, которой пользуется мистер Телеомара.

— Крис, а тут есть другой выход? — поинтересовалась я.

Крис покачал головой. Вид у него до сих пор был отсутствующий. Тогда мы просто дотолкали кресло до того места, где через стену перевешивались ветки яблони.

— Ты залезешь туда, — скомандовал Джереми. — Я приподниму Криса, и он возьмется за твои руки. Потом я тоже заберусь наверх и помогу тебе втащить его. Мы так однажды делали в скаутском лагере. Хорошо, Крис?

— Угу, — согласился Крис, но прозвучало это как-то испуганно.

Я ничего такого никогда не делала. Поэтому я посмотрела на стену, которая была достаточно высокой. И все же вскарабкалась на нее. Я понятия не имела, сможем ли мы втащить Криса наверх, какой бы он ни был костлявый. Но я все равно не придумала ничего другого, потому зацепилась ногами за край стены и перегнулась через ветку яблони.

— Давай, Крис. Я тебя подсажу. — Джереми приподнял Криса с кресла. — Слуцай, да ты вешишь не больше моей младшей сестры! погоди. Сейчас я попробую встать на твое кресло.

Джереми с ворчанием, очень медленно и осторожно, ступил на сиденье инвалидной коляски.

— Мелани, готова? — Он немного пошатнулся, и я затаила дыхание. — Ладно, Крис, потянись чуть-чуть вверх. Хватай Мелани за запястья. А ты, Мелани, хватай запястья Криса.

Я не могла до него дотянуться.

— Перегнись как можно дальше! — выдохнул Джереми. Слова его были ярко-желтыми. — Крис, ты не мог бы потянуться еще чуть-чуть?

Я... никак... не могла... до него... дотянуться... Зороан, мистер Телеомара, мог вернуться в любую секунду.

Ветка выскользнула из-под меня. Я вскрикнула, цепляясь за ветку, а потом вдруг лицо Криса оказалось точно напротив моего.

— Лови! Лови его руку! — завопил Джереми.

И я поймала, а Крис вцепился в мои запястья. А потом мы закачались, и у меня суставы чуть не выскочили, а потом мы куда-то полетели, и у меня заболели ребра, и я видела листья, небо, листья, а потом...

...я приземлилась навзничь на траву, и мне никак не удавалось перевести дух. Небо. Листья. Небо. Я села. Ничего не болело так уж сильно. Крис лежал на спине и тихонько хихикал.

— Блин, что за чертовщина? — Из-за стены высунулась голова Джереми. Секунду спустя он уже спускался на нашу сторону. — Вы как, целы? Честное слово, это дерево просто перебросило вас через стену. Я серьезно! Вы бы только видели!

— Это яблоня. — Крис сел. — Мое дерево. Нам надо уходить отсюда. Это была ловушка. Ловушка Зороана. Он держал меня в плену и вытягивал из меня силу перворожденного.

— Сейчас я готов в это поверить. — Джереми оглянулся на замок. — Ух ты, глядите!

Я посмотрела. Замка больше не было. На его месте стоял большой, старый, полуразрушенный дом, такой, каким его описывал Джереми.

— А что такое сила перворожденного, и почему он хочет ее вытянуть? — поинтересовался Джереми.

— Слушай, давай поговорим об этом попозже, а? — огрызнулась я. — Например, когда уберемся отсюда подальше.

— Да, нам нужно уносить ноги, — согласился Крис. — Кажется... скорее всего, я умею ходить. Инвалидное кресло — оно, скорее всего, было частью ловушки.

Нам пришлось вместе помогать ему — выяснилось, что он может ходить. Не очень хорошо, и сил у него не было, и он то и дело чуть не падал, хотя мы его и поддерживали. Но теперь он выглядел лучше. И старше, как я вдруг поняла. Я думала, что он младше нас, но теперь мне стало казаться, что ему лет шестнадцать-семнадцать. И слова его больше не были цвета собачьих какашек. Они стали золотыми и блестящими... вроде как у мистера Телеомары, только от них не было больно. Конечно, Крис все еще был костлявым. И всякий бы был, если бы из него вытягивали жизненную силу.

— А куда мы пойдем?

Я не то чтобы спрашивала, я скорее размышляла вслух.

— В полицию? — предположил Джереми.

Я смерила его взглядом.

— Добрый день, офицер, — мило прошептала я. — Директор нашей школы вытягивал жизненную силу из этого парня. Пожалуйста, арестуйте директора!

— Ладно, я все понял, — кислым, лимонно-желтым тоном отозвался Джереми. — А твой папа?

Мне захотелось отвести взгляд.

— Не знаю. — Я сглотнула. — Я... наверно, мы не можем отвести Криса к нам.

Они оба посмотрели на меня, и я не смогла ничего добавить.

— Ладно. Надо сообразить, — вздохнул Джереми. — Если мистер Телеомара в реальном мире твой опекун, или что-то вроде этого, они просто вернут тебя ему. — Он нахмурился, стараясь что-либо придумать. — Мой папа — юрист, потому я знаю такие вещи. Они не поверят ребенку, который чего-то говорит против взрослого. Крис, а что с твоей семьей?

— Они оба были перворожденными, — произнес Крис так тихо, что я едва его расслышала. — Зороан добрался до них.

С минуту мы молчали. В лесу уже сделалось темно. Какая-то сова заухала темно-зеленым и опустилась на тропу прямо перед нами. Глаза ее горели желтым светом. Я никогда прежде не видела такой птицы. Она что-то проухала приглушенно-зеленым, и Крис ответил ей на неизвестном мне языке.

— Зороан знает, что я сбежал.

Крис оперся на нас с такой силой, словно собирался рухнуть.

— Можно пойти в мой форт на дереве, — с сомнением в голосе предложил Джереми. — Я вас туда проведу потихоньку, никто и знать не будет, что мы там. Может, этот тип побоится что-то делать прямо на чужом дворе? Ох и влетит мне, если меня застукают!

По-моему, Джереми не очень-то хотелось вести нас к себе, но ничего другого придумать не получалось. К тому же, может, он и прав, и Зороан действительно побоится предпринимать что-либо рядом с жильем и людьми. Сомнительно, что это его особо волнует, но, как я уже сказала, никаких других идей у нас не было. Потому мы отправились к Джереми.

По дороге мы наткнулись на кое-что необычное. Словно некоторые деревья, особенно старые, были сделаны из полупрозрачного стекла, и внутри ствола кто-то находился. Из-

за того, что стекло не прозрачное, лица было невозможно разглядеть. Но я совершенно точно уверена, что это был маленький народец, его мне когда-то показывала мама. Она звала его робким народцем. И Джереми тоже их видел. Я это точно знаю, потому что он сперва мельком взглянул на такое дерево, а потом уставился во все глаза. Наверно, это все потому, что с нами был Крис.

В итоге я даже немного пожалела, что наш путь подошел к концу. Оказалось, что Джереми живет в райончике с красивыми домами и аккуратными двориками, с качелями и цветами. Дом Джереми стоял с краю, и их задний двор выходил прямо на лес. Форт был устроен на заднем дворе, подальше от чужих глаз. Мне почему-то казалось, что он смущал маму Джереми, потому что представлял собой нагромождение фанеры и досок и потому что Джереми построил его сам. Мы посидели некоторое время рядом, обсудили школьные дела, послушали диски, о которых мама Джереми говорила, что они вредны для нас.

В общем-то, не было ощущения, что этот форт защитит нас от Зороана. Сова со светящимися глазами спланировала откуда-то и устроилась на ветке яблони, на которой был построен форт. Возможно, форт все же лучше, чем ничего. Мы помогли Крису забраться туда, а потом залезли сами. Я огляделась по сторонам: не видать ли где серебряного сияния — но нет, ничего подобного не было.

Внутри было здорово. Фанерный пол, потемневший от непогоды, но чистый. Полки, сооруженные из старых ящиков от яблок, забитые дисками и книгами. Мне тут понравилось больше, чем в некоторых местах, которые мы снимали. Крис почти падал на старые диванные подушки у стены.

— Эй, с тобой все нормально? — спросил его Джереми.

— Кажется, да, — отозвался Крис. — Устал только.

— Слушайте, мне бы надо домой. — Джереми оглянулся через плечо. — Если я приду сильно поздно, мне влетит — даже если из школы не звонили насчет прогула. Я попробую выбраться сюда на ночевку. Завтра, правда, не выходной, но иногда мама разрешает мне спать здесь и среди недели. Завтра принесу еды и чего-нибудь из вещей.

— И воды тоже, ладно?

Стоило мне произнести эти слова, и я поняла, как сильно хочу пить. И Крис тоже — готова поспорить.

— Тут где-то должна быть газировка. На прошлой неделе я припрятал пару банок, так что мама не должна о них знать.

Джереми пошарил в полках-ящиках и вытащил две банки колы.

— А вот фонарик — на тот случай, если я не скоро вернусь. Только светите так, чтобы в окошки не было видно, а то мама может заметить. Я появилось сразу, как только смогу.

Джереми соскочил наземь и направился к дому.

Становилось прохладно. Я вскрыла колу, уселась рядом с Крисом и протянула банку ему. Он сделал несколько глотков и сел. В жизни не пила ничего вкуснее этой теплой газировки. Мы прикончили банку в одну минуту. Птицы пели по-ночному: нежно-розовым, синим и зеленым, с небольшими проблесками света, как у светлячков, которые запомнились мне, когда мы жили в штате Огайо.

— А как так получилось, что ты перворожденная, но ничего не знаешь о магии? — через некоторое время поинтересовался Крис.

Я немного подумала.

— Наверно, я просто была не в курсе, что это и есть магия. — Я пожала плечами. — Просто мир был таким... в нем был робкий народец, и единороги, одни животные разговаривали с мамой, другие — нет.

Я снова пожала плечами.

— А как... как Зороан забрал ее?

Я сглотнула. Этот момент до сих пор снится мне. В кошмарах.

— Она... Она провалилась сквозь дверь, которая однажды просто взяла и открылась. Мы гуляли в лесу. Тогда я была еще совсем маленькой.

Я снова пожала плечами. Мне до сих пор мерещится эта дверь, а за ней — ничто, и мамино лицо, когда она туда проваливалась.

— Папа велел никогда ни с кем об этом не говорить. И я не говорила. Пока не встретила тебя, — сказала я Крису. — И я не знаю... — Я устала сидеть на пустую банку из-под колы. — Кажется, я начала думать, что... понимаешь, что, может быть, все было совсем не так, как мне запомнилось.

Джереми все не возвращался. Возможно, его мама узнала, что он сбежал с уроков, и теперь у него неприятности. Интересно, нас он не выдаст? Может, и расскажет обо всем, если ему слишком уж сильно влетит. Джереми явно не хотелось, чтобы мы шли к нему. Вызовут ли они полицию? Отдадут ли Криса обратно мистеру Телеомаре, как думает Джереми? Я следила, не появился ли грязно-серый вой полицейской машины или серебряный туман. А что толку, даже если я их замечу? Что мы можем сделать? Мне вспомнилось, как кричал Крис — и вдруг меня словно стукнуло: ведь Зороан то же самое делал и с мамой. А потом я поняла, что Крис плачет, тихо-тихо, и от этого темно-золотого плача мне сделалось еще грустнее.

Я обняла Криса за плечи, потому что знала, что он думает о том же, о чем и я.

— Ребята, вы здесь?

Ох, до чего же приятно было услышать шепот Джереми!

— Здесь, здесь! — отозвалась я.

Когда он забрался в форт, волоча за собой рюкзак, мне захотелось обнять его.

— Ты не разболтал про нас!

— Чего-чего? Ты вправду думала, что я такое трепло? Вот спасибо, Мелани! Я друзей не сдаю! — Его слова были уродливо-оранжевыми.

— Извини, пожалуйста. — Мне сделалось очень стыдно. — Я думала... У меня никогда раньше не было настоящего друга. Я, если можно так выразиться, не знаю правил. Тебе влетело?

— Еще как! Дай-ка сюда фонарик. — Джереми опустил рюкзак на пол и включил фонарик. — Меня теперь никогда никуда не выпустят из дому, раз я сбегаю с уроков. А твой отец, наверно, позвонил в полицию, когда ты не пришла до-

мой. Кто-то видел, как мы уходили вместе. Я сказал, что ты была очень расстроена и я пытался отговорить тебя уходить, но ты меня не послушала, а потом я подумал, что раз уж все равно ушел из школы, то почему бы мне не погулять? Маме понравилось, что я пытался тебя отговорить, потому, думаю, она мне поверила. Может быть. Я вам принес воды — налил в бутылку из-под молока — и стащил кое-что из кладовки в гараже. На кухню я заходить не решился... Мне пришлось пройти мимо родительской спальни. Они сейчас ругаются, выясняют, кто виноват, что я такой. — Джереми улыбнулся, но улыбка получилась какой-то неубедительной. — Думаю, верх возьмет мама, а крайним окажется папа.

Вода отдавала кислым молоком, но я не жаловалась, да и Крис тоже. Также Джереми принес арахисовое масло и пачку крекеров.

— Больше ничего не удалось добыть. — Джереми поморщился. — Остальное все в консервных банках. Так что вот.

Он достал с полки старый столовый нож и принялся мазать крекеры маслом.

— Крис, ты не хочешь мне объяснить, что происходит? Пока не явилась полиция и нас всех не арестовали.

— Насчет полиции можешь не беспокоиться.

Крис набил рот крекерами, и мне снова представилось, как он сидел в своем кресле днями и ночами среди этих лоз.

— Беспокоиться надо о Зороане, — с набитым ртом продолжал Крис. — Он хочет заполучить всю силу перворожденных. — Крис проглотил крекер и глотнул еще воды. — Она становится более концентрированной. Сила перворожденных. Раньше перворожденных было много. Но некоторые умирают, не заведя детей. Поэтому тех, кто владеет этой силой, все меньше и меньше. Если Зороан завладеет всей силой... — Крис пожал плечами, — думаю, наш мир просто исчезнет. Или, возможно, Зороан превратит его в нечто другое. Или воспользуется этой силой, желая всем все испортить. Я... я просто не знаю. Но он тайно похищает перворожденных вот уже... наверно, тысячу лет, если не больше. Через некоторое время его вычислили, и мы стали осторожней. Но сейчас он настолько

силен, что с ним просто невозможно бороться. Выход один — держаться подальше от его ловушек, вроде той, в которую я угодил. — Крис отвел взгляд. — Ему требуется некоторое время, чтобы полностью вытянуть всю силу из перворожденного.

Меня передернуло, а у Джереми округлились глаза.

— А что бывает после того, как он... вытягивает всю силу? — спросил Джереми в конце концов.

— Не знаю. — Крис посмотрел на крекер, который держал в руке. — Наверное, просто смерть. В смысле... никто ведь никогда не возвращался. — Он снова посмотрел на крекер, уже окончательно раскрошенный. — Наверное... я просто надеялся... я думал... Чего мне было терять? — Теперь его голос сделался тусклым, будто старый металл. — Я думал: вдруг они все тогда снова будут со мной?

Я бы тоже попыталась, если бы считала, что это может вернуть маму.

— Ладно, ладно, тайм-аут окончен! — Джереми замахал руками. — Я теперь верю в магию. Меня в жизни больше никуда не выпустят, потому что я прогулял школу. Меня, возможно, арестуют за похищение. И потому я хочу объяснений. Что происходит? Только по-человечески, пожалуйста. — Он сердито посмотрел на Криса. — Что это за штука с перворожденными? Что мы видели, когда забрались туда... все эти странные деревья и прочее? Где находится твой мир?

— Здесь. — Крис пожал плечами. — Я думаю, вам открываются истинные обличия, когда вы рядом со мной. Это... представь, что ты можешь видеть только красное, синее и зеленое, а все желтое для тебя невидимо. Что тогда будет?

— Мы будем постоянно врезаться в школьные автобусы.

— Но ты и не чувствуешь желтых вещей. Ты просто не знаешь, что они тут есть. Ты проходишь сквозь них.

Джереми задумался.

— Мир станет занятым местом.

— Нет никакого солнца — только свет. Никаких одуванчиков, лютиков, желтых «М&М».

Я вспомнила о робком народце и единорогах, за которыми я иногда наблюдала, когда была с мамой.

— И откуда мы узнаем, что желтое существует?

— Это был просто пример.— Крис снова пожал плечами.— Пока, скорее, смахивает на то, что вы видите только желтое. А все остальные цвета — нет.

Он взял старый нож, которым Джереми намазывал крекеры маслом.

Нож превратился в ослепительный кинжал с синими драгоценными камнями на рукояти.

— Ух ты!

У Джереми глаза на лоб полезли. Да, это вправду было клево.

— Как ты это сделал? — Джереми потрогал кинжал, ойкнул и сунул порезанный палец в рот.— Я его нашел когда-то в куче хлама в лесу. Но я его отмыл, прежде чем пользоваться, честно!

— Думаю, ребята, вы можете видеть истинное обличье, когда вы рядом с кем-то из нас.— Крис посмотрел на нож.— Я не знаю, что вы видите... или не видите... но могу предположить почему. Потому что вы рядом со мной.

Я подумала про мистера Бизли с драгоценным камнем в голове. Интересно, не он ли сказал мистеру Телеомаре, что я в классе миссис Бэнкс? Крис повернулся ко мне.

— Мелани, а я так и не знаю, почему ты не можешь видеть этого сама. Ты же перворожденная.

— Э-э...

Они оба посмотрели на меня.

— Наверное... думаю, это потому, что мой папа не волшебник. И даже не желает это обсуждать.

Крис явно был потрясен.

— Так не бывает!

— Я же есть. И что в этом плохого?

Я сверкнула глазами.

— Эй, а почему этот форт не превращается в замок или еще во что-нибудь? — вмешался Джереми.— Почему он выглядит так же, как всегда?

— Он сделан из мертвых деревьев.— Крис слегка поморщился.— Это и есть его истинное обличье.

— Угу.— Джереми нахмурился.— Но как могло получиться, что я себе чуть локти не рассадил, когда съезжал с той каменной стены, а потом, когда мы все оттуда выбрались, я оглянулся, а за спиной был обычный старый заброшенный дом, как я и думал?

— Потому что меня поблизости не было, и Зороана тоже не было.— Крис задумался.— Не знаю, Мелани, как ты увидела мой дом в первый раз. Ты точно не можешь видеть истинный мир?

Я пожала плечами, все еще немного злясь на Криса. На самом деле, как теперь припоминается, сперва я увидела яблоню. А потом заметила стену. Что вообще-то странно, потому что дерево прислонилось к стене. Помню, как в тот день прогуливалась по лесу, и мне было ужасно жалко себя. Из-за компании в классе. Шла я себе и думала о маме и обо всех тех интересных штуках, которые случались, когда она брала меня в лес, и о том, до чего же жаль, что папа не говорит о ней. Тут наткнулась на яблоню, и мне захотелось сорвать с нее несколько цветков. Я все еще продолжала вспоминать маму, когда обнаружила стену и залезла на нее, и... дальше вы в курсе.

И, знаете... мне вот думается, что, может быть... мир вовсе и не изменился. Может, это я изменилась. И дело не в том, что я не могу видеть робкий народец и единорогов, и существа в деревьях. Может быть... Может, и могу — но не вижу. В смысле, если вы кому-то расскажете, что встретили единорога или кого-то из робкого народца, про вас подумают, что вы врете или свихнулись. Может, я стала бояться... верить в них? Где-то в глубине души испугалась, что меня сочтут сумасшедшей?

Мне стало ужасно грустно: я как будто предала маму. И ведь папа же никогда не утверждал, что всего этого на самом деле не существует. Он просто велел не говорить об этом. Возможно, его отношение заставило меня слишком прислушиваться к людям, которые считают, что ничего такого не бывает. Джереми продолжал расспрашивать о магии и о том, что особенного видит Крис, но я не обращала внимания на

их разговор. Мне просто было тоскливо, и я смотрела наружу, на темный двор Джереми.

Только вот... он уже не был темным.

Ой, блин!

— Смотри! — Я схватила Криса за руку. — Вон туда! Видишь? Нет, туда!

Серебро. Истолченные в порошок лезвия. Сова, которая к нам прилетела, внезапно метнулась вниз из темноты, настойчиво ухая зеленым, и закружила вокруг дерева.

— На что смотреть? — Джереми прищурился. — На птицу?

Судя по виду Криса, тот тоже не понимал, в чем дело.

— Мистер Телеомара... Зороан. — Внезапно меня бросило в дрожь, как от холода. — Вы что, не замечаете эту серебристую фигню у дома? Он там.

— Умбра Зороана? — Крис уставился на меня. Я никогда прежде не обращала внимания, что глаза у него зеленые и что они у него светятся, как у той совы. — Я его чувствую. Он близко. Ты хочешь сказать, что видишь его умбру?

— Не знаю. Что такое умбра? Я вижу, когда он говорит. Вот ты говоришь золотым, а Джереми — желтым. Может, нам стоит убраться отсюда?

Но было поздно. Поток серебряного бритвенно-острого тумана зазмеился по двору, покрыжил вокруг качелей и скрылся под фортом, за пределами моего поля зрения. Сова камнем рухнула вниз. Серебряный туман метнулся сверкающей вспышкой и поглотил птицу, как это мог бы сделать мистер Бизли. Сова пронзительно ухнула один-единственный раз, потом что-то лопнуло, словно мыльный пузырь, и сова... просто исчезла. А потом... потом бритвенный туман возник в дверном проеме, словно огромный серебряный мистер Бизли... так стремительно, что мы даже не успели разглядеть. И ринулся на Криса, как мистер Бизли — на мышь.

Я встала у него на пути.

Он врезался в меня, как пожарный шланг под напором. Больно! Он словно состоял из лезвий. Не сдержавшись, я закричала и попыталась ухватить этот туман, но он был как вода, и мои руки просто прошли сквозь него. Ощущение было та-

кое, будто на руках сгорела вся кожа. Я закрыла глаза. Я больше не могла этого выносить, и...

...и все прекратилось. Оказалось, что рядом со мной стоит Крис с тем золотым кинжалом в руках, а последние струйки тумана утекают из форта.

— Эге-ге-й, Крис, круто! — Джереми хлопнул Криса по плечу, и тот пошатнулся. Казалось, что он едва удерживает кинжал, словно тот весит целую тонну.

— Что случилось?

Я оглядела себя. Все нормально. Никаких ожогов, даже легких.

— Он очень силен. — Крис внезапно опустился на пол. — Возможно, из-за всей силы перворожденных, которую он успел отнять. Я... боюсь, не смогу противостоять ему.

В его словах снова появился оттенок цвета собачьих какашек. Что-то тут неладно. Крис посмотрел на меня.

— Мелани, если ты вправду способна видеть его умбру, это может очень помочь нам. Говори мне, где она. Если мне удастся прорубиться сквозь нее, она лишится своей силы.

— Ты же перворожденный. Так может, если ты ткнешь его этим кинжалом, ему конец? А? — Джереми уселся рядом с Крисом. — Я все равно ничего не могу разглядеть, но разве это не то, о чем говорит пророчество?

— Мне нужно пронзить оружием его тело, когда оно в истинном обличье, а не просто проткнуть его умбру. — Голова Криса поникла. — Он не подпустит меня к себе вплотную, а мне не хватит силы его достать. — Крис взглянул на меня. — Это был очень храбрый поступок, Мелани, — попытаться остановить его умбру, кстати, она могла убить тебя. Ты не только храбрая, но еще и везучая.

Именно что везучая, но ни фига не храбрая. Дура, да и все! Я потеряла руку. Джереми посмотрел на меня с явным уважением. Я построила ему рожу.

— Крис, что же нам делать? — Голос у меня дрожал. — Есть какой-нибудь способ не впускать его?

— Тут нет ничего такого, чем я мог бы воспользоваться, чтобы его задержать. — Крис оглядел форт. — Был бы тут еще

один перворожденный — возможно, нам бы хватило сил удержать его снаружи. Возможно.

Тут я ничем помочь не могла. Раз мой папа не волшебник, то и я не волшебница.

— Да ладно тебе, Крис! — Джереми только что не подпрыгивал. — Мелани видит эту штуку, умбру. У тебя есть кинжал. Значит, надо браться за дело вместе. Не можешь же ты просто спокойно сидеть и ждать его!

Пока Джереми излагал свое мнение, я выглянула во двор. Было уже очень поздно — тот глухой, холодный ночной час, когда, проснувшись, чувствуешь, что ты единственное живое существо на свете. Ага, а вот и он. Идет через двор, как через класс. Я очень хорошо его видела, хотя было темно и даже луна не светила. Серебристое вещество плавало вокруг него, как будто он шел через свой собственный туман над морем.

— Здравствуй, Мелани. — Он поднял голову и улыбнулся мне, словно учитель, который видит, что ученик хулиганит, но не очень из-за этого переживает. — Джереми, ты тут совершенно зря. Тебя ждут большие неприятности, твои родители никогда больше не будут тебе доверять. Но если ты прямо сейчас тихонько вернешься в дом, они не проснутся. Я даже не оставлю тебя после уроков в наказание за прогул. Ты волновался за друга, а это хорошо. Теперь отправляйся в постель. Увидимся утром.

Он говорил так дружелюбно. С таким беспокойством за Джереми. Я посмотрела на Джереми. Тот поежился. Мне самой и то захотелось пойти в дом, лечь в постель и увидеться с мистером Телеомарой утром.

— Мелани, тебе следует немедленно отправиться домой. Твой отец очень волнуется. Он может... ты же понимаешь, если он решит, что потерял тебя, как твою мать когда-то, он может сделать с собой что-нибудь ужасное.

Я вскочила. Папа! Я и вправду не подумала о нем, а ведь мистер Телеомама прав...

— Прекрати, Зороан. — Голос Криса напоминал лягушачье кваканье, но теперь его золото сделалось очень ярким, оно прямо-таки искрилось. — Хватит испытывать на них свои фокусы.

Мне словно вылили на голову ведро воды.

— Джереми, он врет. — Мой голос тоже звучал паршиво. — Не слушай его.

— Это не ваши проблемы, дети. — Зороан все еще продолжал улыбаться. — Это не ваш мир. Все, что здесь происходит, никак вас не касается. Идите домой. Ложитесь спать. Утром все будет в порядке.

Серебристые слова издавали сладковатый запах. Слова не пахнут. Неправильно, неправильно, все неправильно!

— Джереми, стой! — Я поймала его, когда он направился к двери. — Это фокус, или заклинание, или что-то вроде того.

Но Джереми меня не слышал. Он не остановился. На самом деле и мне хотелось последовать совету мистера Телеомары.

А потом... потом из леса вышел мой папа.

— Мелани! — позвал он.

Он остановился у края двора. Что он тут делает?

— Мелани! — крикнул он снова.

Его зеленые слова звучали... испуганно.

— Папа! — отозвалась я. Получился какой-то мышиный писк, но папа услышал.

— Солнышко, ты в порядке? — Он двинулся к дереву, не обращая внимания на мистера Телеомару, словно тот был невидимкой. — С тобой все нормально?

Мистер Телеомара преградил ему дорогу.

— Отправляйся домой, — приказал Телеомара, и серебристый туман сгустился вокруг папы. — Немедленно отправляйся домой.

И тут я осознала, что Зороан не даст мне уйти, что Крис прав — он хочет заполучить и меня тоже.

— Я вижу тебя. Знаю, что ты такое. — Папа не сошел с места. — Она не принадлежит твоему миру. Прочь с дороги.

Я никогда не слышала, чтобы папа с кем-то так разговаривал.

— Поздно! — Мистер Телеомара ухмыльнулся. — Она тоже теперь моя.

Папа ему врезал.

Джереми радостно заулюлюкал, а мистер Телеомара шлепнулся на задницу, его серебро исчезло, и на секунду я подумала, что все будет хорошо.

А потом серебряный туман снова поднялся из травы и окутал папу. Папа, пошатываясь, отступил. У него был открыт рот, как будто он кричит, но я ничего не слышала, и еще он выгнулся назад, как перед падением, но застыл на месте.

Он мог умереть в любое мгновение — лопнуть, как мыльный пузырь, и просто исчезнуть. Как та сова. Я это точно знала, словно мне кто-то это объяснил.

Я перворожденная. Я первый ребенок моей мамы. Я выхватила у Криса кинжал. Крис завопил, но мне было все равно. Я выпрыгнула из форта и приземлилась на четвереньки. Зороан не обратил на меня внимания: он смотрел на папу и веселился, как мистер Бизли, собирающийся съесть мышь. А я подползла к нему, приподнялась и, держа кинжал обеими руками, вонзила его Зороану в ногу.

Кинжал растаял.

Просто взял и растаял.

А мистер Телеомара посмотрел на меня и улыбнулся.

— Полукровка! — сказал он.

А потом на меня как будто напал великан. Я отлетела, ударилась о ствол яблони и сползла на землю.

Мамин первый ребенок — да, но вместе с тем и папин первый ребенок. Может, мистер Телеомара и прав. Может, никакого истинного мира для меня не существует.

— Мелани! Мелани! — Джереми выпрыгнул из форта и поднял меня. — Как ты? Что случилось?

И тут до меня дошло. Кажется. Я взглянула на форт, заметила место, где фанера треснула, и ухватила за него. Я оторвала длинную щепку, длиной почти с мой палец, и сунула ее Джереми.

— Ударь его этим! Ты же первый ребенок, да? Пожалуй-ста, Джереми! Это — твое оружие истинного обличья. Ударь его!

Я не стала ждать ответа Джереми, а просто кинулась на Зороана, молотя его кулаками и пытаясь выцарапать ему гла-

за. Серебряный туман сжался вокруг меня, как горящая рука, и мне стало нечем дышать. Зороан смеялся, я тоже должна была умереть...

...и поверх его плеча, сквозь боль и туман, я увидела, как Джереми замахнулся — безумная, глупая затея! — и вонзил Зороану в спину дурацкую щепку.

Она вошла так легко, что Джереми поскользнулся и упал ничком. Все вокруг закачалось, как при землетрясении. Я лежала спиной на земле, а Крис вывалился из форта и чуть не грохнулся на меня сверху. Форт разваливался на части. Все три ветви дрожали. Я перевернулась. Зороан стоял, вскинув руки. Серебряный туман исчез бесследно. Лицо Зороана беспрерывно менялось: молодые, старые, мужские, женские, даже детские лица — они сменяли друг друга все быстрее и быстрее, пока наконец его лицо не превратилось в размытое пятно. А потом пронесся такой ледяной ветер, словно он долетел с зимних звезд, и вонял он как дохлый опоссум, которого я нашла под крыльцом нашего нынешнего дома, когда мы в него въехали.

И отворилась бездонная дыра, из которой исходили ледяной ветер и вонь. Последние остатки форта рухнули; книги, диски и доски полетели в дыру, и я тоже скользила к ней, как будто ветер волок меня, и Джереми очутился на краю и уже перегнулся над ним, и я ухватила его, и Крис скользил тоже, и...

...что-то с силой обхватило меня за пояс и рвануло обратно, я вдруг очутилась на яблоне. Ветер прекратился. Дыра исчезла. На другой ветке сидел Джереми, а Крис находился в развилке ветвей, где прежде был форт. От форта ничего не осталось.

Папа лежал на траве и как будто спал. Вдруг ветка подомной наклонилась и вроде как стряхнула меня на траву. Я помчалась к папе. Он пошевелился и сел, я была так этому рада, что слова не могла вымолвить. Я просто разревелась и уткнулась носом в его грудь. Он обнял меня так крепко, что аж больно стало, и я почувствовала себя счастливой.

— Ух ты! — Голос Джереми был бледно-желтым. Джереми все еще сидел на дереве. — Клево вышло. — Он засмеялся,

но смех получился какой-то нервный.— Вот так и делаются хорошие концы для фильмов ужасов.

— Зороан исчез. Он уничтожен и никогда больше не вернется. Ты исполнил пророчество. Как у тебя это получилось? — Крис соскользнул на землю. Он явно был сбит с толку.— Ты не... ты не один из нас. Ты не мог этого сделать.

— Он тоже первенец,— вмешалась я, по-прежнему прижимаясь к папе.— А в пророчестве говорится об истинном обличье. Ты обмолвился, что дерево, из которого сделан форт, имеет истинное обличье для нас... для Джереми. Я подумала, что кинжал растаял, потому что я не... не принадлежу ни тому миру, ни другому.

Мне очень трудно было выговорить это, и я не смотрела на папу.

Он поднялся на ноги и поднял меня, а потом взял меня за плечи и развернул к себе.

— Ты — часть обоих миров,— очень тихо произнес он.— Именно этого и хотели мы с твоей матерью.— Папа с усилием сглотнул.— Когда он... забрал ее, я испугался. Я хотел, чтобы ты... чтобы ты была в безопасности.— Он осторожно убрал мне волосы с лица.— Я был не прав. Мне следовало рассказать тебе о... о ее мире. Когда прилетела сова, я увидел, что это одна из тех сов, с которыми часто разговаривала твоя мать, и понял, что допустил ошибку. Я последовал за совой.

Та самая сова со сверкающими глазами?

— Зороан убил ее,— прошептала я.— Я не знала...

Я и сама толком не понимала, что имела в виду.

— Мне очень жаль.— Папа снова прижал меня к себе.

— Ой! — вскрикнул Джереми. Яблоня стряхнула его на землю.— Ладно, ладно, я извиняюсь за то, что построил на тебе форт. Эй, хватит!

Джереми пригнулся, уклоняясь от тонкой ветки, которая с силой прорвалась через его шевелюру.

— Поверить не могу, что ты и вправду это сделал...— Крис протянул Джереми руку.— Все истинные существа в долгу перед тобой. Я никогда больше не буду считать, что ваш народ менее значителен, чем наш, только потому, что вы не ви-

дите истинный мир. Он же мог прикончить тебя в мгновение ока!

— Хорошо, что я этого не знал! — Джереми быстро взглянул на меня, но слова его были солнечно-желтыми. — Ты клевый, Крис. — Он запустил пятерню в волосы, выбирая отсюда листья и мелкие веточки. — Надеюсь, ты будешь где-нибудь поблизости? Пока я сижу под вечным домашним арестом. Мне ужасно хочется посмотреть на этот ваш мир. Покажешь?

В этом весь Джереми! Я улыбнулась.

— Да ты только позови! Под какой бы домашний арест тебя ни засадили. — Крис рассмеялся. — Я тебя услышу. — Вид у него сделался задумчивый. — Скорее всего, мне следует ближе познакомиться с вашим миром. Даже не знаю... Мне никогда в голову не приходило, что это может быть важным. Но вдруг это и вправду важно?

— А то! — Джереми состроил гримасу. — Ты можешь сходить со мной на бейсбол. Спорим — тебе понравится!

— Договорились. — Крис улыбнулся. — А у меня есть друзья, которые могут покатаь нас, тогда ты и вправду многое увидишь.

— Ух ты! Что это за друзья? А летать они могут? Ой, блин! — Джереми показал на небо. — Уже светает! Ладно, ребята, пойду-ка я лучше в дом. А то мне вкатят два вечных домашних ареста. Мелани, ты в школу придешь? — спросил он на ходу, уже направляясь к дому. — Мои родители мне точно не разрешат соврать, что я заболел.

— Приду, — ответила я. Наверное, мне хотелось окончательно убедиться, что мистера Телеомары там нет, что мы и вправду уничтожили его. — А ты что будешь делать, Крис?

Крис пожал плечами.

— Отправлюсь искать свой народ... сообщу им о случившемся. — Он робко улыбнулся мне. — Я расскажу им о тебе, Мелани. И о Джереми. Думаю, мы станем иначе относиться к вашему народу. — Крис протянул мне руку. — Мне можно будет прийти в гости?

— Спрашиваешь! — Тут я посмотрела на папу. — Э-э... Мы тут еще побудем?

— Почему бы и нет? — Папа улыбнулся, но улыбка получилась довольно печальной. — Думаю, нам больше незачем убегать. Это место ничем не хуже любого другого, и у тебя тут есть друзья.

Крис повернулся и зашагал прочь, и я заметила, что он не оставляет следов на росистой траве. Потом он растаял среди теней деревьев. Джереми уже скрылся в доме. Остались только мы с папой; солнце встало, и роса под его лучами заискрилась, словно бриллиантовая. На какой-то миг я и вправду увидела бриллианты, висящие на кустах и сверкающие в траве. А потом они снова стали просто росой.

Папа посмотрел на меня как-то очень... робко.

— Все в порядке, — начала я. — Ты боялся, что кто-то придет за мной. Он и вправду пришел. Я все понимаю.

— Нет. — Папа обнял меня. — Дело не только в этом. Я был зол. На ее мир. Потому что он... отнял ее.

Папа не смог произнести «она мертва». Как там это называется мама Джереми?

— Наверное, я тоже была зла, — ответила я, но он покачал головой.

— Это и твой мир тоже. Та яблоня, что спасла вас всех... яблоня — твоё дерево.

И мое тоже? Да, и вправду, та старая яблоня помогла мне перебраться через стену, когда я отыскивала Криса.

— Думаю, скоро ты обнаружишь, что принадлежишь к миру твоей матери в большей степени, чем тебе кажется. — Папа вздохнул. — Надеюсь, Крис поможет тебе.

В домах начал загораться свет, хозяева повели собак гулять. По улице проехал парнишка на велосипеде, он доставал газеты из сумки, болтающейся у него на руле, и рассовывал их по почтовым ящикам. Я знаю этого парня. Он тоже учится в шестом классе, только в параллельном, и в прошлом месяце в столовой засунул себе в нос зеленую фасолину. Он разговаривает ярко-розовым.

— Может, я смогу быть между мирами, — произнесла я.

Я пыталась отгородиться от обоих миров, но они оба оказались неплохи. Полукровка. Может, это как раз и хорошо.

Я умолкла, потому что увидела в тени деревьев представительницу робкого народа. Она заметила, что я смотрю на нее, и помахала бледной рукой. Ха!

— Тебя это тревожит? — спросил папа. — То, что ты находишься между мирами.

— Нет, — ответила я.

Так я хотела успокоить его, но сама задумалась. Меня и вправду это не тревожило. Крис казался таким одиноким. Почему перворожденные не объединились, чтобы остановить Зороана? Почему никто не пришел Крису на помощь и даже не стал его искать, когда он угодил в ловушку? Я подумала о Джереми и решила, что мне, пожалуй, нравится мой мир. Но и единороги тоже клевые. Я улыбнулась папе.

— Мне нравится быть частью обоих миров.

И я действительно говорила правду.

— Твоя мать... — Папа кашлянул. — Твоя мать гордилась бы тобой. — Он огляделся. — Если ты и вправду хочешь пойти в школу, нам пора отправляться домой. Если мы посидим тут еще немного, нас арестуют за незаконное проникновение в чужое владение.

Мы дружно рассмеялись. Папа обхватил меня за плечи, и мы пошли по тропинке через лес к маленькому домику, который снимаем. Мы можем остаться. От этого у меня на душе было ощущение... как от подарка на день рождения. Когда его даже разворачивать жалко, потому что знаешь, что там внутри, и знаешь, что это клевый подарок, и хочется подольше потянуть это предвкушение.

Папа меня обнимал, и это тоже было здорово.

Когда мы почти дошли до нашего жилища, мимо пробежал единорог. Не вблизи — он скользнул через лес. Единорог был похож на бледного оленя с рогом во лбу. Ух ты! — как сказал бы Джереми. Может, когда Зороан умер, вся захваченная им сила перворожденных вернулась? Или, может, все дело во мне, и раньше я просто не хотела этого замечать? Мы приблизились к нашему дому, стоящему в тени высокой ели.

Папа забыл погасить лампочку, когда уходил.

— Я выключил свет, — встревожился папа.

Мы остановились под ветвями ели. Папа затаил дыхание. Ему было страшно. Мне тоже. Дверь отворилась. На пороге появилась женщина. Черные, как у меня, волосы волнами спадали на плечи. На ней было белое платье. Казалось, она стала ниже. Или, скорее всего, это я выросла. Я похожа на нее. Меня это потрясло. Не знаю почему.

Папа отпустил меня и помчался через папоротники, росшие за домом. Женщина раскинула руки, и я увидела в ее глазах алмазы, которые, вероятно, были слезами. А может, и вправду алмазами. Она выглядела в точности так, как мне помнилось.

«Ой, Крис,— подумала я.— Надеюсь, и ты тоже...» А потом мысли исчезли.

— Мама! — закричала я и бросилась вслед за папой.

Кейдж Бейкер

НЕСРАВНЕННЫЙ РУБИН

Кейдж Бейкер — одна из самых плодовитых авторов среди тех, кто появился в конце девяностых. Впервые она напечаталась в 1997 году в «Asimov's Science Fiction» и с тех пор принадлежит к когорте самых публикуемых и популярных авторов этого журнала, с ее озорными и захватывающими историями о приключениях и злоключениях путешествующих во времени агентов Компании. Также ее рассказы публиковались в «Realms of Fantasy», «Sci Fiction», «Amazing» и других изданиях. Первый роман Бейкер о Компании, «In the Garden of Eden», был издан в 1997 году и вошел в число тех дебютов года, что привлекли наибольшее внимание и получили самые одобрительные отклики. Вскоре за ним последовали другие романы о Компании: «Scy Coyote», «Mendoza in Hollywood» и проч., а также первый фэнтези-роман — «The Anvil of the World» (в русском издании «Наковальня мира»).

Кроме того, Бейкер успела побывать художницей, актрисой и режиссером «Центра живой истории»; также она преподавала английский елизаветинской эпохи. Кейдж Бейкер проживает в городе Писмо-Бич, штат Калифорния.

Когда чистейшее зло и чистейшее добро сочетаются браком, не стоит ожидать безмятежных, идиллических отношений, но иногда последствия этого союза могут оказаться столь неожиданными, что изумят обоих.

Своим появлением на свет эта девочка удивила всех.

В мире, расположенном внизу, никому и в голову не могло прийти, что у необычной пары будут еще дети. Их брак стал сущим скандалом, полнейшим столкновением фило-

софских крайностей. Отец ее был Господином Горы, разбойником и колдуном, отобравшим у Святой Мира ее горную твердыню. После чего она — богиня, способная исцелять больных и поднимать мертвых, — завела отношения с этим профессиональным темным властелином (черные доспехи, чудовищные армии и все такое), что уже само по себе было достаточно скверно. Но когда пара поселилась вместе, намереваясь создать семью, представляете, что подумали различные люди?!

Узнав об их первенце, йендри застонали в своих лесных деревнях. Дьявольские наклонности этого мальчика были ясны еще с колыбели. Он был прекрасен, как маленький ангел, кроме тех моментов, когда ему хотелось поорать: тогда он превращался в гигантскую гусеницу, выводок волчат или озеро с пузырящимся илом.

Йендри в своих поселениях, дети Солнца в каменных городах возрадовались дружно, узнав о рождении второго мальчика. Он тоже был прекрасен и в отличие от брата явственно благ. Иногда во лбу его сияла звезда. Рассказывали, будто он исцелил няньке зубную боль простым касанием руки и даже не плакал, когда у него резались зубы.

И шаманы йендри, и жрецы в храмах детей Солнца — все они кивали и говорили: «Что ж, по крайней мере, теперь наблюдается равновесие. Судя по всему, эти два мальчика вырастут, выступят друг против друга и будут сражаться до смерти, ведь так обычно и происходит».

На этом они успокоились и стали ждать. Представьте себе, как они были потрясены, узнав, что Святая Мира родила третьего ребенка! Да к тому же девочку! Все их расчеты рухнули, что не могло их не встревожить.

Господин и его Леди тоже были удивлены, потому что их малышка дочь родилась неприглядной, как картошка, в противовес эльфийской внешности своих братьев. Родители сошлись на том, что у нее, во всяком случае, красивые глаза, темные, как у отца, и что у нее, кажется, хороший характер. Назвали девочку Свней.

Итак, Господин Горы завернул дочь в пурпурный шелк и показал с высокого балкона своим собравшимся войскам. Те

заревели и завопили, выражая одобрение. Тем же вечером в казармах и помещениях для слуг приспешники гордого отца расселись вокруг выставленных в честь празднования бочек с черным вином. В итоге они сошлись на том, что малышка может стать впоследствии не такой уж и уродливой, если прочие части лица догонят в росте нос и если она не останется совсем уж лысой, как сейчас.

И были правы: не прошло и года, как Свней превратилась в очаровательное дитя.

Утром того дня, когда девочке исполнилось пять лет, Господин Горы пришел в детскую и взял дочь с собой на прогулку. Они отправились обходить стены его цитадели, у подножия которой раскинулся весь мир. При их приближении стражники, с клыками и бивнями, огромные и ужасные в своих доспехах, вытягивались по стойке «смирно» и отдавали честь.

Господин торжественно извлек из воздуха большую красную розу и вручил ее Свней.

— Сегодня, — начал он, — моей Темноглазке исполнилось пять лет. Какой подарок ты хочешь получить, дитя мое?

Свней посмотрела на отца сияющими глазами и отчетливо произнесла:

— Силу.

Господин взглянул на нее в изумлении. Но девочка терпеливо ждала ответа, крепко сжимая в руке красную розу. Господин Горы присел рядом с дочкой.

— А ты знаешь, что такое сила? — спросил он.

— Да, — кивнула Свней. — Сила — это когда ты стоишь здесь, и собираешь тучи со всего неба, и сверкает молния, и гремит гром. Этого я и хочу.

— Я могу что-нибудь наколдовать для тебя, — предложил Господин Горы.

Он взмахнул рукой в латной перчатке, и возникли три крохотных элементария в алом, синем и желтом одеяниях. Они станцевали для Свней очаровательный танец, а потом исчезли в клубе дыма.

— Спасибо, папочка,— сказала Свней,— но нет. Я хочу сама уметь это делать.

Господин Горы задумался.

— Сила присутствует в тебе от рождения, ведь ты мое дитя. Но тебе необходимо учиться использовать ее, а это нелегко и небыстро. Ты уверена, что и вправду этого хочешь?

— Да! — ответила девочка без колебаний.

— И ты готова обойтись без таинственных игрушек? Без красивых нарядов? Без сладостей?

— Если я овладею силой, я запросто смогу получить все это,— заметила Свней.

Господину Горы понравились слова дочери.

— Тогда учись пользоваться своей силой,— улыбнулся он.— Какое умение ты бы хотела освоить первым делом?

— Умение летать,— отозвалась Свней.— Только не так, как мой брат Эйрдвей. Он просто превращается в птицу. Я хочу летать, оставаясь собой.

— Следи за моими руками,— велел ей отец.

В правой ладони у него оказался камень, а в левой — бумажный дротик. Он положил оба предмета на парапет и велел им упасть. Камень рухнул и исчез внизу; бумажный дротик неспешно спланировал.

— А теперь скажи мне,— обратился к дочери Господин Горы,— почему камень падает, а бумага летает?

— Потому что камень тяжелый, а бумага нет,— предположила Свней.

— Так — и не так. Смотри.

Господин Горы извлек из воздуха яйцо. Он положил его на ладонь. Яйцо треснуло. Из него выбралось крохотное дрожащее существо и тут же упало. Оно было покрыто белым пухом, как одуванчик. Потом существо встало и взмахнуло культиками-крылышками. Пух превратился в блестящие перышки, и вот уже молодая птица раскрыла крылья и радостно вспорхнула.

— А это магия? — поинтересовался Господин.

— Нет,— ответила Свней.— Так бывает со всеми птицами.

— Так — и не так. Гляди.

Он снова взял камень, поднял его повыше и пробормотал слово силы. У камня выросли синие крылья, и — невероятно! — он умчался в утреннюю даль.

— Как ты это сделал?! — воскликнула Свней.

Отец улыбнулся.

— При помощи силы. Но одной лишь силы для этого недостаточно. Я смог преобразовать камень, потому что понимал: на самом деле птица и камень — и даже бумажный дро-тик — одно и то же.

— Но это не одно и то же, — возразила Свней.

— Правда? — Отец засмеялся. — Сначала ты должна понять, что камень и птица — одно и то же, следующий шаг — убедить в этом камень. Вот тогда он сможет летать.

Свней прикусила губу.

— А это трудно, да?

— Очень, — признался Господин Горы. — Ты уверена, что не хочешь вместо этого набор красок?

— Да, — настаивала Свней. — Я пойму.

— Тогда я дам тебе книги, по которым можно учиться, — пообещал ей отец.

Он взял Свней на руки, закутал в свой темный плащ и отнес девочку в беседку к ее матери, Святой Мира.

Соглашаясь выйти замуж за своего ужасного Лорда, Леди добилась от него уступки — разрешения устроить сад на черной базальтовой вершине его горы, высокой и таинственной в пронизанном солнцем воздухе. Сейчас, через десять лет после свадьбы, ее фруктовые сады цвели, а ее ученики в белых одеяниях ухаживали за целебными травами, растущими на грядках. Ученики изящно поклонились, когда Свней подбежала к матери. Леди обняла свою дочь и подарила ей белую розу. А Свней с гордостью сообщила:

— Мама, я буду изучать силу!

Леди вопросительно взглянула на своего мужа.

— Да, она хочет этого, — с не меньшей гордостью подтвердил он. — Почему бы и нет, если она талантлива?

— Но сила не существует сама по себе, дитя мое, — сказала Леди дочери. — Для каких целей ты станешь ее использовать? Чтобы помогать другим?

— Д-да,— пробормотала Свней, уставившись себе под ноги.— Но сначала мне нужно ее освоить.

— Может, ты хочешь стать целительницей, как я?

— Я смогу лечить людей, когда овладею силой,— уверенно произнесла Свней.

Мать немного печально посмотрела в ее темные глаза, но тени в них не увидела. Так что она благословила дочь и отпустила играть.

Господин Горы сдержал обещание и дал дочери книги для обучения, которые должны были помочь ей разгадать три загадки полета. Для начала Свней пришлось научиться читать. Она с пламенным рвением накинулась на буквы и победила их, а затем с головой ушла в первый том — Книгу Арканов.

Свней училась так хорошо, что к своему шестому дню рождения решила все три загадки. Она могла отращивать у себя на спине крылышки, маленькие, как крылья бабочки, и красные, как лепестки роз. Летать с ними, правда, не получалось — лишь перепархивать в нескольких дюймах над землей, подобно птенцу. Но ей было всего шесть лет! Она еще будет парить в вышине.

Потом она изучила речь животных. Потом — как перемещать предметы, не прикасаясь к ним. Также она пожелала знать имена всех звезд в небе — не только те, которые им дали люди, но и те, которыми называют себя сами звезды. Один интерес вел к другому, новые увлекательные вещи, новые искусства и науки казались бесконечными. Свней целыми днями сидела в отцовской библиотеке, вечером уносила книги к себе в комнату и зачитывалась до глубокой ночи.

Благодаря этому она научилась взлетать над облаками на своих красных крылышках и могла спросить у орла, что он ест на завтрак. Под силу ей был и сбор жемчуга на морском дне.

Шли годы. Господин Горы процветал. Святая Мира произвела на свет еще нескольких детей, окончательно не оправдав ожиданий жрецов и философов, которые без конца дискутировали, к чему отнести этих детей — к добру или злу.

Святая была уверена, что все ее дети в душе своей — добро, но помалкивала. Господин Горы считал, что жрецы и философы — стадо идиотов, и объявлял об этом во всеуслышание.

Свней выросла высокой, с гордым темным взглядом, унаследованным от отца. Но в ее глазах, в отличие от отцовских, не сверкали черные молнии. Равно не были они прозрачными и безмятежными, как у матери. В них неустанно горел интерес к миру и стремление выяснить, как устроено все вокруг.

Свней продолжала расти, пока не стала выше матери, а потом и своего брата Эйрдвея. Его это раздражало, он даже повадился звать сестру Великаншей, но перестал после того, как она подралась с ним и выбила ему зуб. Эйрдвей преобразовал себя в себя же, только со всеми зубами, но сестру дразнить перестал.

Думаете, многие молодые стражники стали провожать Свней взглядами, лихо салютовать, когда она проходила мимо, вздыхать ночи напролет под ее окном? Вы совершенно правы. Но Свней не замечала этого. Она была поглощена учебой и не слышала серенад под окном. Но все же они не пропали даром: сестры Свней превосходно их слышали и как раз отлично замечали вещи вроде щегольски отданного салюта.

Не то чтобы Свней не нравилось быть женщиной — вовсе нет. Стоило ей подрасти, как она сама стала выбирать себе платья и драгоценности. Мать подарила ей тонкие, как паутинка, ткани утонченных оттенков: лаванды, морского тумана и голубовато-сизого, как птичье яйцо. А еще — серебряные украшения искусной работы, украшенные белыми алмазами, сверкающими, словно звезды.

Увы, Свней куда больше нравились алые, пурпурные и золотые одежды, хотя Святая Мира и объясняла дочери, как чудно белое гармонирует с ее смуглой кожей. Свней поблагодарила мать за хрупкие серебряные браслеты и, как почтительная дочь, надевала их на семейные торжества, но любила она массивные золотые комплекты с изумрудами и рубинами. Чем пышнее — тем лучше, неизменно считала она, не смотря на мягкие замечания матери, что, быть может, брас-

леты в виде змей с топазовыми глазами и павлинье ожерелье из бирюзы, нефрита и лазурита — не самое удачное сочетание.

И хотя Свней много читала, владела искусствами трансмутации* металлов, гадания по костям и повеления рекami, она не научилась ни ткать, ни шить, равно как не знала ничего о свойствах целебных трав. Мать терпеливо ждала, пока дочь всем этим заинтересуется, но сияющие глаза Свней никак не обращались в сторону любимых занятий матери.

Однажды днем Господин Горы, сидевший за своим большим черным столом, услышал, что стражники возвестили о приближении его старшей дочери. Мгновение спустя Свней вошла в его кабинет, великолепная в своих ало-синих одеяниях и пунцовых туфлях с особенно заостренными носками, что загибались на концах.

— Дочь моя,— поприветствовал ее Господин, вставая из-за стола.

— Папочка! — откликнулась Свней.— Я только что прочитала в седьмом Гранатовом Свитке, что зелье, полученное в результате дистилляции** фиалок, можно использовать для приманивания драконов. Не мог бы ты показать мне, как это делается?

— Да я никогда особо не занимался дистилляцией, дитя,— ответил Господин Горы.— Это больше по части твоей матери. Не сомневаюсь, она с радостью научит тебя, как это делается. Почему ты ее не спросила?

— А! — протянула Свней. Она покраснела, прикусила губу и опустила глаза.— Думаю, мама сейчас занята — ведет какой-то семинар у своих учеников. По технике медитации или что-то в этом роде.

Господин Горы, которому не было никакого дела до учеников его жены, строго произнес:

* Трансмутация — превращение атомов одних химических элементов в другие. Основная идея алхимиков, которые стремились из неблагородных металлов получить благородные.

** Дистилляция — перегонка, разделение жидких смесей на отличающиеся по составу фракции.

— Девочка моя, ты же знаешь, что твоя мать никогда не станет пренебрегать родными детьми ради учеников.

— Дело не в этом,— слегка упрямо сказала Свней, теребя прядь черных, как вороново крыло, волос.— Вовсе нет. Просто... у нас непременно будут из-за этого разногласия. Она захочет узнать, для чего мне это нужно, и не одобрит моей идеи ловить драконов, и даст мне это понять, даже если не вымолвит ни словечка — просто посмотрит на меня вот так...

— Я знаю,— вздохнул ее грозный отец.

— Как будто это пустая трата времени и на самом деле я должна изучать все эти лекарства от лихорадки. Это, конечно, здорово, но у меня еще куча всего, что нужно освоить, и в любом случае, я не мама, я — другая личность, и ей следует это понять!

— Я уверен, что она понимает, дитя мое.

— Да.— Свней откинула волосы с лица.— Так вот... Ладно. Я подошла к тому, о чем хотела тебя просить. Думаю, мне нужно отправиться в мир — на учебу.

— Вот как...

В голосе Господина Горы слышалось удивление.

— Мне всегда этого хотелось, а тут оказалось, что в месте под названием Конен-Фей-Среди-Деревьев существует своего рода тайная школа, в которой любой желающий может научиться дистилляции. Мне это нужно!

— Хм, даже не знаю...— засомневался Господин Горы.

Но Свней своего добила. Не обошлось, правда, без скандала, слез и топанья ножкой, но Свней своего добила. На этой же неделе она взяла сумку, лук и колчан и, поднявшись на парапет, призвала свои красные, как лепестки роз, крылья — только теперь они простирались на ярд, от ее темноволосяй головы и до лодыжек. Свней распахнула крылья, поймала ветер и взмыла ввысь. Словно королева воздуха, она удалилась исследовать мир.

Отец и мать смотрели ей вслед.

— Как думаешь, ее никто не обидит? — спросила Святая Мира.

— Пусть только попробуют, — отозвался Господин Горы.

Он посмотрел со стены далеко вниз, на двух великанов телохранителей, которые с треском мчались через лес, словно пара гончих в доспехах, отчаянно стараясь успеть за юной госпожой и прилагая при этом все усилия, чтобы остаться незамеченными.

Паря на ветру, Свней обнаружила, что хотя необычайное наследие и наградило ее множеством даров, чувство направления в их число не входило. Она долго лавировала, разыскивая место, которое походило бы на город среди деревьев. В конце концов далеко внизу, в поросшей лесом долине, она заметила храм.

Приземлившись, Свней обнаружила, что постройка давно заброшена, но ее охраняет здоровенное серое чудище. Свней застрелила чудище и зашла в храм, посмотреть, что же там можно охранять. На алтаре стоял золотой сундучок, защищенный заклинаниями. Свней сняла их при помощи магии. В сундучке она обнаружила книгу, где излагалась история исчезнувшего народа, которому этот храм когда-то принадлежал. Девушка вынесла книгу, села на камень среди руин и следующие несколько часов провела, подперев голову рукой и погрузившись в чтение.

Из книги она узнала об одном хрустальном кольце, обладание которым наделяло владельца способностью понимать речь воды. Книга указывала на некий фонтан, расположенный в часе полета к югу от храма. К счастью, на полу храма было мозаикой выложено изображение компаса. Так что Свней, не мешкая, направилась на юг, ровно в тот момент, когда ее запыхавшиеся телохранители наконец-то подбежали к храму и проводили ее взглядами, ужасными даже для великанов.

Ровно через час полета Свней заметила фонтан, бьющий посреди разрушенного дворика, что был вымощен плиткой с шахматным узором. Девушка приземлилась и приблизилась к фонтану, немного опасаясь, поскольку в его чаше находилась змея, обладающая редкой красотой и смертоносным ядом. Свней рассмотрела украшенную драгоценными камнями змею, которая лениво кружила по чаше, и кольцо — кружок чистого хрусталя, едва заметный среди бурления во-

ды. Оно лежало на вершине фонтанной струи, и до него было никак не дотянуться, даже если рискнуть и пообщаться со змеей. Свней отступила на несколько шагов, наложила стрелу на тетиву и прицелилась. Щелк!

Стрела ударила в ствол дуба, растущего шагах в тридцати; на древке ее красовалось кольцо. Свней объявила о своих правах на кольцо, надела его — и тут же стала понимать речь воды.

Благодаря этому фонтан рассказал столь интригующую историю, что Свней захотелось ее распутать. Однако же подробности можно было узнать только у маленького синего человечка, что жил в темных холмах далеко на востоке. И Свней полетела его разыскивать...

Свней пережила еще несколько приключений, и однажды утром, случайно, когда она парила в вышине, с головой уйдя в беседу с одним орланом, девушка заметила поселение, расположенное среди могучих деревьев. Она спросила орлана, и тот подтвердил, что да, это Конен-Фей. Девушка поблагодарила его и спустилась в отдаленную рощу, где можно было наложить на себя чары и войти в город, не привлекая лишнего внимания. Еле дышащие телохранители, следовавшие за ней на расстоянии лиги, рухнули на землю и вознесли хвалу всякому, кто мог их услышать.

Дети Солнца обитали в основном в городах из камня, где вряд ли росла хотя бы травинка, не говоря уже о герани в горшочках. Они предпочитали сады камней, с обелисками и скульптурами. Но в любом народе имеются люди, отвергающие все привычное. Благодаря им Конен-Фей и появился. Художники и искусные мастера основали город в зеленой глуши и стали в нем жить, даже не возведя вокруг успокаивающе высокой стены. В первые годы многие поселенцы умерли от отравленных стрел и клыков диких животных, но остальные лишь укрепились в своей решимости не покидать Конен-Фей.

Горожане рисовали местные пейзажи, делали горшки из местной глины и ткани из растительных волокон; они даже сообразили, что если рубить деревья и делать из них очарова-

тельно примитивную деревенскую мебель, то рано или поздно деревьев не останется. Для детей Солнца, обычно ничего не смысливших в вопросах экологии, это стало настоящим прорывом.

Постепенно и другие народы рискнули прийти в Конен-Фей. Обитатели лесов йендри и святой народ открыли здесь свои лавочки и продавали в них травы, или пресноводный жемчуг, или плетеные корзины, или свежие продукты. Приходили сюда и одинокие наследники менее известных народов, и странники, возвращающиеся после долгого отсутствия, были и те, кто искал тихое место, чтобы открыть свое дело. Так возникла Вечерняя школа.

Выглядела она, словно обычный парфюмерный магазинчик, на стене над дверью имелись некие знаки, видимые лишь для того, кто знаком с тайными науками. Свней, бродившая по главной улице Конен-Фей и глазающая по сторонам, сразу же прочла эти знаки. Экстравагантный зеленый курсив указывал часы работы школы, излагал, где и как можно в нее записаться и где расположено подходящее для студентов жилье.

С последним девушке вообще повезло: оказалось, что трем дочерям магов, снимавшим помещение над магазинчиком кукольного мастера, не хватало денег на ежемесячную оплату, и они искали четвертую компаньонку — представительницу земной стихии, которая бы дополнила их воздух, огонь и воду. Они оказались милыми девушками, хотя Свней несколько растерялась, увидев, что всех их превосходит ростом, и несколько разозлилась, обнаружив, что все трое относятся к ее матери с благоговейным трепетом.

— Ты — дочь той самой Святой Мира?! — воскликнула Сеела, отец которой был Главным Кудесником в Городе Огненной Горы. — Но что ты тут делаешь? В приготовлении дистиллятов и эссенций с твоей матерью не сравнится никто. Это же всем известно! Я бы отдала все на свете, лишь бы учиться у нее!

Это утверждение, с незначительными вариациями, Свней слышала регулярно на протяжении четырех лет учебы. Впрочем, она быстро перестала обращать на него внимание. Заня-

тия занимали половину ее времени, а вторая половина уходила на изучение странного нового мира, в котором она жила, где не было никаких телохранителей (во всяком случае, таких, о которых она бы знала) и где от прочих юных леди ее отличал лишь рост.

Это было потрясающе интересно. Она копила вместе со своими соседками на диван в общей гостиной, а потом они вчетвером затаскивали этот диван по крутой лестнице, с хихиканьем и взвизгиванием, хотя Свней могла бы взять его под мышку и занести в одиночку без особых усилий. Она обедала вместе с соседками в маленькой лавочке, торгующей жареной рыбой; у них там даже была своя постоянная кабинка, и они сидели только в ней, хотя Свней находила ее тесноватой.

Она сочувственно выслушивала то одну, то другую соседку, когда те влюблялись в разных молодых и красивых провидцев и чародеев, и делала уборку после множества шумных вечеринок, разок даже разбила вазу о голову одного оборотня, довольно милого в трезвом состоянии, но в пьяном виде превратившегося в нечто весьма неприятное. Свней пришлось швырнуть его через плечо, а потом спустить с лестницы; соседки благодарили ее со слезами и дружно признали, что не представляют, как бы без нее обошлись.

Но сама Свней не влюблялась.

Не то чтобы у нее не было поклонников, претендующих на ее руку, — нет. В Вечерней школе имелось несколько кавалеров, которые блистали драгоценными украшениями и странными привычками и стремились завязать роман со Свней. Один из них, с пылающими волосами, был лордом огня, другой, с широкими фиолетовыми крыльями, — лордом воздуха. Еще один был лордом воды; за ним постоянно следовали слуги, которые обрызгивали его ароматической водой, спасая кожу от пересыхания.

Но все они хотели жениться на Свней только ради заключения династического союза с Господином Горы. А Свней давным-давно решила, что лишь любовь, настоящая любовь — единственное, что может оправдать все сложности, связанные с романами. Поэтому она вежливо отклонила уха-

живания, и молодые лорды, подувшись какое-то время, нашли себе новых потенциальных невест — дочерей богатых родителей.

Курс обучения кончился. Соседки тепло попрощались друг с другом и отправились каждая своей дорогой. Свней вернулась домой вместе с обслуживающими духами, которые доставили подарки для всех ее маленьких племянников и племянниц. Но она не задержалась дома надолго, поскольку услышала о далеком острове, где на серебряном утесе огромными буквами была записана формула, позволяющая на маленьких, поддающихся управлению участках поворачивать время вспять. Конечно, Свней захотелось этому научиться.

— Свней оказалась весьма неплоха, — сказал как-то вечером Господин Горы, укладываясь спать. — И все же мне хотелось, чтобы она проводила чуть больше времени дома. Мне кажется, ей пора уже выйти замуж и осесть, как это сделали мальчики.

— Она не может успокоиться, — ответила Святая Мира, расчесывая волосы.

— С чего вдруг? Эта первоклассная чародейка с двумя степенями? Несравненный Рубин — вот как ее прозвали. Чего ей еще надо?

— Она пока не знает. — Святая Мира погасила свет. — Но узнает, когда найдет.

Свней пережила множество приключений.

Но однажды, когда она пыталась понять неясное место в одной старинной колдовской книге, ей вдруг захотелось понаблюдать за бушующим штормом посреди океана и послушать, как звучит гнев вод. Темной ночью на исходе года, когда каждое мелкое суденышко забивается в гавань и становится на якорь, она улетела прочь и нашла то, что искала.

Такого шторма мир еще не видел. Белая пена взлетала в воздух, белый воздух дрожал под ударами воды, белые чайки с пронзительными криками кружили в черном небе, а волны были подобны горным массивам с глубокими долинами.

Свней планировала над всем этим, находясь в пузыре собственного изобретения, который защищал ее от неистовства стихии. С интересом наблюдая, она вдруг заметила в провале между волнами фигурку, цепляющуюся за деревяшку. Провал превратился в водяную стену, стена устремилась вверх — и прямо перед глазами Свней очутился утопающий человек. От изумления он выпустил обломок мачты, за который держался, и камнем пошел вниз.

Свней вскрикнула и ринулась из своего пузыря в волну. Она прошла сквозь воду, как сквозь темное стекло, и поймала тонущего за руку, затем устремилась вверх, волоча спасенного за собой. Девушка вытащила его на воздух и обхватила сильными руками. Лететь Свней не могла, поскольку крылья ее намокли, но она вызвала морских животных, и те помогли добраться до ближайшей суши.

Это был всего лишь клочок земли, белые скалы, торчащие из моря. При помощи магии Свней воздвигла на нем каменный дворец и занесла спасенного туда. Огонь плясал в камине, на столе стояли горячая еда и вино. Свней положила мужчину, все еще не пришедшего в сознание, в мягкую постель и стала за ним ухаживать.

День за днем Свней заботилась о нем, пока мужчина не поправился настолько, что заговорил с ней. К тому времени сердце Свней принадлежало этому мужчине.

Он не был красив, как лорд-волшебник, не владел никакой магией, и в жилах его не текла древняя кровь. Он был всего лишь мастером в одном из городов детей Солнца, делал игрушки, и звали его Кендах. Но Свней так подолгу и с таким волнением смотрела на него, пока он спал, что когда сама ложилась отдыхать, ей представлялся его образ.

И конечно же, когда Кендах открыл глаза, первым, что он увидел, было лицо Свней, и это была любовь. Да разве могло быть иначе?

И они, довольные жизнью, стали вить гнездышко — пока не сообразили, что родственники могут за них беспокоиться. Тогда они отправились домой к Свней, и Кендах познакомился с ее семьей («Что-что он делает? Игрушки?!» — развеселились ее братья), а позже Кендах представил ее своим

родителям («Очень славная девушка. Высоковата, правда, но все равно славная», — сказал ничего не подозревающий отец Кендаха. Молодые предпочли не сообщать ему, кто у него в сватях).

Они поженились в Конен-Фей, скромно и без претензий.

— Надеюсь, у мальчика не будет проблем с ее братьями? — с беспокойством произнес отец Кендаха вечером в номере гостиницы. — Ты заметила, как сердито они на него смотрели? Особенно тот красавчик. У меня прямо кровь в жилах застыла.

— Теперь понятно, она пошла ростом в отца, — рассуждала мать Кендаха, наливая супругу чай. — Насколько я понимаю, он очень солидный коммерсант. Держит какую-то страховую фирму. Интересно, почему ее мать носит вуаль? Как ты думаешь?

Кендах открыл в Конен-Фей магазин игрушек и продавал там воздушных змеев в виде насекомых, военных кораблей и метеоров. Свней воздвигла скромный дворец среди деревьев, где они стали жить в любви и согласии. Свней была полностью довольна своей жизнью и считала, что большего и желать нельзя.

Но однажды...

Однажды она проснулась и заметила серое пятно на лице солнца. Свней моргнула и протерла глаза. Пятно никуда не исчезло. Оно было и на ее утренней чашке чая. Оно мелькало на страницах книг, которые Свней пыталась читать, и лежало, словно грязь, на лице ее возлюбленного.

Свней решила разобраться, что происходит. Она прошла в кабинет и достала большой шар из черного хрусталя, в глубине которого мерцали огни. Свней удалилась с шаром в тихое местечко и гладила его до тех пор, пока от него не стали отскакивать потрескивающие искры. Наконец из темных глубин всплыли слова: «ТВОЯ МАТЬ ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЕТ».

Они скользили по поверхности шара, слегка пульсируя. Свней пристально вглядывалась в них, но они не менялись.

Тогда Свней решила полететь и увидеться с матерью. Она накинула свой плащ из павлиньих перьев и запрягла в небесную колесницу пару грифонов (очень удобно, если у твоего

возлюбленного нет крыльев и с небом его связывают лишь воздушные змеи).

Святая Мира сидела в одиночестве в своем саду, у тихого озера с зеркальной гладью. На ней было простое белое одеяние. На поверхности воды сияли белые лилии, в отдалении пела птица. Святая была погружена в медитацию; ее прозрачные, как хрусталь, глаза были безмятежны.

Но вдруг на поверхности воды промелькнуло цветное пятно. Святая подняла голову и увидела свою старшую дочь, несущуюся по небу. Запряженная грифонами колесница с грохотом приземлилась неподалеку. С нее соскочила Свней, тербя свой яркий плащ. Она направилась к матери и преклонила колени.

— Матушка, мне нужно поговорить с тобой,— сказала она.— Это правда, что ты меня не понимаешь?

Святая Мира помолчала, потом ответила:

— Да, правда. Мне очень жаль, милая. Это что-то меняет?

— Матушка, я тебя разочаровала? — грустно поинтересовалась Свней.

На этот раз Леди думала долго.

— Нет,— наконец произнесла она.— Мне хотелось бы видеть интерес моей дочери к искусству исцеления. Это то, что уместно передавать от матери к дочери. Но твой брат Демаледон превосходный ученик, о таком можно только мечтать. К тому же у меня есть множество других последователей. Так с чего бы твоей жизни копировать мою?

— Но никто из остальных девочек не сделался целительницей,— слегка раздраженно заметила Свней.

— Совершенно верно. Они пошли своим путем: возлюбленные, мужья, дети, сады и танцы.

— Вообще-то у меня тоже есть муж,— напомнила Свней.

— Дитя мое, моя Темноглазка, я радуюсь твоему счастью. Разве этого недостаточно?

— Но я хочу, чтобы ты понимала меня! — воскликнула Свней.

— А ты меня понимаешь? — спросила Святая Мира.

— Тебя? Конечно понимаю!

Мать взглянула на нее с насмешливой улыбкой.

— Я родила твоему отцу четырнадцать детей. Я смотрела, как он уходит совершать ужасные вещи, и перевязывала его раны, когда он возвращался, совершив их. Я управляла штатом в тысячу с лишним слуг, большинство из которых великаны. Помимо этого, я вела переписку со своими бедными учениками, которые пытались исполнять мою работу в мое отсутствие. Что ты знаешь обо всем этом?

Свней молчала.

— Ты всегда охотилась за сокровищами, дорогая, и кидалась открывать любую встреченную дверь, желая выяснить, что за ней,— мягко продолжала Святая Мира.— Но остались двери, которые ты все еще не открыла. Мы с тобой можем любить друг друга, но как мы можем друг друга понять?

— Должен быть какой-то способ! — настаивала Свней.

— Ты сейчас так похожа на своего отца! Глядя на тебя, мне одновременно хочется и смеяться, и плакать. Не переживай, моя Темноглазка, ты сильная, счастливая и хорошая, и я рада за тебя.

Тем же вечером Свней вернулась к себе. Она вошла в комнату, где Кендах рисовал ярких, причудливых птиц на своих воздушных змеях. Свней села напротив мужа и посмотрела на него.

— Я хочу ребенка,— сообщила она.

Кендах поднял голову и удивленно моргнул. Когда до него дошел смысл этих слов, он заулыбался и обнял жену.

Родила ли Свней? А как же иначе? Она ведь всегда исполняла задуманное.

На свет появилась крепкая и здоровая девочка. Она была похожа и на отца, и на мать, но больше всего — на себя саму и часто удивляла своим поведением.

Кендах был из простой многодетной семьи, и рождение ребенка не застало его врасплох. Он знал, как купать младенца, и имел хороший навык засовывания вертлявого малыша в одежду.

Свней, выросшая в детской в окружении дюжины слуг, оказалась совершенно неопытной в этих делах. Собственная беспомощность потрясла ее, как и всепоглощающая беспомощная любовь. До сих пор младенцы мало интересовали

Свней. Для нее они были кем-то мелким в пеленках, к кому следует проявлять вежливый интерес, дарить серебряные чашки с именем и колдовать заклинание удачливости.

Но ее собственный младенец!!! Свней могла часами лежать, глядя на свою спящую деточку и восхищаясь зевающим беззубым ротиком или медленным движением крохотной ручки.

Когда малышка достаточно подросла и с ней можно было путешествовать, они закутали дочку в одеяло, отделанное жемчугом, и отправились в гости к бабушке и дедушке со стороны матери, нагруженные обычными подарками. Кендах поехал учить своих племянников и племянниц, как управляться с его чудесными воздушными змеями. Торжествующая Свней понесла свою дочь к Святой Мира.

— Вот теперь-то я сделала нечто, понятное тебе! — произнесла она.

Святая Мира взяла малютку внучку на руки, поцеловала в лобик и сказала:

— Надеюсь, это не единственная причина, заставившая тебя обзавестись ребенком.

— Ну... конечно же нет! — покраснев, запротестовала Свней. — Я хотела понять, что это такое — материнство.

— И что же ты о нем думаешь, дитя мое?

— Оно приводит в трепет. Оно священно. Ее существование придало всей моей жизни новый смысл! — с пылом воскликнула Свней.

— О да! — согласилась Святая Мира.

— Я имею в виду, что это вершина творения! Это сила! Я просто жду не дождусь, так мне хочется узнать, о чем она будет думать, как к чему относиться, что она будет говорить и делать. Я явила миру абсолютно новое существо! Разум, способный мыслить! Что обычная магия по сравнению с этим?

Малышка раскапризничалась, и Леди встала, чтобы прогулять с ней по саду. Свней зашагала рядом с ними, подыскивая слова, чтоб выразить свою мысль.

— Я столь многому могу ее научить, так много могу ей дать, так много могу разделить с ней! Ее первые простенькие заклинания. Ее первый полет. Ее первое преображение. Я на-

учу ее всему, что знаю сама. У нас дом в Конен-Фей — ей будет удобно учиться в Вечерней школе! Ей даже не придется искать себе съемное жилье. Она может воспользоваться моими старыми учебниками...

Но малышка продолжала плакать и тянуть к чему-то ручонки.

— Она чего-то хочет уже сейчас, — заметила Леди.

Она сорвала белый цветок и предложила малышке. Но нет, девочка указывала на что-то другое. Свней протянула дочери хрустальную подвеску, блистающую силой и отбрасывающую пляшущие блики. Но ребенок продолжал плакать и тянуться вверх. Тогда женщины подняли головы и увидели, что в небе весело и безрассудно пляшет один из воздушных змеев ее отца.

На какое-то время они застыли, глядя ввысь, потом посмотрели на девочку и переглянулись.

— Возможно, тебе пока не стоит записывать ее в Вечернюю школу, — сказала Святая Мира.

И Свней с ужасом осознала, что настанет тот день, когда ей потребуется совет матери.

Йон Колфер

ПТИЧЬЯ ИСТОРИЯ

Ирландский писатель Йон Колфер — автор популярной серии о приключениях Артемиса Фаула, юного гениального преступника. Его перу также принадлежат произведения «Четыре желания», «Супернатуралист» и другие.

Йон Колфер вырос в ирландском городе Уэксфорде, где и проживает со своей семьей.

В шуточной истории, представленной в нашем сборнике, Колфер показывает, что те, кто готов платить за ужин песней, должны более тщательно выбирать репертуар...

В средневековой Европе путешественник всегда мог рассчитывать на горячий ужин, но при одном условии: от него требовалось рассказать увлекательную историю. Зная это, один необычный гость и присоединился к очереди, стоявшей к Эрику — мальчику-королю.

В конце концов подошел мой черед. И слава богу, я почти умирал с голоду. Я решил сочинять на ходу. В любом случае, тарелку с едой мне это обеспечит, а может, и еще что-нибудь перепадет.

— Теперь ты, — повелел король-мальчишка, указав мечом на рыцаря подо мной. — Расскажи нам что-нибудь интересное.

— Одну минутку! — запротестовал я, спикировав на стол. — Полагаю, сейчас моя очередь!

Собравшиеся удивились, услышав говорящую птицу, но того эффекта, что обычно, я не добился. Чаще всего начинаются вопли, крики про колдовство и требования сварить чер-

тову курицу. Но на этот раз лишь некоторые из присутствующих приподняли брови. Наверное, после историй, которые прозвучали в тот день, благородное собрание было уже ко всему готово.

Я распушил перья.

— И как? Дадут мне воспользоваться моим правом? Или ты откажешь птице в еде?

Король-мальчишка улыбнулся.

— Рассказывай, цыпленок.

— Я не цыпленок! — возразил я, слегка надувшись. — Я голубь! Это совсем другое! Куры — грязные существа, которые трещат без умолку и роняют свой помет повсюду, где проходят. Мы, голуби, куда благоразумнее и скромнее.

— Прими мои извинения, голубь, и рассказывай.

Я благодарно поклонился. Наконец-то настало время моей истории. Нет, конечно, не моей собственной. То есть я мог бы припомнить кое-что из своих детских воспоминаний... Но об этом без крайней нужды я говорить не стал бы.

— Гхм. Да. Так вот, жил некогда благородный рыцарь, который искал по всему свету Святой Грааль.

Благородный рыцарь, шедший в очереди следующим после меня, приподнял палец в кольчужной перчатке.

— Это буду я, и это будет моя история.

Я поспешно сменил курс.

— Как-то чудным летним днем три поросенка решили пойти погулять...

— Это я уже слышал, — перебил Эрик.

Я предпринял еще одну попытку.

— Однажды утром мальчик-сирота получил приглашение поступить в школу для волшебников.

Меч короля остановился в волоске от моего клюва.

— Очередь сегодня длинная, птица. Давай, выкладывай историю или прощайся с едой.

Я попытался отнестись к ситуации проще.

— Вообще-то в мире существует всего семь сюжетов. Какая разница, который из них слушать, если он будет хорошо изложен?

— Здесь и сейчас есть лишь один сюжет, голубок.— Король-мальчишка нахмурился.— Твой. Ты собираешься поделиться с нами своей историей?

Я с вызывающим видом пощелкал клювом в перьях.

— Целиком она несколько щекотлива. Не стоит об этом упоминать в культурном обществе.

Рыцарь фыркнул.

— «Несколько щекотлива»? «Культурное общество»? Да ты отлично изъясняешься — для цыпленка.

— Для голубя! — огрызнулся я.— Конечно, речь идет о культурном обществе. В конце концов, я принадлежу к королевскому роду. Или, точнее, принадлежал, до превращения.

Рыцарь ткнул локтем стоящего за ним отшельника.

— Дай-ка я угадаю! Ты — пропавший принц Хасниварр.

Я не ответил — лишь скромно щелкнул клювом.

Рыцарь побарабанил пальцами по бронированному предплечью.

— Итак, цыпленочек утверждает, что он — принц Хасниварр. Наследник королевства Монт-Варр, а заодно и горы золота. Но всем известно, что этого паршивца превратили в свинью.

— Неправда! — прощелбетал я.— Может, я и был в каком-то смысле паршивцем, но свиньей я не был никогда! Никогда! Просто во время моего превращения неподалеку находилась свинья — это и породило некоторую путаницу, только и всего!

— Тебе виднее, жирный!

Рыцарь подмигнул присутствующим. Он определенно начинал мне не нравиться.

— Рассказывай, принц, — велел мальчишка-король, прервав общий смех.— И на этот раз — свою собственную историю.

Что ж, пришло время подчиниться. Или оголодать вконец. Я начал:

— Это правда, я — принц Хасниварр, или, точнее, был им. Эта несчастная потрепанная птица, которую вы видите перед собой, некогда была наследником самого богатого королевства в мире. Я жил при дворе в великой роскоши и поль-

зовался множеством привилегий. Иногда я выполнял несложные обязанности. Я рос избалованным и капризным. Мой отец, благородный король, решил, что старое доброе испытание, в котором нужно будет кое-что выполнить, укрепит мой характер. Однажды он призвал меня в тронный зал и усадил рядом с собой.

На коленях у него лежал золотой поднос, а на подносе — обычный серый камень с белыми прожилками, размером с кроличью голову.

— Это — камень кармы, — объяснил мне отец. — Мои чародеи привезли его из Персии. Нам пришлось отломить большую глыбу от золотой горы, чтоб расплатиться за него.

— Э-э... очень красивый камушек, — заметил я и протянул руку, чтобы его потрогать.

— Не спеши, Хасниварр! — остановил король, перехватив мою руку. — Камень кармы переносит людей, которые к нему притрагиваются, через их крути жизни. Он ускоряет их перерождения. Смотри!

Отец коснулся камня и тут же преобразился. Он превратился в горностаю, потом в волка, потом в какого-то неведомого мне высокого косматого зверя, а потом снова в себя. В конце концов он убрал руку с камня.

— Понимаешь, каждый получает то, чего заслуживает. Мне понадобилось всего три воплощения, и я стал человеком. Сила духа, не что-нибудь. А когда я умру, то снова сделаюсь горностаем. Что же касается тебя, Хасни, подозреваю, что тебе понадобится тысяча лет для обретения человеческого облика. Хочешь узнать, сколько стадий предстоит пройти тебе?

— Нет, — ответил я.

— Я настаиваю! — Отец положил мою руку на камень кармы.

Превращение было мгновенным. Мир сделался огромным, а я уменьшился, и только мой образ мыслей, присущий человеку, не дал мне улететь прочь. Я был комаром.

Мой великан отец горестно вздохнул:

— Все куда хуже, чем я думал! Ты начнешь свой следующий круг перерождений комаром. Очень низкая ступень.

Стремление испить его крови быстро развеялось, и я превратился в навозного жука.

— По-прежнему насекомое, — отметил король. — Ради твоей матери стань скорее млекопитающим!

Моя оболочка лопнула и исчезла, а спина покрылась шерстью — я превратился в крысу. Я отчетливо видел собственный нос и подрагивающие усики на нем.

— Млекопитающее, — признал отец. — Но не слишком-то благородное.

А потом случилось несчастье. Свихнувшаяся свинья, сбежав с кухни, ворвалась в покои. По пятам за ней неслись три мясника со здоровенными ножами. И воцарился ад крошечный. Я как раз переживал муки превращения в голубя и потому едва отслеживал последовательность событий.

Свинья врезалась в кресло отца и сшибла его на пол. Он ударился головой о каменные плиты и испустил дух. Мой контакт с камнем кармы был грубо прерван, прежде чем мой человеческий рассудок успел утвердиться в своих правах. Я сделался полноценным голубем, с мозгами и словарным запасом птицы. Свинья метнулась, мясники замахали ножами, а я поднялся в воздух. Хрюканье, грохот и воркование!

Я подчинился голубиным инстинктам и вылетел через открытое окно. Минут десять спустя я был уже в нескольких милях от дворца, несясь вместе с западным ветром. Два года я скитался по небу, как обычный голубь, не подозревая, что приключилось со мной. Но однажды летом я обосновался под крышей некого дома и снова услышал человеческие голоса. От их звука что-то шевельнулось у меня внутри, пробуждая воспоминания и разум.

Я понял, что должен немедленно вернуться к моему горюющему семейству и заверить их, что сын и наследник жив и здоров, хотя и несколько не в себе. Я был уверен: стоит моим родичам услышать, что со мной сделал покойный отец, как меня примут с распростертыми крылами — то есть распростертыми объятиями. Такова моя цель, и я прервал свой путь лишь ради подкрепления сил.

Я завершил свое повествование и погрузил клюв в стоящую рядом кружку с водой. Моя история имела успех. Слуга уже наполнял миску едой.

Тут рыцарь снял свой шлем.

— Захватывающая история, цыпленок. Так ты говоришь — принц Хасниварр?

— Увы, да, — ответил я печально, но благородно.

— Поразительно. Говоришь, камень кармы?

Я шелкнул клювом.

— Да, да. Так все и было.

Рыцарь снял одну из латных перчаток.

— А расскажи-ка мне, цыпленок, то есть принц, насчет твоего знаменитого семейного родимого пятна.

Родимого пятна? У меня есть знаменитое родимое пятно?

— Ах, да! Конечно! Наследники золотой горы всегда имеют на теле родимое пятно в форме... родимого пятна. Подробности пока что ускользают от меня. Память вернулась ко мне не полностью.

Рыцарь снял латный нагрудник.

— Позволь, я тебе напомним. Родимое пятно в форме развернутого павлиньего хвоста. Как вот это.

На боку у рыцаря красовалось родимое пятно в форме павлиньего хвоста.

Я нервно взмахнул крыльями.

— И это означает, что ты...

— Принц Хасниварр, — закончил фразу рыцарь. — Я был в походе. И никаких голубей и свиней.

— Что за чушь! — возмутился я. — Хасниварр — это я, законный наследник...

— Горы золота, — снова перебил меня рыцарь. — Хотя, боюсь, правильнее будет назвать ее кротовьей кочкой. Да, когда-то это было горой — до выплаты имперских налогов и до войны, которая длилась несколько десятилетий. Если сейчас в нашей сокровищнице найдется хоть один sovereign, я сильно удивлюсь.

Мне стало плохо.

— Что, никакого золота?

— Ни единого пенни.

— Но ведь остается замок, — вспомнил я, цепляясь за соломинку.

— Ага, — согласился рыцарь. — Прекрасный замок, в каждом его зале висит мой портрет.

— А-а... — Я чувствовал обращенные на меня взгляды присутствующих. — Возможно, я слегка преувеличил...

Мальчишка-король снова вытащил меч из ножен.

— Так ты не волшебный голубь?

— Нет. На самом деле я попугай. Попугай-альбинос.

— И как ты научился говорить?

— Я всегда умел говорить. А понимать я научился в лаборатории волшебника. Одного типа по имени Марвин, или что-то вроде того.

— Мерлин? — переспросил мальчишка.

— Ага, он самый. Думаю, я надышался испарений от его зелий, и это подействовало на мои попугайские мозги.

Напряжение разрядил рыцарь. Он захохотал так, что его доспех задребезжал, а по лицу потекли слезы, увязая в бороде.

— Бог мой, хитроумный попугай! Теперь я все понял. Прими мою благодарность, цыпленок. Я так не смеялся уже лет десять. По крайней мере, с тех самых пор, как меня превратили в свинью.

Теперь захохотали все, и я почувствовал, что еда, возможно, не отменяется. Я махнул крылом в сторону котла, над которым поднимался пар.

— Я рассказал историю. Можно мне миску? Хотя бы маленькую. Я ем как птичка.

Рыцарь выхватил миску у проходящего мимо слуги.

— Конечно, юный принц! Твои враки заслуживают по меньшей мере нескольких кусочков вареного мяса.

Я заглянул в миску. Суп был серым и неаппетитным на вид.

— И что же это за мясо? — поинтересовался я.

Принц Хасниварр недобро подмигнул и ответил:

— Курятина.

Джейн Йолен

СКОЛЬЗЯ В СТОРОНУ ВЕЧНОСТИ

Миллионы благочестивых евреев на Песах, иудейскую Пасху, ставят на стол тарелку для Илии — а что произошло бы, если бы он и вправду появился?..

Джейн Йолен, одну из самых утонченных писателей-фантастов, сравнивают с такими мастерами, как Оскар Уайльд и Шарль Перро, и называют «Гансом Христианом Андерсеном двадцатого столетия». Йолен, в основном известная благодаря своим произведениям для детей и подростков, написала свыше двухсот семидесяти книг: романы, сборники рассказов, стихотворные сборники, детские книжки с картинками, биографии, сборник эссе о фольклоре и волшебных историях. Йолен — лауреат Всемирной премии фэнтези, премии «Золотой воздушный змей» и медали Колдекотта, финалист премии «Нэшнл бук», дважды лауреат премии «Небьюла» за повести «Lost Girls» и «Sister Emily Lightship».

Джейн Йолен и ее семья живут попеременно в Массачусетсе и в Шотландии.

Шанна медленно приоткрыла дверь и выглянула наружу. На улице было пусто, только ветер рябил поверхность озера. Шанна пожала плечами и вернулась за праздничный стол.

— Там никого нет, — доложила девочка.

В конце концов, ей всего пять лет, на десять меньше, чем мне. Она пришла задавать вопросы и открывать дверь. Я пришла попить вина, разбавленного водой. Своего рода компромисс.

Все рассмеялись.

— Илия здесь, только его не видно, — сказала Нонни.

Но она ошибалась. Я его видела.

Илия стоял в дверях: высокий, сухопарый — нечто среднее между жертвой голода и поэтом-битником. Я часто читаю стихи. А потом рисую стихотворения, и слова поют на странице, каждое — своим цветом. Иногда мне кажется, что я родилась не в своем столетии. На самом деле я в этом уверена.

Илия понял, что я его заметила, и кивнул. Глаза у него были черные, и борода черная — и волнистая, словно шерсть у лабрадора-ретривера. Когда он улыбнулся, глаза его превратились в щелочки. Он нерешительно облизнул верхнюю губу. Язык у него был розовый, словно мои балетные туфли. Правда, я больше не танцую. Розовые балетные туфли и «Щелкунчик». Это для малышей. Сейчас я увлекаюсь лошадьми. Но его язык казался настолько розовым на фоне черной бороды, что меня бросило в дрожь. Сама даже не знаю почему.

Я жестом указала на стул. Никто, кроме Илии, этого не заметил.

Илия покачал головой и произнес одними губами: «Не сейчас». Потом он повернулся и исчез, скользнув куда-то в сторону вечности.

— Он ушел, — сообщила я.

— Нет, — возразила Нонни, тряхнув неподвижной шапкой голубоватых волос. — Илия никогда не уходит. Он всегда здесь.

Но она посмотрела на меня как-то странно; ее черные глаза-пуговицы сияли.

Я снова глотнула разбавленного вина.

В следующий раз я увидела Илию в шULE. Это единственный храм на острове, и потому здесь собираются все евреи, даже реформаторы. Я сидела, прижавшись к Шанне — больше из соображений тепла, чем дружбы. Не, Шанна — она клевая, когда тихая и милая. Но младшие сестры иногда достаЮт, особенно когда они на десять лет младше. Они то и дело садятся на шею, а еще являются живым свидетельством того, что твои родители — родители, боже мой! — до сих пор занимаются сексом.

Рабби Шиллер читал очередной обзор книг, длинный и бессвязный. Он редко говорит что-нибудь о религии. Маме это нравится. Она считает, это важно, что он помогает нам «поддерживать связь с большим миром». В смысле — с не-евреями. С меня литературных обзоров хватает и на дополнительных занятиях; там они называются эссе, но на самом деле это просто обзоры книг, изучаемых в средней школе, только более подробные. Кроме того, рабби говорил о «Маусе», а я как раз делала о нем доклад, и мне поставили пятерку, у меня получилось куда лучше, чем у рабби. Поэтому я прижалась к Шанне и закрыла глаза.

Или почти закрыла.

Я увидела, что на биме, приложив палец к губам, стоит Илия — все те же черные глаза, все та же выющаяся черная борода, все тот же розовый язык.

Не знаю, кого он призывал к молчанию, меня или равви, но кого-то явно призывал.

Я выпрямилась, отстранилась от Шанны и огляделась, пытаюсь понять, заметил ли его еще кто-нибудь, кроме меня.

Но прихожане внимательно слушали рабби, провозгласившего как раз, что в «Маусе» «комментарий призван разорвать гладкий линейный ход повествования, ввести альтернативные трактовки, подвергнуть сомнению все частные выводы, противостоять стремлению к завершенности...» Я сразу же узнала цитату из Фридлендера. Равви делал свой обзор книг по материалам из сети. Наша учительница английского, В. Луиза, сказала бы, что на зачет он не тянет. Она б его без масла съела.

Я перевела взгляд обратно на Илию. Тот покачал головой, как будто тоже знал, что наш равви — плагиатор. Хотя если тебе из года в год каждую пятницу приходится читать проповедь, возможно, без плагиата не обойтись.

Я посмотрела на своих друзей, желая проверить, только ли мне мерещится Илия. Барри Голдблатт ковырялся в носу, как всегда. Марсия Дамашек шепталась с матерью. Они даже одеваются одинаково. Кэрол Тропп подалась вперед — не для того, чтоб получше расслышать слова равви, а чтоб постучать по плечу Гордона Берлинера. Она к нему неровно

дышит. Не понимаю, что она в нем нашла. Может, он и забавный, как эстрадный комик, но он коротышка, и от него плохо пахнет.

В общем, все до единого ровесники-знакомые были заняты чем-то своим. Судя по всему, Илию не видел никто, кроме меня. И на этот раз даже вина не было, чтобы свалить происходящее на него.

«Все,— подумала я,— у меня точно психическое расстройство». А это паршивая штука. Мы проходили психические расстройства на занятиях по психологии. В общем, либо я двинулась крышей, либо Илия, этот высококвалифицированный путешественник во времени, искусный чародей вечности, действительно стоит сейчас за спиной у нашего равви и сморкается в довольно грязный носовой платок цвета лиственного перегноя. Он что, не может ненадолго оторваться от своих странствий и заглянуть в автоматическую прачечную? Я бы ему подсказала несколько адресов у нас в центральном районе.

Я покачала головой, а Илия снова поднял взгляд, подмигнул мне, скользнул в сторону, в какой-то поток времени, и был таков. Он даже не потревожил пылинки, плавающие в солнечном луче перед ковчегом.

Поднявшись, я пробралась мимо сестры, мамы и отца и вышла наружу. Они наверняка подумали, что мне срочно понадобилось в туалет, но дело было не в этом. Я спустилась вниз, решив подождать в религиозном центре окончания службы. Я включила свет и перевела дух, почувствовав себя в безопасности. Здесь я много лет изучала иврит под руководством мисс Голдин. Здесь я узнала о том, что значит быть еврейкой. Здесь никто никогда не говорил, что Илия реален. В смысле — мы же, в конце-то концов, реформаторы. Подобные вещи мы оставляем хасидам. Прыжки, видения, скверные шляпы и еще более фиговые парики. В общем, всю эту чушь из девятнадцатого века.

Я неспешно подошла к шкафу с детскими книжками. Куча книг. Мы, евреи, большие любители книг. Книжная нация и все такое. Мой отец — профессор литературы в университете, и у нас дом просто набит книгами. Даже в ванной — и то

книжные полки. У нас была шутка: чем отличается литр «Атура» от литературы? Тем, что литр «Атура» — для употребления в ванной и туалете, а литература — для чтения. Такой вот юмор.

Моя мама — художник, но и она читает. Нет, я не против. Я и сама тот еще книголюб.

Я нашла кусок серой бумаги от какого-то плаката и стала машинально водить по нему маркером. Мама говорит, что такое каляканье по бумаге, когда действуешь машинально, помогает сосредоточиться. Я стала рисовать не лошадей, как обычно, а голову Илии: волнистые волосы, темная борода, высунутый, как у собаки, язык. Потом я добавила несколько штрихов и превратила его в ретривера. В одну из этих псин, которые вечно носятся за хозяином и так и норовят что-нибудь притащить в зубы.

— Интересно, что же ты притаскиваешь? — спросила я у рисунка.

Тот безмолвствовал. Видимо, психическое расстройство еще не зашло настолько далеко. Ага, у меня фамильное чувство юмора.

Я подумала, что в классе может найтись пара-тройка книг, посвященных Илии. Присев на корточки, я проглядела корешки. Я почти не ошиблась: не пара-тройка, а целая куча книжек о нем. Официальная еврейская поп-звезда.

Только я приготовилась полистать первую из этих книг, как кто-то похлопал меня по плечу. Я не подскочила от неожиданности, но по спине побежали мурашки.

Я медленно повернулась и взглянула в удлинненное лицо Илии. Он оказался моложе, чем я думала; борода маскировала тот факт, что ему где-то от двадцати до тридцати. Еврейский капитан Джек Воробей в ермолке вместо треуголки.

Он поманил меня пальцем, а потом протянул руку.

В голове моей пронеслись все многолетние наставления о том, как опасно разговаривать с незнакомцами. Но чего бояться собственного воображения? Кроме того, он клёво выглядел — этакий гот-битник.

Я вложила свою ладонь в его руку и встала. Его рука показалась мне вполне реальной.

Мы вроде как повернули за какой-то угол посреди комнаты, скользнули в сторону и очутились в длинном сером коридоре.

Боялась ли я?

Я была зачарована, как если бы очутилась в научно-фантастическом фильме. Мерцающие звезды освещали коридор. Мимо проносились метеориты. А странное блуждающее солнце двигалось против часовой стрелки.

— Куда мы и... — начала было я.

Слова выплыли у меня изо рта, словно кружочки для реплик, подрисованные к персонажам комиксов. А, да какая разница! Мы научно-фантастические странники, идущие по метафизическому пути.

Свист ветра делался все сильнее и сильнее, пока не стало казаться, будто мы в тоннеле, а с обеих сторон от нас несутся поезда. Потом все внезапно стихло. Серая пелена развеялась, вспышки звездного света исчезли, и мы вышли из коридора в... в еще более серый мир, полный грязи.

Я вытянула шею, пытаясь разглядеть, куда мы попали.

Илия взял мою голову в ладони и развернул меня так, что мы очутились лицом к лицу.

— Не смотри пока что, Ребекка, — с мягким выговором произнес он.

Удивилась ли я, что он знает мое имя? Нет, в том моем состоянии невозможно было меня удивить.

— Это место... плохое? — спросила я.

— Очень плохое.

— Я умерла и попала в ад?

— Нет, хотя это — своего рода ад.

Лицо Илии, и без того вытянутое, вытянулось еще больше — от печали. Или гнева. Трудно было сказать точно.

Меня бросило в дрожь.

— Почему мы здесь?

— Ах, Ребекка, это неизменно самый важный вопрос. — Его «р» дребезжало, словно чайник, забытый на плите. — Вопрос, который мы все должны задать Вселенной. — Илия улыбнулся мне. — Ты здесь потому, что ты нужна мне.

На миг окружающая нас серость словно посветлела.

Потом Илия добавил:

— Ты здесь потому, что ты видишь меня.

Он положил руки мне на плечи.

— Я вижу тебя?

Он улыбнулся, и я только сейчас заметила, что у него между передними зубами щель. И что зубы у него белые-пребелые. Может, он и заглядывает в прачечную слишком редко, но в чистке зубов он точно понимает толк.

— Я вижу тебя. А что в этом такого особенного?

Кажется, я поняла, в чем дело, еще до того, как он успел ответить.

Илия же пожал плечами.

— Мало кому это дано, Ребекка. И еще меньше тех, кто способен скользнуть сквозь время вместе со мной.

— Сквозь время?

Теперь я огляделась по сторонам. Вокруг раскинулась плоская равнина без единого деревца, не столько серая, сколько какая-то безнадежная.

— Где мы? — снова поинтересовалась я.

Илия рассмеялся мне в волосы.

— Тебе скорее следует спросить «в когда мы».

Я сглотнула, пытаясь протолкнуть вглубь противный комок, решивший обосноваться у меня в горле.

— Я сошла с ума?

— Не больше, чем любой великий художник.

Он знает, что я рисую?

— Ты действительно очень хороший художник. Не забывай, Ребекка, я путешествую сквозь время. Прошрое, будущее — для меня без разницы.

Даже здесь, в этом сером мире, у меня затрепетало сердце, а щеки загорелись от удовольствия. Великий художник. Хороший художник. В будущем. Потом я встряхнула головой. Вот теперь я точно знала, что сплю. Выпила в седере слишком много разбавленного вина и, вероятно, уснула, положив голову на белую скатерть Нонни. И в этом сне я рисовала картину, на которой Илия стоял в дверном проеме, мрачный и голодный; губы его были слегка влажными, и с губ этих сле-

тало приглашение, и язык был равно понятен как живым, так и мертвым.

— Ты нарисуешь эту картину,— сказал Илия, словно прочитав мои мысли.— И она заставит мир заметить тебя. Она заставит меня заметить тебя. Но не сейчас. Сейчас нам нужно сделать одно дело.

Илия взял меня за руку.

— Какое?

— Посмотри внимательней.

Мне сразу бросилось в глаза, что плоская равнина не пустует. По ней бродили люди — женщины и девочки,— все в сером. Серые юбки, серые блузки, серые шарфы на головах, серые сандалии или башмаки. Нет, я понимала, что их одежды не всегда были такого цвета, что они изнашивались и постарели от ужаса, трагедий и безнадежности.

— Ты должна увести их отсюда,— продолжил Илия.— Тех, кто пойдет с тобой.

— Но это ты — путешественник во времени, волшебник,— запротестовала я.— Почему ты сам не сделаешь этого?

Длинное лицо Илии обратилось ко мне; взгляд темнокоричневых глаз смягчился.

— Они меня не видят.

— А меня? — спросила я.

Но уже знала ответ. Они шли ко мне, протягивая руки.

— Илия,— допытывалась я,— как я смогу говорить с ними?

Илия протянул руку и коснулся моих губ.

— Ты найдешь способ, Ребекка. А теперь иди. Мне большего нечем помочь тебе.

Он исчез, словно Чеширский кот,— остался только его рот, но вовсе не улыбающийся. Потом Илия скрылся окончательно.

Я повернулась к женщинам и позволила им столпиться вокруг себя.

Они пояснили мне, где мы находимся и как они сюда попали. Я читала их истории в книгах, и у меня не было причин им не верить. Мы были в лагере.

Нет, не в летнем лагере, где танцуют кадрили, плетут макраме и ходят купаться. В таких я бывала. Мои родители, а так-

же все их друзья считали, что лето — это такое время, когда можно наконец-то сплавить деточек в лагерь. Скаутский лагерь, лагерь для художников, лагерь для музыкантов. В одном — как в лагере для новобранцев, в другом — как на курорте.

Это же был Лагерь.

Я спросила этих женщин о том, о чем, по словам Илии, стоит спросить, — о нынешнем времени.

И когда они сообщили мне, что сейчас 1943 год, я даже не удивилась. Я уже видела призрак, существующий вне времени, путешествовала с ним в пространстве, которому место в научно-фантастическом фильме, внимала его рассказам о будущем. Теперь же он оставил меня в прошлом, подумаешь.

— Благодарю покорно, Илия, — прошептала я.

Тут у меня над ухом раздался голос:

— Благодарю покорно, Ребекка.

Мягкий выговор смягчил смысл слов.

— Я ничего не сделала, — добавила я.

— Сделаешь, — подбодрил он.

А женщины, которые слышали только меня, сказали:

— Никто из нас не совершил таких поступков, которые заслуживают попадания сюда.

Так началось мое время в Лагере. Это не был ни Аушвиц, ни Дахау, ни Собибор, ни Бухенвальд, ни Трешлинка — эти названия я узнала бы сразу.

— Где мы?

— Неподалеку от Люблина, — ответила мне одна женщина. Ее поразительно голубые глаза выделялись на сером лице.

Это название было мне знакомо. Сошнувшись, я напрягла память. Вспомнила! Моя прабабушка родилась в Люблине!

— А вы не знаете...

Я осеклась.

Я помнила только прабабушкину фамилию в замужестве — Моревитц. А толку-то? Кроме того, она в любом случае еще в детстве уехала в Америку и скончалась задолго до моего рождения. Я изменила фразу.

— А вы не знаете, как отсюда убежать?

Они рассмеялись, но и смех их был серым.

— Разве стали бы мы оставаться здесь, если бы знали? — произнесла женщина с голубыми глазами и очертила рукой круг, замыкающий их в этом сером месте.

Я проследила взглядом за ее жестом и увидела серое здание, серое от осевшего на него пепла. Пепел. Здесь что-то жгли. Много чего-то. Только теперь я на самом деле осознала, куда Илия меня завел.

— Так это — концентрационный лагерь? — уточнила я, хотя уже знала ответ сама.

— Здесь не на чем концентрироваться, разве что на том, как переставлять ноги, — вздохнула голубоглазая женщина.

— И как положить в рот еще кусочек картошки, — добавила другая.

— Не концентрационный, — поправила третья. — Лагерь смерти.

Голубоглазая женщина шикнула и оглянулась через плечо.

Я тоже туда посмотрела, но нас никто не подслушивал.

— Мне нужно выбраться отсюда, — начала я, но тут же прикусила губу. — Нам всем нужно выбраться отсюда.

Серая девочка с черными глазами-пуговками выглянула из-за юбок голубоглазой женщины. Она указала на одно из зданий с металлическими дверями зловещего вида, в тот момент они были распахнуты. «Как открытый рот, ожидающий картошку», — подумала я.

— Вот единственный способ выбраться отсюда, — сказала девочка. Лицо ее было детским, а голос — старушечьим.

Я глубоко вдохнула, набрав полную грудь пепла, и воскликнула:

— Мы выберемся иначе! Обещаю.

Женщины дружно двинулись прочь, уводя девочку за собой. Но одна, обернувшись, хрипло прошептала:

— Здесь место обманутых надежд. Если ты не поймешь этого, то не проживешь и мгновения.

Потом она обратилась к девочке:

— Маша, пора ложиться спать. Утро наступит слишком рано.

Но эти слова были предназначены и мне тоже.

Девочка незаметно протянула мне холодную серую ладошку.

— Я тебе верю. — Она посмотрела на меня и улыбнулась так, как будто улыбка была редким талантом, требующим упражнений.

Я улыбнулась ей в ответ и пожала руку. Но я была дурой, что обещала такое, а она была дурой, что поверила мне.

— Илия... — пробормотала я. — Илия нам поможет.

Но вся его помощь заключалась в том, что он втравил меня в эту жуткую историю, а сам слинял. Меня замутило — я осознала, что предоставлена здесь самой себе. Здесь и сейчас. Когда бы это «сейчас» ни происходило.

— Волшебник Илия? — Девочка уставилась на меня черными глазенками, позабыв, кажется, как дышать.

Я кивнула, думая при этом, какое же волшебство сможет унести нас из этого ужасного места и времени.

Следуя за женщинами, словно ягненок за овцами, девочка привела меня в здание, заполненное широкими трехъярусными нарами. На нарах не было ни простыней, ни подушек, ни одеял — лишь жесткие доски. Ночью можно было согреться только о тех, кто спал рядом. Я читала об этом и видела в фильмах. Какой еврейский ребенок не читал и не видел этого?

Было не холоднее, чем в походе, когда не везет с погодой. Спать на досках было примерно так же, как лежать на земле. Но запах! В этом здании теснились три сотни женщин, а ванну и душ заменяли ведра с холодной водой. Ни у кого не было возможности переодеться; некоторые ходили в одной и той же одежде месяцами. И это были счастливицы — ведь они оставались в живых на протяжении нескольких месяцев.

Маша прижалась ко мне, и ее тело превратилось в небольшую печку, в пятно тепла на моем теле. С другой стороны спала та самая голубоглазая женщина; она назвалась Евой. Но в ту первую ночь в моей голове лихорадочно проносились странные видения. Или, может, я сошла с ума? Или спала, и мне это снилось? Может, со мной приключился нервный срыв? Как у моей кузины Рашель, которая как-то ночью по-

сле слишком буйной вечеринки решила, что она в тюрьме, и попыталась совершить побег через окно — а оказалось, что это окно их квартиры, третий этаж. Я все думала и думала и в итоге так и не смогла уснуть. Как выяснилось позднее, это было ошибкой. К утру я совершенно выбилась из сил. Кроме того, сон был единственным реальным способом вырваться оттуда. Потому все эти женщины отправлялись на нары с нетерпением, словно на званый прием. Кроме сна там была только работа.

Да-а, работа! В первое утро женщины мне все показали. Это была нетрудная работа — не такая трудная, как та, которую выполняли мужчины, те дробили камень по другую сторону колючей проволоки. Тем не менее такой труд разбивал женщинам сердца и ломал дух. Мы должны были разбирать вещи, которые люди, попадавшие сюда, привозили с собой. Обувь — в одну кучу, одежду — в другую, все это складывалось на длинные деревянные столы. Драгоценности и деньги шли в третью кучу; ее в конце дня полагалось сдавать старосте блока. А та относила все солдатам, охраняющим лагерь. Еще в вещах попадались семейные фотографии, семейные Библии, сборники стихов и мидраши — тексты толкования Библии. Груды женских париков и огромная груда медикаментов; пилюль и настоек в ней хватило бы на армию ипохондриков. Там были пачки писем и кучи документов, в их числе даже солидного вида брачные контракты и дипломы юридических и медицинских институтов. Было также огромное количество вещей личного пользования: зубных щеток, расчесок, пилочек для ногтей, пуховок для пудры. Все, что мог прихватить с собой человек, в спешке покидающий дом навсегда.

Я пыталась понять, а что взяла бы с собой я, если бы кто-то постучал в нашу дверь и объявил, что у нас несколько минут на сборы, а потом нас отправят в лагерь для перемещенных лиц — именно так говорили всем этим людям. Конечно же, я взяла бы свой дневник и айпод, нижнее белье и несколько пачек тампонов, зубную щетку, фен для волос, сборник стихов, который мне подарил мой парень, коробку восковых карандашей, альбом для зарисовок — это само собой! — и по-

следний роман Холли Блэк, который я не успела прочесть. Может, это звучит жалко — но куда менее жалко, чем те вещи, которые нам приходилось разбирать.

И конечно же, из всех сидевших на сортировке я одна до конца понимала, что значит происходящее. Что точно такие же концентрационные лагеря сейчас действуют по всей территории Польши и Германии. Что шесть миллионов евреев и шесть миллионов людей других национальностей умрут в этих ужасных лагерях. И мои знания не могли помочь ни единому человеку здесь.

Блин, теперь я вряд ли смогу заставить себя поехать даже в летний лагерь! Если, конечно, выберусь отсюда живой и здоровой. Тут я начала плакать и звать Илию.

— Илия — это кто? — спросила девчонка моих лет, обняв меня за плечи. — Твой брат? Твой парень? Он здесь, на мужской половине?

Я повернулась, вытерев нос рукавом, и уже открыла рот, чтобы ответить ей, но тут до меня дошло, насколько бредово это прозвучит, и я пробормотала:

— Да, типа того.

А после снова вернулась к работе.

Искушение прихватить с собой в барак расческу, зубную щетку или пилку для волос было невероятным.

Но маленькая Маша предупредила меня, что охранники обыскивают всех.

— Ты пойдешь на дым, если они найдут у тебя контрабанду, — сказала она.

Девочка не споткнулась о сложное слово, и я поняла, что его здесь употребляют все.

Она бросила это мимоходом, но с таким ясным осознанием того, о чем говорит, что меня пробрал озноб. Я кивнула. Мне не хотелось загромоздить в крематорий — лучше уж сломанный ноготь или спутавшиеся волосы. Я не стала ничего брать с длинных столов.

Дни были долгими, а ночи — чересчур короткими. Пробыв в лагере неделю, я впала в какое-то оцепенение. Я ходила, работала, ела, когда кто-нибудь совал мне картофелину, но я ушла куда-то вглубь себя.

Маша часто брала меня за руку и вела за собой, говоря, что нужно делать. И добавляла: «Не становись мусульманкой». И однажды, в день, серый, как пепел, что покрывал все вокруг, серый, как облака, несущиеся по небу, я услышала сам смысл этих слов.

— Мусульманкой? — переспросила я.

Маша пожала плечами. Работавшая рядом со мной девушка пояснила:

— Так называют тех, кто превратился в тени среди теней — «мусульмане». Тех, кто сдался. Кто умер еще до смерти. — Девушка указала сквозь грязное окно на женщину, что напоминала бродячий скелет в отрепьях. — Вот «мусульманка». Ей не нужно уходить в дым. Она уже ушла.

Я бурно замотала головой.

— Я не такая!

Маша поймала меня за руку и дернула.

— Тогда просыпайся. Ты обещала!

И я вспомнила о своем обещании. Своем дурацком обещании. Я снова посмотрела в окно — и оказалось, что та женщина действительно ушла. На ее месте стоял Илия и глядел на меня. Он прижал палец к крылу носа. Лицо его было печально. Под глазами у него залегли темно-синие тени с коричневыми прожилками. Моя рука стала рисовать их.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Маша.

— Мне нужно кое-что нарисовать, — ответила я.

— Глупости, — сказала работавшая рядом девушка.

— Нет... искусство не бывает глупостью, — возразила я. — Оно животворно.

Девушка резко рассмеялась и отодвинулась от меня подальше, как от заразной больной.

Я оглядела столы: коробочки с пилюлями, драгоценные украшения, документы, детская обувь, старомодные дамские сумочки. И вот я заметила помятую коробочку с цветными мелками, которые прихватил с собой какой-то ребенок. Я схватила эту коробочку, также чье-то свидетельство о браке и отошла в угол.

— Ты что делаешь? — возмутилась староста блока. — Возвращайся, или я доложу о тебе!

Но я не обращала на нее внимания. Я уселась на грязный пол, перевернула свидетельство чистой стороной и принялась рисовать. Черным мелком я набросала очертания фигуры Илии и удлиненный овал лица. Потом я заштриховала этот контур белым, и он сделался серым, словно пепел. За неимением ластика мне приходилось действовать осторожно — но и слишком осторожной быть тоже нельзя. Хороший рисунок должен выглядеть так, словно его создали легко и непринужденно, на одном дыхании. Дома я взяла бы для этой работы пастель «Конте». У меня был набор из двадцати четырех цветов. Но сейчас я использовала то, что было, — коробку с двенадцатью мелками, по большей части раскрошившимися. Дома я побрызгала бы лист лаком для волос, чтобы рисунок не размазывался. Но отсюда до моего дома много километров — и лет. Да и сам лак для волос, наверное, пока что дело будущего.

Староста блока начала орать на меня:

— Вставай! А ну вставай!

Внезапно вокруг замельтешили чьи-то ноги, и некоторые женщины подхватили ее крик.

Маша проскользнула сквозь частокол ног и уселась рядом со мной.

— Что ты делаешь?

— Я рисую одного человека, которого ты должна увидеть.

Я набросала на бумаге длинный нос, черную волнистую бороду, прищур глаз. Я нашла розовый карандаш для губ, а потом нарочно мазнула по ним пальцами, испачканными черным.

Староста перестала кричать на меня и переключилась на женщин, которые стеной стояли вокруг нас с Машей.

Я продолжала рисовать, помогая себе пальцами и ладонью. Я плюнула на пальцы левой руки и потерла очертания фигуры Илии. Я набросала черным мелком его длинный черный плащ. Я нанесла белым мелком световые пятна и выбелила пространство вокруг его черных глаз. Потом я прошлась коричневым поверх пепельно-серого и получила цвет кожи.

— Я вижу его. Вижу! — воскликнула Маша. — Это и есть Илия?

Она коснулась черного плаща, и ее ладонь и подушечки маленьких пальцев почернели.

Двое из женщин, что стояли над нами, словно стражи, задыхались учащенно, и одна сказала другой:

— Я тоже его вижу.

Это был голос Евы. Она опустилась на колени и прикоснулась к бумаге.

Вдруг кто-то позвал меня по имени. Какой-то мужчина. Я подняла голову. Илия стоял среди женщин, но его явно никто не замечал.

— Маша, — с нажимом произнесла я, — ты видишь его вон там?

Я мягко повернула голову девочки, и она посмотрела как раз в его сторону.

— Откуда он тут взялся? — удивилась Маша, указывая прямо на Илию. — На женской половине.

Ева при виде Илии ахнула.

Но Илия улыбнулся и протянул к нам руки. Я встала и взяла его за правую ладонь, а Маша — за левую. Ева ухватила Машу за пояс, как будто хотела оттащить ее от меня.

— Вон они! — раздался пронзительный голос старосты. — Вон там!

Женщины бросились обратно к столам, и мы с Машей и Евой оказались на виду. За старостой стояли двое вооруженных охранников.

Они потянулись за автоматами.

На этот раз Илия рассмеялся. Он рванул нас к себе, мы завернули за угол посреди этой комнаты и скользнули в знакомый серый коридор.

Ева снова ахнула — и умолкла, как будто более ничто не могло ее удивить. Она крепко держала Машу за пояс.

А потом мы летели через потоки сияющего звездного света, и мимо проносились метеориты. Странное солнце по-прежнему висело над головой. Сияние и звуки исчезли так же внезапно, как и появились, и мы вышли с другой стороны коридора.

Маша отпустила руку Илии и огляделась по сторонам, Ева продолжала обнимать девочку.

На этот раз я знала, какой вопрос будет правильным.

— В когда мы?

— Мы в том же самом году, только в пяти тысячах миль оттуда, — откликнулся Илия. — Мы теперь в Америке.

— Мы в тогда в Америке, — заметила я.

Илия кивнул.

— В тогда. — Он коснулся моего плеча. — Поцелуй малышку, Ребекка. Пообещай ей, что здесь о ней позаботятся. — Лицо его теперь казалось не серым, а бледным, как будто это путешествие отняло у него много сил. — Эта женщина, хоть она и не мать ей, присмотрит за девочкой.

— Ева, — сказала я. — Праматерь.

— Конечно.

Мы с ним дружно кивнули, показывая, что понимаем иронию судьбы.

— Но я не могу просто взять и оставить ее, — засомневалась я, хотя и видела, что Ева с Машей уже нашли стол с едой и, радостно лавируя между персоналом, набивают карманы.

— Придется. Это дитя проживет хорошую жизнь. У нее будет прекрасная семья.

— Я когда-нибудь еще увижу ее?

— Нет, Ребекка. Она умрет прежде, чем ты родишься на свет. Кроме того, тебя ждет картина, которую тебе предстоит написать. Картина с моим изображением.

Он чарующе улыбнулся, как будто уже позируя.

Наверное, у меня отвисла челюсть. Но ненадолго.

— Ах, ты... ты...

Я никак не могла подобрать для него достаточно скверного слова. Неужели все это путешествие в прошлое, в это кошмарное место, было затеяно лишь для того, чтоб потешить его непомерное самомнение? Я гневно уставилась на Илию. Лицо его было мрачным, а глаза — акульими, не отражающими света. И как только я могла считать его интересным? У меня загорелись щеки от стыда.

— Я никогда не стану делать твой портрет! Никогда!

Илия вскинул руки, словно защищаясь от моих слов как от удара.

— Тише, Ребекка, тише. Эта картина должна быть написана. Не ради меня, а ради тебя. И даже не столько ради

тебя, сколько ради твоего народа. Ради детей всей огромной еврейской диаспоры. Надо напомнить им, кто они такие. Она положит начало эпохе возрождения в иудаизме, и эта эпоха протянется дольше, чем твоя жизнь, и жизнь твоих детей, внуков и правнуков, и так до двадцатого колена.

Даже не знаю, что ошеломило меня больше — что картина, которую я когда-нибудь создам, будет обладать такой силой, или что у меня будут правнуки. Мне же всего пятнадцать лет! Кто же заглядывает настолько далеко?

— Но почему я? И почему Маша? И Ева?

Илия оглянулся через плечо на сидящую Машу; ее уже окружала группа сверстников. Кажется, Маша играла с ними — все утраченное детство вернулось к ней в один миг. Ева стояла, прислонившись к стене, и внимательно наблюдала за происходящим; она уже успела стать хранительницей Маши, ее ангелом, ее матерью. Илия повернулся обратно и склонил голову чуть набок.

— Думаю, ты уже и сама это поняла.

Я снова посмотрела на Машу. Она встретила со мной глазами и улыбнулась. Это была улыбка моей сестры. Как я могла не заметить раньше?.. Все очень просто — раньше Маша никогда не улыбалась. В лагере нечему было улыбаться. Да, конечно. Мою сестру называли в честь нашей прабабушки, Машанны.

— Если бы она умерла в лагере, ты никогда бы не родилась, — пояснил Илия, прежде чем начать растворяться в воздухе. — Картина никогда бы не появилась. Великое возрождение так никогда бы и не произошло.

— Но я родилась... — начала я.

— Родилась, чтобы рисовать, — завершил фразу Илия.

Он схватил меня за руку и повлек за собой в сторону вечности, в настоящее, домой.

Тэд Уильямс

РУКИ ЧУЖАКА

Тэд Уильямс обрел всемирную популярность сразу после выхода своей первой книги — «Tailchaser's Song» (в русском издании «Хвосттрубой, или Приключения молодого кота»). С тех самых пор его произведения так и держатся в числе бестселлеров благодаря высокому литературному уровню, а также преданности читателей. Перу Уильямса принадлежат циклы «Memory, Sorrow and Thorn» («Память, Скорбь и Терн»), «The Otherland» («Иноземье») и «Shadowmarch» («Марш теней»), а также одиночные романы «Caliban's Hour», «Child of an Ancient City» (в соавторстве с Ниной Кирики Хоффман) и «The War of the Flowers» («Война цветов»). Помимо романов Уильямс пишет комиксы для издательства «DC Comics», а также сценарии для кино- и телефильмов.

Тэд Уильямс с семьей живет в Сан-Франциско.

В неординарном рассказе, следующем далее, автор говорит о том, что если использовать магию для исполнения своего заветного желания, то оно может и исполниться...

Люди в деревне уже несколько дней шептались насчет двух бродяг, появившихся в лесу Оруженосцев, но первым с ними заговорил мальчишка Тобиас.

Тобиас отличался своенравием. Сам факт, что в тот день была его очередь пасти отцовских овец на холме над лесом, можно сказать, гарантировал, что какая-то овца возьмет да и забредет вместо луга под сень леса, а Тобиас отправится за ней следом.

Мальчишка совсем забыл, что в лесу видели чужаков, и вспомнил об этом только тогда, когда заметил дым, серым

шарфом вившийся среди деревьев. На мгновение Тобиасу стало страшно: с чего бы вдруг кому-то жить под открытым небом, мерзнуть по ночам да мокнуть под осенними дождями, если этот кто-то причисляет себя к богобоязненному люду? В лесу живут одни разбойники да опасные сумасшедшие — это ж всякому известно.

Будь Тобиас хоть самую малость не таким упрямым, он бы развернулся да и дернул обратно на холм и, возможно, даже отцовскую овцу не забыл бы с собой прихватить. Но часть его натуры, довольно изрядная, более всего на свете ненавидела неизвестность. Именно она, эта часть натуры, когда-то заставила Тобиаса оторвать лапку у лягушки — мальчик надеялся выяснить, что же тварь станет делать. (Лягушка ничего не сделала и вообще вскоре умерла, устремив на него обвиняющий взгляд выпученных глаз, так что Тобиас почувствовал себя виноватым.) Именно из-за своей натуры Тобиас затупил лучшую отцовскую косу, пытаясь срезать ею дерево, и именно она подтолкнула Тобиаса вывалить наземь содержимое драгоценной материнской корзинки для шитья — тогда это стремление к знаниям закончилось тем, что мальчик всю вторую половину дня, вплоть до сумерек, ползал на четвереньках, собирая все до единой рассыпанные иголки и булавки. Однажды этот мятежный дух даже увел Тобиаса на несколько миль от деревни, по направлению к городу Идерс-Чёрч — говорили, будто он такой большой, что улицы там имеют названия! Отец и еще двое мужиков изловили Тобиаса через час после заката, когда тот, выдохшийся и проголодавшийся, присел на обочине. Его, конечно, выпороли, но для юного Тобиаса порка была лишь частью цены за возможность действовать.

Так что теперь Тобиас вместо того, чтобы развернуться и убраться подальше от леса и его опасных обитателей (хотя бы ради отцовского скота, если уж на то пошло), проследовал к источнику дыма — небольшого костерка на прогалине. Вокруг огня хлопотал какой-то невысокий человек, смахивающий на крысу. Морщины у него были так глубоки и темны от въевшейся грязи, что он походил на сушеное яблоко. Его здоровяк товарищ — он сидел на камне и не поднял головы

даже тогда, когда Тобиас наступил на ветку, хотя невысокий аж подпрыгнул, — выглядел так странно, что мальчишку невольно пробрала дрожь. Голова у здоровяка была выбрита, хоть местами неважно, а череп под кожей бугрился там, где ему бугриться не полагалось. Костлявый подбородок отвис, в щель между верхними и нижними зубами виднелся язык, и, хотя здоровяк не казался слепым, глубоко запавшие глаза были тусклыми, как грязные камни.

Если здоровяк не обратил на Тобиаса никакого внимания, то его товарищ еще как обратил. Он уставился на мальчишку, словно пес, решающий, то ли ему зарычать, то ли кинуться прочь.

— У вас дрова слишком мокрые, — сообщил ему мальчишка.

— Что?

— С ними у вас будет много дыма и мало огня. Вам нужен дым?

Маленький человечек нахмурился, но не сердито, а растерянно.

— Мне нужно приготовить эту рыбу.

Он говорил как южанин, растягивая и коверкая слова. От чего эти южане не могут научиться говорить как все нормальные люди? Тобиас взглянул на будущий ужин бродяг опытным глазом рыболова.

— Она маленькая.

— Все лучше, чем пустой живот, — резонно заметил незнакомец.

— Ладно, тогда я вам покажу.

Тобиас быстро набрал достаточно сухих дров для нового костра, и вскоре человечек жарил свою рыбину на длинном пруте. Его здоровяк товарищ так и не шелохнулся и не сказал ни единого слова — да и вообще казалось, что он заметил появление гостя.

— Спасибо тебе за доброту, — сказал человечек. — Меня зовут Феликс. Мы новички в этом деле.

— А меня зовут Тобиас, — представился мальчишка, наслаждаясь сиянием собственной полезности. — А «новички» — это как?

— Раньше мы жили там, где была еда. — Феликс пожал плечами. — Еда закончилась.

Тобиас посмотрел на второго бродягу. Тот по-прежнему сидел, устремив взгляд в пространство, и лишь медленно вздымающаяся грудь под темной, истрепанной одеждой свидетельствовала, что он не изваяние.

— А его как зовут?

Феликс на миг заколебался.

— Эли. — Он произнес это, как говорят южане, повышая голос на последнем слове, словно в выкриках ржанки — эй-лии. — Он был моим господином, но... с ним кое-что случилось. Он повредился рассудком.

Теперь Тоби устался на здоровяка, уже не скрывая своего интереса. Раз тот повредился рассудком, это же не будет грубостью — пялиться на него, верно?

— А что стряслось?

— На него упала крыша.

Феликс снял рыбину с прута, обжегся, чуть не уронил ее — Тобиасу прямо смешно стало, сколько всего этот человек не умеет, — а потом разрезал надвое и большую часть вручил молчащему великану. Эли пошевелился в первый раз за все это время. Он взял рыбу, не глядя на нее, положил в рот и прожевал, терпеливо, словно корова. Феликс принялся было за второй кусок, но потом пристыженно повернулся к Тобиасу.

— Мне следует предложить часть тебе, в благодарность за помощь.

Тобиас был уже достаточно взрослым и понимал, что это стало бы для Феликса немалой жертвой.

— Не, я дома поем. Пожалуй, я пойду уже, а то отец меня выдерет.

Он посмотрел в проем между деревьями: высоко ли стоит солнце. Оно было уже совсем низко, и Тобиасу это не понравилось.

— А, хотя чего там, все равно выдерет. — Мальчишка встал. — Но я вернусь завтра. Я могу помочь тебе поймать рыбину побольше. — Он заколебался. — А ты бывал в других местах? В других деревнях? Или, может, даже городах?

Феликс кивнул.

— Во множестве мест. Во множестве городов по всем Средним землям.

— Множество городов! — Тобиас даже покачнулся: при этой мысли у него закружилась голова. — Правда? В настоящих больших городах? Я обязательно вернусь!

Высокий человек по имени Эли внезапно протянул руку; после часа неподвижности жест этот был таким пугающим, что Тобиас отпрянул от него, словно от змеи.

— Он... думаю, он хочет тебя поблагодарить, — пояснил Феликс. — Подойди, мальчик... возьми его руку. Когда-то он был великим человеком.

Тобиас медленно протянул ладошку, побаиваясь, как бы это не оказалось началом какой-нибудь жестокой или даже смертоносной выходки. А вдруг он все-таки оказался чересчур доверчивым? Рука Эли была большой, с выпирающими костяшками, вся в грязи — она сомкнулась на тонких мальчишеских пальцах, словно створки церковной двери.

И тут Тобиас исчез.

Когда прошло два дня, а от мальчишки не было ни слуху ни духу, подозрение, конечно же, пало на двух чужаков, поселившихся в лесу Оруженосцев. Когда тип по имени Феликс признался, что они видели ребенка и разговаривали с ним, лесничий и несколько местных парней выволокли бродяг из лесу и посадили в колодки у источника в центре деревни, где всякий мог наблюдать их позор. Феликс, весь в слезах, продолжал твердить, что они не сделали мальчику ничего плохого и что они не знают, куда он делся. Как оказалось впоследствии, и то и другое было правдой, но даже если бы эти двое не были чужаками и, следовательно, подозрительными типами, деревенские жители видели, что здоровяк явно ненормален и, может даже, одержим бесами, и почти все они испытывали по отношению к бродягам лишь ужас и отвращение.

Единственным исключением был отец Бэннити, деревенский священник, который смутно ощущал, что не дело заковывать людей в колодки лишь за то, что они не местные, хотя и не посмел сказать об этом вслух. Его и самого двадцатью годами ранее считали чужаком, он тогда только прибыл

в эту деревню (на самом деле старшее поколение до сих пор именovalo его «новым священником»), и потому отец Бэннити в некоторой степени сочувствовал тем, к кому относились сурово лишь потому, что их деды и прадеды не были похоронены на здешнем погосте. Кроме того, поскольку в середине жизни отца Бэннити постиг кризис веры, заставивший его усомниться во многих известных догматах собственной религии, священнику вдвойне не хотелось считать кого-то виновным лишь на том основании, что он не входит в число давно знакомой паствы. Потому отец Бэннити по собственному почину возложил на себя обязанность следить за наличием воды и пищи у пленников. Королевский прокурор должен был появиться в этих краях еще не скоро — в его округ входила дюжина деревень как минимум, и их объезд занимал полный лунный месяц, а то и больше. Отец Бэннити не хотел, чтобы эти двое умерли прежде, чем их преступление будет установлено наверняка, даже если они и вправду убили бедного мальчика и спрятали тело.

Маленький человечек, Феликс, постепенно стал доверять священнику и в конце концов поклялся, что на самом деле в тот день мальчик коснулся руки здоровяка Эли и исчез, словно лопнувший мыльный пузырь. Отец Бэннити не знал, что и думать — то ли это воистину некая тайна, то ли предвестие исповеди, и человек спускается к признанию вины постепенно, словно в обжигающе горячую ванну. Но сам он утвердился в своем мнении, что с чужаками следует обращаться как с невиновными до тех пор, пока они сами не станут утверждать обратное, или пока развитие событий не докажет, что произошло наихудшее.

Однажды, когда отец Бэннити подносил ковш с водой к пересохшим губам Эли, здоровяк внезапно посмотрел на священника с таким видом, будто впервые его заметил; в тусклых, как у животного, глазах промелькнул огонек, какого Бэннити прежде не замечал. Испугавшись, священник выронил ковш. Здоровяк поднял руку, насколько позволяли колодки, и растопырил длинные пальцы — как будто распустил диковинный цветок.

— Не надо,— прошептал Феликс.— Именно это мальчик и сделал.

Отец Бэннити колебался лишь мгновение. Что-то в странном взгляде здоровяка — нечто серьезное и отстраненное, но не несущее зла — убедило его. Он протянул руку и позволил Эли сжать ее.

На один ошеломляющий миг Бэннити подумалось, что он стал рыбой; рыба выскочила из воды, чуть не ослепла от сияния солнца и задохнулась от жгучего воздуха. Потом, еще полмгновения спустя, он понял, что все наоборот: он, будучи рыбой, много лет прожил вытасненным из воды, а теперь его внезапно в эту воду погрузили. Все иссохшее и зачахшее в нем внезапно вернулось к жизни, все маленькие потери ушедших дней и лет: цвета, чувства, эмоции. Это ощущение было таким сильным, таким ошеломляющим, что он пошатнулся и даже не смог ответить на встревоженные расспросы Феликса.

Бэннити снова знал. Он успел позабыть, каково это, но теперь он вспомнил, и грозная сила веры, вернувшись, показала ему, как много он потерял. Бог послал ему чудо в лице этого молчаливого великана, и одним-единственным касанием мир вокруг него, в течение многих лет выпцветающий и сереющий, вновь вспыхнул всеми красками жизни.

Бог снова присутствовал во всем, как в детстве, когда Бэннити не мог представить себе участи лучше, чем служить Ему.

Бог снова жил в его душе. С ним случилось преображение.

Лишь после того, как первый вал иступленного счастья сменился чуть более обыденными, хотя и не менее приятными чувствами, отец Бэннити осознал, что на самом-то деле реально ничего не изменилось. И не Бог явил ему чудо, послал некий знак; скорее прикосновение к руке великана пробудило в нем любовь к Богу, которая некогда жила в его душе, но потом ускользнула прочь.

Священник понял, что это именно Эли вернул ему любовь к Господу, веру в живое Творение и, самое главное, убежденность в том, что так оно и должно быть. Эли, несомненно, действовал как Божий посланник.

Безмолвствующий, ущербный человек исполнил заветное желание Бэннити, которое священник сам до конца не осознавал.

Преисполненный благодарности и возродившийся к жизни, он твердо решил выступить перед королевским прокурором на стороне пленников и рассказать всю правду, даже если для этого придется признать, что он на некоторое время утратил веру. Несомненно, отец Бэннити был бы единственным защитником бродяг, если бы за день до приезда в их город путешествующего законоведа мальчишка Тобиас не вернулся бы домой.

Тобиас рассказал землякам (с ликованием, нельзя не отметить), что побывал в Идерс-Чёрч, что этот город и вправду такой большой и удивительный, как ему представлялось.

— Там целая прорва собак! — сообщил Тобиас; глаза его по-прежнему сверкали при мысли о зрелище, которое ему довелось повидать. — А дома-то высоченные! А народу!..

Видимо, он считал, что порка, которую только что устроил ему отец — исключительно из принципа, потому что механизм исчезновения мальчишки по-прежнему оставался тайной, — малая цена за возможность повидать все это.

Тобиас понятия не имел, каким образом он перенесся из своей деревни в отдаленный город. Он утверждал, что это произошло мгновенно: вот он стоял и держался за руку Эли, а вот он уже в Идерс-Чёрч, посреди рыночной площади. К несчастью, такого же волшебного способа возвращения для него не нашлось, и все это время он добирался домой.

Когда на следующий день королевский прокурор доехал до деревни, речь об обвинении в убийстве уже не шла, хотя кое-кто мрачно поговаривал о колдовстве. Королевский прокурор — маленький, кругленький, преисполненный чувства собственной значимости, с компактной бородкой клинышком — настоял, чтобы его проводили к двум бывшим пленникам, которые, освободившись, вернулись на свою прежнюю стоянку в лес Оруженосцев — хотя без прежней уединенности.

Протянув жезл — символ своей должности, законовед приблизился к Эли и произнес:

— Именем государства и его милостивого сюзерена, его величества короля приказываю тебе рассказать, как ты отослал мальчика в Идерс-Чёрч!

Здоровяк лишь безразлично взглянул на него и протянул ладонь. Королевский прокурор, поколебавшись мгновение, тоже подал пухлую руку и позволил ухватиться за нее.

Когда присутствующие, в том числе и отец Бэннити, проморгались, то оказалось, что королевский прокурор вместо прокурорской туники облачен в одеяние судьи, сутану и венки и на груди у него — золотая цепь, на которой висит огромный, круглый золотой знак должности. (Некоторые также предположили, что подбородок бывшего прокурора сделался более твердым, а взгляд — более проницательным, чем прежде.) Бывший королевский прокурор, а ныне — полноправный судья моргнул, потрогал венок из листьев у себя на голове, а потом рухнул на колени и вознес благодарственную молитву.

— Двенадцать лет я ждал! — повторял он снова и снова. — Благодарю тебя, Господи! Меня все обходили — и вот я дождался!

Потом он встал и с надлежащей законоведческой важностью провозгласил:

— Эти люди не практикуют никакого недозволенного колдовства. Я постановил считать, что они — истинные посланцы Бога и к ним следует относиться с почтением.

Обнаружив, что содержимое его карманов потяжелело на несколько золотых — разница между старым и новым жалованьем, — новоиспеченный судья тут же продал деревенскому кузнецу Пендеру свою повозку и осла, нанял кучера, купил лошадей и покинул деревню в крытом экипаже. Позднее поговаривали, что ему поручили четырнадцатый королевский округ.

После поразительного преобразования прокурора в лес Оруженосцев потянулись жители деревни и даже кое-кто из окрестных поселений, ведь в сельской местности новости расходятся быстро. Стоянка двух пришлых превратилась в место паломничества. Народу прибывало так много, что и отец Бэннити, и самые рассудительные из живущих ближе всего к лесу крестьян забеспокоились, как бы весь лес вскорости не вытоптали подчистую; но лесник был не в силах прогнать идущих — с тем же успехом он мог бы останавливать прилив на краю земель.

Хотя никого из просителей не прогнали, не все обрели исполнение заветного желания; Эли протягивал руку лишь одному из трех-четырех, и сила в этом вопросе не помогала. Один человек, гончар Кили, попытался сам раздвинуть пальцы здоровяку и вложить в его руку свою. В этом он преуспел, но ничего волшебного с ним не произошло — если не считать болезненного чирея, который выскочил у него на лбу на следующий день.

Некоторые из желаний паломников оказались на удивление мелкими и домашними: у одного человека внезапно выздоровела больная корова, а у одной женщины ее младший сын вдруг стал слышать так же хорошо, как и до лихорадки. Были и предсказуемые желания, как, например, у мужчины, который после рукопожатия с Эли нашел под древней стеной, которую чинил, горшок со старинными монетами.

Или еще история: с окрестных ферм прибыли двое молодых людей — юноша с раздробленной ногой и девушка с огромным красным родимым пятном на лице. Они вместе пришли и оба удостоились рукопожатия Эли, но ушли на вид точно такими же, какими и явились, к удивлению многих. Затем, в течение нескольких дней, пьянчугу отца юноши хватил удар, и он испустил дух, оставив ферму сыну, а жестокий и скупой дядя девушки, обращавшийся с ней как с прислугой, попал под телегу и тоже умер, и у девушки появилась возможность выйти замуж, если бы кто-нибудь захотел взять ее в жены. Молодые люди немедленно поженились и были вполне счастливы, хотя и остались при своих физических недостатках, которые делали их столь жалкими в глазах земляков.

Единственную видимую неудачу с магическим прикосновением Эли потерпел Пендер, местный кузнец, который пришел в лесной лагерь крепко сбитым, рослым, бородатым мужчиной, а ушел с фигурой, голосом и всеми прочими достоинствами стройной молодой женщины. Бывший кузнец в ту же ночь покинул деревню; он обменял бывшую прокурорскую повозку на пару красивых платьев, а потом уселся на осла и отправился в сторону ближайшего города, надеясь начать жизнь заново (во всяком случае, так он сказал сосе-

дям), так что никто никогда так толком и не выяснил, отчего же с кузнецом приключилась эта странная штука, ведь всем остальным везло.

Вскоре хромой юноша и прочие благодарные посетители построили в лесу Оруженосцев жилище для Феликса и Эли, туда каждый день приносили еду и питье. Люди приходили отовсюду, чтобы взглянуть на странных чужаков, и даже те местные жители, которые не получили волшебного дара от молчаливого гиганта, начали понимать, сколь ценно его присутствие: в деревню постоянно тек поток паломников, в том числе и весьма обеспеченных, готовых платить непомерные деньги за пищу, кров и возможность находиться рядом с чудотворцем.

Отец Бэннити, все еще наслаждавшийся светом новообретенной веры, не сомневался, что Эли и Феликс — дар Господа, при этом священник отнюдь не утратил ни осматрительности, ни здравого смысла, и его беспокоило то, что творится с его тихой деревней. Поэтому он написал письмо, в котором изложил недавние события, и отправил его с гонцом к Дондолану — ближайшему полномочному волшебнику. Тот устроил себе жилище почти на самой вершине Простертого пика и уже много лет не проезжал через деревню, но они со священником несколько раз встречались. Бэннити испытывал симпатию к волшебнику и полагался на его здравый смысл, явно превышающий сообразительность деревенских старейшин — те накинулись на золото паломников жадно, словно дети, свалившиеся в чан с патокой и готовые обожраться до смерти.

Дондолан Дальновидный, как его звали во времена учебы в академии, быстро просмотрел письмо священника, вскочил с кресла и стал собирать вещи — занятие, занимающее у волшебника куда меньше времени, чем у обычного путешественника. Посланец спросил, ждать ли ответа, на что Дондолан сказал: «Я буду там раньше тебя». А потом, подкрепив слова делом, попросту исчез.

Он появился в деревне у подножия горы, забрал свою лошадь с платной конюшни и отбыл. (Даже опытный волшеб-

ник не станет переноситься при помощи магии на двадцать лиг, не зная, что обнаружит на месте прибытия, поскольку это требует неимоверного расхода ресурсов.) Если не считать плохо продуманной попытки каких-то местных бандитов подкараулить его у ущелья Пьяной Принцессы — что увеличило популяцию лягушек нагорья, но не особо замедлило продвижение Дондолана, — то путешествие было спокойным. Волшебник добрался до безымянной деревни за два дня. Дондолан, презирающий обыкновенных курьеров, послал вперед ворона, и благодаря этому отец Бэннити вышел на перекресток к ближайшему городку встретить волшебника.

После взаимных приветствий — дружелюбных, поскольку уважение было взаимным, несмотря на расхождения в богословских вопросах, — Бэннити провел Дондолана полями, мимо околицы, стараясь не поднимать шум и не давать пищу слухам; деревня и так уже буквально жила ими, а ежедневно прибывающие отовсюду паломники лишь усугубляли обстановку.

— Хотите поговорить с этими людьми? — поинтересовался Бэннити. — Я попробую убедить деревенских старейшин очистить лагерь, хотя убрать всех свихнувшихся, которые там поселились, будет непросто — они выстроили буквально целый городок посреди леса.

— Не будем ничего решать, пока я не взгляну на этих чудотворцев, — отозвался Дондолан. — Хотя должен заметить, что когда я прочел в вашем письме, как они выглядят, у меня мерзко заныло под ложечкой.

— Почему? — встревоженно спросил Бэннити. — Вы думаете, они хотят чего-то плохого? Я беспокоился в основном из-за того, что такое множество пилигримов нарушают покой нашей деревни и окрестностей, привлекая воров и всяких мошенников. Но, несомненно, этих двух людей нам послал Господь — они сделали столько добра!

— Возможно. Потому-то я и оставляю свои предположения при себе, пока не увижу их.

Священник с волшебником прошли через лес, мимо многочисленных костров, вокруг которых люди пели и возносили молитвы. Все это напоминало скорее канун грандиозно-

го сражения, чем сумерки в лесу рядом с тихой деревушкой, настолько непритязательной, что у нее даже нет собственного названия. Когда же они приблизились к белеющему в темноте шатру и стоявшему вокруг народу — одни терпеливо сидели и ждали, другие громко требовали, чтобы их срочно пропустили к чудотворцам, потому что им очень надо, — Бэннити стало все труднее и труднее прокладывать путь через толпу. Всеми уважаемый деревенский священник дважды чуть не оказался втянут в драку, и только осторожное вмешательство Дондолана и примененные им успокаивающие чары позволили двум спутникам без рукоприкладства пробраться в начало очереди. Уже одно это свидетельствует, как много чужаков появилось в округе.

Они откинули полог и проскользнули в шатер. Дондолан устоялся на противоположную сторону жилища: маленький Феликс и здоровяк с деформированным черепом восседали, словно монархи небольшого государства, в креслах с высокими спинками, что сделали для них местные жители. Феликс чесался и смеялся над чем-то. Эли смотрел сверху вниз на коленопреклоненного просителя, судя по виду, здоровяк полностью ушел в себя — прямо как лягушка-бык, ожидающая, когда же рядом окажется кто-нибудь подходящих габаритов. Дондолан сглотнул, потом отступил и выбрался из шатра. Бэннити последовал за ним. Даже при свете факелов было видно, что лицо у волшебника белое как мел.

— Именно то, чего я боялся, Бэннити. Это не несчастный путник, невинный человек, отмеченный прикосновением Бога, или, во всяком случае, не с этого он начинал свой путь. Этот здоровяк — темный маг Элизар Разрушитель, бич Южных земель, величайший враг архимага Кеттиля с Громового Утеса.

— Элизар?

Бэннити вдруг обнаружил, что у него сжало горло. Даже деревенскому священнику было известно, кто такой Разрушитель. Темный маг сжигал целые города лишь потому, что ему нравилось, как небо затягивает дымом, поднимающимся от развалин. Он практиковал омерзительные ритуалы, в ходе которых превращал людей в животных, а животных —

в людей. Безудержное насилие Элизара удалось остановить только самому Кеттилю. Этот величайший из всех волшебников вышел из своих громадных ледяных пещер, что на вершине Громового Утеса, и помог молодому королю разбить под Херредсбурном огромную армию Элизара, состоящую из поработанных звероловцев. Кеттиль лично бился с Элизаром на глазах у обоих воинств — все запомнили, как небеса над Херредсбурном озарялись, словно вокруг бушевала дюжина гроз одновременно. Тогда ни один из противников не смог одержать окончательной победы, и все же именно Элизар бежал с поля боя и канул в неизвестность, укрывавшую его на протяжении многих лет — и длившуюся до последнего мгновения.

— Тот самый Элизар? — пробормотал отец Бэннити. — Здесь?

— Я готов поручиться жизнью, — сказал Дондолан. — И, возможно, я действительно поставил жизнь на кон. Даже если Элизар и вправду лишился рассудка, при виде меня или еще кого-то из его прошлого, он вполне может от потрясения вернуться в прежнее состояние.

— Но мы не должны просто... оставлять все как есть. Нельзя же так!

— Нет. Но я не решаюсь подойти к нему. Вы же сами говорили, что творимые им чудеса вполне реальны, то есть он по-прежнему обладает великим могуществом. И даже если он так и останется помешанным, я не могу позволить себе так рисковать — а что, если он и вправду возьмет и исполнит мое заветное желание.

Дондолан покачал головой; белая борода мотнулась из стороны в сторону.

— В глубине души мага, даже относительно благопристойного, вроде меня, полно темных расщелин. Там мир, в котором мы обитаем, премудрости, которые мы изучаем, страсти, которые мы стараемся обуздать. На самом деле я не знаю, каково мое заветное желание, и совершенно не стремлюсь узнать это подобным способом.

— Я... я не совсем понимаю, о чем вы.

— А вдруг мое заветное желание — стать величайшим магом своего времени? Когда-то я испытывал подобное стрем-

ление — в молодости, когда только-только поступил в академию. Вдруг это желание никуда не делось, лишь ушло вглубь? — Дондолан снова покачал головой. — Я не смею рисковать.

— А вдруг окажется, что того же самого сильнее всего на свете желает не волшебник, а кто-то из обычных смертных? Или хуже того — кто-нибудь мечтает о конце света?

Дондолан одарил священника вдумчивым взглядом.

— До сих пор этого не произошло. На самом деле, как мне кажется, силы, которыми владеет Элизар, не сделали никому ничего дурного — не считая, судя по вашему рассказу, двух мерзких старикашек, намеренно преграждавших своим детям дорогу к счастью. Но даже и тут у нас нет доказательств, что их кончина не была совпадением. Возможно, магия Элизара содержит в себе некое внутреннее ограничение — нечто такое, что позволяет ему исполнять лишь безобидные желания. Не знаю. — Волшебник поднял голову. — Но знаю, что нам нужно получше разобраться во всем этом, прежде чем принимать решение. Как вы верно заметили, мы не должны оставлять все как есть, раз здесь присутствует Элизар Разрушитель, окруженный нетерпеливыми просителями и трудолюбиво творящий чудеса, какими бы добросердечными эти чудеса ни казались. — Дондолан пригладил длинную белую бороду. — Не говоря уже о сохраняющейся неприятной вероятности, что все это — какая-то жестокая хитрость Элизара, что он лишь притворяется умалишенным, а сам незаметно плетет козни, стремясь снова завладеть Срединными землями. — Волшебник умолк и задумался. — До какого часа они принимают просителей?

— Пока мой пономарь не позвонит к вечерней молитве. Это уже скоро.

— Тогда подождем колокола, а потом приведите ко мне этого Феликса.

Казалось, что Феликс встретил разоблачение почти с облегчением.

— Да, это правда. Некогда он был Элизаром, величайшим из волшебников.

— В смысле — после архимага Кеттиля, вы хотели сказать? — поправил его Дондолан.

Феликс махнул рукой.

— При Херредсбурне мой хозяин перелил души в пять тысяч зверолодей и руководил ими во время битвы — и одновременно с этим вел дуэль с Кеттилем Ястребиным Ликом.

— Оставьте вы это! — вмешался в беседу отец Бэннити. — Почему он очутился здесь в нынешнем своем состоянии? Он что, снова строит какие-то козни?

— Говори правду, прихлебатель, и не пытайся меня одурачить, — сурово произнес Дондолан. — Полагаю, до Кеттиля уже дошли вести о происходящем, и он так же быстро, как и я, придет к выводу, что твой Эли — на самом деле его заклый враг.

Феликс вздохнул.

— Значит, нам снова придется уехать. Жаль. Мне здесь нравилось.

— Да черт побери! В двадцати шагах от нас спит один из опаснейших людей в мире! Давай говори!

— Для вас он, может, и опасен. — Феликс покачал головой. — Нет, даже и для вас он не несет угрозы. Во всяком случае, сейчас. Здесь нет никаких хитростей, волшебник. То, что ты видишь, — чистая правда. Прежний Элизар исчез, остался лишь безмолвствующий Эли. Это случилось после Херредсбурна, когда король и ваш Совет волшебников прогнали нас. Когда все его зверолоды были перебиты или возвращены в свой прежний вид, мой господин покинул поле боя и отступил в тайное убежище в горах Темного Льда.

— Мы подозревали, что у него там укрытие, — пробормотал Дондолан, — но так и не сумели его отыскать.

— Он был преисполнен решимости отомстить Кеттилю и всем остальным, — продолжал Феликс. — Я никогда прежде не видел его таким. Он был взбешен, но устал — устал и пребывал в смятении. — Человечек внимательно посмотрел на священника и волшебника. — Однажды глубокой ночью меня разбудили странные звуки — он плакал.

— Я не в силах в это поверить, — сказал Дондолан. — Элизар Разрушитель? Плакал?

— Верьте во что вам угодно. В нем всегда было сокрыто больше, чем казалось вам, членам Совета. Что бы ни было тому причиной, но им завладела идея заполучить амулет желания, способный даровать своему владельцу исполнение его заветного желания, каким бы оно ни было. Элизар потратил несколько месяцев — точнее, почти год, — гоняясь за этой легендой по множеству забытых путей, изучая старинные книги и еще более древние свитки. Он разговаривал со столь ужасными существами, что я не мог даже пребывать с ними под одной крышей. — Кажется, эти воспоминания до сих пор пробуждали в душе Феликса страх, но вместе с тем и гордость за своего храброго господина. — И вот время настало. В нашем пещерном доме, в глубинах Гор Темного Льда, он подготовил заклинание. Я помогал ему всем, чем мог, но я всего лишь слуга, а не колдун. Я поддерживал огонь, полировал перегонные кубы, приносил из гробницы необходимые вещи. Наконец пробил час, когда светила выстроились в ряд, и господин приступил к вызову пустых богов. Под конец приготовлений он не спал ночами; он был возбужден, как никогда прежде, даже в ночь перед битвой при Херредсбурне, когда казалось, что осталось лишь протянуть руку — и власть над миром будет принадлежать ему, он не был в таком состоянии. Бледный, с запавшими глазами, разговаривающий сам с собой, словно меня там не было, он напоминал заключенного, отчаянно жаждущего освобождения, что бы этому ни способствовало: распахнутая дверь тюрьмы или веревка палача.

Феликс вздохнул и быстрым движением смахнул слезы; Дондолан нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

— Чтение заклинания продолжалось несколько часов, — продолжил свой рассказ Феликс. — Он выкрикивал во тьму имена, и от этих звуков у меня болели уши. В какой-то момент я кинулся прочь, так меня напугали тени, которые заполонили комнату и заплясали вокруг меня. Обратное же я вернулся, когда услышал хриплый голос господина — с уст его сорвалось победное восклицание. Он стоял в центре эзотерической схемы, держа в руках нечто, сиявшее красным и черным, но мне было плохо видно...

— Сиять черным невозможно, — заявил Дондолан. — Это бессмыслица.

«И что он придирается?» — подумал Бэннити.

— Мало что из произошедшего той ночью имело смысл, но от этого история моя не изменится. Эта вещь сияла красным и черным. Элизар поднял ее над головой и хрипло крикнул: «Мое величайшее желание — сделать реальным!» И тут рухнула крыша.

— Рухнула крыша? — удивленно повторил Бэннити. — Но как? Я думал, вы находились в какой-то пещере в горе.

— Так оно и было, — подтвердил Феликс. — Я до сих пор плохо понимаю, как это произошло, словно нас поглотил какой-то великан: пожевал-пожевал, да и выплюнул. Когда я пришел в себя, мы оба лежали на склоне у входа в пещеру, который засыпало камнями. Элизар был таким, каким вы его видите ныне: подавленным и безмолвным. Голова у него, бедняги, была вся в крови. Амулет исчез. Все исчезло. Я помог ему подняться, и мы, спотыкаясь и падая, кое-как спустились вниз и наткнулись на покинутую хижину какого-то горца — ее хозяин бежал, когда гора начала трястись. Я обрил господина и стал врачевать его раны. Мы ели припасы хозяина хижины, но когда мы ушли оттуда, нам не осталось ничего, кроме как сделаться бродячими попрошайками. — Морщинистый человечек развел руками. — Я-то совершенно не умею колдовать.

— А тот мальчик из деревни, которого Элизар перенес в Идерс-Чёрч, — он был первым, к кому Элизар... прикоснулся? Феликс покачал головой.

— Мой господин иногда брал за руку кого-нибудь, по большей части тех людей, которые давали нам щедрое подаяние. И иногда что-то происходило. Никто не пострадал, все получили какую-то выгоду, — добавил он, словно защищаясь.

— А ты? — не унимался Дондолан. — Ты, должно быть, много раз прикасался к его рукам с тех пор, как все это стряслось. Как насчет тебя?

— А что со мной могло произойти? Мое заветное желание уже исполнилось. Я всегда хотел служить ему — и ничего бо-

лее. С того самого мига, как я впервые увидел его рядом с академией и понял, что он — моя судьба, будь то к добру или к худу.

Дондолан вздохнул.

— Определенно к худу — во всяком случае, так оно было до последнего времени. Хотя ты и не злодей, Феликс, но ты служил злому человеку.

— Все великие люди время от времени замышляют зло.

— Но не все великие люди насаживают на плечи мирным крестьянам головы диких кабанов,— заметил Дондолан.— И не все великие люди носят в качестве плаща кожу, спущенную с других волшебников.

— Он убивал только тех, кто выступал против него,— упрямо заявил Феликс.— Только тех, кто иначе сам бы его убил.

Дондолан несколько мгновений смотрел на Феликса.

— Теперь это не особо важно,— сказал он наконец.— Кеттиль уже должен был услышать обо всем и догадаться, кто здесь находится. Архимаг явится сюда, и все изменится.

— Значит, снова в путь,— устало пробормотал Феликс и с ворчанием поднялся на ноги.— Мы уйдем. Еще остались места, где можно жить в тишине и покое, если я только смогу добиться от моего несчастного господина, чтобы он держал руки при себе.

— Не смею задерживать,— произнес Дондолан.— Я боюсь пробудить твоего господина, если он действительно спит в глубинах этого изувеченного черепа. Честно признаю — я ему не соперник. Но даже если вы обратитесь в бегство, вам не обогнать могущества Кеттиля.

«Это не имеет значения. Чему быть, того не миновать,— подумал про себя Бэннити, но с разоблачением Эли какая-то часть вновь обретенного душевного покоя покинула его.— Действительно ли Элизар преобразился? Или он остался все тем же злодеем и лишь притворяется? Все, что произойдет далее, произойдет по воле Господней. Кто может усомниться в Его воле, когда Он явил нам столько чудес?»

Но Эли не покинул лес, невзирая на все уговоры Феликса. Немой сопротивлялся как валун, увязший в грязи: ни мольбы, ни доводы слуги не тронули его, — на самом деле он вообще никак не показал, что хотя бы услышал их.

Дондолан с Бэннити, вооружившись сведениями об истинном имени творца чудес, убедили впавших в панику деревенских старейшин, что толпы следует убрать — во всяком случае, хотя бы на некоторое время. При помощи отряда солдат из ближайшего гарнизона, нанятых за долю прибылей от долгого сезона чудес, лес был освобожден от всех просителей, те были вытеснены в ближайший населенный пункт и окрестные поля, где местные торговцы талисманами и зельями радостно предоставили им исполнение желаний за деньги — или, по крайней мере, обещание этого.

Когда очищали от народа последние стоянки, кое-кто из вновь прибывших принес весть, что к деревне направляется сам Кеттиль Ястребиный Лик. Некоторые не заметили ничего, кроме бури, кружившей над вершиной Громого Утеса, в то время как небо вокруг оставалось голубым; другие же заявляли, что видели, как сам архимаг спустился с горы на огромном белом коне, сияя, словно молния. В любом случае, тем, кого выставили из леса Оруженосцев, теперь было что предвкушать, и вдоль большой дороги, проходящей мимо безымянной деревни, вскоре выстроились желающие поглазеть на самого знаменитого, самого прославленного из волшебников.

Отец Бэннити не мог ничего с собой поделать, его одолевала мысль: а не предчувствует ли Элизар приближение своего великого соперника? Поэтому священник отправился в лес Оруженосцев, через истоптанные стоянки, где к тому времени не осталось никого, если не считать пары солдат, нанятых для охраны.

Когда священник вошел в шатер, сморщенный маленький Феликс поднял взгляд от миски с едой и помахал ему рукой, словно старому другу. Но на лице Элизара было все то же бессмысленное выражение, что и всегда; он, кажется, даже не заметил, что толпы паломников исчезли и они с Феликсом остались одни. Он сидел, уставившись в землю; огром-

ные кулаки сжимались и разжимались так медленно, что отец Бэннити мог бы за это время насчитать два десятка ударов сердца. Безбородое и безбровое лицо в сочетании с бритой головой придавало этой самой голове на фоне черной одежды сходство с яйцом, из которого могло вылупиться все, что угодно.

«Зачем я здесь? — спросил себя священник. — Подразнить самого опасного из черных магов нашего времени?»

Но он чувствовал, что должен задать этот вопрос.

— Ты действительно ушел отсюда, Элизар? — Голос священника задрожал, и он обратился к Господу с просьбой даровать ему силы.

Теперь, в отличие от предыдущих встреч, он понимал, что перед ним сидит человек, обладавший удивительной мощью, которая разрушала целые города с такой же легкостью, с какой обычный человек разваливает муравейник. Но Бэннити должен был спросить.

— Ты действительно целиком и полностью пуст, или в этой оболочке какая-то искра тебя прежнего тлеет и прислушивается? — Тут его внезапно посетила одна мысль. — Не навлек ли ты свое нынешнее состояние на себя сам с помощью того амулета? Когда настал момент исполнить твое самое заветное желание — уж не проник ли Господь в тот скрытый уголок твоей души, что устал от смерти, мучений и ненависти и что желал бы служить ближним своим, как посланец Господень, а не нести им кровь, огонь и ужас?

Эли не поднял головы, и выражение его лица не изменилось. В конце концов отец Бэннити ушел. Феликс озадаченно посмотрел ему вслед и вернулся к прерванной трапезе.

Он шествовал по большой дороге, а толпы приветствовали его радостными кличами, словно героя-победителя — каким он по большому счету и был. Бэннити смотрел, как волшебник едет к деревне на огромном белом коне, а люди выкрикивают его имя — те самые люди, что всего лишь несколько дней назад падали на колени у шатра Эли, умоляя, чтобы их пустили. Священник поразился неисповедимости путей Господних.

Кеттиль Ястребиный Лик оказался моложе, чем думал Бэннити, либо наложил на себя соответствующее заклинание. Он выглядел как мужчина в расцвете сил; его золотистых волос едва коснулась седина; черты худощавого, красивого лица ни в малейшей мере не расплылись. Но самым впечатляющим в его внешности были глаза: даже издали было видно, что они сверкают льдисто-голубым, вблизи трудно было смотреть на волшебника и не отводить взгляда — такой была их леденящая мощь.

Бэннити с Дондоланом встретили волшебника на опушке леса. Кеттиль кивнул сотоварищу-магу, но священника, казалось, вообще не заметил, даже после того, как Дондолан представил его.

— Он там, в... — начал было Дондолан, но Кеттиль вскинул руку, и более слабый маг умолк.

— Я знаю, где он. — Голос у архимага был под стать глазам — холодный и властный. — И имею о нем представление. Я сражался с его злом половину своей долгой жизни и не нуждаюсь в подсказках — я чувую его, как гончая чувствует добычу.

«Тогда странно, что ты не нашел его раньше», — подумал Бэннити, но тут же устыдился собственной язвительности.

— Но он не то чудовище, с которым вы сталкивались, архимаг...

Теперь Кеттиль посмотрел на священника, но лишь на миг, и снова отвернулся.

— Подобные существа не меняются, — сказал он Дондолану.

Бэннити предпринял еще одну попытку:

— Он сделал много добра...

Кеттиль ухмыльнулся.

— Он воскресил тех, кого убил? Отстроил заново разрушенные им города? Не говорите о том, чего не понимаете, священник. — Он соскользнул со спины могучего белого коня. — Сейчас я пойду туда, и мы выясним, что за черная магия там таится.

Бэннити вынужден был признать, что легенды не врут и архимаг действительно производит сильнейшее впечатление. Кеттиль размашистым шагом двинулся в глубь леса, не имея

при себе никакого оружия, кроме искривленного березового посоха; длинные волосы и небесно-голубые одежды архимага развивались на ветру, словно он по-прежнему стоял на вершине Громова Утеса. Бэннити посмотрел на Дондолана. Лицо волшебника было преувеличенно сдержанным, не отражающим никаких эмоций. Затем они оба двинулись следом за Кеттилем в лес Оруженосцев.

К изумлению Бэннити, Эли стоял во входном проеме шатра и смотрел на большую поляну.

— Эй, Разрушитель, наконец-то я снова отыскал тебя! — раздался голос Кеттиля, громкий, словно звук охотничьего рога.

Эли лишь взглянул на него безо всякого интереса. Его крупные кисти рук свисали из рукавов, словно летучие мыши с потолка. Безволосый человек моргнул, повернулся и скрылся в шатре. Кеттиль решительно двинулся следом за ним, в несколько шагов перемахнув поляну. Бэннити вознамерился было последовать его примеру, но Дондолан удержал его за плечо.

— Это не касается ни меня, ни вас.

— Господа касается все! — воскликнул Бэннити, но Дондолан Дальновидный явно был преисполнен сомнений.

Несколько мгновений спустя из шатра, пошатываясь, выбрался Феликс; он размахивал руками, словно бы обороняясь от роя рассерженных пчел.

— Они стоят лицом к лицу! — пронзительно выкрикнул он.

Феликс споткнулся, упал и, перекатившись несколько раз, остановился у самых ног Бэннити. Священник помог ему подняться, не отрывая при этом взгляда от шатра.

— Они не разговаривают — лишь пристально смотрят друг на друга! Воздух аж звенит! — сообщил Феликс.

— Кажется... — начал было Дондолан, но договорить он не успел.

В это самое мгновение всю поляну — а точнее, весь лес и небо над ним — словно затянуло каким-то великанским вдохом. От внезапной, мучительной боли в ушах Бэннити рухнул на колени. Потом все словно бы растеклось в стороны:

свет, цвет, тепло, воздух, — все умчалось прочь с лика земли, попутно швырнув священника на землю и несколько раз перевернув.

Когда чудовищный ветер стих, Бэннити несколько долгих мгновений лежал ошеломленный, поражаясь искусности Господа, который сумел сотворить целую Вселенную, а теперь, судя по всему, вознамерился разрушить ее. Потом взметнувшийся столб огня и рев воздушного потока поставили священника на колени и заставили его, вопреки всякому здравому смыслу, сесть, чтобы разглядеть, что же происходит.

Шатер был объят пламенем; деревья вокруг стали черными, опаленными, лишенными листьев. На глазах у потрясенного отца Бэннити из огненного ада выбрались две фигуры, как будто возникли из дыма; одна из них была подобна столбу холодного голубого пламени, языки которого плясали на светлых волосах и бороде, вторая же являла собой вздымающуюся тень, в которой бурлила тьма.

— Я знал, что ты просто притворяешься, демон! — вскричал Кеттиль Ястребиный Лик.

Он взмахнул руками — и с его пальцев с потрескиванием сорвались искры.

— Разрушитель! Знаю я твое вероломство!

Тень, что начала было окутывать Кеттиля, подобно горящему одеялу, при этих словах отхлынула и нависла над его головой. В этой клубящейся тьме проглядывало лицо, и Бэннити, даже невзирая на недоумение и ужас, невольно поразились, насколько оно одновременно и похоже, и не похоже на молчаливого Эли.

— Надо мне было тебя прикончить еще несколько веков назад, Ястребиный Лик! — пронзительно взвизгнула тень; этот голос словно отразился от далеких холмов и разнесся эхом по окрестностям.

Затем тень из дыма и искр взмыла в воздух, хлопая крыльями, словно чудовищный нетопырь, и полетела на юг.

— Господин! — завопил Феликс.

Спотыкаясь, он кинулся через лес вслед быстро уменьшающемуся в размерах пятну огненной тьмы. Вскоре и Феликс исчез из виду.

Кеттиль Ястребиный Лик — его голубые одежды были теперь в пепле, а борода и волосы опалились на концах — стремительно зашагал в другую сторону, к деревне, решительной походкой человека, выполнившего опасную и неблагодарную работу и не собирающегося ждать похвалы, которую, несомненно, заслужил.

Дойдя до опушки, архимаг остановился перед сотнями зевак, собравшихся там, и вскинул руки.

— Зло Элизара Разрушителя было раскрыто и пресечено, и он, потерпев поражение, бежал на погруженный во мрак юг! Жители Срединных земель снова могут спать спокойно, зная, что злокозненные планы Разрушителя сорваны!

Толпа разразилась одобрительными криками, но многие впади в замешательство, не понимая, что же произошло, и новость была встречена не так пылко, как, возможно, ожидал Кеттиль. Архимаг не стал задерживаться даже ради разговора со своим коллегой, Дондоланом; вместо этого он взобрался на белого коня и пустил его галопом на север в сторону Громового Утеса. Следом помчалась стайка детишек, выпрашивающих у волшебника монетки и чудеса.

Бэннити с Дондоланом в молчании глядели, как безукоризненно подтянутая фигура архимага уменьшается, затем она окончательно исчезла вдаль. Толпа еще некоторое время не расходилась, но многие поняли, что ловить больше нечего. Крики торговцев едой, продавцов амулетов и бродячих фармацевтов сделались глуше и печальнее.

— Итак, все разрешилось благополучно, — сказал отец Бэннити, обращаясь и к себе тоже. — Зло Элизара было разоблачено и пресечено.

— Быть может, — отозвался Дондолан. — Но в глубине души мне очень хочется знать, чье же заветное желание исполнилось сегодня.

— Что вы имеете в виду? Вы полагаете... их руки соприкоснулись?

Дондолан вздохнул.

— Не подумайте ничего такого... Вполне возможно, что сегодня мир был спасен от великого зла — Элизар всегда был мастером строить козни, зачастую поразительно коварные

и изворотливые. Но если они коснулись друг друга, думаю, можно с достаточной уверенностью утверждать, что лишь одному из них было даровано исполнение заветного желания.

— Я вас не понимаю.

— Может, Элизар и не казался полностью счастливым в облике Эли, бессловесного чудотворца, — произнес Дондолан, — но он был спокоен. Однако теперь он снова стал Разрушителем, и у Кеттиля вновь появился враг, достойный его великой гордыни и могущества.

Бэннити надолго замолчал, глядя на темнеющее небо; солнце садилось за лесом Оруженосцев.

— Но ведь Бог не позволил бы злу Элизара вернуться в мир лишь потому, что врагу Элизара его не хватало! У Бога наверняка есть какой-то лучший замысел для человечества!

— Возможно, — согласился Дондолан Дальновидный. — Возможно. Мы поразмыслим над этим вместе, когда вернемся в церковь и вы отыщете бренди, который припрятали для подобных случаев.

Отец Бэннити кивнул и уже сделал несколько шагов, но обернулся.

— Но откуда вы знаете про бренди?

Показалось священнику, или действительно в улыбке Дондолана промелькнула горечь?

— Я же волшебник — вы не забыли? Мы знаем почти все.

Патриция А. Маккиллип

ДЕНЬ ИМЕНОВАНИЯ

Патриция Анна Маккиллип получила свою первую Всемирную премию фэнтези в 1975 году за роман «Forgotten Beasts of Eld», с тех пор она является одним из самых выдающихся современных авторов фэнтези. В число ее книг входят «The Riddle-Master of Hed» (в русском издании «Мастер загадок»), «Heir of Sea and Fire» («Наследница моря и огня»), «Harpist in the Wind» («Арфист на ветру») и десятки других. Еще одну Всемирную премию фэнтези Маккиллип завоевала в 2003 году за произведение «Ombria in Shadow».

Патриция Маккиллип родилась в Сейлеме, штат Орегон, ныне проживает в Норт-Бенде, тот же штат.

В рассказе, вошедшем в этот сборник — добром и полном сострадания, — автор говорит читателю, что если имя обладает особой силой — а так оно и есть! — то прежде, чем назваться им, нужно хорошенько убедиться, что оно и вправду тебе подходит.

Эйверил мечтательно глядела в тарелку с овсянкой и размышляла о себе. Через два дня в школе волшебства Оглесби должен был состояться День именования, знаменующий середину трехлетнего курса обучения. Студентам, которым удалось успешно пережить первые полтора года и получить удовлетворительные отметки по таким предметам, как фокусы, легендарные существа, латынь, магические алфавиты, употребление и злоупотребление стихиями и история магии, дозволялось выбрать тайное имя, необходимое для продолжения обучения. Эйверил имела высший балл по всем предметам, и ей не терпелось приступить к более расширенному и

углубленному изучению таинственных и необычайных магических искусств. Но под каким именем? Эйверил никак не могла решить этот сложный вопрос. Что наилучшим образом выразит ее дарование, ее потенциал, источник ее возможностей? И, что еще более важно, — какое сочетание звуков она будет рада назвать своим тайным «я» на всю оставшуюся жизнь?

«Вспомни о любимом дереве, — предложила мисс Брэбурн, куратор Эйверил. — О животном, о птице. Ты можешь взять себе имя в честь кого-то из них. Или в честь одной из четырех стихий древности. Быть может, в честь одного из аспектов огня. Или воды».

Эйверил изящно потянулась и представила свои светлые волосы и кожу. «Может, лебедь? Или что-то, связанное с ветром? От воздуха у меня больше, чем от огня. Но точно не земля. Вода?»

— Mater, — сказала Эйверил; ей нужно было начать совершенствовать свою латынь, на которой писала заклинания добрая половина волшебников древности. — Что тебе приходит на ум, когда ты думаешь обо мне?

Ее мать, которая в этот момент переворачивала бекон на сковороде, бросила на дочь скептический, затравленный взгляд. Она снова была беременна — в ее-то возрасте! — и время от времени ее рвало. Про себя Эйверил считала это событие весьма неуместным. Ради Эйверил им пришлось переехать из пригородного дома в куда более тесную квартиру в городе — поближе к Оглесби. Куда, ну куда ее непрактичные родители намереваются класть младенца? В корзину для белья? В большой стенной шкаф на пару с Феликсом, который, скорее всего, засунет этого младенца под кровать вместе со своими игрушками и обувью? Брат Эйверил выбрал этот момент, отвлекая ее внимание от жизненно важного вопроса, — он стукнул кулачком по зубцам вилки, отправив в полет лежавшую крест-накрест с ней ложку.

— Феликс! — прикрикнула мать. — Прекрати немедленно!

— Бекон, бекон, хочу бекон! — заныл Феликс.

Ложка отскочила от его головы и со звоном упала на пол. Феликс зажмурился и раскрыл рот. Эйверил поспешила встать, пока он не заплакал.

— Эйверил, подожди!

— Ма, мне пора. Я опоздаю.

— Сегодня ты должна вернуться домой сразу же после занятий. — Тут Феликс завопил как резаный. Мать повысила голос: — Я хочу, чтобы ты присмотрела за Феликсом.

Взгляд фиолетовых глаз Эйверил в ужасе метнулся к маленькому брату, орущему так, что видны были миндалины. Феликсу совсем недавно исполнилось четыре года. Это был тощий, шумный, безмозглый сгусток проказ и энергии — Эйверил серьезно сомневалась в том, что он умственно нормален.

— Извини, ма. — Эйверил поспешно подхватила сумку с книгами. В конце концов, матери все равно больше нечем заняться. — После уроков у меня обучение в группе.

— Эйверил...

— Ма, это важно! У меня хорошие результаты — мисс Брэбурн говорит, что одни из лучших за десять лет. Она считает, что я могу получить стипендию в Университете древних искусств, если сумею удержаться на должном уровне. Мы же ради этого сюда и переехали, правда?

Что-то в выражении лица матери — сильно похожее на смесь восхищения и отчаяния, какое Эйверил вызывала у менее одаренных студентов, — заставило ее быстро обойти стол, еле сдерживаясь при этом, чтоб не врезать Феликсу сумкой с книгами, и чмокнуть мать в щеку.

— Давай после Дня именования, а? Может, тогда у меня будет время.

По дороге в школу Эйверил обсудила эту ситуацию со своими друзьями: Дейдрой, Тамарой и Николаусом.

— Мать должна понять. В конце концов, она сама почти окончила Оглесби. Она знает, как много нам приходится работать.

— Что, правда? — поинтересовался Николаус, с любопытством сверкнув очками без оправы. — А почему она не закончила школу? Не справилась с программой?

Эйверил пожала плечами.

— Она сказала, что бросила ее ради замужества.

— Ничего себе!

— Она не могла оставаться в школе со мной на подходе и со всеми этими порхающими вокруг учебными заклинаниями студентов. Иначе я бы смахивала на вомбата или еще кого.

Дейдра хихикнула и поправила бабочку-заколку в буйно-рыжих волосах.

— Младшие братья — это хуже всего на свете, правда? Мои — просто сущее наказание. Они засовывают слизняков мне в туфли, разрисовывают мои учебники, постоянно нюют, и пахнет от них, как от вареной брокколи.

Тамара — она была выше всех и двигалась как танцовщица — откинула с лица ухоженные, блестящие черные волосы и улыбнулась.

— А я люблю своего младшего брата — но он еще совсем малыш. Они такие милые, пока не отрастили зубы и не обзавелись собственным мнением.

Эйверил что-то рассеянно пробормотала в ответ; взгляд ее был прикован к юноше со светло-золотыми волосами, который ожидал ее у ворот школы. Девушка глубоко вздохнула; воздух у ее губ словно бы вспыхивал и сгорал.

— Это Гриффит,— сказала Эйверил.

Она шагнула вперед, в свой зачарованный мир, где были друзья, интереснейшие задачи в темных школьных стенах, сложенных из грубо обтесанных камней, и Гриффит, с его высокими скулами и широкими плечами.

Но был и кое-кто другой, наблюдавший за Эйверил: неподвижная, безмолвная фигура на траве, за коваными железными воротами. От нее словно струилась напряженность и, подобно заклинанию, тянулась к девушке. Удивленная Эйверил оторвала взгляд от Гриффита, чтобы посмотреть на незнакомца.

Но это оказался никакой не незнакомец, а всего лишь Флитч, который, соприкоснувшись с Эйверил взглядами, моргнул и ушел в себя, словно черепаха. Но девушка все равно помахала ему рукой, весело рассмеявшись, и ее внимание тут же переключилось на что-то другое.

На занятиях Эйверил правильно произнесла руну, заставившую Дугана Доулера поверить, что он — попугай, полу-

чила «отлично» за спряжение латинских пословиц, а ее работа по истории, выполненная совместно с Гриффитом, была признана лучшей в классе. Работа эта была посвящена исследованию легендарной земли, на которой стоял Оглсби, и тем временам, когда в дремучей дубраве студенты древности изучали свою примитивную магию. Эйверил с Гриффитом изображали преподавателя и ученика; они на самом деле воспроизвели некоторые древние заклинания, одно из которых воспламенило дубовую трость мистера Эддисона и включило потолочные противопожарные разбрызгиватели. Но мистер Эддисон, починив свою трость и осушив лужи при помощи нескольких тщательно подобранных слов, похвалил их за наглядную интерпретацию древней истории.

После школы Эйверил с Гриффитом, Николаусом, Тамарой и Дейдрой отправились домой к Гриффиту делать уроки. Дом у него был большой, тихий и опрятный, полный книг в кожаных переплетах и комнатных растений. Братьев и сестер у Гриффита не было; родители его сами были учеными и понимали всю важность образования. Мать Гриффита принесла им в гостиную поднос с охлажденным травяным чаем и шоколадными пирожными с орехами и оставила студентов одних; они свалили книги кучей на большой стол из красного дерева и принялись за работу.

Позднее, когда друзья управились с домашним заданием и погоняли друг друга по тестам, разговор перешел к животрепещущей теме — Дню именования.

— Никак не могу решить, — вздохнула Эйверил, мягко подавшись вперед и любуясь отражением своих длинных волос цвета слоновой кости в темном полированном дереве. — А кто-нибудь уже выбрал имя?

Оказалось, что Тамара свой выбор сделала, как и Николаус. Дейдра колебалась между двумя вариантами, а Гриффит сообщил, что у него тайное имя наличествует еще с семи лет. Так что они могли сосредоточить все внимание на Эйверил.

— Я вот думаю — может, что-то, связанное с воздухом? — нерешительно начала девушка. — Ветер?

— Анемон — цветок ветра? — тут же предложил Гриффит, и Эйверил зарделась.

— Пустельга? — сказала Тамара. Эйверил непонимающе взглянула на подругу. Та добавила: — Это такой сокол.

— Нет, думаю, я все-таки не сокол. Скорее уж... что-нибудь белое.

— Белый гусь? — подхватила практичная Дейдра. — Никто никогда не догадается.

— Конечно же лебедь, — вмешался Николаус. — Но это слишком очевидно. Как насчет белой цапли? Или полярной совы...

Эйверил выпрямилась.

— Но ведь это на самом деле не имена, верно? Не что-то глубоко личное, что характеризовало бы меня.

— Может, драгоценность какая-нибудь? — спросила Тамара. — Алмаз?

— Жемчужина, — негромко произнес Гриффит, чуть улыбнувшись и вызвав у Эйверил ответную улыбку.

— Да, скорее что-то в этом роде, — согласилась девушка.

Это было так интересно — подбирать идеальное имя для Эйверил, — что все позабыли о времени. Напомнила им об этом мать Гриффита; друзья поспешно разошлись, сгребая книги и ручки, заматываясь в длинные шелковые шарфы и предвидя холодный ужин и недовольных родителей.

— Останься, — обратился Гриффит к Эйверил; его глаза цвета жженого сахара излучали такие чары, что у девушки ноги приросли к порогу.

— Ну...

— Поужинаем вместе. Родители уходят. Я что-нибудь приготовлю.

— Мне надо позвонить...

— Позвони матери. Скажи ей, что мы работаем над одним проектом.

— Но мы ни над чем не работаем, — возразила Эйверил. Истинные волшебники во лжи не нуждаются.

— Нет, работаем, — заверил ее Гриффит со своей колдовской улыбкой. — Мы ищем тебе имя.

Эйверил и сама понимала, что вернулась домой позже допустимого. К счастью, мать уже устроила нагоняй отцу за его опоздание, и Эйверил просто была добавлена к общему спис-

ку жалоб. Девушка, все еще зачарованная, едва слушала родителей.

— Ты не понимаешь!.. — раздался голос матери. А потом: — Никакого внимания!..

— Извини, дорогая, — успокаивал отец. — Мне следовало позвонить, но я думал, что мы справимся с работой быстрее.

— Ужин безнадежно остыл...

— Извини, ма, — послушно повторила Эйверил.

— Если я не получу хоть чуть-чуть времени для себя, то тогда...

— После Дня именованья. Обещаю.

— Дорогая, послушай, ему же всего четыре года. Он скоро утомится и станет вести себя тише. Своди его в парк или еще куда.

Мать издала звук, напоминающий треск рвущейся ткани, — прелюдию к слезам. Отец распахнул объятия. Эйверил опустила сумку с книгами на пол и тихонько слиняла, думая о прощальном поцелуе Гриффита.

На следующее утро она удрала без завтрака, лишь на миг показавшись на глаза матери, которая умоляющим голосом говорила по телефону с агентством нянь. Феликс, сидевший за столом, занимался тем, что пытался вывернуть коробку геркулеса себе в тарелку.

— Пока, ма!

— Эйверил!

— До встречи! Только я не знаю, когда приду. Может, еще будет празднование. Сегодня День именованья.

— Эйве... Феликс!

Эйверил закрыла за собой дверь, заглушая мягкий шелест «Фруктовых хлопьев», сыплющихся на пол.

Девушка успела пройти полквартиры и уже выискивала в потоке студентов золотистые волосы Гриффита, как вспомнила о своей сумке с книгами. Она так и осталась валяться там, где Эйверил ее бросила, — на полу гостиной; утром все ее внимание оказалось сосредоточено на том, чтобы ускользнуть от житейской драмы, разворачивающейся на кухне. Девушка быстро повернула обратно, пытаясь сделаться невиди-

мой, иначе мать, заметив ее, заведет все сначала. «Я ветер, — твердила она про себя, открывая дверь подъезда. — Я... я морская пена».

«Морская пена! Это же имя!» — с ликованием подумала Эйверил и, не став дожидаться лифта, помчалась наверх, перескакивая через две ступеньки. Белая, словно оперение лебедя, взлетающая на гребнях волн и переплетающаяся с ветром, вечно изящная и вечно непредсказуемая... Эйверил распахнула дверь, оставила ее открытой на случай поспешного отступления и влетела в квартиру — и тут что-то промчалось мимо нее и исчезло за дверью, настолько быстро, что осталось лишь ощущение узловатых конечностей и вспышки.

— Моя волшебная палочка!

Визгливый крик ударил Эйверил, словно заклинание; девушка резко затормозила. Она в ужасе осознала, что это не ее квартира. Она ввалилась не в ту дверь. Хозяйкой квартиры оказалась огромная, древняя и невероятно уродливая волшебница, не то ведьма, не то свихнувшаяся колдунья. Она выглядывала из-за котла, что булькал на огне, разведенном прямо на полу гостиной, и сверлила Эйверил негодующим взглядом.

— Ты выпустила моего грейлинга!

— Извините! — с трудом выдохнула Эйверил.

По стенам и потолку вились какие-то растения; они что-то шептали огромными листьями и, кажется, дрожали от ужаса.

— Так не стой тут, разинув рот, как дура! Верни его!

Эйверил сжала губы, пытаясь обрести подобие достоинства.

— Извините, — повторила она. Несмотря на все усилия, голос ее дрожал. — Мне пора в школу. Я просто вернулась за своими книгами, но, видимо, ошиблась этажом. — Девушка начала медленно отступать к двери. — Я просто... может, ваш грейлинг внизу, на лестнице? Я схожу посмотрю. Честное слово, я не дам ему выскочить из подъезда.

У нее из-за спины донеслись стук и лязганье запираемой тяжелой входной двери. Ведьма за своим котлом начала раздуваться, как воздушный шар. Ее клочковатые седые волосы

встали дыбом; глаза, напоминающие на фоне морщинистой кожи отпечатки чьих-то пальцев, вымазанных в смоле, заворачивались и засверкали.

— Ты вернешь обратно моего грейлинга. Ты вернешь обратно мою волшебную палочку.

— Мне некогда!

— Ты их упустила. Ты их и вернешь.

— Мне пора на уроки! Сегодня мой День именованья!

Даже такая дряхлая кошелка когда-то предвкушала свой День именованья. Если в такой древности были имена.

— Ты. Вернешь. Мою. Волшебную. Палочку.

— Ладно, ладно,— пробормотала Эйверил. Главное — выбраться за дверь.

Темные глаза ведьмы превратились в щелочки.

— Пока ты не вернешь мою волшебную палочку и грейлинга, ты будешь невидимой. Никто тебя не сможет увидеть. Никто не услышит твой голос. Пока ты не вернешь моего грейлинга и мою волшебную палочку, даже собственное имя тебе не поможет.

— Но у меня нет времени,— еле слышно прошептала Эйверил; голос ее куда-то делся.— Мне нужно в школу.

— Тогда начинай прочесывать окрестности.

— Вы не можете так поступить! — Голос внезапно вернулся, высокий и пронзительный, как у закипевшего чайника со свистком.— Я лучшая ученица в классе! Мои учителя будут искать меня! Гриффит меня спасет!

— Иди!

Эйверил не смогла бы сказать, то ли это она двигалась, то ли это воздух вынес ее на лестничную площадку; дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной, вторя бормотанию ведьмы. На мгновение Эйверил остановилась; ее трясло, и в голове не было ни единой мысли. Потом она резко вдохнула: «Грейлинг!» — и стремительно помчалась вниз, перескакивая через две ступеньки зараз. А вдруг хранитель ведьмы все еще прячется где-нибудь внизу, в вестибюле?

Конечно же, его там не было.

Эйверил выскочила за дверь, лихорадочно пытаясь глядеть во все стороны сразу. Что этот самый грейлинг вообще

из себя представляет? Она напрягла память, но ничего из курса «Легендарные существа» на ум не шло. Что он любит? Воду? Кроны высоких деревьев? Пещеры? Способен ли он разговаривать? Эйверил не имела ни малейшего понятия. Мешанина бледных, смахивающих на корни конечностей да какой-то зеленовато-желтый свет — вот и все, что ей запомнилось. Видимо, первое принадлежало грейлингу, а второе — спертой им волшебной палочке. Эйверил от всей души надеялась, что грейлинг не располагает силами, необходимыми для использования этого предмета.

Тут улицу, ведущую к школе, пересекла знакомая фигура. — Тамара! — с облегчением позвала Эйверил.

Но стремительные шаги подруги не замедлились ни на йоту. Она сама окликнула кого-то; голос ее казался тихим и искаженным, словно бы раздавался из-под воды. Впереди обернулся темноволосый парень.

— Николаус! — Эйверил поспешила в их сторону. — Тамара!

Но никто не обратил на нее внимания. Они поздоровались друг с другом, а потом их нагнала Дейдра, ее рыжие волосы развивались. Друзья принялись возбужденно переговариваться и в конце концов огляделись по сторонам — они должны, просто-таки обязаны были увидеть Эйверил, которая бежала к ним, крича и размахивая руками.

Друзья выглядели озадаченно. Раздался удар колокола; его отзвуки, наползающие друг на друга, расходились с нарочитой медлительностью. Это был предупреждающий звонок: после первого колокола ворота запирались, и те, кто не успел войти, оставались снаружи. Все трое заторопились. Эйверил увидела в отдалении — сразу за воротами — Гриффита; он стоял, поджидая Николауса и девушек. Поджидая ее.

Но, как ни спешила Эйверил, друзья постоянно опережали ее. Словно — задыхаясь, как от бега, осознала Эйверил, — они всегда находились в следующем мгновении, в несколько отличающемся отрезке времени. Ей никак не удавалось их нагнать. В конце концов она остановилась, в отчаянии опустив руки: ее друзья прошли сквозь ворота; теперь дистанция между ними увеличилась еще больше. Девушки заговорили

с Гриффитом. Он пожал плечами, потом указал в сторону высокого окна, за которым должен был проходить их первый урок. «Может, Эйверил там?» — говорил этот жест. Первый колокол прозвонил трижды. Ворота начали закрываться. Когда последние студенты, толкаясь, заскочили внутрь, Эйверил заметила, что кто-то по-прежнему смотрит сквозь прутья решетки, внимательно оглядывая улицу. Эйверил узнала Флитча. Но потом даже он отвернулся и стал подниматься по широкой каменной лестнице, ведущей к входу в школу.

За спиной у девушки раздался какой-то грохот. Она подскочила и обернулась — как раз вовремя, чтобы увидеть грейлинга, балансирующего на стенке перевернутого им мусорного бака. Какой-то кот, очутившийся среди разбросанного мусора, раздулся вдвое и яростно зашипел. Грейлинг разинул пасть и зашипел в ответ. Наконец-то Эйверил удалось рассмотреть беглеца: это был нелепого вида бесенок, со здоровенными ушами и таким узким туловищем, что казалось, будто он состоит из костлявых конечностей и головы, как медуза. В руке бесенок держал палочку, на конце которой одуванчиком горел ореол света. «Волшебная палочка из комиксов! — с отвращением подумала Эйверил. — Такая куда больше подходит для дурацкой мультяшной феи, а не для этой зловредной карги с торчащими зубами».

Грейлинг прыгнул, перемахнув через бак и кота. Эйверил помчалась за ним. Никогда в жизни она не двигалась так быстро.

Когда девушка нагнала бесенка, он зыркнул на нее огромным серебристым глазом. Видимо, он наконец-то сообразил, что за ним гонятся, прибавил шагу и понесся по тротуарам и переулкам, словно перекасти-поле. Эйверил мрачно преследовала его. Никто больше этого не видел. Все прочие люди существовали в спокойном мире, где автобусные тормоза и сигналы машин издавали негромкий шум, а пронзительные вопли детей, играющих на школьной площадке, звучали словно отдаленный щебет хорошо воспитанных птиц.

Эйверил гналась за грейлингом по парку. Бесенок взлетел на дерево и оттуда корчил ей рожи до тех пор, пока Эйверил не согнала его несколькими метко пущенными шишка-

ми. Он провел девушку по веренице переколкин, потом исчез. Эйверил отыскала его в розари, за каждым ухом у него было по розе, и еще одна была зажата в зубах — он пытался притвориться кустом. Грейлинг махнул на нее волшебной палочкой, рассеяв между ними капли света; Эйверил, не успев затормозить, проскочила через эту завесу. Но ничего не произошло. Потом девушка услышала несколько низких, знакомых гулких ударов; этот звук двигался сквозь воздух с вязкой тягучестью и проникал в самое сердце Эйверил, в котором крепко отчаяние. Второй колокол. Сам час именованья. А она чем занимается в этот час? Гоняется за бесенком по миру, где никто из друзей не в состоянии ее увидеть.

Тут Эйверил вдруг посетила одна мысль. Девушка сбилась с шага, даже слегка споткнулась, и грейлинг прыжком вырвался вперед. Он резко свернул в заросли гигантских папоротников и там исчез.

«Ты ведь студентка школы волшебства, — гласила мысль. — примени же магию!»

Запыхавшаяся Эйверил замедлила шаг. Прищурившись, она оглядела папоротники в поисках хотя бы одного шелхнувшегося листа, хотя бы малейшего шевеления среди теней и лучей мягкого света. Ничего. Девушка прислушалась, настроив уши, как ее учили, так, чтобы услышать топоток многоножки по листу и шлепок жука о землю. Она уловила легчайшее дыхание. Или это были колыхания крыльев бабочки на ветру?

Эйверил вобрала в глаза и разум яркий, насыщенный свет с плавающими в нем пылинками, сфокусировала его, преобразовала в сверкающую, заостренную букву древнего магического алфавита и выпустила ее наружу резким выкриком, надеясь, что произнесла все правильно.

Папоротники засветились, словно кто-то устроил в них фейерверк. Среди этих сверкающих и кружащихся капель и брызг света грейлинг, прятанный за стволом папоротника, пулей взлетел на самую верхушку. Там он и повис, опасно раскачиваясь и что-то завывая по поводу Эйверил; глаза у него сделались размером с блюдца.

— Ха! — бросила в ответ Эйверил и кинулась на поиски волшебной палочки.

Палочку она отыскиала без труда — как только угасли зажженные девушкой огни, палочка осталась единственной светящейся вещью. Подобрав ее с земли, Эйверил озадаченно ее оглядела и осторожно прикоснулась к светящемуся ореолу. Свет не обжег ее и не изменился; Эйверил вообще ничего не почувствовала. Но зато она ощутила какой-то запах, несколько необычный для зарослей папоротника.

Ваниль?

Эйверил подняла голову и увидела, что рейлинг сжался в комок, раскачался и отчаянным прыжком слетел с верхушки папоротника — прямо в какого-то человека, который взялся не пойми откуда и застыл, пристально глядя на бесенка. Оба они рухнули наземь. Рейлинг вскочил, но недостаточно проворно. Неизвестный стремительным движением ухватил его за лодыжку и, задыхаясь, сказал:

— Попался!

Эйверил моргнула. Человек ухватил рейлинга за запястья и поднялся с земли. Он криво улыбнулся Эйверил, к которой наконец-то вернулся дар речи.

— Флитч!

— Привет.

— Что ты тут де... Откуда ты взялся?..

Флитч так покраснел, что показалось, будто даже воздух вокруг него зарделся; наверное, будь вокруг темно, он бы еще и засветился. Эйверил смотрела на него словно зачарованная. Лишь пальцы Флитча, стискивающие шипящего, скулящего, вырывающегося рейлинга, не забыли, зачем он здесь. У Эйверил брови полезли на лоб, да и голос взлетел на предельную высоту.

— Что ты тут делаешь? Ты пошел за мной?

— Хм... — Флитч с трудом слотнул. — Я тебя видел, но не мог до тебя дотянуться, пока ты не воспользовалась магией. Потом это странное заклинание перекрыло прореху во времени и снова свело наше время вместе — во всяком случае, достаточно надолго для...

— И вот ты здесь.

— Угу.

— В твой День именования.

— Ну... — протянул Флитч, покраснев еще сильнее, хоть это и казалось невозможным. — У тебя были неприятности. Вряд ли настоящие волшебники имеют возможность выбирать удобное время и место, чтобы делать то, что они считают правильным.

Эйверил, онемев, смотрела на Флитча. Он был выше, чем она предполагала; видимо, он всегда съеживался, когда Эйверил оказывалась поблизости. Его темные, ниспадающие прядями волосы успешно прятали лицо, но сейчас девушка могла рассмотреть черты, и оказалось, что они достаточно приятные. Она полагала из-за темных волос и смуглой кожи, что и глаза у Флитча тоже темные. Но прежде он не давал Эйверил возможности встретиться с ним взглядом, и лишь теперь она заметила за завесой волос голубой проблеск.

— Ты меня видишь! — выдохнула Эйверил.

Флитч коротко кивнул, уклонившись попутно от пинка рейлинга, метившего ему в голень.

— Никто больше меня не видит! Это часть заклинания!

— Так я и подумал, когда наблюдал, как ты зовешь своих подруг, а они тебя не замечают.

— Тогда почему ты меня видишь?

На губах Флитча промелькнула легкая кривоватая улыбка.

— Так вышло, что это одна из тех вещей, которые мне хорошо даются, — распознавать присутствие магии. И еще... — Он помедлил, подбирая слова и не обращая внимания на рейлинг, прыгающего на его ногах. — Ты, может быть, замечала. Я на тебя смотрел.

— Не ты один, — поспешно заметила Эйверил, опасаясь, что, если Флитч покраснеет еще сильнее, ему может стать нехорошо.

Юноша снова посмотрел ей в глаза.

— Ты понимаешь, о чем я. Мне всегда хотелось пообщаться с тобой, но я думал, что тебе это будет неинтересно.

— И потому ты прогулял занятия в День именования? Надеялся поговорить со мной, когда я наконец-то оказалась в одиночестве?

Флитч широко улыбнулся, и Эйверил с удивлением увидела, что эта улыбка преобразила его: теперь его лицо сделалось открытым и бесстрашным.

— Верно. Я подумал, что, может, мы побеседуем, пока ты будешь гоняться за этим мелким гоблином вокруг мусорных баков и среди деревьев.

— Тогда почему ты просто не сообщил об этом кому-нибудь из преподавателей? — допытывалась сбитая с толку Эйверил. — Тебе не пришлось бы пропускать именование.

— Я знаю свое имя, — просто ответил Флитч. — И не нуждаюсь в том, чтобы записывать его древними буквами на куске коры и сжигать на костре из ветвей дуба. Это всего лишь ритуал.

Эйверил открыла рот, но не сумела вымолвить ни слова. Грейлинг внезапно оскалился и попытался тяпнуть Флитча за пальцы. Девушка стукнула его по голове волшебной палочкой.

— Пожалуй, я лучше верну эту тварь на место, пока она снова не удрала от меня, — произнесла Эйверил.

Сорвавшийся с волшебной палочки свет засверкал и засиял в воздухе вокруг них.

— А чей он?

— Одной сварливой старой ведьмы, больше всего смахивающей на кабана-бородавочника. Это она наложила на меня заклинание, когда я случайно позволила ее грейлингу сбежать.

Флинт буркнул нечто невнятное, глядя на искры, проплывающие мимо носа.

— Занятный свет. Такое впечатление, что от этой палочки ничего особо не меняется. Тебе так не кажется?

— Да, верно. И запах странный. Напоминает...

— Ваниль.

Эйверил покачала головой.

— Странно...

— Хочешь, я тебе помогу вернуть его обратно?

Эйверил задумалась. Искушение было велико, но она все-таки покачала головой. Незачем давать ведьме дополнительные возможности устроить еще какую-нибудь гадость.

— Нет. Это моя проблема... Но теперь ты не сможешь вернуться в школу!

Флитч снова криво улыбнулся.

— У меня свои способы.

— Что, правда?

— А разве они не у всех имеются?

— Нет,— удивленно отозвалась Эйверил.— Я всегда соблюдаю правила. По крайней мере, в школе.

— Да, и это тоже способ,— улыбнулся Флитч.

— Надо же! — воскликнула Эйверил.— Я даже не знала, что ты умеешь улыбаться.

Девушка перехватила костлявое запястье грейлинга и подумала о том, что же еще происходит в непонятном царстве, что скрывается за непослушными волосами Флитча.

— Я всегда получала отличные оценки. Как же так вышло, что ты знаешь то, чего не знаю я?

Флитч пожал плечами.

— Ты очень умная. Все обращают внимание на то, что ты делаешь. Потому тебе приходится следить за собой. А я приспособился делать то, чего никто не замечает.

Эйверил поразмыслила над его словами; грейлинг тем временем пытался бегать вокруг нее кругами.

— Может, мы могли бы поговорить? — предложила она.— Как-нибудь в ближайшее время?

Флитч снова покраснел, но уже не так сильно.

— Я бы с удовольствием.

— Пожалуй, и я тоже.

Вертящийся грейлинг чуть не сбил девушку, но потом напнулся на подставленную ею ногу.

— Наверно, мне лучше покончить с этой ведьмой,— мрачно сказала Эйверил, вздергивая грейлинга.— Спасибо за помощь. Это было очень мило с твоей стороны.

— Ты точно не...— с сомнением произнес Флитч, отступая от Эйверил.

— Мне все-таки хочется думать, что вся моя учеба чего-то стоит.

— Тогда ладно. Желаю тебе успешно разобраться со всей этой историей.

— Спасибо,— поблагодарила Эйверил и поволокла обо-
зленного грейлинга в противоположную сторону.

Когда за ними захлопнулась дверь подъезда, грейлинг на-
конец-то перестал брыкаться. Он тихо ковылял по ступеням
следом за Эйверил, лишь время от времени что-то бормоча
себе под нос; одна его узкая рука была крепко сжата рукой де-
вушки, другая безвольно болталась. Эйверил почти не раз-
бирала слов бесенка. Она пыталась сообразить, как же Флитч
возвращается в школу и не попадаетеся. Может, он уже на-
учился быть невидимым? Интересно, что еще он освоил са-
мостоятельно, пока она изучала только то, что от них требо-
валось? Станет ли он благодаря нарушению правил волшеб-
ником более высокого класса, чем она? Или, скажем, чем
Гриффит, который, конечно же, пропустил бы свой День име-
нования ради того, чтобы прийти ей на помощь — если бы
смог ее увидеть. Или не пропустил бы? Скорее уж он посту-
пил бы практично и просто сообщил бы кому-нибудь из пре-
подавателей, что у нее явно неприятности. Как Эйверил ни
старалась, ей все же не удавалось представить Гриффита, ко-
торый пропускает свое именование и тайком удирает из шко-
лы, желая помочь ей поймать свихнувшегося хранителя ка-
кой-то ведьмы.

Она настолько глубоко погрузилась в размышления, что
по привычке отворила дверь собственной квартиры. Мать —
она сидела на диване и что-то читала — подняла голову и
улыбнулась дочери. Лишь в этот момент Эйверил с ужасом
вспомнила, кого она держит за руку.

— Привет, ма,— поспешно бросила девушка и попяти-
лась, она не хотела объяснять присутствие грейлинга.— Ой.
Я сейчас, через минуту...

— Спасибо, Эйверил.— Мать вздохнула.— У меня уже
много лет не было такого спокойного утра.

Грейлинг вырвался от Эйверил, подбежал к дивану и вска-
рабкался на него рядом с матерью.

— Я устал! — заныл Феликс, плюхаясь матери на коле-
ни.— Устал, устал, устал, устал...

— Это замечательно, солнышко.

Застывшая в дверях Эйверил наконец-то вспомнила, как дышать. Глаза резало, как будто в них надуло волшебной пыли. Эйверил с изрядным усилием обратила взгляд на волшебную палочку, которую держала в руках.

Это была деревянная ложка с длинной ручкой.

— Ма... — Голос Эйверил напоминал кваканье лягушки. Она по-прежнему не могла пошевелиться. — Как ты... как ты могла...

— Ты же видела, в кого я превращаюсь. И никто меня не слушал.

— Но как?..

— Я успела кое-чему научиться в школе, прежде чем уйти оттуда и родить тебя. — Мать нежно погладила Феликса по голове; малыш уже спал. — Покой... — с довольным видом выдохнула она.

— Ма. Сегодня был мой День именованья.

Мать лишь посмотрела на нее. Эйверил увидела в ее глазах ту ведьму; потом глаза матери сделались мрачными, проныцательными, все еще наполненными отголосками магии.

— Кстати, а ты все-таки выбрала имя?

Эйверил вспомнила себя прежнюю, ту, которая не далее чем сегодня утром так беспечно перебирала и отвергала всякие восхитительные имена. В конце концов она сдвинулась с места и затворила дверь. А потом шлепнулась на диван рядом с Феликсом.

— Нет, — призналась Эйверил, наматывая прядь волос на ручку ложки. — И теперь думаю, что мне никакое не подойдет.

— У меня есть имя, которым я не пользовалась с того момента, как ушла из Оглесби, и до сегодняшнего дня, — помолчав мгновение, произнесла мать. — Могу подарить, если хочешь.

— Правда? — Эйверил уставилась на мать в приступе любопытства. — И что это за имя?

Мать перегнулась через Феликса и прошептала на ухо дочери имя. Оно пронзило Эйверил насквозь, словно воздух и свет. Ее глаза округлились, а в голове пронесся вихрь видений и чар.

— Ма, это блестяще! — подскочив, воскликнула она. — Это потрясающе!

Феликс зашевелился, и они принялись гладить его, пока мальчик не притих снова.

— Как ты до этого додумалась? — тихо поинтересовалась Эйверил.

— Оно просто пришло, когда я стала его искать. Так что?

— Ты уверена? Ты вправду хочешь, чтобы я взяла его?

Мать усмехнулась.

— Я вправду не хочу снова впасть в искушение и применить магию против собственных детей. Как бы то ни было, с тех самых пор, как ты стала интересоваться волшебством, я мечтала отдать его тебе. Ведь в нем — значение всей той чудной магии, которую ты можешь сотворить. — Она помолчала и откинула с лица дочери прядь блестящих волос. — Но в последнее время я не была уверена, что оно тебе понравится.

— Оно мне очень нравится, — мягко сказала Эйверил. — Как никакое другое имя. Я сама никогда бы до него не додумалась, но оно безупречно. Оно ощущается в точности как я.

— Вот и хорошо. — Мать встала и забрала у дочери ложку. — Хорошо, что ты принесла ее обратно. Это моя любимая ложка с длинной ручкой.

— Ты не оставила мне выбора. — Эйверил смотрела, как мать прошла на кухню и поставила ложку в банку с утварью. — Из тебя получилась отличная злая ведьма.

— Спасибо, солнышко. Ты не голодна? Может, съешь бутерброд, а потом уже пойдешь в школу?

— Ты же знаешь, что меня не впустят после первого колокола.

— Это так говорят, — хихикнув, сообщила мать. — Но если ты найдешь способ пробраться внутрь, то тебя уже никто не выгонит.

Эйверил изумленно на нее уставилась. Потом в каком-то уголке сознания у нее что-то забрезжило; Эйверил уцепилась за краешек мысли, и та стала отчетливее. Ее мать отказалась от всех знаний, которые можно приобрести в Оглесби, от всего, что они несли с собой, — и все это ради рождения Эйверил и заботы о ней. А теперь это невероятное имя...

Девушка набрала воздуху в грудь и прошептала:

— Я его не пропустила.

— Что? — переспросила мать, которая чуть ли не с головой забралась в холодильник и что-то искала среди банок.

— Мое именование. Ты только что дала мне имя.

Мать повернулась. В руках у нее были майонез, горчица, маринованные огурцы, холодное мясо и пучок латук-салата.

— Что-что, солнышко? Я не расслышала.

— Да так, ничего особенного, — отозвалась Эйверил и собрала все силы, чтобы выговорить слова самого трудного и ужасного заклинания: — Я присмотрю за Феликсом до вечера, если ты хочешь куда-нибудь сходить.

Это мать расслышала отлично.

Элизабет Хэнд

ЖЕНА ЗИМЫ

Элизабет Хэнд, один из самых уважаемых писателей своего поколения, получила одновременно премию «Небьюла» и Всемирную премию фэнтези за книгу «*Last Summer at Mars Hill*». Хэнд не раз была финалисткой Всемирной премии фэнтези. Ее перу принадлежат романы «*Winterlong*», «*Aestival Tide*», «*Icarus Descending*», «*Image of Support*», «*Walking the Moon*», «*Glimmering*», «*Black Light*». Хэнд написала множество романов из цикла «Звездные войны», в том числе «*Maze of Deception*», «*Hunted*», «*A New Treat*», «*Pursuit*». Ею созданы новеллизации таких фильмов, как «*Twelve Monkeys*» («Двенадцать обезьян»), «*Anna and the King*» («Анна и король»), «*Cat-woman*» («Женщина-кошка»).

Элизабет Хэнд живет вместе со своей семьей в Линкольн-вилле, штат Мэн.

В своем рассказе, от которого бросает в дрожь — и вполне обоснованно, — автор показывает, что случается, когда деньги, влияние и новомодные технические приспособления вступают в конфликт с древней магией. Старой, медленной, холодной и непоколебимой, как камень.

Полное имя Зимы звучит как Родерик Гейл Зима. Но все в округе Пэсвегас — а не только те, кто с ним лично знаком, — зовут его просто Зима. Прежде он жил в старом школьном автобусе, который стоял на дороге за нашим домом, и моя мать часто мне рассказывала, что, когда она только переехала сюда, Зима ее пугал до потери сознания. Собственно, ее пугал даже не лично он — к тому времени она его ни разу не видела. Пугал сам факт, что вот этот старый школьный автобус торчит среди леса, и из трубы идет дым, и огромные

груды наколотых дров вокруг, и вагонетки, и краны, и всякое тяжелое оборудование, а летом — цепи и тому подобные штуки, а на вырубке со здорового шеста — мать говорила, он смахивал на виселицу — свисает олень и мертвые койоты, и на снегу кровь, а однажды там торчала огромная кабанья голова с клыками — мать утверждала, что это было даже страшнее, чем койоты. Вообще-то, если подумать, звучит это все достаточно неприятно, так что трудно ее упрекать за то, что она от него шарахалась. Сейчас это даже забавно, поскольку они с Зимой лучшие друзья, хотя это значит не так много, как в других местах, вроде Чикаго, откуда мать приехала, потому что, я думаю, в Шейкер-Харборе всякий считает, что Зима — его друг.

Кстати, этот школьный автобус внутри был довольно неплох.

Род Зимы проживал в Шейкер-Харборе на протяжении шести поколений, да и корни его где-то тут, в штате Мэн.

«Во мне кровь пассамакводов, — так говорит Зима. — Если я куда-то перееду отсюда — я растаю».

Хотя он не похож на индейца; мать считает, что если в нем и вправду есть индейская кровь, то сильно разбавленная. Зима очень высокий и тощий — не болезненно тощий, а сухопарый и мускулистый, и сутуленный, потому что ему много лет приходилось пригибаться, ныряя в дверь этого школьного автобуса. Он всегда носит бейсболку с надписью «Лесхоз Зимы», и я помню, каким для меня было потрясением, когда я однажды увидел его на собрании жителей города без этой бейсболки, и оказалось, что он почти лысый. Он охотится и сам разделывает оленей, но не ест их — он рассказывал, что вырос в нищете, в хижине, где даже не было деревянного пола, только утоптанная земля, и что в его семье ели все, что удавалось добыть охотой, включая змей, скунсов и каймановых черепах. Поэтому он всю добычу отдает, а когда его кто-нибудь нанимает забить домашнюю скотину и дает свежее мясо, он и его отдает тоже.

Именно так мать с ним и встретилась, в ту свою первую зиму, пятнадцать лет назад, когда она поселилась здесь одна, беременная мною. Была сильная метель, мать выглянула в

окно и увидела, что какой-то высокий мужчина топает через снег и несет большой бумажный пакет.

— Вы вегетарианка? — спросил он, когда мама открыла дверь. — Все говорят, что тут живет леди, которая ждет ребенка, и что она вегетарианка. Но по-моему, вы не похожи на вегетарианку.

Мама сказала, что нет, она не вегетарианка, она дипломированный терапевт-массажист.

— Ладно, что бы эта хрень ни значила, — ответил Зима. — Можно, я войду? Боже мой! Это у вас буржуйка такая?

Понимаете, моя мать забеременела от донора спермы. Она все распланировала: как она переедет на север, как родит ребенка и вырастит его сама, как будет жить в близости с природой, работать терапевтом-массажистом, развешивать кристаллы по окнам, и от них будет идти хорошая энергия, и вообще все будет здорово. Возможно, так бы и было, если бы она переехала куда-нибудь в Хантингтон-Бич или даже в Бостон, где потеплее и где есть хорошие скейт-парки. Здесь же до ближайшего скейт-парка два часа езды, и снег лежит с ноября и до конца мая. А весной даже по дорогам на скейте не проедешь, потому что дороги тут грунтовые и рытвины на них такие, что в них впору селиться. А вот на сноубордах тут кататься здорово, особенно с тех пор, как Зима разрешил нам прыгать прямо за его домом.

Но это все было задолго до катания на сноубордах, еще накануне моего появления. Мама жила в крохотном двухкомнатном домике без водопровода и уборной, с древней дровяной плитой, которую тут называют буржуйкой; выглядела печка неплохо, только почти не грела, и из трубы то и дело бил факел. Собственно, Зима про маму узнал следующим образом: после визита к ней пожарного-добровольца в шейкер-харборском универмаге все только и говорили, что про чокнутую леди, которая купила у Мартина Вида его развальношку. Судачили, что она ждет ребенка и то ли замерзнет до смерти, то ли спалит домишко — не исключено, что и то и другое вместе, — и что, может, туда ей и дорога, только вот младенца жалко, он тогда тоже околеет или сгорит.

Потому Зима пошел к маме и отдал ей оленину. Он осмотрел поленицу и сказал, что мама топит свежесрубленным,

непросушенным деревом, которое выделяет креозот, оттого факел и получается, и спросил, кто ей эти дрова продал. Мама ответила. А на следующий день парень, который их маме продал, приехал, сгрузил три корда сухих поленьев и укатил, не сказав ни слова, а еще через день появились двое других с новехонькой буржуйкой, уродливой, но зато отлично работающей, и с кожухом, чтоб малыш не обжегся, если вдруг притронется. А на третий день пришел Зима, желая убедиться, что печку установили правильно. Он затянул все окна в домике листами полиэтилена, потом показал маме, где в лесу родник, в котором можно набирать воду, а не покупать канистры в продуктовом магазинчике. Еще он дал ей ночной горшок, чтобы ей не приходилось навещать уборную во дворе, и сказал, что знает людей, которые могут недорого продать ей биотуалет.

Все это может навести вас на мысль, что, когда я говорю «жена Зимы», я имею в виду маму. Но это не так. Жена Зимы — совсем другая женщина.

Когда я рос, Зима постоянно бывал у нас дома. И я, когда стал постарше, начал ходить к нему в гости. Зима рубит деревья — это называется «санитарные порубки»; рубит он для людей, но еще и для того, чтобы лес мог обновляться и быть здоровым. Потом он колет эти бревна на дрова. У него есть портативная лесопилка — одна из тех жутких штук, которые мама заметила у него во дворе, также он делает пиломатериалы, из которых жители строят дома. А еще он аукционист, а еще он играет на банджо и на такой штуке вроде стиральной доски, подобные можно увидеть в старых фильмах. Зима показывал мне, как «дать прикурить» мотору при помощи петли из провода и как резать по дереву, как устраивать шалаш на дереве и как стеклить окно. Когда мама решила сделать небольшую пристройку к дому, для ванной комнаты, Зима провернул кучу плотницкой работы, заодно обучая меня.

А еще он может сказать, где под землей есть вода, просто походив с согнутой палочкой. Многие считают, что это просто блажь, вроде того, чем мама увлекается, я и сам так подумал, когда впервые об этом услышал.

Но как-то раз мы с моим другом Коди отправились посмотреть, как Зима это делает. Коди — он моих лет, ему по-

чти четырнадцать. Мы болтались на участке Зимы и убирали обрубленные сучья. Зима разрешал нам скатываться на сноубордах с холма за школьным автобусом. Там мы соорудили отличный трамплин, а Зима придержал для нас груды некондиционных обрезков горбыля к весне, когда мы сможем построить еще и желоб для скейта.

Но вот весна пришла, а поскольку у нас на самом деле не было денег заплатить Зиме за все это, он приставил нас убирать обрубленные сучья. Так что таскали мы их, то и дело прихлопывая мошку. Коди готов был уже заявить, что он пошел делать уроки — соврать, потому что нам ничего не задали, — но тут появился Зима в своем пикапе, он высунулся из окна и заорал нам:

— Эй, ребятня, хотите посмотреть на настоящую работу?

Сначала мы с Коди заспорили, кто поедет на переднем сиденье рядом с Зимой, а потом — кто поедет в кузове, на самом деле это куда прикольнее. Мы препирались так долго, что Зима рывкнул на нас и загнал обоих в кузов.

Так мы и приехали на место, где Зима должен был работать. На этом поле когда-то стояла молочная ферма, но дела у нее шли неважно, и хозяину пришлось ее продать. Миссис Уиттон, преподавательница в старших классах, собиралась поставить тут небольшой блочный дом. Но несколько лет назад была сильная засуха, и куча источников пересохла. У Миссис Уиттон не было особых денег, чтобы рыть вокруг, выискивая источник наугад, поэтому она наняла Зиму — найти точное место.

— Джастин! — обратился ко мне Зима, выпрыгнув из грузовичка. — Дай-ка мне вон ту ножовку...

Я протянул инструмент, потом мы с Коди пошатались по окрестностям некоторое время, пока Зима бродил по краю поля среди кустов и тощих деревьев. Через несколько минут он спилил ножовкой длинный, тонкий побег.

— Есть! — крикнул Зима и затопал обратно на поле. — Если мы хотим найти воду — первым делом нужно найти иву.

Была ранняя весна, и на деревьях еще не было листьев, так что спиленный побег был покрыт серыми пушистыми «котиками». Зима счистил сережки-«котики», и у него осталась

раздвоенная вилкообразная палка. Он взялся за два конца, как за велосипедный руль, и принялся кружить по полю.

Выглядело это странно. Потому поначалу мы с Коди ржали — мы не хотели, но просто не могли удержаться. Смешно было смотреть, как Зима ходит взад-вперед с этой палкой в руках. Он смахивал на Франкенштейна. Даже миссис Уиттон улыбалась.

Но потом все вокруг словно застыло. Не стихло — слышно было, как ветер шуршит в ветвях деревьев, как птицы щебечут в лесу, где-то далеко кто-то заводит бензопилу, — но все равно, чувство было такое, будто ты очутился в фильме, где сейчас что-то должно произойти. Солнце пригревало; пахло землей, навозом и таволгой. Коди отгонял от себя мошку и ругался. У меня закружилась голова — но не по-плохому, а как бывает, когда школьный автобус подпрыгивает на ухабе и ты подлетаешь на сиденье. В нескольких футах от нас Зима продолжал идти по очень прямой линии, держа ивовую палку точно перед собой.

И внезапно палка начала клониться. Не в том смысле, что Зима ее стал сгибать. Я имею в виду саму палку: будто она стала резиновой, и ее кто-то схватил и рванул к земле. Только палка была не резиновой, а самой что ни на есть деревянной, и рядом никого не было — но она все равно согнулась и укачала на пятно мха между комьями земли.

— Ой, блин, — произнес я.

Коди заткнулся и уставился на Зиму. И миссис Уиттон тоже.

— О господи! — пробормотала она.

Зима остановился, вертя палку так, словно он с ней борется. Потом палка нырнула вниз, Зима воскликнул: «Оп-па!» — и выпустил ее из рук. Мы с Коди помчались к нему.

— Вот оно, — удовлетворенно заметил Зима.

Он вытащил из кармана розовую геодезическую мерную ленту и отрезал кусок. Я недоверчиво посмотрел на ивовую палку, почти ожидая, что та сейчас вскинется, как змея, но она не шевелилась. Секунду спустя я ее подобрал.

— Как вы это сделали? — тут же спросил Коди.

— Я этого не делал, — невозможно сказал Зима.

Он забрал у меня палку, отломал раздвоенную часть и бросил в сторону. К тому, что осталось, он привязал ленту и воткнул палку в землю.

— Это сделало дерево. Дерево говорит с тобой, если умеешь слушать.

— Что, правда? — удивился я. — А можете мне как-нибудь показать, как это у вас получается?

— Конечно, — кивнул головой Зима. — Только не сегодня, мне еще кое-кого отбуксировать надо. Но как-нибудь обязательно.

Они с миссис Уиттон заговорили о деньгах и о том, у кого самые выгодные расценки на бурение. Когда мама в следующий раз проезжала мимо этого поля, буровая установка уже вгрызалась в землю на том самом месте, где торчала палка Зимы. Еще позже я натолкнулся на миссис Уиттон в школьном вестибюле и выяснил у нее, что источник уже откопали и все готово для того, чтобы качать оттуда по сто галлонов в минуту, как только будет фундамент и привезут дом.

Вскоре после этого Зима объявил, что собирается в Рейкьявик.

Я уже был дома после школы, и Зима зашел к нам поболтать.

— А Рейкьявик — это где? — поинтересовался я.

— В Исландии, — ответила мама. Она распахнула окно и уселась за кухонный стол напротив нас с Зимой. — С чего вдруг тебе понадобилось ехать в Рейкьявик?

— Забрать оттуда жену, — пояснил Зима.

— Жену? — У меня глаза полезли на лоб. — Вы что, женаты?

— Не-а. Потому-то я и еду за ней в Исландию. Мы с ней познакомились в сети и решили пожениться.

Казалось, мама потрясена.

— В Исландию?

Зима пожал плечами.

— Где же еще искать жену — с моей-то фамилией?

И он отправился в Исландию. Я думал, он уедет самое меньшее на месяц, но прошла всего неделя, как зазвонил телефон, мама сняла трубку, и оказалось, что это Зима. Он сообщил, что благополучно вернулся и что супруга с ним.

— Невероятно. — Мама положила трубку и покачала головой. — Он пробыл там четыре дня, женился, и вот они вернулись. Прямо не верится.

Несколько дней спустя Зима представил ее нам. Учебный год уже почти закончился, и мы с Коди кидали всякую фигню в мой шалаш на дереве, используя окно в качестве мишени. Палки, летающие тарелки, сломанную игрушку йо-йо. Всякое такое.

— Зачем вы пытаетесь разрушить дом? — раздался женский голос.

Я обернулся. Позади стоял Зима, засунув руки в карманы джинсов и ухмыляясь; бейсболка была так сдвинута на затылок, что козырек смотрел почти в небо. Рядом с ним находилась женщина, едва достающая ему до плеча, такая тоненькая, что сначала я принял ее за подростка — подумал, может, какая-то девчонка заехала сюда на велосипеде или напросилась покататься в кузове грузовичка Зимы. Но фигура у нее была не детской, а глаза — и подавно.

— Джастин. — Зима расправил плечи и перешел на насмешливо-официальный тон. — Я рад познакомить тебя с моей женой. Вала, это Джастин.

— Джастин. — Она повторила мое имя так, что у меня мурашки побежали по загривку, она словно пробовала его на вкус. — Глеур миг ау кюннаст тер. По-исландски это значит «приятно познакомиться».

Вообще-то она говорила без акцента, хотя скорее на английский манер, чем на американский. И уж точно не походила ни на кого в штате Мэн, хотя и была одета вполне нормально: черные джинсы и черная футболка. На ней были какие-то странного вида синие ботинки на толстой подошве, и я подумал, что такие, наверное, носят в Исландии. И еще ярко-синяя ветровка. У нее были длинные, прямые черные волосы, собранные в два хвоста — единственное, что придавало ей сходство с девчонкой, — а также чуть раскосые глаза, небольшой рот и светлая кожа — я в жизни не видел никого настолько белокожего.

Вот от глаз меня в дрожь и бросило. Они были удлинённые, узкие и очень-очень темные, настолько темные, что

зрачка не разглядеть. И не карие, а синие — темно-синие, почти до черноты. Я никогда прежде не видел глаз такого цвета, и теперь, когда увидел, не очень-то они мне понравились. Они были холодные — не то чтобы недоброжелательные или злые, а просто холодные. Или это я похолодел от взгляда на них.

И хотя она казалась молодой — потому что была худощавая, и в волосах совершенно не было седины, а на лице морщин, — но отчего-то было ощущение, будто она притворяется молодой. Как когда кто-то притворяется, будто любит детей, а на самом деле это не так. Хотя у меня не сложилось впечатления, будто Вала не любит детей. Скорее у нее был озадаченный вид, как будто мы ей казались не менее странными, чем она — нам.

— Вы так и не ответили, почему пытаетесь сломать дом, — настаивала она.

Я пожал плечами.

— Да мы вообще-то не пытаемся. Мы просто кидаем всякие штуки в окошко.

Коди посмотрел на Валу и стал искать новые камушки для нашего занятия.

Вала невозмутимо взглянула на него.

— Твой друг очень груб.

Она оглядела Коди с ног до головы, потом двинулась к шалашу. Он находился в развилке здорового старого клена и был построен так основательно, что при желании там можно было жить — только вот крыши не было.

— Что это за дерево? — обратилась она к Зиме.

— Красный клен, — откликнулся он.

— Красный клен, — пробормотала Вала. Она провела рукой по стволу — погладила его, словно кошку. — Красный клен...

Вала повернулась ко мне.

— Ты построил этот дом? Сам?

— Нет.

Вала ждала, с таким видом, словно с моей стороны было бы грубостью не ответить подробнее. Потому я подошел к ней и неловко остановился, глядя на основание шалаша.

— Мне помог Зима. То есть ваш муж — мистер Зима.

— Мистер Зима.

Внезапно Вала рассмеялась, забавно, как совсем маленький ребенок.

Секунду спустя я засмеялся тоже.

— Так значит, я миссис Зима? Но какая жена подойдет Зиме — может, Весна?

При этих словах она состроила такую мину, словно знала, как глупо это звучит, а потом взяла меня за руку. Она прижала меня так, что мы оба прижались к дереву вплотную. Я был смущен — может, в Исландии и принято так себя вести, а здесь, в штате Мэн, — точно нет, — но одновременно с этим и польщен. Польщен тем, как она на меня смотрит — краем глаза, и как улыбается — не как ребенку, а как взрослому... в общем, словно она знала какой-то секрет и вела себя так, будто я его тоже знаю.

Я, конечно же, ничего такого не знал. Но все равно было клево, что она так думает. Она выпустила мою руку и снова стала трогать дерево, поглаживая пятно лишайника.

— В Исландии нет деревьев. Ты знал? Совсем нет деревьев. Их все срубили давным-давно и построили дома, или корабли, или заготовили дрова. И с тех пор у нас нет деревьев — только камни и кусты, достающие вот досюда...

Она указала себе по колено, потом постучала по стволу клена.

— И еще вот такое — лишайник и мох. Знаешь, у нас есть на этот счет одна шутка. — Она вздохнула. — Что нужно делать, если в Исландии ты заблудился в лесу?

Я покачал головой.

— Понятия не имею.

— Надо встать.

До меня лишь пару секунд спустя дошло, что она имеет в виду. Тогда я захохотал, и Вала улыбнулась мне. И у нее снова сделался такой вид, будто она ждет, что я тоже что-нибудь ей расскажу. Я хотел быть вежливым, но мне ничего не шло в голову, кроме мысли о том, до чего же это странно — приехать из места, где деревьев нет вообще, в Мэн, где деревья повсюду.

Потому я заинтересовался:

— Э-э... а вы скучаете по родственникам?

Вала взглянула на меня как-то странно.

— По родственникам? Им нравится жить среди камней Исландии. А я устала от камней.

Лицо ее на миг омрачилось. Тут Зима положил руки ей на плечи, и Вала подняла голову.

— Джастин, твоя мать дома? — спросил Зима. — Мы вообще-то в город, забежали просто поздороваться и познакомиться...

Я кивнул и махнул рукой в сторону дома. Зима уже повернул туда, когда Вала вновь пристально посмотрела на меня.

— Он говорил о тебе много хорошего. Что вы с ним... у нас называют феогар — как отец и сын. Так что я буду твоей крестной.

Она наставила на меня палец, а потом медленно поднесла его к моему лицу и коснулась подбородка. Я невольно ахнул: ее прикосновение было настолько ледяным, что аж обожгло.

— Вот, — пробормотала она. — Теперь я всегда буду знать тебя.

И она отправилась следом за Зимой, в дом. Когда они ушли, Коди приблизился ко мне.

— Чё это она чудит, а? — Он посмотрел на дом. — Она похожа на ту рок-певицу, Бьенк.

— Не Бьенк, а Бьорк, придурок.

— Да какая разница! Кстати, а Исландия — это где?

— Без понятия.

— И я тоже. — Коди указал на мой подбородок. — Эй, чувак, у тебя кровь идет.

Я нахмурился, потом осторожно потрогал то место, которого касался палец Вала. Крови никакой не было, но позднее, вечером, я увидел там красное пятно в форме отпечатка пальца. За несколько дней оно потускнело и в конце концов исчезло, но я до сих пор его иногда чувствую — оно вроде как ноет, особенно когда холода или снегопад.

В том же месяце Томас Тарни вернулся в округ Пэсвегас. Он, наверное, был самым знаменитым человеком во всем штате, после Стивена Кинга, но Кинга здесь все любят, а про

Тарни я не слышал ни одного доброго слова; когда он уехал, все только и сказали — скатертью дорога. Даже моя мама, которая прямо из себя выходит, если о ком-то отзовешься плохо, — даже если он первый тебя стукнул! — и та никогда не любила Томаса Тарни.

— Он из тех людей, которые уверены, что деньги решают все, а если не получается что-то купить, они уничтожают это, чтобы не досталось никому.

По правде говоря, Тарни мало чего не мог себе позволить, особенно в Пэсвегесе. Тут люди не слишком зажиточные. Они стали зарабатывать больше, когда телемаркетинговая компания Тарни перебралась в наш штат и понаставила своих телефонных центров повсюду — один даже неподалеку от Шейкер-Харбора, то есть практически на краю света. Тогда те, кто прежде был рыбаком, или фермером, или преподавателем, или медсестрой, но больше уже не мог прожить на свое жалованье, стал работать в «Интернэшнл корпорейт энтерпрайз». ИКЭ платила не очень много, но, думаю, в целом неплохо, если вы не против сидеть в крохотной кабинке и звонить незнакомым людям, отрывать их от ужина и раздражать их так, что они либо начинают ругаться на вас, либо просто бросают трубку.

Однажды, когда мама слышала наши с Коди высказывания насчет тех, кто работает в ИКЭ, она отвела нас в сторонку и напомнила, что мы должны следить за своей речью, и что даже если мы ненавидим эту компанию, она дает людям работу, а с этим нужно считаться. В конце концов, многим из тех, кто работал в ИКЭ, жизнь в нашем городке стала не по средствам, потому что Тарни отдал все хорошо оплачиваемые должности своим приятелям из разных мест, они купили здесь землю, которая всегда была дешевой, и построили здоровенные навороченные дома. И нормальным людям все в Шейкер-Харборе стало не по карману — если только у них не было своего дома или участка земли, как у мамы или Зимы.

Но потом Тарни поймали на чем-то нехорошем — то ли он украл деньги у собственной фирмы, то ли еще чего. ИКЭ купила более крупная компания, которая свернула всю дея-

тельность в Мэне. Сотрудники, которые работали в ИКЭ, потеряли места, и многие, у кого не было своего дома или земли, остались без жилья, потому что не могли больше платить по счетам. Вот тут-то люди просто возненавидели Томаса Тарни. Но это ни к чему не привело, у него не случилось никаких неприятностей. В смысле, его не посадили в тюрьму, он ничего не лишился — ни денег, ни дома в Кеннебанкпорте, ни яхты, ни личного самолета.

На самом деле вышло наоборот: Тарни обзавелся землей рядом с участком Зимы. Когда Зима об этом узнал, он просто взбеленился.

— Этот сучий сын купил старую ферму Лонни Паккарда! — завопил он.

Мы с Коди переглянулись и ухмыльнулись, но ничего не сказали. Коди, как и мне, хотелось засмеяться — кто же сейчас употребляет выражение «сучий сын»? — но при этом нам было не по себе, потому что мы никогда прежде не видели Зиму в ярости.

— Я не могу винить Лонни, — продолжал Зима, переступая с ноги на ногу и дергая свою кепку. — Ему в прошлом году пришлось загнать свою лодку для ловли омаров, потому что он не мог внести налоги, а потом он попал в аварию, и ему нечем было расплатиться за лечение. А тут у него на берегу соляная ферма, и он с этого участка никогда особо ничего не получал, кроме хорошего вида.

— А почему он не продал участок вам? — спросил Коди. Зима ударил ладонью по стене.

— Вот и я об этом! Я Лонни еще давным-давно говорил, что если он надумает продавать эту землю, я ее куплю! Но вчера он мне заявил: «Зима, у тебя не настолько глубокие карманы». А я спросил: «Глубокие — это какие, а, Лонни?» Он показал туда, на Атлантический океан, и сказал: «Вон, видишь? Если ты отправишься на Большую Ньюфаундлендскую банку и найдешь там самое глубокое место, то и оно будет не настолько глубоким, как карманы Томаса Тарни».

По правде говоря, я этому не придал особого значения. Нашему участку, где мы обустроили спуск для сноубордов, ничего не грозило — он находился на земле Зимы. Кроме то-

го, был уже конец весны, и мы с Коди трудились над тем же лобом для скейтов за домом Зимы, а когда закончили, стали там кататься.

Иногда жена Зимы выходила из дома и наблюдала за нами. Зима сделал для нее скамью из ствола дуба, обложил рейками и вырезал на спинке сиденья ее имя с вырастающими из букв цветами и листьями. Скамья стояла на небольшом возвышении, так что оттуда можно было разглядеть океан за кронами деревьев: серебристо-голубой проблеск за зеленью. Вала была такой маленькой, что походила на подростка, когда сидела там, она смотрела на нас и смеялась, когда мы падали, но смех был не обидный. В нем, как и в ее глазах, чувствовался холод, но не злоба; казалось, что она никогда прежде не видела, как кто-то падает, и всякий раз, когда это случалось (довольно часто), она удивлялась. К тому времени потеплело, но Вала неизменно носила одну и ту же синюю ветровку, а под ней — футболку с длинными рукавами, в которой я узнал одну из футболок Зимы. Его жене она была очень велика и походила на мешковатое платье. На опушке бывало жарко до чертиков, но я ни разу не заметил, чтобы Вала сняла эту футболку.

— А вам не жарко? — спросил я у нее как-то раз.

Она принесла нам воду и печенье своей выпечки — имбирное, тонкое и хрупкое, как льдинки, и такое пряное, что слезы на глаза наворачивались.

— Жарко? — Вала покачала головой. — Я никогда не согреваюсь. Только рядом с Зимой. — Она улыбнулась своей жутковатой улыбкой, от которой мне всегда делалось не по себе. — Я ему говорю, что зимой бывает тепло лишь тогда, когда он лежит рядом со мной.

Я почувствовал, что краснею. Пятно на подбородке, в том месте, к которому когда-то прикоснулась Вала, сильно запульсировало, будто туда ткнули горячей сигаретой. Улыбка Вала сделалась шире, а глаза округлились. Она рассмеялась.

— Какой ты еще мальчик! — воскликнула она тем же тоном, что и моя мама. — Вы с твоим другом — хорошие ребята. И вырастете в хороших мужчин. Не таких, как этот Тарни, который думает, что, купив соль, можно владеть морем. Нет

ничего опаснее человека, который считает, что власть принадлежит только ему. — Вала подняла голову, посмотрела на деревья, потом повернулась ко мне. — За одним-единственным исключением.

Но что это за исключение, она мне так и не сказала.

Я много слышал о Томасе Тарни и, хотя никогда его не видел, по всему Шейкер-Харбору постоянно встречал следы его присутствия: пристройка к школе, пристройка к библиотеке, большая старая заброшенная мельница. Когда-то он купил ее, переименовал в «ИКЭ милл» и переоборудовал, устроив там тысячу крохотных кабинок, с компьютером и телефоном в каждой. В «ИКЭ милл» трудилось столько народу, что некоторые из них добирались по два часа в одну сторону — в окрестностях Шейкер-Харбора людей не хватило.

К тому времени «ИКЭ милл» уже не работала, и на ней висели плакаты с надписью «Продается». Зима сказал, что она так и останется пустой, потому что ни у кого в округе Пэсвегас не хватит денег купить ее.

— А за пределами Пэсвегаса она никому не нужна, — добавил Зима. — Смотри, чтоб не капнуло...

Я помогал Зиме лакировать колыбель; он делал ее из ствола засохшего вяза. Зима не сказал, для кого она, даже когда я прямо спросил, но я предполагал, что это — подарок для Валы. Со стороны жена Зимы не казалась беременной, и я до сих пор несколько смутно представлял, что именно могло сделать ее беременной, несмотря на незначительные сведения, которые как-то ночью мы с Коди почерпнули в сети. Но какой смысл ездить за женой аж в Исландию, если не собираешься заводить детишек? Так сказал отец Коди, а он в этом знает толк — у Коди пять братьев и сестры-двойняшки.

— Сделали бы они в этой мельнице скейт-парк, — мечтательно протянул я, ведя кисточкой по пропущенному месту. — Вот было бы здорово!

Стараясь не надыхаться лаком, мы работали на улице, в тени здоровенной груды наколотых бревен — Зима продавал их на дрова. Мне приходилось следить, чтобы на свеже-

лакированную колыбель не попадали опилки и всякие бу-
кашки.

Зима рассмеялся.

— На скейт-парке много не заработаешь.

— Я бы платил.

— О том и речь. — Зима сдвинул бейсболку со лба. — Что, перерыв? Пойдем перекусим?

Обычно Зима делал нам бутерброды со швейцарским сыром, помидорами и хреном. Иногда бутерброды готовила Вала, и тогда я врал, что не голоден или что уже поел, поскольку она их делала в основном с рыбой — но не с тунцом! — и на крохотных кусочках хлеба со вкусом картона.

Но в тот раз Зима сказал, что мы отправимся в город и возьмем чего-нибудь в «Заведении Шелли» — киоске с хот-догами неподалеку от порта. Было тепло — середина августа. Скоро должны были начаться занятия в школе. Я провел лето, шатаясь по окрестностям с Коди и еще несколькими нашими друзьями, кроме последних недель, когда Коди уехал в библейский лагерь.

Тогда-то Зима и приставил меня к работе. Помимо колыбели он начал строить дом — настоящий дом, а не пристройку к школьному автобусу. Я помогал ему расчищать место от подлеска, а потом делать опалубку для фундамента. Выдержав бетон, мы занялись зданием. Иногда нам пыталась помочь Вала, но Зима быстро начинал кричать, чтобы она не мешала. Тогда она начинала возиться с крохотным огородиком, насаженным ею на опушке.

Я не знаю, где была Вала в тот момент. Я отложил банку с лаком, запрыгнул в пикап Зимы, и мы поехали в город. Большая часть отдыхающих уже уехала, но в порту еще стояло несколько парусных лодок, и в их числе огромная яхта «Ледяная королева» — трехмачтовая шхуна, принадлежащая Томасу Тарни. Зима сказал, что на ней работает команда из десяти человек, не только капитан, помощник капитана и несколько матросов, но и кок, и экономка — все для Тарни, как и полосатые красно-белые паруса. Так что яхту с первого взгляда можно было отличить от всех прочих кораблей в порту.

При виде «Ледяной королевы» Зима нахмурился. Но, судя по всему, Тарни поблизости не было. Несколько задержавшихся отдыхающих выстроились в очередь перед киоском Шелли, пытаясь прикинуться местными, хотя кроме них здесь оставались лишь несколько рабочих на стройплощадке.

И еще Лонни Паккард. Он как раз расплачивался за завернутый в бумажное полотенце хот-дог с луком и квашеной капустой. Я не видел Лонни с тех самых пор, как узнал, что он продал свою ферму Томасу Тарни, и, судя по лицу Зимы, он тоже с тех пор его не видел. Губы Зимы странно кривились: он словно не мог решить, то ли ему улыбнуться, то ли бросить что-то злое. Но тут Лонни повернулся и кивнул.

— А, Зима! Как дела?

Зима тычком поправил козырек бейсболки и слегка качнул головой.

— Да так, ничего. — Он посмотрел на хот-дог в руках у Лонни, потом ухмыльнулся мне. — Чего-то это не очень напоминает ланч. Верно, Джастин?

Тогда я понял, что Зима не собирается и дальше злиться на Лонни за то, что тот продал свою ферму, и мне стало легче.

Но Лонни явно был напряжен. Судя по виду, он себя чувствовал неловко — хотя он всегда так выглядит. Лонни — рослый и круглолицый, не такой высокий, как Зима, но более массивный, с кустистой темной бородой. На нем были мешковатые джинсы, заправленные в высокие резиновые рыбацкие сапоги. Меня это удивило, потому что я знал, что он продал свою лодку. Потом я вспомнил, что он вроде как получил деньги от Томаса Тарни — может, достаточную сумму для покупки другой лодки. Достаточную для покупки всего, что угодно.

— Мне пора, — вздохнул Лонни. — Что, нашел себе помощника?

— Джастин хорошо работает, — похвалил меня Зима.

Он подошел к окошку и заказал нам хот-доги. Лонни несколько секунд смотрел на него с таким видом, будто хочет что-то добавить, но Зима уже обратился к Шелли.

Тогда Лонни снова повернулся ко мне. Взгляд его был каким-то странным: не то чтобы он собирался мне что-то ска-

зять — скорее уж пытался что-то сообразить. Лонни далеко не дурак. Он нарочно говорит как деревенщина и ведет себя так, будто сроду не бывал южнее Бангора, но мама рассказывала, что у него на самом деле степень по юриспруденции, а рыбу он начал ловить потому, что ему это нравится больше, чем работать юристом, — и я его, пожалуй, понимаю. Я подождал, не сообщит ли он чего, но Лонни развернулся, быстро зашагал к новенькому внедорожнику, припаркованному на одном из мест, которые зарезервированы для рыбаков, сел в машину и уехал. Я посмотрел ему вслед, потом направился к киоску, пока Зима не добрался до моей порции. Шелли улыбнулась мне и снова вернулась к беседе с Зимой.

— Я видела, ты ставишь у себя дом?

Она вручила ему два хот-дога в бумажных полотенцах, коробочку с жареными моллюсками для Зимы и две бутылки «Мокси». Зима кивнул, но ничего не ответил, просто передал ей деньги.

— У нас тут прямо строительный бум, — добавила Шелли, потом перевела взгляд на следующего покупателя. — Чего желаете?

Мы вернулись к дому Зимы и стали есть, сидя на складных стульях и прислушиваясь к дятлам в сосновой роще. В воздухе вкусно пахло опилками, лаком и жареными моллюсками. Когда я уже почти справился со своей порцией, из школьного автобуса вышла Вала и приблизилась к нам.

— Эрту буинн? — поддразнила меня она. — Ты все прикончил? И мне ничего не оставил?

Я неуверенно посмотрел на жующего Зиму. Он замычал и замахал рукой.

— Не давай ей! Это вредно!

Вала фыркнула и вскинула голову, взмахнув черными хвостами.

— Можно подумать, я это буду. Тут один жир!

Она неодобрительно посмотрела, как последний жареный моллюск исчез во рту Зимы, потом перевела взгляд на меня.

— Иди сюда, Джастин. Я хочу тебе кое-что показать.

— Эй! — с притворным беспокойством крикнул Зима, когда Вала повела меня к лесу. — Он под наблюдением!

— Уже нет! — усмехнулась Вала и показала мужу язык. — Пойдем!

Вала была странной. Иногда она вела себя как моя мать и ворчала, когда я забывал разуться, заходя в их автобус, или когда мы с Коди слишком сильно шумели. А иногда — вот как сейчас — она вела себя скорее как моя ровесница, ехидная и непредсказуемая.

И вид у нее тоже изменялся. Не в смысле одежды — она так и носила одно и то же, — но иногда она выглядела взрослой и почтенной, как мама, а иногда — в точности как мои ровесники. У меня от этого мурашки по спине бегали, особенно если при этом и поведение у нее было как у молодой.

На счастье, в тот раз она вела себя как молодая, но выглядела старше, нормально для женщины, которая замужем за Зимой. Во-первых, невзирая на жару, на Вале были надеты его вещи — мешковатые джинсы, слишком большие для нее, подвернутые так, что даже не видны были ботинки, и та мешковатая плотная футболка с длинными рукавами.

— Я сказала — пойдем! — Вала хлопнула меня по плечу.

Я поспешил следом. Интересно, в Исландии все такие, или только Вала?

Лес был зеленым, золотым и теплым. Не жарко, как на солнце, но и не прохладно. Я вспотел, и тут же в полумраке зарослей на меня налетела туча комаров — а вот Валу они, кажется, никогда не трогали; несколько минут я старался не обращать на насекомых внимания, а потом и вовсе забыл о них. Земля в лесу была мягкой, и пахло от нее как от дождевых червяков — приятный запах, навевающий мысли о рыбалке. Несколько раз нам встречались деревья, которые Зима называет «бальзам Галаада», потому что их почки имеют запах ладана. Я даже притормаживал рядом с ними — такой аромат они источают.

Зиме принадлежит большой участок, больше сотни акров. Кое-где он рубит деревья, на дрова или строевой лес. Но эту часть он не трогает, потому что она граничит с бывшими владениями Лонни и потому что это девственный лес. Люди думают, что все леса в Мэне дикие и старые, но большая их часть не старше, чем где-нибудь в Нью-Джерси. Несколько

сотен, а то и тысячу лет назад деревья рубили пассамакводы или другие индейцы; когда на их месте вырастали новые деревья, их рубили викинги; те деревья, что подходили на смену, рубили и англичане, и французы, и все кому не лень, так и продолжается до наших дней.

Так что настоящего девственного леса не так уж много, даже если деревья выглядят древними — как те, которые показывают в кино, когда хотят убедить зрителя, что дело происходит где-то в полной глуши; на самом деле этим деревьям лет сорок—пятьдесят. Мальпиши еще.

Но здесь растут другие деревья — в том числе и деревья-волки, которые Зима обычно срубает. Дерево-волк — это большое кривое дерево с густой кроной, которое забирает себе весь свет и питательные вещества из почвы, глуша окружающие насаждения. Деревья-волки — сорные деревья, потому что они кривые, и толкового строевого леса из них не будет, к тому же своим соседям они не дают вырасти высокими и прямыми. В общем, их надо убирать.

Когда я был маленьким и ходил с Зимой в лес смотреть, как он работает, я боялся деревьев-волков. Не потому, что в них было что-то пугающее — они выглядели как обычные деревья, только большие.

Но я думал, что в них живут волки. Когда я однажды поделился этим с Зимой, он засмеялся.

— В твоём возрасте я тоже так думал.

Он смазывал свою бензопилу, собираясь расчленить дерево-волка, красный дуб. Красные дубы ужасно пахнут, когда их рубишь; их сырая древесина воняет как собачье дерьмо.

— Хочешь знать, почему на самом деле их так называли?

Я кивнул, стараясь дышать ртом.

— Потому, что тысячу лет назад в Англии и соседних странах на таких деревьях вешали изгоев. И называли их деревьями с волчьими головами, потому что изгои жили как волки — за счет тех, кто слабее.

Так вот, нам с Валой попадались деревья-волки, время от времени мы встречали старые яблони, увитые диким виноградом, — остатки семейной фермы Лонни. А все потому, что хотя это и девственный лес, птицы и звери об этом не знают.

Они таскают фрукты с фермы, а потом выдают семена обратно; вот посреди леса и берутся яблони и всякое такое.

Я вспотел и устал. Вала с самого начала пути не сказала ни единого слова, и я уже начал задумываться: она, часом, не забыла, что я тут вообще есть? Мать говорит, что во время беременности женщины чуют даже больше обычного. Я пытался придумать какой-нибудь повод, чтобы повернуть обратно, но тут Вала остановилась.

— Вот,— произнесла она.

Мы добрались до ложбины на склоне. Отсюда видна была сама ферма, и амбар, и хозяйственные пристройки, несколько яблонь и спускающееся к океану заросшее поле. Вместо пляжа — здоровенные куски гранита. А еще — длинная металлическая пристань, которой вроде как раньше не было.

Это красивое место со всех сторон окружал лес. В нескольких ярдах от фермы деревья взбирались на утес над каменистым пляжем, все маленькие и скрученные от ветра, кроме трех огромных веймутовых сосен, каждая высотой в сотню футов.

Зима зовет такие сосны королевскими.

— Эти деревья древние,— как-то сказал он мне, махнув в сторону одного из них.— Видишь?

Я прищурился. Я знал, что белоголовые орланы гнездятся неподалеку от океана, но никакого гнезда разглядеть не мог. Я покачал головой.

Зима взял меня за голову и повернул так, что я стал смотреть почти вертикально вверх.

— Вон там, на стволе, видишь затес?

Тогда я заметил три зарубки, образующие наконечник стрелы.

— Королевская метка,— пояснил Зима.— Датируется примерно тысяча шестьсот девяностым годом. Это значит, что уже тогда они были королевскими деревьями, пригодными для мачты королевского военного корабля. То есть три сотни лет назад эти деревья были большими. Возможно, к тому времени им уже было по триста лет.

Теперь, с Валой, я обратил внимание, что королевские сосны возвышаются над прочими деревьями, словно мачты шху-

ны, поднимающиеся из зеленого моря. Я подумал, что Вала привела меня сюда посмотреть на них, и потому из вежливости готов был сделать вид, что ничего про них не знаю.

Вместо этого она прикоснулась к моей руке и указала на что-то всего в нескольких футах от нас, на поляну, где деревья выросли вокруг части выпаса.

— Ух ты! — восхитился я.

Посреди поляны рос куст. Большой куст айвы. Его длинные тонкие ветви были покрыты зелеными листьями и маленькими красными цветами — ярко-красными, как «валентинки», такими яркими после сумеречного леса, что я моргнул.

А потом я подумал, что у меня что-то неладно с глазами, потому что куст двигался. Не колыхался от ветра — ветра никакого не было, — а двигался, как будто он распадался на части, потом снова сходиллся воедино; листья отрывались от ветвей и трепетали в воздухе, превращаясь из темно-зеленых в мерцающе-зеленые, словно были покрыты краской металл, и время от времени среди них вспыхивал красный огонек, будто один из цветков тоже взлетал.

Но еще более странным было то, что куст издавал звуки. Он жужжал, но не как пчелы, а как бензопила или как косилка — пронзительно, то громче, то тише. Я протер глаза и искоса взглянул на заросшее поле, думая, что, может, Томас Тарни нанял кого-то его очистить и шум доносится оттуда.

Но там никого не было — только высокая трава, яблони и камни, а за всем этим — утес и океанская гладь.

— Видишь их?

Голос Вала прозвучал так близко от моего уха, что я подскочил, а потом почувствовал, как по коже побежали мурашки от ее дыхания, такого ледяного, будто рядом приоткрылась дверца морозильной камеры. Я покачал головой. Тогда Вала притронулась к моему рукаву — ее касание холодило даже через ткань — и повела меня на поляну, к кусту, так близко, что он навис над нами, как красное облако.

— Видишь? — пробормотала она.

Куст был полон колибри. Их были сотни. Они молниеносно носились туда-сюда, словно куст — это город, а простран-

ство между листьями — улицы и переулки. Какие-то колибри зависали над цветами, желая перекусить, но большинство летали так стремительно, что их едва удавалось разглядеть. Некоторые сидели на ветвях, совершенно неподвижные, и выглядели сверхъестественнее всего, как если бы дождевая капля повисла в воздухе.

Но нет, они не были неподвижны; каждая присаживалась ровно настолько, чтобы я успел ее разглядеть: зеленые-презеленые крылья и красное пятнышко на горлышке, настолько насыщено-красное, что казалось, будто кто-то раздавил крохотное тельце, сжав его слишком сильно. Я подумал, что, может быть, тоже подержу эту птичку в руках или хотя бы потрогаю.

И я попытался. Я протянул раскрытую ладонь и застыл, затаив дыхание и не шевелясь. Колибри вились вокруг, как будто я был частью куста, но на меня не садились.

Я взглянул на Валу. Она последовала моему примеру — стояла с изумленной улыбкой, протянув вперед обе руки; в этот момент она напомнила мне Зиму, когда тот ходил с ивовой веткой. Колибри носились и вокруг нее тоже, но не присаживались. Может, если бы кто-нибудь из нас был в красном... Колибри любят красное.

Но на Вале не было ничего красного, лишь старая мешковатая футболка Зимы да его же джинсы. Но она выглядела в этот момент странно, даже жутковато, и на мгновение у меня появилось непонятное чувство — будто я не вижу Валу вообще, будто она исчезла, и я стою рядом с большим серым камнем.

Ощущение это было настолько сильным, что меня пробрала дрожь. Я уже собрался было предложить вернуться к дому Зимы, когда одна птичка пронеслась прямо перед лицом Вали. Перед самым глазом.

Я вскрикнул, и в тот же самый момент закричала Вала; это было низкое ворчание, в котором содержалось слово, но не английское. Ее рука метнулась к лицу, промелькнуло зеленоватое расплывчатое пятно — и колибри исчезла.

— Что с вами? — спросил я. Я подумал, что колибри клюнула Валу в глаз, а клюв у них острый. — Она что?..

Вала поднесла руки к лицу и, ахнув, быстро заморгала.

— Извини! Она меня напугала... так близко... я не ожидала...

Она уронила руки и уставилась на что-то у своих ног.

— О нет!

У носка ее ботинка недвижно лежала колибри, похожая на маленький яркий зеленый листик.

— Ох, Джастин, мне ужасно жаль! — воскликнула Вала. — Я только хотела показать тебе это дерево, полное птиц! Но она меня напугала...

Я присел, чтобы взглянуть на мертвую птаху. Вала посмотрела на лес.

— Надо идти, — сказала она. У нее был грустный голос, даже обеспокоенный. — Зима подумает, что мы заблудились, и рассердится, что я тебя увела. Тебе нужно работать, — добавила она и натянуто улыбнулась. — Пойдем.

Она зашагала прочь. Я остался на месте. Чуть помедлив, я подобрал веточку и нерешительно потыкал мертвую птичку. Та не шелохнулась. Колибри лежала на спине и в таком виде смотрелась особенно печально. Мне захотелось перевернуть ее. Я снова потыкал в нее веточкой, уже сильнее. Птичка не сдвинулась с места.

Коди спокойно притрагивается к мертвым животным. Ему все равно. Мне — нет. Но колибри была такой малюсенькой — длиной всего-то с мой палец. И она была такой красивой, с этим черным клювом и красным пятнышком на горле, и крохотными перышками, больше похожими на чешуйки. В общем, я ее взял.

— Ой блин... — прошептал я.

Она была тяжелой. Не такой тяжелой, какой могла бы быть птица побольше, воробей или синица, а вправду тяжелой, как камень. Или даже не камень: она мне напомнила гирьку со старых весов — такую металлическую штуку в форме шишки или желудя, когда ее берешь, она весит, словно шар для боулинга.

Вот такой была и эта колибри — тяжелой и настолько маленькой, что уместилась бы у меня на ладони. Я подумал, что тельце ее окоченело — как бывает с подвешенной оленьей

тушей, осторожно прикоснулся к крылу птички и даже попытался пошевелить его, но ничего не вышло.

Тогда я сложил ладонь ковшиком и перевернул птичку на живот. Ножки у нее были поджаты, словно у мухи, глаза потускнели. Несмотря на перья, она не была мягкой на ощупь. Она была твердой, как гранит. И холодной.

Но выглядела в точности как живая: изумрудная зелень в пятне солнечного света, слегка изогнутый клюв, белая полоска под красным горлышком. Я провел пальцем по клюву и выругался.

— О, черт!

Там, где по моей коже прошелся клюв мертвой птицы, острый, как гвоздь, набухла ярко-красная бусина.

Я сунул палец в рот, быстро проверив, не видит ли меня Вала. Она была уже далеко — я разглядел ее фигуру среди деревьев. Я нашарил в кармане сложенный бумажный платок, завернул в него колибри и очень осторожно положил в карман. А потом поспешил за Валой.

Назад мы шли молча. Только когда показался каркас будущего дома, Вала повернулась ко мне.

— Ты видел птицу? — спросила она.

Я встревоженно взглянул на нее. Врать я боялся, но еще больше боялся ее реакции.

Прежде чем я успел ответить, Вала прикоснулась к пятну у меня на подбородке. Я ощутил вспышку обжигающего холода; Вала посмотрела на меня подавленно, но не зло.

— Я не хотела причинить ей вред, — негромко произнесла она. — Я никогда прежде не видела таких птиц, тем более вблизи. Я испугалась. Не из-за нее самой, а от неожиданности. У меня оказалась слишком быстрая реакция. — Голос ее был печален. Потом она улыбнулась и взглянула на мой карман. — Ты забрал ее.

Я отвернулся, и Вала рассмеялась. Из-за лежащей перед домом груды толстых лесин выглянул Зима.

— Джастин, а ну быстро чеши сюда! — рявкнул он. — Женщина, не отвлекай его!

Вала снова показала ему язык, потом повернулась ко мне.

— Он знает, — добавила она совершенно обыденным тоном. — Но может, ты все-таки не станешь говорить своему другу? И матери.

Вала пошла к Зиме и чмокнула его в обожженную солнцем щеку.

— Да, конечно, — пробормотал я и двинулся туда, где оставил лак.

Вала остановилась за спиной у мужа и вздохнула, глядя на безоблачное небо и зеленые кроны, протянувшиеся до залива. По голубой воде медленно скользили несколько парусных судов. Одним из них была трехмачтовая шхуна с красно-белыми полосатыми парусами. Яхта Томаса Тарни.

— Так как, Вала, — поинтересовался Зима, подмигнув жене. — Ты еще не сообщила Джастину новости?

Вала улыбнулась.

— Пока нет. — Она приподняла свитер, и я понял, что она действительно беременна.

Вала взяла мою ладонь и положила ее к себе на живот. Несмотря на жару, рука ее была ледяной. И живот тоже. Но внезапно я почувствовал под ладонью тепло и легкие толчки внутри. Я изумленно уставился на Валу.

— Это ребенок!

— Эг вейт, — ответила она и рассмеялась. — Я знаю.

— Еще напугаешь его разговорами о детях! — сказал Зима и обнял жену. — А он мне нужен, чтобы до снега закончить этот дурацкий дом.

Я снова принялся лакировать колыбель. По правде говоря, я был рад, что у меня есть дело, которое отвлечет меня от мыслей о случившемся. Тем вечером, вернувшись домой, я положил колибри в ящик шкафа, завернув перед этим в старую футболку. Некоторое время я смотрел на нее каждый вечер, после маминого поцелуя на ночь, но примерно через неделю почти забыл, что она вообще там лежит.

Несколько дней спустя Коди вернулся из библейского лагеря. Был уже сентябрь. Подошел и миновал День труда, а с ним исчезло и большинство отдыхающих, приезжавших к

нам на лето. Мы с Коди пошли в восьмой класс. Нам уже осточертело общаться с одними и теми же людьми с самого детского сада, но вообще было ничего, терпимо. Иногда мы после школы ходили к Зиме и катались на скейтах. Там было тесновато из-за груд напиленных дров и штабелей пиломатериалов для нового дома, и иногда Зима орал на нас, что мы путаемся под ногами.

Но по большей части все было как обычно — только беременность Валы стала заметнее. И еще жители городка начали думать о приближении зимы.

Вы можете не верить, что существуют люди, которые постоянно беспокоятся насчет снега, но так оно и есть. Мама уже забрала свои дрова у Зимы, еще в августе, как и большинство его постоянных клиентов. День за днем груды заготовленных поленьев таяли — Зима передавал их по назначению.

А новое сооружение росло, и вскоре перестало напоминать детский набросок из палочек, и стало походить на сказочный дом с крутой крышей и множеством окон, прямоугольных и круглых, словно иллюминаторы, и с черепицей цвета клюквы, по форме напоминающей ракушку. Я помогал Зиме в работе, в том числе и внутри будущего жилища. Это было здорово! Внутри было потрясающе! Зима умеет творить из дерева чудеса — это все знают. Но до тех пор я видел лишь то, что он производил на продажу: какие-то полезные предметы или мебель, вроде шкафов, которые он сделал для моей матери.

А в тот день я имел возможность наблюдать, какие необыкновенные вещи Зима создает для себя и Валы. И если снаружи их дом выглядел как ожившая сказка, то внутри — как сон.

В основном Зима работал с сосной, а это очень мягкое дерево. Но для балок он выбрал дуб и покрыл эти балки изображениями ветров, разевающих рот и собирающихся дуть, волков и лисиц, ухмыляющихся из-за углов, драконов и каких-то незнакомых мне существ. Вала сказала, что это исландские духи.

— Хулдуфолк. — Так она их назвала, когда я поинтересовался. — Сокрытый народ.

Но тут они не скрывались. Их лики присутствовали на главной балке, проходящей через потолок гостиной, и на

дубовых подпорках в каждом углу. Они выглядывали из-за листьев, лоз и ветвей, нанесенных так, что подпорки в точности походили на настоящие деревья. Этот сокрытый народ был вырезан на кухонных шкафах и комодах, скамьях и книжных полках и даже на изголовье кровати, которую Зима сделал из цельного ствола каштана и так отполировал пчелиным воском, что спальня благоухала медом.

И хотя снаружи дом казался маленьким, внутри можно было заблудиться, бродя по нему и разглядывая это чудесное оформление, которое не просто придавало дереву вид чего-то нового, но еще и позволяло замечать то, что было внутри дерева: сучки и свили превратились в глаза и рты, волокна, отшлифованные и протравленные, стали казаться мягкими — такое ощущение мог бы вызывать мех, если бы вдруг стал достаточно прочным, чтобы поддерживать стены, перекрытия и стропила.

Я в жизни не видел такого потрясающего дома. И быть может, самым потрясающим было то, что он вызывал у меня желание жить в нем, но постепенно, поработав над его созданием какое-то время, я начал ощущать, что дом сам живет во мне, как ребенок — в Вале.

Только я, конечно, не мог об этом никому сказать, в особенности Коди. Он подумал бы, что я надышался лака и у меня крыпца поехала — хотя я постоянно носил респиратор, а Вала ходила в прикольной дыхательной маске, в которой она смахивала на Дарта Вейдера.

Она тоже работала внутри — складывала из камней камин. Она разыскивала камни в лесу и привозила их на тачке. И большие тоже. Я удивлялся, как она их поднимает.

Однажды я наткнулся на нее в тот момент, когда она тащила от опушки немаленькую гранитную глыбу.

— Не говори Зиме, — прошептала Вала. — Он разволнуется и наорет на меня. А я тогда наору на тебя!

Вала сощурила свои пугающие, синие до черноты глаза.

Затащив камни внутрь, Вала принималась бесконечно возиться с ними, определяя, кто из них какое место должен занять. Когда я пошутил на этот счет, она нахмурилась.

— Если ты рассердишь камни, Джастин, ты сам будешь не рад.— Она говорила серьезно и, судя по всему, злилась.— Потому что у камней очень, очень долгая память.

Это было рано утром, в начале восьмого, в субботу. Мама подбросила меня до жилища Зимы, а сама поехала на встречу с клиентом. День был классный, бабье лето, листья только-только начали желтеть. Из окна видны были две яхты, уходящие зимовать на юг. Я бы предпочел покататься на скейтах вместе с Коди, но Зиме не терпелось закончить дом, пока не наступили холода, и я обещал ему прийти и помочь с окнами.

Зима был где-то на улице. Вала, рывкнув на меня из-за своих камней, ушла за чем-то в спальню. Я зевнул и пожалел, что не прихватил свой айпод, и тут сверху донесся крик Валы.

Я оцепенел. Это был ужасный звук — не пронзительный, как обычно кричат женщины, а низкий и рокочущий. И он все длился и длился, без перерыва на вдох. Я кинулся к ступеням, но тут в дом ворвался Зима. Он отшвырнул меня в сторону и взлетел по лестнице, перескакивая через ступени.

— Вала!!!

Я побежал следом за ним, через пустой коридор, в спальню. Вала стояла перед окном, схватившись за голову и устремив на что-то взгляд. Зима схватил ее за плечи.

— Что случилось?! Ребенок?!

Он попытался прижать жену к себе, но Вала качнула головой, а потом оттолкнула его с такой силой, что он врезался в стену.

Я подбежал к окну и посмотрел на желтеющий лесной полог, а Вала беззвучно осела на пол.

— О нет! — Я уставился на утес над заливом.— Королевские сосны...

Я протер глаза и даже не обратил внимания на Зиму, который отпихивал меня, желая понять, в чем дело.

— Нет!!! — взревел он.

Одно из трех огромных деревьев исчезло — самое большое, росшее ближе всех к краю утеса. На его месте виднелась голубая щель, участок неба, и меня замутило от этой карти-

ны. Это было равносильно тому, как если бы с твоей руки вдруг пропал палец. У меня задрожали губы, и я отвернулся, чтобы никто не увидел моих слез.

Зима грохнул кулаком по подоконнику. Лицо у него сделалось белым как мел, а глаза покраснели, будто по ним мазнули краской. Это меня сильно напугало, и я посмотрел на Валу.

Она поднималась, держась за стену — неоконченную стену, просто серый гипсокартон со стыками, замазанными шпаклевкой. Лицо ее тоже побледнело. Но оно не было белым. Оно было серым. Не живого серого цвета, как волосы или мех, а тусклого, крапчатого, как поверхность гранита.

Серым было не только ее лицо, но и руки. Повсюду, где только виднелась ее кожа, она казалась холодной и мертвой, как груда камней для очага, что валялась внизу. Одежда Вала обвисла, как будто ее набросили на валун, а волосы сделались жесткими, словно пряди ягеля. Даже глаза потускнели и превратились в черные пятна; в них осталось лишь по единственной светящейся точке — словно капли воды, попавшие в углубления на камне.

— Вала.— Сзади подошел Зима. Голос его дрожал, но был негромким и спокойным, как будто он пытался уговорить испуганную собаку не удирать.— Вала, все в порядке...

Он погладил по спутанному ягелю гранитную глыбу, подпирающую стену, потом опустил руку на округлый выход породы.

— Подумай о ребенке,— прошептал он.— Подумай о нашей девочке...

Пряди ягеля задрожали; две капли набухли и стекли по граниту на пол. И вот перед нами оказалась не гранитная глыба, а Вала. Она упала в объятия мужа и безудержно разрыдалась.

— Не в порядке, не в порядке, ничего не в порядке...

Зима прижал жену к себе и провел рукой по волосам. Наконец у меня хватило духу заговорить.

— Это... это что, шторм?

— Шторм? — Зима вдруг резко отодвинулся от Вала. Лицо его стало цвета красного дерева.— Не-ет, это не шторм...

Он распахнул окно. Со стороны утеса раздавалось знакомое жужжание бензопилы.

— Это Тарни! — завопил Зима.

Он развернулся и выскочил в коридор. Вала побежала за ним, а я — за ней.

— Нет! Вы оставайтесь здесь! — Зима притормозил наверху лестницы. — Джастин, жди здесь с ней...

— Нет, — воспротивился я и с беспокойством взглянул на Валу, но, к моему удивлению, она помотала головой.

— Нет, — поддержала она меня. — Я иду. И Джастин тоже. Зима с силой втянул воздух сквозь зубы.

— Делай, как знаешь, — отрывисто бросил он. — Но я тебя ждать не стану. Джастин, ты будешь при ней, понял?

— Понял, — отозвался я, но Зима уже исчез.

Мы с Валою переглянулись. Глаза ее были светлее, чем мне помнилось, — тускло-серые, в точности как гипсокартон. Но прямо при мне они потемнели, как будто кто-то подлил в стакан с водой синие чернила.

— Пойдем, — сказала Вала.

Она коснулась моего плеча, а потом направилась к двери следом за мужем. А я — следом за ней.

Мне ужасно хотелось побежать за Зимой. И я мог бы его догнать — за лето я вытянулся и был теперь на несколько дюймов выше Валу.

Но я помнил, каким тоном Зима произнес: «Джастин, ты будешь при ней, понял?» И как он посмотрел на меня — словно на чужого человека, словно он готов меня ударить, если я не послушаюсь. Мне стало страшно и тошно — почти так же тошно, как в тот момент, когда я понял, что королевскую сосну срубили, — но у меня не было времени разбираться с этими мыслями. До нас по-прежнему доносилось жужжание бензопилы со стороны холма — ужасный звук. Как будто тормозит грузовик, но ты знаешь, что вовремя он не остановится. Я шагал настолько быстро, насколько у меня хватало храбрости; Вала шла в нескольких шагах за мной. Когда я чувствовал, что дыхание ее становится тяжелым, я замедлял ход и пытался разглядеть спину Зимы.

Но через несколько минут я бросил это занятие. Зима скрылся из виду, и я лишь надеялся, что он спустится к утесу и остановит тех, кто там орудует, пока не рухнуло следующее дерево.

— Слушай! — воскликнула Вала и схватила меня за рукав.

Я подумал, что бензопила по-прежнему жужжит, но потом понял, что это просто эхо. Потому что в воздухе сгустилась тишина, и Вала каким-то образом ощутила это раньше. Мы уставились друг на друга; глаза у Валу были огромные, круглые и небесно-голубые — я никогда прежде не видел, чтобы они были такого цвета.

— Время еще есть, — прошептала Вала.

Она издала странный, низкий звук, идущий откуда-то из глубины горла, — рычание, но не как у животного. Это было больше похоже на раскат грома или грохот падающих камней.

— Скорей...

Мы ломились через лес, не стараясь больше придерживаться тропы. Мы миновали куст айвы, мерцающий сквозь зеленую дымку слетевшихся перекусить колибри. Вала не задержалась, но я притормозил, оглянулся — и застыл.

У фермы был припаркован тот самый новенький внедорожник, который я видел тогда у Шеллиного киоска с хот-догами, — машина Лонни Паккарда. Тут через поле метнулась дородная фигура, тащившая под мышкой знакомую оранжевую фиговину — бензопилу. Человек запрыгнул в машину, завел мотор и укатил.

Я беззвучно выругался.

— Джастин! — донесся откуда-то из леса встревоженный голос Валу. — Давай быстрее!

Она стояла в начале тропы неподалеку от утеса. За неровной стеной тощих, кривых деревьев виднелись две сосны и желтела впадина — пень от рухнувшей сосны. В воздухе висел острый запах сосновой живицы и древесных опилок и еще выхлопных газов бензопилы.

Но никаких признаков присутствия Лонни или еще кого-либо не было.

— Смотри,— хрипло произнесла Вала. Она вцепилась в меня и дернула к себе; ее прикосновение леденило, словно укол новокаина, у меня даже онемела рука.— Вон там! Яхта!

Она указала на каменистый берег и на впадающую в залив пристань, у дальнего края которой покачивалась на волнах небольшая моторная лодка, «Бостон вейлер». А дальше, над серой водой, возвышалась громада «Ледяной королевы» с убранными парусами.

Яхта стояла на якоре. Несколько фигур мельтешили на палубе. Я прищурился, пытаюсь разглядеть, нет ли там кого-нибудь из знакомых. Под ребра мне впился холод: это Вала ткнула меня локтем и указала на камни внизу.

— Это он? — прошипела она.— Это Тарни?

Сначала я увидел Зиму: он несея по берегу, перескакивая с валуна на валун. На берегу у пристани стояли два человека. Один был высокий, в оранжевом спасательном жилете, ярко-оранжевой вязаной шапке и резиновых сапогах с высокими голенищами. Второй был пониже, седой, слегка грузный, в солнцезащитных очках и красно-белой ветровке, полосатой, как паруса «Ледяной королевы».

— Это он,— отозвался я.

Вала устремила на меня напряженный взгляд небесно-голубых глаз.

— Ты уверен?

— Угу. Я видел его фотографию в газете. И в сети.

Вала встала в начале тропы и уставилась вниз. Со стороны камней донесся разгневанный голос — это говорил Зима. Потом к нему присоединился другой голос, более спокойный, а затем третий, сначала ровный, а потом веселый. Зима выругался. Никогда бы не поверил, что он знает такие слова. Третий собеседник — Тарни — рассмеялся еще сильнее.

Я посмотрел на Валу. Она по-прежнему следила за происходящим, уцепившись за ветку березы, что росла рядом с тропой. Казалось, будто она задумалась, может даже погрузилась в грезы, настолько у нее был мирный, спокойный вид, будто она позабыла, где находится и что происходит вокруг. Наконец Вала покачала головой. Не оглядываясь на меня, она отломала ветку, бросила ее и двинулась вниз, к берегу.

Я пошел было за ней, но заколебался.

Ветка лежала поперек узкой тропы, у моих ног. Там, где ее держала жена Зимы, листья пожухли и потускнели, сделавшись из желто-зеленых тускло-серыми, как лишайник, а белая кора березы почернела и пошла тугими, словно бы обугленными завитками.

Я попробовал поднять ветку. Она оказалась неподъемно тяжелой.

— Это теперь моя земля! — донесся голос Томаса Тарни. — И потому проваливай отсюда к чертям собачьим!

Я взглянул вниз и увидел фигурку Вала. Она легко перепрыгивала с валуна на валун, направляясь к пристани. Я стал спускаться по склону следом за ней.

Почему-то я не мог двигаться так быстро. Быть может, потому, что до меня здесь промчались сперва Зима, потом Вала и узкую тропу засыпало небольшими камнями. Из-за них мне приходилось пробираться осторожно, чтобы не грохнуться.

Вдобавок к этому землю то там, то тут покрывали белые пятна инея, я соскальзывал с них и раз чуть не навернулся — мог бы и голову расшибить. Тяжело дыша, я остановился на минутку. Придя в себя, я посмотрел на берег, туда, где в граните утеса находилась глубокая расщелина. Там, застряв в ней, красовалось спиленное дерево, и казалось, будто оно растет из камня. Сосна склонилась над водой, черная в тени отвесной скалы; ее огромные ветви были еще зелеными и на вид крепкими. Запах сосновой живицы заглушал запах моря. В верхушке кроны кто-то зашевелился, потом взлетел и закружил над заливом — белоголовый орлан, недавно перелинявший, еще крапчатый.

Я не удержался и заплакал. Ведь каким бы могучим и крепким ни выглядело это дерево, я знал, что оно мертво. Ничто не вернет его к жизни. Оно зеленело еще при пассамакводах, оно видело моряков, приплывавших из-за океана, и туристов в лодках из порта Пэсвегаса, и, может даже, видело сегодня утром «Ледяную королеву» с ее красно-белыми парусами и Томасом Тарни, наблюдающим с палубы, как Лонни Паккард достает бензопилу из своего внедорожника.

Сосна в конце концов рухнула, а я даже не услышал этого грохота.

А вот Вала услышала.

«Джастин, будешь при ней, понял?»

Я глубоко вздохнул, притормозил, вытер глаза, убедился, что Вала по-прежнему внизу на камнях, а потом опять стал спускаться. Когда я наконец добрался до подножия склона, мне и дальше пришлось двигаться осторожно: между гранитными валунами стояли лужицы воды, оставшейся после прилива. Некоторые из них затянуло тонким ледком, и все они были скользкие от водорослей. Я двинулся к пристани, торопясь, насколько хватало сил.

— Эти деревья не твои! — Голос Зимы прозвучал настолько громко, что у меня заболели уши. — Это королевские сосны, они не принадлежат ни одному человеку!

— Мне принадлежит эта земля! — парировал Тарни. — И если это не делает меня здесь королем, то я уж и не знаю, что еще для этого нужно!

Я преодолел последнюю каменную россыпь и подбежал к Вале. Зима стоял в нескольких ярдах от нас, возвышаясь над Томасом Тарни. Спутник Тарни находился у края пристани; ему было явно не по себе. Я узнал его: это был Эл Элфорд. Прежде он трудился помощником капитана на маленькой яхте в порту Пэсвегаса. Теперь, судя по всему, он работал на Тарни.

— Королем? — повторила Вала. — Хан эр кликкапур. — Она взглянула на меня краем глаза. — Он спятил.

Возможно, на меня повлияли ее слова, или я злился на себя за свои слезы, но я шагнул к Тарни и заорал на него:

— Противозаконно уничтожать эти деревья! Здесь вообще нельзя ничего рубить без разрешения!

Тарни повернулся и уставился на меня. Кажется, он впервые был захвачен врасплох — может, даже смущен или пристыжен. Нет, не тем, что он сделал — это я понимал, — а тем, что кто-то другой, простой мальчишка, знал о его поступке.

— Это еще кто? — Голос его сделался фальшиво бодреньким. Таким тоном взрослые говорят, когда их застукаешь за

чем-нибудь вроде курения, выпивки или драки с женой.— Это твой сын, Зима?

— Нет,— ответил я.

— Да,— вмешалась Вала и одними губами произнесла то самое слово, что и при нашей первой встрече,— Феогар.

Но Зима ничего не сказал, а Тарни уже отвернулся от меня.

— Противозаконно? — Он дернул себя за свою красно-белую ветровку, потом пожал плечами.— Я заплачу штраф. За вырубку деревьев в тюрьму не сажают.

Тут Тарни ухмыльнулся, как будто придумал шутку, до которой еще никто не додумался, и добавил:

— Во всяком случае, меня не посадят.

Он взглянул на Эла Элфорда и кивнул. Эл быстро развернулся и пошел — практически побежал — в конец пристани, туда, где постукивал о металлические поручни «Бостон вейлер». Тарни последовал за ним, но медленно, раз даже остановившись, чтобы взглянуть на склон — не на королевские сосны, а на здание фермы. Окна фермы, выходящие на утес, блестели. Потом Тарни направился туда, где его ждал Элфорд в небольшой моторной лодке — стоял, протянув руку, готовый помочь хозяину забраться в нее.

Я посмотрел на Зиму. Лицо его обмякло, только рот остался сжатым; вид у него был такой, словно он пытается раскусить что-то твердое.

— Он срубит и оставшиеся сосны,— сказал Зима. В голосе его не было ни сомнения, ни печали, ни даже гнева. Он словно говорил о чем-то общеизвестном, типа «скоро пойдет снег» или «завтра воскресенье». — Тарни заплатит штраф в двадцать тысяч долларов, так же, как сделал в Кеннебанкпорте. Он подождет, заявится сюда среди ночи, когда меня тут не будет,— и деревьям конец.

— Нет, не заявится,— возразила Вала почти таким же спокойным тоном, как у Зимы.

Раздался приглушенный рев — это завелся мотор лодки. «Бостон вейлер» понесся прочь от пристани к «Ледяной королеве».

— Нет,— повторила Вала.

Она нагнулась и подобрала камень. Небольшой серый камешек, как раз такой, который уместился у нее в кулаке. Одна его сторона заросла мелкими ракушками. Вала выпрямилась и устремила взгляд на океан, но глаза ее больше не были небесно-голубыми. Они сделались темно-серыми, как камень, отполированный морем, сплошными, без зрачков — и сияли, словно вода под солнцем.

— Скаммасту пей, Томас Тарни! Фарту тил фианданс! — выкрикнула она и швырнула камень в воду. — Фарту! Латту пеог хверфа!

Я проследил за тем, как камень пролетел по воздуху, а потом с глухим стуком упал на землю далеко от линии берега. Я перевел взгляд на Валу — и застыл.

С моря донесся скрежет — оглушительный звук вроде раската грома, и длился он всего долю секунды. Я развернулся и приложил руку козырьком ко лбу, выискивая взглядом «Бостон вейлер», что стрелой неся к яхте Тарни. Внезапный порыв ветра швырнул мне в лицо водяные брызги. Я моргнул и снова моргнул, уже от удивления.

В нескольких футах от моторки на воду упала тень черного каменного выступа, небольшого — по размеру он вполне сошел бы за плавник дельфина или акулы, только выступ не двигался.

И несколько секунд назад его там не было. И вообще, его никогда там не было — я это точно знал. Я услышал приглушенный вскрик, потом пронзительный рев мотора: лодка резко прибавила скорость, но было уже слишком поздно.

С тошнотворным треском «Бостон вейлер» налетел на камень. Зима тревожно вскрикнул, увидев, как Элфорда выбросило за борт. Мгновение Томас Тарни стоял, размахивая руками, будто пытался поймать Элфорда. А потом он провалился сквозь дно моторки, как будто под ним был люк, и исчез.

Зима схватил меня за руку.

— Оставайся с Валой!

Элфорд сидел на камне, уцепившись за вершушку, и светил своим оранжевым спасательным жилетом. На палубе «Ледяной королевы» кто-то что-то орал в мегафон. Я наблюдал,

как на серую воду спускают другое суденышко, маленький надувной «зодиак». Зима яростно встряхнул меня.

— Джастин! Я сказал — оставайся с ней...

Он оглянулся на пляж. Я тоже.

Валы нигде не было видно. Зима выпустил мою руку, но прежде, чем он успел что-то сказать, мы заметили движение среди камней.

Это была Вала; она появилась, словно сгущающийся туман. Даже со своего места я видел, как блестели ее глаза, иссиня-черные, словно зимнее небо, и мог с уверенностью сказать, что она улыбалась.

Экипаж «Ледяной королевы» подобрал Элфорда задолго до появления береговой охраны. Мы с Зимой провели на берегу несколько часов, пока не прибыли спасательные команды, а над головами не принялись летать «нэйви фолкенс» — на тот случай, если Тарни выплывет на берег или его тело выбросит волнами.

Но ничего такого не произошло. Каменный выступ расползся днище «Бостон вейлера», проделав здоровенную дыру, куда большую, чем можно было предположить. Но Элфорда никто не винил. Достаточно было посмотреть на карту и убедиться, что прежде в том месте скалы не было. А теперь есть — я вам точно говорю. Я ее вижу каждый день, когда смотрю в окно дома Зимы.

Я никогда не расспрашивал Валу об этих событиях. Весь тот день, когда мы ушли с берега, Зима ходил мрачнее тучи. Не забывайте — Томас Тарни был мультимиллионером, и даже я понимал, что теперь начнется расследование, интервью и набеги телевизионщиков.

Но за случившимся наблюдали люди, которые находились на борту «Ледяной королевы», и еще Эл Элфорд. Все они были свидетелями того, как Зима ругается с Тарни, и видели, что спорщики не дерутся и даже не толкаются, к тому же Элфорд подтвердил, что со стороны Зимы никаких угроз не было. Королевская сосна погибла, но две другие остались. Многие активисты «Одюбон сэсайети», «Сьерра клуб» и прочих подобных заведений тут же подали иск против правопре-

емников Тарни с требованием превратить всю территорию бывшей фермы Паккарда в заказник.

Я считал, что это хорошо, но, к сожалению, погибшего дерева не вернет.

Однажды, через несколько недель после этой истории, я, вернувшись из школы, помогал наводить последний лоск в доме Зимы. Все уже было готово, кроме камина, — на полу стояли пластиковые ведра с известковым раствором, лежали груды камней и каменные плиты, предназначенные для дна очага.

— Джастин. — Вала возникла сзади так незаметно, что я подскочил. — Ты не мог бы пойти со мной?

Я кивнул и встал. Было уже очень заметно, что Вала беременна.

И при этом счастлива. Из соседней комнаты доносились звуки: Зима работал на шлифовальном станке. Вала взглянула на меня и улыбнулась; она прижала палец к губам, а затем притронулась к моему подбородку. На этот раз он не заболел от холода.

— Идем, — сказала Вала.

На улице было пасмурно и зябко. Стояла середина октября, но почти все деревья уже были голые: листву с них сорвало бурей, пронесшейся несколько ночей назад. Мы направились в лес, который начинается за домом. Когда мы проходили мимо айвового куста, я увидел, что его листва опала, а колибри давным-давно улетели в теплые края. Вала была все в тех же ярко-синих ботинках и подвернутых джинсах Зимы.

Его большая футболка уже не могла скрыть живота жены, поэтому моя мать связала для Валы красивый большой свитер и вдобавок отдала теплую куртку из шотландки. Теперь Вала еще больше походила на девчонку — если не считать глаз и манеры смотреть на меня и улыбаться, будто у нас есть какая-то общая тайна. Я прошел следом за ней до того места, где тропа ныряла вниз, к берегу, стараясь не смотреть на подножие утеса. Королевская сосна, рухнув, в конце концов застряла между большими камнями, потом в мертвых ветвях запутались водоросли, а пожухшие сосновые иголки засыпали все вокруг.

— Зиме нужно будет на несколько часов уехать в город, — сообщила Вала, словно бы отвечая на вопрос. — Я хочу, чтобы ты помог мне кое-что сделать.

Мы спустились по тропе к самому ее основанию, а потом по камням добрались до линии берега. Над головами с криками кружили несколько чаек, и ветер с силой хлестал мое лицо и голые руки. Куртки у меня не было, и я заметил, что пальцы покраснели, но холода не чувствовал.

— Пришли, — пробормотала Вала.

Она медленно подобралась к камню, торчащему из гальки. По форме и размеру он напоминал руку.

Потом я приблизился к Вале и понял, что это и вправду рука, обломанная на уровне локтя, сделанная из гладкого серого камня, вроде мрамора, только темнее. Вала остановилась и посмотрела на нее, поджав губы, потом подобрала эту находку.

— Не мог бы ты понести? — попросила она.

Я ничего не сказал, просто подставил руки, как будто Вала собиралась нагрузить меня хворостом. Она положила камень — и я вздрогнул, но не потому что тот был тяжелым, хотя так оно и было, а потому, что он выглядел как самая настоящая рука. Я даже разглядел складки кожи и вены на сгибе локтя.

— Джастин, — произнесла Вала. Я поднял голову, взгляд ее иссиня-черных глаз был устремлен на меня. — Пойдем. Скоро стемнеет.

Она медленно пошла вдоль берега, будто выискивала обкатанные морем стеклышки или морских ежей, я двинулся за ней. Через каждые пару шагов Вала останавливалась и что-нибудь подбирала: кисть руки, ступню, длинный камень, напоминающий ногу, а потом разворачивалась и клала находку мне в руки. Когда груда находок сделалась слишком тяжелой для меня, Вала подобрала стиснутый кулак и медленно зашагала обратно к тропе.

В тот день мы сделали еще несколько ходок, как и в последующие дни. Каждый раз мы возвращались в дом, и Вала пристраивала камни в неоконченный камин, закладывая и закрывая их другими. Хотя если бы кто и заметил, то поду-

мал бы, что это фрагмент разбитой статуи или камень, который просто похож на ступню, лопатку или треснувший затылок.

Мне не хватало духу обсудить с Валою происходящее. Но я помнил, как выглядел «Бостон вейлер», когда береговая охрана вытащила его на берег: с небольшой рваной дырой в носу и с гораздо более крупной пробойной в днище, как будто что-то большое и тяжелое проломилось сквозь дно. Например, метеорит. Или очень большой камень. Или гранитное изваяние человека.

Не то чтобы кто-то был свидетелем подобных вещей... Я сказал себе, что, может, это и вправду была статуя — упала с корабля, или столкнули с края утеса, или еще чего.

Но однажды, когда мы спустились на берег — на самом деле это был последний день наших с Валою поисков, — она заставила меня пройти по мелководью. Она указала на что-то под водой, что-то круглое и белое, смахивающее на сплюснутый футбольный мяч.

Только это был не мяч. Это была голова Томаса Тарни. Во всяком случае, ее передняя часть — лицо. Задняя часть уже была встроена в камин.

Я вытащил лицо из воды и уставился на него. Широко открытые глаза были спрятаны под зеленой пеной водорослей. Рот был распахнут, и можно было увидеть, где находился язык, пока не отломился, оставив зазубренное основание.

— Локсинс, — пробормотала Вала. Она легко забрала у меня голову, хотя та была настолько тяжелой, что я ее еле удерживал. — Наконец-то...

Вала развернулась и зашагала обратно.

С тех пор прошло три месяца. Дом уже завершен, и Зима живет в нем вместе со своей женой.

И с их ребенком. Камин готов, и вряд ли кто разглядит на самом верху круглый разбитый камень, который, если прищуриться и посмотреть при определенном освещении, например ночью, когда горит лишь огонь в камине, немного смахивает на лицо. Зима счастлив — никогда прежде я не видел его таким счастливым. Мы с мамой часто навещаем их. Ма-

лышке всего несколько недель, она такая клевая — вы себе представить не можете! — и такая крохотная, что я сначала из страха отказывался брать ее на руки. Однако Вала сказала, что я не должен бояться: сейчас я у ее дочки за старшего брата, но когда-нибудь, когда малышка вырастет, уже она будет за мной присматривать. Девочку называли Гердой, что означает «защитница», и для младенца она действительно очень крепкая и сильная на вид.

Энди Данкан

**ДИОРАМА ИНФЕРНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ,
ИЛИ ДЕВЯТЫЙ ВОПРОС ДЬЯВОЛА**

Вашему вниманию предлагается увлекательное, забавное, простонародное, пугающее и мудрое повествование о девочке, которая сбежала от одной магии лишь затем, чтобы влететь с размаху в другую, куда более злоеущую, и там подружиться с призраками, пожить в таинственном доме и потягаться с самим дьяволом...

Первая публикация Энди Данкана состоялась в 1995 году в «Asimov's Science Fiction». Вскоре последовали публикации в других журналах — «Starlight», «Sci Fiction», «Realms of Fantasy» и «Weird Tales», а также еще несколько в «Asimov's Science Fiction». К началу двадцать первого века Энди Данкан приобрел репутацию одного из самых оригинальных и своеобразных современных авторов. В 2001 году он дважды становился лауреатом Всемирной премии фэнтези: за рассказ «The Pottawomie Giant» и за сборник «Beluthahatchie and Other Stories», получивший широкое признание. В 2002 году рассказ Данкана «The Chief Designer» завоевал памятную премию имени Теодора Старджона.

Энди Данкан, выпускник литературной мастерской «Кларифон Вест», вырос в Бейтсбурге, штат Южная Каролина. В настоящее время он и его жена Синди проживают в Фростбурге, штат Мэриленд. Энди Данкан работает редактором в журнале «The Voice of the American Trucker».

Мое полное имя Перлин Сандей, хотя обычно меня называют просто Перл. В этой истории повествуется о том, как я повстречалась с вдовой из Дома-на-равнине и ее четырьмястами семьюдесятью тремя мертвыми друзьями, как я пела дуэтом с зятем дьявола и как навлекла на себя гнев волшебника тем, что его же и освободила.

Когда я совершала все это, я была уже не ребенком, но еще и не женщиной — ни то ни се. Я была как та кошка, у которой приступ «дверной болезни». Она царапает дверь, чтобы ее впустили или чтоб выпустили, но стоит вам отворить дверь, как кошка становится в дверном проеме, клонит голову набок и погружается в свои глубокие кошачьи думы, пока не дашь ей пинка. Будь я тем летом по какую-то сторону, все могло бы обернуться иначе, но я ни на что не могла решиться, и потому дверь стояла открытой для сквозняков и чудес.

Я выросла в Чаттануте в павильоне Науки и Искусства профессора ван дер Аста, что относится к Колоссальному Космополитическому музею. «Колоссальный» — это значит очень большой, а «космополитический» — всемирный. В детстве профессора ван дер Аста звали Хэйзилом Бауэрсоксом, и родился он в Райзинг-Фаун, штат Джорджия. Вообще, названия «Колоссальный Космополитический музей» и «павильон Науки и Искусства профессора ван дер Аста» говорят сами за себя, хотя природа науки и искусства — это тема для отдельного обсуждения, и то был не павильон вовсе, а трехэтажное здание, колоссальным я бы его не назвала, хотя там и помещалась куча вещей.

Сегодня этот музей уже не найти. Он размещался на берегу реки Теннесси, на той стороне, где центр города, и был укрыт тенью моста Уолнат-Стрит. Много лет назад там был другой мост, построенный генералом Шерманом, долго тот мост не простоял — Господь его смыл; а вот новый служит до сих пор.

Мне рассказывали, что мои родители положили меня в шляпную коробку и оставили в переулке между музеем и табачным складом. Два каннибала с острова Фиджи вышли

покурить, пожалели меня и отнесли в музей, к профессору, а тот сделал из меня платный аттракцион, и я им работала, пока мне не исполнилось два года. Как опять же мне рассказывали, на вывеске было написано: «Живая прозрачная человеческая голова!» В общем, я лежала и сосала рожок с сахаром, а сзади стояла мощная лампа, которая подсвечивала мне голову так, что видны были мои маленькие мозги и кровеносные сосуды. То есть вывеска гласила чистую правду.

В те дни с ребенком вроде меня, не имеющим ни отца, ни матери, ни образования, могло случиться кое-что и похуже работы в просветительном музее, в котором даже сотрудница без татуировки или бороды, или диковинных уродств могла сделать карьеру. В понимании профессора ван дер Аста, девочкам вполне подходили такие должности, как Живая Русалка Нептуна, которая целыми днями расчесывала волосы и помахивала хвостом в бассейне, Невидимая Девушка, которая пряталась за простыней и изрекала в рупор предсказания будущего, Черкесская Принцесса — нагляднейший образец белой расы. Сначала ею работала Заламма Агра, которая, когда ее вырвали из рук константинопольских работоторговцев, оставила позади большую часть своих одеяний, но не такую, чтобы музей из-за нее закрыли. С лета 1895 года нашим нагляднейшим образчиком белой расы была моя подруга Салли Энн Рамидж из города Мобил, штат Алабама. Салли Энн стыдилась своей трудовой деятельности в музее и писала родителям, что стала учительницей; полагаю, она была недалеко от истины.

Тем летом я не была ни одним из этих экспонатов, потому что у меня начался тот самый промежуточный возраст, который не особенно подходит для Черкесской Принцессы. Нет, я была настолько не в ладах с собой и окружающим миром, что профессор ван дер Аст полностью изолировал меня от взглядов публики, которая все же платит за билет, и поставил меня к нашей диораме inferнальных регионов.

В те дни диорама представляла собой всего лишь картину, но картину настолько огромную, что ее невозможно было увидеть целиком. Она была нарисована на длинных полосах

холста в десять футов длиной, ее надевали на огромную бобину, словно рулон ткани в портновском магазине для великанов, и перематывали с одной бобины на другую, установленную в двадцати футах от первой. Между бобинами плечом к плечу стояли посетители и восхищались проплывающими видами.

Все это вращала специальная машина, но кто-то должен был стоять сзади и следить, чтобы та не останавливалась и холст шел ровно, не рвался и ни за что не цеплялся. Вот этим «кем-то сзади» и была я. Может, у вас в городе и имеется аккуратная новая преисподняя, но чаттанугский ад был потрепан и заклеен, как фамильная Библия. Еще я работала со спецэффектами. Когда диорама проплывала мимо и когда профессор ван дер Аст находился со стороны публики и молл языком, я включала и выключала осветительный агрегат, который просвечивал сквозь разные участки холста, — тогда язычки адского пламени трепетали, нетопыри носились в воздухе и бесенята с сатирами сновали туда-сюда, как мои дурные мысли, когда я парилась там и выматывалась, как кочегар в котельной. Стоя перед облезшим зеркалом, что висело над моим умывальником, я каждый день растирала руки и плечи и размышляла, какой мужчина захочет видеть рядом с собой женщину с мускулами и какого мужчину, в свою очередь, захочет видеть она.

Наша диорама была единственной, которую мне доводилось видеть. Профессор ван дер Аст говорил, что знаменитая нью-йоркская диорама изображает вид на берега всей Миссисипи, от Миннесоты до Нового Орлеана. Щеголи с Парк-авеню могли удобно устроиться в прохладной комнате и наблюдать со своих канотье, как все скользит мимо: утесы, на которых гнездятся орлы, леса, в которых прячутся индейцы, длинные и тонкие пролеты мостов, загороженные спинами босоногих юнцов в комбинезонах, шумные города, стоящие на реке и загрязняющие ее отбросами. Сам профессор ван дер Аст никогда не ездил севернее Кливленда, что в штате Теннесси, но описывал эту нью-йоркскую Миссисипи так же убедительно, как и чаттанугские inferнальные регионы. Послушаешь — и будто побывал там.

— Друзья мои, вы находитесь по эту сторону завесы. Но обратите внимание с вашего безопасного наблюдательного пункта на ужасные чудеса преисподней, когда они проплывают мимо вас. Да, так вот, когда они проплывают мимо вас! (Механизм диорамы старый и иногда заедает.)

— Взгляните сначала на этот древний свиток, завещанный нам халдейскими мучениками,— свидетельство серных испарений озера Аверн, над которым не летает ни одна птица. Вот Бриарей сторукий тащит цепь толщиной с тучного человека, а на другом конце этой цепи лязгает зубами пес Цербер с его пятидесятью головами, и каждую из пятидесяти шей обвивает змея. А вот неумолимый перевозчик, прогоняющий прочь всех несчастных, умерших без христианского погребения. Далее следуют плачущие возлюбленные, обреченные никогда не воссоединиться с родными душами и заламывать руки в миртовых рощах. Мадам, позвольте предложить вам носовой платок. Ваше сострадание делает вам честь. Дальше у нас бичевание, спускающее кожу с тех, кто при жизни думал, что его грехи надежно скрыты. Вот гигант Титий, прикованный ко дну бездны. Здесь страдальцы, стоящие по горло в воде без возможности напиться, а там те, кто обречен носить воду решетом.

Тут какая-нибудь рыдающая сельская учительница могла поинтересоваться:

— А как же царство блаженных? Как же Элизиум? Лавровые рощи?

— За подобными утешениями, мадам, надо обращаться к иным холстам, которых у нас нет. Вот корчащийся пандемониум наслаждений, где все благородные и возвышенные цели забыты в низменном дурмане ощущений и похоти. Далее у нас давящий...

— Эй, приятель, а нельзя ли получше подсветить этот пандемониум наслаждений?

— Сейчас семейное представление, друг мой, приходите после десяти. Далее у нас давящий пресс для винограда. В нем сотнями давят проклятых, пока те не лопнут. Вот тут грязные, отвратительные дети неблагодарности, которые плю-

ются ядом, даже когда их щипцами поднимают над огнем. Заметьте, леди и джентльмены, во всей этой ужасной панораме растения исключительно дикие и колючие, существа — зубастые и ядовитые, камни — кривые и никчемные, люди все больные, хилые, позаброшенные, и единственная их музыка — неопишуемые адские стенания! Здесь все страдают от ужасных мук не одну минуту, не один день, не век, не два, не сто, даже не десять тысяч миллионов веков, а вечность, они никогда не узнают избавления! А теперь, пожалуйста, пройдите в эту дверь. Следующее представление в два тридцать, вознаграждение приветствуется.

Такова была та сторона холста, где находились профессор ван дер Аст и публика. Я никому не рассказывала, что находится с изнанки: пятна, заплаты, всякие фокусы, исполняемые при помощи освещения. Я тоже видела изображения, но мельком, как те, которые можно заметить летом в облаках и кронах деревьев. С моей стороны рисунки не были ужасными: человек, сражающийся с молниеотводом в бурю; огромный поющий сом, развлекающий песнями экипаж низко летящего воздушного шара; женщина в очках, катящая по дороге колесо; бальная зала, полная танцующих призраков; человек с железной рукой, который манил меня пальцем на шарнирах; фермер, который, остановившись на пороге, махал рукой, прощаясь со своим счастливым семейством, а потом, появившись вновь, махал уже в знак приветствия; чье-то сердитое лицо, выглядывающее из башмака; огромная женщина с усами, швыряющая какого-то мужчину из лодки в реку; улыбающийся человек, который спускался с Ниагарского водопада в бочке, а вокруг подпрыгивала на волнах сотня заговоренных бутылок, и в каждой лежало свернутое в трубочку послание к Марии Лаво; охотничий пес с пистолетом, грабящий поезд; одноглазый человек, живущий в крокодильей норе; нищий, исполняющий стриптиз для царицы Савской; горилла в канотье, которая сидит в шезлонге и смотрит на проплывающую мимо диораму Миссисипи; и еще тысяча иных чудес. Мои inferнальные регионы были куда интереснее, чем у профессора ван дер Аста, к тому же иногда они

освещались и приходили в движение без всякого моего вмешательства.

В то время всеми своими познаниями о магии я была обязана Уэнделлу Фазевеллу — волшебнику Синих Гор, магу из Яндро-Маунтейна, штат Северная Каролина. Каждое лето он выступал у профессора ван дер Аста в течение трех недель. Мне никак не удавалось посмотреть его представление, потому что — любил напоминать профессор — нам платят за то, что выступаем мы, а не за то, что выступают перед нами. Но мне рассказывали, что в кульминационный момент Уэнделл Фазевелл ловил зубами пулю, прошедшую перед этим через хрустальный кувшин с лимонадом, и я верила, поскольку время от времени, когда под рукой не оказывалось никакой мелюзги, профессор просил меня вытереть со сцены лимонад и собрать острые осколки стекла.

Фокусы, которые я видела, волшебник Фазевелл исполнял по окончании рабочего времени, когда все обитатели музея спускались в цокольный этаж выпить, перекусить бутербродами с холодным мясом и снова выпить. Я пролезала через толпу вперед, к шаткому столику, и смотрела, как он достает из воздуха даму червей, как отправляет монетки шагать по костяшкам своих пальцев и как пускает доллар поплавать. «В точности как правительство», — всегда говорил Фазевелл — и мы всегда смеялись. Он показывал нам пятьдесят семь способов, которыми можно тасовать колоду карт, и семнадцать способов того, как выгащить туза наверх, когда он вам нужен — даже пять раз подряд. «Сделайте такое в игорном зале, — говорил он, — и получите пулю в лоб. Сделайте это в обществе хороших людей, вроде нас, и это будет лишь приятным развлечением, способом заставить Короткие Штанишки улыбнуться».

Короткие Штанишки — это обо мне. Фазевелл был единственным, кто называл меня так. Большой Фред, ведущий номера под названием «Что это?», как-то попробовал — и я расквасила ему нос.

Если вечер тянулся долго и Фазевелл выпивал лишку, он становился угрюмым и рассказывал про войну и про своего

друга, какого-то человека старше его, имени Фазевелл никогда не называл.

— Двадцать шестой Северокаролинский собирался в Роли, и в первую ночь я не мог уснуть — вокруг совсем не было гор, чтобы поддержать меня, потому я уткнулся лицом в подушку и заплакал. И мне не было стыдно. Окружающие или смеялись, или велели замолкнуть, а этот человек сказал: «Парень, показать тебе фокус?» Какой же мальчишка не любит фокусы? И какой же мальчишка, увидев фокус, не захочет его повторить?

Вспоминая об этом, Фазевелл смотрел куда-то вдаль, а руки его продолжали совершать манипуляции, словно бы жили своей жизнью.

— В Нью-Берне он научил меня фокусам с четырьмя тузами и с монетой, проходящей сквозь платок. В Вилдернессе — сбору фигур по мастям и исчезновению монеты. В Спотсильвании — смене масти и чудесному восстановлению разорванной карты. Всю войну, каждый божий день, я отрабатывал три главных исчезновения. — При этих словах три монеты исчезали из руки Фазевелла, одна за другой. — Такова была наша война. Это помогало мне не думать о многом — и, быть может, ему тоже. У него был туберкулез — к концу войны уже в тяжелой форме. Последнее, чему он меня научил, — ловить пулю. Это было в форте у Аппоматокса, перед самой его смертью. Я забрал один из его башмаков. Все остальное сожгли. Когда его карманы вывернули, там лежали лишь монеты, карты да бумага, которую он тоже использовал в фокусах. Они больше не казались волшебными. Они выглядели как... как хлам. Магия ушла вместе с ним, кроме той небольшой части, что он оставил мне.

— А чему ты научился в Геттисберге? — спрашивал кто-нибудь.

Фазевелл отвечал:

— Тому, чему я научился в Геттисберге, я не стану учить никого. Но когда-нибудь, живой или мертвый, я предъявлю дьяволу счет за то, чему я научился в Геттисберге.

После этого он показывал фокусы с ножом, а я уходила наверх спать.

Мое переходное лето завершилось вместе с последним сеансом в субботу вечером. Я перематывала диораму к началу — и тут услышала, как профессор с кем-то разговаривает. С посетителем, что ли? Но голос был мне знаком, постепенно он становился громче.

— Баба ты — вот кто! Она все сделает нормально, увидишь!

Больше я ничего не поняла из-за вращающейся бобины, а останавливать ее я не хотела — боялась, что меня поймут за подслушиванием. Потом вдруг на моей стороне диорамы появились профессор и волшебник Фазевелл.

— Останови этот агрегат, Короткие Штанишки. Потом перемотаешь. А сейчас пойдем, поможешь мне.

Волшебник что-то держал в руках — нечто спутанное, блестящее в свете лампы. Он сунул это что-то мне.

— Вот, держи. Представление должно было начаться еще пять минут назад.

— О чем вы?

Вещь в моих руках оказалась коротким платьем, расшитым блестками и перьями, к нему прилагались шляпа и туфли без задника, но на каблуках. Я посмотрела на Фазевелла — тот пил из фляжки — и на профессора — тот поглаживал свою серебристую бороду.

— Перл, пожалуйста, помоги мистеру Фазевеллу, будь хорошей девочкой. Беги переодеваться. Встретимся в театре, за кулисами.

Я поднесла наряд к свету — если это можно было назвать светом. И если это можно было назвать нарядом.

— Сьюки не ассистирует мистеру Фазевеллу на девятичасовом вечернем представлении, потому что она заболела.

— Вы хотите сказать — напилась в стельку! — взревел Фазевелл и поднял фляжку.

Профессор выхватил ее у волшебника. Что-то брызнуло мне на щеку и обожгло ее.

— В одиннадцать напьетесь хоть до беспамятства! — сказал профессор. — Перл, тебе нужно всего лишь помахать зрителям рукой, забраться в ящик и полежать там. Это нетрудно. Все остальное сделает мистер Фазевелл.

— Клинков даже рядом с тобой не будет, Короткие Штанишки. Ящик с секретом, и ты совсем малявка. Тебе даже поджиматься не придется.

— Но... — попыталась возразить я.

— Перл! — проговорил профессор так, словно в моем имени было пятнадцать «р».

Я побежала вверх.

— Что с тобой? — спросила Салли Энн, когда я влетела в комнату.

Я объяснила ей ситуацию, пока она помогала мне стащить рабочий комбинезон и натянуть турецкий наряд.

— Что они себе думают?! — возмутилась Салли Энн. — Стой смирно! Если я тут не затыну, ты из этого вывалишься.

— У меня ноги мерзнут! — завопила я.

Шляпу можно было назвать шляпой лишь с большой натяжкой. В дождь она бы вас совершенно не защитила. В конце концов я кое-как примостила ее на голове и убрала страусиный плюмаж с лица. Салли Энн посмотрела на меня как-то странно.

— Ой-ой, — пробормотала она.

— Что такое?

— Ничего. Ладно, пойдем. Я хочу это видеть. Одежда меняет человека, верно?

— Меня — нет! — возразила я и чуть не полетела с лестницы, но Салли меня поймала. — Как люди вообще ходят на таких каблуках?!

Нигде на свете не бывает так темно, как в театре за кулисами, но Салли Энн как-то сумела провести меня между всеми этими веревками и мешками с песком, ничего не задев. Я несла туфли. За занавесом туда-сюда носился профессор. Я быстро нацепила туфли, выглянула сквозь щель в занавесе, и меня ослепили лампы на сцене.

Фазевеллу пришлось орать, чтобы его услышали: вероятно, театр был под завязку забит пьяными.

— А теперь моя очаровательная ассистентка продемонстрирует, что не скован еще палаш, способный порезать ее! Она в силах увернуться от клинка любого кавалериста, является ли он ветераном великой армии республики...

Толпа зашикала и засвистела.

— ...сражался ли он при Теннесси под началом великого Натана Бедфорда Форреста!

Толпа разразилась одобрительными возгласами и затопала.

— Давай,— прошептал профессор и открыл занавес.

Я заморгала от яркого света; мне по-прежнему ничего не было видно. Мозолистая ладонь Фазевелла ухватила меня за руку и потянула вперед.

— Леди и джентльмены, позвольте представить вам Афродиту, жемчужину Камберленда!

Я застыла.

Толпа продолжала вопить.

На столе перед нами лежал длинный ящик, похожий на гроб; крышка его была откинута. Рядом на столе лежала груда палашей.

— Ложись в ящик, золотце,— тихо скомандовал Фазевелл.

На нем было длинное синее одеяние и колпак, лицо блесло от пота.

Я подошла к ящику, словно марионетка, и увидела грязную подушку и вульгарного вида покрывало.

— Если кто-то сомневается в том, что наша Афродита абсолютно неуязвима, предлагаю за дополнительную плату в пятьдесят центов встать здесь, на сцене. После того как я засуну все палаша в ящик, можно будет заглянуть в него и убедиться, что ножи не нанесли ни малейшего ущерба этой молодой женщине — разве что ее наряду.

Толпа разразилась хохотом. Сморгив слезы, я наклонилась над ящиком и вышла из туфель, сначала из левой, затем из правой. Я подняла голову и увидела лицо какого-то жирного типа в первом ряду. Он мне подмигнул.

В моих ушах зазвучал голос профессора: «Сейчас семейное представление, друг мой, приходите после десяти».

Я развернулась и побежала.

Крики толпы пронесли меня через занавес, мимо Салли Энн и профессора. Во внезапно окружившей меня тьме я споткнулась о мешок с песком, упала и ободрала колени, потом встала, распахнула дверь и устремилась дальше.

— Перл! Вернись!

Лицо мое горело от стыда и гнева на себя, толпу, Фазевелла, профессора, на Салли Энн и на эти дурацкие туфли! Мчась по коридорам босиком, словно обезьянка, я поклялась, что никогда больше не надену ничего подобного. Я летела со всех ног — не вверх, не в комнату, где я спала, а к единственному месту в музее, которое в душе ощущала своим.

Я захлопнула за собой дверь и остановилась, тяжело дыша, у диорамы инфернальных регионов.

Кто-то — возможно, профессор — частично выполнил мои обязанности, погасив иллюминацию. Эту часть работы я любила меньше всего — выключать лампы одну за другой, как будто свечи на торте. Но профессор не смотал рулон до конца. За сценой было темно, но на холсте, на уровне глаз, трепетал небольшой клочок света.

Наверняка мои друзья, когда я исчезла, решили, что я хочу оказаться как можно дальше от музея. Но они ошиблись. Я бежала не от чего-то, я бежала к чему-то, хотя и не знала, к чему именно. Желание найти это «что-то» и составляет основную часть моей истории — возможно даже, всей моей жизни.

Я подошла к единственному мерцающему пятнышку со своей стороны холста. Кончик моего носа оказался в дюйме от краски. Вдохнув, я почувствовала запах древесных опилок и грецкого ореха. Когда я выдохнула, кусочек сделался еще ярче. Если осторожно подуть на огонек, он не погаснет, а разгорится. Так и случилось с этим светящимся местом. Я почти увидела сквозь него какую-то комнату с витражами. Сзади донесся женский голос, звавший меня по имени, впереди звучала органная музыка.

Я закрыла глаза и сосредоточилась не на холсте, а на комнате за ним.

И шагнула вперед.

Вам когда-нибудь доводилось проходить сквозь паутину? Вот так я и шагнула из Колоссального Космополитического музея и павильона Науки и Искусства профессора ван дер Аста в место безбилетного киоска, в мой собственный холст, в мои инфернальные регионы.

Это были не похороны, а бал. Органист играл вальс.

Открыв глаза, я увидела, что нахожусь в танцевальном зале, полном призраков.

Я протянула руку назад, силясь нащупать холст или хоть что-нибудь знакомое и надежное. Но вместо этого я почувствовала холодную твердую поверхность: великолепное окон-вitraж во всю стену, с изображениями русалок, волшебников и девушки за рулем адской машины. Окно и комната завертелись вокруг меня. Ноги подогнулись, и я осела на прекрасный паркетный пол.

Нет, это не комната кружилась, это кружились танцоры, и еще как! Пятьдесят пар в вихре танца неслись по залу; сквозь их полупрозрачные тела видны были серебряные канделябры, стенные панели из красного дерева и обои из золотой фольги. Среди танцоров были старики и молодые люди, богато и бедно одетые, белые, чернокожие и индейцы. На одних были парики и короткие бархатные штаны, на других — одежда из замши и меховые шапки, были и те, кто надел бальное платье или фрак. Они не походили на актеров и двигались быстрее, чем, казалось, позволяют шаги. Их ноги не касались пола. Эти танцоры вальсировали в воздухе.

У дальней стены стоял орган-позитив. За ним, спиной ко мне, сидела миниатюрная седовласая дама; плечи ее вздрагивали — с такой силой ее пальцы опускались на клавиши, а ноги нажимали на педали. Сквозь нее я попыталась разглядеть ноты, по которым она играла, но не смогла. Дама не была призраком. Она была материальна. Я посмотрела на свою руку и увидела сквозь нее узорный паркетный пол. Тут-то я и закричала.

Музыка смолкла.

Танцоры остановились.

Пожилая дама развернулась на скамеечке и посмотрела на меня.

Все посмотрели на меня.

Потом танцоры ахнули и отступили — нет, отплыли по воздуху — подальше. Ощувив позади некое движение, я подняла голову и увидела, как из витражного окна шагнула то-

щая девчонка в платье с перьями. Я закричала снова. Девчонка подскочила и стала мне вторить.

Девчонка была мной, и она тоже была полупрозрачной.

— Пятиминутный перерыв! — раздался пронзительный голос миниатюрной пожилой дамы. — После перерыва танцуем виргинскую кадрили!

Вторая Перл примостилась на пол рядом со мной. Третья Перл шагнула из витража. В этот самый миг пожилая дама очутилась рядом с нами, на ней было великолепно сшитое черное траурное платье; откинута вуаль открывала пухлые, румяные щеки и большие серые глаза.

— Э, нет! — сказала дама. — Так не пойдет! Первое правило парапсихического перемещения — держать свою целостность.

Из окна шагнула четвертая Перл. Пожилая дама взяла за руки меня и вторую Перл и прижала наши ладони друг к другу. Ощущение было — как будто вдавливаешь ладонь в сливочное масло: моя рука начала погружаться в ее руку, а ее рука — в мою. Мы обе закричали и попытались вырваться, но хватка у пожилой дамы, державшей нас за запястья, была железной.

— Лучше закрой глаза, милочка, — посоветовала она.

Глаза мои тут же крепко зажмурились — не по моему желанию, а как будто чья-то невидимая рука дернула за веки, как за жалюзи. Пожилая леди ухватила меня покрепче, и я испугалась, что сустав сейчас хрустнет. Тело мое потеплело, начиная с того же запястья, и я почувствовала себя лучше — не просто спокойнее, а как-то полнее, завершенней.

В конце концов пожилая дама выпустила мою руку и произнесла:

— Теперь можешь посмотреть, милочка.

Я открыла глаза, на этот раз по собственной воле, и уставилась на свои руки, со всеми их складочками, мозолями, обгрызенными до мяса ногтями. Они оказались настолько знакомыми и крепкими, что я расплакалась.

В зале не было никого, кроме меня — одной меня! — и стоящей на коленях рядом со мной пожилой дамы. Был еще

подпрыгивающий у нее за спиной призрак — смахивающий на хоряка усатый мужчина в котелке и клетчатом жилете, когда-то, возможно, цветном, но теперь сером в серую клетку.

— Прекрасная работа,— заметил этот парящий в воздухе тип.— У вас руки хирурга.

— Руки тут имеют наименьшее значение, мистер Деллафейв, но вы очень любезны. Господи, дитя, ты меня так напугала! Шесть штук тебя запутались в стекле. Хорошо, что это произошло при мне и все удалось исправить. Но я забыла о хороших манерах. Я — Сара Парди Уинчестер, вдова покойного Уильяма Вирта Уинчестера, а это — мой друг, мистер Деллафейв.

Она оглядела мой наряд, протянула руку и дернула с меня плюмаж из страусиных перьев.

— Ты слишком молода для танцовщицы,— сказала она.

Я вздрогнула и вытерла нос тыльной стороной своей чудесной и милой давней подружки — ладони.

— А я... А вы... Простите, пожалуйста, а это рай или ад? — поинтересовалась я.

Пожилая дама и человек в котелке дружно рассмеялись. Его смех напоминал звук выходящего пара, а вот смех дамы был глубоким и громким, как будто смеялась женщина куда моложе и куда крупнее.

— Мнения расходятся,— ответила пожилая дама.— Мы считаем это просто Калифорнией.

Леди Уинчестер сообщила, что это место называется «Вилла Лланада». По ее словам, это переводится с испанского как «дом на равнине». Мне никогда не доводилось бывать ни в одном доме, пока окно-витраж не привело меня в Дом-на-равнине, где я впервые столкнулась с самим принципом подобного жилья. Ну и знакомство это было, скажу я вам! Никакой дом, виденный мной с тех пор, и в подметки ему не годился.

Начнем с размера. «Вилла Лланада» занимала шесть акров. Если считать отгороженные комнаты, в которые могли попасть только призраки, но не считать те, которые были

разрушены или совмещены с более просторными помещениями, всего в доме было сто пятьдесят комнат, плюс-минус дюжина — по большей части спален. «Я сама ночевала всего-то в семидесяти или в восьмидесяти,— говорила вдова,— но этого достаточно, чтобы уловить общую идею».

Здание это не было достроено. Повсюду добавлялись балконы, террасы, крытые галереи, башенки, целые крылья — либо наоборот, сносилось или реконструировалось то, что создали всего месяц назад. Строительство велось в отдалении от фасадной части дома, где в основном обреталась вдова, но визг пил, стук молотков и голоса рабочих — «Так держать! А теперь самую чуточку вправо, Билл!» — слышны были днем и ночью. Они трудились круглые сутки, посменно. Раз в неделю десятники снимали шляпы и собирались на крыльце в ожидании зарплаты. Вдова выкатывала из дома детскую тележку с тяжелыми мешками, в каждом из которых было столько золотых монет, что десятник мог выдать своим рабочим деньги из расчета три доллара за день в одни руки. Десятники были мужиками здоровенными, но и им приходилось поднатужиться, чтоб поднять и унести эти мешки. Впрочем, они не жаловались.

— А вы не боитесь? — поинтересовалась я у вдовы, впервые увидев платежный день.

— Чего, милочка?

— Что кто-нибудь из них вломится в дом и ограбит вас.

— Ох, Перл, от тебя прямо не знаешь, чего и ждать! Нет-нет, можешь грабителей не опасаться.

Наверное, непрошеные гости быстро заблудились бы в помещениях, поскольку планировка многих частей дома не поддавалась логике. Лестницы приводили к потолку и там заканчивались. Дверь могла открываться в глухую кирпичную стену или наружу — в никуда, даже не на балкон. Дом вдоль и поперек пересекали тайные ходы под рост вдовы, так что она могла внезапно появляться и исчезать без предупреждения, не хуже призрака. Вдова мне поведала, что главную дверь как установили, так больше и не отпирали, даже не трогали с тех самых пор.

Но снаружи здание сбивало меня с толку еще сильнее. Стоило мне завернуть за любой угол — и я обнаруживала сводчатые окна, лоджии, башенки с остроконечными крышами из красной черепицы, купола и нескончаемую позолоту. Если же я заворачивала за другой угол, то видела то же самое, только в еще больших количествах. Я слышала, что у большинства домов четыре угла, но у Дома-на-равнине их были десятки. Выплывывать наружу тоже было бессмысленно, потому что, куда бы я ни смотрела, я натыкалась на все ту же высокую живую изгородь из кипарисов, а за ней — на пологие холмы, засаженные абрикосами, сливами и грецкими орехами. Холмы эти уходили к горизонту. Мне ни разу не удалось обойти дом целиком — я неизменно сдавалась и возвращалась внутрь, и неизменно оказывалась в комнате для завтраков, и вдова все так же сидела в плетеном кресле и вязала. Она поднимала голову и обращалась ко мне: «Как попутешествовала, милочка?»

Ни в одной из ста пятидесяти комнат не было ни одного зеркала, что лично меня вполне устраивало.

Иногда мне делалось одиноко. Большинству призраков не о чем говорить — во всяком случае, с живыми, — кроме банальных фраз о погоде. Немногочисленные слуги, казалось, боялись меня, и никто из них не оставался в доме после захода солнца. А с рабочими мне вообще запретили разговаривать.

— А что, у вас тут никого не бывает, — спросила я как-то у вдовы, — кроме этих рабочих, призраков, слуг и меня?

— О господи! Ты что, полагаешь, что этого недостаточно? Насколько я знаю, тут четыреста семьдесят три призрака, а сколько рабочих ходит туда-сюда — вообще одному богу ведомо, и все это не считая кошек. И ты, Перл, тут не «бываешь». Считай, что это твой дом — до тех пор, пока тебе угодно в нем оставаться.

Мистер Деллафейв был единственным призраком — не считая кошек, — который не возражал против моего общества. Через три недели своего пребывания в Доме-на-равнине, во время неспешной прогулки вокруг чилийской араукарии, я обратилась к нему:

— Мистер Деллафейв, а чем вы занимались до того, как...

У мистера Деллафейва сделалось лицо человека, который ждет, что сейчас его чувствам будет нанесен удар, и не намерен этого скрывать.

— ...как прибыли сюда? — закончила я.

— А! — с улыбкой отозвался мистер Деллафейв. — Я работал счетоводом в одном из банков Сакраменто. В основном я занимался сложением, дважды в неделю — вычитанием, а по праздникам — умножением. Деление столбиком было абсолютно не в моей компетенции — над этим трудился другой этаж целиком, — но, несомненно, я мог бы с этим справиться. Я готов был служить. Если бы третий этаж поглотил пожар или наводнение, деление столбиком продолжалось бы без перерыва, поскольку я прошел соответствующее обучение. Но этот решающий момент, как и большинство решающих моментов, так никогда и не настал. Я являлся в банк каждое утро к восьми. В полдень я отправлялся в кафе на другую сторону улицы и заказывал там два яйца, соленый огурец, шипучий напиток с экстрактом сарсапарели и дневные газеты. В пять часов ежедневно я покидал банк и возвращался в меблированные комнаты на ужин к шести. Я был настоящим часовым механизмом. «По Деллафейву можно сверять время» — так говорили и в банке, и в салуне, и в меблированных комнатах, и... на самом деле только там и говорили, потому что это были единственные места, где меня вообще кто-то замечал. Тот водитель трамвая меня определенно не увидел. Иначе посигналил бы, у них это в инструкции записано. Честно говоря, всему причиной неаккуратность; не хочется это признавать, но так оно и есть. Я знаю, что в тот момент должно было быть двенадцать сорок семь, потому что я вышел из кафе в двенадцать сорок шесть, а трамвай должен был проехать не ранее двенадцати сорока девяти. Я шел по расписанию, а трамвай — нет. Я поднял голову, и он вдруг оказался передо мной. Я замахал руками — как будто это могло чем-то помочь. Когда я их опустил, то оказалось, что я нахожусь в садовом сарайчике миссис Уинчестер. Я никогда не был особо религиозен, дорогая Перл, но полагал, что неплохо осведомлен обо всех теориях загробной жизни... однако

ни одна из них не подготовила меня к садовому сарайчику миссис Уинчестер. Я даже не прихватил с собой газету.

— Но почему?..

Мистер Деллафейв вскинул руку, словно невозмутимый офицер полиции на перекрестке.

— Перл, я понятия не имею, почему я попал сюда. Никто из нас этого не знает. Я вовсе не хотел сказать, что мы несчастны — это очень приятное место, а миссис Уинчестер добра к нам, но покинуть этот дом мы не можем никоим образом. Когда я пытался пройти через кипарисовую изгородь, в тот же миг оказывалось, что я вхожу в этот же сад через другую ограду. И с какой стороны ни пробуй — все одно и то же.

— Я думаю, миссис Уинчестер — магнит, а вы и прочие...

— Да-да, металлические опилки. Кнопки, которые она вытягивает из ковра. Я иногда стою в башне — если, конечно, тут уместно слово «стою» — и смотрю на окружающие крыши и печные трубы, принадлежащие одному и тому же дому. Вынужден признать, что тут больше места, чем я позволял себе при жизни. Как если бы меблированные комнаты располагались у парадного входа, банк находился в районе портика, а кафе — у третьей застекленной террасы, той, которую обнесли стеной и куда солнце теперь не попадает, — такой была моя жизнь. А ведь это на самом деле лишь небольшая часть здания, которое, в свою очередь, — незначительный участок земли. И теперь я жалею, что не отважился на большее, когда имел такую возможность.

Мы молча шли рядом, во всяком случае, я шла и размышляла над тем, что владелица дома, судя по всему, сама не в силах его покинуть. А как насчет меня? Могу ли я оставить Дом-на-равнине? И если идти, то куда? Профессор ван дер Аст казался более далеким, чем другой континент.

— Тебе стоит вернуться в дом, Перл. С залива тянет сыростью.

Я потянулась губами к щеке мистера Деллафейва. Когда он начал растворяться, я решила, что придвинулась достаточно близко, и поцеловала воздух.

— Чушь! — воскликнул он и окончательно исчез.

Я не чувствовала никакой особой влажности, но, когда помчалась обратно в дом, все-таки плотнее завернулась в шаль.

На следующий день случилось землетрясение.

Люстры раскачивались. Орган вздыхал и стонал. В шкафах дребезжала хрустальная посуда. Какой-то гвоздь выбрался на волю и покатился по гудящим половицам. Гул нарастал, но не снизу, а по сторонам и сверху, как будто звук вдавливало в дом отовсюду. Призраки неслись в безумном вихре, пролетая над головой, словно поток дыма, смешанный и безликий, в котором лишь время от времени проступало то одно, то другое испуганное лицо. Я, пошатываясь, шла вдоль стены, пытаясь удержаться на ногах и добраться до ближайшего выхода — парадной двери. Один раз я все-таки упала и, когда ладони коснулись горячего паркета, вскрикнула от боли.

Пока я, спотыкаясь, шла через вестибюль, в глаза мне набилась пыль от штукатурки. Я поняла, что совершила ошибку, когда увидела массивную парадную дверь, конечно же запертую. Ключ от нее давно был выброшен или запрятан в какой-нибудь дальний посудный шкаф этого безумного дома. Если все это монументальное здание рухнет и раздавит меня, то плита темного дуба с причудливым рисунком единственная устоит и превратится в мое надгробие.

Дедушкины часы накренились и рухнули прямо у меня за спиной с таким грохотом, словно ударила сотня тяжелых колоколов. Я метнулась к двери и дернула ручку. Та повернулась с легкостью, будто ее смазывали каждый день. Без малейших усилий я рывком отворила дверь. Внезапно сделалось тихо, все застыло. За дверью был чудный весенний день. В миртовом кусте запела малиновка. На крыльце стоял высокий темнокожий мужчина в угольно-черном фраке и с цилиндром в руках. Он улыбнулся мне сверху вниз.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Я уже начал бояться, что никого не застаю. Надеюсь, вы были не слишком далеко, когда услышали, как я стучу? Я знаю, что пересечь этот дом труднее, чем штат Оклахома.

— Вы стучали? — Я была слишком ошеломлена, чтобы помнить о вежливости. — Это ваш стук в дверь такое творит?

Гость шагнул через порог и тихо рассмеялся, что выразилось лишь в широкой улыбке и легком намеке на кашель.

— Что? О, нет-нет! Просто моя репутация меня обгоняет. Прошу, скажите — дома ли хозяйка?

— Где ж еще мне быть, Витстроу! — воскликнула вдова, внезапно возникшая рядом со мной. Из ее прически не выбилося ни единого волоска.

— Здравствуй, Уинчестер, — кивнул гость.

Они молча смотрели друг на друга и не двигались. Сзади послышались какой-то шум и приглушенный лягз. Я обернулась и увидела, как дедушкины часы возвращаются на свое обычное место, в угол.

Затем вдова и гость рассмеялись и крепко обнялись. Она даже согнула ногу в колене. Голова ее не доходила гостю до подбородка.

— Перл, — обратилась ко мне вдова, — это мистер Пит Витстроу.

— Питер, — поправил гость и слегка поклонился.

— Мистер Витстроу, — повторила вдова. — Изрядный шельмец. О господи, — добавила она так, будто ее только что озарила мысль. — Как ты вошел?

Мы дружно посмотрели на парадную дверь. Она снова была заперта, засовы задвинуты, дверные петли покрыты ржавчиной. Открыть ее можно было разве что с помощью динамита.

Этот человек, Витстроу, кивнул в мою сторону.

— Да, мне стоило догадаться. Она чувствует себя в этом доме непринужденно, как термит. В любом случае, ты явился не только ради того, чтобы со мной повидаться, старый бездельник. — Вдова проскользнула мимо гостя, увесисто по нему хлопнув. — До чая еще полчаса, но ты все равно можешь присоединиться к нам.

Витстроу предложил мне руку и подмигнул. На мой взгляд, излишняя вольность, но я была слишком потрясена этим «землетрясением» и не могла думать о таких мелочах. Опер-

шись на его руку (под пышным нарядом скрывались крепкие, словно дуб, мускулы), я почувствовала, что все мое тело ноет, словно после тяжелой работы. Пока Витстроу увлекал меня через вестибюль, я оглянулась и бросила взгляд на наглухо заделанную дверь.

— Я слышал о вашем пребывании здесь, — сказал Витстроу.

— Откуда?

— О, вы очень громкая особа, мисс Большие Ноги, топ-топ-топ. — Он снова подмигнул мне. — Или так топает ваша репутация?

Коридор был не такой, как обычно, но я никак не могла сообразить, в чем дело. Потом до меня дошло: он пустовал. Дом снова вернулся к нормальному своему состоянию — картины вернулись на гвозди, штукатурка — на стену, — за одним исключением: призраков видно не было. Обычно они проскальзывали мимо меня, надо мной, сквозь меня и даже проходили через стену моей спальни, а потом пятались с извинениями, как человек, не заметивший сразу, что все места в купе заняты, и я так к этому привыкла, что их присутствие абсолютно перестало меня волновать. А вот от их отсутствия меня пробрала дрожь.

— Они вернутся, когда я уйду, — произнес Витстроу.

Я рассмеялась.

— Вы подразумеваете, что перепугали наших призраков? То есть я имела в виду, что э-э... гости миссис Уинчестер вас недолюбливают?

— Я уверен, что они ничего не имеют против меня лично. С чего вдруг? Если со мной познакомиться поближе, то оказывается, что я славный мальтый, кладезь учености, любезности и остроумия, приличный танцор и желанный партнер для игры в вист. Я никогда не брызгаю слюной во время смеха и не окунаю манжеты в суп. Нет-нет, все дело в моем месте работы. В компании, которую я представляю, — в «Старой фирме». На самом деле это детище моего тестя, и наследство мне не светит. Но в наше время всем нам приходится трудиться на кого-то.

Я подумала о Салли Энн, Черкесской Принцессе, и о том, как Фазевелл держал меня за руку.

— Чистая правда, — согласилась я.

Витстроу со стуком поставил на стол чашку и блюдо.

— Довольно пустой болтовни, — изрек он. — Пришло время вопросов.

— О Пит! — воскликнула вдова. — Неужели это обязательно? Мы так славно проводили время... Наверняка это может подождать!

— Лично я ничуть не спешу, но мой тесть — совсем другое дело. Нетерпеливость — его характерная черта. Собственно, она его и привела к нынешней, хм, профессии. Перл, будьте добры, уделите мне немного внимания.

Я ничего на это не ответила, потому что как раз целиком засунула в рот очередное шоколадное печенье. Пока я не попала в Дом-на-равнине, я толком не понимала, что у профессора ван дер Аста всегда была немного голодна.

Витстроу порывлся во внутреннем кармане фрака и вытащил оттуда распылитель. Он открыл рот и побрызгал себе в горло.

— Ла-ла-ла-ла, — пропел он. — Ла-ла-ла-ла-ла-а-а! Безупречный тембр, как всегда. Уинчестер? — Витстроу предложил распылитель вдове. — Как хочешь. Итак, Перл.

Он продолжил красивым баритоном:

Должна ты ответить на девять вопросов,
Девять, девять и девяносто,
Иль ты не божья, а моя,
Прекрасная ткачиха.

— Кстати, Перл, когда я произношу «моя» — я говорю не от своего имени, а от имени фирмы, которую представляю.

— А когда говорите «божья» — это от лица фирмы, которую вы не представляете? — уточнила я, тщательно подбирая слова.

— В целом — да. Теперь же, если ты не будешь перебивать...

— Я не перебиваю! — перебила я. — Вы сами себя перебили!

Витстроу хлопнул ладонью по столу.

— Вот это мысль! Как будто можно самому себя перебить. Этак вы заявите, что река может сама себя запрудить, или изгородь — сама себя перепрыгнуть.

— Или зануда — сам себе наскучить, — вставила вдова.

— Не помогай, — оборвал ее Витстроу.

— И я не прекрасная ткачиха, — возразила я, раздражаясь, — что бы это ни значило.

— Ну, — протянул Витстроу, — ткачиха делает ткани, например, те, из которых шьют фартуки. Или кляпы. А прекрасным называют милое, приятное для взгляда существо, драгоценную вещь.

— Не знаю я никаких ткачих, — заявила я, — разве что мою подругу Салли Энн, она меня учила пуговицы пришивать. И ничего я не прекрасная, не милая и не драгоценная.

— Допустим, для данного момента это верно, — согласился Витстроу. — Но не следует воспринимать все настолько буквально. Когда ты восклицаешь: «Я глупая гусыня!» — ты же не имеешь в виду, что тебя ошпылют и зажарят, и когда кричишь: «Я в ярости», — ты не просишь, чтобы на тебя надели смирительную рубашку, а когда говоришь: «Будь я проклята», — ты не имеешь в виду...

Он умолк, не окончив фразу. Потянуло холодком. Солнечный свет, струившийся сквозь окно эркера, потускнел, как будто на солнце набежала тучка.

— ...собственно, ничего не имеешь в виду, — продолжил Витстроу и улыбнулся, когда солнце вышло снова. — Итак, для целей данной песни, кто же ты, если не прекрасная ткачиха?

Я скрестила руки на груди, расправила плечи настолько, насколько позволяла спинка диванчика, и сердито посмотрела на Витстроу, твердо вознамерившись сбить с него эту самодовольную ухмылку.

— Я прекрасная ткачиха, — сказала я.

«Ни фигя подобного», — подумала при этом про себя.

— Превосходно! — Витстроу был доволен. — Итак, на чем я остановился? Вернемся к Книге Бытия, как сказала бы моя бабушка.

Он кашлянул, прочищая горло.

Должна ты ответить на девять вопросов,
Девяносто девять и девяносто,
Иль ты не божья, а моя,
Прекрасная ткачиха.

Мне стало любопытно — девять, девяносто девять и девяносто чего? Но я предпочла промолчать.

Что молока белее?
Девяносто девять и девяносто,
Что шелка мягче?
О, прекрасная ткачиха!
Что дерева выше?
Девяносто девять и девяносто,
Что моря глубже?
О, прекрасная ткачиха!
Что рога громче?
Девяносто девять и девяносто,
Что шипа острее?
О, прекрасная ткачиха!
Что ягненка невинней?
Девяносто девять и девяносто,
Что женщин хуже?
О, прекрасная ткачиха!

Эти короткие куплеты показались мне длинными. Я твердо намеревалась не поддаваться им, держаться непокорно и недовольно — но стоило послушать совсем немного, и песня окружила меня со всех сторон и затопила с головой. Я спала и бодрствовала одновременно, узор на паркетном полу был полон лиц, диванчик оттолкнул и смял мои плечи, шнурки моих высоких ботинок повели во тьму, словно в туннель Лукаут-Маунтин. Я не поручусь, что Витстроу и вправду был отличным танцором, как он утверждал (хотя подозреваю, что «приличный» — не совсем подходящее слово), но петь этот человек умел. И где-то на втором часу песни (да, я думаю, что говорю — некоторые строки повторялись, или удлинялись, или расширялись) к Витстроу присоединился женский голос. Звуки переплелись, словно пряди хорошей веревки. Это вступила вдова Уинчестер. «И ты — прекрасная ткачиха».

Я резко втянула воздух и выпрямилась, словно пробудившись ото сна, но бдительности у меня убавилось. Куплеты

продолжались. Вдова делала вид, будто собирает посуду после чаепития, а Витстроу притворялся, будто изучает собственные ногти.

— Реплика насчет женщин оскорбительна, — заявила вдова.

— Она написана не мной, — откликнулся Витстроу. — Ее придумал народ.

— Не народ, а мужчины, — поправила вдова.

— Восемь, — выпалила я и лишь потом поняла смысл.

Витстроу, не поднимая глаз, вопросительно буркнул нечто невнятное.

Вдова держала наклоненную чашку, совершенно не обращая внимания на то, что струйка недопитого чая, как паучок по паутине, спускается в блюдце.

— Восемь, — повторила я. — Молоко и шелк — два. Дерево и море — четыре. Рог и шип — шесть. Ягненок и женщины — восемь. «Должна ты ответить на девять вопросов...» — с удивлением скорее пропела, чем проговорила я. — Но тут не девять, а восемь. Какой же девятый?

Витстроу и вдова переглянулись.

— Может, это он и есть, — пробормотал Витстроу. — Может, «Какой же девятый?» и есть девятый вопрос.

— Нет, — возразила я.

— Почему же нет? — вкрадчиво поинтересовался Витстроу.

— Потому, — отрезала я. — Потому что это глупость.

Витстроу расхохотался и хлопнул по бедру своим цилиндром. Вдова со стуком поставила одну тарелку на другую.

— Форменная глупость, — сердито бросила она. — Пит, возьми тарелки. Я попросила — возьми тарелки! Поработай хоть разок в своей лентяйской жизни.

— Так какой же девятый вопрос? — настаивала я.

— Вот ты нам и скажешь, — ответил Витстроу.

— Ты имеешь в виду — скажет тебе? — возмутилась вдова, вручив ему стопку тарелок и подтолкнув к выходу из комнаты. — Меня в это не втягивай!

— Прошу прощения, леди Астор, но чей это дом? — воскликнул Витстроу. — Девушка — волшебница, Сара, а ты не

можешь поставить волшебницу в шкафчик с фарфором, как безделушку-украшение, как одного из твоих призраков, как мистера Деллафейва!

Витстроу прошел мимо шкафчика с посудой. Дверцы задрожали, и внутри кто-то пискнул.

— Ты знаешь правила, — продолжил он, когда мы все оказались на кухне.

Витстроу с грохотом свалил тарелки в раковину и развернулся к нам. Я попыталась спрятаться за вдову, хоть та и была на фут ниже меня. Витстроу ткнул в ее сторону пальцем, как будто намеревался проделать дыру в воздухе. Его аккуратный ноготь джентльмена сделался длинным и зазубренным, с какой-то грязью под ним, а глаза стали красными, словно у пьяницы.

— Ты только глянь на нее! Я тебя умоляю — ты только стань рядом с ней! Она же питается магией, как печь — углем, а мир полон спичек! Она сейчас в другом мире, и она должна учиться. — Витстроу повернулся ко мне. — Чаепитие окончено, дорогая. Отныне за испытанием последует испытание, а ты получаешь свое первое задание, свои первые девять вопросов.

— Восемь, — поправила я.

Витстроу запрокинул голову и расхохотался — точнее, взревел, словно бык. Я заткнула уши и завизжала. Одежда на нас заколыхалась, словно под сильным ветром. На шее Витстроу отчетливо проступили жилы. Его горячее дыхание заполнило комнату. Потом он закрыл рот, и рев прекратился.

— Ладно, — произнес он. — Восемь. Ты должна «Старой фирме» восемь вопросов — и еще один.

Он энергично натянул цилиндр по самые брови и прыгнул в раковину. Там он присел на корточки, подмигнул и с бульканьем исчез в сточной трубе. Цилиндр упал на фарфоровую поверхность и несколько мгновений лежал там, мелко дрожа, пока его тоже не затянуло куда-то в глубины канализации. Из труб донеслось хихиканье Витстроу, и призраки с воплями хлынули из водопроводного крана.

— Выпендрейщик! — Леди Уинчестер сжала мою руку. — И лжец к тому же. В вист он играет отвратительно.

— А когда он сказал, что я должна ответить на эти вопросы, он тоже солгал?

— Нет, это достаточно близко к истине.

— А когда назвал меня... волшебницей?

Вдова улыбнулась.

— Чистейшая правда.

— У всех волшебников один и тот же талант, — объясняла мне вдова. Она мыла уцелевшие тарелки, а я вытирала. — Так же, как у всех плотников, всех художников, всех садовников. Но у каждого волшебника имеется также некая особенность, специализация, в которой он особенно силен. Иные трудятся десятилетиями, прежде чем находят эту свою уникальность. Другие лишь задним числом понимают, что это было, на смертном ложе, если вообще понимают. А некоторым их способности даются почти с самого рождения, как всем нам даруются земля и небо. Я сама была от горшка два вершка, когда осознала, что среди множества друзей, играющих со мной каждый день на чердаке и в беседке, увитой виноградом, и в глухих уголках сада, попадают дети, которых вижу только я. Моим родителям не нравилось, когда я говорила о них что-нибудь вроде: «Ой, папа, представляешь, Мери только что прошла сквозь твой жилет, пока ты мешал чай! Правда, смешно?» От таких речей папа весь день был не в духе.

Вдова выкрутила тряпку для мытья посуды. Я дунула на мыльную пену в сторону спящей полосатой кошки, проплывающей мимо. Пузыри то ли пролетели сквозь кошку, то ли обогнули ее. Вдова терла тарелки пемзой, потому пузыри имели красноватый оттенок и казались более материальными, чем совершенно прозрачная кошка. Потом они исчезли, а кошка осталась.

Вдова продолжала:

— И я стала держать подобные наблюдения в секрете, а когда ты начинаешь скрывать свой талант, ты вступаешь на тропу волшебника.

— Мой талант остается загадкой даже для меня самой, — вздохнула я.

— Неужели не ясно, насколько ты не права? — Вдова хлопнула меня по плечу кухонным полотенцем. — Ты играешь с мертвыми кошками. Ты беседуешь со всеми моими квартирантами. Ты мимоходом отворила парадную дверь и снова ее заперла. Ты перенеслась сюда из Теннесси за один шаг, как будто мир — это карта и его можно сложить, как тебе требуется. Силы небесные, да ведь так далеко шагнуть не мог даже Поль Баньян — а Поль был очень, очень крупным мужчиной.

Вдова на миг погрузилась в грезы, потом качнула головой и выдернула пробку из раковины.

— Вот и готово! — воскликнула она, перекрывая шум утекающей воды. — Чтоб все это пошло Витстроу в глотку!

Она встала на цыпочки и коснулась губами моей щеки. Поцелуй ее был быстрым, сухим и щекотным, словно касание пуховки из пудреницы.

— Не волнуйся ни о чем, дитя. — Вдова взяла меня за руку и увлекла к лестнице, ведущей в сад. — Способностей у тебя навалом, как сказал бы мистер Уинчестер. И теперь, когда ты умеешь сосредотачиваться, ты очень скоро откроешь в себе пару-тройку новых возможностей — в этом я совершенно уверена.

— Мистер Витстроу говорил, что теперь я в другом мире. Вдова фыркнула.

— В другом мире! Вот еще! Миры нельзя менять, как подвязки, милочка! Он тот же самый, в котором ты родилась, и тот же самый, в котором ты находилась всю свою жизнь. Никогда не забывай об этом. Но ты будешь взрослеть, начнешь путешествовать — и неизбежно увидишь огромную часть этого мира, точнее, сумеешь увидеть.

— Потому что я прошла через диораму?

— Действительно, это был очень яркий способ путешествия! Он, конечно, расширил твой интеллект. Несколько недель назад ты знала о мире духов не больше моих плотников, которые могут смотреть на мистера Деллафейва и не видеть его и уж подавно не способны с ним заговорить. Это весьма печально, — вздохнула миссис Уинчестер, но казалось, что ее это на самом деле не расстраивает.

Я хотела намекнуть вдове, что мистер Деллафейв в нее влюблен, но решила, что она и так это знает. В итоге я собралась с духом и спросила:

— А после того, как мистер Уинчестер умер, он хоть раз э-э... навестил вас?

— Ах, как мило с твоей стороны, дитя, поинтересоваться этим. — Вдова фыркнула и вскинула голову. — Нет, пока что нет, хотя первое время я днем и ночью высматривала его и прислушивалась к шагам. Особенно ночью. Признаться, пару раз я даже нанимала медиумов, чтобы провести спиритический сеанс — несколько лет назад это было ужасно модно.

Мы прошли мимо безголового кондуктора, поднявшего свой фонарь при приближении хозяйки дома. Вдова рассеянно махнула рукой.

— Стадо призрачных бизонов могло пронестись через гостиную — и эти мошенники ничего бы не заметили! А какой беспорядок! Нам потом несколько дней пришлось выгребать эктоплазму.

Вдова прислонилась к стволу английского тиса и уставилась в небо, но вид у нее был отнюдь не несчастный.

— В конце концов я пришла к заключению, что с мистером Уинчестером — как и с моими родителями, со старенькой няней, с собачкой Зип, что жила у меня, когда мы только-только поженились, с моей бедной малышкой Энни — я не воссоединюсь, пока не стану такой же иллюзорной, как вон та дама в пруду.

Мы в молчании наблюдали, как женщина поднялась из воды, постояла несколько мгновений на поверхности, а потом скрылась меж листьев водяных лилий. Лицо ее было расплывчатым, а одежда принадлежала к давним временам. Интересно, где теперь все ее возлюбленные, и что она помнит о них?

— А знаешь, какая загадка меня волнует? — вдруг обратилась ко мне вдова. — И это не мистер Уинчестер, и не вопрос о том, куда уходят все собаки. Почему за все годы, которые я принимаю у себя этих дорогих усопших, я не встретила среди них ни одного — ни одного! — кто при жизни был бы волшебником?

— Сара! — заорал кто-то. — Сара!

Мы с леди Уинчестер кинулись к окну эркера в гостиной. Голос был мне знаком.

Перед домом остановился фургон, запряженный парой лошадей, из него выбрался здоровяк в черном костюме и черной шляпе. Стоял теплый осенний день, но шляпа и плечи гостя были припорошены снегом, а на спицах колес намерз лед. Фургон был блекло-синим, разрисованным звездами и полумесяцами, надпись на его боку гласила: «Волшебник Синих Гор, Маг Старого Юга, Поставщик Магии и Веселья».

Мужчина снял шляпу и снова заорал:

— Сара! Я до него добрался! Наконец-то я до него добрался!

Это был мистер Фазевелл.

К тому моменту, как мы дошли до парадной двери — вдова открыла ее мановением руки, — к крыльцу галопом подлетел всадник. Это был Пит Витстроу, одетый словно для охоты на лис — в красную куртку, белые бриджи и высокие сапоги.

— Уинчестер, сделай же что-нибудь! — завопил он, соскакивая с лошади. — Фазевелл свихнулся!

— Свихнулся — это фигня! — отозвался Фазевелл. — Он пойман, словно букашка в банку!

— Кто — он? — поинтересовалась вдова.

— Сам Сатана! — изрек Фазевелл. — Вот он, ваш дьявол!

Фазевелл прошел к задней части вагона и принялся вытаскивать оттуда что-то тяжелое, мы пока не видели, что именно.

Вдова посмотрела на Витстроу.

— Это правда?

Витстроу воздел руки.

— Кто знает? Старика уже давным-давно никто не видел.

Фазевелл подтащил нечто к краю фургона, на гравий шлепнулся старый башмак. Я шагнула ближе, выступив из тени крыльца.

— А, Короткие Штанишки! — поприветствовал меня Фазевелл. — Сара мне говорила, что ты здесь. Так ты решила все-таки освоить магию?

Он вытащил из пиджака фляжку, посмотрел на нее, потом расхохотался и забросил подальше. Та со звяканьем приземлилась среди розовых кустов.

— Она вам сказала?! — В изумлении я ухватила за колонну. При одном лишь виде Фазевелла меня бросило в краску. Во мне вспыхнул гнев. — Вы друг друга знаете?

— Он же волшебник, — напомнил Витстроу.

Фазевелл стоял, подбоченившись, и явно был очень доволен собой. Вдова вгляделась в фургон.

— Где он? Вот этот башмак?

Фазевелл сгреб в охапку леди Уинчестер и закружил с ней.

— Это не его башмак! Это он в нем! В башмаке! Иди посмотри, Короткие Штанишки!

— Не смейте меня так называть! — возмутилась я, но тем не менее спустилась с крыльца.

Фазевелл схватил башмак и, пятясь, поволок его к дому, ссутулившись так, словно волок тело крупного мужчины. За башмаком по гравию тянулась борозда.

— Не может быть, — произнес Витстроу.

— А вот может! — парировал Фазевелл.

— Кошунство, — вставила вдова.

— В любом случае, это скверно для бизнеса, — заметил Витстроу.

Фазевелл, тяжело дыша, отпустил башмак, отступил на шаг, потер поясницу и начал рассказывать:

— Я его нагнал в Сьерре. Он бы от меня удрал, если бы бросил того цыпленка. Семь дней и ночей мы с ним дрались на горных склонах. Во всех газетах только и речи было что о лавинах. Башмак этот у меня с Аппоматокса, он принадлежал моему наставнику, и тот заклинал его своей магией и кровью. На восьмой день борьбы я стал натягивать этот башмак на голову дьяволу и тянул до тех пор, пока дьявол не очутился внутри целиком. Теперь он за все заплатит!

Присутствующие столпились вокруг башмака.

— Там пусто, — сообщила вдова.

Витстроу гоготнул.

— А то! Фазевелл, вы ненормальнее спятившей крысы.

Я не смеялась. Через шнурки просматривалось чье-то лицо. Когда его обладатель увидел меня, его голубые глаза следовали еще шире. Лицо чуть отодвинулось, и я смогла разглядеть его лучше.

В башмаке сидел Фазевелл.

Я повернула голову. Действительно, большой Фазевелл стоял у меня за спиной и ухмылялся. Но крохотный человечек в башмаке тоже был Фазевеллом, в балахонистом одеянии и колпаке, каким я его видела в последний раз у профессора ван дер Аста.

Маленький Фазевелл обхватил себя руками за плечи, словно ему было холодно, и беззвучно заплакал.

— В чем дело, дитя? — спросила меня вдова.

Я сбросила ее тщедушную утешающую руку, легшую мне на плечо. Ощущение было — словно паука стряхиваешь.

— Что ты там видишь? — поинтересовался Витстроу.

— Скажи им, Короткие Штанишки!

— Не волнуйся так, милочка. Что там такого может быть? Это все не имеет к тебе никакого отношения.

— Может, и имеет, — вмешался Фазевелл. — Кого ты там видишь, девочка? Кто этот шалопай?

— Как его зовут на этот раз? — допытывал Витстроу. — Старик отзывается на столько имен, сколько и в каталоге Сирса и Роубака не найдешь.

Я не отвечала. Маленький Фазевелл попятился и распластался по старому разношенному заднику. Я подошла ближе, стараясь лучше его рассмотреть, и он затрясся так, что башмак задрожал.

— Он напуган, — наконец вымолвила я.

Вышло это куда громче и резче, чем хотелось бы. Сильнее всего меня задело не то, что передо мной оказался второй Фазевелл ростом с куклу, которую можно щелчком сбить с ног, а то, что он боялся меня больше, чем свое более крупное «я». Это ж какую гадину он из меня делает?! Меня это разозлило. Я зарычала, согнула пальцы, подобно когтям мальчишка-пантеры Булы, и прыгнула.

— Ах ты!..

Маленький Фазевелл дернулся так, что башмак перевернулся. Подметка была такой изношенной, что сквозь нее виднелись и клейкое пятно в районе большого пальца, к которому прилип окурок, и спутанные волосы.

— Он у нас в руках! — прошипел мне на ухо большой Фазевелл. — Девочка, какое бы обличье он тебе ни показывал, кем бы перед тобой ни явился — ошибки быть не может! Вся дорога — по горам, по реке, по рощам — мне еле удавалось держать его в узде, чтобы он не вышиб стены фургона, а ты его обуздала, словно пони! Девочкам нравятся пони. Он теперь наш — мой и твой!

Вдова махнула рукой.

— Не слушай его.

— Сара! Ты забыла, кто у нас тут? Ты забыла Геттисберг, Колд-Харбор и Петербург? Туберкулез, который унес твоего Уильяма, общую атрофию, похитившую Энни из колыбели? Тебе что, безразлично, что эта тварь сделала с миром и что еще сделает? Неужели ты ничему не научилась?

— Есть вещи, которым учиться не стоит, — отозвалась вдова. — Некоторых волшебников, дышавших воздухом Господним, держали куда в большей тесноте. Тебе довелось быть свидетелем кое-чего похуже Колд-Харбора, ты знаешь об этом не меньше любого из нас.

Витстроу молчал. Он очень сосредоточенно протирал металлическую скамью носовым платком, и казалось, будто он вовсе не слушает. Затем он медленно сложил платок, смахнул последнее пятно пыли, вздохнул и уселся, устроившись на самом краешке, как будто это могло уберечь его от соприкосновения с железом. Стоило ему сесть, и в тот же миг прозрачная кошка прыгнула к нему на колени и устроилась там. Витстроу почесал ее за ухом, и кошка, мурлыча, стала растворяться в воздухе, и в итоге оказалось, что Витстроу чешет собственную ногу.

— Что касается меня, — наконец подал голос Витстроу, — то я считаю, что какое бы полумертвое существо ты сюда ни приволок, Фазевелл, оно больше не твое. Оно принадлежит Перл.

— Перл?! — хором воскликнули Фазевелл и вдова.

— Перл, — повторил Витстроу. — В противном случае она бы его не увидела, не так ли? Значит, ей и решать, как она с ним поступит. И нечего смотреть на меня с таким видом, будто вы только что вдвоем проглотили одну устрицу. Свобода выбора — вот основополагающий принцип «Старой фирмы», то, на чем стоит весь наш бизнес. К тому же Перл уже все решила.

Он откинулся на спинку скамьи, надвинул шляпу на глаза и скрестил ноги.

Когда он это озвучил, я поняла, что так и есть.

— Нет, — запротестовал Фазевелл.

Я подобрала башмак. Он был не тяжелее отрезанной ноги. При мысли об этом меня передернуло.

— Витстроу! — возмутился Фазевелл. — Ты что со мной сделал, мерзавец? Я не могу пошевелиться!

— Это не я.

— И не я, — помотала головой вдова.

— Перл! Послушай меня.

Я подняла башмак повыше и заглянула в дырочку для шнурка. Дрожащая фигура больше не походила на Фазевелла — скорее, на скверное воспоминание о нем, или на жалкое его подобие, или просто на пятно на холсте, которое можно было мысленно дорисовать до облика волшебника, если правильно прищуриться. В любом случае, я сказала:

— Иди домой.

А потом раскрутила башмак над головой и кинула как можно дальше.

— Не-е-е-т!!! — взвыл Фазевелл.

Башмак плавно проплыл над изгородью, пролетел мимо того места, где должен был бы упасть, и продолжил двигаться дальше — кувыркающаяся черная точка на фоне блеклого неба, напоминающая вывернутую звезду, — пока то, что я принимала за башмак, не оказалось лишь каким-то пятнышком. Я моргнула — и оно исчезло.

Мистер Фазевелл смотрел в небо; на скулах у него ходили желваки. По щеке скатилась слеза. Он застонал.

— Ого! Думаю, мы можем не ждать его к ужину, — заметил Витстроу.

— Точно, — согласилась вдова. Она щелкнула пальцами перед носом у Витстроу. — Я знала это в тот самый момент, когда она со своими двойниками вышла из окна бального зала. Ее появление было предсказано духами.

— Духами! Ишь ты! — произнес Витстроу с иронией. — Она волшебница, а не какая-нибудь поденщица из Лос-Анджелеса.

Стоны Фазевелла перешли в завывания.

Меня вдруг замутило, голова закружилась, и дыхание перехватило, как от удара под дых. Я побежала, толком не зная куда, но Фазевелл уже кинулся мне наперерез. Он схватил меня за плечи, встряхнул, словно крысу, и завыл мне в лицо.

— Простите! — крикнула я Фазевеллу. — Я должна была это сделать! Должна!

Тогда он ударил меня, и я с рыданиями упала в траву. Я ждала, что он снова на меня набросится, даже убьет. Но вдруг оказалось, что рядом со мной стоят на коленях вдова и Витстроу и глядят меня по голове. Они что-то бормотали, но я не могла разобрать слов. Фазевелл неровной походкой шел через двор — так могло бы двигаться огородное пугало. Он рухнул на колени среди розовых кустов и стал рыться в земле в поисках своей фляги, не обращая внимания на шипы, впивающиеся ему в лицо.

Несколько дней я пролежала в постели, свернувшись клубком под пуховым одеялом. Вдова выходила из комнаты лишь тогда, когда мне что-нибудь было нужно. Мистер Деллафейв обосновался в верхнем углу и вообще не покидал комнату.

Когда у меня появились силы, вдова вручила мне записку, оставленную мистером Фазевеллом.

«Я не должен был поднимать на тебя руку, Короткие Штанишки, и жалею, что сделал это, но и тебе не следовало становиться между мной и дьяволом. Множество женщин и детей в Виргинии встали между воюющими армиями и в итоге умерли. Попомни мои слова. Фазевелл».

— Он не причинил тебе вреда,— обратилась ко мне вдова.

— Знаю,— согласилась я.— Это была его реакция на то, что я сделала с башмаком. Мне нужно разобраться, что именно я сделала, и как делать правильно. Миссис Уинчестер!

— Что, дитя?

— Пожалуй, когда я поправлюсь, мне нужно будет кое-куда съездить.

— Куда же?

— Да повсюду. В каком-то смысле, это идея мистера Деллафейва. Мне нужно взглянуть на другие части диорамы, нужно встретиться с разными волшебниками. Со всеми, с кем только получится. Я должна многому научиться у них.

Вдова вытащила из рукава носовой платок и промокнула глаза.

— У меня нет возможности поехать с тобой,— пробормотала она.

— Но я всегда могу вернуться,— утешила я ее.— Не беспокойтесь обо мне. Я буду не одна.

Я подумывала уйти через окно бального зала, но потом избрала другой путь. Прощаясь, я коснулась матового лица девочки в витраже.

Когда я вышла через главные ворота Дома-на-равнине, держа в руках битком набитый саквояж, я была почти уверена, что меня завернет обратно, как мистера Деллафейва. Но нет, вокруг были сады, и дорожка, ведущая через холмы в Сан-Хосе. Пит Витстроу сидел на высоком пеньке, скрестив ноги, словно индийский факир.

Я помахала ему рукой. Он помахал в ответ и соскочил с пенька. Витстроу был одет как бродяга — в штаны и рубаху из грубой ткани, а пожитки были увязаны в узел и подвешены на палку.

— Ну и видок,— заметила я.

— В будущем,— отозвался он,— это назовут трущобными прогулками. Куда направимся?

— Вон туда, на тот холм, и дальше по тропинке.

Мы двинулись в путь.

— Кстати, мистер Витстроу, у меня есть кое-какие ответы для вас.

— Ты готова их спеть? Все, что заслуживает быть сказанным, заслуживает и быть спетым.

— Готова.

— Очень уж ты сговорчива этим утром. Это явно ненадолго.

И он пропел:

Должна ты ответить на девять вопросов,
Девяносто девять и девяносто,
Иль ты не божья, а моя,
Прекрасная ткачиха.

Я спела в ответ:

Снег белее молока,
Девяносто девять и девяносто,
Пух бывает шелка мягче,
А я — прекрасная ткачиха.
Небо выше, чем деревья.
Девяносто девять и девяносто,
А глубже моря — преисподняя.
И я — прекрасная ткачиха.
Громче рога с неба гром,
Девяносто девять и девяносто,
А смерть острее шипа любого,
И я — прекрасная ткачиха.
Дитя невиннее ягненка,
Девяносто девять и девяносто,
А дьявол хуже женщин всех...

Тут я перебила сама себя и добавила:

— И мужчин тоже! А я — прекрасная ткачиха.

Витстроу с насмешливым видом отсалютовал мне и запел:

Ответила ты на девять вопросов,
Девяносто девять и девяносто,
И ты божья, а не моя,
И ты — прекрасная ткачиха.

Потом я поинтересовалась у него по поводу девятого вопроса, и он согласился, что это — самый правильный вопрос, настолько правильный, что ответа на него он не знает. Мы вместе поднялись к вершине холма, а потом прошли по тропинке до самого края света.

В этом году мне довелось вернуться в Чаттанугу. Город настолько изменился, что я его почти не узнала — не считая излучины реки, рельсов, идущих через туннель, и царящей над всем горой Лукаут.

Новый мост по-прежнему стоит, хоть он уже и не такой новый. По нему теперь мало кто ходит — разве что гости города. Прогуливаясь, они восхищаются открывающимся видом и фотографируют, если это можно так назвать. Они не используют больше ни фотопластинки, ни фотобумагу, и отщелкивают свои кадры почти на ходу, не останавливаясь.

В конце своего визита я провела добрый час на мосту, глядя на реку и на людей и наслаждаясь тем, что я пришла в родной город и вижу его и что ноги мои крепче, чем прежде, и глаза лучше, и я чувствую себя более собою, чем во времена детства, хотя до сих пор я выгляжу значительно моложе своих лет. А все благодаря путешествиям и талантам, которые я приобрела по пути.

Думаю, вы считаете, что в моем возрасте полагается быть покойницей, но я пока не скончалась — отнюдь.

Интересно, многие ли из бодрящихся стариков, что опираются на палки, и детей с конфетными мордашками, которые проносятся мимо меня с хохотом и воплями, и взрослых, мчащихся куда-то в коротких штанах — силы небесные! Их локти работают как поршни! — так вот, многие ли из них грезят о том мире, в котором живу я? Но с другой стороны, что я сама знала о незримой сфере вокруг себя, прежде чем попала в inferнальные регионы?

Впереди, на одной из скамеек, стоящих вдоль моста, сидела девушка, которая напомнила мне мою давнюю чаттанугскую подругу, Салли Энн Рамидж, — ее рыжие волосы, длинную шею и высокий лоб философа. Девушке было лет шестнадцать, хотя разве угадаешь? Теперь они, слава богу, куда дольше остаются молодыми. Над ней навис какой-то парень. Он по-хозяйски поставил ножищу на скамью и тыкал пальцем ей в лицо — в свое время такими манерами прославился Пит Витстроу. Другой рукой он выкручивал ее красивый коричневый жакет и плечо тоже. Вид у девушки был несчастный, будто она вот-вот расплачется. Он говорил о

себе — или мне так показалось, — а когда взглянул в мою сторону — правда, видел он меня не более чем столб, птицу или пролетевшую мимо бумажку, — я поняла, что это Фазевелл. У парня были высокие скулы, он был молодым и мускулистым, а Фазевелл — старым и обрюзгшим, и нос у парня был резко очерчен, не как у Фазевелла, и вообще, он ни фигурой, ни лицом на Фазевелла не походил, но я узнала его в тот же миг. Его я узнаю повсюду.

Я встала у него за спиной, устремив взгляд на девушку, и застыла в ожидании, пока она не подняла голову и не встретилась со мной глазами. Хороший номер, не надо быть волшебником, чтобы его проверить.

Парень сказал мне гадость — я не собираюсь унижаться до того, чтоб повторять его слова, — а я шикнула на него, и он замолчал. Из всех талантов, которым я научилась после ухода из Дома-на-равнине, этот, быть может, самый полезный.

Девушка недоуменно нахмурилась, скрестив руки на груди, как давным-давно делала одна молодая особа в калифорнийской гостинице. Я улыбнулась девушке и вложила в ее голову девятый вопрос дьявола:

«Кто я?»

И пока я находилась в тысяче мест, я сеяла ответ, словно горчичные зернышки:

«Я — прекрасная ткачиха».

Потом я продолжила свою прогулку по мосту. Солнце садилось, дул сильный ветер, и на берегах Теннесси поднимался туман, видимый только мне. Он сгустился и закружил в водовороте. Река взволновалась. В центре приближающейся тучи гладь реки рассекли две дымовые трубы, потом рулевая рубка, потом верхняя палуба. На поверхности появился весь пароход целиком: вода стекала с надстроек, гребное колесо бодро крутилось. Я прочла ярко-красную надпись на борту: «Султанша». Судно взорвалось в 1865 году к северу от Мемфиса, у островов с названиями Курица и Цыплята. Погибли тысяча семьсот человек. Однако же выглядела «Султанша» великолепно!

Дойдя до верхней площадки лестницы, спускающейся к берегу, я обернулась — волшебники всегда оборачиваются.

Разве не этим я занимаюсь с того самого момента, как начала это повествование, и разве вы не обернулись вместе со мной, желая узнать, кто такие волшебники? Я увидела ту девушку. Она уходила от парня прочь — решительно, с высоко поднятой головой. А он остался стоять, словно один из тех болванов профессора ван дер Аста, что носят железнодорожный костыль в носу. Девушка что-то крикнула ему на ходу. Ветер унес прочь ее фразу — кроме одного-единственного слова: «Никогда!» Потом она зашагала дальше. Горчичные семена дали всходы. Я рассмеялась так же громко, как вдова Уинчестер, и помчалась по скользким ступеням к реке, легкомысленно, словно девчонка девяносто девяти и еще девяноста лет.

Питер С. Бигл

ТАНЕЦ В ПУСТОШАХ

Питер С. Бигл родился в Нью-Йорке в 1939 году. Он не очень плодовитый автор, если мерить по стандартам жанра, тем не менее у него вышло несколько хорошо встреченных публикой фантастических романов. По меньшей мере два из них, «*A Fine and Private Place*» (в русском издании «Тихий уголок») и «*The Last Unicorn*» («Последний единорог»), приобрели широкую известность и считаются классикой жанра. Бигла, пожалуй, можно назвать самым успешным автором лирически-философской фэнтези после Брэдли. Он не раз получал Мифопоэтическую премию фэнтези и премию «Локус», часто бывал финалистом Всемирной премии фэнтези. За рассказ «*Two Hearts*» («Два сердца») Бигл был удостоен премии «Хьюго».

В число прочих романов Бигла входят «*The Folk of the Air*», «*The Innkeeper's Song*» («Песня трактирщика»), «*The Unicorn Sonata*» («Соната единорога») и «*Tamsin*». Питер Бигл написал также сценарии для нескольких фильмов, включая мультипликационные версии «Властелина колец» и «Последнего единорога», и либретто для оперы «*The Midnight Angel*», созданной по мотивам его рассказа «Милости просим, леди Смерть».

В напряженной, захватывающей истории, вошедшей в этот сборник, Бигл уводит нас далеко в зимние Пустоши и делает свидетелями запутанного танца любви и похоти, одержимости и верности, магии добра и магии зла, и преданности, не зависящей от облика...

Наши отношения — любопытная штука, если вдуматься. Вот мы снова едем по этим зеленым холмам вашего приветливого западного края — как всегда, я благодарю вас, моло-

дых, за то, что составили компанию мне, старику. Мы беседуем и рассуждаем, как водится, и смеемся, и пересказываем друг другу разные случаи. А все, что вы на самом деле обо мне узнали с момента нашего знакомства, — это то, что я с Северных Пустошей. Нет, вы поразмыслите над этим, прежде чем отвечать. Разве не так? Поразмыслите хорошенько.

Помните старую поговорку: «Странно, как история с пустошью»? Отлично. Вот вам такая история, а вы уж сами решайте, стоит ли ей верить. Я верю, но у меня на то есть основания.

Начинается она с одного волшебника по имени Карчарос. Что бы вам ни говорили, большинство волшебников — и не хорошие, и не плохие. Они — то, что они есть, и делают они то, что делают, и подобные слова для них значат не больше, чем для какого-нибудь шекната. Лишь волшебник может хоть чуть-чуть понять другого волшебника. Что касается меня, я не могу назвать никого, кто был бы неизменно милосерден, — даже саму Кирисинью. Но вероятно, по той же причине почти не встречается такого явления, как абсолютно злой волшебник. Почти.

Карчарос. Одни склонны думать, что волшебники бывают либо бородатыми и строгими, либо бородатыми и неуклюже дружелюбными, либо бородатыми, угрюмыми и неопределенно зловещими. У Карчароса ничего этого не было. А было у него широкое, открытое, добродушное лицо, его голубые глаза были несколько маловаты, зато излучали предельную искренность. Волосы Карчароса при любом освещении отливали золотисто-рыжим, как будто над его головой всегда сияло солнце. Когда он говорил, в голосе его звучало низкое мурлыканье, смахивающее на пение великанской цикады. Во всех Пустошах не нашлось бы ни единой живой души, которая не боялась бы Карчароса.

Нет, одна все-таки нашлась. Но об этом позже.

Если Карчаросу случалось забрести в крестьянскую хижину и вежливо — исключительно вежливо! — попросить последний кусок хлеба в доме, или последнюю бутылку вина, или даже поросенка, которого откармливали к Дню воров, как вся семья опрометью кидалась исполнять его распоря-

жение. Несомненно, вы можете это представить, но что бы вы подумали, увидев, как потом, когда Карчарос уходил, все спешили на красный земляной порог и принимались рассматривать жалкий садик перед домом, проверяя, не сложились ли отпечатки ног волшебника в причудливый узор, как от танца? И если да... о, если вдруг сложились! Что бы вы подумали, увидев, как все эти крестьяне тут же из всех сил кидаются прочь, не беря с собой ничего — ничегошеньки! — и никогда больше не возвращаясь? Полагаю, вы бы тоже присмотрелись к этим следам, верно?

Сколько я знал волшебников и слышал о них, единственным, чья сила выражала себя исключительно через танец, был Карчарос. Люди в основном думают, что волшебники воплощают свою волю посредством магических жестов, заклинаний или даже песен, как Ам-Немил или сам Сэвису, речь которого с младенчества была настолько искажена, что он иным образом не мог себя выразить. Но танец... насколько мне удалось выяснить, Карчарос был единственным, по, возможно, я ошибаюсь. Я вовсе не настолько искушен в этих делах, как может показаться. Ланак, волшебник из Каракоска, которого я и по сей день навещаю ради его общества и черного пива, всегда считал, что Карчарос открыл способ каким-то образом настраивать тело на мировые энергетические потоки, тем самым выкачивая бесконечные силы путем движения. На этот счет у меня нет своего мнения, однако мне кажется, что дело обстоит именно так.

Северные Пустоши подобны лоскутному одеялу: холмистая красная пустыня перемежается клочками пахотной земли, которую обрабатывают крестьянские семьи, редко встречающиеся друг с другом. И все же каким-то образом слухи путешествуют — иногда кажется, что почти мгновенно — от каменистого восточного края, который я знаю лучше всего, до нескончаемых глинистых холмов, по которым ходят лишь сумасбродные путники, упорно верящие в существование драстового рудника. Когда я еще бывал в тех местах, их жители вспоминали о Карчаросе, уверен, что вспоминают и поныне. В Пустошах истории живут долго.

Я слышал, например, о нескольких пожарах или о том, как Карчарос уничтожил целую семью и их ферму исключительно потому, что ему не понравился вкус воды из колодца, которую ему поспешили предложить, едва он появился на пороге. Повествование гласит, что волшебник наколдовал неких чудищ, с которыми никто и никогда прежде не сталкивался. Карчарос натравил их на несчастных. Выжившие, которых осталось немного, молили небо, чтобы в будущем не столкнуться с этими существами ни во сне, ни наяву. Еще был один человек, сборщик налогов какого-то незначительного лорда, отказавшийся отдать волшебнику великолепного черного жеребца, который тому приглянулся. По правде сказать, Карчарос попросил его дважды — спокойно и вежливо, по общему мнению, — прежде чем высечь молнию на ясном небе. От нее силуэт бейлифа очертило огнем; его подкинуло в воздух и стало швырять из стороны в сторону, словно сухой лист, подхваченный ветром. Когда же вызванной силе надоело играть с ним, на землю просыпалась пригоршня черно-серого пепла. И все.

Я вижу в ваших глаза обычные вопросы: почему Карчарос был таким? Что из себя представлял его танец? По какой причине волшебник его уровня сидел в такой глухомани, как Северные Пустоши, где не было простора для его желаний? Начну с самого простого: Карчарос не постоянно находился в Северных Пустошах. На самом деле он много путешествовал — его видели и далеко на юге, в Битаве, и на западе, в Грэннех-Харборе, и Лейшайе — аж на побережье. Однако он неизменно возвращался в эту глушь, из которой со дня ее сотворения удрало бесчисленное количество народа. Рано или поздно, но Карчарос прибывал обратно в Пустоши.

Сейчас я полагаю, что причина этого крылась в его натуре. В отличие от некоторых волшебников Карчарос не был особо честолюбив. Он не мечтал о господстве и не грезил о завоевании мира. Можно сказать, он скорее походил на невероятно сильного и жестокого разбойника с большой дороги, что едет по высоким красным холмам, только вместо рапиры на поясе он обладал магической силой. Карчарос брал, что ему приглянется, и по большей части наслаждался ско-

рее процессом, чем самой вещью. Но проявлять свою власть над каким-нибудь семейством или просто отдельно взятым бедолагой... его это устраивало не меньше, чем господство над дюжиной королевств. В своем роде умеренные запросы, если так подумать.

Хоть я ничего не знаю о воспитании и обучении Карчароса, тот факт, что он был однозначно злым волшебником, до сих пор скорее удивляет, чем возмущает меня. Я всегда верил, что магия обладает собственной непреложной природой и, так или иначе, сопротивляется использованию в другом направлении. Но Карчарос оказался способен отринуть сам дух и суть магии... что ж, в конечном итоге он довольно дорого за это заплатил.

Так вот, многое из того, что будет изложено дальше, неуклюже скроено из общеизвестных вещей — из чего совершенно не следует, что они хотя бы наполовину истина, — и вороха дурацких слухов, из которых, однако, умный слушатель сделает правильные выводы. Для меня эта история отличается от других еще и тем, что когда кошмарный и бессердечный Карчарос влюбился в жену дрессировщика шукри, я находился рядом.

Уверен, вы бы это любовью не назвали, как и всякий, полагающий, что понимает истинное значение этого слова. Поскольку я никогда не считал себя знатоком этого вопроса, скажу лишь, что Джесси Белнарак, дочь одного потомственного дрессировщика шукри и жена другого — молодого здоровяка Риджо Белнарака, — была достаточно хороша собой и имела доброе сердце. Но почему волшебник Карчарос с первого взгляда потерял от нее голову — этого я вам объяснить не в силах. Однако так оно и было.

Вы с юга, так что, скорее всего, толком не слышали ни про шукри, ни про тех, кто с ними связан. Верно? Первое, что следует запомнить: пускай шукри кажутся сколь угодно послушными и ручными, спят на вашей кровати и едят из ваших рук — сердцем и душою они всегда остаются дикими. Второе: когда они соединены узами с каким-то человеком — далеко не все шукри имеют подобную привязанность, — эти узы не просто на всю жизнь, они дольше и глубже. Шукри не

принадлежит никому и никогда, но если вы связаны с ним, значит, вы его собственность, вот и все. Это идет не из сердца — какими бы шукри ни были, никто не назовет их милыми и непосредственными, — а из души.

Люди, работающие с шукри, обычно очень похожи на своих питомцев: они быстрые, поджарые, гибкие и яростные, до тех пор, пока не решат, что вы им нравитесь. Если же они решат обратное... в общем, замнем. В целом дрессировщики шукри достаточно благожелательны, но на самом деле их интересуют только свои дела, в чужие они не лезут. Они могут сколько угодно говорить о шукри, с радостью хвастаясь умом одного и ловкостью другого, могут даже коснуться богатейшего фольклора, рассказать что-нибудь о невероятных травяных добавках к питанию, о наилучших лекарствах для животных, которые отравились яндаком, о правильной интонации при обращении с самкой во время течки. Но узы, узы... нет, вряд ли они даже друг с другом это обсуждают.

Риджо Белнарак был нетипичным представителем своего ремесла. Не поджарый и не быстрый, но здоровяк, как я уже говорил. Двигался он тяжело, но с изяществом, а вместо отстраненности и настороженности в нем была мягкость. Риджо считал это качество неуместным для мужчины и тщательно его скрывал. Но дюжина шукри, которых он вырастил, выходил, научил играть во всякие игры, носить послания, ходить по канату и плясать по нему, словно вспышки черного пламени, — так вот, его шукри знали, каков он. Шукри — кровожадные маленькие убийцы, никогда об этом не забывайте! — видели Риджо Белнарака насквозь.

Знала это и Джесси Грод — так ее звали, когда ей было семнадцать и когда она явилась из своего края красных холмов в наши пыльные места. Джесси стала жить с Риджо. С того самого мига, как она впервые увидела его, она других вариантов и не рассматривала, не только из-за семейных и ремесленных традиций, но и благодаря притяжению, что возникло между их душами: ее — живой и смышленной и его — степенной и доброй. Свадьба, когда она все-таки состоялась, стала для этой пары событием формальным и малозначительным.

Впервые Риджо и Джесси столкнулись с волшебником Карчаросом на ярмарке, что развернулась на холме. Мало кому придет в голову, что в Пустошах существуют рынки, не говоря уж о ярмарках, но на самом деле их там довольно много. Как еще выжить местным жителям, если не за счет торговли между собой? Риджо, Джесси и их шукри (с ней из ее семьи перешло восемь зверьков — приданое, если угодно) можно было встретить на любой из ярмарок. На скорую руку сколачивались специальные дощатые помосты, на которых они выступали по несколько раз в день, неизменно собирая вокруг себя больше зрителей, чем кто-либо еще из артистов, включая и других дрессировщиков шукри. Несомненно, привлекательность представления отчасти заключалась в их внешности: медлительный здоровяк и худощавая, гибкая женщина с белыми волосами, самадвигающаяся подобно шукри. (Джесси родилась беловолосой — легенда насчет того, что ее локоны сделались белыми в день их свадьбы, врет. Я присутствовал на бракосочетании.)

Наблюдал я и то, как Риджо Белнарак во время представления поднял голову (в тот момент Шас, его самый любимый шукри, демонстрировал свое умение бегать от него к Джесси и обратно и прыгать словно акробат) и встретился взглядом с голубыми глазами Карчароса. Волшебник, восседающий на лошади, остановился позади толпы, по большей части скрытый в тени дерева. Но Риджо осознал, что волшебник смотрит на них двоих, а не на шукри, и понимал, что более пристально Карчарос изучает его жену. Риджо не знал — тогда еще не знал, — что Карчарос — великий волшебник, ему это было ни к чему. Риджо размышлял почти так же медленно, как двигался, но постигал вещи глубже многих.

А как по-вашему, что Карчарос почувствовал или почувствовал, когда впервые увидел Джесси Белнарак? До сих пор для меня это загадка, правда, я сильно сомневаюсь, чтобы Карчарос, при его злокозненности, тратил время, пытаясь подобрать точные слова для выражения своих эмоций. В тот момент он просто захотел Джесси, и он позвал ее, что было самым простым способом и завладеть желаемым, и одновременно объявить об этом миру. Вышло так, что я был на не-

котором расстоянии, но я видел, как он резко соскользнул с седла, и толпа тут же заволновалась: зрители поспешно расчищали ему путь. Карчарос дружелюбно огляделся, чуть заметно улыбнулся и принялся танцевать.

Как мне понятно описать танец Карчароса? В нем не было ничего акробатического или яркого, даже близко. Это скорее напоминало скользящий шаг, ритмичное раскачивание — говорят, так делают змеи, когда гипнотизируют добычу. Время от времени волшебник вдруг начинал описывать круг. Иногда быстро делал шаг вперед или назад, или разводил руки, или вскидывал их над головой, или протягивал вперед, маня при этом к себе. Таков был танец Карчароса — ни убавить, ни прибавить.

Он часто закладывал руки за спину. И всегда, расхаживая туда-сюда, смотрел исключительно себе под ноги, походя не на волшебника и не на танцора, а на философа, погружившегося в размышления о каком-то сложном вопросе. Ни разу он не поднял взгляда, чтоб посмотреть на красивую пару, выступавшую со своими питомцами. Я помню. Я был там.

А Джесси Белнарак... Джесси поймала Шаса посреди прыжка — шукри гневно шипел и чирикал на нее, оскорбленный вмешательством, — и вручила его озадаченному мужу. Она сошла с грязного, шатающегося помоста и двинулась через безмолвную толпу, что расступалась перед ней, как вода перед носом лодки. Джесси едва заметно улыбалась, ее смутлая кожа словно светилась изнутри.

Волшебник Карчарос продолжал танцевать, по-прежнему не глядя на идущую Джесси, пока та не остановилась перед ним, ожидая его повеления. Сзади, на помосте, Риджо испустил ошеломленный вопль, выронил Шаса, стряхнул с себя прочих шукри и ринулся следом за женой. Зрители преграждали ему путь так же ревностно, как перед этим уступали его Джесси, но Риджо был сильным человеком, к тому же охваченным гневом, поэтому он раскидал всех и прорвался.

Длинные, изящные руки Карчароса сомкнулись на талии околдованной Джесси Белнарак. Волшебник собрался посадить ее в седло — и тут подоспел Риджо. Здоровяк оторвал волшебника от своей жены и занес руку для удара, от которо-

го и наковальня бы треснула,— но Карчарос повернулся к нему, и ноги волшебника затанцевали по-другому, более быстро и резко, шаги его были подобны ударам ножа. И действительно, Риджо согнулся, словно его ударили ножом, и захлебнулся беззвучным криком. Джесси моргнула, замотала головой и завопила за двоих. Зрители пятились — так могучий отлив дочиста вылизывает берег,— а волшебник Карчарос танцевал.

Что произошло бы, какую месть он исполнил бы... могу себе представить, хорошо еще, что у меня под старость стало плоховато с воображением. Однако с остальным у меня все в порядке — потому-то, столько лет спустя, я по-прежнему помню, какое лицо было у Карчароса, когда из широкой горжетки Джесси, наброшенной поверх платья, выпрыгнул шукри и вцепился ему в нос.

А, вот вы хохочете, представив себе эту картину — знаменитый волшебник прямо во время ужасного проклятия спотыкается, и на носу его виснет разъяренный маленький зверек,— но в тот момент вы бы не смеялись. Никто даже не улыбнулся, я вас уверяю. Карчарос же заворчал, но и только. Он ухватил шукри обеими руками и безжалостно скрутил, словно кухонную тряпку. Бесстрашное создание (это была Килли, подруга Шаса) разомкнуло челюсти, зашипев от боли, и тут же сомкнуло их снова, на этот раз впившись зубами в нижнюю губу волшебника. Карчарос оторвал Килли, сплюнул кровь и швырнул зверька вслед отступающей толпе, в которую к тому моменту влились Риджо Белнарак и его жена. Здоровяк схватил Джесси в охапку и припустил прочь — никто и не заподозрил бы, что он способен так бегать; следом за ними неслась прыжками Килли. Может, соображал Риджо и вправду медленно, но его инстинкты работали отменно.

Карчарос остался стоять. Его гордость пострадала, ему хватало забот с пострадавшими носом и губой, но, что самое главное, он уже начал задумываться о мести. Понятия «хотеть» и «иметь» были для него равнозначны в течение всей жизни. Это было для него естественным, поскольку уже очень давно никто не отказывал Карчаросу в исполнении его желаний. Кроме того, по причине, которую он и сам не смог бы

выразить словами, Карчарос твердо решил, что Джесси должна возжелать его и прийти к нему по собственному решению, без всякой магии. Так лучше, чем просто уничтожить ее мужа, что было бы... нет, так куда лучше! Карчарос уже чувствовал на окровавленных губах вкус стыда и позора Риджо Белнарака.

Сама Джесси далеко не сразу поняла, что именно произошло. Когда же она в конце концов избавилась от чар, наложенных Карчаросом, то одновременно и перепугалась, и пришла в ярость. Думаю, она больше разбиралась в волшебниках, чем Риджо; судя по всему, она лучше мужа понимала, насколько их пара близка к гибели. С этого момента Джесси преисполнилась решимости любой ценой держать свою семью, включая шукри, как можно дальше от Карчароса. Она готова была по первому же знаку бросить выступления или даже покинуть дом. Джесси твердо решила, что ни она, ни Риджо никогда больше не посмотрят в эти дружелюбные голубые глаза. А Риджо, хоть они были женаты не очень долго, понял то, что я знал всю свою жизнь: Джесси Белнарак — чрезвычайно решительная женщина.

Но какой бы смелой и предприимчивой ни была Джесси, Карчарос намного превосходил ее в хитрости, к тому же злобный старый ум обычно одолевает упрямое мужество. Волшебник был слишком расчетлив, чтобы, желая заполучить Джесси, преследовать ее по пятам и не давать покоя, как она боялась. Вместо этого он употреблял все свои лукавые умения и нечестное мастерство, одаривая Джесси всевозможными благами — если это слово вообще можно увязать с Карчаросом — и при этом не показываясь ей на глаза. Будучи волшебником, Карчарос не стал натанцовывать ей ни денег, ни драгоценностей, ни нарядов — ничего такого, что она могла бы швырнуть ему в лицо. Нет, он подносил свет луны и звезд — Карчарос всегда мастерски управлялся с погодой, — чудные дни, безукоризненное здоровье шукри и их блестящие выступления, восхищение толпы, которая охотно вкладывала деньги за их представления. Карчароса раздражало — я в том уверен, — что Риджо разделяет с женой эти щедрые дары. Но несомненно, волшебник утешал себя тем, что

хотя неотесанный муж Джесси ни сном ни духом не ведает об истоках их процветания, она сама все понимает. И конечно, Карчарос был совершенно прав.

Проснувшись, Джесси каждое утро наблюдала за пасущимися на ее участке легендарными существами, благодаря которым садик, когда-то невзрачный и чахнувший от недостатка ухода, каждый день сиял новыми красками, словно витражное стекло. Джесси отдавала себе отчет в том, кто прислал этих животных. При виде бессмертных кайлашей, что, восседая на ее яблоне, раскрывают грозные крылья, приветствуя ее, Джесси охватывало изумление и восхищение — а кого они не охватили бы? — но не радость. Не больше радости, чем она испытала как-то среди ночи, когда голубовато-серый лирамайя посмотрел ей в глаза и склонил свой рог и его невероятно мягкая морда коснулась ее руки. Не было в этом положительных эмоций, как бы Джесси ни жаждала, потому что она все понимала.

Карчарос был плохим с ног до головы, злым до кончиков волос, но дураком он не был. Даже сквозь время нетрудно проследить за ходом его рассуждений: если великолепные чудеса не приводят к нему Джесси Белнарак — значит, нужно найти другой способ. И действительно, некоторое время спустя у Карчароса созрел новый замысел. Он знал женщин даже меньше, чем это обычно бывает с мужчинами, но подметил, что женщинам часто бывает на удивление трудно отвергнуть неприкрытое уродство (иначе откуда взялись все эти сказки о принцессах и лягушках?) и отказать жалкой уязвимости. Отлично! Он приблизится к Джесси, но не как всепобеждающий господин, каким он столь явно представлялся, а как нищий, как жалкий проситель, беспомощный и погибающий без ее любви. Возможно, мудрый друг отговорил бы его от этого шага, но у Карчароса таковых не имелось.

Потому он стал регулярно взывать к Джесси Белнарак, чаще всего в лесу, когда она отправлялась искать синие цветы далда (не белые — те часто бывают ядовиты), отвар которых творит чудеса с шерстью и пищеварением шукри. Одетый в свой самый непритязательный и поношенный наряд, не поднимая взгляда и потому постоянно спотыкаясь, Кар-

чарос бормотал, что страдает без нее, при этом ни в коем случае не смотрел на Джесси и не делал ни жеста, который мог бы показаться угрожающим или напоминал бы танец. Это было редкое и странно трогательное зрелище.

Или было бы трогательным, будь оно хоть каплю менее деланным. В гамме человеческих чувств есть одно, которое наиболее трудно подделать — во всяком случае, так говорит мой опыт, — и чувство это — смиренность, а Карчаросу оно вовсе не было знакомо. Джесси Белнарак из всех сил, ради своей жизни и жизни мужа, старалась удержаться от смеха. Во время пятого подобного визита Карчарос сбивчиво вещал о том, что уйдет в горы, если она не достанется ему, и сделается там салехом — святым отшельником. Для Джесси это оказалось чересчур — страх и осторожность рухнули, и она расхохоталась.

У Джесси всегда был очень заразительный смех. В нем не было ни капли насмешливости, только восторг и приглашение этот восторг разделить.

О, вот мы снова у моей двери, вечно она разбухает в сырую погоду. Входите, я поставлю чайник... Что? Терпение, мы до этого дойдем.

Никто и никогда не потешался над волшебником Карчаросом. Он был поражен этим весельем, которое было вызвано не столько его лицемерием, сколько неуклюжестью. Несколько мгновений Карчарос в ярости смотрел на молодую женщину, и его голубые глаза делались все ярче и ярче, пока не стали белыми, словно пепел. Однако он не поднял на Джесси руки, не сказал ей ни слова и не сделал ни одного шага в ужасном танце, чтобы уничтожить ее. Он просто развернулся и ушел.

Когда вы всю жизнь только и делаете, что отбираете, к чему учиться ухаживать? Страсть Карчароса к Джесси Белнарак становилась все сильнее и мрачнее с каждой бессонной ночью, но это не мешало ему понять, что благодеяния и кроткая тоска не помогут и честным образом он ее не завоюет. Значит, придется в конце концов применить силу. Думаю, единственный раз за всю свою скверную жизнь Карчарос и вправду пожалел, что ему необходимо навязать свою волю

другому человеку. Сдается мне, что именно в этот момент он подошел к пониманию любви настолько близко, насколько вообще мог.

Думаю, вы догадываетесь, что он обернул свое чувство в сторону зла. К тому времени Джесси Белнарак уже перестала бояться волшебника — во всяком случае, бояться за себя. А за того, кто для нее важнее собственной жизни? Раз ради мужа Джесси готова по доброй воле сделать то, чего никогда не сделает для нового господина... что ж, значит, так тому и быть, пусть даже это и добавит горечи победе Карчароса. Гордость, неизменно заменяющая ему честь, так давно покинула волшебника, что он уже толком не мог припомнить ее вкус и окончательно махнул на нее рукой.

Я знал нескольких волшебников, которые смогли бы сделать то, что Карчарос сделал с Риджо Белнараком. И ни одного, который поступил бы подобным образом. Накануне ночью Джесси с Риджо долго, неспешно любили друг друга. Когда наутро Джесси, которой хотелось поспать подольше, окончательно проснулась, приветствуя новый день, и обняла мужа, то тут же осознала, что за ночь его душу похитили. Думаю, мужчине потребовалось бы больше времени, чтобы заметить подобную перемену, но, возможно, я ошибаюсь. И хотя Риджо в ответ на ласки Джесси заулыбался и томно выпнулся, Джесси мгновенно поняла, что с тем же успехом она могла бы ласкать или холить шукри. Глаза мужа были безмятежно пусты, в точности как у шукри, которому чешут пузико; на любящем некрасивом лице мужа не отразилось ни намек на то, что он заметил присутствие жены. Ни в едином волоске, ни в ногте, ни в шраме на знакомом большом теле, что лежало рядом, не было и следа Риджо.

Не могу вам точно сказать, как долго пролежала Джесси, сжимая в объятиях любимую оболочку мужа. Однако в итоге она встала и быстро оделась — не в поношенные штаны и блузу, которые носила по будням, ухаживая за шукри, а в темно-зеленое платье из ткани хедау, что Риджо заказывал для нее аж в Чане, в подарок на последний день рождения. Это был единственный такой наряд у Джесси. В пару к нему она обулась в свои лучшие туфли — серебряные, чешуйча-

тые, те самые, которые Риджо, посмеиваясь, называл «королевскими, для званого ужина», — и лучшую шаль цвета бурного моря за мысом Дайли, прежде принадлежавшую ее матери. Потом она поцеловала Риджо на прощание — тот снова улыбнулся от удовольствия — и пошла к шукри. Джесси назвала каждое животное по имени и по очереди сказала несколько приятных слов на память. Потом она покинула дом и, ни разу не обернувшись, направилась по мощенной камнем дорожке в лес, где, как она знала, ее ждет волшебник Карчарос, восседая на своем черном коне.

Никто из людей не был там и не слышал, как они поприветствовали друг друга, а те существа, что присутствовали при разговоре, улавливают только свой язык. Но встреча наверняка была впечатляющей, поскольку, как я уже говорил, Карчарос имел красивый и внушительный вид и был хорошо сложен, а маленькая Джесси Белнарак с ее белыми волосами и серьезным, ясным взглядом серых глаз держалась царственнее любой королевы. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Джесси обратилась к нему:

— Верни моему мужу душу.

— Верни мне мою, — сказал волшебник и стал спокойно ждать.

Несомненно, ответ последовал не скоро, хотя и был единственно возможным.

— Когда ты излечишь моего мужа, я пойду с тобой.

Карчарос знал о Джесси Белнарак все, кроме тех моментов, что всегда ускользают от одержимых своими чувствами, — и он, конечно же, был в курсе, что Джесси держит свое слово. И все же в победе он был ничуть не милосерднее, чем в поражении, и принялся торговаться с нею даже в такой момент. Он произнес:

— Что ж, давай садись позади меня. Лишь тогда я поверю в твою покорность и отпущу душу твоего мужа.

И я точно знаю, что Джесси согласилась.

Она направилась к черному скакуну, не колеблясь и не оглядываясь на милую ее сердцу жизнь, которую покидала навсегда. А если бы бросила украдкой последний взгляд через плечо, когда садилась на коня Карчароса, то увидела бы

на краю прогалины своих шукри, всех до единого. Они сидели в ряд и наблюдали за происходящим, обвиня лапы хвостом — шукри всегда так делают, если что-то их интересует. Маленькие блестящие глазки зверьков горели красным, словно блуждающие звезды. Самый ручной шукри в душе остается диким, как я уже говорил, а группа шукри может нагнать страху, особенно когда они не издают ни звука, не шипят и не чирикают...

...потому что вместе, когда их воля объединена, шукри могут кое-что сделать.

Это не имеет отношения к клыкам, крови и разорванным глоткам. Об этом чаще говорят как о мифе, легенде или сказке. Вряд ли на свете наберется больше трех-четырех человек, которым довелось быть свидетелем этого.

Я один из них.

И точно знаю, что произошло, когда шукри Джесси и Риджо Белнараков поняли, что их хозяйку вот-вот увезет волшебник Карчарос. Я видел — так же ясно, как вас сейчас, — как они сбились в такую тесную кучу, что в не развеявшемся до конца утреннем тумане их можно было принять за какое-то крупное животное, припавшее к земле перед прыжком. Можно было вообразить, будто этот зверь яростно твердит что-то — некое слово, пробирающее до костей, так, что сама плоть не выдерживает и начинает бунтовать, отчаянно стремясь избавиться от этого вмешательства. Так оно и случилось...

Я это помню. Я — один из шукри, что скандировали то слово.

Нет-нет, пейте свой чай дальше. Он, конечно, паршивый, но уж извините. Никогда не умел заваривать этот напиток. Нет, я не сошел с ума. И в глотку вам не вцеплюсь, обещаю. Если уж превращение произошло — то произошло. Я никогда больше не вернусь в обличье шукри. Понимаете, за все приходится платить.

Думаю, для Карчароса то был момент наивысшего торжества — насладиться наконец-то капитуляцией Джесси, ощутить ее руки на своей талии и почувствовать запах ее странных белых волос. Поскольку он дал слово — а все волшебни-

ки обязаны исполнять свои обещания, к добру или к худу, — Карчарос произнес заклинание, которое освободило душу Риджо Белнарака и позволило ей устремиться домой, в свое тело. Один миг, один вздох, один удар сердца — и за спиной у Карчароса на крупе коня очутился зверек с густым белым мехом, коротким прямым хвостом, красными глазами, круглыми ушами, овальной мордочкой и блестящими, острыми клыками. Клыки эти проехали по запястью волшебника, когда тот в неистовстве схватил существо, мгновение назад бывшее Джесси Белнарак. После этого белая шукри соскочила наземь и помчалась к деревьям. Товарищи сомкнулись вокруг нее, словно для того, чтобы ее спрятать. Карчарос закрыл глаза, но все равно видел Джесси — крохотный мчащийся факел, сияющий сквозь темноту леса и мрак его собственной души, — пока она окончательно не скрылась из виду. Тогда волшебник запрокинул голову и завыл, и вокруг начали валиться деревья.

Если когда-нибудь вы отправитесь в путешествие по Пустошам, вы встретите там достаточно много людей, которые с радостью вам покажут — за пару монеток, естественно, — то самое место в лесу, где все это произошло, которое, впрочем, вы и сами легко найдете, его сложно пропустить даже чужаку. На смену упавшим деревьям не пришло ни единого нового побега. Стволы так и лежат там, где упали, угольного цвета, будто по ним пронесся огонь, черные, как сама земля. На добрую милю вокруг отсутствует всякая жизнь. Я сам однажды осторожно измерял шагами это расстояние, пойдя оттуда, где все началось, и лишь через милю увидел растущие сорняки и нескольких кроликов в редком молодом подлеске. Целый участок леса был опустошен, стерт с лица планеты, изувечен. Люди поговаривают, что в тех краях сумасшествие Карчароса до сих пор отдается эхом. А в том, что он тогда обезумел, нет никаких сомнений — иначе он не сделал бы того, что сделал, когда белая шукри располосовала ему запястье и умчалась прочь. Не сомневайтесь — он стал ненормальным.

Оставшиеся отпечатки его ног подтвердят вам это.

В конечном итоге страшнее всего не разоренный лес, не холодный свет, лежащий там, где нет деревьев, не ошелом-

ляющее ощущение того, что прикоснуться тут можно только к безжизненности. Страшнее всего отпечатки ног, так глубоко вошедшие в твердую землю, что их не смыть наводнением и не сбить землетрясением. Они такие четкие, словно кто-то прошелся здесь накануне, но это Карчарос оставил их в те давние дни, когда пустился в свой ужасный танец. По смазанным следам видно, где он вертелся и кружился, по бороздам — где он скользил одним длинным шагом вперед или назад, по треугольным отметинам — где он поднимался на носки, воздевая руки к небу. И можно без затруднений проследить за ходом этого танца, неудержимого, как шквал, направленного туда, где располагалось сердце тогда еще не уничтоженного леса. Посмотрите сами, сядьте вон там, подальше от меня, — и посмотрите...

Вот так он прыгнул на одной ноге — представляете себе? — выбрасывая в этот момент другую вперед и презрительно отшвыривая ею землю, словно лестницу палача. Но даже нога волшебника рано или поздно должна приземлиться, и вот, когда нога Карчароса коснулась почвы, она оставила уже четырехпалый маленький отпечаток со следами когтей. За ним идет другой такой же, и еще, и еще, сперва близко друг к другу — пока он приспособлялся держать равновесие в новом теле, — а потом все дальше и дальше: это уже широкие, летящие прыжки шукри, завидевшего добычу. Карчарос получился серым, темновато-серым; от его бывшего белокурого великолепия не осталось и следа. Уж не знаю, отчего так вышло.

В тот день там были оставлены и другие следы — мои.

Они были едва заметны, и я уверен, что вскоре исчезли, поскольку волшебник, приведенный в исступление тем, что у него прямо из рук выскользнуло уже почти сбывшееся желание злого сердца, не впечатал их своим танцем в плоть земли. Пожалуй, даже опытный следопыт с трудом прочел бы мои следы, поскольку после того, как я всю жизнь ходил на четырех ногах, мне потребовалось намного больше времени, чем Карчаросу, чтобы освоить искусство удержания равновесия на двух. Я до сих пор немного прихрамываю и не скрываю этого. Вы обычно столь тактичны и любезны, что под-

лаживаетесь к моей походке, никогда не задасте вопросов по этому поводу и не поддерживаете меня под руку. Но эта хромота ни в какое сравнение не идет с тем, как я, еле передвигаясь, шатаясь, спотыкаясь, выбирался из истерзанного леса — я, кувыркавшийся прежде в воздухе, плясавший в полете между двумя людьми, что были моими — моими! — так же верно и неизменно, как было моим все стремительное семейство шукри. Ради Джесси и Риджо Белнараков я стал ковылять и ковыляю поныне.

Нет, пока всего этого не произошло, я и понятия не имел, что именно мне будет суждено превращение. Мы — ох, до сих пор говорю «мы», даже сейчас — понятия не имели, как происходит подобный выбор. Мы знали лишь, что это наше общее дело, которое всегда делается сообща. Делается силой... любви? У нас нет такого слова — у нас, у шукри, — но мы знаем, что без жертвы достичь чего-либо невозможно. Одним шукри меньше — одним человеком больше, и наоборот. Сделка. Равновесие. Так должно быть. Так действует магия. Наша магия.

Если какой-либо волшебник, помимо Карчароса, превращал таким вот образом сам себя, то мне об этом ничего не известно. Пока Карчарос видоизменялся — я наблюдал за ним, в это время мое новое обличье формировалось вокруг меня. Я и на смертном ложе поклянусь, что волшебник ни на миг не задумался, обратимо ли его перевоплощение или нет. Ни на миг.

Больше Карчароса не видели и ничего о нем не слышали — во всяком случае, в Пустошах, за это я могу поручиться. Нет, слухи о его появлении ходили — как ходят и поныне, — но всегда оказывались ложными. Я в каком-то смысле скучаю по нему. Он был человеком злым и черпал в этом удовольствие и силу, но он был нашим, с Пустошей. Вы меня понимаете? Старая поговорка гласит, что Северные Пустоши никогда не рождали ничего, кроме слабого скота и еще более слабого эля. Карчарос был исключением. Гордиться тут особо нечем, но все-таки.

Что же до Джесси Белнарак... это, возможно, уже другая история. Видите ли, Риджо еще жив и по-прежнему высту-

пает со своими прославленными шукри, невзирая на свой почтенный возраст. Он так больше и не женился. И хотя он, несомненно, горевал о пропавшей жене, все эти годы в лице его было нечто... какое-то ощущение тайной улыбки, словно он хранит глубоко в душе что-то такое, что вас заинтересовало бы, узнай вы об этом.

И потому неизбежно возникли и стали шириться слухи. Люди, еще не родившиеся, когда все это произошло, твердят повсюду, что Джесси Белнарак до сих пор приходит к мужу раз в месяц, каким-то образом получая возможность — или дозволение? — ненадолго вернуться в человеческий облик. И еще люди верят, будто серый шукри, волшебник Карчарос, по-прежнему ночью и днем преследует в лесу белую шукри, но не может настичь ее, не может даже приблизиться и увидеть, при этом он следа не теряет и не сдается.

Верю ли я собственному рассказу? Нет, что вы! Конечно же нет.

Да. О, да! Всем сердцем. И если вы не понимаете, как во мне одновременно уживаются мечта и сомнение... что ж, в конце концов, это свойственно человеку. Но я хочу, чтобы было именно так. Я находился на месте событий и считаю, что впоследствии все сложилось именно таким образом. Я присутствовал там — это абсолютная правда, как и то, что скоро наступит день, когда меня не станет. Я видел моих героев и знал их. Все, что я имел, я отдал по доброй воле, потому что так было нужно. Так должно было случиться.

Нэнси Кресс

ЧЕЛОВЕК КАМНЯ

Вас ожидает прогулка по зловеющим трущобам больших городов, которые становятся еще более зловещими во время схватки магов. Если, конечно, вы не можете рассчитывать на поддержку со стороны друзей...

Изящные и язвительные рассказы Нэнси Кресс начали публиковаться в середине семидесятых. Вскоре она стала постоянным автором в «Asimov's Science Fiction», «Fantasy & Science Fiction», «OMNI», «Sci Fiction» и других изданиях. В число ее книг входит роман, получивший «Хьюго» и «Небьюлу», — «Beggars in Spain» («Испанские нищие»), а также его продолжение — «Beggars and Choosers». Ее перу принадлежат романы «The Prince of Morning Bells», «The Goldeh Grove», «The White Pipes», «An Alien Light» (в русском переводе «Свет чужого солнца»), «Brainrose», «Oaths and Miracles», «Stinger», «Maximum Light», «Probability Moon», «Probability Sun», «Probability Space», «Crossfire», «Nothing Human». Рассказы Нэнси Кресс издавались в виде сборников «Trinity and Other Stories», «The Aliens of Earth» и «Beaker's Dozen». Кроме наград за «Испанских нищих» Нэнси Кресс получила премию «Небьюла» за рассказ «Out of All Them Bright Stars» и повесть «The Flowers of Aulit Prison» («Цветы тюрьмы Аулит»).

Джаред Стоффель не успел увидеть машину, которая его сбила. Он спускался на скейте по бетонной лестнице, идущей от развлекательного центра, что на Рэндольф-стрит, и как раз приземлялся после прыжка, как вдруг — хрясь! — он получил такой удар по пятой точке, что аж зубы лязгнули. Джаред грохнулся. За секунду до того, как ощутить боль, он вскинул руки, защищая лицо. Его «бирдхаус» взлетел, перед

тем, как удариться о мостовую, Джаред успел увидеть, как скейт поднимается в воздух, вращая колесами. Внезапно парень оказался погребен под целой тонной камней. Он не мог дышать, он умирал, где-то кто-то кричал, но вокруг были только камни — о господи, они летели, чтобы приземлиться на него, под него, всюду...

Все скрыла тьма.

— Мальчик, ты очнулся?

— Камни.

Прозвучало это очень невнятно. Джаред поднес руку к лицу. Ладонь остановилась в дюйме от распухших губ.

— Сколько пальцев я показываю?

— Два.

— Какой сегодня день?

— Пятница.

— Отдохни немного. Ты очень скверно упал.

Расплывающаяся в глазах Джареда пожилая медсестра, одетая в дурацкие брюки с желтыми уточками, воткнула ему иглу в вену и ушла.

Когда Джаред снова пришел в себя, все вокруг сделалось более отчетливым. Телевизор, водруженный на подставку под потолком, вещал о каком-то землетрясении неведь где. У кровати Джареда сидел незнакомый пожилой мужчина в белой куртке и что-то читал. Джаред попытался сесть, но мужчина, поднявшись, вернул его в прежнее положение.

— Полежи спокойно еще немного.

— Где я?

— В клинике на Перри-стрит. Тебя сбила машина, когда ты катался на скейте, но ты отделался двумя сломанными ребрами и рваной раной на руке. Тебе очень повезло.

— Ага, как же. Зашибись, как повезло.

На этот раз слова звучали отчетливо; опухоль на губах уже почти спала. В маленькой комнате не было окон. Интересно, как долго он здесь валяется?

— Меня зовут доктор Кэндалл. Мне нужны кое-какие сведения. Как твое имя, сынок?

— Я вам не сынок.

Джаред попытался припомнить, как все случилось. Шон. Они с Шоном катались на скейтах, и тот закричал, когда Джареда сбила машина.

— Шон?

— Тебя зовут Шон? А дальше?

— Да никакой я на хрен не Шон! Шон — это мой друг, он был со мной. Где он?

Доктор скривился.

— Друг тот еще. Он удрал, как только подъехала «скорая». Чем вы там занимались, что он не захотел себя обнаружить? Ладно, мне без разницы. Но мне нужно твое имя.

— Зачем?

— Во-первых, чтобы сообщить твоим родителям.

— Дохлый номер. Она не придет.

В глазах доктора что-то промелькнуло. Он поднял взгляд на телевизор, по-прежнему показывающий картины землетрясения, потом перевел его на Джареда и стал внимательно на него смотреть. Слишком внимательно. Доктору было не то пятьдесят, не то шестьдесят, и волосы у него были седые, но это еще не значило, что он не мог быть... эй, а он вообще доктор?

— Ты, псих, нечего на меня так пялиться! — огрызнулся Джаред.

Доктор печально улыбнулся.

— А, ясно. Черт. Но мне все равно нужно знать твою фамилию. Для отчетности нам...

— У меня нет страховки. Так что можете отправить меня на улицу прямо сейчас.

Джаред снова попытался сесть.

— Ляг, сынок. Мы не имеем права тебя отпустить. И пожалуйста, назови свое полное имя.

— Джаред.

— А фамилия?

— Не ваше дело.

Может, если ничего не говорить, тогда они его выставят? Док сказал, что он не сильно пострадал. Может, он столкнулся с Шоном? Если мать увидит его в таком состоянии, она точно расколотит «бирдхаус». Она...

- Эй! Где моя доска?!
- Что-что твое?
- Доска! «Бирдхаус»! Мой скейт!
- А... Боюсь, мне это неизвестно.
- Вы что, просто бросили ее на улице?!

Все, теперь с ней точно можно попрощаться. А спереть где-нибудь другую — это же куча мороки.

На миг в глазах Кэндалла снова промелькнуло что-то странное. Он негромко произнес:

— Джаред, я лично возмещу тебе потерю скейтборда. Я куплю тебе новый, фирменный, очень хороший, если ты ответишь на несколько вопросов.

- Вы? Купите мне новую доску? Это с чего вдруг?
- Я уже сообщил тебе, что для этого нужно сделать.
- Новые скейты никто задарма не раздает!
- Я раздаю. Тебе.

Глаза у Кэндалла, как заметил Джаред, были светло-карие и имели такое выражение, которого Джаред не понимал. Но этот человек не походил на мошенника. В душе у Джареда вспыхнула надежда. Новая доска... может быть, «эйбек» — четверка...

Джаред безжалостно задушил это чувство. От таких ожиданий одни неприятности.

Кэндалл запустил руку в карман и вытащил пачку купюр.

— Сколько стоит хороший скейтборд?

Джаред уставился на деньги, не в силах отвести взгляд. Он может купить «хоук»... с хорошим основанием и колесами...

— Двести долларов.

Вдруг старик не знает, сколько это добро стоит?

Кэндалл отсчитал десять двадцаток и зажал их в кулак.

— Они твои после того, как ты ответишь на три вопроса.

— Всего на три? Ладно. Только без всяких извращений.

— Для начала назови свое имя и адрес.

— Джаред Рассел, Рэндольф-стрит, шестьдесят два.

Кэндалл отодвинул руку.

— Ты лжешь.

Откуда этот старый урод знает?

— Погодите, не убирайте деньги... Меня зовут Джаред Стоффель, а живу я на Сентер-стрит, дом четыреста восемьдесят девять.

Если он вообще где-то живет. Мать, подсевшая на «кристалл», замечала Джареда лишь тогда, когда он делал что-то не так, на его отсутствие ей было наплевать. Большую часть времени она была под кайфом.

— Дата рождения? — продолжал Кэндалл.

— Шестое апреля тысяча девятьсот девяносто третьего года.

Кэндалл прикрыл глаза и зашевелил губами, словно подсчитывая что-то в уме. В конце концов он произнес таким тоном, словно это было важно:

— Полнолуние.

— Чего-чего?

— И последний вопрос. Как ты добился, чтобы все эти камни, после того как тебя сбила машина, собрались вокруг?

— Что?!

— Когда приехала «скорая», ты весь был засыпан небольшими камнями. Прежде они находились на клумбе с другой стороны развлекательного центра. Как они очутились рядом с тобой?

В памяти Джареда зашевелились смутные воспоминания. Он был завален камнями, и кто-то — он сам — прошептал: «Камни». Шон что-то кричал, когда Джаред упал, но Джаред не мог вспомнить слова друга... Он думал, что камни были плодом его воображения — каким-то последствием несчастного случая, как и боль. Чем-то ненастоящим. Но теперь...

Кэндалл смотрел на него печальными глазами. Чем это он расстроен? От этого старого психа у Джареда по спине поползли мурашки.

— Не знаю я ничего ни про какие камни.

— Вы с Шоном не играли ни в какую игру с камнями? Не бросали их в машины, к примеру?

— Мужик, ты чего? Мне тринадцать, а не восемь.

— Понятно, — отозвался доктор Кэндалл.

Он вручил Джареду двести долларов; парень нетерпеливо схватил их, хотя от этого движения его торс пронзила боль. Джаред сдвинул ноги к краю кровати.

Кэндалл удержал его.

— Боюсь, сынок, пока нельзя.

Вид у него сделался еще печальнее, чем прежде.

— Не трогайте меня! Я ответил на ваши дурацкие вопросы!

— Да, и деньги твои. Но ты пока не можешь уйти. Пока не повидаешься еще с одним человеком.

— Не хочу я больше никаких врачей!

— Он не врач. Врач — это я. Ларсон же... Короче, сам поймешь. Ларсон!

Дверь отворилась, и вошел мужчина: молодой, здоровый, длинноволосый, крутой на вид. На нем был кожаный пиджак и золотая цепь — настоящее золото. Торговец наркотиками или бандит какой, а то и глава банды. Или тип из отделения по борьбе с наркотиками. Он остановился у кровати Джаред, положил руки на металлическую спинку и уставился на парня без улыбки.

— Это он, док?

— Да.

— Вы уверены? Нет-нет, я знаю, что вы ошибок не допускаете. Но, господа... вы только гляньте на него.

— На себя посмотри, придурок! — бросил Джаред, но это прозвучало неубедительно даже для него самого. Джаред боялся Ларсона, хотя и не собирался этого признавать.

— Следи за базаром, пацан! — рявкнул Ларсон. — Мне все это нравится ничуть не больше, чем тебе. Но если ты один из нас — значит, так тому и быть. Док не ошибается, пропади оно пропадом!

— Если я один из вас? Кто я? — спросил Джаред.

— Волшебник, — ответил доктор Кэндалл. — Ты волшебник, Джаред. С сегодняшнего дня.

Объясняться пришлось Кэндаллу, поскольку Ларсон, с отвращением оглянувшись на больничную кровать, вылетел из комнаты, хлопнув дверью. Прежде чем дверь закрылась, Джаред успел заметить сквозь проем шокированный взгляд проходящей мимо медсестры.

— Волшебник. Да, конечно, — усмехнулся Джаред. — В любую минуту я превращу вас в голубя. Нет, постойте — вы и есть голубь, раз верите в этот бред.

— Боюсь, Ларсон сказал правду, — отозвался Кэндалл. — Во время происшествия ты призвал те камни. Самые гладкие камни с клумбы пролетели по воздуху и окружили тебя со всех сторон. Ты проехал на них по асфальту, как на шарикоподшипниках. Это смягчило падение, а может, и спасло жизнь.

— Ага, конечно. Так я и поверил.

— Ты родился в полнолуние — это необходимое условие, хотя мы и не знаем, почему оно так. Ты...

— И вы тоже волшебник?

— Нет, — печально произнес Кэндалл. — Я нет. Я могу угадывать в людях подобный дар, и только. «Братство» использует меня именно для этой цели.

— Ага. Значит, вы мне ничего волшебницкого показать не можете, а Ларсон уже ушел. Удобно.

— Здесь в любом случае нельзя делать ничего «волшебницкого». Невозможно колдовать в присутствии металла. Никому из волшебников это не под силу. — Кэндалл, положив руки на колени, подался вперед. — Магия — вещь очень древняя, Джаред, намного древнее самых примитивных цивилизаций. Она правит лишь тем, что принадлежит природе, и не может воздействовать на то, чего в природе не существует. Ты смог приблизить те камни исключительно потому, что твой скейтборд улетел, мобильного при тебе не было, и ты был в спортивных шортах на резинке, без «молнии».

— Оставьте в покое мои шорты! — огрызнулся Джаред. — Как же так вышло, что я никогда прежде не колдовал, а? Можете мне объяснить?

— Слегкостью. Ты попал под машину. Способность творить магию у тех, кто вообще ею наделен, обычно высвобождается во время сильной боли.

— Боли?

— Да, Джаред, — кивнул Кэндалл. — В жизни за все приходится платить, даже за магию. И цена эта — боль.

Впервые что-то в словах старика показалось Джареду разумным. Он знал, что за все приходится платить. Он знал, что такое боль.

Но все остальное казалось полным бредом. И старик нес эту ахинею явно с какой-то целью.

— Теперь вы мне скажете, что я пойду в школу для волшебников? — поинтересовался Джаред. — Как в той книжке? И буду там сидеть под замком, как в колонии для малолеток?

— Никаких школ для волшебников не существует. Все, что у нас есть, — это «Братство», но и оно не в силах справиться со своими задачами.

— Полный отстой. Все, я отсюда сваливаю. Какие бумаги подписывать?

— Это должны сделать твои родители, поскольку ты несовершеннолетний.

— Дохлый номер. Мать почти все время под кайфом, а отец давно слинял. Если вы будете ждать родителей, я отсюда вообще не выйду. Где мои вещи?

— Ты не можешь...

— Слушайте, я не собираюсь тут торчать, пока служба опеки не засунет меня в какую-нибудь приемную семью. И не желаю больше слушать вашу чушь.

— Иногда ты выражаешься гораздо приличнее, — заметил Кэндалл. — Я сам слышал. Что ж, раз ты и вправду решил уйти, то твои кроссовки в том стенном шкафу. И возьми вот это — мой домашний адрес. Можешь навещать меня когда угодно, по любому поводу.

— Ага, конечно!

— Добро пожаловать в «Братство», — печально добавил Кэндалл.

— Отвалите, — бросил Джаред.

Он отыскал кроссовки, оделся и пошел прочь. По дороге к выходу ему дважды пришлось прислониться к стене, чтобы перевести дыхание и совладать с собственным желудком, но все же он справился.

Из дома Джаред вышел только через неделю. Он лежал в постели, сражаясь с болью и пытаясь отвлечься при помощи музыки на радио и приставки «геймбой», украденной

три месяца назад. Одну игровую приставку мать уже продала, поэтому «геймбой» и радиоприемник Джаред спрятал за сломанной посудомойкой, и мать их не нашла. Джаред жалел, что не взял каких-нибудь обезболивающих таблеток, когда уходил из больницы. Может, тот старый док и дал бы чего-нибудь, но Джаред вовремя не сообразил. На счастье, выдался как раз один из тех периодов, когда в доме была еда. Новый хахаль матери — Джаред натолкнулся на него на кухне, когда тот расхаживал в одних трусах, — любил хорошо поесть.

Через неделю постель, и до того не слишком чистая, стала вонять, но зато Джаред почувствовал себя лучше. Он это понял, потому что начал скучать. Еще через день он оделся и пошел погулять. На улице никого не было. Тогда Джаред вспомнил, что уже начались занятия.

Он направился к школе имени Бенджамина Франклина, хмуро зыркнул на охранника и прошел через металлодетектор. Началась перемена, и в коридоры хлынул поток детворы.

— Эй! Шон!

Шон Диленси поднял взгляд, оторвавшись от беседы с какой-то девчонкой. На лице его промелькнуло странное выражение. Он холодно кивнул. Джаред заковылял к другу.

— Приятель, я снова здесь.

— Вижу.

— Как тут дела? В смысле, в школе.

Шон не ответил. Он повернулся обратно к девчонке, даже не представив их с Джаредом друг другу.

— Шон, ты чего, меня посылаешь? — У Джареда запылали щеки.

— Я занят — ты что, не видишь?

Такое произошло впервые. Прежде они были не разлей вода. Всегда. Девчонка фыркнула. Джаред захромал прочь.

Ну Шон и скотина...

Но Джаред не мог так все оставить. Он перехватил Шона позднее, когда тот после четвертого урока вышел из школы со своим скейтом. Джаред вывернул из переулка навстречу другу.

— Шон, что случилось?

— Ничего. Мне нужно идти.

Глубоко уязвленный и рассерженный, Джаред взвился.

— Чувак, это же я! Я!

Шон притормозил. Замешательство его сменилось гневом. Джареду вдруг пришло в голову, что приятель испытывает оба чувства одновременно.

— Джаред, оставь меня в покое, а? Мне нет дела до тебя и до твоей фигни.

«Твоей фигни». У Джареда не было никакой фигни, разве что... глупость, конечно, но ничего больше ему в голову не приходило. Он негромко спросил, чтоб убедиться:

— Ты про те камни?

— Я не знаю, как ты это сделал, но... просто оставь меня в покое!

И Шон поспешно двинулся прочь.

Так значит, тот эпизод произошел в действительности! Камни и вправду прилетели. Только это была какая-то аномалия — ветер или еще чего, — а вовсе не дурацкая магия!

— Да пошел ты! — заорал Джаред вслед Шону, но тот уже вскочил на скейт и быстро скрылся из виду.

На две сотни баксов, полученные у доктора, Джаред купил новую доску — перворазрядный «хоук» — и еще крутые подвески и колеса к ней. Каждый день он в одиночестве тренировался по соседству с домом, мучительно восстанавливая подвижность и прежние навыки. После случая с Шоном Джаред не хотел идти к остальным друзьям — да их у него особо и не было. В основном он общался с Шоном.

Новый хахаль матери ее в итоге бросил, и Джаред предпочитал поменьше сидеть дома: она либо плакалась, либо ширялась. После того как еда, принесенная хахалем, закончилась, мать так и не сходила в магазин за провизией. Иногда, когда Джаред отрабатывал прыжки без помощи рук, или закручивание доски, или скольжение на двух подвесках, а время от времени и более сложные элементы, у него громко бурчало в животе. Он выбирал те окрестные улицы, которые были чище его собственной, и носился по ним мимо деревьев, зелень которых постепенно сменялась золотым и алым,

мимо малышни на трехколесных велосипедах, мимо ярких цветов на клумбах, окаймленных камнями.

Все камни оставались там, где им и полагалось.

Что же, в конце концов, заставило его воспользоваться карточкой, которую дал ему в больнице доктор Кэндалл? Голод и холод, и, может быть, одиночество, хотя Джаред не признался бы в этом. Судя по адресу, док жил недалеко, на Картер-стрит. Джаред поехал туда, мысленно подбирая слова, которыми сможет объяснить свой визит.

Кэндалл жил в маленьком двухэтажном домике. А вроде считается, что у врачей куча денег... Вокруг росли аккуратно подстриженные кусты, в октябрьских сумерках тепло сиял свет на террасе. Джаред позвонил в звонок и нахмурился.

— Здравсьте, док. У меня с рукой чего-то неладно. Должно быть, вы ее не до конца долечили.

— Входи, Джаред, — сказал Кэндалл.

Отчего этот мужик при виде его сразу делается таким печальным? Псих какой-то. Но в доме было тепло и пахло жареным мясом. У Джареда потекли слюнки.

— Дай-ка я взгляну на твою руку... У тебя пострадали поперечные связки на левой руке, но сейчас она выглядит вполне нормально. Поужинаешь со мной?

— Я уже ел, — отозвался Джаред, насупившись еще сильнее. У него заурчало в животе.

— Тогда перекуси просто за компанию. Моя домохозяйка только что ушла, а она готовит по понедельникам столько, чтобы до конца недели хватило.

Кэндалл, не дожидаясь ответа Джареда, направился в маленькую гостиную, и парень двинулся следом. В комнате находились большой стол, шторы из натуральной ткани, шкафчик с красивой посудой. Кэндалл поставил на стол вторую тарелку.

Ростбиф, картофельное пюре, горошек и яблочный пудинг. Джаред едва сдерживался от заглатывания кусков целиком. Покончив с ужином, он взглянул в окно. На улице шел дождь. А, черт! В такую погоду на доске легко навернуться, да и отсыреть она может...

Кэндалл, молчавший в течение всего ужина, подал голос:

— Может, поиграем в «Стрит файтер»?

— Вы играете в «Стрит файтер»? Вы?! Не, я знаю, что раньше была такая игра, и вообще, но... вы?

У Кэндалла обнаружилась старая игровая приставка. Для своего возраста он неплохо управлялся с джойстиком. Джаред победил доктора, но с трудом. Во время игры Кэндалл небрежно поинтересовался:

— Как идут дела?

— Это какие же?

— К примеру, не пробовал ли ты заниматься магией?

— Мужик, отвали.

— Ладно, забудь. А как в школе?

Он произнес это таким делано благонаправным тоном, что Джаред не выдержал и рассмеялся. А потом остановился прямо посреди игры, выпустил джойстик и резко встал.

— Мне надо идти.

— Что, с учебой не очень?

— Да все теперь паршиво — спасибо вам! — выкрикнул Джаред, прежде чем понял, что хочет сказать. — Шон больше со мной не общается, а остальное все просто дерьмо...

— Шон тебя избегает? — переспросил Кэндалл. — А другие ребята?

— Не ваше дело! А теперь выпустите меня отсюда!

— Дверь там, — спокойно ответил Кэндалл. — Приходи на ужин.

Но Джаред уже был на полпути к выходу; он поднял воротник в предчувствии дождя, злясь на...

Да на все!

— Возвращайся в любое время, — бросил ему вслед Кэндалл. — У меня еще есть «Супер смэш бразерс».

Джаред вернулся. Он планировал забраться внутрь и украсть игровую приставку. Но Кэндалл оказался у себя, поэтому парень ничего воровать не стал. Они снова поужинали вместе и поиграли на приставке. После того раза Джаред перестал притворяться, будто у него что-то с рукой. Вскоре он стал приходить к доктору почти каждый вечер. Днем, если

погода стояла солнечная, он катался на скейте, если было сыро — бесцельно шатался по улицам или смотрел телевизор дома, когда мать куда-нибудь уходила. Кэндалл больше не заговаривал о магии. И еда у него всегда была хорошая, и в комнатах обычно было тепло. Через несколько недель Джаред начал помогать мыть посуду. Иногда они играли на приставке, иногда Джаред смотрел телевизор, а Кэндалл в это время читал. Джаред не особо любил книги.

В половине седьмого они неизменно оставляли прочие занятия и смотрели по телевизору новости. Если там говорили о землетрясении, наводнении или проблемах в сельском хозяйстве, Кэндалл подавался вперед, опершись руками о колени.

Однажды холодным ноябрьским вечером Джаред, вспомнив, что дома отопление отключено, остался ночевать у Кэндалла в гостевой спальне. В четыре ночи, когда доктор спал, парень принялся обшаривать помещения. Не для того, чтобы что-нибудь украсть, а чтобы... просто из интереса.

В гостиной он нашел странную фотографию. Она лежала в ящике посудного шкафа под грудой скатертей. На снимке была изображена группа из семнадцати человек, которых вообще непонятно что связывало. Строгого вида женщина средних лет, в коричневых брюках и розовом топе. Мужчина в синей форме, с нашивкой как у охранников. Двое детей, лет семи-восьми, на вид двойняшки, наряженные под гангстеров. Пожилая женщина в длинном платье. Чернокожий мужчина в сером деловом костюме, с портфелем в руке. Парень в дурацкой гавайской рубашке, лыбящийся как недоумок. Парнишка-азиат с кучей книг.

И Шон.

Джаред уставился на фотографию. Да, это действительно Шон. Но что это за группа? Это точно не семейство Шона — к бабке не ходи.

— Хочешь кофе?

Джаред стремительно развернулся. В дверном проеме стоял Кэндалл в старомодной пижаме. На психа он не походил: просто печальный человек, который в тот момент выглядел и вправду старым.

— Кто эти люди? Почему Шон с ними?

— Я поставил чайник, Джаред. Пойдем на кухню.

Пока Кэндалл возился с чайником и растворимым кофе, Джаред остановился у кухонного стола, не желая садиться.

— Я вас спросил — кто эти люди? Это и есть ваше дурацкое «Братство»?

— Так ты запомнил, что я говорил о них, — с удовлетворением заметил Кэндалл. — Я и не знал. Ты тогда был на обезболивающих.

— Слушайте, не держите меня за идиота!

— Что ты, ни в коем случае. Нет, это не «Братство». Это «Другая сторона».

— Другая сторона чего? Говорите нормально!

Кэндалл налил себе в чашку кипятка, размешал кофе и сел напротив Джареда.

— Джаред, тебе не показалось странным, что после того происшествия Шон стал тебя избегать? Хотя любой мальчишка решил бы, что командовать камнями — это клево?

— «Клево»! — злобно передразнил его Джаред. — «Командовать камнями»! Отвечайте нормально! Что Шон делает рядом с этими людьми?

— Он один из них. И он тоже понятия не имел, что ты волшебник, пока тебя не сбила машина. А теперь он отделился, иначе ты случайно можешь обнаружить, кем является он сам. Видишь ли, наше главное преимущество перед «Другой стороной» — это то, что мы знаем о них намного больше, чем они о нас.

— «О нас»? Вы же вроде говорили, что не являетесь волшебником!

— Это так, но я работаю вместе с ними. Боль высвобождает силу, не забывай. Я врач. Я вижу много боли. Иногда она приводит к нам кого-то из «Братства», иногда — кого-то из «Другой стороны». Именно благодаря моей работе в медицинском центре мы смогли получить сведения о многих из них.

— Я не верю в эту чушь!

— По счастью, твоя вера или неверие не меняет реально-го положения дел. — Кэндалл пригубил кофе. — Хотел бы я,

чтобы для исчезновения «Другой стороны» достаточно было не верить в нее...

— «Другая сторона». Погодите-ка. И чего же они делают такого плохого? Что вы имеете против Шона? Вы что думаете, он бомбы делает, что ли?

— Я же тебе уже говорил: магия не действует в присутствии металла, так что никаких бомб. Магия значительно древнее всего этого. Она принадлежит сфере природы, травы и ветра, животных и растений. И камней — самой древней части природы.

— Ага. Конечно. Так значит, Шон собирается свергнуть мир в хаос, выращивая вредную травку? Фигню порете.

Внезапно Кэндалл подался вперед.

— Нет, Джаред, это ты порешишь фигню! Твое невежество ужасает — чему только вас учат в школе? Да, «Другая сторона», если ей это будет выгодно, может «свергнуть мир в хаос», выращивая что-либо. Ты что, не знаешь, как можно обогатиться на засухе, неурожае, ураганах, пчелиных волках или мутациях растений? На подобных несчастьях всегда делались деньги. Сначала ты их насылаешь, потом за хорошую плату помогаешь с ними справиться. Ты всегда готов вмешаться в нужный момент, потому что точно знаешь, где и когда произойдет подобное событие. И никто не заподозрит, что это ты его вызвал, потому что ураганы, извержения вулканов и засухи выглядят совершенно естественно! Плюс к этому в развитых странах, где деньги текут рекой, никто не верит в магию. Уловил?

— Нет! — отрезал Джаред. — Вы хотите сказать, что Шон разбогател на магии? У него даже приличной доски нет!

— Это потому, что богатство привлечет внимание к «Другой стороне». А чтобы извлечь крупную прибыль из масштабного стихийного бедствия, требуется координация действий на международном уровне. С парой случаев поменьше они уже провернули дело — ты читал в газетах о внезапном наводнении в Колорадо, разлилась река Биг-Томпсон? Нет, конечно, ты же не читаешь газет. Но мы полагаем, что это — их рук дело. И «Братство», и «Другая сторона» находятся пока на стадии создания организаций. Со временем Шон ста-

нет очень богатым и очень влиятельным, хотя практически никто на свете не будет знать, как он этого добился. ФБР будет подозревать его в причастности к наркоторговле и впустую тратить годы, пытаясь это доказать.

— Вы теперь еще и будущее предсказываете?

— Нет. Конечно нет. Я просто...

— Вы просто чушь мелете! Вы псих, понятно?! И полное чмо вдобавок! Фигня все это!

Джаред рывком распахнул дверь кухни и выскочил прочь.

— Джаред!.. погоди!.. Не надо...

Но Джаред уже несся на скейте прочь, ускользая по дорожке в холодную тьму.

Этот тип не просто чокнутый — он совсем свихнулся! На всю голову ушибленный! С дуба рухнул! Джаред решил больше не возвращаться в дом доктора.

А куда ему еще податься?

Джареда трясло. Дождь, шедший поздно вечером, закончился, но было очень уж холодно. Его толстовки с капюшоном явно не хватало для такой погоды. Он решил двигаться быстрее, чтобы не замерзнуть.

Дом. Неотапливаемая квартира, где мать с новым хахалем спят под всеми одеялами, включая и одеяло Джареда, или, того хуже, скандалят или ширяются. И добираться домой в одиночку в такое время, почти под утро, когда на улицах одни бандиты...

Джаред остановился в освещенном месте. Несколько ужасных мгновений ему казалось, что он сейчас расплчется.

Да пошло оно все! Пошла в жопу вся та фигня, о которой рассказывал Кэндалл. Старик был добр к нему. И что, что он псих? Подумаешь! Он не опасен. Джаред может управиться и с делами похуже. Он вообще с чем угодно управится, если надо. Зато у Кэндалла тепло и есть еда.

И все же почему Шон так странно отреагировал на тот случай с машиной?

Джаред развернул скейт и покатил обратно к дому Кэндалла, напряженно размышляя.

Дверь черного хода до сих пор была открыта настежь. На кухне валялись перевернутые стулья, а кофе из чашки Кэн-

далла расплескалось по полу. Стол был вымазан кровью. Джаред обошел дом. Кэндалл исчез.

Джаред отыскал в ящике кухонного шкафа фонарик и вышел во двор. Мокрый газон пересекали свежие следы шин, которые вели на Картер-стрит — а дальше-то куда?

Надо бы позвонить копам.

Ага. Так копы и поверят, что дока похитили. Когда пропадают взрослые, копы раньше чем через пару дней и не чешутся. И тем более они не поверят Джареду, с его кучей вызовов в суд и неоплаченными штрафами за незаконное катание на скейте в общественном центре и в библиотеке.

Лишь после этой мысли Джаред осознал: он верит, что Кэндалла похитили и что сделала это так называемая «Другая сторона». Стоило Джареду понять это, как его затрясло. «Холодно», — подумал он. Это просто холод. Просто холод.

Он проехал в темноте до конца квартала, осматриваясь по сторонам. Глухо. Другой конец квартала. То же самое.

Никто не был к нему так добр, как Кэндалл. Никто и никогда.

Невозможно узнать, куда эти психи увезли доктора. Совершенно нереально. Разве что...

Джаред посветил по сторонам фонариком. У дома соседей Кэндалла располагалась клумба, окаймленная камнями. Чувствуя себя последним идиотом во всем этом дерьмовом мире, Джаред подобрал три камня и мысленно спросил их: «Куда?»

Ничего не произошло. Тогда он обратился к ним вслух:

— Куда?

Опять ничего.

Джаред сошел со скейта с его металлическими подвесками и предпринял еще одну попытку. Ничего.

На толстовке была металлическая молния, и потому Джаред, дрожа, снял ее и положил на скейт, отодвинув все это футов на двадцать.

— Куда его увезли? Вы, придурочные камни!

На джинсах была металлическая молния и заклепки.

— Ну уж нет! — вслух произнес Джаред.

Секунду спустя он, дрожа, стянул брюки и бросил поверх толстовки. Оставшись в трусах, носках, кроссовках и футболке, он оглядел улицу. Пусто — неудивительно, в полпятого утра. Джаред снова подобрал камни.

— Вы, заразы, куда его увезли?

Камни в его руке потеплели.

Джаред вскрикнул и выронил их. Острая боль, пронзившая его запястье, ушла через секунду. Упавшие камни образовали прямую линию, указывающую на северный конец Картер-стрит. Джаред уставился на них, не веря собственным глазам. Потом повторил тот же трюк, встав на этот раз лицом к югу. Камни нагрелись, он их выронил, и те, обогнув его тело, образовали линию, уводящую на север. Запястье Джареда пронзил укол боли.

Он закрыл глаза. Не может быть. Такой фигни просто не бывает. Джаред отдал бы все на свете, чтобы только снова кататься у развлекательного центра вместе с Шоном, прыгать на скейте со ступеней и съезжать по поручням, пытаясь исполнить при приземлении разворот в полтора оборота.

Вместо этого он подобрал свои одежду и три камня, встал на скейт и поехал на север.

Добравшись до перекрестка, Джаред снова сошел со скейта, положил джинсы и толстовку.

— Куда?

Камни указали на восток.

Еще через два поворота Джаред с радостью увидел, что камни вывели его на шоссе, где перекрестков мало. Запястье у него ныло от повторяющихся вспышек боли. Джаред надел джинсы и толстовку. Ноги у него окоченели — не очень-то хорошо для управления скейтом. Но Джаред не собирался исполнять никаких трюков — лишь двигаться по прямой, а при быстрой езде он согреется. Он переместился на главную дорогу и покатил вдоль шоссе, уворачиваясь от сердито сигналящих грузовиков и внимательно следя, нет ли копов.

На первой же развилке Джаред съехал с шоссе и повторил фокус с камнями. Камни указали, что он на правильном пути. Джаред с тревогой посмотрел в небо: на востоке уже

начало розоветь. Джаред оделся и выехал на дорогу. В животе у него заурчало, и парень выругался в адрес своего организма, а заодно в адрес Кэндалла и всего мира.

На следующей развилке камни велели свернуть на пустынную проселочную тропу. Джаред заметил указатель: Каунти-Лайн-роуд.

К счастью, нужная постройка оказалась недалеко: это был третий от шоссе дом, спрятавшийся среди деревьев. Перед ним стоял белый фургон с грязными шинами. На борту было написано: «Служба безопасности Маккеллана». Джаред вспомнил то фото и на нем — мужчину в синей форме.

Джаред осторожно подобрался к дому. Шторы везде были задернуты, а окна первого этажа закрашены черным. Но когда Джаред приложил ухо к темному стеклу, ему стали слышны звуки, доносящиеся из цокольного этажа.

Глухой удар. Стон. Потом чей-то голос:

— Итак, доктор, еще раз: пожалуйста, назовите все имена. И побыстрее. Это начинает утомлять.

Тишина. Потом — крик Кэндалла.

Они его мучают, чтобы узнать имена входящих в «Братство»! В том числе имя Джареда. «Видишь ли, наше главное преимущество перед «Другой стороной» — это то, что мы знаем о них намного больше, чем они о нас». Так сказал Кэндалл. Но теперь...

Он может уехать прочь. Вернуться на шоссе, никогда больше не появляться дома, отправиться... Куда?

Снова раздался крик Кэндалла.

Джареда захлестнул гнев. Он прежде думал, что злитесь: на Шона, на мать, на копов, на то дерьмо, которое произошло и продолжало происходить и, видимо, не собиралось прекращаться никогда. Но это все и рядом не стояло с его нынешним гневом — прародителем всего гнева на свете, убийным гневом из разряда «всех-убью-один-останусь».

Деревья подходили почти вплотную к задней части дома. Джаред забрался в лес, сунул скейт под какой-то куст, отправив туда же джинсы и толстовку. Потом он выпрямился и закрыл глаза. Ветки царапали голые ноги, а какие-то насекомые кусали его за лицо. Он представил себе самые разные камни, всех размеров: гладкие, шероховатые, острые, — как

они прошибают черные стекла цокольного этажа и летят в головы сидящим там ублюдкам, каждому — кроме Кэндалла. Джаред представил себе кровь, раны и...

Он закричал. Боль пронзила все его тело — и Джаред полетел в кусты. Руки и ноги жгло, словно огнем, он понимал, что умирает, что никогда больше не прокатится на скейте...

Боль схлынула, и Джаред остался лежать, тяжело дыша. Он кое-как поднялся на ноги и увидел, как камни влетают в дом со всех сторон, словно реактивные истребители в какой-то видеоигре, но при этом реальные, как он сам. Все окрашенные окна разлетелись вдребезги, и из дома донеслись крики. Потом наступила тишина.

Этого не могло быть.

Но это было.

Джаред выбрался из леса и помчался к входной двери. Она оказалась запертой, как и черный ход. В конце концов Джаред побежал к ближайшему разгромленному окну, пинками выбил осколки, еще торчавшие из рамы, и осторожно спрыгнул внутрь, на усыпанный осколками пол, стараясь не упасть при приземлении.

На полу, засыпанные камнями, лежали двое мужчин и женщина, все в крови. Привязанный к стулу Кэндалл изумленно уставился на Джареда. У старика был сильно разбит лоб, и рукава пижамы были в крови. Джаред подобрал вырванный кем-то нож и перерезал веревки. Кэндалл согнулся, ловя ртом воздух, и Джаред испугался, что у того начался сердечный приступ или что-то вроде того. Но доктор выпрямился и встал, хотя и с трудом.

— Джаред... со мной... все нормально.

— Ага, как же. Нормально, просто зашибись. Пойдем.

Джаред помог Кэндаллу подняться вверх по лестнице, но что делать дальше, он не знал.

А Кэндалл знал.

— Вернись вниз, — с трудом произнес он, — и возьми у кого-нибудь мобильник. Будь осторожен — они не мертвы. Не убивай никого, Джаред, нам не нужно расследование по делу об убийстве. Потом возвращайся сюда и запри дверь наверху лестницы.

Джаред так и сделал. У него вдруг противно заныло под ложечкой. Это ощущение соперничало с чувством нереальности происходящего — «этого не может быть!» — которое лишь окрепло, когда Джаред снова увидел множество камней, засыпавших пол в подвале.

Это сделал он. Он, Джаред Стоффель.

Кэндалл позвонил кому-то по сотовому и сказал:

— Код — синий. Адрес...

Он вопросительно взглянул на Джареда, тот продиктовал адрес. Буквально через несколько минут перед домом взвизгнули тормоза машины. Кэндалл с Джаредом вышли навстречу. Серебристый «мерседес», стоимостью не менее семидесяти штук. Джаред моргнул. Из машины выскочила красивая чернокожая девчонка. На ней была форма из школы для богатых: зеленые юбка и пиджак, белая блузка и узкий зеленый галстук. Обычно Джаред ненавидел таких вот богатеньких снобов, но сейчас был особый случай.

— Это он сделал? — спросила девчонка, обращаясь к Кэндаллу, но глядя на Джареда круглыми глазами. — Но как?..

— Я пока не знаю, — отозвался Кэндалл.

— Сколько...

— Они не успели заставить меня говорить, Дениза. Но заставили бы.

Девчонка, поморщившись, кивнула и бережно помогла Кэндаллу забраться в машину. Ей явно было наплевать, что кожаное сиденье запачкается кровью. Джаред уселся сзади. Судя по всему, Дениза уже достаточно взрослая, чтобы водить машину, хотя по виду не скажешь. Интересно, «мерседес» принадлежит ей, ее семье или он краденый?

Дениза вывела машину на шоссе и нажала на педаль газа. Она быстро оглянулась и бросила на Джареда взгляд, исполненный уважения и даже некоторого опасения. Джаред выпрямился. Дениза поинтересовалась:

— Камни?

— Да, — кивнул Джаред.

— У нас нет никого, кто способен управляться с камнями.

Джареду понравился ее тон. Он поинтересовался:

— А ты?

— Ветер. Но очень небольшой. У тебя талант!

— Это еще что! Ты бы видела, как я катаюсь на скейте!

Кэндалл, сидевший на переднем сиденье и поглаживающий руку, улыбнулся.

— Нет! — заявил Ларсон. — Ни в коем случае!

Он был все в том же наряде, и выглядело это, по мнению Джареда, так же глупо, как и в прошлый раз. Ларсон был вне себя.

— Полагаю, у нас нет выбора, — заметила женщина постарше, в деловом костюме.

Вероятно, когда они заявили сюда, хозяйка как раз собиралась на работу, а Дениза — в школу. Дом был определенно женским — он выглядел в точности так, как подобает дому бизнес-леди: элегантный, но скучный. Светло-коричневые ковры, коричневая мебель, шторы цвета бронзы. Леди вела себя, будто она главная. Проблема была в том, что Ларсон тоже вел себя, будто главный — он. Джаред ждал, что они вот-вот подерутся, но между ними все решалось по-своему.

— У нас есть выбор, Анна, — возразил Ларсон. Так звали леди — Анна. — Мы можем отослать их куда-нибудь в другой город.

— Отослать? — возмутился Джаред. — В смысле — меня и дока? Никто меня никуда не отошлет!

— Боюсь, нам придется это сделать, Джаред, — сказала Анна. — «Другая сторона» теперь знает о вас обоих. Они уничтожат вас, как только представится возможность, и может случиться так, что мы окажемся не в состоянии защитить вас.

— Ага, конечно. Нельзя, что ли, наложить заклинание на мой дом или еще что-нибудь в этом духе? Нет? Тогда вы не настоящие волшебники!

Тут сзади раздался чей-то голос:

— Увы, магия таким образом не действует.

Джаред стремительно обернулся. Это была Дениза — она где-то припарковала машину и вернулась. Если бы Джаред знал, что она уже здесь, он не хамил бы.

— Я могу при помощи магии вызвать ветер, — сообщила Джареду Дениза, — а Анна может общаться с дикими живот-

ными, и так далее. Но все это возможно лишь в нашем присутствии. Заклинаний, которые накладываются на определенное место и охраняют кого-то, просто не существует. Хотя мне лично очень жаль.

Если бы кто-то другой объяснил это Джареду, он бы не чувствовал себя таким дураком. Кэндалл ушел в дальнюю комнату, то ли на перевязку, то ли еще зачем. Джаред скрестил руки на груди и нахмурился.

— Я не могу просто взять и отправиться куда-то в другой город. У меня мать, и школа, и все такое.

— Если ты не уедешь — ты покойник, — безжалостно отрезал Ларсон. — А вместе с тобой конец придет и некоторым из нас, тем, на кого ты сможешь указать.

— Но моя ма...

— Ей скажут, что тебя забрали органы опеки. Она поверит.

Джаред покраснел. Так значит, Ларсон все знает про его мать! В ярости и замешательстве он развернулся, собираясь выскочить из комнаты, но выход преграждала Дениза.

— Не нужно отправлять его в Теллертон, — возразил Ларсон. — Лучше в другое место, в неактивную ячейку. Такой буйный мальчишка в самом сердце «Братства» нам ни к чему.

— Не согласна, — вмешалась Анна.

— Его никто не сможет контролировать. Он поставит нас всех под удар!

— Не стану я никого ставить под удар, пока сам не захочу! — возмутился Джаред.

— Думаю, Ларсон, он говорит правду, — заступилась за него Анна. — И с ним будет Ник.

Дениза произнесла негромко — так, чтобы было слышно только Джареду:

— Я понимаю, бросить все — это нелегко. Но Анна права — с тобой будет доктор Кэндалл. И место, куда вы поедете... Я точно знаю, что там есть обалденный скейт-парк.

— Точно?

— Точно. Самый лучший.

— А ты приедешь посмотреть, как я катаюсь? — выпалил Джаред и тут же возненавидел себя за это. Она старше его и

подумает, что он еще ребенок, и опозорит его перед Ларсоном...

— Конечно. Думаю, так или иначе, но мы будем в конце концов работать вместе. Скоро положение станет намного серьезнее, у нас каждый волшебник будет на счету, а сильного человека камня у нас нет. Ты очень талантлив.

Она уже во второй раз это отметила. Джаред повернулся к Анне, игнорируя Ларсона.

— Ладно. Я поеду. Где этот Теллертон?

— В Виргинии.

Джаред моргнул.

— Я...

— Зак отвезет вас обоих сегодня же днем. Чем раньше вы исчезнете отсюда — тем лучше.

— Мои вещи! Мне...

— Их придется оставить. В Теллертоне тебе купят новые. Не волнуйся, Джаред, теперь ты один из нас.

Анна двинулась к выходу. Ларсон подал голос:

— Анна, одну минуту! Мне нужно поговорить с вами об этом урагане!

И он размашистой походкой направился следом за ней.

Джаред с Денизой остались одни. Джаред насупился, потом спросил, просто чтобы не молчать:

— Какой еще ураган?

— Это было сегодня в первом утреннем выпуске новостей, — мрачно поведала Дениза. — Сильный ураган внезапно изменил направление и пошел к берегу Флориды, хотя вроде бы сезон ураганов уже должен кончиться. Пока известно о восьми погибших. Уничтожен как минимум один большой товарный склад. Мы знаем, что его совсем недавно приобрела «Другая сторона». Теперь они подадут иск о возмещении убытков от урагана. Анна — один из наших юристов — только что отследила факт покупки и страховки склада, но пока что не успела до конца разобраться в этом деле.

Джаред пытался понять. Дениза умная. Все эти люди умные. А магическая фигня, оказывается, связана с совершенно немагическими вещами типа страховок и судебных исков,

о которых Джаред никогда не задумывался. Но одно он понял хорошо: погибли восемь человек. Пока что восемь.

— Они вправду это делают? Убивают ни в чем не повинных людей, чтобы иметь с этого деньги?

— Да. И это будет продолжаться.

У Джареда голова пошла кругом. Слишком много всего, слишком быстро. Волшебники, магия, переезд, камни... Джаред словно до сих пор чувствовал, как камни нагреваются в его ладонях, готовясь открыть правду. Ему, Джареду Стоффелю, которому никто, кроме Шона, никогда ничего тайного не доверял.

Шон... типа друг, он полагался на него как на брата...

— Шон должен заплатить,— сказал Джаред.

— Да,— ответила Дениза.

Это окончательно убедило Джареда. Никакой дурацкой болтовни насчет того, что мстить нельзя, никаких призывов успокоиться или увещеваний насчет того, что детям не пристало злиться. Просто спокойное «да». Она его поняла.

Джаред вдруг почувствовал себя так, будто он только что, выполняя крутой прыжок с разворотом, завис в воздухе.

Волшебник. Он волшебник. Человек камня. Он не хотел этого, но так вышло. И все теперь по-другому.

Может, оно и к лучшему.

Он научится разбираться с этими исками о возмещении ущерба и вообще с чем угодно. Он не тупица. Он исполняет прыжок назад с разворотом на сто восемьдесят градусов — освоит и новые знания, если потребуется. Он сумеет.

— Добро пожаловать в «Братство»,— негромко произнесла Дениза.

— Спасибо,— откликнулся Джаред.

Джеффри Форд

ЗАКЛИНАНИЕ МАНТИКОРЫ

Чему быть — тому не миновать, даже если ты самый могущественный волшебник.

Хотя Джеффри Форд принадлежит к числу относительно новых авторов, он уже успел в 1998 году получить Всемирную премию фэнтези за свой первый роман «*Physiognomy*» («Физиогномика»), а после этого, в 2003 году, еще две Всемирные премии фэнтези — за рассказ «*Creation*» («Сотворение человека») и сборник «*The Fantasy Writer's Assistant and Other Stories*» («Секретарь автора фэнтези и другие истории»). В 2004 году Форд удостоился премии «Небьюла» за рассказ «*The Empire of Ice Cream*» («Империя мороженого»). Его произведения печатались в «*The Magazine of Fantasy & Science Fiction*», «*Sci Fiction*», «*Black Gate*» и во многих других изданиях. Перу Форда принадлежат романы «*Vanitas*», «*Memoranda*» («Меморанда»), «*The Beyond*» («Запределье»), «*The Portrait of Mrs Charbuque*» («Портрет миссис Шарбук») и другие.

Джеффри Форд живет в Медфорд-Лейкс, штат Нью-Джерси.

Когда это существо только обнаружили, первые сообщения о нем были нелепы: внешность — смешение частей, улыбка — тут и вовсе не находилось подходящих эпитетов. Говорили, что существо имеет цвет пламени, раскаленных углей, какого-либо цветка. Каждый свидетель пытался подражать его песне, но это так никому и не удалось. Мой наставник, волшебник Уоткин, велел мне все, что рассказывали, фиксировать в виде слов и образов. Такова была королевская

воля. «Слушайте, что они там городят, — распорядился король. — И пусть знают, что вы записываете все по моему приказу. Хотя они лишь попусту болтают, старина». Мой наставник кивнул и улыбнулся, но после того, как король вышел из комнаты, повернулся ко мне и прошептал:

— Мантикора! Это последняя мантикора, сомнений быть не может.

На склоне дня мы смотрели с балкона, как королевские охотники возвращаются во дворец из леса, росшего за широким зеленым лугом; кровь жертв мантикоры оставляла на траве ярко-красный след.

— Это очень старая мантикора, — продолжил волшебник. — Такой вывод можно сделать из того, что лошадей она пожирает полностью, а вот от людей зачастую остается пара неповрежденных конечностей.

Он наложил на чудовище заклинание защиты, продев в игольное ушко перышко колибри.

— Вы хотите, чтобы оно осталось в живых? — спросил я.

— Чтобы мантикора умерла только естественной смертью, — ответил он. — Ее не должны убить королевские охотники.

Перед самой осенью мы сидели с другими придворными на парапете крепостной стены, смотрели на луну и звезды и слушали схожие с пением флейты трели мантикоры, доносящиеся из отдаления, откуда-то из-за темных деревьев. Они напоминали звон множества хрустальных бокалов. Дамы при свечах играли в карты; волосы их были напудрены и уложены в высокие прически. Джентльмены сидели, развась, курили трубки и обсуждали, как бы они прикончили тварь, если бы им довелось это сделать.

— Волшебник, — произнес король, — я думаю, ты примешь меры.

— Я и принял, — отозвался Уоткин. — Но это нелегко. Магия против магии, а я уже немолод.

Несколько мгновений спустя рядом с королем возник его инженер. Он принес с собой механическое оружие, в которое вставлялась стрела из слоновой кости.

— Наконечник смочен кислотой, которая разъест плоть этого существа,— пояснил инженер.— Целиться надо в лобное место выше шеи. Механизм орудия нужно держать хорошо смазанным.

Его высочество улыбнулся и кивнул.

А неделю спустя, во время ежедневного ритуала, в ходе которого король оценивал состояние своего королевства, ему доложили, что мантикора сожрала двух лошадей и охотника, оторвала помощнику инженера правую ногу и так смяла и скрутила новое оружие, что отравленная стрела, предназначенная для чудовища, развернулась в обратную сторону и вонзилась своему изобретателю в ухо, да так, что мочка стекла с головы, словно воск с горящей свечи.

— Мы опасаемся, что бестия отложила яйца,— сообщил инженер.— Я предлагаю сжечь лес.

— Нет, лес мы жечь не станем,— возразил король.

Он повернулся и посмотрел на Уоткина. Волшебник притворился спящим.

Я помог старику подняться с кресла и проводил его по каменным ступеням лестницы вниз, в коридор, ведущий к нашим покоем. Прежде чем я отпустил своего наставника, он схватил меня за воротник и прошептал:

— Заклинание слабеет, сердцем чую.

Я кивнул. Он отстранил меня и оставшуюся часть пути до своих комнат преодолел без моей помощи. Я следовал за ним, оглядываясь через плечо; я был практически уверен: король в курсе, что его волшебник обратил свое искусство против него.

Я лежал в своем закутке, примыкающем к западной части мастерской. Из него мне виден был подвешенный вверх ногами безволосый розовый труп обезьяны-горбуна, свисающий с потолка в соседней комнате. Волшебник выписал его из Палджерии пять лет назад — во всяком случае, так утверждалось в отчетности. Когда заказ прибыл, по реакции наставника я понял, что он уже не помнит, что намеревался с ним делать. Два дня спустя он подошел ко мне и сказал: «Посмотрим, что ты сумеешь создать из этой обезьяны-горбуна».

Я понятия не имел, в каких целях можно этот труп использовать, поэтому просто повесил его в мастерской.

С первого дня моей службы у Уоткина он настоял, чтобы по утрам я доверял ему свои сны.

— Твой сон — это хорошая возможность для всех твоих недоброжелателей, в это время они просачиваются сквозь оборонительные сооружения твоего сознания, — объяснил мне волшебник.

Было это в середине августа. Мы стояли, сухие, под раскидистой кроной гемлока и пережидали грозу, вокруг занавесом стелились потоки дождя. Накануне ночью, во сне, я шел за какой-то женщиной через поле пурпурных цветов, которое спускалось к краю утеса. Внизу вздымалась, словно при дыхании, огромная груда черных камней, и когда она увеличивалась в размере, мне виден был сквозь трещины и расселины сочащийся изнутри красно-оранжевый свет. Женщина из сна оглянулась через плечо и спросила: «Помнишь тот день, когда ты поступил на службу к волшебнику?»

Потом белое пятно ударило мне в глаза, и, к своему удивлению, я обнаружил, что проснулся. Уоткин, поднеся фонарь к моему лицу, произнес:

— Она погибла. Идем скорее!

Наставник развернулся, и я снова очутился в тени. Пока я одевался, меня била дрожь. Я видел, как старик зубами вытягивает плевавшего демона из ноздри одной придворной дамы. Непостижимо. Его одеяние было украшено великолепными изображениями пионов в снегу.

Я вошел в мастерскую в тот самый момент, когда Уоткин убирал все со своего стола, на котором смешивал порошки и препарировал рептилий — в их крохотных мозгах имеется участок, который, будучи размятым и высушенным, усиливает действие зелий моего наставника.

— Сходи за пером и бумагой, — велел мне волшебник. — Мы все запишем.

Я выполнил это распоряжение. Потом Уоткин стал поднимать большой хрустальный шар с синим порошком внутри, и его тонкие запястья задрожали от напряжения. Я помог

своему наставнику: подхватил шар в тот самый момент, когда он выскользнул из пальцев Уоткина.

Внезапно в комнате запахло розами и корицей. Волшебник принялся и предупредил меня, что чудовище скоро доставят. Шесть охотников несли труп, свешивающийся с трех носилок для переноски раненых. Он был накрыт потрепанным гобеленом с изображением войны Ив; гобелен этот прежде висел в коридоре, что соединял сокровищницу с фонтаном Жалости. Мы с Уоткином отступили, когда темнобородые мужчины, кряхтя и скрипя зубами, поставили носилки на стол. Когда они двинулись прочь из наших покоев, мой наставник вручил каждому из них по небольшому пакетику с порошком, перевязанному лентой, — полагаю, в них находились афродизиаки. Последний из охотников, прежде чем принять вознаграждение и уйти, ухватил край гобелена, приподнял его повыше, быстро обошел вокруг стола и снял покрывало с мантикоры.

Я хотел было взглянуть на рану, но тут же повернул голову в другую сторону, побуждаемый инстинктом: там старик мурлыкал, взвизгивал и чирикал. Плотное облако — запах этого существа — тяжестью сдвинуло мне нос, а потом я услышал первую зажужжавшую муху. Волшебник отвесил мне пощечину и заставил смотреть на мантикору. Он так ухватил меня за загривок, что спорить с ним было трудно.

Существо было густо-багряным, всех оттенков багреца. Сначала я заметил цвет. Потом обратил внимание на зубы и некоторое время не мог переключиться ни на что другое. Оскал и улыбка одновременно. Затем я увидел львиные лапы, мех, грудь, длинные красивые волосы. Хвост, составленный из блестящих сегментов и заканчивающийся гладким, острым жалом — на кончике его застыл зеленый пузырек яда.

— Пиши, — распорядился Уоткин. — Самка мантикоры.

Я нашарил перо и вывел эти слова в самом верху листа.

Волшебник сделал шаг; казалось, это заняло несколько минут. Потом еще шаг и еще, пока медленно не обошел вокруг стола, изучая существо со всех сторон. В правой руке Уоткин держал трость с вырезанной на набалдашнике его собственной головой. Трость не касалась пола.

— Изобрази ее, — велел наставник.

Я принялся за работу, хотя с художествами у меня было неважно. Тем не менее я ее запечатлел: человеческая голова, мощное туловище льва, хвост скорпиона. Это был мой лучший рисунок — и все же чересчур ужасный.

— Впервые я увидел такое существо в детстве, — начал рассказывать Уоткин, — когда учился в школе. Мы отправились к озеру на прогулку и как раз миновали фруктовый сад и большой луг, поросший желтыми цветами. Моя учительница — ее звали Леву, и над губой у нее была родинка — указала вдаль, положив другую руку мне на плечо, и прошептала: «Смотри — мантикоры, муж и жена». Я увидел размытые темно-красные пятна, срывавшие низко растущие плоды на краю луга. Тем же вечером, когда мы возвращались в город, мы услышали их характерную трель, а потом две мантикоры напали на нас. У этих чудиш три ряда зубов, движущихся с идеальной синхронностью. Я наблюдал, как они пожирали учительницу, пока та лихорадочно исповедовалась мне. Пока я молился за нее, мантикоры декламировали стихи на чужеземных языках и слизывали кровь с губ.

Я записал все слова Уоткина, хотя толком не понимал, для чего это нужно. Наставник ни разу не посмотрел мне в глаза; он очень медленно двигался вокруг существа, слегка тыкая в него тростью, и прищуривал глаз, вглядываясь во тьму его тела.

— Видишь это лицо? — спросил он меня. Я кивнул. — Несмотря на свою дьявольскую улыбку, оно прекрасно.

Я попытался представить себе мантикору без этой усмешки, но перед моим мысленным взором упорно представала усмешка без мантикоры. Достаточно сказать, что кожа у нее была темно-красной, как и мех, а глаза имели цвет желтых алмазов. Волосы ее жили своей собственной жизнью — густо-пурпурные плети, повиновавшиеся ее велениям. И еще эта гримаса...

— Моя любимая жила рядом со мной, и волосы у нее были такие же длинные, как у этой мантикоры, только золотистые. Я был чуть младше, чем ты сейчас, она чуть старше.

Лишь однажды мы с ней ушли вместе в пустыню и забрались в дюны. Там, в развалинах, в подземелье, мы нашли высеченное в камне лицо обезьяны-горбуна. Мы легли рядом с ним, поцеловались и уснули. Наши родители и соседи искали нас. Поздно ночью, когда она спала, с поджатых губ каменного лица сорвалось дуновение, предупреждая меня об опасности и о времени. Проснувшись, она сказала, что во сне побывала у океана, где вместе с мантикорой ловила рыбу. В следующий раз мы поцеловались на нашей свадьбе. Запиши это! — крикнул Уоткин. Я сделал, что смог, не понимая, то ли мне рисовать мантикору, то ли волшебника с ней на берегу. — И еще насчет усмешки: она непрерывно, беспрестанно издает скрежет за счет врожденного вращательного механизма, состоящего из хорошо смазанной челюсти и трех рядов зубов, — даже после смерти, в могиле, она жует непроядную тьму.

— Это мне тоже записывать? — уточнил я.

Волшебник снова двинулся вперед. Несколько мгновений спустя он отозвался:

— Нет.

Затем положил трость на край стола и обеими руками взялся за лапу мантикоры.

— Посмотри на эти когти, — произнес он. — Как ты думаешь, сколько голов она снесла?

— Десять, — предположил я.

— Десять тысяч, — уточнил он, роняя лапу и вновь беря трость. — А сколько еще она снесет?

Я не ответил.

— Лев — это мех, мышцы, сухожилия, когти и скорость, пять важных компонентов непостижимого. Некогда дришский король захватил и приручил выводок мантикор. Он повел их в битву на железных цепях, каждая длиной в тысячу звеньев. Мантикоры прошли сквозь передние ряды атакующих айтридотов с такой ловкой целеустремленностью, какую сам король демонстрировал лишь с наиболее примечательными красотками.

— Это записывать? — поинтересовался я.

— До последней буковки, — кивнул волшебник. Он медленно перемещался, и в конце концов его трость стукнула по полу. — Предположительно внутри однокамерного сердца мантикоры плавает еще один более маленький орган. У него в центре находится небольшой золотой шарик — из такого чистейшего золота, какое только мыслимо. Такого чистого, что его можно есть. Говорят, если его употребить в пищу, узришь миллион прекрасных грез, и все они — о полете. У меня был дядя, который охотился на это существо, убил одно, вырезал золотой шарик и съел. После этого мой дядя бывал в здравом рассудке лишь пять раз в день. Он постоянно ходил, свесив язык; взгляд его блуждал. Однажды ночью, когда никто не видел, он ушел из дома в лес. Некоторое время доходили слухи о святом в лохмотьях, а потом один посетитель вернул дядино кольцо и часы и объяснил, что нашли голову дяди. Когда ее благополучно поместили под стекло, я впервые в жизни применил магию и заставил голову говорить о последней встрече дяди с мантикорой. Голова изрекла: «Когда мы покончим с этим, мальчик, возьми прядь моих волос. Когда состаришься, свяжи их узлом и носи в кармане жилета. Они отвратят опасность... до какой-то степени».

— А насколько быстро они бегают? — спросил я.

— Насколько быстро? — повторил Уоткин и остановился.

Сквозь окна и портики галереи пронесся ветерок. Волшебник быстро обернулся и через плечо бросил взгляд в окно. Грозовые тучи, пышная живая изгородь, влажность роз и коричневого дерева. Мухи вились уже целым роем.

— Очень быстро, — произнес волшебник. — Запиши это. Отметь, что она не ранена. Охотники не убили ее. Она умерла от старости, а они ее нашли.

Уоткин застыл в безмолвии, заложив руки за спину. Я уже подумал, что его речь окончена. Но волшебник кашлянул и продолжил:

— Есть точка, в которой гримаса боли и улыбка сливаются в своей напряженности и имеют почти — но все же не совсем — одно и то же значение. В такой, и только в такой момент ты можешь понять скорпионий хвост мантикоры. Лоснящийся, черный, ядовитый, острый, как игла, он движется,

словно молния, пронзает плоть и кость, впрыскивает химический реактив, который стирает всякую память. Когда ты ужален, тебе хочется кричать, бегать, всадить стрелу из арбалета в ее пурпурное сердце, но, увы... ты все забыл.

— Я записываю,— напомнил я.

— Великолечно! — Уоткин провел свободной рукой по одному из гладких фрагментов скорпионьего хвоста. — Не забудь упомянуть про забывание. — Он рассмеялся над собственными словами. — Одно время яд мантикоры использовали для излечения определенных разновидностей меланхолии. Очень часто в сердце депрессии таится какой-то случай из прошлого. Если зеленый яд продуманно отмерить и при помощи шприца с длинной иглой ввести в уголок глаза, он мгновенно парализует воспоминание, уничтожив заодно и причину печали. Я слышал об одном типе, который принял слишком большую дозу и забыл, как забывать, — он помнил все и не мог выбросить из головы ничего. Каждая секунда каждого дня заполняла собою его голову, которая в конце концов взорвалась. Однако этот яд не убьет тебя. Он всего лишь ошеломит тебя неспособностью помнить, благодаря чему зубы доберутся до своей цели. Случается изредка, что мантикора ужалит кого-то, но не сожрет. Все выжившие впоследствии описывали одну и ту же иллюзию: мгновенное путешествие в старый четырехэтажный летний дом с гостевыми комнатами, закатами и комарами. Пока продолжалось действие яда — это примерно около двух дней, — жертвы пребывали в этом пристанище... в воображении, конечно же. С наступлением темноты там дул прохладный ветерок, ночные бабочки, бьющиеся в оконную сетку, отдаленный шум прибоя — и жертва приходила к выводу, что она здесь одна. Полагаю, умереть в муках от воздействия этого яда — словно навечно остаться одному в этом прекрасном месте.

Я произнес, не задумываясь:

— Каждый аспект этой бестии приводит человека к вечности: улыбка, чистейшее золото, жало.

— Запиши,— велел Уоткин. — Что еще ты можешь добавить?

— Я помню, что в тот день, когда я прибыл к вам на службу,— сказал я,— наша повозка остановилась из-за мертвого тела, лежавшего на длинном участке дороги, обсаженном тополями. Когда мы проехали дальше, я выглянул и увидел кровавое месиво на земле. Вы тоже были в собравшейся там толпе.

— Ты не в состоянии понять мою тайную связь с этими созданиями — своего рода симбиоз. Я его ошущаю тут, пониже спины. Вся магия собирается в одну точку, уходящую в будущее.

— А вы можете вернуть это чудовище к жизни? — спросил я.

— Нет,— ответил Уоткин.— Так не бывает. У меня на уме кое-что другое.

Он отошел к верстаку, оставил на нем трость и взял топорик. Вернувшись к телу мантикоры, волшебник медленно дошел до хвоста.

— В тот день ты видел на дороге мою жену. Убитую мантикорой. Вот этой самой мантикорой.

— Простите,— смутился я.— Думаю, вам следовало бы усерднее торопить смерть этого чудовища.

— Не пытайся понять.— Уоткин поднял топорик над головой и одним быстрым ударом отсек жало от хвоста твари.— Под воздействием этого яда я отправлюсь в тот летний дом и спасу ее от вечности.

— Я пойду с вами,— вызвался я.

— Тебе нельзя. Ты можешь застрять в вечности с моей женой и со мной — подумай об этом,— предостерег Уоткин.— Нет, я должен попросить тебя еще кое о чем, пока я не под воздействием яда. Отнеси голову мантикоры в лес и похорони там. Их головы превращаются в корни деревьев, плоды которых — детеныши мантикор. Ты отнесешь последнее семя.

Пока я переодевался в уличную одежду, волшебник отделил голову существа от туловища.

Я научился ездить верхом еще до того, как поступил на службу к волшебнику, но ночной лес пугал меня. Мне все время представлялась ладонь Уоткина, пронзенная черным

жалом, и его стремительно нарастающая тупость, и глаза, вращающиеся за веками. Я вез голову мантикоры в шерстяном мешке, привязанном к седлу, и дрожал при мысли о том, что, быть может, Уоткин ошибся и та бесхвостая и безголовая мантикора, что лежит сейчас на рабочем столе, вовсе не последняя. Для защиты Уоткин выдал мне заклинание — горсть желтой пыли и полдюжины слов, которые я уже не помнил.

Я ехал через тьму несколько минут, но с меня и этого было довольно. Я слез с лошади, вырыл ямку сбоку от тропы и воткнул в нее факел. Свет факела образовал на земле широкий круг. Я достал прихваченную лопату и голову мантикоры. Через полчаса копания где-то неподалеку раздался негромкий рокот. Я решил, что кто-то следит за мной из темноты, но потом обнаружил, что звук этот создают вращающиеся челюсти мантикоры, и оцепенел от страха. Две минуты спустя я понял, что из мешка доносится голос. Когда я взглянул туда, улыбки на лице чудовища не было. Глаза мантикоры были широко раскрыты, расселина рта распахнута, три ряда зубов сверкали, и она говорила на чужеземном языке.

Я вынул голову из мешка, положил ее в центре круга света, убрал ей волосы с лица и стал слушать красивый певучий язык. Потом, выйдя из своеобразного транса, вызванного этим потоком слов, я вспомнил про заклинание, которое дал мне Уоткин. Я положил порошок на тыльную сторону ладони, тщательно прицелился и сдул его твари в лицо. Мантикора закашлялась. Слова я забыл, поэтому стал говорить, что только мог припомнить, лишь бы звучало похоже. Потом мантикора обратилась ко мне, и я ее понял.

— Вечность, — произнесла она, потом повторила это еще, и еще, и еще, с одной и той же интонацией...

Я схватил лопату и стал копать. К тому моменту я уже вырыл достаточно глубокую яму. Слово, повторяемое мантикорой, пугало меня, и я никак не мог швырять землю достаточно быстро. Когда голова была погребена как следует, оно все продолжало приглушенно доноситься из-под земли. Я утоптал почву, потом отыскал необычного вида зеленый камень, напоминающий кулак, и положил сверху.

Уоткин так никогда и не вернулся из того места у моря. К моменту, когда действие яда должно было закончиться, он уже не дышал. Тогда волшебником стал я. Всем было явно совершенно безразлично, что я ничего не знаю о магии.

— Придумывай ее, пока не обретишь,— посоветовал король.— А потом распространяй вокруг.

Я поблагодарил короля за проницательность, помня, что он съел чистое золото, и теперь, когда не погружается в грезы, редко бывает в своем уме. Шли годы. Я прилагал все усилия для изучения механизмов, снадобий и явлений, которые Уоткин потрудился описать. Полагаю, во всем этом где-то крылась магия, но распознать ее было трудно.

Я мог наблюдать за судьбой Уоткина при содействии волшебного зеркала, которое нашел в его спальне и которым научился повелевать. С помощью этого высокого зеркала, стоявшего на его письменном столе, я мог заглянуть в любое существующее место, отдав несложную команду. Я выбрал тихое пристанище у моря, и моему взору открылись чисто выметенные дорожки, цветущие глицинии, серый, занозистый забор. Темнело. Женщина с золотыми волосами сидела в плетеном кресле-качалке, что стояло на крыльце, и слушала, как поскрипывают доски. Вечерний ветерок охлаждал опаленную солнцем кожу. День казался бесконечным. Когда пришла ночь, женщина, покачиваясь, уснула. Я приказал зеркалу показать мне, что она видит.

Во сне она была на берегу. Волны мягко накатывали на песок. Мантикора — ее темно-красный цвет был великолепен на фоне ясного синего дня — ловила рыбу у берега при помощи сети с грузилами. Женщина с яркими волосами без страха приблизилась к ней. Мантикора, улыбнувшись, вежливо спросила, не поможет ли ей женщина вытащить сеть. Та кивнула. Сеть улетела далеко, и они стали ждать. В конце концов сеть дернулась. Женщина с золотыми волосами и мантикора принялись тянуть изо всех сил, вытаскивая улов. Постепенно на берегу показался Уоткин, запутавшийся в сети, с водорослями в волосах. Женщина подбежала к нему и помогла выбраться. Они заключили друг друга в объятия и поцеловались.

Теперь я внимательно прислушиваюсь к описаниям странных существ, живущих в глубине леса. Если пропадает человек или лошадь, я не могу успокоиться, пока досконально не разберусь с этим делом. Я стараюсь каждый день разговаривать с охотниками. Сообщения о некоем существе невнятные, но их становится все больше, и теперь я понимаю, что меня связывают с ним некие тайные узы, будто его приглушенный голос, заключенный в моем сердце, продолжает шептать слово «вечность».

Танит Ли

ЗИНДЕР

Странная и лиричная история о гадком утенке, который оказался чем-то большим, чем просто лебедь...

Танит Ли — одна из самых известных и плодовитых современных фантастов. На ее счету более ста книг, в том числе «The Birthgrave» («Восставшая из непа»), «Night's Master» («Владыка ночи»), «The Storm Lord» («Повелитель гроз»), «Biting the Sun», «Sung in Shadow», «Volkhavaar». Рассказ «The Gorgon» в 1983 году принес этому автору Всемирную премию фэнтези, а рассказ «Elle Est Trois (La Mort)» — ту же премию в 1984 году.

Танит Ли проживает на юге Англии.

Ком земли, коричневой, твердой, уродливой, пронесся по воздуху. Он взлетел достаточно высоко и попал в пронизывающие лучи большого горячего солнца. На мгновение ком тоже засиял, превратился в чистое золото, заискрился рубинами. Он миновал полосу света и, достигнув существа, в которое его кинули, снова стал обычным комом земли.

Существу попали в голову, от удара оно потеряло равновесие и упало.

Молодые люди, стоявшие на деревенской улочке, сложились пополам от хохота и разразились радостным гиканьем.

Старуха, хромавшая мимо с козой на веревке, тихо выругалась в адрес задир.

— Да будет тебе, бабуля! Мы всего лишь сшибли с ног Квакера.

— Господь все видит! — пробормотала старуха. — Жарить-ся вам в аду!

Молодые люди нахмурились, слегка напуганные упоминанием яростного и мстительного бога деревенской церкви, чье око, по-видимому, находилось повсюду. Но бабка уже ковыляла прочь. Ей не было никакого дела до них и уж точно не было дела до Квакера. В любом случае, Квакер уже поднялся на свои короткие, толстые ноги. Он не пострадал.

— Гляньте на это! — воскликнул сын деревенского попечителя. (Под «этим» он имел в виду Квакера.)

Молодые люди стали рассматривать Квакера, хотя и прежде видели его достаточно часто.

Квакеру было лет пятнадцать-шестнадцать. Сказать точнее трудно. Во всяком случае, он уже достиг возраста юноши. Он был сыном женщины легкого поведения, которую все презирали, даже те мужчины, которые время от времени с ней выпивали. Однако Квакер не был человеком. Это видел всякий. Даже когда он был младенцем, соседям явно бросалось в глаза, что он не человек; попечителю и прочим влиятельным лицам деревни полагалось сразу же его удавить или, раз уж приближалась зима, вынести в холмы и оставить на корм волкам, но этого по какой-то причине не сделали. По какой — никто толком объяснить не мог. Хотя позже все до единого были уверены, что исключительно благодаря своей сентиментальной доброте и благочестию они сохранили жизнь этому слабоумному уроду, который, когда вырос и начал говорить, своей речью больше походил на деревенских уток, чем сами утки.

Голова у Квакера была круглая и чересчур большая. К ней прилипали сальные пряди темных волос. Его глаза, выпученные, тусклые и мутные, тоже были чересчур крупными. У него имелись нос, рот и зубы. Вот и все, что можно сказать о нем. Прочие части тела представляли собой жирную, почти бесформенную массу, из которой торчали две короткие толстые ручки, чересчур маленькие, и две кривые ноги, толстые, как стволы деревьев, с чересчур большими, подобно голове и глазам, ступнями.

Одет он был примерно так же, как и все прочие мужчины в деревне, только у него не было за поясом ножа для охоты.

Падение его особо не расстроило. Он, кажется, вообще никогда не расстраивался, даже в тот раз, когда в начале прошлой зимы пара остряков бросила его в утиный пруд, который уже затягивало льдом. Квакер вместо того, чтобы утонуть или замерзнуть — чего, вероятно, и добивались, — просто вынырнул на поверхность, проломив тонкий лед своей башкой, и каким-то образом добрался до берега. Там он вылез из водоема и заковылял прочь.

Молодым людям надоело смотреть на Квакера, и потому они направились в таверну.

Солнце уже почти коснулось окоема, заливая изобильные поля позднего лета золотым и алым.

В этом свете Квакер прошел по улице, перебрался через невысокую стену и зашагал в небольшой лесок. Там, прямо за деревней, находилась лачуга его матери.

Это жилище представляло собой мрачную картину: покосившиеся стены, дырявая крыша, клочок огорода, где, быть может, росли и фасоль, и лук, но явно заглушаемые рядами колючих сорняков. Господствовало надо всем этим сухое фруктовое дерево.

Квакер на мгновение задержался у входа, внимая жалобной песне об утраченной любви, которую его мать пела бесцветным голосом. Еще он слышал, как горшок живой воды стучается о чашку — раз, и еще раз, и через некоторый промежуток времени — еще и еще.

Небо за темным лесом сделалось пурпурно-багровым.

— Зиндер, — дрожащим голосом позвала мать, — это ты?

— Да, мама, — отозвался Квакер — или, точнее, Зиндер, поскольку именно таким было его имя.

Издаваемые Зиндером звуки можно было принять за кваканье, но женщина в хижине, судя по всему, привыкла к ним и понимала сына.

Потому она стала его ругать.

— Чтоб на тебя небо упало, скотина паршивая! Зачем ты здесь? Я день за днем надеюсь, что ты потеряешься, или шею себе свернешь, или медведь тебя сожрет, что ты никогда больше не вернешься! А ты каждый раз припираешься! Я жду самого Великого Охотника. Если он застанет тебя здесь, он

уйдет — он тебя видеть не может, как и я! Подумать только, как бы я жила, если бы не ты!

Великий Охотник был одним из самых важных людей в деревне, о чем можно догадаться, исходя из его прозвища. Как-то слабо верилось, что он заглянет в эту лачугу, но всякое бывает.

Квакер вошел внутрь и, пошатываясь, пробрался в свое укрытие за печкой.

Там были свалены чурбаки, и висела старая волчья шкура. В это время суток в его углу было непроглядно темно, поскольку туда не попадали ни блики огня из печи, ни солнечные лучи, что могли бы пробраться через дверной проем или окно. С того момента, как Квакер — Зиндер — оказывался в «пещере», образованной волчьей шкурой и чурбаками, и до тех пор, пока он вел себя тихо, никто и не догадался бы, что там кто-то есть.

Еды у Квакера не было. Мать, как обычно, забыла оставить для него на полу, у грязной, кишасей блохами рогожи, служившей ему постелью, корку хлеба или кусок сыра.

Большой желтый огарок освещал центральную часть лачуги. Но в укрытие Зиндера этот свет не попадал. А самому ему нечего было зажечь. В его «пещере» было абсолютно пусто. Зиндер не имел никакого имущества, если не считать рогожи.

Он тихо уселся на землю.

Снаружи, во внешнем мире лачуги — в деревне, на земле, — окончательно утасла вечерняя заря. Все сделалось синим, потом фиолетовым, затем серым и наконец черным. Через щелку между чурбаками Зиндер видел мерцание серебряных звезд в небе.

Сегодня ночью мать не зажгла свечу, даже в честь ожидаемого ею Великого Охотника. Она пила и вздыхала, вздыхала и пила, и тянула свои сердитые унылые песни. В конце концов она уснула, но и храп ее звучал сердито и уныло. Тогда Зиндер улегся на циновку.

И рассмеялся.

Вся деревня, не считая мужчин в таверне и странного незасыпающего младенца, уснула вскоре после восхода луны.

Именно в это время Зиндер обычно просыпался.

Каждый вечер он с нетерпением ждал этого момента; днем ему было достаточно интересно, когда он бродил по окрестностям и смотрел, что нужно сделать. Нападения и издевательские шутки односельчан, не говоря уже о ругательствах, его не волновали. И даже брань матери не причиняла ему вреда и скатывалась с него, как с гуся вода. Навредить Зиндеру было невозможно.

Ночь для него была самым любимым временем.

Сначала Зиндер очень осторожно, с ловкостью, отработанной долгой практикой — поскольку делалось это им осознанно, начиная с четырех лет, — извлек себя из своего внешнего тела. Если бы кто-то это видел — но никто не видел, да и не должен был, — то решил бы, что из груди Зиндера выходит его душа или призрак.

Один Зиндер встал, другой остался лежать с закрытыми глазами и губами, растянутыми в улыбке. Бодрствующий Зиндер был шестнадцатилетним юношей, высоким, стройным и сильным, с энергичным лицом и серьезными синими глазами. Его волосы, черные, как ночь, водопадом струились до самого пояса. На нем было прекрасное, как и он сам, одеяние цвета сумерек, луны и ночи.

Выйдя из своей внешней оболочки, Зиндер наклонился и дружески прикоснулся к ней, убрав редкие волосы со лба. Синяк, оставленный комом земли, тут же исчез. (Он в любом случае быстро прошел бы, просто Зиндер ускорил заживление.) Потом Зиндер вошел в комнату, где в кресле, открыв рот, храпела его мать.

Он провел пальцами по ее лицу, старательно убирая часть напряжения и злобы, словно стирал их тряпкой. Мать вздохнула во сне, перестала храпеть и задышала легче. Потом он постучал костяшками пальцев по пустому горшку с живой водой. Горшок тут же наполнился чистой водой — волшебной. Хотя она имела вкус спиртного и давала веселье, она не причиняла никакого вреда тому, кто ее пил. После этого Зин-

дер отворил буфет и стал смотреть на пустые полки до тех пор, пока там не появились маленькая буханка, ломоть сыра и кусок мяса. Он закрыл дверцы.

Выйдя из лачуги, Зиндер огляделся по сторонам и отдал повеление буйным сорнякам в огороде. Они начали меняться, под колючими листьями появились ягоды. Засохшее дерево тоже возвращалось к жизни.

Тут из-за деревьев выпрыгнул дикий кролик и остановился на краю огорода, уставившись на Зиндера. Зиндер тихонько свистнул. Кролик ринулся напрямик к нему и без малейших колебаний заскочил к Зиндеру на руки. Тот погладил зверька, в точности так же, как перед этим гладил лицо матери. Этим жестом он давал защиту от ночи и от хищников. Серый мех кролика пах грибами и травой.

Когда кролик снова умчался прочь, Зиндер занялся крышей лачуги. Конечно же, он не стал на нее карабкаться. Он полетел. Крылья, выросшие у него за спиной, были черными, как и его волосы, но имели бархатное оперение огромного ворона. Они медленно, размеренно вздымались, пока Зиндер сидел на крыше, заменяя силой мысли разбитую черепицу и свалывшуюся солому, пока дела не стали обстоять лучше, хотя и не настолько, чтобы кто-то заподозрил воздействие сверхъестественного. Иначе его жалкую, никчемную, глупую мать обвинят в том, что она ведьма.

Зиндеру было жаль, что его мать находится в таком состоянии и поэтому не может принять у себя Великого Охотника. С крыши Зиндер видел, как тот идет домой по тропке между полями, неся добычу. Зиндер, впрочем, подбросил ему ненавязчивую мысль... Может, завтра Охотник заглянет? Зиндер знал, что мать обрадуется и вреда от этого никому не будет. Единственной причиной, по которой Охотник вообще навещался в эту лачугу, было то, что он смутно ощущал здесь присутствие какого-то колдовства. И, сам того не осознавая, Охотник начал верить, что это мать Зиндера неким образом является волшебной. Кроме того, ему нравилась зачарованная живая вода. Он знал, что в таверне ничего подобного не наливают.

Луна той ночью была красивой и круглой, цвета слоновой кости. Но отправляться в небо было рано. Это деревня Зиндера, и у него там кое-какие дела.

Сначала он пролетел над домом старухи с козой. Нынешним вечером, когда они тащились мимо, Зиндер заметил, что козе нездоровится. Зиндер знал, что старуха не проживет без молока козы и ее шерсти. Хозяйка вычесывала козу во время линьки, затем пряла и ткала одеяла.

Старуха спала в доме. Зиндер послал сквозь дымоход исцеляющий луч для ее больной спины. Коза тем временем мрачно стояла у дома, устремив на луну щели зрачков. На фоне ночного светила пронесся Зиндер, и коза встревоженно заблеяла, но в следующее мгновение заклинание Зиндера накрыло ее, словно прохладная и мощная волна. Взгляд козы остановился, она резко почувствовала себя лучше. Зиндер, внимательно наблюдавший за животным, увидел, как внутри козы загорелось что-то наподобие мягкого света. Готово. Отлично.

Он исправил прочие вещи, требовавшие срочного вмешательства. Поля, которые Зиндер проверял каждую ночь, находились в отличном состоянии и должны были дать особенно щедрый урожай. Источник снова нуждался в чистке, но это заняло всего пару секунд. Кашлявшему малышу лучше. Женщина с ревматизмом и мужчина с чесоткой поправляются, и помощь им больше не нужна. (Сын дровосека, месяц назад отрубивший себе палец, еще не осознал, что палец отрастает заново, не хуже прежнего. Зиндер подкинул ему идею помолиться о подобном чуде. Это и волшебство отлично замаскирует, и подарит счастье маленькому священнику в церкви.)

Когда Зиндер наконец направился прочь от села, пока не набирая высоты, он заметил у таверны четырех своих мучителей. В отличие от укрепляющей силы Живой воды, которую Зиндер создавал дома, питье в таверне было противным, отравляло организм и вдобавок ко всему порождало агрессию. Молодые люди затеяли потасовку.

Они не видели залитого лунным сиянием Зиндера, парящего в каких-нибудь десяти футах от них. Ни один человек

не мог его заметить, если тот не желал этого, а вот животные могли. Волк, лиса, медведь и даже сторожевые псы во дворах у людей — они всегда поднимали головы и смотрели, как он пролетает мимо.

Зиндер наблюдал за дракой, которая была слишком бестолковой и неуклюжей, чтобы в ней кто-то серьезно пострадал.

Но эти юноши нападали на него чаще других. Несомненно, теперь настало время для мести. Что же станет делать Зиндер — неведомый волшебник?

Он беззвучно рассмеялся и сотворил подобие молнии, от которой все четверо полетели кубарем. Ни один не ушибся и не пострадал. Когда они упали, у них было ощущение, словно они опустились на пуховые перины. А сам удар молнии на самом деле вызвал у них чувства куда более приятные, чем алкоголь. Они лежали, глядя в сторону Зиндера (и не видя его), любясь луной и искорками звезд. Зиндер подкинул им новые мысли.

— Восхитительная ночь, — заметил один из молодых людей. — Я мог бы сочинить песню...

— Слишком спокойная для драки, — сказал другой. — Я мог бы ухаживать за девушкой...

— Зря я украл монету, верну ее, пожалуй, — вздохнул третий.

— Вот бы мне такую мягкую кровать, — мечтательно протянул четвертый.

Зиндер помчал вперед и вверх по огромному распахнутому куполу ночи.

Мимо него пролетела сова, плывущая на белых крыльях, словно на двух парусах; ее лик с золотыми глазами напоминал кошачью морду.

Молодой человек неся на север, работая черными крыльями. Там располагался город, о котором в деревне говорили с недоверием, как о чем-то таком, чего на свете не может существовать.

Внизу оставались поля и леса, холмы и глубокие овраги. Далеко вдаль поднималась и уходила на север внушительная стена гор; темные вершины выделялись на фоне лунного неба.

Туда и направлялся Зиндер. Его тень скользнула по широкой, плавной реке. (Да, у него была тень. Второе тело Зиндера было не призрачным, а вполне материальным, как и первое, которое он носил в деревне.) Из реки выпрыгнул лосось, пытаясь схватить часть тени волшебника. По-видимому, даже рыба знала, что у Зиндера хорошие новости.

Постепенно просторная равнина, поросшая светлыми злаками, озарилась светом огней. К городу вела дорога, и на дороге, невзирая на ночной час, продолжалось движение — повозки и фургоны, всадники, патрули городских солдат и экипажи богачей.

И вот город словно вырос из равнины, подобно скалам. Его окружало кольцо стен — они казались такими же высокими, как горы. Башни были подобны острым клыкам, но клыки эти пронзали мощные лучи света, подобно тому, как нить пронзает игольное ушко. На огромных воротах пылали факелы. Внутри же, там, где стояли массивные здания, все напоминало или черную бумагу, или кружево перед горящей свечой — из-за бесчисленного множества освещенных дверей и окон.

В центре города находился высокий холм, на котором располагался дворец в виде крепости. На дворце было столько позолоты и изразцов, а окна и двери его были такими большими, что казалось, будто он создан из огня.

Зиндер медленно и спокойно пролетел над городом, над его улицами и людьми, сторожевыми башнями и церквями, домами и садами, и над ночным рынком, окаймленным ожерельем фонарей.

Однако полет его часто прерывался.

Завидев либо почувствовав что-то, Зиндер то и дело нырял вниз. Он выхватил лестницу из рук грабителя в переулке, сломал ее, а этого кровожадного типа подхватил и уронил в лужу очень хорошего пива. Зиндер подобрал упавшего ребенка и вылечил его ссадины. Он помог закипеть одному котелку, который никак не закипал, и убавил огонь под другим, который кипел слишком сильно. Зиндер повалил человека, бывшего собаку, и встал на него так, что человек завыл от

ужаса перед придавившей его незримой тяжестью, а собака тем временем благополучно удрала. Он подержал за руку какого-то умирающего, шепча ему на ухо слова надежды. Путешествие через город, которое Зиндер мог совершить за считанные минуты, заняло больше двух часов.

Напоследок он позволил себе особое удовольствие. В маленькой церкви у подножия дворцового холма молился старик, пальцы которого были скрючены от ревматизма. Зиндер, проскользнув в окно ловчее любого вора, окутал руки старика теплом, словно перчатками, и вылечил их в мгновение ока. В тот миг он позволил своему пациенту увидеть краем глаза намек на тень своего крыла. Превосходно. Старик поверил, что его исцелил ангел.

Но не опоздал ли он? О, нет.

Город, и в особенности дворец, был в этом отношении полной противоположностью деревне, которая вставала на рассвете и засыпала с заходом солнца. Дворец обычно пробуждался к полудню и бодрствовал ночи напролет. Ночь — это день. Рассвет — это закат.

Зиндер опустился на позолоченную крышу, украшенную резными изваяниями странных птиц и животных. Кажется, они тоже его видели: пара каменных голов со скрипом повернулась в его сторону.

Вот и балкон. Зиндер глянул вниз.

Принцесса с волосами цвета злаков на равнине, подперев голову рукой, смотрела на луну.

— Неужели волшебник никогда к нам не вернется? — произнесла она. — Нам так его не хватает!

В здешних краях слово «волшебник» означало «мудрец». Принцесса не заметила Зиндера — он ей не позволил.

Зиндер развернулся и влетел в золотой зал сквозь огромное, распахнутое настежь окно.

Зрелище впечатляло, как прекрасный сон, если не считать того, что Зиндер часто являлся сюда и в другие подобные дворцы. Так что их роскошное великолепие было Зиндеру не в новинку. В золотых канделябрах сотни белых свечей горе-

ли столь ясным пламенем, что напоминали хрустальных бабочек. Стены украшали драпировки красного шелка и серебряные резные украшения, а полы были из льдистого мрамора.

Король и его вельможи пировали.

В зал то и дело вплывали золотые подносы, на которых лежали огромные жареные туши в обрамлении более мелких тушек, фруктов и овощей. Туда-сюда перемещались серебряные кувшины с красным вином, алебастровые кувшины с розовым вином и кувшины из прозрачного кварца с белым вином, настолько чистым, что оно отливало зеленым. На столах, застеленных белыми скатертями с красными кисточками, высились ледяные и сахарные замки.

Одеяния пирующих были так густо расшиты разноцветными шелками и жемчугом, что напоминали доспехи — и мужчины, и женщины двигались в них исключительно медленно и с усилием.

Ну и шум! Музыка и возгласы, тявканье маленьких собачек, пение и болтовня птиц в золотых клетках.

Незримый Зиндер ловко приземлился посреди зала. Он раскинул крылья во всю ширь.

А потом стал видимым.

Шум усилился: ножи и металлические блюда попадали со звоном, а нефритовый кувшин неимоверной ценности рухнул и разлетелся вдребезги.

Потом воцарилась полнейшая тишина.

В этой тишине Зиндер учтиво сказал:

— Добрый вечер.

Он умел говорить как король. Он всегда знал, как это правильно делать. Никто и никогда не прививал ему эти навыки, точно так же, как в родной деревне никто не учил его кричать.

Но как только он это произнес (и потянулся к нефритовому кувшину, чтобы воссоздать его усилием мысли), вокруг снова сделалось шумно. Вельможи сражались со своими негнушимися нарядами, желая хлопнуть его по плечу или пожать ему руку, а дамы трогали его бархатные крылья. Сам

король вышел из-за стола и приблизился к Зиндеру. Они приветствовали друг друга как равные — кивком.

— Чем я могу помочь вам? — вежливо поинтересовался Зиндер.

— Уверяю вас, сэр, мы ни в чем не нуждаемся. Мой заблевающий главный повар выздоровел, благодарение вашим силам, — так что взгляните на это пиршество! Вишневые деревья в моем саду, что не плодоносили, теперь прямо с ума сошли — сплошь усеяны вишнями размером с яблоко!

Прежде король не обращался к Зиндеру с просьбой, в которой тому пришлось бы отказать. В других городах дела довольно часто обстояли иначе. Многие короли, видя магические силы Зиндера, обещали ему несметные богатства — как будто он сам не мог сделаться богатым, если бы пожелал! — в обмен на его помощь в войнах или в захвате чужих земель. В основном им хотелось обзавестись особо отвратительными разновидностями военных машин или получить оружие, изобретенное специально для них, — они вели речь о существах, выдыхающих неугасимый огонь или сотрясающих землю. В таких беседах ничего приятного не было. Зиндер неизменно отказывал — наотрез. Иногда после этого короли начинали гневаться. Кое-кто из них даже послал своих стражников, чтобы те схватили и наказали Зиндера. Результаты подобных приказов были забавны — стражники кружились со своими мечами, превращенными в буханки свежего хлеба, — и никогда не приводили к поимке Зиндера. Короли обижались. Лишь однажды Зиндер предложил некую помощь в войне. Он возвел вокруг города такие высокие стены и сделал его ворота столь крепкими, что город стал неприступен. Еще он создал дракона, который прогнал врагов прочь, но дракон этот выдыхал невоспламеняющееся пламя, так что обошлось без жертв. Дракон, высокие стены и несокрушимые ворота растаяли в воздухе, как только угроза миновала.

Зиндер с королем пересекли зал под рукоплескания и улыбки присутствующих. И вдруг Зиндер понял, что король собирается попросить его о чем-то невозможном.

— Между нами говоря, — начал король, — моя дочь...
Зиндер молчал.

Они подошли к открытому огромному окну, достигнув тем самым хоть какого-то уединения. Внизу раскинулся город, рассыпанный в ночи, словно осколки разбитого золотого кувшина.

— Я предлагаю вам подумать над перспективой сделаться моим зятем,— закончил фразу король.— Для такого выдающегося мага, как вы, я мог бы...

— Мне очень жаль,— перебил его Зиндер.

— Вы получили более достойное предложение?

— Отнюдь.

Зиндер был слишком тактичен и не мог сказать королю, сколько предложений о царственных браках он получил на самом деле.

В этот момент, узнав от своей служанки, что волшебник Зиндер присутствует в пиршественном зале, принцесса прямо помчалась туда — не очень-то быстро из-за своего наряда. Когда она вбежала в зал, ее драгоценности вспыхнули дождем звезд.

Уже преодолев половину зала, девушка вспомнила вдруг, что она принцесса, и пошла неестественно медленно. Когда она приблизилась к Зиндеру, то сначала побледнела, и лицо ее слилось с белокурыми волосами, а потом порозовела, подобно вину в алебастровых кувшинах.

— Почему вас не было так долго? Уже прошло несколько месяцев с тех пор, как я... как мы не видели вас.

— У меня много дел,— ответил Зиндер.

Он мягко улыбнулся и тут же пожалел об этом, потому что знал, что с улыбкой он будет нравиться ей еще больше. Каждую ночь он отправлялся в какой-нибудь большой город, в городок поменьше или в маленькую деревушку наподобие его собственной. Зиндер трудился по ночам, не покладая рук, чтобы там, где мог, сделать мир лучше, а там, где не мог,— утешить.

Но принцесса была влюблена в него.

Зиндер склонился к ее уху и прошептал:

— Забудьте меня. Для любви я пришлю вам другого. Он будет красивым, богатым и куда более подходящим, чем я.

— Но вы красивы,— мечтательно пробормотала принцесса, забыв обо всем.— Вы богаты магией.

— Тот, кого я отправлю к вам, будет богат по-королевски. И будет намного красивее. Доверьтесь мне.

Чары вступили в действие. Принцесса вздохнула. Из глаз ее выкатились две слезы, тяжелые, словно стеклянные бусины, и оставили пятна на подоле ее платья. Но они быстро высохли в теплом воздухе зала.

Что касается прочих присутствующих, то они ничего этого не видели. Они наблюдали, как в окна влетели семнадцать лебедей с серебряным оперением и в бирюзовых коронах и описали круг; птицы пели о приближении радости и изобилия.

Он и вправду придет ей принца. Во время путешествия на восток Зиндер уже присмотрел подходящего человека — просто то, что надо. И послал ему мысли о белокурой принцессе — точно так же, как заронил в ее головку мечту о юном принце, подобном леопарду. Лебеди завершили свою песню. Вошли единороги и провели воинственную схватку, завершившуюся почетным перемирием. Зиндер сел за стол по правую руку от короля и поел в первый раз за сутки.

Когда единороги улетели, появились белые гуси, которые превратились в труппу танцовщиц в золотых одеяниях. Завершив танец, они распахнули гусиные крылья и тоже упорхнули в ночь. Последней в окно вплыла луна, под восклицание и испуганное аханье пирующих. Оказалось, что это круглый белый корабль с прозрачными парусами. Он выстрелил из серебряной пушки и осыпал всех присутствующих лентами и сладостями, затем истаял. Все это разнообразило Зиндеру трапезу. Принцесса тоже развеселилась. Зиндер наколдовал ей на тарелке синюю розу. Когда он в следующий раз посетит этот город, дочь короля будет счастливо помолвлена с принцем-леопардом.

Огромные дворцовые часы, сделанные в виде черепахи из черного дерева, пробили час ночи, затем два, три, четыре.

Половину огоньков на свечах Зиндер превратил в бабочек, блесевших в темноте.

В этом полумраке он покинул короля и придворных так же внезапно, как и появился, исчезнув прямо у них на глазах. Они уже знали эту его манеру.

Настоящая Луна уже зашла.

Со своей высоты Зиндер видел край облаков. На них лежал слабый отсвет тайного пробуждения Солнца.

Теперь Зиндер спешил к дому.

Огромный город остался далеко позади, а внизу раскинулись леса: там прыгали олени, волки крались подобно последним лунным лучам, а горностаи в коричневой летней шубке, попискивая, играл на берегу ручья, который с высоты казался узким, как слепозмейка.

Заметив красное пятно, Зиндер быстро снизился и одним дуновением погасил огонь, охвативший хижину. Жестокому охотнику, который из жадности убивал больше зайцев, чем требовалось для пропитания, Зиндер послал сон об одной жене охотника, ныне зайчихе. (Она горевала по своему охотнику, тоже зайцу, которого убила поставленная кем-то ловушка.) Зиндер прошептал утешения на ухо вдове, что плакала у могилы среди деревьев. Он положил ей в карман горсть монет и побег, который со временем превратится в цветущий куст. Вдова сделает из его цветов благоуханные духи, и они принесут ей целое состояние.

Но рассвет нетерпеливо поднимал тяжелую крышку неба.

Утро приближалось, пытаясь перегнуть Зиндера.

Он припустил в деревню.

Зиндер должен был вернуться в свою внешнюю оболочку прежде, чем кто-то из деревенских жителей откроет глаза.

Он успел вовремя — даже на мгновение раньше — и стал Квакером. Теперь он готов был встретить новый интересный день.

Зиндер-Квакер никогда не задавался вопросом, почему все это с ним происходит и как он это делает. Для него ответ был очевидным. Ему нравилось удовольствие, ему нравилась сила. Настоящей радостью для него, величайшей из всех возможных, было именно то, что он совершал, чуть-чуть сдвигая землю с ее оси. Заставить мир страдать и плакать может любой. Для этого не требуется ни капли воображения. Это ре-

бьячество. В этом нет ни малейшего вызова. А вот починить разбитый кувшин отчаяния, злобы, болезней и несчастий — для этого нужен творческий ум. Вот где подлинная сила — взять и утешить весь мир, чтобы он удивился! Зиндеру бесконечно нравилось это.

Но все же — как он мог осуществлять подобные вещи? Кем он был — это существо, таящееся внутри внешней оболочки?

Зиндер не знал. Ему и не хотелось выяснять. Это всегда жило в нем. Даже когда он лежал в колыбели — то бесформенное дитя, которое деревенские настолько не могли терпеть, что хотели скормить волкам. Да, даже тогда он вылетал по ночам и незримо кружил в воздухе — тогда он был не больше мотылька, — поправлял черепицу на крыше, путал мышей, прогоняя их от опасности. И про себя смеялся. В четыре года, когда разум пробудился и Зиндер начал мыслить словами, он уже понимал, что делает. Вот и все. Чем дольше он это осуществлял, тем лучше у него получалось — так обычно и бывает, когда занимаешься любимым делом, к которому у тебя талант.

Юноша на мгновение заснул — это все, что нужно было Зиндеру, или Квакеру, чтобы отдохнуть.

Коралловая прядь зари проникла в бревенчатую пещерку и наполнила закрытые глаза юноши, словно две ложки. Он пробудился.

Теперь это был Квакер. Но днем он тоже ведал счастье — и никогда не боялся. Он не задумывался над деталями — как и будучи Зиндером, — осознавая, что в конечном итоге ничто не способно ни погубить его, ни сбить с пути. Ведь Квакер — это Зиндер, а Зиндер — это Квакер. Ответ — это загадка, загадка — это ответ.

Квакер сел и, как всегда, рассмеялся.

Тем утром два молодых жителя деревни шли на поле. У них болели головы; один переживал из-за украденной монеты, другой мечтал о пуховой перине. На опушке они наткнулись на Квакера, сшибли его наземь и попинали.

Послышался хруст — Квакер подумал, что хруст кости.

— Гони урода вонючего! От него одни неприятности! Чтоб он сдох!

Квакер лежал у подножия дерева, не успев почувствовать боль, поскольку сломанная нога исцелилась в считанные секунды.

Молодые люди этого не знали. Они склонились над Квакером, сыпля ругательствами. Станут ли они его убивать? Получится ли у них?

Тут раздалось ужасное рычание.

Неужели это черный медведь выскочил из леса?

Драчуны отскочили назад, но никакого медведя не увидели. За их спинами стоял Великий Охотник, вооруженный ножами и луком; его ухмылка отпугнула бы даже дикого вепря.

— Отцепитесь от него, мерзавцы! А то я вам накостыляю!

Молодые люди побежали, бурча, что старый дурак небось неровно дышит к гулящей мамаше Квакера, а Охотник подошел к юноше и поднял его.

— Благодарю вас,— произнес Квакер с королевской любезностью.

Великий Охотник вдруг понял, что впервые слышит, как Квакер разговаривает. Смущенный и изумленный, Великий Охотник чуть было не поклонился.

— Да не за что,— пробормотал он.

Терри Биссон

БИЛЛИ И ВОЛШЕБНИК

Что стали бы делать вы, обнаружив, что ваш гараж обживает дьявол?..

Терри Биссон — автор многочисленных, тепло принятых критикой романов, таких как «*Fire on the Mountain*», «*Wyrdmaker*», «*The Pickup Artist*» («Старьевщик»), «*Talking Man*» и других. Кроме того, он завершил роман умершего Уолтера Миллера-младшего «*Saint Leibovitz and the Wild Horse Woman*» («Святой Лейбовиц и Дикая Лошадь»). Его произведения часто появляются в таких изданиях, как «*Sci Fiction*», «*Asimov's Science Fiction*», «*OMNI*», «*Playboy*», «*Fantasy & Science Fiction*». Его знаменитый рассказ «*Bears Discover Fire*» («Медведи познают огонь») получил в 1991 году премию «Хьюго», премию «Небьюла», памятную премию имени Теодора Старджона и премию читателейских симпатий от «*Asimov's Science Fiction*» — единственный рассказ, которому удалось собрать такой урожай наград.

Терри Биссон со своей семьей живет в Окленде, штат Калифорния.

У Билли был секрет. Ему нравилось играть в куклы. Одна из его кукол — Клайд — была говорящей. Клайд разговаривал лишь тогда, когда Билли дергал его за веревочку.

Однажды Билли дернул Клайда за веревочку.

— Хочешь познакомиться с волшебником? — спросила кукла.

Билли удивился — Клайд никогда прежде не задавал вопросов — и дернул за веревочку еще раз.

— Ну так как? — продолжал Клайд. — Многим ли мальчикам повезло общаться с волшебником?

— А он волшебник чего? — спросил Билли и опять дернул куклу за веревочку.

— Он волшебник всего, — ответил Клайд. — И он прячется в гараже.

— А почему он прячется? — произнес Билли и снова дернул за веревочку.

— Он волшебник всего, — сказал Клайд. Иногда он повторял одно и то же по многу раз. — И он прячется в гараже.

Билли направился в гараж. Там не было ничего, кроме старых журналов.

— Я заглянул в гараж, — сообщил Билли. — Но никакого волшебника там не увидел.

Он дернул Клайда за веревочку.

— Он прячется. Тебе нужно поискать лучше, — заметил Клайд

Билли все внимательно осмотрел.

— Нет здесь никакого волшебника, — заключил он и дернул куклу за веревочку.

— Конечно, его так просто не найдешь, — откликнулся Клайд. — Он прячется. Тебе нужно поискать лучше.

Билли повторил попытку, пролистав в этот раз все журналы.

В конце концов он обнаружил журнал под названием «Современный волшебник». Билли открыл его, и там был Волшебник: маленький и плоский, с колпаком на голове.

— Я не волшебник! — заявил он. — Уходи!

— Нет, волшебник, — возразил Билли. — Я по шляпе вижу.

Тот промолчал. Он был всего лишь картинкой. Через некоторое время Билли перевернул страницу.

Там снова оказался Волшебник.

— Как ты меня нашел? — удивился он.

— Клайд говорил, что ты прячешься в гараже, — ответил Билли и снова перевернул лист.

На каждой странице появлялся все тот же Волшебник. У него был не только колпак, но и остроконечная борода.

— Ох уж этот Клайд, — вздохнул Волшебник.

— А вы и вправду волшебник всего? — уточнил Билли.

— Переверни страницу, — велел Волшебник. Билли перевернул. — Кто тебе сказал это, мальчик мой?

— Клайд, — ответил Билли.

— Ох уж этот Клайд, — произнес Волшебник. — Ты бы подумал хорошенько, прежде чем дергать его за веревочку. Переверни страницу.

Билли перевернул.

— Я не волшебник всего, — продолжал новый знакомый. — Я — волшебник всего остального.

Билли поразмыслил над этим и поинтересовался:

— От кого ты прячешься?

— А ты как думаешь? — спросил Волшебник.

— Я сдаюсь, — пожал плечами Билли.

— От дьявола, — пояснил Волшебник. — А теперь положи меня обратно в стопку журналов.

— Ты что, опять играешь в куклы? — Мать Билли стояла на пороге гаража.

— Нет, мама, — замотал головой Билли.

— Тогда иди ужинать.

— Билли снова играл в куклы, — сообщила мать Билли, нарезая индейку.

— Конечно, — усмехнулся отец. — Это все потому, что он девчонка.

— Я не девчонка! — возмутился Билли.

— Нет, девчонка, — поддразнил его отец. — Смотри — я принес тебе новую куклу.

После ужина Билли отнес подарок к себе в комнату. Это была куколка-пупс. Билли их терпеть не мог.

У куклы была веревочка. Билли потянул за нее.

— Ты девчонка, — подала голос кукла.

— Ничего я не девчонка, — возразил Билли. Он встряхнул куклу и снова дернул за веревку.

— А вот и девчонка, — настаивала кукла.

Билли привязал куклу к карандашу. Потом взял спички, поджег ее и потянул за веревочку, чтобы слышно было, как пупс кричит.

- Ты что там делаешь? — спросила мать Билли.
- Ничего, — ответил Билли.
- В куклы играет, — добавил отец.

— Куклы глупые, — сказал Билли. Это было на следующий день. Он играл с Клайдом за гаражом, где их никто не видел. — Ненавижу кукол.

- Дерни меня за веревочку, — попросил Клайд.
- Билли дернул.

— Куклол ненавидят даже куклы, — продолжил Клайд. — Я куда охотнее был бы маленьким мальчиком, таким, как ты.

- Что, вправду? — удивился Билли.

Он обнял Клайда и снова дернул за веревочку.

— Нет, не вправду, — съязвил Клайд. — Ты девчонка. Хочешь встретиться с Волшебником?

- Я уже видел его, — напомнил Билли. — И я не девчонка.

— Многим ли девчонкам повезло общаться с Волшебником? — произнес Клайд.

Билли выбросил Клайда в мусорный бак и пошел в гараж.

Он открыл «Современного волшебника». Волшебник в колпаке был на месте.

- Где Клайд? — спросил Волшебник.

— Он обозвал меня девчонкой, — сообщил Билли и перевернул страницу.

— Ох уж этот Клайд, — вздохнул Волшебник. — Говорил я тебе — не дергай его за веревочку.

— Мне больше не с кем было играть, — оправдывался Билли.

Он оглянулся по сторонам: в гараже было темно и жутко.

- Давай, я вынесу тебя во двор, — предложил Билли.

— Вот еще! — воскликнул Волшебник. — Я прячусь.

- А что дьяволу от тебя нужно? — задал вопрос Билли.

— А ты как думаешь? — спросил Волшебник.

Билли перевернул страницу.

- Я сдаюсь, — наконец ответил он.

— Он хочет украсть мой колпак, — пояснил Волшебник. — Тогда он сможет править миром.

Билли подумал об этом.

— А дьявол — он какой? — поинтересовался мальчик и перевернул страницу.

— Уродливый и злой, — отозвался Волшебник. — А теперь положи меня обратно в стопку журналов. Сюда идет твоя мать.

— Ты что здесь делаешь? — обратилась мать к Билли.

— Ничего, — пробормотал он.

— Бросай своих кукол и пошли ужинать.

— Вы только послушайте! — усмехнулся отец Билли. Он читал газету. — Волшебник спрятался.

— Он прячется от дьявола, — настаивал Билли.

— По-видимому, он не волшебник всего, — заметил отец Билли. — Подумаешь, важное дело.

— Он волшебник всего остального, — возразил Билли.

— Ты-то откуда знаешь? — вмешалась мать Билли. — Ешь свою индейку.

Каждый вечер у них на ужин была индейка.

Билли проснулся посреди ночи. Клайд стоял на сундуке. Билли стало страшно.

— Извини, что я бросил тебя в мусорный бак, — прошептал Билли.

— Дерни меня за веревочку, — попросил Клайд.

Билли дернул.

— Извини, что я назвал тебя девчонкой, — произнес Клайд. — А теперь скорее! Идем со мной! Это срочно.

— А что случилось-то? — поинтересовался Билли и дернул Клайда за веревочку.

— В гараже дьявол! Он ищет Волшебника! Это очень срочно!

Стояла глубокая ночь. Родители Билли спали.

Он тихонько проскользнул в гараж через боковую дверь.

На полу сидел дьявол и копался в журналах. Он был уродливым и злым, с мордой, как у собаки, и без штанов.

— Ты чего тут делаешь? — спросил Билли, хотя и сам знал.
— Не мешай, мальчик, — отмахнулся дьявол. — Иди играй со своими куклами.

— Волшебника там нет, — отчеканил Билли.

— Ты лжец, — сказал дьявол. — Мне это нравится. А теперь иди к себе в постель и оставь меня в покое. Я занят.

Он снова принялся рыться в журналах.

— Это мой гараж, — не отставал Билли.

— Не твой, а твоего отца, — возразил дьявол. — А ты девчонка.

— Ничего я не девчонка, — возмутился Билли. — Был бы у меня пистолет — я бы тебя застрелил.

— Да на здоровье! — засмеялся дьявол.

Потом он прошептал что-то на латыни — и в руках у Билли появился волшебный пистолет. Оружие было серебряным. Билли прицелился в дьявола и нажал на спусковой крючок, но слышался лишь шелчок.

— Кажется, я забыл его зарядить, — ухмыльнулся дьявол. — Для него нужны волшебные пули. Посмотри-ка, что я нашел.

Он показал журнал. Это был «Современный волшебник».

— Спасибо за подсказку, Клайд, — добавил дьявол.

Билли был потрясен.

— Так это ты ему сказал! — воскликнул он и дернул куклу за веревочку.

— Извини, пожалуйста, — откликнулся Клайд. — Дерни меня за веревочку еще раз, только послабее.

— Не смей! — крикнул дьявол, но Билли дернул.

— *Si vis pacem para bellum*, — изрек Клайд. — *Vibere venenum in auro**.

Дьявол вскочил. Вид у него сделался испуганный. И не удивительно — в пистолете Билли появились три золотые пули.

— Я как раз собрался уходить, — пробормотал дьявол.

Он прикрыл лицо журналом и попытался скрыться.

Но это ему не помогло. Билли выстрелил трижды: один раз в морду и два — в сердце.

* Хочешь мира — готовься к войне... Пить отраву из золота (*лат.*).

Дьявол исчез. Волшебный пистолет — тоже. Остался только журнал. Билли подобрал его.

Журнал был насквозь пробит пулей.

— О, нет! — прошептал Билли.

У него задрожали руки. Он открыл журнал.

В колпаке Волшебника появилась дырка, но с ним самим все было в порядке.

— Отлично, Билли, — оживился Волшебник. — Ты не девочка. Но как дьявол меня нашел?

Билли объяснил ему и перевернул страницу.

— Ох уж этот Клайд, — покачал головой Волшебник. — Никак не может держать язык за зубами. Дерни его за веревочку, посмотрим, что он предложит в свое оправдание.

Билли дернул куклу за веревочку.

— Извините, — сказал Клайд. — Дьявол пообещал, что он и меня сделает дьяволом. Лучше быть кем угодно, чем куклой. Почти кем угодно.

— Всякий может ошибиться, — подбодрил куклу Волшебник. — Так что я тебя прощаю. Кроме того, ты спас положение.

— Это правда, — кивнул Билли. — Может быть, Волшебник в награду превратит тебя в маленького мальчика.

— Спасибо большое, — отозвался Клайд. — Но лучше я буду куклой.

Билли задумался об этом.

— Как знаешь, — пожал плечами Волшебник. — А я пошел отсюда.

— А как же ваш колпак? — удивился Билли. — В нем теперь дырка.

— У меня есть еще, — ответил Волшебник, растворяясь в воздухе. — И мне больше не нужно прятаться.

Билли перевернул страницу. Колпак был на месте, и дырка в нем — тоже, а вот Волшебник исчез.

— Что за адский грохот? — поинтересовался отец Билли. Он стоял в дверях гаража. — Дай сюда журнал и отправляйся в постель.

— Хорошо, сэр, — откликнулся Билли.

Он отдал журнал отцу.

— «Современный волшебник», — прочитал отец и бросил журнал на стопку. — Колпаки и куклы! Ну ты и девчонка. Иди спать и куклу свою заведи.

— Хорошо, сэр, — повторил Билли.

На пороге дома он дернул Клайда за веревочку.

— Сам ты девчонка, — произнес Клайд.

— Что ты сказал? — спросил отец Билли.

— Ничего, — сказал Билли. — Это не я.

Терри Доулинг

ВОЛШЕБЦЫ

Если бы вам была дана возможность один раз в жизни — всего один! — совершить волшебство, что бы вы сделали? А теперь выбирайте, но осторожно...

Терри Доулинг — один из самых известных и популярных австралийских писателей, обладатель одиннадцати премий «Дитмар» и трех премий «Ореалис». Впервые о нем заговорили в 1982 году, с тех пор он приобрел международную известность в качестве автора научной фантастики, темной фэнтези и произведений в жанре мистики. В основном Терри Доулинг пишет рассказы. Его перу принадлежат связанные между собой сборники: «Rynosseros», «Blue Tyson», «Twilight Beach», «Wormwood», «An Intimate Knowledge of Night», «Blackwater Days». В качестве редактора-издателя Доулинг выпустил в свет произведения «Essential Ellison», «Mortal Fire: Best Australian SF» (совместно с Ваном Икином) и «The Jack Vance Treasure» (совместно с Джонатаном Страханом).

Терри Доулинг родился в Сиднее, живет в Хантерс-Хилл, Нью Сауз Уэльс, Австралия.

Сэмюелей Рейвенов Пардью было двое. Первый жил в девятнадцатом веке. Это был кузнец, который во время наполеоновских войн решил попробовать себя в качестве зубоде-ра. Наутро после битвы при Ватерлоо английский патруль застукал его с коллекцией зубов, надерганных у свежепреставившихся для продажи зубным врачам в больших городах, и пристрелил на месте за мародерство.

Второй владелец этого имени был прапрапрапрапра-внуком первого. Утром двадцать четвертого мая две тысячи

шестого года этот второй Сэм сидел на своем самом любимом местечке во всем обширном поместье Дессиды. Две недели назад ему исполнилось четырнадцать, а месяц назад его зачислили в особый класс в Дессиде.

Сэм наслаждался одиночеством, когда его отыскала Беттина Андерс.

— Так я и знала, что ты здесь, — произнесла Беттина особым всезнающим тоном. — Ты не забыл, какой сегодня день?

— Конечно нет! — возмутился Сэм.

Можно подумать, он не помнит! Можно подумать, он нуждается в подсказках! День ключевой беседы — его первого разговора с глазу на глаз с Луцием Прандтом — одним из величайших волшебников мира.

А вот то, что Беттина снизошла до Сэма, было поразительно. За все четыре недели в Дессиде ни на обычных уроках, ни на особых — для волшебцев — Беттина не обмолвилась с ним и десятком слов. И тут вдруг эта высокомерная четырнадцатилетняя девчонка, прозванная за глаза Принцессой, одна из восемнадцати студентов, включая Сэма, стоит перед ним и изображает дружелюбие. Изображает. Не может быть, что это искренно.

Место, где сидел Сэм, находилось среди двенадцати каменных плит, окаймляющих старый декоративный подъездной путь к центральной лестнице главного здания Дессиды. Эти плиты прежде были двенадцатью мраморными пьедесталами, сломанными и безнадежно заросшими колючим кустарником, за исключением того, который Сэм расчистил для себя. Основное здание стояло за его спиной на возвышении, словно контролируя обширные владения поместья.

Беттина не уходила — еще одно чудо. Она стояла — темно-волосая и, если подумать, действительно красивая, как принцесса — и будто бы просто любовалась хорошим днем

— Надеюсь, все пройдет хорошо, — подала голос Беттина, поразив Сэма еще сильнее.

Сэм просто ушам своим не верил. Беттина Андерсон и выдает такое? «Вероятно, она знает о моей ключевой беседе что-то, чего не знаю я. Как происходит ключевая беседа с Луцием? Может, поинтересоваться у нее?» — размышлял Сэм.

Но он поосторожничал и не стал ничего говорить. Стоит ли спрашивать, ведь снова получишь отпор? В тот момент, когда Беттина подошла, Сэм сидел, устремив взгляд на то, что скрывалось за колючими кустами между постаментами. Теперь же он оглядывал поместье в целом: обширный великолепный парк на зеленых холмах под ясным осенним небом. Он не желал, чтобы Беттина Андерсон догадалась, на что он смотрел прежде. Это была его тайна, то, что принадлежало только ему и никому другому в Дессиде.

Но девочка медлила. Вопреки всякому здравому смыслу Беттина продолжала стоять рядом с ним.

— Ты уже подготовил свой вопрос? — обратилась она к нему.

— Ты о чем?

— День ключевой беседы — это еще и День первого вопроса, который Луций, возможно, предложит тебе задать. Обычно он так и делает. Это на случай, если тебе и вправду никто не объяснил.

— Вопрос? — Сэм был растерян. — Какой еще вопрос?

Беттина раздраженно вздохнула, что должно было означать: «Ты все-таки не знаешь!»

— Я же тебе говорю. Он поинтересуется, есть ли у тебя к нему вопрос. Он у тебя есть?

— Один? Да у меня их куча! Например: когда дело дойдет до настоящей магии, а не только до этих упражнений на интеллект, которыми мы постоянно занимаемся?

— Тебе нужно быть терпеливее, — заметила Беттина, хотя сама она была какой угодно, но только не терпеливой. — Все мое время.

Вдруг Сэма осенило: да ей же велели отыскать его и передать все это! Она пробыла в Дессиде на два месяца дольше, чем он, и наверняка выполняет чьи-то инструкции, следуя своего рода сценарию. Возможно, ее прислал сам Луций.

— Беттина, где бы ты хотела сейчас оказаться? — Сэм понял по лицу девочки, что застал ее врасплох.

— Что?

— Это мое место. Я люблю сидеть здесь, смотреть на парк и на дом. Но тебе не особо приятно здесь находиться. Где ты предпочла бы очутиться?

Беттина в мгновение ока сделалась прежней — дерзкой и заносчивой.

— Раз ты такой умный и высокомерный, сам и ответь! — воскликнула она, не сдержавшись.

Высокомерный! Сэм смутился. Не может быть! Ничего он не высокомерный!

— Я не очень давно с тобой знаком, но, думаю, это вершина вон той башни.

Сэм указал на холм, где за заросшей главной аллеей высились огромные парадные двери Дессиды. Над входом поднималась небольшая трехъярусная центральная башня, с большим бронзовым колоколом на изукрашенной стойке и с флагом на флагштоке.

— Или за озером, вон там, за деревьями, — добавил Сэм. — В общем, в каком-нибудь удаленном и безопасном местечке.

Беттина уставилась на него — не потому что он так уж угадал — откуда он мог знать? — а видимо, из-за последней фразы.

Взгляд, которым они обменялись, мог бы стать особенным, если бы Беттина не скрывала некоторые вещи еще тщательнее, чем Сэм. Возможно, его последнее замечание оказалось слишком близко к истине. Девочке было просто необходимо произнести что-нибудь, чтобы скрыть собственную уязвимость, которая проявилась при этом замечании.

— Так я тебе и сообщила! — бросила она тоном «принцессы». — И не думай, что я не догадываюсь, почему ты любишь бывать здесь. Я видела эту твою дурацкую статую.

Она махнула рукой в сторону зарослей за постаментом, на котором сидел Сэм, и решительно зашагала в сторону дома.

Сэм мог бы возненавидеть Беттину, но, глядя ей вслед, он понимал, что это чувство прикрыло бы иное, подобно тому, как за внезапной вспышкой Беттины просматривались другие мотивы. Девочка защищалась. Как и он сам.

«Она единственная сохранилась!» — мог закричать Сэм вслед Беттине, которая исчезала в широком дверном проеме. Но не стал. Вместо этого он глянул на опрокинутую статую в зарослях колючего кустарника: упавшая и давным-давно

позабытая фигура из грязно-белого камня, из того же старого мрамора, что и пьедесталы.

Какие бы скульптуры ни украшали собою постаменты — они исчезли много лет назад. За самим домом ухаживали достаточно хорошо, но земли вокруг Дессиды определенно знали лучшие времена.

Ну и пусть рассказывает о статуе другим ученикам! Или их трем учителям и другому персоналу, или даже самому Луцию — плевать.

Высокомерный! Да как она посмела?!

Сэм посмотрел на часы. Без пятнадцати десять. Пора.

Ключевая беседа. Только он и Луций. Наконец-то.

Но врать Беттине точно смысла не было. День первого вопроса. Чем ему поинтересоваться? Что он должен узнать у человека, который, возможно, является величайшим в мире волшебником? Сэма отобрали из сотен — нет, из тысяч — мальчишек и девчонок Австралии, даже всего мира. Чиновники, проводившие тестирование, поверили в него, оплатили проезд в Дессиду, что в Саузерн Хайленд Нагорье, и дали стипендию Прандта. Теперь он может отточить свои нераскрытые способности и стать волшебником, или волшебцем, что бы это ни означало.

Вот и вопрос.

В чем разница между волшебником и волшебцем? Об этом никогда толком не говорилось.

Сэм снова посмотрел на часы. Без десяти десять. Ровно в этот момент большие двустворчатые двери Дессиды распахнулись, и в дверном проеме появился Мартин Мэйхью, как всегда веселый, улыбающийся и радующийся жизни. Он был высоким, белокурый и красивым, имел внешность викинга и непринужденно носил свою желтовато-коричневую рабочую одежду и сандалии. Мартин приветствовал каждое новое утро, распахнув объятия и запрокинув голову, вдыхая воздух так, словно все сказки являются правдой. Мартин возглавлял хозяйственный персонал, и теперь он собирался позаботиться о том, чтобы Сэм не пропустил свою встречу, назначенную на десять.

Мартин взмахнул рукой.

— Сэм, уже пора!

— Береги себя, Руфио,— сказал Сэм каменной фигуре, лежащей в зарослях,— так он звал своего тайного друга.

Потом мальчик стремительно подхватился, соскочил с пьедестала и взбежал по лестнице.

— Руфио? — повторил Мартин по пути к кабинету Луция Прандта, расположенному в северо-восточном крыле.

— Я так его зову,— пояснил Сэм.— Он единственный, кто еще остался. А вы помните остальных?

Сэм знал, что Мартина можно спокойно расспрашивать о подобных вещах.

— Извини, Лучший Сэм. Боюсь, это было еще до меня. Спроси у господина Луция. Он должен знать. Он живет здесь всю жизнь. Тебе дозволено поднимать подобные вопросы в ходе беседы.

— А на сегодня еще кто-нибудь записан? — не удержавшись, поинтересовался Сэм.

Мартин покачал головой.

— Нет. Сегодня твой день, Сэм. Луций ждет тебя.

Они подошли к большой дубовой двери, ведущей в кабинет Луция Прандта. Мартин постучал.

— Удачи тебе, Лучший Сэм,— пожелал Мартин, отворяя перед мальчиком дверь.

Сэм вошел.

Это была чудесная комната — настоящий кабинет волшебника: просторный, с высоким потолком, с книжными полками, закрывающими большую часть обшитых деревянными панелями стен, с чудесными миниатюрными машинами из стекла и металла, выстроенными на отдельном стеллаже. У дальней стены находились средневековые доспехи — быть не может! — с двумя головами, с двумя шлемами на широченных шипованных плечах. Откуда они могли взяться? Неужели подлинные? На стенах, в промежутках между книжными полками, висели карты: меркаторские проекции легендарных земель, носящих необычные названия вроде Большого Сабертаниса или Сокрытого Андастабана. Поверх некото-

рых из них были приколоты другие карты, булавками с напершиями в виде голов демонов.

Огромный стол Луция Прандта стоял на возвышении перед четырьмя высокими окнами, из которых открывался вид на лужайки и леса Дессиды. Окна словно служили рамой для холмов и вмещали в себя пушистые громады облаков и синее небо.

На этом большущем чудесном столе можно было увидеть множество вещей, но самыми примечательными были три глобуса, известные Сэму по курсу «Введение в магию». Ближайший изображал известную Сэму Землю и был семнадцатью серебряными нитями соединен со вторым — глобусом Верхнего мира, с его волшебными башнями и магическими местами. Этот же шар, в свою очередь, был соединен красными проволочками с третьим, изображающим Нижний мир, сплошь черно-красный, с раскаленными медными нитями, отмечающими разнообразные места разъединения.

Но Луция Прандта за столом не было. Он сидел в одном из двух больших кресел перед камином, в котором вместо обычного огня медленно вращалось изображение горящего города.

— Добро пожаловать, Сэм, — поприветствовал Луций.

Волшебник поднялся навстречу гостю и дружески пожал ему руку. Он, конечно же, был одет в черное, как и подобает настоящему волшебнику: черный верх из мягкой шерсти, черные свободные брюки, черные туфли — никаких одеяний со звездами и месяцем или вещей в таинственных пентаграммах, в которые он облачался для своих выступлений или телевизионных представлений. Под копной седых волос блестели темные глаза. Одни говорили, что ему под шестьдесят, другие утверждали, что к любому возрасту, на который он выглядит, нужно приписать ноль, добавляя, что Луций присутствовал при гибели того древнего города, что вечно горит в его камине.

Сэм, не в силах удержаться, то и дело поглядывал по сторонам, рассматривая то одну, то другую вещь. В конце концов он уселся во второе кресло и посмотрел на волшебника,

который тем временем наливал им обоим фруктовый сок из хрустального графина.

— Я с нетерпением ждал этой встречи, Сэм,— сказал Луций, вручая мальчику бокал.— Насколько я знаю, твои занятия продвигаются успешно, и я подумал, что пришло время увидеться с тобой. Полагаю, у нас обоих есть вопросы друг к другу, и у тебя будет возможность задать их в течение нескольких следующих недель. Я уверен, ты в курсе по поводу особого вопроса. Можешь прямо сейчас его озвучить, давай разделаемся с ним и перейдем к беседе.

У Сэма гора свалилась с плеч. Он поставил свой бокал на столик рядом с креслом и, не колеблясь, спросил:

— В чем разница между волшебником и волшебцем?

— Сразу берешь быка за рога? Хорошо. Это важная тема, и я благодарен тебе за нее. История знает большое количество настоящих волшебников — наделенных даром мужчин и женщин. Но тех, кто в полной мере себя реализовал, совсем немного. Большинство так называемых волшебников владели лишь обрывками дара. Готов поручиться, что ты можешь назвать кое-кого из настоящих волшебников.

— Прежде всего Мерлин, так?

— Да, Сэм, это определенно один из счастливицков, очень и очень немногих.

— Вы. Луций Прандт,— добавил Сэм, решив, что это будет уместно.

Луций одарил его своей чудесной улыбкой.

— Очень мило с твоей стороны, Сэм, но нет. Я всего лишь иллюзионист, как и большинство современных волшебников: это люди, создающие прекрасные иллюзии, достаточно профессиональные, и использующие людское восприятие в своих целях. Конечно, это несопоставимо с истинной магией. Это всего лишь манипуляции, искусные фокусы, знание законов оптики и ловкость рук — но иногда приходится обходиться и этим. Я был подлинным волшебником, Сэм, но недолго. Судя по всему, у многих из нас капля дара проявляет себя лишь в течение короткого срока — своего рода рудимент эволюции, оставшийся с тех времен, когда разум горел

иначе. Можно подумать, будто эволюция начала вести нас по одному пути, а потом передумала и свернула на другой. — Луций сделал паузу и наполнил бокалы заново. — Но дела обстоят так, что большинство из нас теряют всякие следы этого дара, когда становятся взрослыми, и даже и не помнят, что обладали им. Он отчетливо виден в чрезвычайных ситуациях: ребенок поднимает упавшее дерево, придавившее его товарища по играм. Прежде он не мог даже сдвинуть такую тяжесть. И вдруг ему это удается. Другой ребенок перемещает припаркованную машину, чтобы освободить попавшего в ловушку зверька. И сам не знает, как это сделал. Еще один рисует руку человека, погребенного под оползнем в горах, находясь в половине континента от того места, где произошла трагедия, и, быть может, вовремя показывает свою работу. Информацию проверяют, и человека находят еще живым — на поверхности торчит одна лишь рука. Это врожденный дар, сила, с которой некоторые из нас приходят в этот мир и которая потом пропадает.

— Но вы ею обладали.

— Именно. На протяжении семнадцати драгоценных и поразительных лет. Это невероятно долго. Мне повезло. Память о том времени подтолкнула меня в стремлении стать иллюзионистом. Но я был волшебником, Сэм! Подлинным волшебником!

— А я? — поинтересовался Сэм. Иначе зачем он здесь?

— И снова ты смотришь в корень, Сэм. Отлично. Ты волшебник. В небольшой степени и ненадолго. Возможно, ты об этом не догадывался, пока не попал в Дессиду, но дела обстоят именно так.

— Все тесты перед приемом в школу...

— Доказали это, под видом заданий на проверку индивидуальных способностей. Школьный совет и министерство образования одобряют их, но даже не догадываются об их истинном назначении. Только в этом году мы проверили всех учеников в трехстах пятидесяти двух школах. Ты единственный, кого мы нашли.

Сэм был поражен.

— Единственный?!

— Другие, обладающие каплей дара, имели неуравновешенный характер или сложности в семье. Их лучше было оставить, не развивая дар и не сообщая о нем. Для их же блага. Надеюсь, ты меня понимаешь.

— А как же насчет моего обучения здесь? Шести месяцев учебы?

— Ты хочешь быть иллюзионистом?

— Нет — раз я волшебник!

— Прекрасный ответ! Да, мы сделали правильный выбор. Что ж, давай вернемся к твоему вопросу. Волшебник с большой буквы «В» обладает даром всю жизнь, как Мерлин, или Санкреох, или Квен Даргентис — черный маг Константинополя. Но большинство — это волшебцы, люди с крохотной частицей дара, вспышку которого можно использовать один-единственный раз в жизни,— понимаешь? На языке волшебников они называются одинцами. Или волшебцами.

— И я одинец? Волшебец?

— Да, Сэм. Ты содержишь в себе одно магическое действие. Единственное великолепное заклинание. Одну мощную вспышку силы. Однажды она вырвется на волю — а затем уйдет.

— Тогда... тогда мне следует подождать. Придержать ее до того момента, когда она мне и вправду понадобится.

— Увы, не выйдет. С возрастом дар постепенно угаснет. Большинство волшебцев теряют силу еще до двадцатилетия.

— Но... Но, Луций...

Договорить Сэм не смог.

— Да, Сэм. Поверь мне на слово — именно так обстоят дела. Я много лет посвятил исследованиям.

— Исследованиям волшебцев?

— Верно.

— Так вы говорите, что вскоре я должен использовать свой дар?

— Да. Но есть альтернатива. Предложение, с которым я собираюсь к тебе обратиться.

— И что же это?

— Сэм, передай свою магию мне.

— Передать вам? — изумился Сэм.

— У тебя ее очень немного — самое большее на одно заклинание, на единственное действие, и то, возможно, довольно ограниченное — но какова бы она ни была и сколько бы ее ни было, я хочу, чтобы ты отдал ее мне.

Эти слова ошеломили Сэма. Он ощутил тяжесть, на него нахлынуло новое чувство. Сэм быстро узнал его: разочарование, крушение иллюзий.

— Именно для этого меня сюда и привезли, да? Как и всех нас?

Луций кивнул.

— Да, Сэм, это так.

— Но он же мой! — воскликнул Сэм. — Мой дар. Как я могу отказаться от него? Как такое возможно?

А за этими словами таилось непроизнесенное: с какой стати? Как вообще можно просить об этом?

— Тут я не могу тебе помочь, Сэм. Это должно быть твоим собственным решением. Я просто считаю, что тебе лучше знать правду. Я был бы рад, если бы ты сделал это для меня.

Разочарование уничтожило для Сэма все обаяние этого кабинета, все волнение и радостное предвкушение этого дня. Ему захотелось оказаться как можно дальше от школы.

— Так значит, я могу в любой момент уйти? Я не обязан тут оставаться?

— Сэм, Дессиде не тюрьма. Ты можешь покинуть ее, когда сочтешь нужным. Мы тебя отвезем на станцию в Милтон и даже выдадим сертификат о том, что ты закончил некоторые важные профессиональные курсы.

— Но я потеряю свой шанс.

— Только шанс быть здесь. Посещать наши занятия. Возможность получить помощь в использовании своего дара.

— И возможность отдать свой дар, — не удержавшись, с горечью добавил Сэм. — А занятия ваши — не для настоящих магов.

— Увы, Сэм, именно так. Как только магия израсходована, иллюзия остается единственным нашим утешением.

— Но у вас-то есть не только это!

— Уверяю тебя, Сэм, только это. Потому я и прошу твой талант. Как иллюзионист у молодого человека, который однажды и сам станет иллюзионистом, если захочет.

— Когда моя магия уйдет.

— Да, верно.

— Чтобы вы могли получить еще чуть-чуть! — с яростью бросил Сэм.

Он был разгневан. Этот чудесный человек, чудесное место, чудесные возможности — все рухнуло в одночасье.

— Мне... мне нужно подумать.

Луций встал.

— Само собой. Ты совершенно правильно действуешь. Я был с тобой откровенен в этом вопросе. Но, Сэм, знай: что бы ты ни решил — это будет правильно.

Погруженный в свои мысли, Сэм даже не заметил, как вновь очутился в коридоре и заспешил обратно к главному входу. У него внутри все словно онемело. Ему необходимо было уйти, очутиться где угодно, лишь бы подальше. Он стремительно сбежал по ступеням и уселся на пьедестале, на этот раз не здороваясь с Руфио. Просто не смог себя заставить.

Все вокруг было прежним. И все вокруг изменилось. Десса, как обычно, стояла в конце некогда величественной аллеи, возвышаясь надо всем, — внушительный двухэтажный особняк девятнадцатого века на пологом холме. Но теперь Сэм видел, в каком запустении пребывает все вокруг: газоны нуждались в стрижке, а сквозь гравий аллеи пробивались сорняки. Не только пространство вокруг пьедесталов, но и весь парк зарос шиповником.

Вот она, хваленая магия Луция Прандта. Даже собственную землю он не может содержать в порядке, не способен наложить на нее чары, чтобы скрыть истинное состояние.

Сэм покинул пьедестал и двинулся через лужайки к западной границе поместья. Оставив на минутку грабли и садовые инструменты, работники с любопытством уставились на мальчика. Они провожали его взглядами.

Это рассердило Сэма еще сильнее. Стоят тут с инструментами, а вид всегда такой, будто больше болтают и грезят о

чем-то своим, чем трудятся! Ну и пусть себе смотрят! Пускай любопытствуют.

В конце концов Сэм добрался до невысокой стены из серо-коричневого плитняка — до западной границы Дессиды. Он оперся о тянущееся меж деревьев ограждение, доходящее ему до пояса, и взглянул на мир за оградой, на раскинувшиеся поля и виды, внезапно ставшие дорогими сердцу. Это его мир.

Да как Луций посмел!

Сэм с легкостью мог перескочить через ограду. Он даже напрягся, изготавившись к прыжку.

— Эй, Лучший Сэм!

Голос донесся из леса. Обернувшись, Сэм увидел неуклюжую, немолодую садовницу — Рен Бартей. Высокая и загорелая, она направилась к Сэму, широко улыбаясь и на ходу сшибая палкой верхушки высоких трав.

— Славный денек, а? — обратилась к нему Рен. — Люблю это время года.

А потом, приблизившись, добавила:

— Хочешь уйти, да, Сэм? Тут нетрудно перескочить.

— Да, Рен, серьезно об этом думаю, — ответил Сэм.

А почему бы, собственно, не озвучить это? Решение зависит только от него.

— Не могу тебя упрекать, — к удивлению Сэма, произнесла Рен. — Тут вся магия уже истощилась.

— Что, правда?

— День первой беседы, ты же знаешь. Сейчас ты тут единственный, кто обладает хоть каплей магии.

— Если это правда. Если вообще хоть что-то из этого — правда, то как все остальные? Беттина, и Сюзен, и Крип? Еще семнадцать...

— Уже отдана. Уже ушла. Ни у кого ничего нет.

Рен опустила на землю палку и стала проверять, надежно ли уложены камни на верхушке стены.

— Не может быть, чтобы я был единственным!

— Сейчас — единственный, — обернувшись, повторила Рен. — Луций попросил ее у тебя, да? День первой беседы?

— Но если они отдали свою магию, почему они остаются здесь? Как они могут это выдерживать?

Рен оглядела деревья, потом указала на точку в глубине стены.

— Потому что знают: то, во что они вложили свою магию, по-прежнему здесь — почти во всех случаях.

— Не понимаю.

— Давай покажу.

Они вместе зашагали обратно к Дессиде, потом свернули к югу и очутились в самой густой части леса.

В свете осеннего солнца среди деревьев Сэм увидел некие строения. Слева от него располагался дом — настоящий пряничный домик, как с картинки в книжке. Из трубы тянулся дымок, уходил вверх метров на шесть, а потом рассеивался в воздухе.

— Это творение Беттины Андерсен, — сообщила Рен. — Вечный Дом. Так она использовала свое единственное заклинание. Если зайти внутрь, ты встретишься с ее бабушкой Дике и дедушкой Брентом. Там всегда играет музыка, всегда готовится что-то вкусненькое, всегда приветливо встречают гостей. За пределами Дессиды этого не могло бы возникнуть, Сэм. Луций подробно изложил все Беттине. Нельзя вернуть людей из мертвых и снова поместить их среди живых, не устроив при этом изрядной суматохи. Подобные вещи надо проделывать очень осторожно.

Затем Рен указала на витую — и да, действительно извивающуюся — башню справа. В мягком свете, струящемся сквозь кроны деревьев, она сияла, подобно янтарию.

— Это Живая Башня Софи Реймедж. Она бы, конечно, предпочла видеть это сооружение у себя во дворе, но Луций объяснил, что тогда к ней постоянно будут стекаться зеваки, не давая покоя. Люди станут постоянно любопытствовать, как такое возможно и откуда оно взялось. С непрощеными гостями и любителями сувениров, стремящимися отковырять кусочек на память, Софи не знала бы ни минуты покоя. Здесь же эта башня находится в целостности и сохранности — и принадлежит ей. Софи может в любой момент, как только захочет, приходить и смотреть на нее.

— Правильно, к этому все и идет! — бросил Сэм. Его раздражение лишь усилилось. — Луций сам не может творить магию и потому старается заполучить чужие чудеса! И уговаривает людей отказаться от них!

— Сэм, Сэм, — покачала головой Рен. Голос у нее был чудный и успокаивающий. — Взгляни на ситуацию с другой стороны. Волшебцы, которые сотворили все это, не отдали Луцию свою магию. Они вложили ее в вещи и оставили их там, где с ними ничего не случится. Сохранности ради. Бросили, если так подумать.

Сэм попытался ухватить суть этих слов.

— Но Луций и не мог убедить их всех!

— Ты прав. Поэтому, исполняя обязанности стража, подлинного опекуна, он использует гипноз. Луций заставил их забыть, что они вообще имели этот дар. Он не может допустить, чтобы они, зная о своих способностях, вернулись к обычной жизни и в ней выдали что-то необычайное. Поэтому ученики покидают Дессиду, считая, что прошли курс и получили базовые навыки иллюзиониста, только и всего. Они уезжают, и магия в них умирает.

На миг Сэма захлестнула паника.

— Но я по-прежнему об этом помню! Он меня не загипнотизировал!

— Но ты пока не преодолел стену...

— Что?! Если я перелезу через стену и удеру — я все забуду?!

Рен ухмыльнулась.

— Шучу, Лучший Сэм. Луций подбирает своих волшебцев очень тщательно. По большей части все проходит хорошо. Ему редко приходится использовать эти фокусы с памятью. Твой талант по-прежнему при тебе. Луций предпочел бы, чтобы ты использовал его, а не просто потерял.

— Он предпочел бы, чтобы я отдал свой дар ему.

— Верно. Это его устроило бы гораздо больше, — с улыбкой сказала Рен и, прежде чем Сэм успел спросить почему, добавила: — Но по очень серьезной причине. Однако я не имею права об этом говорить.

Сэм, размышляя, остановился. Ему нравилась старая Рен. Его гнев немного улегся.

— Но как я могу передать свою магию?

Улыбка Рен не дрогнула.

— Вот видишь, Сэм, ты и вправду особенный. Ты спрашиваешь «Как я могу?», а не «Почему я должен?» Это важное различие, особенно если ты и вправду сейчас думаешь об этом.

— Рен, я серьезно. Как я могу подарить свой талант?

Но Рен лишь приложила палец к губам, словно объясняя: секрет! Потом она как будто изменила свое решение.

— Волшебцы, воплотившие свои заклинания здесь, определенно этого не сделали. Беттина настояла на домике. Софи никак не могла без башни. А вон там, если всмотреться, видны Волшебный Родник Газировки, созданный Кристи Пол, и Искусная Мельница Золотого Сокровища Гранта Хеннеси. Они уж точно не отдали свою магию Луцию.

— Но он этого и не просил.

— Еще как просил. В их Дни первой беседы.

— Но если это мой врожденный дар, предназначенный для использования мною, как я могу его передать?

Их разговор пошел по кругу.

— Именно,— согласилась Рен Бартей.— Как ты можешь пожертвовать своей каплей магии в пользу кого-то?

И она, не произнеся более ни слова, развернулась и зашагала обратно в сторону Дессиды.

Сэм глядел ей вслед. Рен, высокая и подвижная, перебросилась парой фраз с другими работниками — сперва с Карлой, потом с Джеффри,— а затем заспешила дальше.

Что она им сказала? Что?

Поскольку возможности это выяснить не было, Сэм вернулся к чудесам, разбросанным среди деревьев: к домику Беттины с его бесконечным дымком от кухонной плиты и — по словам Рен Бартей — с бесконечным счастьем под крышей, утраченным и обретенным снова; к чудесной изгибающейся башне Софи; к вращающейся и сверкающей в отдалении мельнице Гранта. Сэм слышал шипение родника Кристи, равно как и другие удивительные звуки, доносящие-

ся из леса. Кто знает, сколько еще диковин скрывается в нем? Сэм понял, что можно провести не одну неделю, изучая, что еще, сотворенное волшебниками за последние годы, находит-ся среди деревьев.

Они сделали все это, потому что не отдали Луцию свою магию!

Сэм задумался. Как долго Луций собирает волшебцев по всему миру и просит у них частицы дара?

Мысли Сэма двигались дальше. Почему Луций надеется получить ту магию, которую Сэм носит в себе? Что от него скрыла Рен — или Мартин, или, если уж на то пошло, Луций?

Сэм, конечно же, не мог постичь их намерений, но кое-что понял. Он никогда ничего этого не узнал бы — ни о волшебцах, ни о своем даре, — если бы не Луций, не его тесты и не стипендия Прандта; все это привело его в школу.

И за это он в долгу перед Луцием. Гнев Сэма окончательно утих.

Но пришло новое осмысление. Теперь Сэм знал, как именно он может передать свою магию Луцию. Это было так очевидно, так просто!

Он помчался в главный дом, внося в покой дня новую волну суматохи. Работники в парке, перестав орудовать граблями и подметать дорожки, оборачивались ему вслед.

«Интересно, о чем они думают?» — размышлял на бегу Сэм. Вон несется мальчишка-волшебник, у которого сегодня День первой беседы. Лучший Сэм. Но что они знают, улыбаясь и проявляя интерес к нему?

Сэм заметил, что за ним наблюдают и другие ученики. Сьюзен, Крип и Хагриб находились на южной террасе, Сэнфорд и Нетти — у фонтана. А с башни, опершись о балюстраду, на него смотрела Принцесса Беттина, устроившаяся в своем безопасном месте.

Сэму было наплевать на это. Он нарочно свернул на старую аллею и нарочно, напоказ Беттине, пробежал мимо пьедесталов и зарослей колючего кустарника. Он бросил на ходу: «Привет, Руфио!» — как делал всегда, а потом, перепрыгивая через три ступени, поднялся по лестнице и нырнул в знакомый прохладный полумрак главного вестибюля Дессиды.

Конечно, там его ждал Мартин Мэйхью.

— Куда стремишься, Лучший Сэм? — поинтересовался Мартин.

— Мартин, мне нужно снова повидаться с Луцием! Мне нужно кое-что у него спросить!

— Насчет сегодняшней беседы?

— Насчет моего дара.

— Тогда я уверен, он тебе не откажет.

И Луций действительно его принял, практически сразу. Мартину, вошедшему первым, потребовалось всего мгновение на объяснения — и вот уже Сэма препроводили к кожаным креслам, и Мартин закрыл за собою дверь.

Сэм плюхнулся в кресло напротив Луция, в точности как час назад.

Волшебник отложил в сторону книгу, которую читал перед этим.

— Что такое, Сэм?

— Я знаю, как передать вам свою магию.

— В самом деле? И?

— Я собираюсь ее передать.

— Спасибо. И как же?

— Вы мне скажете, что желаете. А я это исполню.

— Но я не могу, — отозвался Луций.

— Почему?

— Я дал клятву. Наложил на себя такой зарок. Очень древнее правило власти. Мне не дозволено говорить. Все должно исходить от тебя. Сейчас ты волшебец, и ты командуешь. Я — всего лишь иллюзионист.

— Загипнотизируйте меня. Внушите мне какой-либо приказ, срабатывающий по условному сигналу. А потом, вместо того чтобы много дней и недель учить меня, как воспользоваться активирующим заклинанием, приведите спусковой крючок в действие, и мне останется лишь произнести, что я хочу. То есть чего, как я думаю, хотите вы. По крайней мере, это вы можете.

— Верно, могу. Прежде я так поступал.

— Знаю. Я догадался. Вы в этом специалист. Это быстро и легко.

Луций улыбнулся.

— И что мы будем делать, лучший из Сэмов? Я по-прежнему не могу сообщить тебе, как мечтаю использовать твой дар.

— Луций, мне кажется, я знаю ваше желание.

Глаза волшебника заблестели от какого-то непонятного чувства.

— И что же это?

— А вы продолжайте действовать. Внушите гипнотический сигнал.

— Я внушил его при первой встрече. Пока ты смотрел на мой горящий город.

Сэм быстро взглянул на странное изображение, вращающееся в камине, потом снова перевел взгляд на Луция.

— Тогда созовите сотрудников.

Брови Луция удивленно приподнялись.

— Сотрудников?

— Да. И преподавателей тоже. Всех. Пусть они подойдут к главному входу.

Луций повернулся к интеркому и нажал кнопку.

— Мартин, Дессидо Один! Звони в колокол!

Несколько мгновений спустя с башни понесся колокольный звон. В полях, на кухне, в подсобных помещениях, в своих комнатах служащие побросали все свои дела и направились ко входу в главное здание.

Когда Луций с Сэмом вышли из большой двустворчатой двери, все уже стояли, словно собравшись для групповой фотографии: улыбающиеся, внимательные и любопытные. Мартин Мэйхью и Рен Бартей тоже были среди них.

Сэм улыбнулся в ответ. Он был прав. Сэм мгновенно подсчитал собравшихся и понял, что не ошибся.

Восемь человек обслуживающего персонала. Три преподавателя. Всего одиннадцать.

Одиннадцать из двенадцати пьедесталов.

Тогда Сэм взмахнул рукой, подражая всем тем магам, волшебникам и чародеям, которых видел в книжках и фильмах.

— Дорогу номеру двенадцать! — крикнул он. — Руфио, иди сюда! Твоя очередь!

В зарослях колючих кустов что-то заскрипело и заворочалось, затем оттуда вышел Руфио, уже в рабочей одежде, гибкий и сильный, со счастливым лицом.

— Добро пожаловать в наши ряды, Руфио! — воскликнул Сэм.

— Спасибо, Лучший Сэм! — отозвался Руфио своим новеньким голосом и действительно встал вместе со всеми.

Лишь сейчас Сэм заметил, что стоящий рядом с ним Луций плачет — на его щеках блестели слезы.

— Спасибо, Лучший Сэм. Спасибо тебе.

— Это значит, что я должен продолжить учебу и в будущем стать иллюзионистом, да? — спросил Сэм.

— Да, — подтвердил Луций. — И я уверен, что Руфио и все наши друзья очень хотят этого.

Джин Вулф

ВОЛШЕБНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Множество критиков считают Джина Вулфа одним из лучших, а возможно, и лучшим современным автором, пишущим научную фантастику и фэнтези. Самое известное его произведение — пенталогия «*The Book of the New Sun*» («Книга Нового Солнца»), отдельные тома которой получили «Небьюлу», Всемирную премию фэнтези и памятную премию имени Джона М. Кэмпбелла. Вслед за пенталогией автор написал другой популярный цикл, «*The Book of the Long Sun*». В число прочих книг Вулфа входят знаменитые романы «*Peace*» «*The Devil in a Forest*», «*Free Live Free*», «*Soldier in the Mist*» («Воин тумана»).

В своем странном, пробуждающем воспоминания рассказе Вулф уводит нас в самые глухие уголки таинственного леса и заново приобщает к древнейшей из историй...

Вивиана понимает язык животных. Это то, что о ней следует знать. Не первое, не главное, не самое важное. И не единственное. Но знать это нужно, потому что объяснить невозможно. Вивиана — вон она, темно-русая, не очень крупного телосложения девчонка, верхом на серой в яблоках кобыле — и сама не может сказать, почему так происходит.

Точнее, ее удивляет, почему так устроен мир, что у других людей нет таких же способностей. Так оно всегда бывает с талантами. У одного талант к музыке, у другого — к бейсболу. У кого-то талант к притворству (ну, вы ее знаете). А есть и те, кто может заполнить весь концертный зал песней, льющейся из совершенно обычного с виду горла. И никто из них не может постичь, почему другим не под силу все эти такие естественные и легкие вещи.

Вивиана понимает речь животных, а иногда животные понимают ее. Кстати, животные довольно часто нас понимают, так что это явление не настолько загадочно, да и талант Вивианы не настолько редок, как вы могли бы подумать.

Серая в яблоках кобыла недурно взяла препятствие в виде небольшого ручья и самовольно остановилась. В этот момент Вивиана наслаждалась песней ветра, думала об уроках, которые должны начаться со следующего месяца, и о школе, что расположена в Рио-Колорадо, на другом берегу. Девочка попыталась разглядеть, что же заставило лошадь встать. Но безуспешно.

— Это затягивающий лес,— очень отчетливо сообщила Ромашка.— Я туда не пойду.

— Хорошо, хорошо,— успокаивающе произнесла Вивиана.— Я туда и не собиралась.

— Не пойду,— повторила Ромашка.

Это был не очень логичный ответ — во всяком случае, по мнению Вивианы.

— Ты так говоришь,— обратилась она к кобыле,— будто я хочу туда ехать. А я ничего такого не имела в виду. Я как раз тебе сказала, что не собираюсь туда.

Ромашка лишь нервно мотнула головой.

Вивиана стукнула лошадь пятками по бокам.

— Эта тропа ведет не туда, и ты по ней ходила уже много раз. Поехали.

— Не надо.

— Поехали,— велела Вивиана.

— Он не такой, этот лес.

— Поехали!

Ромашка припустила рысью, а потом перешла на щекоцущий нервы, безудержный галоп.

«Вот так надо действовать, чтобы заполучить правильного — не какого-нибудь, а правильного — парня в новой школе,— подумала Вивиана.— Напор и ритм. Своего рода...»

Ромашка снова остановилась, на этот раз так резко, словно ее заарканили. Вивиана почувствовала, что летит и кувыркается,— а потом ощущения исчезли.

Позже оказалось, что она лежит на жесткой траве и ей неудобно. Некоторое время — ей представлялось, что долго, — Вивиана не могла сообразить, что нужно сделать.

В конце концов она села и потеряла голову. Насколько Вивиана могла судить, ничего сломано не было. Ее наручные часы — большие, надежные кварцевые часы, выданные отцом для прогулок на природе, — оказались целыми. Трещин в розовом пластиковом корпусе не было. Стрелки исправно показывали двадцать семь минут второго.

— Ты пойдешь в лес, — прошипела серо-коричневая гремучая змея, — а я, если хочешь, отправлюсь с тобой и буду тебя охранять. Я могу обвиться вокруг твоей правой руки.

Вивиана выплюнула грязь и несколько травинок.

— Ты напугала Ромашку.

— А ты была бы рада, если бы на тебя наступила лошадь? — Змея обиженно свилась кольцами.

Вопрос был резонным, и Вивиана решила сменить тему.

— Я понимаю животных, — заметила она, — сколько себя помню. Но так, как ты, они никогда не говорили.

— Жаль, — отозвалась гремучая змея.

— Обычно просто «я устала», «я боюсь» или «ты мне нравишься». Наша Дракоша однажды сказала, что сильно любит своих котят. В общем, всякое такое.

Гремучая змея положила голову на блестящий камень и взглянула чуть в сторону от Вивианы.

— Теперь ты можешь лучше понимать нас. Это из-за того, где ты будешь.

— Где я буду?

— Да.

— Не из-за того, где я сейчас?

— Нет.

— Ладно. — Джинсовые брюки и рубашка девочки были грязными. Она отряхнула их. — И где я буду?

— В лесу. Мне идти с тобой?

— Нет, — отрезала Вивиана, стараясь говорить как можно тверже.

— Если тебе не нравится идея насчет руки, я могу обмотаться вокруг твоей талии.

— Если я снова отвечу «нет», ты меня укусишь?

— Не укушу, но помни, что ты не использовала шанс получить змеиное благословение.

Она уткнулась в траву и исчезла.

Вивиана встала. Это оказалось труднее, чем обычно. Справа и слева от нее убегала тропинка. Девочка не могла вспомнить, откуда она идет и куда. Манящий лес — сосны и остролистные дубы, растянувшиеся вокруг горы, — сулил тень и прохладную воду.

Вивиане потребовалось некоторое время, чтобы пройти по тоненькому ручью до его истока — маленького, потаенного озера. Вытекая из него, ручей быстро терялся среди камней и корней растений. Девочка утолила жажду, уселась на камень и стала вытирать губы банданой, когда за ее спиной раздался высокий голос.

— Вот и ты! Мне передали, что ты идешь. Нам нужна твоя помощь. Кивни, пожалуйста, чтоб я знала, что моя речь тебе понятна.

Вивиана обернулась и уставилась на представшую ее глазам картину.

— О, кивни! Пожалуйста, пожалуйста!

Вивиана медленно наклонила голову.

— Вот! Я знала, что ты сделаешь это!

Собеседницей Вивианы была маленькая... женщина? С четырьмя полупрозрачными крылышками, тревожно трепетавшими за... ее (если это была «она») спиной.

— Нам нужна твоя помощь, — повторила женщина — если это и вправду была женщина. — Тебе нужна твоя помощь. Я понятно выражаюсь? Говоря «нам», я имею в виду нас всех, включая тебя. Ведомы ли тебе суги Британии?

— Извини, что я так смотрю. — Вивиана с переменным успехом старалась отвести взгляд. — Я никогда не видела никого... никого, хоть немного похожего на тебя.

— Понимаю. Если... Ты ведь не собираешься нападать на меня, правда?

Это требовало некоторого осмысления. Вивиана обдумала пару интересных мыслей, но отвергла их. Она решила, что

и без того все чересчур сложно. В конце концов девочка про-
изнесла:

— Ты боишься меня? Ты — меня?!

— Ты большая. И наверняка можешь быстро броситься
вперед... — Крылья незнакомки затрепетали с такой силой,
что их владелица на мгновение оторвалась от земли. — Если
захочешь.

У Вивианы появилось ощущение, что ей стоит показать
коготки, но вместо этого она улыбнулась.

— Что, как Дракоша? Это моя кошка. Иногда я зову ее
Шустрик.

— Кошки — это такие, с хвостами? А мое имя... имя... ой,
я забыла! В смысле — мне дали указания, как я должна тебе
представиться, совершенно точно. Ариэль? Правильно?

— Кажется, Ариэль — русалка. У нее чудесные рыжие
волосы. — Вивиана улыбнулась, вспомнив мультик. — Я люб-
лю смотреть про нее.

— Как думаешь, оно подходит?

— Мне кажется, нет. — Вивиана покачала головой. — Ты
скорее фея, разве не так? Ты девочка? Как я?

— Только не такая большая.

— Значит, тебя надо звать именем феи-девочки. Может,
фея Динь-Динь?

Крылышки поникли, и вид у их владелицы сделался слег-
ка удрученным.

— Это ужасно длинно. Вряд ли я запомню.

— Ну... — Вивиана окунула бандану в ручей и вытерла ли-
цо. — Слушай, я читала...

Но тут вмешался койот. Он очень холодно кивнул этой ма-
люсенькой крылатой женщине, затем обратился к Вивиане:

— Дитя мое, эта божья коровка, или кто она там, хочет
отправить тебя на дело, полное опасностей. Тебе может по-
надобиться помощь быстрого существа с острыми зубами, ко-
торое не боится пустить их в ход. Я предлагаю свои услуги —
даром. Ради общественного блага. Видишь ли, я тоже заинте-
ресован в исходе этого дела. Надеюсь, ты мудро примешь мои
услуги.

— Я... я ни разу не застрелила никого из твоих сородичей.— У Вивианы пересохло во рту, и она пожалела, что не может снова напиться из ручья.— Это правда. Хотя бывали моменты, когда я могла это сделать.

— Это ты так считаешь,— заметил койот.

— Но я... я...— Вивиана повернулась к крылатой женщине.— Пожалуйста... ой, блин, я по-прежнему не знаю твоего имени. В детстве я читала книжки про фей. Но теперь не могу ничего вспомнить. погоди! Нимуз! Вот. Тебе нравится?

— Полагаю, это ты,— хихикнула маленькая женщина.

— Нет, я — Вивиана.

Койот неуклюже поклонился.

— Я — Тот-Кто-Пугает-Всех-Гончих. Ты можешь звать меня Пуг.

— Я не хочу тебя звать.

— Может, тебе нравятся собаки? — поинтересовался Пуг, неловко вильнув хвостом.— Вам, людям, они очень часто нравятся, даже слишком. Я презираю их — но для тебя я буду собакой. Только для тебя одной.

— Нет! — Вивиана замотала головой.

— Как тебе угодно.— Койот выпрямился.— Ты могла бы получить благословение стаи. От всей души надеюсь, тебе не придется пожалеть, что ты от него отказалась.

Он развернулся, затрусил прочь и словно исчез среди камней.

Вивиана смотрела вслед койоту, пока тот не скрылся, затем опустилась на колени, чтобы попить.

Когда она встала, малюсенькая крылатая женщина произнесла:

— Вивиана, Вивиана, Вивиана! Как красиво!

— Спасибо.

Вивиана снова окунула бандану в ручей. Холодная вода освежила горящее лицо.

— Я тоже буду Вивианой!

— Вивиана — это я. Хочешь быть Вивьен? — Девочка проговорила имя по буквам, потом добавила: — В любом случае, их никто не различит.

— Перед тем как я пришла сюда, мне рассказали о тебе, — сообщила Вивьен, — но слишком мало. Твои мысли — они как облака. У меня от них ужасно кружится голова.

— Прямо «Алиса в Стране чудес», — прошептала себе под нос Вивиана. — Хорошая книжка, и фильм тоже хороший. Как там было? «Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я». Кажется, так.

— Неправда! Я в своем уме! — Голос Вивьен звучал настолько твердо, насколько это вообще возможно для маленькой женщины с прозрачными крылышками. — Я полна надежды. Ты нужна нам. Ты нужна себе. Ты назвала меня феей. Хочешь, я отращу усики?

Она приставила ко лбу крохотные указательные пальчики — меньше, чем у младенца, — и пошевелила ими.

— Ну, это...

— Как у улитки, знаешь? Думаю, у меня получится.

— Пожалуйста, не надо. Я боюсь, что это меня напугает. — Вивиана снова вытерла лицо влажной банданой. — Мне, пожалуй, и так нравится происходящее.

Вивьен понурилась.

— Мы почти всегда вас пугаем. Хотя не хотим этого. Обычно не хотим. Но вы зовете нас гномами, брауни, лепреконами, феями, марсианами, пикси и эльфами, и еще множеством ужасных наименований, для которых у нас и слов-то нет. И вы боитесь нас — как бы ни называли, без разницы.

— Я тебя не боюсь, — твердо отчеканила Вивиана, как и подобает без пяти минут ученице старших классов и опытной наезднице.

— Правда?

— Да! Абсолютно!

Вивиана произнесла эти слова, и они каким-то образом сделались правдой.

Маленькая женщина глубоко вздохнула, втянув по меньшей мере пол чайной ложки воздуха.

— Вы говорите — мы крадем детей. Мы никогда этого не делаем. Честное слово. Я готова поклясться всем, чем угодно. Чем только пожелаешь.

— Я не ребенок!

— Иногда мы вербуем детей. Сейчас как раз это необходимо. Правда-правда, Вивиана. В конце концов мы вернем его матери. Или тебе. Смотря кто придет раньше.

— Мне-то он точно не нужен...

— Будет нужен. Но... ты должна завербовать его для нас. Это первое. Привести его к нам, позаботившись, чтобы при нем, когда он придет, не было никакого железа. Или стали. Вообще ничего такого. Это искажает поле.

— Но я...

Вивиана озадаченно умолкла.

— Нет, ты не...

— погоди! Мой складной нож! — Вивиана сунула руки в карманы. — Он исчез. Наверное, вывалился, когда я упала.

— Вот видишь? — довольно произнесла Вивьен. — Сегодня ты не надела шпоры...

— С Ромашкой мне шпоры не нужны.

— Да, но медные заклепки на твоих синих брюках. Деньги у тебя в карманах медные и никелевые. Ты можешь говорить с животными, так что вполне естественно, что можешь общаться со мной. И ты сделаешь это. Я уверена.

— Что я сделаю?

Между ними с отчетливым глухим стуком приземлился большой ворон.

— Возьмешь мальчишку, — вклинился он. — Ты возьмешь, они научат. Потом ты будешь охранять его в пути.

Голос у ворона был хриплым.

— Здравствуй, Никогда, — обратилась к птице маленькая женщина.

— Погодите-ка! — Вивиана перевела взгляд с ворона на фею, потом обратно. — Вы друг друга знаете?

— Конечно, — сказал Никогда.

— Он... — Прозрачные крылья нервно затрепетали. — Ты должна понять его. Я... он...

— Он не работает задаром. — Никогда склонил голову набок и сочувственно взглянул на Вивиану. — Вот что она пытается до тебя донести.

Вивиана кивнула.

— Я поняла.

— Отлично. А теперь слушай, золотце, повторять дважды не стану. Я бывал тут прежде, и все, что она от тебя хочет, и вполтину не так легко, как тебе преподносится. Со мной нас будет уже двое, и мне доводилось пару раз попадать в переплет, ясно? Тебе нужен такой напарник — хорошо. Мы это обсудим. Не нужен — я сваливаю, без обид. Только не зови меня, когда угодишь в суп, — я мобильник с собой не ношу.

— И я буду иметь благословение птиц, — добавила Вивиана.

— Мы это называем благословением стаи. Само собой, будешь. Плюс к этому разумный совет и приятеля, который пошпионит для тебя без излишней щепетильности. И все такое.

— Я хочу тебя в напарники, — согласилась Вивиана. — Сколько?

— У тебя есть с собой новый четвертак? Блестящий?

Вивиана выгребла мелочь из кармана джинсов и покопалась в ней.

— Ага, вот! — Выудив нужную монету, девочка потеряла ее о рубашку. — Орегон, две тысячи пятый год. Годится?

— Идеально. — Никогда подскочил поближе к Вивиане и протянул лапу. — Клади сюда.

Вивиана всунула монету меж пальцев ворона.

— О'кей. Я только что принял от тебя предварительный гонорар, ясно? Весь к твоим услугам. Я отнесу это в свой банк, но вернусь — ты и соскучиться не успеешь.

Переложив монету из лапы в клюв, Никогда расправил поразительно огромные черные крылья и улетел.

— Ушел! — Маленькая женщина перевела дух. — Какое облегчение!

— Он еще объявится?

— О да. В итоге он тебя найдет. Они летают ужасно высоко и могут видеть на тысячу лет вокруг. А еще у него большие связи. На небесах. Ты не спросила моего совета.

Вивиана кивнула.

— Думаю, мне стоит это сделать. Ты старше меня?

— Ни старше, ни младше. Я знаю, сколько тебе лет, Вивиана, но не знаю, сколько мне. Если б ты спросила, я пре-

дупредила бы тебя, что он хоть и честен по-своему, или... Или может быть честен. Я имею в виду...

— Ты имеешь в виду, что ты не уверена.

Вивиана начала терять терпение.

— Что Никогда хоть и честен по-своему, внутри он так же черен, как его перья. Может, пойдем? Я объясню тебе по пути, что от тебя требуется.

— Вот это место.— Маленькая женщина, трепеща крыльшками, зависла над головой Вивианы.— Это должно быть оно, по крайней мере, я на это очень надеюсь. Видишь вон те дубы? Становись в круг.

— В ведьмин круг? Из грибов?

— Вы их так называете? Мы иногда используем их в качестве ориентира в лесу. Мы любим леса.

— Да, я слышала об этом,— кивнула Вивиана.

— Так вот, своим появлением в спальне ты можешь напугать мальчика. Я надеюсь, этого не случится — но мало ли. Он увидит у себя на полу мерцание, словно там появилось озеро. Ты выйдешь из воды — но не намокнешь,— и она тут же испарится. Не смотри на озеро. Смотри на мальчика. Если он начнет...

— Я знаю, что делать.

Вивиана ступила в круг.

— Если ты берешь его за руку — это сигнал. Не делай этого, пока мальчик не согласится. Теперь можешь поднять руки. Или прижми их к бокам. Как хочешь.

Вивиана подняла руки.

Комната выглядела как обычная мальчишеская спальня, освещенная тусклым светом ночника. На стене висела таблица Менделеева, рядом с фотографией президента, устаревшей уже на несколько сроков. Маленький мальчик, смуглый и темноволосый, стоял на кровати на коленях, его блестящие глаза, казалось, видели Вивиану насквозь.

— Привет! — Девочка улыбнулась.— Не бойся. Я не сделаю тебе ничего плохого.

— Тут на полу была вода,— удивленно сказал мальчик.— И ты появилась оттуда, как... как...

— Как пловец в кино,— предложила вариант Вивиана.
— Как рыба, когда она выпрыгивает из воды,— произнес мальчик, потом добавил: — Я не боюсь. Если б я боялся, то позвал бы Мириам.

Вивиана снова улыбнулась своей обаятельной улыбкой.

— Вот и хорошо. А Мириам — это кто?

— Няня. Она смотрит телевизор.

Вивиане пришла в голову одна мысль.

— Ты любишь смотреть телевизор?

Мальчик отрицательно замотал головой.

— Тогда давай я объясню по-другому. Мы с тобой познакомимся, но по-особенному. Сначала я назову тебе свое имя, а потом — твое.

— Как в игре,— заметил мальчик.

— Примерно, только это не игра. Мое имя будет моим прежним именем, а твое — новым, и оно станет твоим очень-очень надолго. Я — Вивиана.

Мальчик прошептал, словно говоря сам с собою:

— Вивиана — Владычица Озера.

— А ты — Мирддин. Так тебя будут звать новые учителя.

— У меня будут новые учителя?

Вивиана кивнула.

— Думаю, они тебе понравятся. Ты доволен своими нынешними учителями?

— Новые учителя — это всегда интересно.

Лицо Мирддина оставалось непроницаемым, но глаза заблестели еще ярче — быть может, от предвкушения.

— Да, они и вправду интересные, но знания, которые ты приобретешь, еще интереснее, чем они сами. Ты когда-нибудь хотел быть животным?

Мирддин лишь уставился на нее.

— Волком или... или ястребом.

Вивиана подумала, что мальчик похож на оперившегося сокола. Слишком молодого, чтобы летать. Но скоро...

Мальчик, словно прочитав ее мысли, поинтересовался:

— Я смогу летать?

— Да,— ответила Вивиана,— и делать множество других чудесных вещей.

Маленькая женщина имела возможность летать. Нравилось ли ей это?

— Почему ты выбрала меня?

Вопреки всему, что она только что наобещала, Вивиана вздохнула.

— Потому что ты — тот человек, который способен предотвратить многие плохие вещи. У тебя на шкафу телескоп.

Мальчик быстро посмотрел на шкаф и снова перевел взгляд на Вивиану.

— Без тебя никаких телескопов не будет. Никогда. Любуясь звездами, люди не будут знать о них ничего. Никто и никогда не составит эту таблицу элементов. Множество детей умрет от дифтерии и оспы. Люди...

— Когда мне приступать?

— Сейчас. Дай мне руку, Мирддин.

Мальчик подчинился, и они начали опускаться до тех пор, пока тьма не исчезла и сквозь кроны дубов не заструился дневной свет, заполняя ведьмин круг мягким зелено-золотым сиянием. Перед Мирддином опустилась на землю маленькая женщина ростом ему по пояс.

Вивиана взмахнула рукой.

— Он в пижаме. Так что никакого железа.

— Я знаю. — Женщина обратилась к Мирддину: — Именно поэтому нам пришлось посылать за тобой Вивиану, именно поэтому мы не пришли сами, хотя... хотя нам бы хотелось. Ты дашь мне руку? Если нет, то ничего не получится.

Мальчик протянул ей ладонь, и они пошли прочь, но не затерялись в тени деревьев, а растаяли.

Услышав трепетание прозрачных крыльев, Вивиана обернулась.

— Вот ты где! — воскликнула Вивьен. — Ты нам нужна. Ты пойдешь? Понимаю, что тебе не терпится вернуться домой, но... но ты должна. Ты просто обязана. Честно.

Вивиана посмотрела на часы, потом, прищурившись, взглянула на солнце.

— Ладно, если сначала ты мне кое-что скажешь. Две вещи.

— Я... иногда я путаюсь.

— Я заметила. Ты постарайся? Если хочешь, чтобы я тебя выручила, то будь честной.

Маленькая женщина, судя по ее лицу, пришла в ужас.

— Я... ну...

— Ты всегда правдива и откровенна. Кроме тех случаев, когда не говоришь правды и что-то скрываешь. Я пытаюсь быть вам полезной.

— В общем... да.

— Я буду помогать и дальше, но пообещай кое-что. По-клянись, что ответишь мне и не станешь скрывать истину.

— Не стану,— повторила Вивьен,— если получится. Но я могу оказаться не в состоянии. Когда я не знаю, что сказать, то по большей части говорю неправду.

— На этот раз не привирай. Если не сможешь ответить — так и говори.

Маленькая женщина прижала руку к сердцу.

— Только правду!

«Я ей действительно очень нужна,— подумала Вивиана.— Круто!» Вслух же она произнесла:

— Сначала насчет времени. Моя лошадь сбросила меня и куда-то делась перед тем, как я пришла в себя, то есть я некоторое время была без сознания. Потом я шла по этому лесу. Это тоже заняло какое-то время. Я искала ручей. Еще сколько-то.

— Я поняла.

Маленькая женщина ослепительно улыбнулась.

— Я поговорила с тобой, мы пришли сюда, я поговорила с этим славным мальчиком...

— Ой, как хорошо, что он тебе понравился!

— И мы вернулись сюда, и так далее. Но на моих часах по-прежнему двадцать семь минут первого, и я бы решила, что они остановились, только вот солнце тоже не сдвинулось с места. А все эти события должны были занять пару часов. Если не больше.

— Тебя это заинтересовало. Да, должны были. Ну... мы можем проделывать такое со временем, Вивиана. Для тебя время неизменно, я знаю.

— А для тебя — нет.

Вивьен покачала головой.

— Ты подсунула в часы масло, — вздохнула Вивиана. — Иначе тебе не удалось бы одурачить время. Когда мы закончим наши дела, ты сводишь меня к Грифону и Черепахе Квази? Мне всегда хотелось на них посмотреть.

Вивиана от души повеселилась, глядя на озадаченный вид маленькой женщины.

— Я с радостью покажу тебе грифонов, — ответила она, — когда мы управимся с Мирддином. Но черепахи квази?.. Я даже... Может, найду какую-нибудь.

— Ладно, не беспокойся насчет Черепахи Квази, — махнула рукой Вивиана. — С ней мы разберемся попозже. Хорошо, второй вопрос. Почему, собственно, я тебе снова нужна? В первый раз я вам понадобилась из-за железа в комнате Мирддина. Но теперь он уже у вас, разве не так?

Вивьен кивнула.

— Да, у нас. Это... хм... совсем другое. Он... понимаешь... старше.

Вивиана медленно кивнула.

— Хорошо.

— Более... э-э... на самом деле взрослее тебя. И мы... он возражает... против продолжения учебы. А ему еще многое надо узнать!

— Он хочет уйти.

— Я... думаю, да. Он... э-э...

— Что? — Вивиана стиснула зубы. — Говори или больше не дождешься от меня помощи.

— Хочет найти тебя. — Прозрачные крылья опали. — Видишь ли, он вряд ли сумеет. Ему нужно еще многому научиться, прежде чем он сможет... э-э...

— Что сможет?

— Искать людей в прошлом. Найти тебя. Потому мы... Вивиана, это была моя идея. Если ты меня за это возненавидишь — значит, так тому и быть. Мы сообщили ему, что если он будет учиться, то придет время, когда он сможет видеть тебя все чаще и чаще. И... ох, мне очень жаль! Не стоило мне этого делать. Все, я молчу. Не сейчас! Пусть он скажет об этом сам. Я... он мне нравится, и я знаю, что и тебе он тоже нра-

вится. Я больше никогда себе в глаза смотреть не смогу! Никогда!

— Если я пойду с тобой, он мне скажет?

Маленькая женщина безмолвно кивнула.

— После этого ты приведешь меня обратно?

— Да! Обещаю!

Они вместе вошли в лес.

Все вокруг изменилось. Деревья, которые Вивиана знала с детства, сделались тоньше, а затем исчезли. Их сменили странные новые деревья, по большей части дружелюбные, но скрытные. Небо потемнело, а солнце увеличилось в размерах, но стало менее ярким. В воздухе — недвижимом, без малейшего дуновения ветра, словно ожидающем чего-то нового и странного, — стояла очаровательная прохлада.

— Это волшебная страна? — поинтересовалась Вивиана.

В этот миг маленькая женщина метнулась вперед, обернулась на краткий миг, улыбнулась Вивиане и исчезла среди деревьев.

— Вивиана! — раздался мужской голос.

— Я здесь, — откликнулась девочка, и тут же ее одолели сомнения. Действительно ли она здесь? — Ты меня звал?

Он бежал легко и бесшумно, но не настолько, чтобы Вивиана не слышала его приближения. Потом он очутился рядом — смуглый, с орлиным носом, ростом с нее. Он рухнул перед ней на колени.

— О моя леди! Моя дражайшая возлюбленная, Владычица Озера! Как я ждал этого момента!

Вивиана присела, и их лица оказались совсем близко.

— Ты... они умеют что-то делать со временем. Ты — Мирддин?

Юноша кивнул. Медленно и бережно он взял ладони Вивианы в свои. Руки у него были загорелые, мягкие, с длинными пальцами — такие могли бы принадлежать пианисту.

— Да. Я — Мирддин, моя леди, твой поклонник и раб. Что бы ни случилось — я твой раб.

— Мне не нужен раб, Мирддин. — Интересно, он рассердится? — Мне нужен друг. Добрый верный друг.

Юноша поднял голову и улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами.

— Твой раб и твой друг, моя леди. Верный навеки.

Вивиана подалась к нему, а он — к ней, и без всякого желания с ее стороны — но и без нежелания, впрочем, — они очутились в объятиях друг друга. Они поцеловались и снова поцеловались, и, хотя оба были несведущи в этом, каждый поцелуй был слаще предыдущего.

В конце концов они уселись бок о бок; коричневая от солнца рука девочки обвивала талию Мирддина, а голова лежала на его плече. Он же обнимал Вивиану за плечи и касался щекой ее волос.

— Они пообещали, что однажды я снова увижу тебя, — сообщил он ей. — Если научусь всему. Если буду заниматься до тех пор, пока не сдам все экзамены.

Вивиана сжала его руку.

— Потом я начал сомневаться. Я поймал Гвеллиант и тряс ее до тех пор, пока она не испугалась всерьез. Я требовал тебя показать!

Вивиана приподняла голову с плеча Мирддина и посмотрела ему в лицо.

Это было лицо человека, гневающегося во сне.

— Она пообещала исполнить мою просьбу и ушла. Вскоре она вернулась с тобой, и твое имя — Вивиана.

— Да, — прошептала девушка.

— Озеро, возникшее на полу моей комнаты. Ты должна помнить. Поднялась мерцающая вода, и вскоре из нее появилась ты. — Юноша вздохнул. — Для меня ты всегда будешь Владычицей Озера.

— Я увидела тебя на кровати, — сказала Вивиана. — Маленького коричневого сокола, слишком юного для полета. Теперь ты вырос, но остался все тем же коричневым соколом. Ты всегда будешь таким, мой смуглый сокол, маленький, но яростный.

Юноша засмеялся, потом посерьезнел.

— Даже когда моя борода побелеет, Вивиана?

— Да. Даже когда твоя борода побелеет. Даже когда мы оба состаримся.

— Ты не понимаешь. Я вижу, что не понимаешь. Ты именно тогда станешь моей. Когда моя борода побелеет.

— В самом деле? — Вивиана внимательно взглянула на него. — Это они тебе объяснили?

Юноша покачал головой.

— Я узнал это сам, и это правда. Одна из вещей, которым я научился, — как ясным взором смотреть в былое и в грядущее. Я прочесывал годы в поисках времени, когда мы будем вместе — не на считанные часы, а на срок, за который может вырасти дерево. Далеко в прошлом это время существует. Когда оно начнется, моя борода будет белой.

Несколько долгих секунд Вивиана пыталась осмыслить его слова — понять и принять их. Она знала, что нужно ответить, но никак не верила, что это правда. Запинаясь, она пробормотала — чтобы что-то сказать:

— Ты проживешь очень долго. Полагаю, именно это означает твое видение.

— Да!

Мирддин крепко обнял ее жестом человека, который держит нечто драгоценное.

— Но это еще не все. Это не главное. Главное то, что после спасения грядущего мира мы будем вместе много-много лет. Может быть, целые десятилетия.

Они снова поцеловались.

— И вот еще что, Вивиана. Как только мы с тобой наконец-то будем вместе, я стану молодеть с ходом лет. Буду становиться все моложе и моложе, пока мы снова не станем ровесниками.

— Правда? Это тебе не приснилось?

— Нет, но если и приснилось, то это вещий сон. Мои сны более не праздные ночные иллюзии — уже давно. Я буду становиться младше, а ты — старше. В конце концов мы встретимся. После этого я по-прежнему буду молодеть. Об этом трудно говорить.

— Тогда не говори, — посоветовала Вивиана. — Давай будем счастливы сейчас. Я счастлива.

— И я тоже. Ты должна быть в курсе. Когда я снова стану ребенком, ты вернешь меня моей матери. Это устроят они —

Гвеллиант и прочие. Моя мать даже не поймет, что я куда-то исчезал. А потом я вырасту, подобно обычному ребенку. И однажды ты снова позовешь меня.

Отчего-то Вивиана верила, что так все и будет.

— Да, я позову тебя.

Мирддин передернул плечами, словно от холода.

— В итоге мы победим. Я это видел, и это — самое главное. Сегодняшний день краток — у нас есть время до восхода луны. Не будем же тратить его понапрасну.

Это был не тот прореженный участок с соснами и дубами, который Ромашка называла затягивающим лесом, и не странный ожидающий лес, где Вивиана была так счастлива. Могучие дубы были ей знакомы, но казались куда старше, чем она помнила. И хотя верхушки крон купались в солнечном свете, темный суглинок, по которому шла Вивиана, тонул в полумраке; лучи солнца туда не доходили.

— Где угодно, — напомнила ей Вивьен. — Ты можешь построить ее в любом месте. Я сама не строитель...

— И я тоже, — отозвалась Вивиана.

Маленькая женщина пропустила ее слова мимо ушей.

— Но если бы я взялась за это дело, я стала бы возводить ее ближе к тому месту, где есть соответствующие материалы.

Прозрачные крылья беспокойно затрепетали.

— Я имею в виду, что не смогу лететь, волоча груды сучьев. Путь по земле я тоже постаралась бы сократить.

— Не вижу никаких сучьев.

— Где-нибудь поблизости должны быть. При стольких-то деревьях они просто обязаны быть. Так что ты строй, а мне уже пора.

— погоди! — Вивиана попыталась схватить Вивьен, но промахнулась.

— Совершенно необязательно делать ее большой. — Вивьен поднялась в воздух, и до нее было не дотянуться. — Я это уже говорила? По-моему, точно говорила. — Маленькая женщина исчезла среди листвы, и оттуда донесся ее голос: — Две комнаты. Одна большая. — И потом еле слышно: — Ты знаешь.

— Вот блин! — пробормотала Вивиана, обращаясь неизвестно к кому. Потом повторила громче, более прочувствованно: — Вот блин!

С верхушки одного из окружающих деревьев спикировал ворон и, хлопая крыльями, опустился на ближайшую ветку.

— Ты меня звала, золотце?

Вивиана глубоко вздохнула и поймала себя на том, что улыбается — вымученной улыбкой. Во всяком случае, так ей казалось.

— Я очень, очень рада тебя видеть, Никогда, — с жаром произнесла она.

— Ты в этом не одинока. — Ворон склонил голову набок и уставился на Вивиану блестящим глазом. — Тебе нужно гнездо?

— Маленький дом, — объяснила Вивиана. — Лачуга, хижина, хибара.

— А разница?

— Этот мальчик, Артур, должен думать, что Мирддин живет здесь. Вивьен — та, которая фея, — собирается притащить мебель и всякую утварь. А мое дело — построить дом. Только мне не из чего строить, а если бы и был материал, то я все равно не знаю как.

— Угу, понял. — Никогда расправил крылья. — Это по моей части.

— Так ты мне поможешь?

Это было настолько здорово, что даже не верилось.

— Я имею в виду, что позабочусь об этом, золотце. Сначала воспользуемся благословением стаи. Оставайся здесь.

Вивиана смотрела, как черный ворон пролагает путь среди поросших мхом стволов, издавая звуки, подобные звону чугунного колокола; его низкое, мрачное карканье эхом разносилось по лесу.

Когда ворона стало не видно и не слышно, а лес снова сделался безмолвным и безнадежным, Вивиана уселась на торчащий корень, подперла голову руками и погрузилась в воспоминания о доме. О том, как она завтракала на светлой маминой кухне. О том, как она лежала на ковре в своей комнате и делала домашние задания под музыку. О том, как

чистила стойло Ромашки и приносила кобылье яблоки. Домашние задания иногда бывали трудными, а чистить стойло всегда нелегко, но сейчас Вивиана с радостью отдала бы свое новое седло, лишь бы просто очутиться дома, перед грязным стойлом и с ожидающими ее...

На ближайшее дерево вспорхнула маленькая птичка с ярко-красной грудкой и, примостившись на веточке, изучающе взглянула на Вивиану. Почти сразу же за ней последовала, с шумом и гомоном, стая лебедей. Лебеди приземлились вокруг Вивианы. Следом явилась пара куропаток, а затем, в постоянном шуме крыльев, прибыло такое количество птиц, что и не сосчитать.

Последним прилетел крупный беркут. Ветка над головой Вивианы согнулась под его весом, а распростертые крылья беркута образовали подобие полога.

— Когда я скажу «вниз», — пробормотал Никогда, — опустись на колени и раскинь крылья вот так. Поняла?

Вивиана ухитрилась кивнуть.

— Прими же благословение стаи! — нараспев произнес ворон и, перейдя на шепот, велел: — Вниз!

Вивиана села на колени, склонила голову и широко раскинула руки. Крылья всех птиц, за исключением беркута, были направлены на нее.

— Прими благословение стаи! — вторила на тысячу ладов тысяча разных птиц.

Вороны прокаркали. Певчие птицы прощебетали. Утки прокрякали. Лебеди — безгласные лебеди — выговорили беззвучно, а серые гуси из Исландии прошипели. Это должно было звучать как какофония, и в каком-то смысле так и получилось. Однако же была в этом и красота — странная, суровая красота, свойственная диким существам, которым не нужно быть красивыми, чтобы понравиться природе (хотя зачастую они красивы).

Затем раздался громовой шум крыльев, и все птицы, кроме Никогда, улетели.

— Что теперь?

Вивиана встала и отряхнула колени.

— Теперь ты получишь свое гнездо, золотце.— Никогда прошелся клювом по перьям.— Мы в этом мастера.

— Сколько я тебе должна?

Вивиана снова выгребла из карманов мелочь.

— Нисколько. Это входит в выданный наперед аванс, ясно?

При этих словах снова раздался шум крыльев. Вернулось восемь—десять воробьев, очень деловых и пререкающихся между собой; они притащили маленькие веточки и пучки соломы. После этого дом стал расти быстрее, чем летает любая птица. Из бурлящей массы клювов, лап и перьев возникали стены.

— Недурно,— заметил Никогда, глядя, как терпеливая пеночка-весничка вносит свой завершающий вклад в построение крыши.— Я бы сделал лучше, только это заняло бы несколько больше времени, понятно? А теперь давай зайдем и посмотрим, как там внутри.

Дверь, сплетенная из прутьев, была открыта нараспашку. Вивиана вошла в хижину и обнаружила, что ступает по ковру из сена, соломы, пуха и перьев. Внутри имелось три комнаты, они были большего размера, чем предполагала Вивиана. В каждую вел невысокий сводчатый проход. Две комнаты могли похвастаться маленькими круглыми окнами.

— Три отверстия, ясно? — Никогда, хлопая крыльями, опустился на плечо Вивианы.— Три отверстия в трех комнатах. Большинство из нас считают только до трех. Лично я могу досчитать до двадцати и больше, а потом начинаю путаться и просто говорю «много». Три или двадцать три — они приложили все усилия. Нравится?

Вивиана медленно кивнула.

— Выглядит как жилище, в котором может обитать волшебник, правда?

— А то! Будто волшебник нанял нас, чтобы мы построили это для него. Сделали часть работ.

Вивиана снова кивнула.

— Верно. Ты надо мной посмеиваешься, да?

— Я?! Никким образом! — искренним тоном заявил Никогда.

— После того как ты мне помог, ты вполне можешь по смеяться, так что не стесняйся. Не думаю, что после этого ты сумеешь сделать что-нибудь такое, что меня разозлит.

— Понимаю, радость моя. О себе могу сказать то же самое. Дергай меня сколько хочешь, только с насеста не сбрасывай.

— В таком случае у меня вопрос,— произнесла Вивиана.— И не шуточный. Совершенно серьезный. Когда все прилетели, я заметила двух коричневых хищных птиц, маленьких и невзрачных, но крепких, судя по виду.

— Угу. Хочешь знать, как их зовут? Я попытаюсь выяснить.

Вивиана покачала головой.

— Нет, только что это за птицы. Ястреб Купера, или краснохвостый сарыч, или еще кто. Я знаю, что ни то ни другое, но они напомнили мне Мирддина, потому мне хочется выяснить, кто они такие.

— Ястребы-дербники,— сообщил ей ворон.— Только когда разговариваешь с ними, называй их «мерлины». Так вежливее.

Внезапно дом наполнился крылатым народцем, тащившим табуреты и лавки, полки и морские раковины, столы, вошенные дощечки для письма и всякие безделушки, старые книги и стяги, и сотни прочих вещей, самых разнообразных.

— Что, довольна? — поинтересовалась Вивьен.

В руках у нее была большая стеклянная реторта с бурлящей зеленой жидкостью.

— Мне очень нравится этот дом,— отозвалась Вивиана,— и я надеюсь, что тебе тоже. Но это барахло — ой блин!

— Деревянная змея? — Вивьен ухмыльнулась.— Это столбик кровати. Их четыре, и все разные.

Негромкое карканье Никогда звучало почти успокаивающе.

— Скорее всего, по числу народов. Птицы, змеи, рыбы и кошки. Пятым номером должна идти ты, только здесь будет спать он, понятно? Так что всего пять.

— И все равно ничего не разберешь!

Тут вмешался надтреснутый голос:

— Место для всего и все не на месте — вот главное правило, ненаглядная моя.

Человек, которому принадлежали эти слова, был старым и согбенным, с длинной, почти белоснежной от седины бородой. Он подошел, опираясь на кривой посох, и нежно взял ладони Вивианы в свои.

— Моя Владычица Озера, — прошептал он.

Вивиана глубоко вздохнула.

— Они меня предупредили, что ты будешь старым, так что я ожидала этого. Но твои глаза не изменились. Нисколько.

Они обнялись. Несомненно, раздался шум крыльев, поскольку Никогда, Вивьен и ее прозрачнокрылые приятели удалились, но Вивиана этого не слышала — она вообще ничего не слышала, кроме дыхания Мирддина и стука собственного сердца. Мирддин поцеловал ее, и по щеке Вивианы скапывала горячая слезинка (всего одна).

— О, Мерлин... — Это прозвучало еще тише, чем шепот. — О, мой милый Мерлин...

Когда они наконец-то разомкнули объятия, Мирддин сказал:

— Присядь, пожалуйста, драгоценная моя леди. Неужели ты не присядешь, чтобы порадовать меня? Пока ты стоишь, мне будет казаться, что ты вот-вот уйдешь.

Вивиана села, выбрав маленькое кресло, украшенное искусной резьбой.

— Ты поражена, дорогая моя нестареющая Владычица Озера, увидев меня таким — человеком преклонных лет. Я могу помолодеть прямо у тебя на глазах, но это превращение будет ненастоящим и — увы! — временным. Сделать его настоящим не в моих силах. И не в силах любезной леди, которую я зову Гвеллиант. Если уж говорить начистоту, то ее возможности уступают моим.

Вивиана глубоко вдохнула густой, сытный воздух, сдобренный ароматами леса.

— Ты говоришь, что можешь вправду — действительно, на самом деле — творить магию при помощи всего этого хлама? Не верю!

Мерлин улыбнулся. Один зуб у него был сломан, а несколько других потемнели.

— Вовсе нет, ненаглядная леди. Мои силы заключены во мне. Я знаю, тебе хочется, чтобы мои зубы были в порядке. Смотри.

Он провел рукой перед ртом и снова улыбнулся. На темном лице сверкнули белые, почти безукоризненные зубы.

— Видишь ли, моя леди, у меня два комплекта зубов. Не два комплекта вставных, как ты могла бы подумать, а два комплекта настоящих. Это — мои собственные зубы. И я могу показывать любые из них, какие пожелаю. У меня и другие части тела в двух, а то и в трех комплектах. Я не могу показать их тебе, потому что они внутри меня, но с их помощью я имею огромные возможности. Все это... — Он взмахом руки указал на книги, на странные научные инструменты и даже на свисающее с потолка чучело крокодила. — Это всего лишь декорации.

Постучав себе по лбу длинным пальцем, Мирддин добавил:

— Магия здесь. И всегда была. Ты хочешь увидеть меня в другом облике? Или желаешь изменить свой ненадолго? У нас есть немного времени. Гвеллиант предупредит меня, если Артур придет.

— Я... я... мечтаю побыть птицей. Голубем. Ты это можешь?

Вивиана не стала другой — во всяком случае, по ее ощущениям, — но уютная комната вдруг раздалась до размеров театра, а кресло с искусной резьбой, на котором она сидела, сделалось больше обеденного стола, что стоял у нее дома.

«Ты голубь, ненаглядная моя».

Голос, прозвучавший в сознании Вивианы, принадлежал небольшой, крепко сбитой коричневой птице, сидевшей на другом конце огромной комнаты. Вивиана просто знала это. Она не думала о том, откуда такая уверенность, или о том, каким образом она превратилась в птицу. Она была... она забыла слово. Однако же она могла летать — могла и хотела. Расправив белые крылья, Вивиана выпорхнула в дверь.

Коричневая птица понеслась за ней с куда более высокой скоростью. «Я — Мерлин. Я не причиню тебе вреда и буду охранять, если тебе встретится другой, подобный мне».

«Не причиню вреда, — подумала Вивиана. — Не причиню вреда». Она взлетела на дерево, оставив грудку сучьев позади. Перепрыгнув на другой сук, Вивиана чуть не упала. Едва переведя дух, она снова устремилась ввысь.

Хотя солнце уже висело надо горизонтом, небо по-прежнему было просторным и синим. Вивиана летела ввысь и на ходу училась полету.

«Там орлы. Там много ястребов. Лучше спрятаться среди деревьев», — слышался голос коричневой птицы.

Небо начало темнеть. Когда к Вивиане бросилась сова, коричневая птица, растопырив когти, с пронзительным криком кинулась сове наперерез. Та резко свернула. «Ниже. Следуй за мной».

Вивиана неохотно повиновалась.

«Ниже! На землю!»

Коричневая птица исчезла.

«Спускайся или умрешь!»

Вивиана приземлилась, и оказалось, что она — она, Вивиана, в своих ботинках, джинсах и джинсовой рубашке, — сидит среди дремучего леса, припав к земле.

Когда девушка встала, невысокий человек с длинной седой бородой положил руку ей на плечо.

— Артур еще не пришел, но нам следует вернуться в хижину до его появления.

Вивиана кивнула; они зашагали бок о бок, и ее рука отыскала его руку.

— Это было чудесно, — прошептала она. — Не так, как я ожидала, но не менее чудесно. Спасибо тебе.

— Ты можешь снова сделаться голубем, — сообщил ей Мирддин. — Будь осторожна. Земля или текущая вода заставят тебя снова осознать себя, как сейчас, и ты снова станешь собою. Я понятно объяснил?

— Пожалуй, да, — пробормотала Вивиана так тихо, что ей пришлось повторить свои слова.

— Если ты осознаешь себя, когда будешь в небе, то превратишься в девушку, а падать оттуда высоко. Будь осторожна.

— И летай пониже,— добавила Вивиана.— Угу.

— Будет чудесно,— начал Мирддин,— когда мы наконец-то сможем быть вместе. Я буду старше, но с тобою я снова начну молодеть.

Вивиана кивнула.

— Я слышала об этом.

— Я провел годы в ожидании и трудах.— Он крепче сжал ее ладонь.— Я буду с радостью трудиться и ждать, зная о нашем будущем.

У хижины из сучьев, возведенной птицами, их ждала маленькая женщина с прозрачными крыльями.

— Привет! — воскликнула она.

— Здравствуй, Гвеллиант,— сказала Вивиана.— Ты не против, если я буду называть тебя настоящим именем? Оно мне нравится больше.

— Хочешь — зови,— отозвалась маленькая женщина.— Но у нас нет настоящих имен. Только ненастоящие, как Вивьен и Гвеллиант.

— Нет настоящих имен?

Маленькая женщина покачала головой.

— Они нам не нужны. Видишь ли, нас осталось немного.

— Когда вы принесли книги и ту круглую штуку с кучей стрелок, мне показалось, что вас очень даже много.

— Нет.— Прозрачные крылья, и без того уже поникшие, окончательно обвисли.— Это были все. Весь наш народ, и ты видела каждого по три-четыре раза. Мы приносили какую-нибудь вещь и отправлялись за другой, и могли искать ее по нескольку дней. А когда находили, возвращались в то же время, когда приносили первую вещь, и несли следующую. Нас очень мало.

Вивиана кивнула собственным мыслям.

— Каждый раз, когда какой-то ребенок говорит: «Я не верю в фей», — умирает фея. Я где-то об этом читала.

— На самом деле, Вивиана, мы не феи. Мы... нет, сейчас не время. Сейчас мы здесь, и вы должны действовать, чтобы помочь нам.

— Я начинаю уставать от этого. Сильно уставать. Это будет последний раз? А потом мы с Мерлином будем вместе долгие годы?

— Еще два раза, но каждый по пять минут, если ты за это возьмешься. Встань вот сюда.

Это был ведьмин круг.

— Вокруг тебя будет озеро, но ты не промокнешь. Вскоре Артур бросит свой меч в озеро. Тебе нужно поймать его, не порезавшись, поэтому...

Тут мимо Вивианы проплыла рыба, и остальное она не расслышала. Подняв голову, Вивиана увидела мерцание волн. Водную гладь рассек брошенный кем-то длинный тяжелый предмет.

Это был меч. Вивиана и представить себе не могла, что мечи бывают такими огромными. Он погрузился в глубину рядом с Вивианой, и она схватила его за рукоять, намочив ладонь.

— Отлично,— прозвучал в ушах Вивианы голос маленькой женщины.— Не носи его обратно. Он стальной, он исказит поле. Пошарь ногой. Там ножны.

Вивиана нашла ножны.

— Какие красивые! Ты меня слышишь? Они потрясающие, и все в драгоценных камнях.

— Их сделали мы.— Слова Вивьен показались девочке более отдаленными.— Спасибо за похвалу. Пожалуйста, вылей из них воду, прежде чем вкладывать туда меч.

«Воду и грязь»,— подумала Вивиана, но вода, хлынувшая из ножен, сверкала и искрилась потоком крохотных алмазов. Когда последний из них исчез, девочка убрала меч в ножны.

— И еще одно, Вивиана, пожалуйста. Всего одно дело, дорогая подруга, и все твои задачи будут выполнены. Ты спасешь нас — и себя тоже. Себя, свою семью и все, что тебе дорого. Сосчитай до пяти и подними меч над водой. Пусть Артур возьмет его. На этом все.

Когда меч исчез, а с ним и озеро, Вивиана вышла из ведьминога круга. Вдали, прямо у нее на глазах, поднимались каменные стены, все выше и выше. Цветы расцветали у нее под ногами. Неподдалеку журчал фонтан. Когда Вивиана подо-

шла ближе, за фонтаном выросла большая белая башня, вознесшая гордую главу над верхушками всех деревьев. Мгновение спустя вокруг башни закружили вороны — нет, эти черные птицы были слишком крупными для ворон.

Вивиана нашла его у фонтана; он сидел на мраморной скамье и смотрел на воду слезящимися глазами.

— Ты все так же молода, — раздался старческий надтреснутый голос, — а я стар. Артур спит. «*Nic Iacet Sepultus Inclitus Rex Arturius in Insula Avalonia*».* Я же не смею уснуть, ненаглядная моя Вивиана. Пока что не смею. — Он хлопнул по скамье. — Присядь рядом со мной.

Вивиана села, стараясь держаться не слишком чопорно.

— Тебе не захочется целоваться со мной, — произнес старик.

— Ты ошибаешься, — прошептала Вивиана.

Но он явно не понял ее.

— Не бойся. Не бойся, милая, тебе не придется этого терпеть. Ни моих поцелуев, ни моих речей, если ты этого не захочешь. Ты не обязана слушать, но я должен говорить.

Вивиана кивнула.

— Из твоих уст я буду слушать все, Мерлин.

— Круглый стол раскололся. Артур возлежит со своей королевой, а его меньшие рыцари воюют между собой. Вскоре Камелот падет под напором язычников. Все пропало. — Старик вздохнул. — Кроме мечты. Мечта живет в надеждах пахарей и в историях, которые рассказывают у очага. Ей нельзя позволить умереть. Люди повсюду должны знать, что некогда существовало время правосудия, когда храбрецы преклоняли колено перед Богом, выступали против темного и злого мира и совершали правые поступки ради справедливости, рискуя при этом жизнью и владениями.

— Я знаю такого человека, — заметила Вивиана.

— Ты счастливица. — Трясущаяся рука старика отыскала ее ладонь и сжала. — Я должен ждать и смотреть, касаясь многих, хотя меня коснуться нельзя. Я должен следить, что-

* «Здесь покоится достославный король Артур на острове Авалоне». (Прим. перев.)

бы огонь продолжал гореть, каким бы слабым и каким бы дымным он ни был.

Старик умолк, затем продолжил:

— Ты не должна оставаться со мной, о Владычица Озера. Ты не обязана этого делать, и я не стану тебя принуждать. Но я буду рад... я... хочу, милая леди... мне хотелось бы...

— Я исполню твое желание,— вмешалась Вивиана.— Я останусь.

Когда все закончилось, когда быстротечные годы взаимного счастья в конце концов утекли, маленькая женщина с прозрачными крыльями провела Вивиану обратно к роднику, в который девушка когда-то окунала бандану.

— Ты помогла спасти нас,— сказала маленькая женщина.— Мы всегда будем благодарны тебе.

Вивиана рассеянно кивнула.

— Как тебя зовут? Я уверена, что знала твое имя.

— Да, знала. Оно такое же, как у тебя. Я Вивьен.

— Да, точно.

— А помнишь, я тебе объяснила, что нас мало? Ты тогда ответила, что каждый раз, когда какой-нибудь ребенок говорит: «Я не верю в фей»,— умирает фея.

— Это мои слова? — Вивиана улыбнулась.

— Да. И в некотором смысле так и есть.— Вивьен уселась на камень у озера.— Мы — твое будущее, Вивиана, так же, как и будущее бриттов Артура, и всей семьи Мирддина — его потомков, потомков его брата и его сестры. Если бы во времена Артура люди перестали верить в прекрасное и претворять его в жизнь — мы бы сгинули. Мы бы становились все менее правдоподобными и в итоге угасли бы. Если люди твоего времени когда-либо разубедятся в нашем существовании — случится то же самое.

— Я подумаю над этим,— пообещала Вивиана.— А почему вы такие маленькие, и почему у вас крылья?

— Когда-то нас было больше,— продолжила Вивьен. Ее прозрачные крылья радостно приподнялись.— Настолько, что мы заполонили землю. Мы не хотели смерти растений и животных ради того, чтобы нам было просторнее, потому ста-

ли уменьшаться. Когда мы наконец сделались такого роста, как сейчас, мы поняли, что могли бы летать, если бы у нас были крылья. И обзавелись ими. Вот, видишь?

— Конечно. Летать — это так чудесно, правда?

Вивьен кивнула и поднялась в воздух; прозрачные крылья превратились в размытое пятно.

— Я парила однажды. Он превратил меня в белого голубя.— Вивиана глянула в озерцо на отражение своего морщинистого лица.— Наверное, сейчас из меня получился бы серый голубь.

Ответа не последовало. Маленькая Вивьен с прозрачными крылышками исчезла.

Вивиана вздохнула, еще раз изучила свое отражение и устремила взгляд на тонкие синие вены на тыльной стороне руки. Она заговорила сама с собой — иногда за ней такое водилось:

— Пожалуй, мне лет шестьдесят. Или больше... Годы не должны были оставить на мне отпечаток, но вот же, однако... я чувствую...

— Прекрасно выглядишь, золотце.

— Никогда!

— Кто ж еще? Надеюсь, ты не имела в виду, что никогда больше не желаешь меня видеть? От меня так просто не избавиться.

Вивиана пристально посмотрела на птицу, потом кивнула.

— «И сидит, сидит с тех пор там, над дверью, черный Ворон, с бюста бледного Паллады не исчезнет никуда». Да, мы это читали в школе.

Никогда качнул головой.

— Мило, правда?

— Не рассматривала в таком ключе, но, пожалуй, да. То, чего я не понимала, та часть, которой я не понимала вообще,— это не тот ворон. Это ты, Никогда. Ты — волшебное животное. Я отправила его домой, к матери, я отвела его...

Вивиана заплакала.

Никогда терпеливо дождался, пока она вытрет глаза.

— Ты вернула его. И правильно, золотце. Ты знала, что так нужно, и ты это сделала. Тут не о чем плакать.

— Он ушел, и эта маленькая женщина — тоже. Значит, никаких волшебных животных больше не будет. Никаких, и тебя тоже.

— Я пришел кое-чему тебя научить. — Никогда склонил голову набок и уставился на Вивиану блестящим глазом. — Только не задаром. Как насчет твоих красивых часов?

— Этих? — Вивиана взглянула на розовые наручные часы. Двадцать семь минут первого. — Они стоят. Они уже много лет стоят. Сама не знаю, зачем я их сегодня надела.

— Неважно, — отмахнулся Никогда. — Я их хочу.

— Так бери. — Вивиана сняла часы и протянула ворону. — Ты ответишь на мои вопросы? В уплату за них?

— Непременно, золотце. — Никогда ухватил ремешок часов клювом, отступил немного и перехватил их лапой. — Как только положу их в банк. Это недалеко, я мигом.

Вивиана покачала головой.

— Мне неуютно здесь. Почему — сама не понимаю. Я знаю, что вернулась в свое время. Фея — в смысле, эта маленькая женщина с крылышками — так сказала. И все равно мне некомфортно, быть может, потому, что до нынешнего дня я была так счастлива.

Она огляделась, пытаясь припомнить, с какой стороны пришла сюда давным-давно.

— Тебе туда, золотце, — указал крылом Никогда. — Иди в ту сторону и быстро выберешься из лесу. За меня не беспокойся, я тебя нагоню.

Когда ворон исчез, Вивиана направилась в ту сторону, куда показала птица. Вивиана стара, а пенсии ей не дадут, и социальные службы помогать не станут. И что, ей придется голодать? Подумав, Вивиана решила, что это неважно. Ее жизнь окончена, и ей лучше умереть. Может, с миром теперь все в порядке, как сказала маленькая женщина, но сама Вивиана не подходила для этого мира и ощущала это. Как счастливы они были когда-то...

— Итак, золотце. — Никогда спикировал мимо Вивианы и тяжело опустился на ветку неподалеку от нее. — У тебя есть вопросы? У меня есть ответы. Не на все, но таково большинство ответов. Что ты хочешь выяснить?

— Эх, надо было подумать над вопросами, пока ты летал.— Осознав свою непредусмотрительность, Вивиана почувствовала себя глупой и беспомощной.— А я вместо этого витала в облаках. Чем бы ты поинтересовался, если был бы на моем месте?

Никогда почесал голову, балансируя на одной лапе.

— Ты говорила, что не поняла насчет волшебных животных. Может, тебе стоит уточнить?

— Хорошо.— Вивиана склонила голову и на мгновение задумалась.— Маленькая женщина, которую я считала феей, исчезла. Мерлин — великий и могущественный волшебник; когда я видела его в последний раз, он был маленьким мальчиком; в любом случае, и он ушел. А вот ты... ты понимаешь. Почему?

— Мне случалось получать более ясные вопросы, золотце. Потому я выскажусь на свой лад, а потом отвечу. Ты говоришь, что из нас двоих один — волшебное животное. Как такое может быть? Верно?

— Да,— согласилась Вивиана.

— В таком случае это ты, только и всего. Волшебное животное, золотце,— это ты. Не я. Ты можешь перевоплотиться в птицу. Ты думаешь, я могу превратиться в девочку? Нет, не могу. Я не могу развести огонь или открыть дверь. Мне очень нравятся всякие блестящие штучки, как и тебе. Только вот делать их я не умею. Мне приходится находить их, или красть, или выторговывать, что я и делаю. А эта твоя одежда? Мне нравятся пуговицы, но я не могу их застегивать. И расстегивать тоже.

— Что-то я не пойму, к чему ты клонишь.

— А ты попробуй. Это нетрудно. Люди — волшебные животные. Единственные настоящие волшебные животные. Спроси у своей лошади или любой встречной собаки. У тебя есть кошка?

Вивиана кивнула.

— Кошки ловят птиц, и мы ничего толком не можем с этим поделать — только улететь. Предположим, они попытались бы вместо этого ловить вас. Как думаешь, долго бы они протянули?

Вивиана задумалась.

— Ты считаешь, что я могу быть птицей? Но я не могу. Это Мерлин превратил нас обоих в птиц.

— Он придал тебе этот облик, золотце.

— А я о чем говорю?

— Ты тоже можешь его использовать, если очень захочешь. Если волшебник хоть раз придал кому-то какой-то облик, облик начинает принадлежать этому человеку. Улавливаешь? Как если бы он передал тебе те штуки, которые у тебя на ногах. Как только он отдал их тебе — они твои. Ты можешь их носить, а можешь снять.

— Ты имеешь в виду, что я могу снова стать птицей, если пожелаю?

— Именно.

— Это... раньше это был затягивающий лес. Так говорила Ромашка. — Вивиана умолкла, чувствуя неприязнь со стороны леса. — Он больше не притягивает — по крайней мере, меня. Будь я птицей, я могла бы выбраться отсюда быстрее.

— Конечно.

— Тогда я хочу быть птицей. Почему же я не птица?

— Возможно, потому, что ты чересчур рассудительна, золотце. — Никогда некоторое время изучающе взирал на нее, потом заговорил снова. — Тебе нужен тот, кто знает все ходы-выходы. Очень нужен. Я тебе помогу, только придется слушаться меня во всем.

— Я согласна.

— Отлично. Держись меня. Я не собираюсь за тобой гоняться. Постоянно лети подо мной. Не забирайся высоко, даже на мой уровень. Не станешь этого делать, золотце?

— Я буду вести себя так, как ты говоришь.

— Не собираюсь тебе ничего говорить, кроме того, что уже сказал. Подними голову и посмотри на небо. Угу, хорошо. Теперь закрой глаза, но продолжай смотреть на небо. Расправь крылья... А теперь вперед!

Вивиана ринулась вперед и раскрыла глаза, уже очутившись в воздухе. Черная птица пролетела между деревьями и поднялась над кронами. Вивиана последовала за ней.

Вон гора, окруженная лесом. Вон тропа — желтовато-коричневая нить, петляющая среди холмов. А вон...

У дороги кто-то лежал, не то мертвый, не то без сознания. Черная птица тоже это увидела и метнулась вперед, снижаясь с каждым ударом крыльев. Вивиана последовала за ней, зная, что так правильно, хоть и не могла вспомнить почему. Вон тропу пересекает серебристая нить — видимо, ручей. Черная птица уже была над ним и опускалась все ниже и ниже. А она...

Она стала бескрылой девочкой, падающей с неба.

У Вивианы ныло все тело. Оказалось, что шумит не только кровь у нее в ушах. Покрытая синяками и ссадинами, она уселась и увидела машину матери; машина мчалась по тропе, волоча за собой шлейф пыли. Голос у Вивианы пропал, но вокруг шеи была повязана влажная красная бандана. Девочка сорвала ее и замахала.

— Вив, ты как? — Мать склонилась над Вивианой; голос ее дрожал от беспокойства за своего ребенка. — Ромашка вернулась домой без тебя, и я заволновалась.

— Н-не знаю... — Вивиана откашлялась и сплюнула. — Я... ма, ты меня узнаешь?

— Конечно, я тебя узнаю!

— У меня нет пудреницы. Дай, пожалуйста, твою.

— Вив, у тебя лицо исцарапано. — Никогда еще мать не говорила с такой озабоченностью. — Я бы не...

Вивиана снова сплюнула.

— Ма, мне не нужна твоя косметика. Я хочу просто на себя посмотреть.

Из зеркальца, покрытого прилипшими частичками пудры, на Вивиану взглянула четырнадцатилетняя девочка с разбитым лицом.

Захлопнув пудреницу, Вивиана вернула ее матери и кое-как поднялась на ноги.

— Ма, у меня к тебе странный вопрос. Ответишь, ладно? Хотя он и необычный.

— Хорошо. На какой угодно.

Вивиана подняла правую руку.

- На мне есть розовые часы, которые мне подарил папа?
- Они, наверное, слетели, когда ты падала,— произнесла мама.— Мы можем поискать их потом.
- Не беспокойся,— сказала Вивиана.— Они мне никогда особо не нравились.

Но мать уже прочесывала все вокруг.

— Вот твой швейцарский складной нож! — Она победно помахала им.

— Думаю, у меня недостает четвертака. Только не начинай искать и его.

Вивиана принялась оглядывать деревья на краю леса. Потом она взяла блестящий красный ножик и бросила черной птице, восседающей на ветке.

— Пока! — крикнула она.— Спасибо тебе!

На третий день нового школьного года Вивиана сидела с Джоан в школьной столовой. Вивиана повернула голову и неожиданно замерла.

Джоан попыталась понять, куда смотрит ее подруга.

— Что случилось, Вив?

Вивиана положила вилку.

— Парнишка. Тот, маленький.

— Вон тот? Это Джо...

— Неважно.— Вивиана жестом остановила ее.— Совершенно неважно, как ты его зовешь. Я знаю его настоящее имя.

Она вскочила и замахала руками.

— Мерлин! Сюда! Это я, Вивиана!

Темноволосый стройный мальчик резко развернулся, и глаза его вспыхнули надеждой.

Орсон Скотт Кард

ОТЕЦ КАМНЯ

Орсон Скотт Кард начал публиковаться в 1977 году, а в 1978 году получил премию Джона В. Кэмпбелла как лучший новый автор года. В 1986 году его знаменитый роман «*Ender's Game*» («Игра Эндера»), одно из самых известных и широко разошедшихся фантастических произведений восьмидесятых, получил сразу и премию «Хьюго», и премию «Небьюла». А в следующем году его роман «*Speaker for the Dead*» («Голос тех, кого нет»), продолжение «Игры Эндера», получил те же награды — единственный случай в истории научной фантастики, когда и книга, и ее продолжение завоевывали обе эти премии два года подряд. В 1987 году Кард удостоился Всемирной премии фэнтези за рассказ «*Hatrack River*», открывающий цикл о Мастере Элвине, а в 1988 году — премии «Хьюго» за повесть «*Eye for Eye*» («Око за око»). В число его многочисленных романов входят «*Ender's Shadow*» («Тень Эндера»), «*Shadow of the Hegemon*» («Тень Гегемона»), «*Shadow Puppet*» («Театр теней»), «*Xenocide*» («Ксеноцид»).

Кард со своей семьей проживает в Гринсборо, штат Северная Каролина.

Действие вошедшей в наш сборник повести, от которой невозможно оторваться, происходит в том же фантастическом мире, что и в цикле «*Mithermages*»; первый роман цикла вышел в начале 2008 года. Главный герой — мальчик, который родился и вырос в нищете, а поэтому может полагаться лишь на свой ум и способности для выживания в этом безразличном, а то и враждебном мире. В конце концов он использует свои способности таким образом, что меняет не только собственную жизнь, но и жизни всех, кто его окружает...

При рождении Ручейка нарекли водяным именем, хотя в их роду никогда не было водяного мага.

В прошлом такие имена давали только младенцам, которые предназначались в жертву Йеггату — богу воды. Позже так стали называть тех, кому была уготована участь жрецов Йеггата. А еще позже — детей в семьях, претендующих на происхождение от водяных магов.

Но со временем в деревне Фарзибек водяные имена стали даваться просто потому, что матери нравился ближайший ручей, или потому, что у отца был друг с таким именем. Недалеко находился Митерхоум — великий город водяных магов, — поэтому было неудивительно, что водяные имена популярнее прочих даже среди невежественных крестьян.

Ручейка от рождения ожидала участь невежественнейшего из невежественных, так как он был девятым сыном крестьянки, а вообще пятнадцатым ребенком. Его мать охотно зачинала детей и носила их так, словно ее лоно было руслом, а каждый ребенок — весенним потоком. У нее были широкие, мощные бедра женщины, чье тело приспособилось к постоянным беременностям, однако ее веселая улыбка и терпеливый характер привлекали к ней мужчин сильнее, чем этого хотелось бы ее мужу.

Ручеек, на свое несчастье, уродился не похожим ни на отца, ни на мать — возможно, поэтому его отец терзался нехорошими подозрениями насчет того, чей же это сын на самом деле. Как иначе можно объяснить, что отец подчеркнуто его игнорировал — за исключением моментов, когда задавал Ручейку трепку или бранил его, сетуя на ошибку бытия — упорное существование нелюбимого сына.

Ручеек не имел особого таланта ни к чему, но и неумехой он не был. Он научился работам, нужным в крестьянской деревне, что стоит в суровых горах, так же быстро, как и его ровесники, но не быстрее. Он играл в детские игры с той же живостью и наслаждением, что и любой другой ребенок. Он был настолько обыкновенным, что его никто не замечал, кроме его же братьев и сестер, которые вольно или невольно переняли от отца отвращение к Ручейку. И тому приходилось сражаться чуть больше, чем прочим, чтобы сохранить свое ме-

сто в очереди, когда семейство выстраивалось за едой из кастрюли, которую мать держала на медленном огне.

Мать любила его, можно сказать, достаточно — она любила всех своих детей, — но она путала, кого из них как зовут, к тому же не слишком хорошо умела считать и не могла провести учет и обнаружить, если одного-двух не хватало.

Ручеек принимал это все как должное — он не знал ничего иного. Он выскакивал за дверь каждый день, подаренный ему миром, и возвращался домой, весь пропотевший от работы или игр, занявших этот день.

Единственной особенностью Ручейка, если можно так выразиться, было его умение бесстрашно лазить по камням. В округе не было недостатка в скалах и утесах. Дети росли, зная все травянистые тропинки и ступени, что позволяли им взбираться куда угодно без особых усилий и опасностей.

Но Ручеек терпеть не мог пологих, кружных путей, и, когда дети отправлялись на утес, возвышающийся над долиной, чтобы поиграть в царя горы или просто понаблюдать, Ручеек поднимался прямо по скале, цепляясь за складки, трещины и выступы в камне. Он всегда их находил, так или иначе, — хотя какой был в этом смысл, ведь он редко добирался до вершины раньше всех?

Старшие братья и сестры обзывали его придурком и предупреждали, что не станут подбирать то, что от него останется, когда он грохнется. «Так и будешь там валяться, на поживу стервятникам и крысам». Но поскольку Ручеек так и не падал со скал, им не представлялось возможности выместить злобу на его бездыханном теле.

Так могло продолжаться вечно.

Когда Ручейку исполнилось двенадцать — или около того, его годы никто не считал, — он начал тянуться вверх, а лицо его приняло те очертания, с которыми ему предстояло пройти по жизни. Правда, сам Ручеек себя никогда не видел — в их горном краю никакая вода не замирала ни на миг, и невозможно было разглядеть в ней свое отражение; в любом случае, его это и не волновало.

Потом произошли две вещи.

Ручеек начал обращать внимание на деревенских девушек, и до него дошло, что они его не замечают, хотя провожают взглядами всех прочих ребят его роста. Они никогда не заигрывали с Ручейком и не поддразнивали его. Он для них просто не существовал.

А отец стал обращаться с ним еще грубее и безжалостнее. Возможно, он решил, что наконец-то понял, кто является настоящим отцом Ручейка. Или, быть может, осознал, что обычными затрещинами Ручейка уже не пронять и требуются более серьезные усилия, чтобы объяснить, какое он презренное существо. Но, каковы бы ни были его мотивы, Ручеек продолжал сносить побои, хотя теперь они неизменно заканчивались синяками, а иногда даже кровью.

Он мог перенести пренебрежение со стороны деревенских девушек — многие мужчины находили себе жен в другой деревне. Он мог перенести боль от отцовского рукоприкладства.

Но он не мог перенести, не мог понять того, что братья и сестры стали его избегать. Видимо, постоянно направленный на Ручейка отцовский гнев сделал его в глазах родни кем-то, отличным от них, кем-то, кого следует стыдиться. Ручеек полагал, что отец всегда справедлив, а значит, это он чем-то заслужил дурное обращение. Другие дети его не били — это было бы слишком, — но перестали принимать в свой круг. В играх Ручеек сделался постоянным объектом насмешек.

Однажды ранней весной, когда было еще холодно и в тени северных склонов лежал снег, детям взбрело в голову пробежать по самым крутым скалам, на которые они только могли взобраться. Ручеек начал подниматься один, отдельно, понимая, что над ним снова подшутили и что когда он доберется до вершины, то окажется в одиночестве, а все прочие будут уже в другом месте.

И тем не менее он продолжал лезть, решив, что в любом случае слишком взрослый для таких игр. Теперь ему следует проводить время, как мальчишки постарше: слоняться у ручья или там же бороться друг с другом, поджидая, пока девушки придут за водой, а потом глазеть на них и подшучивать, пытаясь вызвать ответные улыбки или хотя бы, в случае неудачи, пренебрежительные насмешки.

Но если он попытается, а девушки так и не обратят на него внимания, ему будет обидно и досадно. Кроме того, ни одна из деревенских девушек не казалась Ручейку привлекательной. Ему было все равно, замечают они его или нет. И ему было безразлично, что когда он поднялся на вершину скалы, то там никого, кроме него, не оказалось.

Внизу, под его ногами, раскинулся мир. Со всех сторон Ручейка окружали горы, но их долина располагалась настолько высоко, что скала, на которой он стоял, была всего лишь одной из многих и ему открывались широкие просторы.

Он видел перевал через Митеркейм — жители Фарзибек называли прочие горы другими именами, а священное имя использовали только для огромной горной цепи, что выстроилась в длинный ряд, подобно зазубренному боевому мечу — острым обсидиановым зубьям, закрепленным между двумя половинами расщепленной ветви.

Дорогу, проходящую между двумя острыми зубьями этой цепи, называли Ахетовой дорогой, если путник шел на запад, в сторону Ахеттера, и Митеровой дорогой — если направлялся на восток. Путешественники рассказывали, что этот путь приводит к огромной долине, в которой раскинулся Митерхоум — город водяных магов, окруженный со всех сторон священной водой.

Ручеек увидел на перевале повозку, что катилась по травянистой дороге. Она находилась так далеко, что он вообще узнал в ней повозку лишь благодаря ее медленному покачиванию. А может, он смог разглядеть тянущих ее животных — или это было лишь мельтешение в холодном солнечном свете?

«Почему я здесь, когда мог бы быть там?» — подумал Ручеек.

И, более не медля, он спустился с утеса на восточную сторону и пошагал через луга, поля и перелески, даже не пересекая деревню — не говоря уже о посещении родного двора. Он вышел на Митерову дорогу в том самом месте, где начинается последний подъем к Митеркейму, и легко побежал по травянистой дороге.

Лишь достигнув того самого места, на котором он видел повозку, Ручеек остановился и оглянулся на Фарзибек. Он

никогда прежде не бывал здесь и никогда не смотрел на свою деревню из такой дали. Ему потребовалось немало времени, чтобы ее отыскать. От их подворья была видна лишь хижина посреди луга, похожая на коричневую шишку. Где-то через педелью отец начнет рыхлить землю плугом, который будут тянуть сыновья, и тогда зелень исчезнет, а на ее месте появится голая почва. Но в тот момент их ферма ничем не отличалась от бесчисленных лугов и прогалин.

Ручеек понял, что хочет есть, и свернул с дороги в поисках дикого лука и крошекорня. Это была обычная весенняя пища, полезная добавка к остаткам зимних запасов, и путешественники, двигавшиеся по дороге, должны были выбрать большую часть подножного корма, если не весь.

Однако же Ручеек нашел достаточно для утоления голода, и ему стало интересно, в чем же причина: то ли лука и крошекорня росло так много, что путники не успели сорвать все, то ли им стоило таких трудов подняться на перевал и спуститься, что, добравшись до седловины, они уже не думали о еде.

А может, они пренебрегали горьким луком и еще более горьким крошекорнем? Многие ими пренебрегают. Мать по весне добавляла лук и крошекорень в свою стряпню, и хотя Ручеек считал, что они придают еде отменный вкус, некоторые его братья жаловались, что эти добавки все портят и что с них блевать тянет, хотя сами никогда не блевали. Мать сказала, что крошекорень — целебный и что он поможет им сделаться хорошими мечниками, в итоге она добилась того, что сыновья стали есть эту добавку без всяких жалоб. В детстве Ручеек спрашивал, когда же они начнут учиться битве на мечах, тогда братья смеялись в ответ, а спустя время стали есть похлебку с крошекорнем.

Ручеек выкопал пять изрядных клубней крошекорня и дюжину небольших луковиц, старательно обтер их травой, счищая грязь, а затем приспособил под корзинку подол рубашки. Подвязанная рубашка поднялась изрядно выше пояса, так что живот стал мерзнуть от холодного воздуха, хотя и был разгар дня. Но лучше зябнуть, чем голодать, а если идти быстрее, то он согреется к концу дня — и проголодается. Быть может, он почувствует себя дураком, если к вечеру окажется

в таком месте, где будет полно еды. Но лучше уж нести с собой провизию, которая потом не пригодится, чем оказаться без нее в каком-нибудь глухом незнакомом лесу, где он не будет знать, какие ягоды и грибы можно есть без опаски, и потому проведет ночь с пустым животом.

За перевалом перед Ручейком открылся мир, мало отличающийся от того, в котором он жил, только горы были ниже, чем по другую сторону. Ручеек шел и шел по склонам, то вверх, то вниз; к концу дня с вершин гор исчез снег. В конце концов тропа посреди бескрайних лугов превратилась в широкий, ровный, усыпанный гравием путь, проложенный среди холмов человеческими руками; рядом тек ручей, столь глубокий и быстрый, что стал бы рекой, если бы в узкой долине для этого хватило места. Вода клекотала вокруг валунов и с грохотом рушилась с невысоких, но бурных порогов, потому Ручеек держался подальше от края дороги; упасть с камня он никогда не боялся, но эта вода была чуждой ему стихией.

Неудивительно, что великие маги черпают силу в воде. Она могущественна — так, как никогда не будут могущественны горы. Воды может быть немного, но она неизменно полна энергии, в то время как горы всегда словно отдыхают или спят. Что толку быть великаном, если ты никогда не шевелишься, а проворная вода тем временем мчится по твоему телу, высекая ущелья в твоей каменной плоти?

И все же Ручеек любил горы, твердость и шероховатость их костей, поднимающихся из почвы, воды же он опасался. «Глупо бояться того, в честь чего тебе дано имя, — говорил он себе. — Лучше бы меня звали Голышом, Булыжником, Скалой, Утесом — любым словом, относящимся к камню. Может, тогда отец не бил бы меня — кто же посмеет ударить камень?»

Ручеек дошел до места, где дорога сворачивала в сторону от реки и уходила вверх по холму. Тут он услышал грохот, и ему захотелось посмотреть, что там, поэтому он сошел с дороги и стал карабкаться по камням над рекой до тех пор, пока камень не закончился.

Ручеек словно очутился на границе двух миров. Он находился на суровой, высокогорной, каменистой земле Митеркейма. А далеко внизу лежал край мягкой зелени и пологих холмов, окружающих Митерлох — огромное озеро. Насколько было известно Ручейку, Митерлох мог быть тем самым великим морем, где Скраплек Мореход пережил свои приключения, о которых рассказывают зимними вечерами, когда короткие дни оставляют людей в темноте прежде, чем их начинает клонить в сон.

Река срывалась с утеса и падала в туман, приникший к камню, словно робкое облако. За ним раскинулись бескрайние поля, усеянные домами — любой из них, несомненно, был больше хижины, в которой жила семья Ручейка. Да и народу в здешних деревнях было куда больше, чем в нескольких деревянных домишках, составляющих Фарзибек.

Лишь через несколько минут до Ручейка дошло, что каменная гора на правом берегу озера до самой вершины покрыта рядами каменных и деревянных построек, а над верхушками лесной чащи, раскинувшейся между горой и Митерлохом, поднимается высокая каменная стена. Это был город Митерхоум.

Теперь Ручеек видел, где начиналась дорога, по которой он пришел, — она показывалась из-за холма гораздо правее того места, где он стоял; она огибала лес и спускалась к озеру, как будто вообще не собиралась приближаться к городу. Нехорошо. Может, она где-то соединялась с дорогой, выходящей в конце концов к Митерхоуму, а может, и нет. Ручеек рисковать не хотел. Ему нужен город, значит, в город он и пойдет, и чихать на дорогу.

Ручеек перемахнул через край утеса и начал спускаться. Ползти вниз по неизвестной скале всегда труднее, чем подниматься. Ему приходилось искать на ощупь щели и выступы, которых он не знал. Но Ручеек справился успешно. Ему потребовалось гораздо меньше времени на то, чтобы добраться до подножия утеса, чем если бы он шел по дороге.

Возникла сложность: этим путем никто никогда не ходил, потому никакой тропы не было. Это особенно раздражало, учитывая, что от водопада поднимался густой туман, и Руче-

ек перестал различать что-либо буквально в шаге от себя. Но он нашел место, где узкий каменный выступ отходил от утеса, а там, где растет камень, деревья расти не могут, так что некоторое время Ручейку было легче пробираться вперед.

К тому моменту, как камень окончательно скрылся под слоем почвы, воздух успел очиститься, и видимость вернулась. Правда, деревья не оставили Ручейку обзора — очень уж густым был лес вокруг него. Но теперь он мог найти оленью тропу. Ручеек решил не упускать шум реки слева — тогда он точно не собьется с пути.

Но теперь он двигался медленно, и когда вышел к каменной стене, которую разглядел с вершины утеса, солнце уже садилось — по прикидке Ручейка, до земли ему оставалось ладони две.

Теперь он заметил, что стена разрушена. Прежде Ручеек думал, что она поднимается и опускается вместе с изгибами местности, но нет, земля здесь была ровной, а стена либо рухнула, либо ее сломали. Вокруг не было такого количества камней, которое бы соответствовало проемам. Ручеек пришел к выводу, что кто-то увез отсюда огромные обтесанные глыбы, которые некогда были частью стены.

Когда он добрался до конца тропы, на небе уже полыхал закат. Река, вместо того чтобы привести его к горе, на которой расположился город — как казалось с утеса, — привела его к узкому заливу озера. Ручеек видел на другом берегу городские факелы, и вдоль него — каменные мосты, перекинутые через ущелья, по которым вода переливалась из большого озера в меньшее.

Но через реку, у которой очутился Ручеек, моста не было. Он никогда не сталкивался с таким количеством воды и не имел ни малейшего представления о плавании; в его сознании это слово относилось исключительно к тому, что делают рыбы и гуси. Ручьи и речушки вокруг Фарзибека были слишком холодными, слишком быстрыми и слишком мелкими — в них разве что босиком шлепать по летней жаре. Обычно жители деревни, если ручьи были слишком широки и их нельзя было просто перешагнуть, пользовались шестами.

Понимая, что на север ему не пройти, Ручеек двинулся на юг вдоль берега озера и дошел до каменной башни. На самом деле башня не была разрушена, она стояла посреди луга, на котором росла короткая, словно козами подъеденная трава. Широкие каменные ступени, спускавшиеся от башни к озеру, были чисто подметены. Но свет в башне не горел, и Ручеек сначала подумал, не покричать ли ему, не позвать ли тех, кто внутри, но потом ему пришло в голову, что он совсем не знает здешних краев, и, возможно, в этом лесу нет тропинок, поскольку это — запретное место. Ручеек теперь заметил, что эта башня — гигантская копия маленьких алтарей, воздвигнутых в окрестностях Фарзибека у каждого ручья. А чего еще он ожидал? Такие крупные водоемы требовали огромных алтарей — например, каменных башен, подобных этой.

Ручеек понял, что это строение — из цельной глыбы, будто ее высекли из высившейся здесь прежде скалы; она, в отличие от большинства маленьких алтарей, не была сложена из гальки или отдельных камней.

Ручеек шел вдоль берега, пока не добрался до места, где озеро изливалось через нагромождение камней и текло в ущелье с отвесными стенами. Никакой переправы там тоже не было. Неудивительно, что огромные стены, оставшиеся позади, лежали в развалинах. Зачем городу Митерхоуму стены на этом берегу? Такую преграду не одолеть ни одному врагу.

Однако на другом берегу, за стремительным потоком, стояли другие стены, еще выше тех, мимо которых прошел Ручеек, — хотя и в них тоже зияли бреши, и стражей на них видно не было. Когда-то этот город чувствовал нужду в укреплении, невзирая на защищающую водную преграду. Впрочем, это время миновало — иначе стены отремонтировали бы.

Хотя какая разница, насколько проницаемы эти стены за ущельем? Все равно Ручеек не мог его преодолеть. Ему не оставалось ничего другого, кроме как идти вдоль ущелья в надежде, что где-нибудь мост найдется.

Только Ручейку пришла в голову эта мысль, как он заметил место, на котором прежде был мост, некогда перекрывав-

ший расселину. Невзирая на тусклый свет, Ручеек разглядел его обломки. Насколько он мог судить, мост был подoben башне — то есть цельный, не из каменных блоков или бревен. Однако же его каким-то образом сломали, и он рассыпался. Ручейку показалось, что некоторые валуны, через которые мчалась вода, были раньше частью моста.

Смеркалось. И хотя в широкой долине было теплее, чем в горах, но все же холодно, и ночью должно было стать еще холоднее.

В первый раз за весь день Ручеек подумал: «Что я здесь делаю? Зачем я сюда пришел? Как действовать дальше? Сейчас я мог бы быть дома, лежать на соломенном полу хижины, греться о лежащих рядом братьев и сестер, а не торчать тут между двумя реками и озером, в покинутом людьми лесу, неподалеку от разрушенных стен и великого города, до которого я не могу добраться. А даже если я и окажусь в городе — у меня там нет ни друзей, ни родичей. Никто не обязан меня кормить или давать место у очага. Завтра мне следует пройти через лес, подняться на утес и по дороге вернуться домой».

Потом Ручеек представил, как отец его изобьет за то, что он где-то пропадал всю ночь и вернулся уставшим и с пустыми руками. «Какой с тебя толк?» — спросит отец.

«Никакого», — придется ответить ему, и это будет правдой.

История о его бессмысленном путешествии быстро станет байкой, и девушки, которые и так не желают обращать на него внимания, станут его презирать. От его репутации, которой и так нет, вообще ничего не останется.

В итоге Ручеек решил, что страдать от одиночества и холода в этом месте ничуть не хуже, чем в любом другом, и что на следующий день он найдет путь в город.

Ручеек развязал подол рубашки и принялся методично жевать и глотать крошечкорень, время от времени закусывая луком и избавляясь тем самым от горького привкуса. Это была не лучшая еда, в частности, потому, что по дороге он вспомнил и клубни подмокли, но она его насытила. Ручеек подумал было, не придержать ли немного на утро, но потом со-

образил, что к рассвету все сожрут насекомые, да и рубашка ему требовалась, чтобы согреться. Он может день-другой обойтись без еды. Ему не привыкать: долгой зимой старшие дети иногда оставались без еды в пользу младших. А еще иногда, когда ему ну очень не хотелось получать трепку от отца, Ручеек пропускал ужин и, вернувшись совсем уж поздно, не просил еды. А такого брата или сестры, который бы припрятал для него кусочек, у него не было.

Ручеек сделал себе углубление среди холодных, сырых опавших листьев рядом с краем скалы, так, чтобы лечь на камень, и собрал еще листьев, собираясь свернуться клубочком и насыпать их на себя сверху. Основная масса людей, когда им случается заночевать под открытым небом, старается улечься на землю, но с точки зрения Ручейка камень, конечно, может быть холодным, но зато не отсыревает, и после сна на камне Ручеек никогда не вставал таким разбитым и грязным, как после сна на земле.

На небольшой высоте ночь была не слишком холодной. Ручейку было достаточно тепло: он даже сбросил ночью часть листьев, его укрывавших.

Попутру ему было нечего есть, и он почти не слышал птиц сквозь грохот воды в теснине. Но Ручеек хорошо поспал, проснулся бодрым и уже не думал о возвращении. Вместо этого он направился вправо, к югу, огибая подножие скалы. Вода устремлялась все ниже и ниже, так что хотя местность и понижалась, расстояние от края берега до воды лишь увеличилось.

Ручеек подошел к стене, в которой узнал продолжение той, через которую прошел вчера, только эта стена не лежала в развалинах. До Ручейка доносились чьи-то голоса; и хотя стражники были достаточно беспечны и разговаривали, не таясь, уже само их присутствие означало, что впереди нечто, требующее охраны.

В стене не было ни двери, ни бреша, так что окликать стражников не имело никакого смысла. Ручеек двинулся вдоль кромки леса, выискивая ворота.

В конце концов он их нашел, они оказались гигантскими и запертыми на огромные засовы. Ручеек озадачился: засовы

располагались с его стороны, то есть он стоял внутри того, что охраняли — что бы это ни было. В центре ворот находилась маленькая дверца: мужчине пришлось бы пригнуться, проходя в нее. Но она обладала неоценимым достоинством — была открыта.

Ручеек направился к ней. Почти сразу же его ухватили за плечо и бесцеремонно поставили подножку.

— Дурень, ты соображаешь, куда идешь? — негромко произнес кто-то.

Ручеек перевернулся и увидел над собой какого-то мужчину с дротиком в руке. Впрочем, солдатом он не был, потому что никакого другого оружия при нем не имелось, да и одет он был неприятно. Охотник?

— К воротам, хочу пройти через них, — ответил Ручеек.

— Зачем — чтобы тебе перерезали глотку и спустили твою кровь в реку? — сказал охотник.

Его слова сбили Ручейку с толку.

— Кто станет так поступать с обычным путником?

— Никто, — отозвался охотник. — Так поступят с глупым мальчишкой, который шляется по священному лесу и тем самым объявил себя жертвой, вполне достойной с точки зрения тех, кто до сих пор считает, что воде время от времени требуется кровь.

— Откуда же я мог знать, что этот лес — священный? — спросил Ручеек.

— Ты что, не чувствовал присутствия мертвых? Солдаты, павшие здесь от бронзовых мечей вериллиддцев, до сих пор обращаются ко мне — я слышу их шепот, я помню о крови, что сделала эту землю священной. Но животные, за которыми я охочусь, чтобы принести их в жертву, — они не знают, что этот лес священен. Они ходят здесь по своим делам, а я ловлю их силками или пронзаю дротиком.

— Ты собираешься убить меня?

— Мне заказали двух зайцев, так что я найду их и принесу. Если бы мне заказали глупого мальчишку-крестьянина с гор, вот тогда я скрутил бы тебя и оттащил внутрь.

— Я только хотел...

— Ты хотел сделаться очередным бесполезным парнишкой с гор, явившимся сюда в поисках приключений, который будет досаждать горожанам до тех пор, пока не сдастся и не вернется домой, где ему самое место. Здесь тебе места нет.

— Тогда я дома,— с вызовом бросил Ручеек,— потому что дом — это там, где нет для меня места.

Охотник улыбнулся.

— Острый ум. С таким языком и гордым видом тебя, быть может, избыют до смерти прежде, чем ты загнешься от голода.

Гордый вид? Как он может выглядеть гордо, ведь всю ночь он валялся в грязи, на опавших листьях?

— В любом случае, мне хотелось бы провести оставшийся мне краткий срок в Митерхоуме, но все, что я нашел,— лишь сломанные стены, сломанный мост и реку, через которую я не в силах перебраться.

Охотник вздохнул.

— Раз ты решил помучиться, прежде чем вернуться домой... Дальше есть другие ворота. Не приближайся к ним. И к четырем домам, стоящим у них, — тоже. Обойди их и двигайся, держась стен, пока не достигнешь места, где стена обрушилась. Пробрись через брешь, потом — прямо на юг, пока не выйдешь на Ахетову дорогу. Старайся вести себя так, будто ты свернул с дороги ненадолго с целью облегчиться в кустах и вообще шагаешь по ней весь день, а не шатаешься по священному лесу.

— Эта дорога идет в Митерхоум? — поинтересовался Ручеек.

— Дорога никуда не идет, она лежит на месте, — отозвался охотник. — А вот твои ноги придут в Хеттерферри, там ты найдешь — а может, и не найдешь — способ сесть на паром, который привезет тебя в Нижний Митерхоум, не промочив твоих деревенских лохмотьев.

Ручейка одолело любопытство.

— Почему ты мне помогаешь?

— Я тебе не помогаю. Я от тебя избавляюсь.

— Но я проник в священный лес.

— А я в нем живу. Если бы духи покойников возражали против твоего присутствия, они бы хватали тебя костлявыми руками и пугали своим шепотом, а раз они решили этого не делать, то кто я такой, чтобы выразить недовольство твоими действиями?

— Так что же, ты служишь Йеггату, богу воды, и все же сохраняешь мне жизнь?

— Да какой еще бог воды? — добродушно произнес охотник. — Я работаю на жрецов, которые совершают жертвоприношения, угождая невежественным крестьянам, ведь те думают, что бог воды существует. Но всякий, у кого есть хоть капля ума, знает, что водяные маги выполняют свою работу, не молясь какому-то там богу, они обращаются напрямую к самой воде.

— Но... разве это не делает воду богом?

— Это делает воду водой, а магов — магами, — сказал охотник. — А теперь проваливай. И даже не думай просить у меня еды, иначе я тебя продырявлю и отдам жрецам, уж они-то угостят святого Йеггата выпивкой.

При упоминании о выпивке Ручеек почувствовал жажду, но ни о чем не попросил, а вместо этого пошел, а потом и побежал в глубь леса, подальше от стены.

Ручеек двинулся на запад, держась настолько далеко от следующих ворот, чтобы не видеть ни их, ни домов, о которых говорил охотник. Миновав дома и ворота, Ручеек снова приблизился к разрушенной стене и шел вдоль нее, пока не наткнулся на брешь. Затем он направился на юг и отыскивал еще одну брешь — должно быть, ту самую, о которой говорил охотник, хотя разницы между ними особой не было — разве что несколько лишних шагов. Потом Ручеек добрался до угла стены — до места, где она сворачивала на восток, — и там снова обнаружил поддерживаемую в порядке башню со стражниками, глядящими в сторону леса. «Ну и глупость же, — подумал Ручеек. — Стену можно просто обойти, а они все равно охраняют этот кусочек. Неужели ваши враги настолько ленивы, что вы можете оставить большую часть стены в руинах, а они даже не потрудятся пройти через нее?»

Вскоре Ручеек выбрался на дорогу. На ней никого видно не было. Ручеек зашагал на восток вдоль другой реки, бо-

лее мелкой и широкой — казалось, ее можно перейти вброд. И действительно, вскоре Ручеек приблизился к месту, где повозки, тянущиеся с юга, пересекали реку и въезжали на Ахетову дорогу.

Никто его не окликнул, хотя Ручеек, подойдя к повозкам, поймал на себе несколько подозрительных взглядов. Не желая лишних сложностей, Ручеек обогнул повозки и двинулся дальше, чтобы дать понять, что он не собирается ни воровать, ни попрошайничать и вообще его не стоит опасаться. Он просто идет по своим делам.

Вскоре вокруг дороги выросли дома и лавки. Из некоторых пахло едой, и когда Ручеек увидел, что в одну из них люди свободно входят, то решил, что это придорожный трактир, и тоже туда зашел.

Его тут же остановил какой-то дюжий мужчина, спросив:

— Эй, малый, у тебя деньги есть?

Сбитый с толку Ручеек огляделся по сторонам.

— А что такое деньги? — уточнил он.

Здоровяк неприятно рассмеялся и вытолкал Ручейку на улицу.

— Что такое деньги! — кричал он. — Они с каждой весной становятся все тупее и наглее!

Ручеек понял, что раздобыть еду будет труднее, чем он думал. В Фарзибеке перед путешественником открывались двери любого дома, и никто не просил ничего, кроме новостей или любого дара, если путник захочет его сделать. Придорожный трактир потребовал какое-то особое подношение, да еще и такое, о котором Ручеек впервые слышал! Как он мог принести им это «деньги», если он понятия не имеет, где это найти? И как он мог догадаться, что от него это потребуют?

Бред какой-то. Но из того, как смеялись над ним люди, сидевшие в трактире, Ручеек сделал лишь один вывод: здесь все знали, что такое деньги, и знали, чего хочет трактирщик. Видимо, какая-то городская штука, ему надо все о ней выяснить.

Побродив немного по Хеттерферри, Ручеек пришел к пристани на озере — во всяком случае, он решил, что это озеро,

хотя и не такое большое, как Митерлох. Но вскоре по разговорам окружающих Ручеек понял, что это не озеро, а река и называется она Роннирилл. Тремя рукавами она выходит из озера, а потом течет в Ронис, Эбервери и другие незнакомые места со странными названиями. Впрочем, Ручейку с того проку было немного. Для него было важно, что город Митерхоум стоял теперь прямо на виду, не больше чем на расстоянии броска камня, но поток воды, вырывающийся из глубокой расщелины в утесе, являл собою куда более серьезную преграду, чем смехотворные стены.

Ручеек обратился к прохожему и вновь услышал то же самое слово: «деньги».

— Здесь все требуют взамен один и тот же дар?

Прохожий в ответ улыбнулся и вытащил из-за пояса какой-то мешочек. Оттуда он вынул небольшой потемневший бронзовый диск.

— Деньги,— сказал он.— Ты их получаешь за работу, а потом отдаешь за те вещи, которые тебе нужны.

— Экая фитиулька! — изумился Ручеек.

— Совсем как твои мозги,— ответил прохожий и отвернулся.

По крайней мере, теперь Ручеек знал, где взять деньги — надо работать. Это Ручеек умел. Он пошел вдоль пристани и в конце концов наткнулся на толпу людей, переносивших корзины с корабля на большой плот. Какой-то мужчина стоял у корзины и, судя по всему, ждал, когда кто-нибудь из работников подойдет и поможет ему. Потому Ручеек присел, взялся за свободную ручку корзины и скомандовал: «Пошли».

Мужчина посмотрел на него, пожал плечами и взялся за свою ручку. Вместе они отнесли груз на плот, показавшийся Ручейку огромным, размером с его деревню. Ручеек проработал на переноске полчаса, трудясь не хуже взрослого. Но когда с погрузкой было покончено, все работники взошли на плот и отплыли, оставив Ручейку на берегу. Ручейку хотелось крикнуть, что ему надо было лишь переправиться через эту дурацкую реку — что им, жалко, что ли? Но Ручеек понимал: они знали о его желании, но решили воспользоваться его трудом и не заплатить. Ручеек ничего не мог с этим поде-

лять. Его просьбы не заставили бы их передумать, а лишь вызвали бы град насмешек. Кроме того, люди, которым он помогал, сами были наемниками — они не могли вознаградить его и перевезти через реку. Ручеек свалил дурака.

Он успел очень сильно проголодаться к этому времени. И еще ему хотелось пить. Вода в реке выглядела не очень-то чистой, невзирая на то, что вытекала из расщелины неподалеку. Судя по ее виду, город сбрасывал все свои сточные воды в Митерлох, и они плыли по течению. А Ручейку требовалась вода — возместить то, что он потерял с потом.

Дома, если он хотел пить, он опускался на колени у ручья и пил сколько влезет. Вода была чистой повсюду — выше по течению никаких деревень не было. Она и оставалась чистой: это было вопросом веры — не бесчестить Йеггата, загрязняя протекающие мимо потоки. Но им доводилось слышать от путников, что в больших городах вся грязь отправляется прямо в воду, словно бог для них — пустое место. Теперь же, после того, что сказал о боге охотник в священном лесу, Ручеек поверил в подобные истории.

Это означало, что ему, быть может, придется искать воду выше по течению, за городом, то есть снова выйти. Ручейку подумалось, что если он ступит на Ахетову дорогу, то сдастся и зашагает обратно в Фарзибек.

Он пошел прочь от пристани по другой улице и почти сразу же наткнулся на общественный фонтан. Вода лилась из ртов трех каменных рыб в три бассейна, женщины набирали воду в кувшины и ведра и несли в дома и лавки.

Обрадовавшись такой находке, Ручеек опустился на колени рядом с одним из бассейнов и плеснул водой себе в лицо.

Почти сразу же его снова схватили за плечо и снова швырнули наземь, только на этот раз он упал не в грязь и опавшие листья, а на твердый булыжник мостовой. Над ним возвышалась необъятная женщина; рядом с ней на мостовой стоял кувшин.

— Ты что это себе думаешь — совать свои грязные руки прямо в воду?! Еще и грязь с себя смываешь туда же, а мы потом пьем!

— Извините, — пробормотал Ручеек. — Но вы же окунаете туда кувшин. А разве он не стоит сейчас на мостовой и не пачкается?

— Но это мой кувшин! — заявила женщина. — И я его поставила только для того, чтобы вытащить твою грязную голову из фонтана!

— Я не мочил голову в фонтане, — возразил Ручеек.

— Еще чего не хватало! Проваливай отсюда, пока я не позвала стражника!

— Я хочу пить! — произнес Ручеек. — Где еще я могу найти воду?

— В своем городе! — рявкнула женщина. — Или нассы себе в руку и пей!

С этими словами она подхватила кувшин, отряхнула его — напоказ, устроив из этого целое представление, — и опустила в фонтан. Ее огромные ягоды смотрели прямо на Ручейку.

Падение на камни оказалось не менее болезненным, чем отцовские побои. Ручеек знал, что теперь ему надо двигаться осторожно и медленно, пока он не поймет, где болит, и не сообразит, как встать и при этом не травмироваться сильнее.

— Эй, ты в порядке? — окликнула его какая-то молодая женщина.

— Ты имеешь в виду — кроме того, что я голоден, хочу пить, ничего не понимаю и сильно ушибся?

— Ну и задирай нос, если хочешь! — бросила она и понесла свой кувшин к фонтану.

— А что такого? — удивился Ручеек. — Ты спросила, в порядке ли я, и я совершенно честно ответил, что голоден, хочу пить, ничего не понимаю и сильно ушибся. Чистая правда.

— И вид у тебя все такой же гордый, — заметила молодая женщина, едва взглянув на него. — Сразу видно, что ты считаешь себя лучше других.

— Я прекрасно знаю, что ничуть не лучше других, — сказал Ручеек. — А если вид у меня и гордый, то придал мне его Йеггат, а вовсе не я сам.

Ручеек впервые задумался: а может, у него что-то не так с лицом? Может, отец именно из-за этого его ненавидит?

Кувшин девушки уже был полон. Она поставила его в фонтане и, подбоченившись, развернулась лицом к Ручейку. Работы она не боялась, судя по мускулистым рукам и загорелому лицу. Но при этом сама она и ее одежда были чистыми. Ручеек никогда не видел девушку в таком чистом наряде. Должно быть, она его стирала не реже чем раз в неделю.

— Ты что, смеешься надо мной? — обратилась к нему девушка.

— Зачем мне смеяться над тобой? — пожал плечами Ручеек. — Ты была добра ко мне, ты спросила, в порядке ли я, — ты лучшая из всех, кого я пока что встретил здесь.

— Слова твои довольно учтивы, — произнесла девушка, — но лицо, голос и манеры по-прежнему надменны. Бог был недобр к тебе. Такая внешность должна принадлежать лорду или магу — тогда никто не станет возражать против гордого вида.

— В деревне мне об этом не говорили, — отозвался Ручеек. — Должно быть, они привыкли ко мне, потому что видели меня ежедневно, с тех пор как я родился.

— Будто сейчас ты уже не ребенок! — фыркнула девушка, и на губах ее мелькнула легкая улыбка.

— И кто же из нас двоих насмешник? — ответил Ручеек.

— Это другое, — возразила девушка. — Ты и вправду маленький.

— Но что же делать, если я еще молод? Я расту — я уже выше, чем был. И не боюсь никакой работы, выполняю все, что мне поручают. С лицом я ничего поделывать не могу, но могу наклонить голову и скрыть его от взглядов — вот так.

Ручеек низко наклонил голову, прижав подбородок к груди.

— В таком положении много не поработаешь, — вздохнула девушка. — Но просить работу у меня бесполезно, я подобными дарами не распоряжаюсь. Я сама — служанка, хотя и не рабыня, слава богу, время от времени получаю монету-другую, и хозяин не может допускать вольностей в мой адрес, даже если бы и захотел — а он, слава богу, для этого слишком стар.

— Тогда давай я отнесу твой кувшин куда надо, а ты позволишь мне пообщаться с твоим хозяином по поводу работы.

— У нас большое хозяйство, парень, — сообщила девушка. — Тебя никто не пустит к хозяину. Ты сможешь перекинуться парой слов только с Демвуром, управляющим.

— Кем-кем?

— Человеком, который служит моему хозяину, командует его слугами и ведет счета. Как блюститель. Ты что, никогда не слышал слово «управляющий»?

— На всю мою деревню наберется не больше трех слуг, и ни в одном доме нет более одного.

Ручеек вспомнил этих слуг. Все они были стары и принадлежали домам, главы которых некогда ходили на войну и вернулись разбогатевшими. Люди были захвачены как часть военной добычи, что волей богов сделало их рабами. Ныне те, кто взял их в плен, давно уж скончались, а слуги состарились, и никого не волновало, что они не свободны. Ручеек вообще знал об этом лишь потому, что, когда был маленьким, спросил, почему один из этих троих не женат, и ему поведали историю этой троицы.

И вот теперь он сам, по доброй воле, просится в услужение. Только он, подобно этой девушке, собирался стать свободным слугой и... — как там она говорила? — время от времени получать монету-другую.

— Если ты уронишь кувшин, меня за это побьют, хоть я и свободная, — предостерегла девушка. — И платить за то, что ты его донесешь, я не стану — у меня нет лишних денег. И про поцелуи тоже думать забудь, если вдруг у тебя появится такая мысль.

— Что? — переспросил огорошенный Ручеек.

— Если вдруг у тебя появится мысль насчет поцелуев, — повторила девушка. — Ты же считаешь, что уже не ребенок.

— Я не... с чего вдруг у меня должна появиться такая мысль?

Девушка нехорошо прищурилась.

— Ты, никак, и теперь скажешь, что на самом деле не гордый? — поинтересовалась она.

— Я вовсе не имел в виду...

Ручеек, отчаявшись объяснить, что он имел в виду, достал кувшин из воды. Сосуд оказался тяжелым. В Фарзобеке никто не пользовался такими огромными кувшинами — отчасти потому, что до источников везде было недалеко, а также потому, что ни в каком доме не требовалось столько воды. Да и кто бы управился с такой громадиной?

Ручеек прижал кувшин к животу. Девушка критически на него посмотрела.

— Перехвати его спереди пониже... вот так... нет, еще ниже. Возьми его под край. Да, сойдет. Смотри, чтобы он не выскользнул и не грохнулся тебе на ноги.

— Может, мне его поставить на голову? — предложил Ручеек.

— Так можно нести корзину с перьями, но у тебя шея не выдержит, если взгромоздишь на нее такой кувшин. Сначала шее конец придет, потом кувшину.

— Может, мы пойдем, а? — взмолился Ручеек. — Долго я его так не продержу.

Противная тетка, которая толкнула Ручейку, а потом грозила ему, задержалась посплетничать с другими женщинами. Теперь же, увидев Ручейку с кувшином, она крикнула девушке-служанке:

— Эй, Жаворонок! Ты что, не знаешь: лорденыши добиваются, чего им надо, а потом удирают?

— Они удирают только от тебя, Везера! — весело ответила Жаворонок.

— Не понимаю, как, по ее мнению, я должен убежать с такой тяжестью? — пробормотал Ручеек.

Жаворонок расхохоталась.

— Ты, никак, и вправду только-только из деревни!

— А что? Что я такого сказал?

— Нет-нет, ничего. По-моему, это очень мило, что ты ничего такого не думаешь. Ты же и вправду ничего такого не думаешь, да? И даже не потому, что ты еще слишком молод. Теперь ты знаешь, как меня зовут. А как твое имя? Надо же мне его знать, раз уж придется представлять тебя Демтуру.

— Ручеек.

— Это потому, что ты в детстве постоянно писался? — полюбопытствовала Жаворонок. — Или у вас в роду были водяные маги?

— Я себе имя не выбирал. — Ручеек был смущен и несколько рассержен. — И там, где я жил, никто надо мной из-за него не насмехался.

— Вовсе я не смеюсь! — воскликнула Жаворонок. — Просто я никогда... обычно такие имена берут люди, когда идут на службу к Йеггату. Еще так называют своих детей водяные маги.

— В Фарзибеке у половины детей водяные имена, — сообщил Ручеек. — Это значит, что их родители — водяной народ.

— У тебя хорошее имя. Просто в Митерхоуме принято называть детей более древними именами, или торговыми, или в честь какой-нибудь добродетели. Впрочем, я сама не местная — моя семья живет на ферме, к северо-востоку отсюда. Меня называли в честь одной луговой птички — матери всегда нравилось, как та поет. Так что и тебя могли назвать в честь ручья, и ничего зазорного в этом нет. Я просто удивилась.

— Тогда давай договоримся никогда больше не смеяться друг над другом, — предложил Ручеек. — Если какие-то слова будут походить на насмешку, мы с тобой будем знать, что никто из нас не хотел ничего плохого.

— Если Демвур возьмет тебя на работу — что вряд ли — и если мы с тобой будем после этого видеться — что тоже вряд ли, — тогда да, я согласна.

— Спасибо.

— Во всяком случае, не смеяться над твоим лицом, — добавила Жаворонок и улыбнулась, по ее улыбке было ясно, что она и вправду не имела в виду ничего плохого.

«Придется мне прятать лицо, — подумал Ручеек, — и скрывать имя. Лицо кажется людям оскорбительным, имя — нелепым. Подумать только: мне пришлось проделать такой долгий путь, чтобы узнать об этом!»

Некоторое время они шли молча. Потом Ручеек, не удержавшись, спросил:

— А что не так с моим лицом?

— Ничего, — ответила Жаворонок. — Ты не красавец, но и не урод.

— А почему ты сказала, что у меня гордый вид?

— В целом. Из-за выражения.

— А что не так с выражением?

— Не знаю, — раздраженно бросила Жаворонок. — Просто у тебя вид такой — как у статуи.

— А что такое статуя?

— Как бы тебе объяснить... Статую делают из камня, металла или глины. Она изображает человеческое лицо — только оно не шевелится и всегда остается одинаковым.

— Мое лицо шевелится. Я разговариваю, улыбаюсь, смотрю в разные стороны, киваю.

— Сейчас же перестань это делать, а то уронишь кувшин!

— Тебе обязательно нужно было наполнять его до краев?

— Может, отдашь его мне? Я понесу.

Чтоб девчонка несла то, что не может дотащить он?!

— Я сам.

— Хочешь знать, что не так с твоим лицом? Вот прямо сейчас ты злишься на меня — за то, что я налила в кувшин так много воды, и за то, что предложила забрать его у тебя. Но это на твоём лице не отражается. Ты шевелишь губами, смотришь в разные стороны, но никак не проявляешь того, о чем думаешь, поэтому кажется, что ты считаешь себя лучше меня, и я тебе настолько безразлична, что ты вообще никаких эмоций не испытываешь.

— Я вправду злюсь. Если по лицу этого не видно — что я могу сделать?

— Вот сейчас ты тоже злишься — и этого опять же не видно.

Ручеек скорчил страшную гримасу.

— А теперь?

— Теперь ты выглядишь как урод. Но все равно такое впечатление, будто на самом деле ты этого не имеешь в виду.

Узнать о себе такое — да, это поразило Ручейка.

— Почему же мне никто никогда об этом не говорил?

— Может, они думали, что ты очень гордый и терпеть их не можешь, а тогда какой смысл?

— А почему же ты мне все объяснила?

— Потому что я видела, как Везера сшибла тебя наземь, и понятно было, что тебе плохо и ты хочешь пить. Но лицо у тебя было гордое, и я решила, что ты мужественный. Ты же утверждаешь, что вовсе не гордый, и получается, наверное, что не мужественный, так что... нет, мы договаривались не насмехаться... Я тебе верю. Верю, что это от тебя не зависит. Но знаешь, чем тут можно помочь? Не поднимай головы. Тогда у тебя будет смиренный вид. И станет не так заметно, что лицо у тебя неподвижное. Людям уже не будет хотеться дать тебе по шее.

— Тебе хочется дать мне по шее?

— У меня на это два ответа. Нет, потому что ты несешь для меня воду. И нет, потому что не очень-то мне хочется давать тебе по шее, я этого делать и не собиралась, так что, если ты пытаешься выяснить, не получится ли подобраться ко мне поближе...

Ручейку надоели предположения Жаворонка о том, что он питает к ней интерес подобного рода. Поэтому он прибавил шаг и быстро обогнал девушку.

— Эй, помедленнее! Осторожно! — вскричала Жаворонок. — Ты же его уронишь, разобьешь, разольешь!

Вода и вправду расплескивалась, потому Ручеек внял этим возгласам, и девушка снова оказалась рядом.

— Значит, я тебе не нравлюсь, — вздохнула Жаворонок. — Так я и поняла.

— Ты мне очень даже нравишься, — возразил Ручеек. — Ты мне помогла. Я просто не хочу от тебя ничего, кроме возможности получить работу. Мне нужно заработать немного этих самых денег, или монет, или как там вы их называете. И может быть, глоток воды, когда мы дойдем.

— Это будет сейчас, потому что мы уже пришли.

Жаворонок подвела его к дверному проему в большой, высокой каменной стене.

Девушка остановилась у дверей и свистнула; свист ее походил на птичью песню. Она улыбнулась Ручейку и произнесла:

— Жаворонок.

Дверь отворилась, и на мгновение Ручейку почудилось, что произошло это по волшебству. Но нет — за дверью стоял высокий, глуповатого вида мужчина. Он им и открыл. Жаворонок бойко нырнула в проем.

— Впустишь моего парня, ладно? — обратилась она к привратнику.

Ручеек сначала разозлился, но потом понял, что девушка просто шутит. Кроме того, она была его единственной надеждой напиться и получить еду. По крайней мере, она дала ему возможность оказаться в доме. Она могла бы велеть привратнику, чтобы тот забрал кувшин и прогнал Ручейка. И он ничего не смог бы поделать, точно так же, как с теми людьми на грузовом плоту. Егопустили. Это уже хорошо. Так что Ручеек промолчал и просто последовал за Жаворонком во двор.

Девушка привела его к каменному сооружению высотой в полтора человеческих роста, с обеих сторон были пристроены каменные лестницы. Жаворонок жестом велела Ручейку подниматься за ней. Когда он добрался до верха, она уже открыла небольшой люк в крыше этого сооружения.

— Лей сюда.

Ручеек повиновался.

Девушка забрала у него кувшин.

— Теперь я понесу.

— Но он пустой,— заметил Ручеек.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но чаще всего люди разбивают кувшины именно в этот момент. Опустев, он вроде как делается легким, и человек перестает осторожничать. А если кувшин разобьется, неприятности будут не у тебя, а у меня. Поэтому я понесу его сама. И не стой у меня на дороге, Ручеек. Спускайся вниз, или я буду над тобой потешаться.

— Тогда ты станешь клятвопреступницей.

— Я обещала не насмехаться над твоим лицом — а ты как раз будешь ко мне спиной, так что я ничего не нарушу.

— Смейся, если хочешь. Мне все равно.

Ручеек кое-как спустился с лестницы и направился к двери в стене сада. Глуповатый рослый привратник по-прежнему стоял на своем месте.

— Погоди! — окликнула его Жаворонок. — Ты что, правда сердисься?

— Нет. Я просто нуждаюсь в глотке воды, в какой-нибудь еде и в работе, а тут я, видимо, ничего этого не найду.

— Почему — из-за того, что я тебя дразнила?

— Из-за того, что дразнила, хотя пообещала этого не делать, — сказал Ручеек. — Ты не держишь слово.

Жаворонок схватила его за рубашку — а девушкой она была сильной — и посмотрела в лицо.

— Это вовсе не насмешка. Это дружба. У тебя что, никогда не было друга?

Ручеек готов был огрызнуться в ответ, но вдруг понял: а может, и так.

— Насмехаться — это если б я выставляла тебя на посмешище при людях, чье мнение для тебя важно. Этого я делать не стану, потому что дала слово, и еще потому, что я с людьми так не поступаю. Как тебе удалось дожить до своих лет и ничего не узнать о людях? Где ты рос — в пещере?

«Нет. В доме своего отца».

Жаворонок снова потянула его за рубаху, и Ручеек последовал за ней на другую сторону цистерны, в которую только что вылил воду.

Внизу — так низко, что Жаворонку пришлось пригнуться, — обнаружилось отверстие. Девушка сунула под него одну из чаш, взяв ее на столике неподалеку. Она поставила чашу ровно в середину круга, вырезанного в каменном основании, а потом нажала на камень рядом. И тут же полилась струйка воды. Вода текла ровно и споро, и чаша наполнилась куда быстрее, чем ожидал Ручеек.

Жаворонок убрала руку с камня — и процесс тут же остановился. Девушка вручила чашу Ручейку.

Тот ее торжественно принял. Это было дарение воды, потому Ручеек пробормотал благодарственную молитву и протянул чашу обратно Жаворонку.

— Ой, я и забыла, что ты из набожной деревни! — воскликнула девушка. — Слушай, а это не будет значить, что мы поженились или еще чего?

— Это значит, что я признателен тебе за воду.

Ручеек поднес чашу к губам и стал пить, позволяя воде наполнить и очистить рот и лишь после этого проглатывая ее, стараясь не пролить ни капли. Ощущение от утоления жажды было таким сильным, что Ручеек даже не сразу почувствовал вкус.

— У нее вкус как у воды из горного источника, прямо из камня,— сообщил Ручеек.— Вкус чистоты.

— Конечно,— согласилась Жаворонок.— Вода, которую мы наливаем сверху, просачивается через камень, в точности как в горных источниках.

— Я никогда не слышал, что водяные маги нуждаются в камнях для очистки.

— А они и не нуждаются,— произнесла девушка.— Но мой хозяин не позволит им очищать его воду. Он потребовал, и ему разрешили набирать воду из общего фонтана и фильтровать самостоятельно, чтобы водяные маги ее не касались.

— Почему? — удивился Ручеек.

— А, так ты не знаешь? Мой хозяин — Брикель. Каменный маг Митерхоума.

Она произнесла это таким тоном, будто Ручеек обязан был сразу понять, что это означает.

Но Ручеек вспомнил, что в Митерхоуме никаких каменных магов нет, и поведал об этом Жаворонку.

— Верно, в Митерхоуме их нет,— подтвердила девушка.— Но, как видишь, мы в Хеттерферри, и от Нижнего Митерхоума нас отделяет поток. При этом мой хозяин все равно остается каменным магом Митерхоума. Единственным каменным магом, которому позволили жить рядом. Он должен поддерживать стены, мосты и храмы в хорошем состоянии, не позволять камню трескаться и крошиться и исправлять повреждения ото льда и снега после зимы. Даже водяные маги Митерхоума нуждаются в каменных работах, а для этого требуется каменный маг. Без него не обойтись, если в окружении такого количества воды хочешь поддерживать камень в хорошем состоянии.

— Ты служишь магу? — переспросил Ручеек.— Тогда почему ты не гордая?

— Потому, — понизила голос Жаворонок, — что он каменный маг. Водяные маги нуждаются в нем, но с него глаз не сводят, чтобы он не попытался открыть сюда дорогу другим каменным магам. Им необходим один каменный маг, который бы содержал город в порядке, а много каменных магов могут все опрокинуть и взломать священный Митерлох.

— Но зачем?

— Возможно, у них есть на то причина, — пожала плечами Жаворонок. — По крайней мере, люди не становятся мне поперек дороги, потому что знают, что мой хозяин — человек могущественный, его никто не смеет оскорблять. Но никто и не хочет с ним дружить. Так что... у меня тоже как-то особо нет друзей в Хеттерферри.

— Кроме слуг этого дома.

Жаворонок закатила глаза.

— О да, мы тут одна большая счастливая семья.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что я была невежественной крестьянской девушкой, когда только пришла сюда, и не могла найти работу. А господин Брикель не мог отыскать толковых слуг, которые бы хоть чего-то стоили. Я была абсолютно неопытной, но не отлынивала от работы и быстро училась. Я получаю зарплату и кое-что откладываю, а часть отправляю домой, семье. Из этих денег мои братья платят учителю, и он обучает их грамоте. Понимаешь? Я служанка здесь, а там они сами могут нанять прислугу. Если повезет, у моих братьев будет возможность стать писарями или приказчиками.

— А кем сможешь стать ты?

Жаворонок посмотрела на него как на слабоумного.

— Служанкой в доме мага. Ты думаешь, я не понимаю, как мне повезло, что я сюда попала?

У Ручейка на уме был лишь один вопрос: «А повезет ли так же мне?»

Он молча допил воду, внимательно разглядывая Жаворонка, ее лицо, то, как она наклонила голову, наблюдая за ним. Все перемены в ее мыслях тут же находили отражение в мимике. Ручеек осознал, что всегда судил о настроении дру-

гого человека по выражению лица. Ему и в голову не приходило, что его чувства — для всех загадка.

Ручеек подумал о том глуповатом мужчине у дверей. Откуда он узнал, что тот человек не блещет умом? По его вялой физиономии, по бессмысленной улыбке. Если рассуждать только о внушительной фигуре, то можно прийти к выводу, что он охранник. Но, судя по явной нехватке ума, его держат исключительно для того, чтобы он отпирал и запирали дверь, и это — предел его возможностей.

А вдруг он на самом деле не глуп? Что, если у него только вид глупый, а на самом деле он проницательный и умный?

Лицо того человека выставляло его недалеким. Лицо самого Ручейка выставляло его гордым и надменным. Жаворонок казалась дружелюбной, сообразительной и искренней.

— А о чем ты думаешь, когда так на меня смотришь? — поинтересовалась она.

— Мне хотелось бы знать, как сделать выражение моего лица таким же умным и великодушным, как у тебя.

Девушка покраснела.

— Если бы мне сказал такое мужчина, я бы дала ему пощечину, — заметила она.

— Почему? — искренне удивился Ручеек.

— Потому что когда мужчина говорит такое женщине, он от нее что-то хочет.

— Я не хочу, — заверил Ручеек, приподняв полупустую чашу. — Я уже получил все, что хотел.

Тут он почувствовал у себя на плече чью-то руку и мгновенно пригнулся, чтобы не так далеко падать, когда его бросят наземь в очередной раз.

Но ничего подобного не произошло. Жаворонок поприветствовала владельца руки с улыбкой.

— Демвур, — обратилась она к подошедшему мужчине, — я хочу представить вам этого парня. Его зовут Ручеек. Он из горной деревни Фарзибек. Он донес мне полный кувшин, не разлив ни капли. И он не пытается залезть мне под юбку.

— Пока не пытается, — прозвучал спокойный, низкий голос.

Ручеек попробовал повернуться, желая увидеть лицо обладателя этого голоса, но тот его удержал.

— Он не из таких,— улыбнулась Жаворонок.

— Полагаю, он глупец, раз позволил уговорить себя тащить полный кувшин.

В этот момент Ручеек подумал, что Жаворонок, должно быть, отлила часть воды, прежде чем нести кувшин обратно. Он сердито уставился на нее, но сообразил, что со стороны его гнев не виден. Быть может, все его взгляды для людей ничего не значат. Возможно, он всегда выглядит одинаково.

Но Жаворонок ласково улыбнулась Ручейку.

— Тогда я тебя не знала. Кроме того, ты достаточно силен, чтобы нести полный кувшин — ты же его донес!

— А с чего ты взяла, что мы собираемся кого-то нанимать? — поинтересовался Демвур.

— А мы собираемся? — уточнила Жаворонок.

— Нет,— ответил Демвур.

— Тогда хорошо, что я пообещала ему только воду и общение с вами.

Так вот оно, значит, как. Очередной обман. Правда, теперь он напился воды, так что все не так плохо, как в первый раз. Но теперь он устал еще сильнее, и ему по-прежнему надо искать еду и работу.

— Он тебе не нравится? — спросил Демвур.

— Конечно нравится! — воскликнула девушка. — Вы что, думаете, я бы стала приводить сюда человека, который мне противен? А вдруг вы его наймете?

— Меня, собственно, что интересует,— продолжил Демвур,— не собираетесь ли вы двое заделать ребенка за счет лорда Брикеля?

Жаворонок посмотрела на Ручейку и дерзко улыбнулась.

— Я же тебе говорила, что мужчины всегда об этом думают!

— Сэр,— вмешался Ручеек,— я не боюсь никакой работы, быстро учусь и держу свое слово.

— От кого ты сбежал?

— Никто по мне скучать не станет,— отозвался Ручеек.

Демвур крепче сжал его плечо.

— Как имя твоего хозяина?

— У меня нет хозяина, сэр,— ответил Ручеек.— Только отец и мать. Но я девятый сын. И никто по мне переживать не будет.

— Мать не явится сюда рыдать у ворот и жаловаться, что мы украли ее мальчика?

— Никто даже и не заметит, что я исчез, сэр.

«Не считая отца»,— подумал Ручеек. Ему же теперь неко-го бить. Впрочем, обсуждать это смысла не имело. А то Демвур решит, что у отца были основания и что он, Ручеек,— смутьян.

— Почему же ты явился сюда?

— А куда еще податься девятому сыну? — вздохнул Ручеек.

Он наконец-то осознал, что это правда. Никто никогда не объяснял ему этого, что не только гордое лицо, но еще и это было причиной, по которой деревенские девушки даже не смотрели в его сторону. Что у него имелось за душой? Ферма достанется кому-нибудь из его старших братьев. Сестры выйдут замуж. Один из братьев женился на дочери богатого отца и получил собственную ферму в приданое. Следующий ожидает, когда к нему в должный срок перейдет отцовская ферма. Что же достанется младшим? Подсознательно Ручеек всегда понимал, что его ждет.

Интересно, уж не это ли толкнуло его перейти Митеркейм? Должно быть, именно так.

Рука на его плече ослабила хватку.

— Это нелегко — служить магу,— произнес Демвур, когда Ручеек повернулся к нему.

Демвур оказался высоким, смуглым мужчиной — явный южанин; среди путников, проходивших через Фарзибек, такие иногда попадались.

— Так значит, ты ни у кого не состоишь в подмастерьях? — уточнил Демвур.

— У нас в Фарзибекке все — крестьяне,— ответил Ручеек.

— Что, у вас даже кузнеца нет? Или шорника?

— Упряжь делаем сами, когда надо. С камнем и деревом тоже сами работаем. Пьем воду, которую дарует нам Йеггат, а едим то, что по воле Йеггата выросло на нашей земле. Я слышал о подмастерьях, потому что у некоторых путников, проходивших через нашу деревню, они были, но я не могу разобраться, чем они отличаются от рабов.

— Отличие в том,— объяснил Демвур,— что хозяин, приобретая раба, платит. А за подмастерье платит его отец, чтобы мастер взял того в ученики. Из этого ясно, насколько подмастерья бесполезны, и ясно, что мастер Брикель никогда не возьмет себе подмастерье.

— Меня это радует,— отозвался Ручеек,— потому что я никогда не хотел быть у кто-то в подмастерьях.

— Давай уточним,— продолжил Демвур.— Мы берем тебя только как слугу. Для простой работы, ясно? Убирать навоз, выносить помои, таскать камни и всякие тяжести.

Эти слова практически описывали будни любого жителя Фарзибека, включая перетаскивание камней, от которых каждую весну приходилось очищать поля: зима вытесняла эти камни наверх, и они мешали плугу.

— Я не боюсь работы, сэр.

— Тогда у меня остался всего один вопрос: как ты относишься к камню?

Относишься? К камню? Что значит — относишься к камню?

— Я одобряю камень в стенах,— сказал Ручеек,— и не одобряю в земле.

— Лицо у тебя гордое, а ум скромный,— хмыкнул Демвур.

— Я в своем лице не повинен,— заметил Ручеек,— равно как и в своем уме, потому что и то и другое мне достались от рождения и потому что и то и другое достаточно скромны, сэр.

— Смысл моего вопроса был прост. Ты работал с камнем? Строил что-либо из камня? Придавал ему форму?

— А это нужно? Если хотите — я могу научиться. А так — нет, я никогда не работал с камнем. Мы только собирали их,

иногда сооружали запруды, уменьшая таким образом половодье в те годы, когда снега было много. И фундамент для домов у нас делают из камня. Но я сам никогда не помогал в этом, потому что при мне, когда я был уже достаточно большим, ни разу дом не строили.

— Не нужно,— сообщил Демвур,— и мы не хотим, чтобы ты этому учился.

— Тогда я не буду,— согласился Ручеек.

— Просто если ты думаешь, что сможешь научиться магии от мастера Брикеля, то я тебя сразу предупреждаю — тебя засекут, и тебе это выйдет боком.

— Магии? — переспросил Ручеек. — Как я могу научиться магии? Я же не маг!

— Просто запомни это,— произнес Демвур,— и не навлекай неприятности на этот дом.

— На этот дом? Но ваш хозяин — каменный маг.

— Нет, парень,— возразил Демвур.— Мой хозяин не просто «каменный маг», а Каменный Маг. Единственный, которого допустили в Митерхоум. И он поклялся никогда не учиться новой магии, сверх той, которой он уже владеет. Он — каменный маг, но не брат камня, и уж тем более — не отец камня. Он — друг гальки, а большей силы для здешних работ и не требуется. Потому-то маги Митерхоума так хорошо ему платят, да еще и предоставили этот дом — мой хозяин не имеет такой силы, что могла бы навредить.

Внезапно Ручейку стало все ясно. Демвур работает не на Брикеля. Он работает на магов Митерхоума. Да, он руководил хозяйством Брикеля, нанимал слуг и платил за провизию, но также он был надсмотрщиком над Брикелем, он следил, чтобы тот не нарушал условий договора. И Ручейку, никогда не видевшему Брикеля, стало немного жаль его.

Жаль — но не очень, потому что этот человек жил богато: слуги, внутренний дворик в десять раз больше хижины, в которой спала вся большая семья Ручейка, и еды сколько угодно.

— Сэр,— обратился Ручеек к Демтуру,— я хочу зарабатывать достаточно еды, иметь место для сна и, может, еще не-

много тех денег, которых все тут так хотят. Так что мои честолюбивые помыслы ничем не грозят ни Жаворонку, ни вам, ни вашему хозяину, ни вашему городу, я маленький, невежественный, голодный и усталый. Но если вы дадите мне поесть и отдохнуть, то обнаружите, что я достаточно крупный и могу выполнять любую работу, какую мне поручат. Кстати, я буду становиться больше, потому что мои старшие братья высокие, как солдаты, и мой отец тоже, да и мать мою маленькой не назовешь ни с какой стороны.

Демвур расхохотался.

— Первый раз слышу такое убедительное расхваливание предлагаемого товара, да еще и с таким серьезным видом. Что ж, парень, поверю тебе на слово. Как твое имя?

— Ручеек, сэр.

— Подумай, на какое ты его заменишь,— сказал Демвур.

— Я не стану менять его, сэр.

— Мы не можем держать в услужении у каменного мага слугу с водяным именем — люди подумают, что маг над нами насмехается.

— Он мне не отец, он всего лишь нанимает меня на работу,— заметил Ручеек.— Потому человеку, у которого есть хоть капля ума, и в голову не придет, что маг как-то отвечает за мое имя.

— Но он тебя еще не нанял — и не наймет с таким именем.

— Тогда я благодарю вас за воду, сэр,— произнес Ручеек.— Но я пришел сюда не для того, чтобы сделаться чьим-то рабом, и не для того, чтобы отказаться от собственного имени.

— А рабство тут при чем?

— Только рабу хозяин заменяет имя, сэр,— пояснил Ручеек.— Я это знаю, поскольку троим старым слугам в Фарзибеке дали новые имена, после того как захватили их в плен на войне.

Демвур покачал головой.

— Так значит, гордость, написанная на твоем лице, не видимость, да? Ты слишком горд и не откажешься от имени взамен на работу.

— Я не гордый, сэр. Но Ручеек из Фарзибека не умрет здесь, чтобы его место занял какой-то трус, лишенный воды.

— Трус, лишенный воды? — переспросил Демвур. — Фарзибек — это где-то в горах?

— Да, на западе от города, по Ахетовой дороге, сразу за перевалом Митеркейм.

— Так значит, тебя называли Ручейком из соображений благочестия. Ты служишь Йеггату?

— Придя сюда, я обнаружил, что, возможно, единственный, кто ему служит, — вздохнул Ручеек.

Демвур снова положил руку ему на плечо, Ручеек вздрогнул, но на этот раз прикосновение было дружеским.

— Думаю, ты будешь ему служить, — улыбнулся Демвур. — Мальчик из горной деревни, с водяным именем, означающим преданность, а не честолюбие. Да, это куда лучше. Ты был прав, что уперся и не пожелал отказаться от имени.

Демвур хлопнул Ручейку по плечу и пошел обратно к дому. Но Жаворонок на этом не успокоилась.

— Сэр, так он нанят?

— Да, — бросил Демвур.

— А с каким жалованьем? — не унималась девушка.

— Таким же, как твое, — отозвался Демвур.

— Так нечестно! — возмутилась Жаворонок. — Я тут работаю уже два года!

— А он принес полный кувшин, — напомнил Демвур и скрылся в доме.

Жаворонок была в ярости.

— Да чтоб он утоп! — с жаром выпалила она.

— Он взял меня на работу, — заметил Ручеек.

— И жалованье назначил куда большее, чем ты заслуживаешь! — воскликнула Жаворонок.

— Если хочешь, я буду отдавать часть тебе, потому что ты помогла мне.

На мгновение глаза девушки вспыхнули. Но затем она отступила.

— Не желаю, чтобы хоть один мужчина считал, что я перед ним в долгу.

Ручеек покачал головой.

— Для твоего драгоценного сокровища я не опасен,— успокоил он девушку.— Это я перед тобой в долгу за то, что ты меня сюда привела.

— Я уж было думала, что ты все испортил, когда отказался сменить имя.

— Но обернулось к лучшему,— добавил Ручеек.

— А откуда ты знал, что так будет лучше? — поинтересовалась Жаворонок.

— Я не знал.

— Так что, ты это всерьез говорил? — изумилась девушка.

— Это мое имя,— ответил Ручеек.

— В жизни не видела вторую такую бестолочь. Подумаешь — имя!

— Ты оберегаешь свою чистоту,— сказал Ручеек,— а я оберегаю свое имя.

Жаворонок, гневно раздувая ноздри и сверкая глазами, подалась к Ручейку, как будто хотела отвесить ему пощечину, но бить его не стала. Да и Ручеек не отступил.

— Не смей сравнивать свое имя с моей чистотой, как ты выражаешься! Я собираюсь когда-нибудь заработать себе на приданое и выйти замуж, а не быть кухонной девчонкой, зарабатывающей монету на стороне или добывающейся расположения хозяина или управляющего. Чистота — единственное сокровище бедной девушки. Я и взялась за эту работу, потому что так меня оставили в покое, а значит, я могу надеяться. А твое имя — оно не знаменито, не важно, оно ничего не стоит! И не смей никогда сравнивать!

Жаворонок быстро зашагала к дому, оставив Ручейка допивать воду, что он и сделал.

«То, что ничего не стоит для тебя, может дорого обойтись мне», — подумал он. Но все же он не мог избавиться от ощущения разочарования. Каким-то образом он умудрился потерять ее дружбу. Прямо как у себя в деревне.

Ручеек прислонился к цистерне и закрыл глаза. У него есть работа. Ему будут давать деньги. Он понятия не имел, чего стоят деньги, но ему будут платить столько же, сколько Жа-

воронку, а она считала, что ее жалованья достаточно, чтобы скопить на приданое.

Она молода и, быть может, рассчитывает, что добьется своего лет за десять. Но он еще моложе и может работать дольше, прежде чем женится. В деревне он лишь начал выполнять работу для взрослых и еще не освоил всего, что полагалось уметь мужчине. Но здесь он всему обучится, вырастет, и тогда для него не останется ничего непосильного.

Много тяжелой работы. Долгие годы изнурительного труда. Почему же он так взволнован?

Да потому, что он будет служить каменному магу. И неважно, что тот всего лишь друг гальки, а не маг высшего уровня. Может, ему даже удастся увидеть, как хозяин занимается колдовством.

Он уже получил практическую выгоду. Например, вот эта цистерна. Ручеек понял, как она устроена внутри: вода из бака наверху просачивается сквозь пористый камень, и тот задерживает все, чему не полагалось находиться в воде. Вода просачивается через камень медленно, но зато всякое загрязнение удаляется. Как странно, если так подумать — самая чистая вода в Хеттерферри находится в доме каменного мага.

Впрочем, пористый камень оказался неожиданностью для Ручейка. Он никогда не слышал о его существовании и не видел его в тех выходах пород, по каким ему доводилось лазать. Эх, если бы этот камень был снаружи цистерны, то можно было бы на него поглядеть! Был бы он каменным магом, он смог бы понять, как происходит процесс очищения.

Опасная мысль. Он не должен хотеть этого. Он дал слово. Если б Демвур не поднял шума насчет того, что он, Ручеек, не должен становиться каменным магом, ему бы и в голову такое не пришло.

Да и неважно. Маги — это волшебный народ, а не обычные крестьянские мальчишки. Маги могут выходить в мир в любом обличье: звериные маги — в облике своего любимого животного, маги стихий — в телах из камня, ветра, воды, света, песка или металла. Их невозможно удержать взаперти — во всяком случае, тех, кто по-настоящему силен. Руче-

ек представил, будто он — каменный маг, как и его хозяин. Он может ходить в каменном теле — интересно, какое оружие способно поразить его?

Вот здорово было бы увидеть Брикеля в каменном облике. Или он держит такие вещи в тайне, потому что Демвур за ним следит?

— Ручеек! — раздался нетерпеливый оклик. — Ты что делаешь?

Ручеек открыл глаза и увидел Жаворонка.

— Воду допиваю, — ответил он.

— А чаша тогда где? Или ты воду ушами пьешь?

«Не злись на меня», — хотел сказать Ручеек, но заколебался, а Жаворонка заговорила снова.

— Ты думаешь, что будешь жить тут, в саду? Идем со мной. Я покажу тебе твою комнату.

Ручеек послушно последовал за девушкой в дом. Жаворонка шла быстро, так что он едва успевал разглядывать разные комнаты, пытаясь предположить, для чего они предназначены. Домишко его семьи состоял из одной комнаты, с очагом у стены. Ручеек понятия не имел, зачем нужно столько комнат. Для сна? Да нет, что-то другое, слишком много мебели странного вида. Высокие ящики с дверцами сверху донизу. Столы, накрытые тканью, такие неровные, что за ними и работать-то нельзя. В конце концов Ручеек сообразил, что это на самом деле вовсе не столы, а огромные, широкие стулья, а ткань на них — чтобы не больно было долго сидеть. Переводить материю, накрывая стулья и делая их мягче! В Фарзибекке этого никто бы не понял.

Они с Жаворонком подошли к узкой деревянной лестнице.

— А почему мы не пошли по широкой лестнице спереди дома? — спросил Ручеек.

Девушка не ответила.

Ручеек вздохнул. Значит, можно не надеяться, что она простит его за оскорбление, которое все же было неумышленным.

— Всегда пользуйся только этой лестницей, — в конце концов откликнулась Жаворонка. — Передняя лестница —

для хозяина, Демвура и гостей. Слуги ходят по черной лестнице.

Так значит, вежливость и склонность к порядку все же взяли верх над вспыльчивостью. Жаворонок не хотела, чтобы он навлек на себя неприятности, поэтому объяснила ему насчет лестницы. Это было почти... сочувствием.

Два — нет, три — этажа, на самый верх. А потом — снова вверх по более узкой лестнице, в комнату, стены и потолок которой образовывали стропила.

Ручеек никогда не поднимался так высоко внутри какого-либо здания. В Фарзибеке имелась всего одна настолько высокая постройка — амбар, — но Ручейка туда не пускали. Правда, однажды он туда забрался вместе с братьями, но те не позволили ему залезть на лестницу — да он и сам не рвался. Вообще он не боялся высоты — мог залезть куда угодно. Но на открытом воздухе. А когда Ручеек поднимался по лестнице, у него было ощущение, что он перемещается прямо по воздуху, оставляя твердую почву далеко внизу.

Три этажа между ним и землей, и каждый ненадежнее предыдущего. Ручейку казалось, будто дом качается. На редкость противное чувство.

— Нам что, полагается спать здесь?

— Что, гордость мешает? — язвительно поинтересовалась Жаворонок.

— Нет, страх, — отозвался Ручеек. — Что нас тут держит? Девушка посмотрела на него как на ненормального.

— Стены дома. И полы. — Она прикоснулась к стропилу. — Огромные балки из прочного дерева.

— Оно дрожит.

— Ничего не дрожит! — возмутилась Жаворонок, будто Ручеек ее в чем-то обвинил.

Ручеек попытался как-нибудь разумно объяснить, отчего ему так неудобно.

— Оно может упасть, сгореть. Я лучше буду спать во дворе, на каменных плитах.

— Ты что, хочешь опозорить нашего хозяина? Люди будут думать, что ему не хватает комнат и его слугам негде жить.

— Да кто об этом узнает? — удивился Ручеек.

На этот вопрос у Жаворонка, видимо, ответа не было, поэтому она просто смерила Ручейка гневным взглядом.

— Разбирайся сам с Демвуром. Я только отвела тебя туда, куда он велел.

И с этими словами девушка двинулась к лестнице.

Ручейку ужасно не хотелось, чтобы она так сердилась на него.

— Жаворонок, ну пожалуйста! — взмолился он. — Если я сам пойду просить его разрешить мне ночевать во дворе...

Жаворонок, даже не дослушав его, презрительно произнесла:

— Как думаешь, что бывает со слугой, который в первый же день начинает создавать хлопоты?

Поскольку Ручеек никогда не работал на чужих людей и за деньги, ему и в голову не приходило, что он может лишиться своего места. Самое большее, что его пугало, — это перспектива пары оплеух; но по опыту общения с отцом он знал, что без труда перенесет их. Конечно, рисковать потерей должности он не мог.

Ручеек даже не знал пока, хорошее место работы ему досталось или плохое — возможно, в этом доме не просто так не хватало слуг, раз сюда взяли даже бродягу, только-только спустившегося с гор. Если необходимость ночевать в трех этажах над землей его напрягает — это его личные трудности. Другие же спят! Пора прекращать быть мальчишкой-горцем и начинать приспосабливаться к жизни в городе.

Пока все это доходило до сознания Ручейка, на лице Жаворонка нарисовалось презрение, которое было не хуже пощечины.

— И у кого же теперь гордое лицо? — обратился к ней Ручеек.

Девушка резко отвернулась и стала спускаться по лестнице. Ручеек слышал, как ее босые ноги мягко скользят по ступенькам. Ему не нравился этот звук. От этого звука его бросало в дрожь. Ноги должны ступать по траве или земле, мягкой или утоптанной, или по камню — но не по дереву,

распиленному на части и уложенному рядами. Это неестественно.

Ручеек посмотрел на соломенный тюфяк, который, видимо, служит постелью. Даже в полумраке — свет в комнатуху просачивался только через щели в крыше — нетрудно было разглядеть скачущих по тюфяку блох. Ручеек не имел ничего против блох, но не понимал, как они умудрились выжить, если в этом опасном месте никто прежде не спал.

Потом до него дошло. Кто-то жил здесь до недавнего времени. От предшественника эти блохи и остались. Если бы он, Ручеек, явился сюда чуть раньше или чуть позже, место было бы занято и он не получил бы работу.

Интересно, за что уволили его предшественника? Он попросил разрешения спать на земле? Или попытался учиться магии? Или с пренебрежением отозвался о чистоте Жаворонка? Насколько мог судить Ручеек, любой из этих проступков мог оказаться роковым.

Поскольку на улице было еще светло, а Ручеек так ничего и не ел — да и другие тоже, если судить по доносящимся с кухни запахам, — Ручеек решил, что ему не полагается спать прямо сейчас, хоть он и устал. Если он хочет поладить тут с окружающими, надо показать себя старательным работником — это был почти единственный способ отвлечь гнев отца, так что, пожалуй, стоило потрудиться.

Сложность заключалась в том, что Ручеек понятия не имел, какую работу ему надлежит выполнять, а беспокоить кого-то вопросами не хотел. Но если не спросить...

Ладно, нет смысла сидеть и размышлять. Ручеек подошел к лестнице, поставил ногу на вторую сверху ступеньку и почувствовал, как та дрожит под ним. У Ручейка тут же закружилась голова, как будто он долго вертелся вокруг себя, как они играли в детстве — пока кого-нибудь не начинало тошнить.

Ручеек уселся на верхнюю ступеньку. Поручней на лестнице не имелось. Подниматься было довольно легко. — он смотрел только на идущую впереди девушку, это зрелище приковывало внимание, и Ручеек практически не осознавал, что с обеих сторон от лестницы — обрыв. Теперь же у него

не было ни спутника, ни перил, ничего, что отвлекло бы внимание. Поэтому Ручейку пришлось, сидя на ступеньке, вытягивать ноги вперед, а потом, не вставая, соскальзывать на следующую ступень.

Вторая лестница далась ему намного легче, постольку там с одной стороны была стена, да еще и перила вдобавок. Но дом дрожал, не переставая, и Ручеек почувствовал себя в безопасности, лишь добравшись до первого этажа.

Он понимал, что это глупо, что под этим этажом располагался подвал, а значит, он даже сейчас не в самом низу. Но видимо, ему достаточно было находиться на одном уровне с землей. Может, дело было в том, что балки пола лежали на каменном основании, а не на деревянном.

Как бы выяснить, в чем заключается его работа? И чтоб при этом не спрашивать у Жаворонка и не докучать Демтуру? Было ясно, что и лорда Брикеля ему беспокоить не следует.

В конце концов Ручеек отыскал по запаху кухню. Она представляла собой каменную постройку, располагавшуюся за главным зданием, достаточно далеко, чтобы, если вдруг кухня загорится, она не прихватила с собой дом, и достаточно близко, чтобы еда, поданная на стол, еще не успевала остыть, даже после того, как ее при самой холодной погоде пронесут через двор.

Оказалось, что поваров там двое: высокий, поджарый темноволосый мужчина и полная женщина с раскосыми глазами. Ручеек услышал, как мужчина называет ее Каплей — водяное имя, — а она его — Никвизом. Этого слова Ручеек не знал — имя Демтур также ни о чем ему не говорило. Общались повара негромко, и когда Ручеек вошел в высушенную огнем комнату — там было очень жарко, и ему подумалось, что тут и без печи готовить можно, — они продолжили, не обращая на него внимания.

- Готово.
- Соли хватит.
- Попробуй — сама увидишь.
- Старые.
- Но съедобные.
- Отлично.

Если б Ручеек их не видел, он бы вообще не понял, что это разговор, но он наблюдал, как женщина, прежде чем сказать «готово», протягивает мужчине что-то вроде большой ложки, только с дырками в дне, как мужчина трясет этой ложкой над котлом, над которым поднимается пар, и оттуда сыплются белые зернышки. «Соли хватит», — прозвучало после того, как мужчина второй раз встряхнул солонку. «Попробуй — сама увидишь» — заставило Каплю по дороге к своему котлу окунуть палец в котел Никвиза; женщина кивнула, а Никвиз еще раз встряхнул солонкой.

«Старые», — сказала она, взяв пару реп и скептически оглядев их. Никвиз даже не посмотрел в ту сторону — он в этот момент мелко нарезал лук, — должно быть, репу покупал он, поскольку его «но съедобные» прозвучало весомо. Потом Капля подошла к печи и извлекла из нее длинный противень с двумя круглыми буханками. «Отлично» — так она оценила хлеб.

Никто из них и вида не подал, что заметил Ручейка, но после того, как Никвиз отправил лук на горячую сковородку, отчего жир на ней зашипел, он произнес:

— Если ты явился просить объедки, то нет. Если же пришел красть, я обещаю тебе дизентерию.

— Меня только что приняли на работу, и я пришел спросить, не найдется ли для меня какого-нибудь поручения, — ответил Ручеек. — Меня зовут Ручеек.

— А ты готовить умеешь? — поинтересовалась Капля.

— Готовить всякий умеет, — вмешался Никвиз. — Просто забирайся в печь.

В первое мгновение Ручеек даже не сообразил, что это шутка — Капля даже не улыбнулась, — но потом оба повара не выдержали и затряслись от веселья, вызванного этим предложением.

— Мать никогда не подпускала меня к готовке. И к ножам. Мои сестры...

— Очаровательно, — перебила Капля, но тон ее не был дружелюбным.

— Отправь сову на крышу, — велел Никвиз, — пусть отпугивает птиц и мышей.

И они снова принялись за готовку.

«Я что, должен поймать сову? Или у них тут есть ручная?»

— Глянь на улице,— подсказала Капля.— Ее сбросило во время последней бури.

Ручеек вышел из кухни и обогнул здание почти полностью, прежде чем наткнуться на лежащую у стены каменную сову. Сова была искусно вырезана, а вдобавок еще и раскрашена, чтобы убедительнее пугать мышей и птиц, хотя Ручеек сильно сомневался, что птицы и крысы настолько глупы.

А еще сова была ужасно тяжелой. Ручеек сразу понял: повара решили, что он слишком маленький и не справится с этим поручением.

Но стены дома были каменными до самого верха, включая коньки кровли, а солома была настелена сверху, словно клок сена в кормушке. Сова, должно быть, восседала на коньке — присмотревшись, Ручеек увидел на противоположной стороне крыши вторую сову.

Ручейку пришлось попотеть, пока он поднимался по каменной стене, цепляясь лишь одной рукой, а второй прижимая к себе сову, но управился он вполне успешно благодаря тому, что был босиком. Не прошло и двух минут после того, как он подобрал сову, а он уже спустился. Птица со злоевщим видом восседала на коньке крыши.

Ручеек вернулся в кухню.

— Что дальше делать? — поинтересовался он.

— Мы не просили тебя найти сову,— сказала Капля.— Ее нужно посадить на крышу.

— Уже готово,— сообщил Ручеек.— Что дальше?

Капля с достоинством выплыла из кухни — как будто это было делом обыденным. Пару секунд спустя она вернулась и снова принялась за готовку.

— Лопни мои глаза,— наконец подала она голос.— Парнишка, должно быть, умеет летать.

— Спорим, он оставил лестницу снаружи, и там она испортится,— произнес Никвиз.

— Лестницу? — удивился Ручеек.

Плавный танец готовки наконец-то остановился, повара посмотрели сначала на Ручейку, а потом друг на друга.

— Яйца часто бьешь? — обратился к Ручейку Никвиз.
— А разливаешь или просыпаешь что-нибудь? — добавила Капля.

— Не чаще других, — пожал плечами Ручеек. — Я не безрукий, но я не безупречен.

— Нам надо, чтобы ты был безупречен, — разочарованно заметил Никвиз.

— Лучше приставьте меня к работе, которую можно делать не совсем безупречно, — предложил Ручеек.

— Давай, — распорядилась Капля, бросив нож на разделочную доску и указав на груды перцев. — Смотри не порежся.

На протяжении следующего часа Ручеек резал и крошил перец и лук на гладких плитах гранита. Он быстро усвоил, что тереть глаза не следует. Ручеек много плакал и время от времени чихал. Глаза жгло. Но он приносил пользу. Он старался заслужить пропитание.

Потом повара выставили его из кухни, велев трижды вымыть руки с мылом, прежде чем браться мыть лицо — опять-таки с мылом, дочиста.

— Вымой хорошенько, — посоветовала Капля.

— Три как следует, — вторил Никвиз.

— Всегда, когда надо, этих мыльных магов нет под рукой! — воскликнула Капля.

— Никогда не слышал о мыльных магах, — удивился Ручеек.

— Мы тоже, — улыбнулся Никвиз. — Иди мойся.

Ручеек нашел рядом с кухней умывальную раковину, сделанную, естественно, из камня. Он наклонил маленькую цистерну и наполнил раковину водой, потом взял брусок мыла и тщательно намылил руки. Ручеек как раз тер лицо, включая заранее зажмуренные глаза, когда до него донесся чей-то разговор.

— Ничего особенного, — послышался голос, который мог принадлежать пожилому мужчине.

— Ничего особенного, — согласился Демвур. — Но сегодня днем он помог на кухне, даже не получив распоряжений.

— Задница да локти, и ничего больше, — продолжал по-жилой. — И что это на нем надето?

— О, это последняя мода горных деревень, — отозвался Демвур.

Должно быть, управляющий разговаривал с самим лордом Брикелем. Ручейку хотелось взглянуть на него, но он не мог никуда смотреть, пока не смоет — и притом как следует — мыло с лица. Но к тому моменту, как Ручеек утерся подолом рубашки и обернулся, собеседники уже входили в дом.

За ужином Ручеек тоже не видел хозяина. Лорд Брикель ел со своими гостями в столовой зале, а Ручеек — за большим столом на кухне вместе с прочими слугами; оказалось, что он уже знает всех присутствующих: за столом сидели Демвур, Никвиз, Капля и Эбб — тот глупый привратник. Демвур, Никвиз и Капля обсуждали дела хозяйственные и местные сплетни. Эбб молчал. Как и Ручеек.

Жаворонок в этот день прислуживала за хозяйским столом, поэтому она появлялась на кухне и тут же уходила, конечно же игнорируя Ручейку.

— Ты как, собираешься купить новенькому что-нибудь приличное из одежды? — поинтересовалась Капля.

— Я об этом как-то не подумал, — ответил Демвур. — Он не голый. И отправлять его куда-то с поручениями я не собираюсь.

— Ему надо будет что-то носить, пока она будет стирать его одежду, — напомнила Капля.

«Она», должно быть, относилось к Жаворонку. Ручеек не сомневался, что Жаворонок выйдет из себя, узнав, что ее ожидает такая неприятная задача.

— Я могу сам стирать свои вещи, — вмешался он. — Если мне покажут, где это делать.

— Оно еще и разговаривает, — заметил Никвиз.

— С полным ртом! — добавила Капля.

Они не улыбнулись, и никто не рассмеялся, но Ручеек знал, что его просто беззлобно поддразнивают. Ощущение было приятное.

— Возьмите его завтра с собой на рынок, — велел Демвур, — и купите ему что-нибудь подходящее. Деньги я вычту

из его жалованья. Но если он удерет и унесет новую одежду прежде, чем отработает ее, я урежу плату вам.

— Только попробуй,— пригрозил Никвиз.

— Ты смотри, еду-то тебе мы готовим,— поддержала его Капля.

— Ну что за работники, а? — развел руками Демвур.— Два повара, одна острая на язык девица, деревенщина с гор и развеселый олух.

— Про Эбба забыл,— сказал Никвиз.

Суть подколки дошла до Ручейка лишь секунду спустя; он расхохотался.

Демвур смерил его сердитым взглядом.

— Не думай, что я позволю тебе разговаривать со мной непочтительно только потому, что позволяю это поварам!

— Ни в коем случае, сэр,— заверил Ручеек.

— Сегодня же вечером вымойся и выстирай свою одежду. С мылом! Еще натащишь в дом блох.

Теперь ясно, отчего у Жаворонка такая чистая одежда. Этого требует Демвур.

— А где мне стирать? — спросил Ручеек.— Ручья же поблизости нет.

— В западном углу сада есть купальня,— объяснил Никвиз.

— Только сам наноси туда воды,— добавила Капля.

— Там есть печь, на ней греют воду,— произнес Демвур,— но если ты перегреешь ее, или поставишь холодный кувшин на горячую печь, и он лопнет, я тебя оштрафую.

Ручеек понятия не имел, что такое «оштрафовать», но был уверен, что лучше этого избегать, как по отношению к себе, так и по отношению к своему жалованью. Но ничего страшного. Он и не слышал никогда о нагревании воды для стирки. И дома у них в горячей воде мылся только отец, да и то лишь зимой.

После ужина Ручеек отыскал лохань для стирки, прикинул, сколько воды потребуется, чтобы отмыть и ополоснуть одежду и себя, и принес от главной цистерны большой кувшин. Он разделся, намочил одежду, разложил ее на стиральной доске и начал намыливать.

— Ах ты паршивец! — воскликнула Жаворонок у него за спиной. Голос ее был полон отвращения.

— Я еще не вымылся, — отозвался Ручеек.

— Да какое мне дело, грязный ты или нет, дурень? Ты голый!

— Извини, я как-то не подумал, что надо стирать одежду, не снимая ее.

— Вы что, у себя в Фарзибеке всегда стираете одежду голышом? — язвительно поинтересовалась Жаворонок.

— Да, — ответил Ручеек. — Либо стирать голым, либо сидеть в доме голым как младенец, пока ее стирает кто-то другой. Только в Фарзибеке девушкам хватает здравого смысла держаться подальше, пока парни стирают. А нас, парней, просто поубивали бы, если бы мы подошли к девушкам так, как ты сейчас ко мне.

Вообще-то он говорил не совсем правду. Взрослые парни в таких случаях не снимали набедренной повязки. Но у Ручейка ее еще не было.

— Мне тоже нужно постирать, — заявила Жаворонок. — Хозяйские вещи.

— Тогда тебе придется либо подождать немного, либо действовать с закрытыми глазами, потому что я отсюда не уйду, пока я и моя одежда не будем чистыми.

— Да твои вещи сто лет сохнуть будут!

— Сохнуть? — удивился Ручеек. — Где ж ей сохнуть, кроме как на мне?

— Я не собираюсь задерживаться допоздна только потому, что тебе вдруг приспичило узнать, что такое быть чистым!

— Демвур велел мне вымыться и постирать, — сообщил Ручеек. — Я был таким грязным потому, что проделал долгий путь по дороге и через лес и спал в лесу, в опавших листьях. В следующий раз я попрошу, чтобы кто-нибудь отнес меня в паланкине или привез в повозке.

Жаворонок поставила полную корзину белого белья.

— Хозяин, никак, любит носить белое, — заметил Ручеек.

— Это его нижнее белье, горец ты этакий, — презрительно бросила Жаворонок. — Ты, ясное дело, никогда о нем и не слышал.

Воистину, это был странный мир: в нем мужчины носили нижнее белье, словно младенцы, — да еще и столько, что его набиралась целая корзина.

Жаворонок вылила остаток воды из его кувшина в лохань и бросила туда кусок мыла. Затем она забрала стиральную доску, лежавшую с той стороны лохани, где сидел Ручеек, и стала тереть белье.

— Пожалуй, моя одежда уже достаточно чистая, — сказал Ручеек, вставая.

— Ты куда встаешь?! — возмутилась девушка. — У тебя что, совсем стыда нет?

— Ты только что вылила воду для полоскания, — объяснил Ручеек. — Мне придется набрать еще.

— Надо было сразу приносить больше! — продолжала возмущаться Жаворонок.

— Я принес достаточно на себя и на одежду, — возразил Ручеек. — Это ты не принесла ничего.

Он взял пустой кувшин и пошел через сад обратно во двор, где стояла цистерна.

Кувшин уже наполовину наполнился, когда к ручейку подошел Демвур.

— В этом доме принято ходить одетым, — резко произнес он.

Ручеек проглотил слова, вертевшиеся на языке. «Я не в доме» повлекло бы за собой оплеуху или пинок — за нахальство. «Вы мне велели выстирать одежду, хотя и знали, что у меня нет другой» — наверное, закончилось бы тем же. Вместо этого он ответил:

— Мне надо принести еще воды, иначе Жаворонок не сможет заняться стиркой.

— Ты был там голым вместе с Жаворонком? — Демвур пришел в ярость.

Тут Ручеек не мог смолчать.

— Я был там голым вместе с лоханью для стирки! Это она решила, что будет стирать прямо сейчас, и израсходовала всю воду, которую я принес. И мне пришлось снова идти за водой, чтобы прополоскать свою одежду, потому что даже ради вас я не стану надевать ее намыленной!

Демвур разозлился еще сильнее, но взял себя в руки.

— Ты мог бы не снимать нижнюю одежду до тех пор, пока верхняя не станет чистой.

Ручеек лишь вздохнул.

— У тебя нет нижней одежды? — Это, кажется, позабавило Демвура.

— Я не младенец, — буркнул Ручеек.

Должно быть, это оказалось очень смешным. Но, нахотавшись, Демвур снова стал выговаривать ему.

— У нас в фильтрованной воде не стирают.

Он показал Ручейку на кран, расположенный на цистерне, из которого вода лилась, не проходя через фильтрующий камень. Оттуда она текла куда быстрее, и кувшин мигом наполнился.

— Он голый! — весело сообщил Эбб, когда Демвур, возвращаясь в дом, прошел мимо него.

Так Ручеек узнал еще одну вещь: если снять одежду, люди вокруг делаются чокнутыми. В деревне одежду носили ради тепла. Скромность волновала только девчонок, и то лишь тогда, когда они вступали в определенный возраст. Летом мужчины часто работали в полях нагишом. Это было частью жизни: в жару человек снимает с себя одежду — так же, как стрижет овцу. Интересно, что они делают тут, в городе? Потееют в своих вещах, чтобы они начали вонять? Неудивительно, что им приходится постоянно мыться.

Ручеек отнес полный кувшин обратно в купальню. Жаворонок по-прежнему терла белье. Ручеек вылил воду из лохани в вымощенную каменными плитами сливную яму. Жаворонок подскочила, вскрикнула и стала собирать белье.

— Дурак! Мне теперь придется стирать все заново! Деревенщина!

— Ты забрала у меня воду и стиральную доску, даже не спросив, — огрызнулся Ручеек. — Я думал, тут так положено.

— Я стираю вещи хозяина!

— А я стираю вещи, которые мне велел постирать Демвур, — отозвался Ручеек. — Ты первая начала делать гадости. Если хочешь ладить со мной, относись ко мне справедливо.

Тогда и я буду вести себя так же. Сейчас я собираюсь выполоскать свою одежду. А потом делай что угодно.

И тут Ручеек заметил, что Жаворонок уже вытащила его одежду из лохани и выбросила, но не на чистые известняковые плиты, а на землю. Девушка проследила за его взглядом и покраснела. Этого было достаточно: Ручеек понял — она сожалеет о своем необдуманном поступке.

— Спасибо, что помогла мне получить это место, — сказал он. — Даже если ты до конца жизни будешь наказывать меня за то, что я неправильно выразился, хоть я и не имел в виду ничего плохого, и за то, что я стираю одежду так, как принято у нас в горах, я все равно буду тебе благодарен за помощь. Я у тебя в долгу и не стану больше выливать твою воду, когда ты стираешь. Извини. Я был не прав.

С этими словами Ручеек подобрал свою одежду и принес обратно. Жаворонок доливала воду, поджав губы и не поднимая глаз. Ручеек положил одежду в лохань и присел, собираясь отстирывать все заново. Но Жаворонок переложила ее на стиральную доску и принялась тереть.

— Я сам, — запротестовал Ручеек.

Но Жаворонок, не обращая на него внимания, продолжала.

— Я не хочу, чтоб ты мне прислуживала, — упирался Ручеек.

— Отойди куда-нибудь в сторону, пока я выстираю твою одежду, — раздраженно бросила девушка. — Хоть притворись, что у тебя есть скромность!

Ручеек подчинился и прислонился к каменной ограде сада так, чтобы между ним и Жаворонком оказалось дерево. Он подумывал забраться на стену и взглянуть что там, на другой стороне, но решил, что лазание по стенам голышом не соответствует представлениям Жаворонка о скромности. Ручеек слышал, как она выкручивает его мокрую одежду и расплескивает воду по каменным плитам.

Через некоторое время Жаворонок принесла штаны и рубаху и, все еще отводя взгляд, протянула Ручейку. Он забрал рубаху и натянул на себя.

— Вот, я теперь прикрыт,— сообщил он.

— Штаны надень! — буркнула девушка.

Ручеек забрал штаны, но подпоясываться шнурком не стал; во влажном виде они и так достаточно хорошо держались, а завязывать шнурок мокрым ему не хотелось — так ведь потом и не снимешь. Одевшись, Ручеек вернулся к лохани.

— Уходи,— отчеканила Жаворонок.

— Жаворонок,— начал Ручеек.— Я не прошу твоей дружбы. Пожалуйста, просто позволь мне помочь тебе — ты ведь задержалась из-за меня.

— Я сама справлюсь.

— Я могу выкручивать белье,— предложил Ручеек.— Или подливать воду — если стирать ты мне не разрешить.

Вместо ответа Жаворонок сунула ему пару мокрых подштанников. Ручеек выкрутил их и повесил, куда она указала, на одну из веревок, протянутых между деревьями.

Когда большая часть вещей была развешана, Жаворонок наконец обратилась к нему.

— Знаешь, это была напрасная трата времени — затаскивать ту дурацкую сову обратно на крышу кухни.

— А что, она не действует?

— Мыши живут внутри кухонных стен и не видят эту сову,— произнесла Жаворонок.— А птицы сюда не летают.

— Но это же значит, что она действует!

— Нет, это значит, что птицы здесь не бывают, вне зависимости от совы.

— А почему?

— Они ожидают, что я буду кормить их и заботиться о них, а я не могу,— объяснила Жаворонок.— Поэтому я попросила их не прилетать.— Девушка с вызовом посмотрела на Ручейку.

Ручеек серьезно кивнул.

— Так значит, ты друг птиц.

— Я никакой не маг,— запротестовала девушка.— Я просто хорошо лажу с птицами.

— Да, друг птиц,— повторил Ручеек.— Я никому не разболтаю.

— Им тут еще и из-за этого трудно найти слуг. Никому не хочется признавать, что у них нет магии — хоть капли. И люди первым делом выставляют ее напоказ или просто хвастают, если нечего выставлять. Птичья магия никак не связана с камнем, и птичьим магам никто не запрещает появляться в Митерхоуме. Хотя это и бессмысленно и вреда с этого нет, но Демвур не желает видеть среди прислуги ни одного мага.

— Из страха, что он обучится каменной магии?

— Из-за той великой войны, — произнесла Жаворонок. — Когда вериллидские солдаты явились сюда, чтобы принудить Митерхоум снова сделаться частью империи Иллидд, здешние водяные маги им отказали. Дело в том, что когда Иллидд был великой империей, им правил Миддерллидд, а Вериллидд находился в подчинении.

Ручеек видел, что Жаворонок пытается припомнить всю историю — особенно это было ясно по тому, как она произносила двойное «л» в слове «Иллидд» — на старинный манер, с легким придыханием. Это был язык сказаний. Ручеек надеялся, что повествование не затянется надолго. Очень уж он устал. А еще он много пил во время ужина, и теперь ему настоятельно требовалось облегчиться.

— У армий Вериллидда были собственные маги света и маги металла, а Митерхоум мог поднять в свою защиту лишь мечи из обсидиана. Потому-то в тот день кровь священного леса смешалась с кровью героев. А в темное время маги света превратили ночь своих туннелей в день и таким образом подкопались под могучие западные стены Митерхоума.

Ручейка пробрал озноб: эта история Жаворонка объясняла те разрушенные стены, которые он видел, подходя к городу с запада. Кровь героев. Вот почему западный лес священ, и там никто ничего не строит.

— Старейшины города знали, что западные подходы — самое слабое их место, потому воздвигли вторую стену у подножия Митерджата. Но вериллидцы подкопались и под нее, после чего стало ясно, что народ Митерхоума обречен. И тогда каменные маги Митерхоума, что в давние времена правили всем Миддерллиддом, до тех пор, пока этот край не завоевали водяные маги, пришли и сказали: «Мы не хотим,

чтобы нами правил Вериллидд. Мы можем остановить их — мы, братья камня и друзья гальки. Мы это сделаем». И каменные маги отправились на вершину горы Митерджат, где некогда стоял их древний храм. Они разделись на святом месте среди камней и легли нагими на камень, друзья гальки запели, а братья камня под их пение погрузились в камень. Сначала был воздвигнут их храм, новый, сделанный не из глыб, как все прочие, а из цельного камня. Он поднимался до тех пор, пока не окружил братьев камня и друзей гальки со всех сторон, и не было в том храме ни дверей, ни даже окон в своде. Словно они были отцами камня, способными проходить сквозь камень. Тогда вериллиддские саперы подожгли балки, державшие своды их туннелей, отчего внутренние стены города задрожали и в итоге обрушились. В земле возникла огромная расщелина, от Митерлоха до реки вниз, и вериллиддское воинство оказалось расколото надвое. Многие попадали в эту расщелину, и в их числе — маги света. Воды озера хлынули в брешь, образуя новый рукав — канал Каменных Магов, — и устремились к реке, превращая Митерхоум в остров, со всех сторон окруженный водой. Ему более не нужны были стены! Тех вериллиддцев, что остались по эту сторону расщелины, отгеснили обратно и сбросили в пропасть. Солдаты, оставшиеся по ту сторону, кричали, плакали и выкрикивали мольбы, а земля под ними тряслась так, что никто не мог удержаться на ногах. Огромный мост перекинулся с той стороны канала Каменных Магов на эту, и миддерллиддское войско перешло расщелину, неся возмездие тем, кто хотел уничтожить его. Теперь, когда в них были сердца каменных магов, каменные мечи миддерллиддцев рассекали бронзовое оружие вериллиддцев, словно молодой сыр, и кровь пришельцев текла как вода, пока вериллиддцев не умерло вдесятеро больше, чем было уничтожено ими. В пределах разрушенных внешних стен лежало столько мертвых, что можно было пройти от стены до канала и ни разу не ступить на землю.

Девушка умолкла и склонила голову, совсем как странствующий сказитель. За такую историю путник получил бы еду и приют на ночь; она хорошо рассказывала.

— Я прошел по этой земле не далее чем вчера и спал там, и сегодня утром проснулся в том лесу,— почтительно произнес Ручеек.

Глаза девушки расширились.

— Там лежали мертвые тела?

— Под землей и листьями — может, и да,— ответил Ручеек.— Не видел ни одного. Но Жаворонок, если каменные маги спасли этот город, почему их изгнали отсюда? Почему не принимают как братьев?

— Это печальная часть истории,— продолжила Жаворонок.— Мне никогда не нравилось ее слушать, но если тебе так уж хочется знать — я ее выучила.

— Поделись,— попросил Ручеек.

— Правители города пришли к огромной расщелине, увидели водный поток, что образовывал небольшое озеро, а потом сквозь ущелье обрушивался вниз, и изрек: «Этот новый исток осушит наше озеро, и Йеггат умалится, и лишимся мы его благословения». Однако каменные маги, предвидя это, воздвигли камни с обеих сторон, чтобы уменьшить истечение воды, и потому уровень озера не понизился. Водяные маги знали об этом — вода им сообщила,— но боялись силы каменных магов, боялись, что те лишат их воды. «Сегодня они нам друзья,— рассуждали водяные маги.— Но вдруг завтра они вспомнят, что Митерхоум когда-то звался Митерстейном, что возвели его каменные маги, а водяной народ, явившийся позднее, завоевал этот город? Они решат, что Митерхоум их по праву, и уничтожат нас, как уничтожили вериллиддцев». Устрашившись мощи каменных магов, правители приказали храм, в котором находились спасшие город великие маги, обложить дровами со всех сторон. Они развели огонь и жгли его, пока камень храма не раскалился докрасна. Шансов выжить ни у кого не было. Два дня горел этот костер, затем погас, однако еще пять дней к камню невозможно было прикоснуться. Когда же камень наконец остыл, правители города велели разрушить свод храма. Внутри они обнаружили пепел, повторяющий форму тел каменных магов. Даже кости их превратились в пепел. Водяные маги призвали воду подняться сквозь камень, и в центре храма забил

источник, теперь там священное место Йегтата, а не голый камень. Потом храм разбили на куски, которые отнесли вниз и побросали в расщелину. Мост из цельного камня тоже был разрушен, потому что правители пришли к выводу, что каменные маги создали его, желая превратить новый канал в туннель, окруженный со всех сторон камнем. Решено было никогда более не возводить мост через эту расщелину. — Жаворонок на миг умолкла. — Так и появился Хеттерферри.

— Какая печальная история, — заметил Ручеек. — Как-то в ней здешние водяные маги выглядят не очень благородно — подумать только, убить тех людей, которые их спасли!

— В Митерхоуме эту историю наверняка преподносят иначе, — сказала Жаворонок. — Но я ее выучила так, у себя в...

— Полный вздор, — раздался голос Демвур.

Ручеек стремительно развернулся и увидел управляющего. Тот был очень зол.

— Сэр, она просто пересказала мне так, как запомнила, — вступился за девушку Ручеек.

— Она не нуждается в твоей защите, — бросил Демвур. — Теперь я понимаю, зачем она пришла работать в дом к каменному магу.

— Нет, сэр, — возразила девушка. — Я пришла сюда потому, что это хорошая работа и безопасное место. А историю эту я знаю с детства. Это детская сказка.

— Тогда слушайте меня внимательно, дети! Никому и никогда не рассказывайте ничего подобного! Это клевета каменных магов на наш город. Они были предателями — вот правда. Они вступили в союз с нашими врагами.

— Тогда почему они создали эту расщелину, которая защитила город? — спросил Ручеек.

— Они ее не создавали! — рявкнул Демвур. Потом добавил уже тише: — Она была здесь всегда. А каменные маги хотели углубить ее, чтобы вода ушла из озера и наши враги могли бы войти в город посуху. Их едва успели остановить.

— Благодарим вас, сэр, за то, что вы открыли нам правду, — склонил голову Ручеек. Он слишком хорошо знал, что единственный способ предотвратить побои — это быстро согласиться с разозленным человеком. — Мы никогда не будем

передавать эту историю иначе. Простите нас за то, что мы невежественные дети из дальних краев, где истина скрывается за нелепыми вымыслами.

Это были слова матери Ручейка — насчет истины, скрывающейся за нелепыми вымыслами, — только она имела в виду слух о том, что одна деревенская девушка забеременела не от путника, а от бога, который подарил ей золотой плод, полный сладкой воды.

Демвур впился взглядом сперва в Ручейка, а потом — в Жаворонка, что-то выискивая на их лицах — возможно, вызов. Но оба они выглядели смиренно — никакой правитель не пожелал бы большего повиновения. В конце концов Демвур произнес:

— Из-за своей болтовни вы сегодня поздно ляжете. Но завтра я подниму вас в обычное время — ясно? Прежде закончите стирку, выкрутите белье и развесьте.

— Все уже почти готово, — отозвалась Жаворонок. — Я рассказывала и работала.

— Я наблюдал за вами со второго этажа, и ты работала медленно. Потому я и вышел.

Ручеек промолчал — только поклонился. Он подозревал, что Демвур врежет ему пару раз, просто со зла — так делал его отец. Ручеек даже встал между Демвуром и Жаворонком — если управляющий действительно решит сорвать гнев на ком-то, то перепадет только ему.

Но затрепчин не последовало. Демвур ушел, а Ручеек с Жаворонком быстро закончили стирать, выкручивать и развешивать белье. Потом Ручеек отнес оставшуюся воду обратно в цистерну и вылил туда на новую фильтрацию. Мыльную воду они выплеснули на камни, а воду от полоскания — в огород.

— У нас вырастет самая чистая редиска и картофель, — пошутила Жаворонок, но улыбка ее была бледной.

— Давай не будем больше говорить о твоей истории, — предложил Ручеек. — О твоей злоумышленной, лживой, клеветнической истории. Скажу лишь, что я заглядывал в эту расщелину, и какой-то злоумышленный, лживый клеветник по-

бросал камни в ущелье и создал развалины никогда не существовавшего моста исключительно ради того, чтобы люди поверили в твою сказку.

Жаворонок улыбнулась.

— Дурень ты, Ручеек. Ладно, я прощаю тебя за то, что ты насмехаешься надо мной, хотя мы дали друг другу клятву.

— Я вовсе не хотел...

Но девушка уже ушла.

Ручеек отправился в отхожее место, где собирали мочу, и внес свои несколько унций в какой-то будущий кусок мыла. Потом он отправился к цистерне и снова напился, чтобы не проснуться ночью от жажды. Но пить слишком много не стал, чтобы не проснуться от переполненного мочевого пузыря.

Но на самом деле он изо всех сил старался оттянуть тот момент, когда ему придется карабкаться по лестнице, а потом пытаться уснуть на самом верху качающегося, дрожащего здания. Он подумал, что хорошо понимает, как себя чувствовали те вериллидцы, когда земля содрогнулась у них под ногами, а бронзовые мечи превратились в сыр.

Впрочем, в доме было тихо. Жаворонок, где бы она ни находилась, должно быть, уже спала. Эбб, насколько было известно Ручейку, ночевал у двери в заборе. Демвур мог бодрствовать, но вряд ли он пристально следил за первым этажом.

«Я могу оправдаться, что боялся кого-нибудь разбудить, и потому не стал подниматься по лестнице».

План был ненадежным, и Ручеек это знал, но едва лишь у него возникла идея, он тут же приступил к ее осуществлению. Он отыскал лестницу, ведущую вниз, в погреб.

В погребе было темно, словно безлунной облачной ночью. Ручеек подождал, пока глаза приспособятся, но так и не смог ничего разглядеть в темноте.

Впрочем, ноги его достаточно легко отыскивали каменные плиты пола. Но те дрожали почти так же сильно, как дерево на верхних этажах. А еще они смещались под ногами Ручейка. В конце концов Ручеек понял, в чем загвоздка: камень лежал на дереве.

Водяные маги настолько боялись даже одного-единственного каменного мага, что не только приставили Демвура сле-

дить за Брикелем, но еще и отсекли камень, из которого состоял дом, от сплошной породы.

Они опасались, что даже отсюда лорд Брикель сделает что-нибудь ужасное с камнем, который лежит под их городом, или, скорее, с каналами, по которым течет их драгоценная вода.

«Вода и вправду драгоценна, — подумал Ручеек. — Шесть часов без воды — и я начал страдать от жажды. А разве я когда-нибудь нуждался в камне, чтобы удовлетворить хоть одно из своих желаний? Если выбирать между Тьюстаном и Йеггатом, ясно, что именно Йеггат поддерживает человеческую жизнь, минута за минутой и час за часом».

Но если Тьюстан возненавидит тебя, где укрыться от его гнева?

Уж точно не в этом погребе. Можно, конечно, проложить дерево между плитами пола и массивом камня внизу, но со стенами погреба ничего сделать нельзя, потому что на них держатся верхние этажи. Стены должны соприкасаться с каменным основанием, иначе дом не сможет стоять.

И действительно, основание большого очага, расположенного в общем зале, покоилось на каменном массиве. Здесь Ручеек и устроился спать, касаясь рукой камня. То было единственное место, где дом не дрожал. Только здесь ему удалось заснуть так же легко, как на утрамбованном земляном полу хижины, которую Ручеек всю свою жизнь делил с родственниками.

«Вчера ночью я спал в лесу, среди рассыпавшихся в прах тел героев и захватчиков. А ночью раньше — среди своей родни. До чего же моя деревня близко расположена — почти по соседству с Митерхоумом. Однако если не считать солдат, уходивших на войну, многие ли жители Фарзибека путешествовали так же далеко, как я, и узнали так же много?»

Ручейку почудился голос отца: «Да ничего ты не узнал, кроме того, как быть рабом в доме недоумка, где тобой помыкают южанские лорды, а девушка насмехается над тобой. Из тебя никогда не выйдет толк! Так и будешь всю жизнь таскать воду и чистить овощи, чтобы готовить еду другим!»

— Заткнись, — вслух произнес Ручеек.

Сколько раз он хотел бросить это слово отцу, но не смел! Сотню раз, если не больше, его толкали, били, пинали, давали затрешины и оплеухи, как будто он и вправду позволил себе подобную дерзость. Пора ему действительно дать повод для наказаний. Даже если он каждый день в течение года будет ругать отца, этот человек все равно останется у него в долгу.

Уже засыпая, Ручеек подумал о Жаворонке, излишне стыдливой, но такой великодушной, сердитой, но так здорово рассказывающей истории. Она разговаривает с птицами, птицы повинуются ей, но она не считает себя другом птиц. Какой друг птиц мог бы сделать больше, чем она, — держать птиц подальше от этого дома, потому что нет возможности прислуживать им, как надлежит? Станный мир, в котором человек является магом, но так самозабвенно отрицает это, что сам не верит в собственную силу и потому никогда не воспользуется ею.

Наверное, это здорово — быть другом птиц. Говорят, будто звериные маги способны выбирать клант — животное, которое становится для них вторым «я». А выбрав клант, они могут вкладывать свою душу в это существо, видеть его глазами, ощущать мир как оно, слышать все, что оно слышит. Друг птиц может использовать свой клант, чтобы следить за другими людьми, или парить над землей, или, к примеру, добыть зайца или кролика и принести его домой, если птица хищная. Птичьему магу не придется голодать.

Но поскольку Жаворонок не верит, что она маг, у нее никогда не появится клант, а потому она не будет ни летать, ни охотиться, ни шпионить, а только стирать чужие вещи и отгонять птиц от дома получше любого пугала.

«Эх, был бы я звериным магом — я бы путешествовал в своем кланте каждую ночь, пока мое тело спит! Я бы считал время своего бодрствования сном, а часы сна — своей настоящей жизнью. Я парил бы над облаками либо в облике тигра или волка крался бы через лес или степь, свободный, сильный и бесстрашный!

Хотя я такой невезучий, что наверняка оказался бы мышинным магом и во время пребывания в кланте только и делал бы, что удирал от хищников».

Ручеек уснул, и ему приснилось, будто он — мышь, живущая внутри стен кухни, и он носится в темноте, вынюхивая, где бы стянуть еды.

Всю ночь ладонь его касалась камней у основания очага, он чувствовал землю под собой и камень в ней, холодный и твердый у самой поверхности земли, но более горячий и мягкий по мере погружения в глубину, и, в конце концов, текущий подобно меду — огромный яростный океан расплавленного камня, в тысячу раз обширнее и в десять тысяч раз тяжелее моря. Ручейку казалось, будто расплавленный камень течет в его венах и его сердце перекачивает этот поток.

Неловкость первого дня вскоре развеялась. Каждое утро Ручеек поднимался до рассвета и шел к фонтану, когда большинство женщин Хеттерферри еще спали. Там он наполнял кувшин и нес его обратно, возвращался и снова наполнял, и еще раз — чтобы воды хватило на все дневные работы. Выдавались и такие дни, когда ему хватало двух походов, потому что цистерна была полна.

Сначала Жаворонок была признательна ему, поскольку он выполнял самую тяжелую из ее обязанностей, к тому же она наливала кувшин только наполовину, и ей приходилось ходить за водой шесть раз в день. Но шли недели, и она начала воспринимать это как нечто само собой разумеющееся — и Ручеек считал, что это правильно с ее стороны. Пускай она трудится там, где требуются ее умелые руки. А у него, Ручейка, никаких особых умений нет. Он все делает в лучшем случае удовлетворительно — но для большинства работ по хозяйству этого достаточно.

Ручеек продолжал помогать на кухне. Никвиз и Капля были хорошими и терпеливыми учителями. Он вскоре отказался от их дорогих ножей из металла и стал пользоваться обсидиановым — такими пользовались все в Фарзибеке. Ножи из металла постоянно тупились о каменные разделочные доски, и их приходилось точить, а обсидиан, казалось, не терял остроты никогда и ложился Ручейку в руку куда удобнее, чем любой металлический клинок, как бы хорошо его рукоять ни была обтянута кожей.

Ручеек с Жаворонком стали друзьями, хотя и не сказать, что неразлучными. Когда им поручали что-то совместное, они работали в согласии и даже беззлобно перешучивались. Но могли и не видаться целыми днями, поскольку Жаворонок в основном находилась в доме, а Ручейка приставляли к работам во дворе. Жаворонок выходила во двор, только если собиралась стирать, и Ручеек поймал себя на том, что ждет этих дней, не потому, что так уж сильно тоскует по девушке, а потому, что ее общество — самое приятное во всем доме каменного мага. К тому же Никвиз и Капля никого не допускали в свою безукоризненную игру.

Примерно раз в неделю к магу являлись гости, которые проводили у него день-два, а потом уезжали. Зачастую это были купцы, лорд Брикель ужинал с ними, они общались, после гости отправлялись на рынок Хеттерферри — торговать с купцами, прибывшими по реке и по суше.

Ручеек вскоре узнал, что лорд Брикель не выполняет никаких манипуляций с камнем, ни за деньги, ни за подношения — маги Митерхоума платили ему, чтобы он работал только на них, так что в промежутках между их поручениями он бездействовал. Но Демвур сохранял неусыпную бдительность.

Иногда, во время совместных ужинов хозяина и его гостей, Ручеек спускался в погреб, прижимался к камням очага и слышал обрывки разговоров, поскольку камень передавал звуки, которые деревянные двери и полы заглушали. Хотя многие вещи не улавливались, Ручеек вскоре начал понимать, что язык собеседников полон иносказаний. Они смеялись совершенно несообразно тому, что было произнесено, а ответы бывали совершенно не связаны с вопросами.

Но почему в доме каменного мага Митерхоума гости скрывают смысл своих слов? Ручейку не раз приходило в голову, что эти купцы — еще и почитатели Тьюстана. Возможно, некоторые из них и сами являются каменными магами.

Ручеек терзался любопытством. О чем они говорят? Или, точнее, о чем не говорят?

Если бы только в гостиную постоянно не заходил Демвур... При нем беседа никогда не принимала интересного оборота. Само шпионство Демвура не было неуместным — воз-

можно, какой-то заговор каменных магов и впрямь существовал, — но Демтуру с его подходом не светило ничего насчет этого выяснить. Равно как и Ручейку не светило услышать.

Надежда была лишь на одно — хоть раз отвлечь Демтура от гостиной. Но Демтур никогда не перестанет следить за хозяином... если только у того не появится другой соглядатай.

Ручеек старался находиться в кухне во время ужина, затем стал пользоваться любым предлогом, чтобы отнести что-либо в гостиную. Так он видел гостей, хотя слышал теперь меньше, чем из погреба. Он постепенно изменял свою роль, пока не стал присутствовать при трапезе непрерывно, бегая с сообщениями или по поручениям или унося опустевшую посуду. Он неукоснительно хранил молчание, за исключением тех моментов, когда передавал информацию из кухни.

Сначала Демтур злился на него — до тех пор, пока как-то утром Ручеек не подошел к управляющему и не начал расспрашивать по поводу вещей, которые обсуждали накануне вечером гости лорда Брикеля. Задавая вопросы, Ручеек дал понять, что запомнил большую часть беседы, и вопросы эти касались тех самых тем, в которых можно усмотреть намеки на каменную магию.

— Можешь подходить ко мне в любой момент, — смилостивился Демтур.

Так присутствие Ручейка в гостиной сделалось желательным — во всяком случае, для Демтура. Чем больше Ручеек мог повторить из разговоров, тем на более долгое время Демтур позволял ему оставаться в комнате с лордом Брикелем и его гостями.

Еженедельное жалованье Ручейка удвоилось.

Ему было неловко за это двойное предательство. Ведь он и вправду шпионил за лордом Брикелем. Но шпионил он не настолько хорошо, как того хотел Демтур. Ручеек неизменно докладывал о тех вещах, которые сам Демтур неоднократно слышал. И никогда — о тех моментах, где лорд Брикель и его гости допускали промахи и открывали больше, чем следовало. А значит, Ручеек получал от Демтура монеты под ложным предлогом.

Когда Демвур позволил Ручейку находиться в гостиной во время ужинов, Ручеек стал ловить на себе изучающие взгляды лорда Брикеля. Каждый раз Ручеек опускал голову, как подобает слуге, чтобы спрятать заносчивое выражение, которое, как он уже знал, постоянно присутствует на его лице. Ручеек предполагал, что лорд Брикель догадывается: он — шпион Демвура, и размышляет, насколько Ручеек глуп и насколько свободно можно вести себя в его присутствии.

Поскольку в докладах Ручейка не было ничего особо подозрительного, постепенно лорд Брикель стал откровеннее со своими гостями. Те посматривали на Ручейка, но лорд Брикель лишь улыбался. Он никогда не говорил о новой роли Ручейка — роли бесполезного соглядатая, на тот случай, если Ручеек не союзник, а обычный тупица; однако присутствующим было ясно, что лорд Брикель не видит в нем большой угрозы.

В разгар лета гости стали появляться чаще, иногда по двое-трое в неделю, а иногда и по несколько человек одновременно. Демвур стал часто удаляться на ночь по своим делам, полагаясь на то, что наутро Ручеек передаст ему, о чем шла речь.

Один из гостей — некий Стокос, торговец мрамором — был важной персоной, поскольку два других гостя и сам лорд Брикель прислушивались к каждому его слову. Стокос постоянно изрекал загадочные высказывания — должно быть, некий тайный код, понятный только каменным магам. Будь тут Демвур, сама бессмысленность их беседы вызвала бы у него подозрения, и на следующий день у них с лордом Брикелем состоялся бы непростой разговор. Ручеек же не собирался докладывать об этих странностях. Но он запоминал их, чтобы позднее попытаться понять.

В один из визитов Стокос встал из-за стола, собираясь помочиться в очаг. Когда Демвур уходил, гости всегда так делали, будто это было неким подношением камню — или, может, способом обозначить свое присутствие, как у собак, ставящих метки на заборах Фарзибек. Но когда Стокос коснулся камней очага, он вдруг остановился, одернул рубаху и повернулся к присутствующим.

— Когда это стало живым? — спросил он.

Слова были совершенно ясны, и лорд Брикель с беспокойством взглянул на Ручейка. Тот наклонил голову и устоялся в пол.

Судя по шагам, все гости подошли к очагу.

— Цельный — до самого основания очага, — продолжал Стокос. — Я и не думал, друг, что ты на это способен.

Они называли лорда Брикеля другом, Ручеек предполагал, что таким образом они говорят о его титуле друга гальки, самой нижней ступени среди каменных магов, — и все же истинном маге, а не просто почитателе Тьюстана.

— В тихом омуте черти водятся, брат, — ответил Брикель.

Кажется, он один не встал из-за стола. Титул «брат» подразумевал, что Стокос был братом камня, каменным магом средней ступени.

— Так ты выполнял свою работу прямо на глазах у птичек небесных? — поинтересовался Стокос.

По мнению Ручейка, это означало: «Ты занимался каменной магией здесь, в доме, под надзором Демвура?»

— Хоть гнездо и из прутиков, все же птица вьет его на могучем дереве.

Ручеек понял так: «Мне приходится жить в деревянном доме, но это не говорит о том, что каменные его части не могут соприкасаться с каменным основанием, уходящим в глубины».

Ручеек знал, что очаг не из цельного камня. Или, по крайней мере, не был таковым. Он действительно соприкасался с землей, не отделенный от нее никаким деревом, в отличие от каменных плит пола в погребе. Небольшие камни лежали на скальном основании. Но Стокос утверждал, что очаг — из цельного камня.

— Умно, — одобрил один из гостей. — Сверху это выглядит как отдельные камни, но внутри — и вправду цельный.

— Тонкая работа, — восхитился другой гость.

— В годы учебы ты не выказывал подобных дарований, — усмехнулся Стокос. Но смешок был напускным — купец был искренне удивлен.

— Человек учится всю жизнь, — напомнил лорд Брикель.

— Но мудрый человек не станет показывать врагам, чему он научился, — отозвался Стокос.

Ручеек понял это так: «Ты рискуешь разоблачением».

— Рыба дальше воды не видит, — сказал лорд Брикель.

Это означало: «Водяные маги Митерхоума не могут знать, что происходит в глубинах камня».

— Но когда весеннее половодье несет гальку по течению — это рыба видит, — возразил Стокос.

Ручеек перевел: «А что, если они попытаются тут что-нибудь починить или заменить и обнаружат, что отдельные камни больше не вынимаются из массива?»

— Каменное ложе течением не несет, — произнес лорд Брикель.

То есть: «С чего вдруг кому-то понадобится чинить очаг, если цельный камень никогда не потребует ремонта?»

— Что ж, — подытожил Стокос, усевшись на свое место, — птичка вроде меня может понять, крепко ли дерево, прежде чем браться за постройку гнезда, но таким, как я, не дано исцелить мертвое дерево и вернуть его к жизни.

Уж не означало ли это, что лорд Брикель перескочил через ступень брата камня и выполнил работу, которая под силу только отцу камня? Тогда ясно, что так изумило Стокоса. Истинные отцы камня встречались нечасто. Маги-отцы в любом доме магии были редкостью. Именно поэтому в повествовании Жаворонка о великой битве с вериллиддцами упоминались только друзья гальки и братья камня, и им пришлось объединить свои усилия, чтобы совершить то, что отец камня сделал бы в одиночку. Возможно, тогда во всем мире не было ни одного отца камня — или все они были далеко от Митерхоума и не могли помочь.

Но если судить по тому, что Ручеек усвоил за свою жизнь, то магия была сочетанием прирожденных способностей, обучения и приложенных усилий. В историях о волчьих магах, что одновременно и пугали, и завораживали фарзибекскую детвору, рассказывалось о том, как какой-нибудь мальчишка обнаруживал, что постоянно привлекает внимание собак, его родители пугались, что их сын может оказаться

волчьим магом, и начинали держать его от собак подальше. В этих байках мальчик неизменно находил в лесу волчонка, кормил его, опекал, и тем самым его сила среди волков возрастала — не просто благодаря его врожденному дару, но и потому, что он шел на риск и проводил много времени, помогая волкам и спасая их. Все истории подразумевали, что маг не может превзойти уровень, с которым родился.

Но даже если можно увеличить магические силы, ревностно делая свое дело, то как лорд Брикель добился этого, если ему запрещено служить камню? Конечно же, при таких обстоятельствах могло оказаться, что любая услуга, какой бы незначительной она ни была, усиливалась благодаря риску. Да, должно быть, так и есть.

Однако сильнее всего Ручейка удивили не возможности лорда Брикеля, а слова Стокоса: «Птичка вроде меня может понять, крепко ли дерево». С точки зрения Ручейка, это могло означать лишь одно: только брат камня способен почувствовать, целен ли камень.

«Но я это чувствую!»

От этой мысли у Ручейка перехватило дух. Так значит, он такой же, как волчьи маги из деревенских историй! Он такой же, как Жаворонок, — он обладает магической силой, сам того не зная. Хотя, если подумать, самое большее, чем он мог бы быть, — это сыном гольша, человеком, который любит камень, но не имеет власти над ним. В конце концов, он ведь почитает Йеггата, как и вся его деревня!

И разве он когда-нибудь служил камню? И вообще, как можно служить камню — кроме того, что возвращать его к жизни, когда он мертв? Но на это способны только отцы камня... Тогда как каменные маги могут добиться увеличения силы? Однако же лорд Брикель сделал это.

Тут Ручейка осенило. Если он и вправду брат камня или, по крайней мере, обладает какой-то способностью, тогда, быть может, сила двух каменных магов — одного обученного и одного несведущего — объединяется таким образом, что опытный маг, лорд Брикель, может делать вещи, которые в одиночку ему не под силу.

«Оказывается, я здесь так служу, как и предположить не мог», — подумал Ручеек, ощущая гордость за то, что оказался полезен не только в домашней работе, но и в самой магии.

Трапеза продолжалась, но либо разговор перешел на более безопасные темы, либо тайный язык сделался более скрытым, и Ручеек перестал его понимать. Да и неважно: ужинавшие начали гонять его за едой, за элем, а потом — снова за едой; обычно требование добавки злило Каплю, а Никвизу было безразлично. Демвур вернулся домой очень поздно, обнаружил, что ужин все еще продолжается, и отправил Ручейку спать.

— Я позабочусь о них, пока они не поймут, что уже глубокая ночь, — сказал управляющий. — А если не поймут, я сам скажу хозяину об этом — завтра у него много работы.

— А можно мне будет тоже пойти? — спросил Ручеек.

— Эбб будет только рад, если ему кто-нибудь поможет нести хозяйские пробные камни.

О пробных камнях Ручеек услышал впервые и потому ожидал утра с особенным нетерпением. Он выяснит, что именно делают каменные маги! Он осознал свои собственные магические способности как раз вовремя. Ручеек понял, что учение может пойти ему на пользу.

Ручеек «отправился в постель», как всегда забравшись на чердак и усевшись прямо на полу посреди комнаты; он упражнялся в обуздании страха, что возникал у него, когда он оказывался так далеко от камня. Но на этот раз Ручейку удалось легко справиться с этим, поскольку теперь он понимал, почему столь сильно нуждается в камне и почему боится находиться в постройках, которые другим людям кажутся прочными и безопасными. Ему предстояло подождать, пока в доме воцарится тишина, а потом прокрасться в погреб, чтобы поспать. Он никогда прежде не обращал внимания на то, что спит меньше всех. Пока у него имелась возможность спать, касаясь рукой камней основания очага, он отдыхал за несколько часов и просыпался полный сил задолго до рассвета. Но если он оказывался вдали от камня, то спал беспокойно, часто просыпался, а поутру чувствовал себя так, будто за ночь глаз не сомкнул.

«Это потому, что я — каменный маг!»

Интересно, а как же высыпается лорд Брикель? В его-то спальне нет никакого выхода камня из-под земли. Постель у него деревянная, стоит на деревянном полу, а тот лежит на деревянных балках и перекрытиях.

Ручеек растянулся на полу чердака, закрыл глаза и стал слушать, как в доме постепенно стихают все звуки.

Проснулся он в темноте и тишине.

Пол под ним дрожал. Ручеек вскочил. Как ему удалось уснуть? Прежде на деревянном полу и на такой высоте ему не удавалось погрузиться в сон. Но возможно, теперь он на это способен — когда знает, почему ему страшно отрываться от камня.

В памяти Ручейка снова всплыло все то, что он узнал нынешним вечером.

«Я даже больший слепец, чем Жаворонок! — подумал он. — Она чувствовала, что может быть магом, но отказалась в это верить. Мне же это и в голову никогда не приходило».

Ручейку не терпелось спуститься в погреб и ощутить то же, что ощущал Стокос во время прикосновения к камням очага. Должно быть, лорд Брикель соединил камни воедино вчера днем — иначе накануне Ручеек наверняка заметил бы перемену. Видимо, то было великое деяние.

Но лорд Брикель большую часть дня провел на пристани Хеттерферри; там он общался со своими гостями и встречал Стокоса, который приехал лишь после обеда. Как же ему удалось проверить это дело за те несколько часов, что он находился в доме?

Ручеек поймал себя на том, что от возбуждения позабыл об осторожности и шумно пошел по лестнице. По пути вниз это было не страшно — он всегда мог объяснить, что идет в уборную. Но тогда ему и вправду придется туда отправиться, а спуск в погреб отложить на потом. Лучше уж никого не будить. Поэтому по оставшейся части лестницы Ручеек спустился особенно осторожно.

На первом этаже в канделябрах еще оплывало несколько свечей, но они уже почти догорели. Ручеек приблизился к погребу и, к своему удивлению, увидел внизу свет. В погре-

бе кто-то был. Ручейка тоже заметили. Так что оставалось лишь двигаться дальше и придумывать, что бы соврать. Если там Демвур, Ручеек скажет, что ищет именно его, желая отчитаться сейчас, потому что утром они будут заняты.

Но там был сам лорд Брикель. Одной рукой он держал свечу, вторая лежала на камнях основания очага. Едва он узнал Ручейку, как поставил свечу и жестом подозвал его.

Когда Ручеек приблизился настолько, чтобы слышать шепот, Брикель взял Ручейку за плечо и нагнулся к его уху.

— Что ты со мной делаешь? — спросил он.

Ручеек подумал, что лорд имеет в виду его шпионство.

— Я никогда не пересказывал ему ничего такого, чего вы сами при нем не говорите.

Хватка на плече усилилась.

— Где ты учился?

Фраза повергла Ручейку в замешательство.

— Сэр, я никогда нигде не учился.

— Но сделать это... я пытался сдвинуть тут какой-нибудь камень — хоть какой-нибудь, любой из них. Это проще простого. Сместить, вынуть, запихнуть обратно — все это я мог. Теперь же у меня ничего не получилось. Это — цельный массив. Живой, по словам Стокоса. И не притворяйся, будто не понимаешь, о чем речь. Я знаю, ты нас понимаешь. А я тебе доверял.

Да, притворяться действительно не имело смысла.

— Когда я впервые сюда пришел, он не был живым, — отозвался Ручеек.

— Так ты способен отличить живые камни от мертвых?

— Я не знал, что это магия, — оправдывался Ручеек. — Мне об этом никто не говорил.

— Ты что, и вправду такой дурень?

Ручеек начал злиться.

— Я вырос в деревне, почитающей Йеггата. Кто бы учил меня чему-то, связанному с камнем?

— Дело не только в камнях очага, но еще и в плитах пола. Под пол положили дерево, но ты связал все камни воедино, в один цельный массив живого камня. Ты думал, они не заметят? Ему достаточно будет просто пройти здесь, и он сра-

зу поймет, что ты сделал. Только он подумает, что это я связал их воедино, и я потеряю место. А если он поймет, что это живой камень, я потеряю жизнь.

— А что, вы этого не делали? — Ручеек коснулся камней очага и покачал головой. — Мой лорд, эти камни остались точно такими же, какими были утром. В смысле — вчера утром.

— С чего тебе вздумалось проверять их вчера утром, если ты не знал, что с ними происходят какие-то изменения?

— Я их не проверял, — объяснил Ручеек. — Я тут спал.

— Так ты не можешь определить, живой ли это камень?

Ручеек снова положил ладонь на камни и осторожно проследовал внутрь массива, посмотреть, где он окончится, и не нашел конца. Камень сплошной колонной уходил в землю. Он больше не покоился на утрамбованной земле. Все те камушки, что прежде образовывали тысячи цепочек между основанием очага и скальным основанием, сделались теперь единым потоком, что поднимался сквозь почву и выходил наружу в виде очага и плит пола, созданных изначально из отдельных камней, что сплавились теперь воедино в глубине, сокрытой от чужих взглядов.

— Я не... я не смотрел, — признался Ручеек. — Я никогда не замечал разницы. По ощущениям оно всегда было одинаковым.

— Ты спал здесь? — спросил лорд Брикель. — Покажи.

Ручеек улегся, как ложился обычно, и положил руку на камень.

— О, Тьюстан! Что за идиот! — воскликнул Брикель. — Урожденный маг каждую ночь спит, держа руку в камне.

— Вовсе не в камне, мой лорд, — возразил Ручеек.

— Именно что в камне! Твоя рука в камне, а камень в твоей руке. Ты вливаешь в камень свою жизнь, а камень вливает в тебя силу. Ты только посмотри на свое лицо! Как я сразу не понял? Оно же уже наполовину каменное!

Ручеек потрогал свое лицо. Ничего подобного, обычное.

— Демвур ведь сказал мне, что ты можешь принести полный кувшин воды, даже не останавливаясь передохнуть, — а я не удивился! Что бы со мной теперь ни случилось — я это заслужил!

— А почему с вами должно что-то случиться, лорд? — удивился Ручеек.

— Я давал клятву, что являюсь всего лишь другом гальки, и, клянусь Тьюстаном, это правда. Но они никогда не поверят, что лишь слепой случай привел ко мне в дом... отца камня.

— Что?!

Ручейка пробрала дрожь. То ли от страха, то ли от радости — он и сам не понял. Возможно, от того и другого одновременно.

— А ты что думаешь, такое под силу друзьям гальки или братьям камня? Ты спал и во сне прокладывал путь сквозь камень — конечно, он присоединился к скальному основанию, к цельному шару живого камня, на котором держатся океаны и континенты. Ты невежда и не знаешь ничего, это очевидно, но ты наделен силой. Камень любит тебя. Ты что, не замечал? Разве он не выказывал тебе любовь в течение твоей жизни?

Ручеек вспомнил, как лазал по скалам: «Мне удавалось находить трещинки, выступы и зацепы там, где другие этого сделать не могли, потому что камень открывал их для меня. Потому что он меня любит. И я люблю камень. Как тот мальчишка — волчий маг из истории — любил волчонка. Мне всю жизнь нравилось ощущать прикосновение к камню. Я работал с ним, строил из него, тесал его, лазал по нему, спал на нем, когда была такая возможность. Мне никогда и в голову не приходило, что я — каменный маг».

— Выказывал, — сообщил он лорду Брикелю. — Но я не придавал этому значения. Это было лишь частью жизни — держать камень в руке или лазать по нему.

— И ты не чувствовал связь с камнем внизу?

— Я полагал, это просто сон.

— Если бы ты учился в школе в Киллиту, ты бы знал, что о таких снах нужно рассказывать наставнику. Тогда бы давно открылось, кто ты такой.

— Я не могу быть отцом камня! — запротестовал Ручеек. — Я... я Ручеек.

— Ты не отец камня. Ты обладаешь его силой, но не мастерством. Ты даже не понимаешь, что делаешь. Ты не умеешь контролировать свою силу. Ты не можешь остановиться.

— Научите меня.

— Нет. Только не здесь. Ты что считаешь, что Демвур не заметит? Нет, ты уйдешь отсюда, а я попытаюсь отделить эти камни друг от друга.

Мысль о том, что камни снова будут разделены, обрушилась на Ручейка как удар.

— Но он же теперь живой!

— Он не должен быть живым. И не был, пока ты его не сплавил.

Теперь до Ручейка дошел смысл предыдущих слов лорда Брикеля.

— А куда мне идти?

— В Киллиту, конечно. Отправляйся в храм Тьюстана и поведай им о том, что произошло здесь. Стокос подтвердит правдивость твоих слов, они испытают тебя, все будет хорошо, обещаю. Но ты исчезнешь отсюда сегодня же.

— Я не знаю дороги. И стражники меня не пустят.

— Они тебя не заметят. Ты что, не понимаешь? Просто прижмись к каменной стене крепости, и они тебя не увидят.

— Я никогда...

— Не время спорить. Ты уйдешь немедленно.

— Почему мне нельзя подождать хотя бы день?

— Потому что если Демвур обвинит меня, я тебя выдам. У меня нет другого способа доказать ему, что это сделал не я. Потому я открою ему правду о тебе. Я буду говорить, что ты явно не понимал своих действий, что все это — чистая случайность. Но как думаешь, их будет волновать, нарочно ты это сделал или нет? Отец камня здесь, в Хеттерферри, у самого подножия Митерджата!

— И что они станут делать? — спросил Ручеек.

— А что они делают с каменными магами? Утопят тебя, потом сожгут твоё тело, а пепел развеют над водой.

— И вы позволите им так обойтись со мной просто ради того, чтобы не потерять работу?

— Глупец! Это не моя работа! Это — единственная связь, которая сохранилась у народа камня с Митерджатом! Даже если они меня не убьют, они никогда не подпустят ни одного каменного мага к этой долине. Мой единственный шанс сохранить их доверие — это выдать тебя. А теперь уходи — прочь из дома, из сада, на улицу. А я буду разбираться с теми неприятностями, которые ты натворил.

«Неприятностью» был живой камень, и Ручейка замутило при мысли об этом.

— Я не могу уйти,— сказал он.— Я не могу допустить этого.

— Что?! — возмутился лорд Брикель.

— Я не могу позволить вам убить камень.

— А придется,— раздраженно бросил лорд Брикель.

Он положил руку на камень, и Ручеек почувствовал, что делает маг, почувствовал, как на прежних своих местах начинают змеиться трещинки и камни отделяются друг от друга. Умирают.

Ручеек, не задумываясь, снова соединил камни.

— Тьюстан! — вырвалось у Брикеля.— Я приказываю тебе убраться!

— И оставить камни умирать?

— Да не будь ты такой бестолочью! — Лорд Брикель совсем потерял терпение.— Эти камни с радостью погибнут ради того, чтобы когда-нибудь каменные маги вернулись к Митерджату. Я не убиваю их, я помогаю им совершить акт самопожертвования. А теперь уматывай из погребца. Наша беседа слишком затянулась.

Ручеек попытался понять суть происходящего. Он чувствовал, как камни умирают под рукой Брикеля. Но вместе с тем отдавал себе отчет, что это, возможно, необходимо. Разве друзья гальки не работают все время с мертвым камнем? И разве эти мертвые камни не вызвали ощущение тепла, когда Ручеек ступал по ним? Мертвый камень не умирает — во всяком случае, так, как умирают люди. Камень можно разбить на куски, можно сложить эти куски обратно и соединить — и камень снова оживет. Он, Ручеек, должен позволить Брикелю разбить камень.

«Я — отец камня. Я должен думать о благе для мирового камня, точно так же, как отец стаи в облике кланта пожертвовал жизнью ради спасения стаи».

Ручеек вернулся к лестнице и поднялся на первый этаж. Имущества у него не было, и уносить с собой ему было нечего, кроме одежды, которая и так была на нем. Разве что прихватить обсидиановый нож.

Ручеек тихо прошел через дом к задней двери, выходящей в сторону кухни. Он отворил ее — и наткнулся на Демвур.

— Ты что тут делаешь? — поинтересовался Демвур.

— Писать иду.

— Где ты был?

— Спал.

— Я поднимался на чердак. Тебя там не было. Я вышел посмотреть, не в уборной ли ты. Я хотел поговорить с тобой насчет прошлого вечера. О наших гостях.

— Я иду писать.

— Где ты был, когда я поднимался на чердак?

Что бы придумать? Почему он спустился пописать, а застрял в доме?

Ручеек шагнул на каменную ступень лестницы, ведущей в сад, и произнес, чуть повысив голос:

— Лорд Брикель хотел поговорить со мной насчет завтрашней работы.

Нога его касалась камня, и он чувствовал связь с живым камнем — до самого основания очага, где работал лорд Брикель. Ручеек отыскал участок, который еще был жив, и надавил на него так, что тот подался вперед. Лорд Брикель наверняка заметит это и воспримет как предупреждение.

— Он хотел взять меня вместо Эбба, — громко сообщил Ручеек. Если лорд Брикель поднимается из погреба, то он его услышит. — Для работы в городе.

— Ты его сам попросил, не так ли? — уточнил Демвур.

— Сэр, зачем бы я стал его просить? — удивился Ручеек. — Вы же до этого распорядились, чтобы я нес половину пробных камней.

Демвур пристально взглянул на него.

— С чего вдруг хозяин решил поговорить с тобой об этом? Ты просто будешь делать то, что тебе велят.

— Он не очень хорошо меня знает, но я... ну... проворнее Эбба. По крайней мере, хозяин хочет в этом убедиться. Может, ему требуется что-то такое, на что Эбб не способен. Я не в курсе, сэр. Я просто делаю то, что мне велят.

— Что они обсуждали вчера вечером? — властно спросил Демвур.

Тут в дверном проеме за спиной у Ручейка возник лорд Брикель.

— Что вы пытаетесь выведать у моего слуги?

Демвур прикусил язык.

— Вы что, Демвур, шпионите за мной?

«А это что, тайна?» — удивился Ручеек. Просто все делал вид, будто Демвур — всего лишь управляющий. Теперь же делать вид стало невозможно.

— Это так-то маги Митерхоума обращаются со мной? Разве я не выполняю все поручения и не придерживаюсь всех условий нашего договора?

— К вам являются посетители, — заметил Демвур.

— Мне дозволено принимать у себя друзей, — заявил лорд Брикель. — Это входит в условия соглашения.

Пока они разговаривали, Ручеек продолжал работу лорда Брикеля, отделяя друг от друга камни очага, основания и плит пола. У него это получалось быстрее, чем у лорда Брикеля, и ему не нужно было прикасаться к каждому камню. Час назад он даже не понял бы, как подступиться к этой задаче, но теперь, посмотрев, как это делает лорд Брикель, Ручеек понял, как это ощутить, как показать это камню, как пройти через него и разделить его.

Лорд Брикель оказался прав: камень не стонал — он принимал это разделение, он знал, что Ручеек поступает правильно, защищая весь мир камня. Камень полюбил Ручейка за то, что тот собрал его воедино, и не стал ненавидеть за то, что он его разделял.

— Вам не разрешали приводить сюда каменных магов, — возразил Демвур.

— Совершенно верно, — согласился Брикель. — Но кто, по-вашему, мои друзья? Они, по крайней мере, сыновья голыша, почитатели Тьюстана.

— Здесь запрещено поклоняться Тьюстану.

— А мы здесь ему и не поклоняемся, — терпеливо объяснил лорд Брикель. — Но вы в курсе, что сыновья лужиц обладают толикой силы, впитанной благодаря их служению Йеггату, — то же самое происходит с сыновьями голыша. Если вы ощутили в них некую силу, то причина именно в этом, а не в том, что они маги.

— Я вижу, между вами существует связь, — настаивал Демвур.

— Конечно, — кивнул лорд Брикель. — Но только не во время работы. Когда такие связи наличествуют, я не выполняю никаких магических действий для города. Если вы и вправду тот, за кого я вас принимаю, то вы это знаете. Вы знаете, что я никогда не связываю себя с камнем — кроме тех моментов, когда маги Митерхоума просят меня об этом.

Ручеек понял — это предостережение. Если Демвур действительно имеет подобные способности, ему довольно взглянуть на Ручейка — и он почувствует, что Ручеек связан с камнем у себя под ногами. Потому Ручеек отступил на деревянный пол и взялся за деревянный косяк двери.

Он снова вмешался в беседу — на тот случай, если лорд Брикель его не слышал.

— Хозяин хотел поговорить со мной насчет того, что мы будем делать завтра. Можно, я теперь пойду в уборную?

— Что вы будете делать завтра? — обратился Демвур к лорду Брикелю.

— Исполнять свои обязанности, — отозвался лорд Брикель. — С этого момента вы больше не являетесь моим управляющим. Если вы останетесь здесь, то только в качестве соглядатая, а если маги Митерхоума решат держать при мне соглядатая, они тем самым нарушат наше соглашение.

Ручеек направился в кусты, куда обычно ходил помочиться, — уборную он навещал исключительно ради других нужд. Но спор до него доносился.

— Что ж, теперь вам известно, что я использовал этого мальчишку в качестве соглядата, — произнес Демвур. — Он тоже уволен?

— Если тут не будет вас, чтобы его расспрашивать, ему не для кого будет шпионить. Он старателен и невежествен. Так что уйдете отсюда вы. Сейчас же. Поутру мы выставим ваши вещи за главные ворота.

— И куда я пойду ни свет ни заря? — возмутился Демвур.

— К вашим хозяевам, с докладом, — ответил лорд Брикель. — Сообщите им, что их мосты и арки могут рухнуть, потому что я теперь понял, что работаю на клятвопреступников.

— Вы знали, что я согляда тай.

— Я это подозревал, — уточнил лорд Брикель. — А теперь знаю точно. Убирайтесь.

«Что же я наделал? — ужаснулся Ручеек. — Я этого не хотел!»

Когда он вернулся к дому, лорда Брикеля и Демвура уже не было — наверное, направились к воротам.

Ручеек помчался обратно в погреб и быстро закончил разделение камней. Он старался не думать об этом как об убийстве. «Когда-нибудь я еще оживлю вас», — снова и снова повторял он про себя, давая обещание Тьюстану, богу камня.

Если ты считаешь, что перед тобой камень, то как ты можешь с ним разговаривать? Но если это бог Тьюстан — ты можешь взывать к нему и надеяться, что тебя услышат.

И все же Ручейка терзало ощущение вины, поскольку он рос, почитая Йеггата — бога воды, господина всего, сокрушающего горы, приносящего жизнь в пустыню.

«Как вышло, что я — каменный маг, если все мои помыслы были о Йеггате?»

И тут Ручеек осознал, что не ритуалы радуют богов. «Я поклонялся Йеггату, но карабкался по скалам и погружал пальцы в камень. Там, в горах, каменное сердце мира сделало меня тем, кем я теперь являюсь, — не глядя на то, кому я молюсь».

Водяные маги Митерхоума пришли за Брикелем, когда солнце одолело половину пути до зенита. День был прохладным и ясным, потому многие жители Хеттерферри вышли

посмотреть на процессию. Лорд Брикель был облачен в замысловатый наряд, который показался Ручейку нелепым, но на всех остальных явно произвел немалое впечатление. Ну какое отношение одежда имеет к магии? Однако же водяные маги тоже были в причудливых головных уборах и ярких одеяниях; с ними шли мальчишки, которые несли знамена и всю дорогу до пристани играли на трубах и барабанах.

На реке их ждал плот, напомнивший Ручейку тот плот, который он помогал загружать в свой первый день в Хеттерферри. Интересно, если бы тогда плот отвез его в Митерхоум, узнал бы он о своих способностях? Если бы он никогда не открыл свою силу, он был бы более счастлив или менее?

Конечно же, для всех Ручеек был всего лишь слугой каменного мага, который тащит на спине тяжелый груз из множества разнообразных камней; каждый камень — всего лишь небольшой образец, но Ручейку казалось, будто он тащит целую стену. Однако он мог нести их. Интересно, уж не потому ли, что камень для него каким-то образом меняет свой вес и становится легче, чем для других людей? Или в нем самом достаточно камня, поэтому он силен и может нести тяжелую ношу? Если так, то тогда ясно, почему он способен таскать полный кувшин, хотя еще не взрослый. Возможно, все важное в нем восходит к камню в его сердце.

Их перевезли по воде в Митерхоум, потом начался долгий пеший подъем по бесконечным лестницам на верхний ярус города. Их путь извивался по крутым склонам Митерджата. Когда босые ноги Ручейка касались каменных ступеней, он ощущал какую-то пульсацию внутри горы, похожую скорее не на биение сердца, а на биение крыл огромной птицы, что попала в ловушку и никак не может вырваться. Ручейку хотелось поискать источник этого биения, но лорд Брикель велел ему ничего не делать, ничего не пытаться разузнать и вообще не думать о камне. «Это слишком опасно, — наставлял его Брикель. — Вспомни, что ты сделал с камнями моего дома — во сне, сам того не желая».

Потому Ручеек не стал исследовать камень. Вместо этого он шел по лестницам все вверх и вверх; по одну сторону от

него была городская стена — о ней явно заботились, — а по другую — дома, цепляющиеся за склон.

Они миновали ворота в стене. Несколько ступеней — и они очутились на краю утеса; это был не крутой обрыв канала Каменных Магов, который Ручеек видел в первый день, а естественное русло, проточенное водой. Через него была перекинута арка моста, того самого, ради которого лорда Брикеля и позвали — чтобы мост укрепить. Ручеек сразу увидел, почему возникла такая необходимость. Когда повозки и пешеходы пересекали мост, тот дрожал, и от этого камни терлись друг от друга и уменьшались. Арка моста проседала, переносила давление на те камни, что были ближе к краю. Если несколько камней выпадут — прочие ослабнут, и мост рухнет. Может, через год. Может, через месяц. Так что мост был явно ненадежен.

Лорд Брикель взошел на мост и опустился на колени, потом лег ничком, как будто смотрел в камень. Ручеек стоял рядом с ним, держа сумку наготове. Брикель поднял руку, и Ручеек поднес ему открытую сумку. Брикель пошарил в ней и вытащил два камешка: гранит и кварц. Он взял их в руки и прижал к камню моста.

«Он ничего не делает, — подумал Ручеек. — Мост разрушается, а он ничего не делает, просто устраивает представление. Это мошенничество».

Когда мост упадет, умрут люди.

Но если он, Ручеек, соединит несколько камней воедино прямо в середине моста, чтобы они стали одним целым, никто со стороны этого не увидит, а камни больше не будут тереться друг о друга, и давление снова станет вертикальным, а не горизонтальным, как и рассчитывалось при постройке.

Это было так просто, так малозаметно — соединить камень с камнем.

Но процесс вышел из-под контроля. У Ручейка не было ни опыта, ни умения себя контролировать, и он не смог вовремя остановиться. Соединение зашло дальше, чем ему хотелось. Мост целиком обратился в единый живой камень.

Лорд Брикель приподнялся на локтях и воскликнул:

— Нет!

Вода под мостом внезапно забурлила, словно разгневалась.

— Ты что сделал?! — выкрикнул один из водяных магов.

— Он заключил поток в туннель! — завопил второй.

Они тут же подхватили его и поставили на ноги. Один из магов хотел подтащить Брикеля к краю моста и сбросить его в воду, но прочие не позволили ему этого сделать — они крепко держали каменного мага.

— Ты не друг гальки! — заявил глава водяных магов. — Ты возвел над потоком крышу из живого камня! Ты заключил его в туннель! Святотатство! Ты все время лгал нам! Ты — отец камня!

Лорд Брикель посмотрел в глаза Ручейку, но не сказал: «Это не я, это вон тот мальчишка». Он промолчал, и его поволокли прочь с моста, обратно через ворота и по ступеням — в город.

Ручеек пошел следом; он тащил мешок с камнями и проклинал себя за глупость. Он совершил роковую ошибку совершенно случайно — но лорду Брикелю от этого было не легче. Ему было неизвестно, что вода терпеть не может, когда ее заключают в туннель, и постоянно стремится освободиться, но это его не оправдывало. Откуда ему было знать, что водяные маги почувствуют тот момент, когда мост делается живым камнем?

Ручеек понимал: без толку признаваться в том, что отец камня — он. Тогда водяные маги обвинят лорда Брикеля, что тот сознательно позволил Ручейку заниматься магией в городе, и наказание будет тем же самым. Только тогда их накажут обоих.

«Я должен освободить его, — решил Ручеек. — Я навлек на него беду своим неповиновением. Мне его и выручать».

Ручеек следовал за магами, пока они не добрались до основной части города, расположенной на юго-западном берегу Митерлоха. Большая часть города находилась за пределами стен, которые выше взбирались по склонам Митерджата. Лорда Брикеля отвели в одинокую башню у озера, стоявшую на дальней оконечности короткого и широкого полуострова. Ру-

чеек попытался проникнуть туда следом за ними, но один из водяных магов остановил его.

— Я должен быть с хозяином, — произнес Ручеек.

— Тебе не захочется быть с ним там, куда он отправился, — ответил водяной маг.

— Что вы с ним сделаете?

— То, на что он согласился, когда подписал с нами договор, — сообщил водяной маг. — Он знает наказание.

Ручейку хотелось закричать, что лорд не отец камня, что хозяин сам обнаружил способности Ручейка всего лишь прошлой ночью, что Брикель не мог знать о глупой выходке Ручейка и, соответственно, помешать ей. «Я все исправлю, — хотелось сказать Ручейку. — Я сделаю все, как было!» Но этим он ничего бы не добился — только сам очутился бы в той же башне и ждал бы того же наказания, которое предстояло понести лорду Брикелю.

Ручеек подумал: а не вернуться ли ему в дом каменного мага и не посоветоваться ли с Жаворонком? Но что это даст? Он просто окажется еще дальше от лорда Брикеля. Жаворонок все равно понятия не имеет, что должен делать отец камня.

Ручеек вспомнил ее историю о каменных магах, участвовавших в той великой войне. Как там она говорила? «Они разделись на святом месте среди камней и легли нагими на камень, друзья гальки запели, а братья камня под их пение погрузились в камень». У Ручейка не было друзей гальки, что пели бы для него, и он не представлял, что это за песнопения. Но он был отцом камня. Если братья камня могли погрузиться в камень, значит, и он может. Погрузиться в камень стены башни и появиться с другой стороны — внутри, там, где держат лорда Брикеля. «Я могу вывести его тем же путем или, если захочу, проделать выход».

Ручеек обошел башню, отыскал место, где его не было видно, и приложил ладони к камню. Но камень не был живым. Ручеек мог вскарабкаться на него, и под его пальцами возникли бы щели и выступы, но не мог погрузиться в него, как проделывал это с живым камнем.

Поняв, что потерпел неудачу, Ручеек прислонился к стене, и тут из-за угла кто-то показался. Это был Демвур.

— А я думаю, куда ты делся? — обратился к нему бывший управляющий. — Видишь, что натворил этот глупец, твой хозяин?

— Я не знаю, что он натворил, — пожал плечами Ручеек.

— Он выдал себя, — пояснил Демвур. — И теперь он умрет. Пошли со мной — все имущество каменного мага перешло ко мне.

— Я не его имущество, — возразил Ручеек. — Я свободный человек.

— Человек? — повторил Демвур. — Ты еще не достаточно взрослый. А вот насчет свободный... Решай сам. Свободному мальчишке нечего будет есть и негде будет спать. Хочешь — ешь камни из этого мешка, мне без разницы. Если пойдешь со мной — сохранишь свое место. Если останешься здесь — я выгоню тебя из города, руководствуясь законом о бродягах, потому что у тебя нет здесь ни дома, ни хозяина, ни родни.

Тут Демвур попытался схватить Ручейку за плечо.

Ручеек увернулся, запустил руку в мешок и вытащил кусок песчаника.

— Не заставляйте меня кидать это вам в голову, — пригрозил Ручеек. — Я не промахнусь.

— Ты угрожаешь жителю города?

— Я защищаюсь от человека, который пытается силой захватить меня, — ответил Ручеек.

Демвур отступил на шаг.

— Вот ты как? Ладно. Когда я вернусь, со мной будут солдаты, и они точно вышвырнут тебя из города. Я не стану тебя принуждать.

Едва Демвур убрался, Ручеек бросил мешок и побежал. Назад, туда, откуда пришел, сквозь ворота в стене, на самую высокую точку дороги, что обвивала Митерджат. Но вместо того, чтобы спускаться к мосту, Ручеек сошел с дороги и стал карабкаться по крутому склону к вершине.

Возможно, это было не самым умным решением, поскольку вскоре Ручеек обнаружил, что неподалеку бьет источник, дающий начало ручью. Видимо, то было очень почитаемое

священное место Йеггата, потому что вдоль ручья выстроились хижины святых отшельников, которые выходили по несколько раз в день, погружались в ручей и оставались в его водах, пока не замерзали настолько, что едва могли двигаться. Вокруг источника стояли дома жрецов и несколько храмов, к источнику тянулся непрерывный поток посетителей.

Но Ручейку нужен был не источник и не ручей, а вершина. На ней располагался разрушенный каменный круг, что некогда являлся сводом живого камня из истории Жаворонка. Раньше там лежали тела каменных магов, сожженных заживо в каменной печи, в благодарность за спасение города. Место предательства. Изначально Митерхоум был построен каменными магами. Водяные маги оттеснили их и стали ими править, потом, должно быть, каменные маги решили, что заслужили право быть равными в своем же собственном городе — и их убили.

У этих руин никого не было. С точки зрения водяных магов, это место не было святым.

А с точки зрения Ручейка — было. Здесь он снова почувствовал биение — сильнее, чем когда-либо. «Я нашел сердце горы. А может — сердце всего мира».

Следуя повествованию Жаворонка, Ручеек снял всю одежду и лег на живой камень, туда, где, возможно, находился один из братьев камня, когда под стенами бушевала битва и город терял всякую надежду.

Ручейка озаряли солнечные лучи. День был в разгаре, и, невзирая на холодный воздух, солнце припекало. Теперь, когда Ручеек хранил неподвижность, он понял, что его тело дрожит. «Что я натворил? Брикель велел мне ничего не предпринимать, но я подумал, что лучше знаю, как следует действовать. Я полагал, что спасаю мост, а вместо этого погубил Брикеля».

Биение под ним сделалось сильнее.

Ручеек начал погружаться в камень.

«Я этого не делаю, — бежали в голове мысли. — Я не вдавливаю себя в камень. Я просто лежу себе, а камень радушно принимает меня».

Он погрузился целиком; камень сомкнулся над ним. Ручеек лежал в темноте, но по-прежнему ощущал кожей жгучие солнечные лучи. Нет, не кожей. Камнем над ним. Камень Митерджата — вот что стало теперь его кожей. Ручеек погрузился в камень, но и камень погрузился в него. Теперь Ручеек ощущал весь Митерджат, словно часть собственного тела.

И он был не один.

«Отец камня», — донесся до него шепот, который повторялся снова и снова, пока голосов не стало, по меньшей мере две дюжины.

«Кто вы?» — спросил Ручеек. Только он не шевелил губами — не мог. Однако он услышал себя так же четко, как если бы произнес эти слова вслух.

«Ты знаешь, кто мы, — раздался голос. — Мы долго ждали тебя».

«Вы — те самые братья камня, которые создали канал Каменных Магов? Те, которые выиграли битву и которых потом сожгли?»

«Они сожгли наши тела, — уточнил один из братьев камня. И еще один. И еще. — Наши оболочки умерли. Но наши сущности странствуют в камне, придавая ему форму. Это все, что живет, а мы угасаем. Мы ждали, пока придет отец камня. И вот ты здесь. Спаси город!»

Спаси город? О чем это они?

«Вы уже спасли город, — удивился Ручеек. — От вериллидцев».

«Давным-давно, — разносились голоса. — И это были всего лишь люди. Мы же спасаем город от текучего камня. Чувствуешь, как он желает подняться?»

Братья как будто вели Ручейку, хотя тело его не шевелилось; он путешествовал сквозь камень.

«Вы ведете сквозь камень мою сущность?» — поинтересовался Ручеек, и они ответили: «Да».

Братья провели его под Митерджат, туда, где толстый свод холодного камня придавливал книзу горячий свод бурлящей, текучей магмы, давящей вверх.

«Кровь-камень хочет течь. Хочет вырваться на волю. Мы удерживали его все эти годы, но он делается сильнее, а мы слабеем. Вскоре он вырвется».

«Что я могу сделать?» — спросил Ручеек.

«То, что делали мы. Удерживать его. Если он вырвется, Митерджат исчезнет, город будет полностью уничтожен, озеро превратится в реку, а вся эта прекрасная земля будет покрыта пеплом и молодым базальтом».

«Они убили вас. Почему бы вам в ответ не уничтожить их?»

«Митерстейн был создан как союз камня и человека. Что с того, что в нынешний момент им правят водяные маги? Мы не можем допустить, чтобы священный город был разрушен».

«И мне нужно оставаться здесь до конца своей жизни? Удерживать вулкан?»

«Внутри камня жизнь твоя удлинится и продлится до тех пор, пока не придет другой отец камня».

«Я не могу. Я должен спасти своего хозяина, лорда Брикея».

«Он всего лишь друг гальки. Он не сможет помочь в этой работе».

«Вы не понимаете. Из-за меня с ним случилась беда. Его собираются убить. Мне нужно освободить его из тюрьмы. Прямо сейчас».

Ручеек увернулся от мягкого давления братьев и отправился в одиночку сквозь живой камень. Здесь, в глубинах, трудно было соотнести свое местоположение с расположением города. Лишь приблизившись к поверхности, Ручеек сумел почувствовать булыжник площадей, огромные каменные блоки крепостных стен и давление тяжелых зданий, вжимающихся в землю.

Он отыскал башню на полуострове и сплавил ее камни со скальным основанием, превратив башню в живой камень. Ручеек не стал утруждать себя и не сохранил внешнюю видимость раздельности камней. Он знал, что со стороны башня теперь выглядит единой, гладкой каменной поверхностью, вырастающей прямо из земли. Пускай теперь ломают головы, как это могло случиться! Ручеек камнем зарастил двер-

ной проем. Ни один водяной маг не сможет теперь пройти через эту дверь.

Теперь, когда стены башни были живыми, сущность Ручейка могла пройти сквозь них. Он создал для себя тело из живого камня — легко, будто постоянно проделывал такие вещи. Он дал своему телу глаза, так что его сущность могла видеть, дал ноги — и она могла ходить. Ручеек вытолкнул свое новое каменное тело из стены и зашагал по покатому спиральному коридору башни.

Водяные маги и стражники пытались остановить его — они ломали свое жалкое оружие о его каменное тело, они атаковали его заклинаниями — но в нем не было воды, что повиновалась бы им. Ручеек смел их с дороги и прошел.

В самом низу спирального коридора находился бассейн — на том же уровне, что и озеро. Посреди бассейна, на тростниковом плоту, лежал лорд Брикель, связанный так, что и пошевелиться не мог.

Ручеек подвел свое каменное тело, свой клант — он теперь знал, что создал клант, — к краю воды и опустил на колени. Те вросли в живой камень пола, Ручеек снова сделался частью камня. Он стал вытягивать свои руки, и они тянулись все дальше и дальше, пока одна из них не перекинулась на другую сторону бассейна, пройдя точно над плотом, на котором лежал Брикель. Другой рукой он разорвал путы Брикеля.

Маг взобрался на созданный Ручейком мост и перешел через бассейн в безопасное место.

— Ручеек! — воскликнул лорд Брикель. — Какой в этом толк? Лучше бы ты позволил им убить меня.

Ручеек не знал, может ли его клант говорить. Он прижался головой к голове Брикеля и стал вещать внутри его сознания, как общался с сущностями братьев камня.

«Пора исправить старую несправедливость, — произнес он. — Будь моим голосом. Пришло время каменным магам вернуться в Митерстейн».

«Мы мечтаем об этом. Но мы не готовы».

«Ты теперь отец камня, — продолжал Ручеек. — Скажи им».

Клант Ручейка прошел обратно по коридору-пандусу, туда, где у места бывшей двери столпились водяные маги и солдаты.

— Выпусти нас! — кричали они. — Мы не сделали тебе ничего плохого!

Лорд Брикель вышел из-за кланта Ручейка.

— Вы что думаете, я стараюсь ради собственного спасения? — обратился он к ним. — Я принес послание от отца камня, чей клант вы видите перед собой. Этот город — Митерстейн, он построен каменными магами на заре времен. Вы — дети вероломства, дети предателей, которые убили каменных магов, спасших вас от врагов. Настал день расплаты.

— Что мы можем сделать? — взмолились водяные маги.

Но тут Ручеек ощутил что-то странное и ужасное. На живой камень башни напало нечто, прогрызающее камень и превращающее его в крохотные частички мертвой пыли. В стене возникла брешь, сквозь нее одно за другим вошли три существа, сделанные из воды.

Водяные маги приободрились.

— Отцы воды прислали тебе ответ, отец камня!

Три водных кланта зашагали к каменному кланту Ручейка. Когда они прикоснулись к Ручейку, тот почувствовал, как сдирают камень его кожи. Он попытался восполнить запас энергии из живого камня у себя под ногами, но противников было трое, и Ручейку сложно было удержаться в прежнем состоянии.

Потому он перетек вместе со своим клантом обратно в живой камень пола.

Он снова оставил Брикеля на милость водяных магов.

«Я был глупцом, — размышлял Ручеек. — Чувствуя всю эту силу, я позабыл, что водяные маги обладают собственной силой. Они побеждали нас прежде. Отчего я решил, что смогу победить их в одиночку?»

«Забудь о них, — забормотали братья камня. — Помоги нам сдерживать текучий камень».

Но Ручеек не собирался ни о чем забывать. Он подумал: «Чем я могу им навредить? Как могу вынудить их отпустить Брикеля?»

Ему вспомнился пористый камень в цистерне у дома лорда Брикеля. Там он служил фильтром. Но здесь подобный камень мог бы пригодиться для совершенно других целей.

Ручеек послал свою сущность сквозь лежащий под озером камень. Начиная с небольшого выхода пласта, окруженного со всех сторон водой, Ручеек стал делать камень таким же пористым, как фильтрующий камень в цистерне. Только дыры и ходы он сделал больше, и те стали заполняться водой. Ручеек растягивал эту пористость все дальше и дальше по каменному дну озера, уводил ее все глубже. По мере распространения вширь пористый камень начал подниматься выше, к поверхности; уровень воды в озере начал падать.

В конце концов озера не осталось вовсе. Лишь обширное пространство пористого камня, внутри которого скрылась вся вода.

Ручеек чувствовал, как остановился поток воды в каналах. Вода, что попадала в озеро из ручьев и рек, сразу же уходила в камень. Озера больше не существовало. Под Митерджатом больше не было реки.

Откуда теперь вы будете черпать вашу силу, а, отцы воды?

Ручеек вернулся в башню, к бассейну в ее центре. Камень башни он также сделал пористым, так что вода просочилась сквозь пол и стены. Бассейн опустел. Из пористого камня Ручеек создал себе новый клант, после чего вернулся в коридор. Водяных клантов там не было. Там вообще никого не было.

Куда они подевали Брикеля?

Ручеек выбрался из башни сквозь дыру, проделанную водяными магами. Солнце уже клонилось к горизонту. На осушение озера у Ручейка ушло больше времени, чем он думал.

Где же все? Лишь несколько человек стояли на коленях там, где прежде был берег — причалы теперь нависали над голым камнем. Но водяных магов видно не было.

«Конечно же, — решил Ручеек, — они отправились в священное место. К тому источнику у вершины Митерджата».

«Заработало!» — сказали братья камня. Ручеек не понял, что они имеют в виду — на его взгляд, не работало ничего.

Каменный клант Ручейка зашагал вверх по крутому, каменистому склону и вышел точно к месту, где лежало, погрузившись в камень, его настоящее тело. Ручеек почувствовал, как его клант прошел над его же оболочкой. Потом клант спустился к ручью.

Там находился Брикель, удерживаемый водяными магами. Лорд судорожно хватал ртом воздух.

Завидев клант Ручейка, водяные маги закричали:

— Мы принесем его в жертву! Мы убьем его, если ты не вернешь нам воду!

В ответ Ручеек сделал ложе ручья пористым, и вся вода ушла туда.

Водяные маги взвыли.

Брикель поднялся на ноги. К восхищению Ручейка, он тут же вернулся к своей роли глашатая отца камня.

— Настало время исполнить древний договор! — воскликнул Брикель. — Когда каменные маги впервые позволили вашему народу поселиться здесь, вы поклялись, что каменные и водяные маги будут жить мирно в священном для всех нас месте. Эту клятву нарушили вы! Сто лет назад вы предательски убили лучших из нас! Не бывать больше тому, чтобы всего один-единственный друг гальки находился здесь в положении пленника только ради заботы о древних стенах и мостах, возведенных каменными магами былых времен! Либо мы будем вместе жить в городе камня и воды, либо здесь все останется таким, как сейчас, — и здесь будет только камень!

— Мы согласны! — ответил глава водяных магов. — Но только если ты вернешь священный Митерлох!

— Сначала дайте священную нерушимую клятву в башне договора, — возразил лорд Брикель.

— Но как мы доберемся туда? — спросил водяной маг. — Путь преграждает канал Каменных Магов.

— Он его преграждает лишь потому, что вы разрушили возведенный нами живой мост.

— Это был туннель! — возмутился отец воды.

— Это был мост! — рявкнул Брикель. — Мы все знаем, что такое туннель! Именно там сейчас ваша вода — в миллионах крохотных туннелей в камне! А мост, оставляющий мно-

жество ярдов воздуха между собой и водой, — никакой не туннель! Мосты будут повсюду, где каменные маги пожелают их возвести. Мосты из живого камня, которые никогда не обрушатся!

Ручеек в теле каменного кланта зашагал вниз по сухому руслу, Брикель последовал за ним. Добравшись до обрушенной стены, что некогда была внутренней линией обороны полуострова, а ныне отмечала край канала Каменных Магов, Ручеек повел всех вдоль стены к тому месту, где прежде через ущелье был перекинут каменный мост — тот самый, по которому солдаты бросились бить вериллиддцев.

Хотя его клант стоял на поверхности, сам Ручеек потянулся в глубь живого камня и вытолкнул из него широкий мост; тот пролетел по воздуху и в конце концов встретился с камнем на другой стороне ущелья. Ручеек в теле кланта взошел на мост, лорд Брикель — за ним, а потом уже все водяные маги. Они пробрались через лес и оказались у той самой башни, которую Ручеек видел, еще когда разыскивал дорогу в Митерхоум. Это был древний храм договора, уже давно превращенный в храм Йеггата.

Ручеек приблизился к башне и сделал ее стены сплошными, из живого камня.

Потом он обернулся и посмотрел на каменную чашу на месте озера. К собственному удивлению, камня он не увидел. Над озером поднимался густой пар.

Что происходит?

«Ты привел воду вниз, к текучему камню, — ответили ему братья камня, — и охладил его. Мы превращаем его в гранит, все глубже и глубже, а жар магмы изливаем в воду».

«Я не знал, что так получится».

«Текучий камень уже очень глубоко, где ему и положено быть. Скоро нам не потребуется удерживать его от прорыва наружу. Ты спас священный город».

Но в башне договора водяные маги увидели пар и завопили:

— Ты заставляешь священную воду исчезнуть!

— Разве больше не будет дождей? — вмешался Брикель. — Когда отец камня возвратит камень дна в прежнее состоя-

ние, разве реки не потекут и не наполнят озеро снова? Теперь же вашей и моей горячей кровью, смесью воды и камня, что течет во всех нас, мы снова подпишем тот договор, который вы нарушили.

Древний документ был заключен в прозрачный кварц. Бригель не нуждался в помощи Ручейка, чтобы отделить кварц от окружающего камня и поднять его. Потом они с водяными магами вскрыли кожу на запястьях, окунули перья в кровь и поставили свои имена под договором.

После этого лорд Бригель вернул кварц на место и снова сплавил его с гранитным основанием.

— Теперь верни наше озеро! — потребовали водяные маги.

Первым делом Ручеек восстановил священный источник и ручей, стекающий со склона Митерджата. Потом он взялся за работу, начиная с самого дальнего края Митерлоха; он сжимал камень озера дна, и тот приобретал свой прежний вид. Но Ручеек не стал выпускать воду из камня. Напротив, он направил ее течь вниз, к магме, еще глубже, где она могла охладить текучий камень.

«Да, — пробормотал один из братьев камня, — теперь камень остынет, как будто никогда и не был горячим. Текучий камень снова ушел на глубину, где ему и надлежит быть».

Вскоре дно озера вновь покрылось водой, а ручей продолжил течь. Но прежнюю плотность камень дна приобрел только глубокой ночью. Воды рек, впадающих в озеро, лились на камень, и постепенно озеро стало возвращаться в прежние границы. Чтобы окончательно наполниться, озеру предстояло восстанавливаться в течение многих дней.

— Переведите всех моих домочадцев в город, — потребовал лорд Бригель. — Нам следует жить в другом доме, у подножия Митерджата, рядом со стенами, что возвели наши предки. Я приглашу в город столько же каменных магов, сколько у вас имеется водяных магов. Маг за мага — нас должно быть поровну. Мы будем участвовать в советах в том же количестве, что и вы. Нам будет принадлежать равный голос в создании законов. Все согласно договору, который подписан сегодня.

И водяные маги сказали «да», поскольку видели, что их озеро возвращается к берегам.

Ручеек влил свой клант в камень башни.

Высоко наверху, на самом пике Митерджата, его телесная оболочка восстала из камня.

Но тело уже не было в точности таким, как до погружения в камень. Ручеек пережил слишком тесную связь с гранитом горы, его кожа сделалась твердой и покрытой крапинками; камень проник в него. Движения его были так же гибкие, как и всегда, но Ручеек чувствовал, что теперь его ноги никогда не устанут от ходьбы и что его кожу способен расцечь лишь самый острый обсидиан. Ручеек не был полностью каменным, как его клант, но и не состоял теперь только из плоти и крови.

Ручеек оделся и отправился вниз тем же путем, каким пришел. В наступающей ночи никто его не заметил. Он был всего лишь каким-то мальчишкой, шагающим по улицам.

Он добрался до переправы в Хеттерферри и представился паромщикам как слуга лорда Брикеля. После дневных событий этого оказалось достаточно, и вопрос о плате за проезд не вставал, поскольку все боялись каменного мага. В конце концов, они верили, что все произошедшее — дело рук Брикеля. И никто не стал бы вызывать неудовольствие каменного мага, оскорбив его слугу.

Когда Ручеек добрался до дома Брикеля, оказалось, что Демвур уже там, но с другим поручением. Вместо того чтобы распоряжаться имуществом каменного мага, Демвур руководил переездом в верхний город. Ручеек тут же принялся помогать, и если кто и заметил, что он носит куда более тяжелые грузы, чем может поднять даже Эбб, то и слова об этом не сказал. В темноте никто не разглядел, что кожа Ручейка изменилась.

Они работали всю ночь, таская имущество лорда на паром. На другом берегу группа сыновей голыща забирала вещи и уносила их вверх по длинной лестнице.

К рассвету новое жилище Брикеля было готово, и все, изнуренные работой, улеглись и проспали до следующего дня.

Все, кроме Ручейка, который не устал. Он лег на камень пола в новом погребке и сплавил стены воедино, в живой ка-

мень. Это был дом отца камня — пусть он и выглядит как подобает.

Поутру к нему пришел лорд Брикель.

— О чем ты думал? — обратился он к Ручейку.

— Разве не ради этого трудились вы с вашими друзьями? — удивился Ручеек.

— Ты что, все это планировал?

— Вовсе нет. Я понятия не имел, что делаю.

Он поведал лорду Брикелю о братьях камня и о подступающем вулкане, который охладила вода озера.

— Я не знал, что вода может это сделать, — добавил Ручеек.

— Тебя вел сам Тьюстан, — сообщил Брикель.

— Посмотрите, чем это обернулось для меня.

Ручеек повел Брикеля вверх по лестнице и встал так, что на него падал утренний свет из окна.

Брикель коснулся его кожи.

— Теперь ты — часть Митерджата, — с благоговейным трепетом сказал он. — Я слышал о подобных вещах, о человеке, носившем камень в себе, но никогда не видел этого.

— Это пройдет?

— Нет, — отозвался Брикель. — Если предания верны, то нет.

— Я ничего не знаю, — произнес Ручеек. — Возьмете меня в ученики? Согласитесь ли вы учить меня?

— Я? Учить тебя, отца камня?

— А есть ли где-то отец камня, который мог бы со мной заниматься?

— Нет, — ответил Брикель.

— Тогда я должен перенять все, что знаете вы, — все предания, все секреты. Вы мне поможете?

— Конечно.

— И пожалуйста, пускай водяные маги верят, что отец камня — это вы, — попросил Ручеек. — Я не хочу быть лордом Ручейком, Отцом Камня.

— У тебя нет выбора, — возразил Брикель. — Среди каменных магов тебя будут знать под этим именем, хотя мы сократим его. Оно будет звучать Ручеек Камнеотец.

— Пусть хотя бы в городе меня зовут обычным именем. Например... Ручеек Каменная Кожа. Ваш ученик. Ваш слуга. Пускай люди думают, что эту кожу дали мне вы, желая сделать меня сильным и неуязвимым.

— Ты действительно не хочешь занять высокое положение, принадлежащее тебе по праву?

— Я еще ребенок, — заметил Ручеек.

— Сегодня ты показал себя мужчиной, похитив озеро у водяных магов и превратив его в пар, — рассмеялся Брикель. — Как только я перестал трястись от страха, я от души повеселился.

— Если б там, на мосту, я понимал, что делаю, я ни за что не поступил бы так.

— Тебе следовало слушаться меня. Но все обернулось к лучшему.

— Теперь я буду вас слушаться, — пообещал Ручеек.

Брикель снова рассмеялся.

— Кроме тех случаев, когда будешь думать, что я не прав.

Шли дни, недели и месяцы. Новая кожа Ручейка не мешала ему вырасти и стать взрослым мужчиной. Многие каменные маги пришли в Митерхоум, поселились в нем и приняли участие в управлении, но еще больше было тех, кто являлся, чтобы повидаться с юным учеником, вернувшим им священный город. Ручеек шел с ними и становился в круг, над которым лучшие из братьев камня восстановили тот самый свод из живого камня, что некогда возвышался над телами магов, спасших город от вериллиддцев.

Ручейку не выдавалось никаких видимых со стороны знаков почтения — водяные маги не должны были догадаться, что именно Ручеек — отец камня. Но каменные маги знали, что сила Ручейка произвела большую часть изменений в камне, что это он вывел на поверхность угасающие сущности погибших братьев камня и сделал для них каменные тела; теперь эти тела стояли под каменным сводом, и ноги их были соединены с живым камнем. Пока сущности погибших братьев камня там оставались, они могли пользоваться этими телами. Потом им предстояло угаснуть, а телам — стать их памятниками.

Когда Ручейку Каменной Коже, по его подсчетам, исполнилось восемнадцать лет, он пришел к Жаворонку — та давно уже осознала себя другом птиц и держала на вершине Митерджата голубей, что разносили послания во все края. Ручеек заключил ее в объятия, и девушка не оттолкнула его.

— Жаворонок,— обратился к ней Ручеек,— я хочу вечно обнимать тебя, как живой камень обнимает воды Митерлоха.

— Я всего лишь девушка с мягкой кожей и состою по большей части из воды,— откликнулась Жаворонок.— Как я могу взять в мужья камень?

— Я буду мягким камнем,— сказал Ручеек.— И нет такой ноши, которой я не поднял бы ради тебя.

— Я летаю с моими птицами высоко над землей,— улыбнулась Жаворонок.— Но гнездо я совью с тобой.

Содержание

Предисловие	7
<i>Нил Гейман. Надгробие для ведьмы</i>	9
<i>Гарт Никс. Падуб и железо</i>	38
<i>Мэри Розенблюм. Цветное видение</i>	80
<i>Кейдж Бейкер. Несравненный Рубин</i>	115
<i>Йон Колфер. Птичья история</i>	135
<i>Джейн Йолен. Скользя в сторону вечности</i>	142
<i>Тэд Уильямс. Руки чужака</i>	160
<i>Патриция А. Маккиллип. День именованья</i>	186
<i>Элизабет Хэнд. Жена Зимы</i>	206
<i>Энди Данкан. Диорама inferнальных регионов, или Девятый вопрос дьявола</i>	248
<i>Питер С. Бигл. Танец в Пустошах</i>	289
<i>Нэнси Кресс. Человек камня</i>	308
<i>Джеффри Форд. Заклинание мантикоры</i>	333
<i>Танит Ли. Зиндер</i>	346
<i>Терри Биссон. Билли и Волшебник</i>	363
<i>Терри Доулинг. Волшебцы</i>	371
<i>Джин Вулф. Волшебные животные</i>	391
<i>Орсон Скотт Кард. Отец камня</i>	426

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

**Нил Гейман, Тэд Уильямс,
Йон Колфер, Орсон Скотт Кард
и другие**

ЧЕРНАЯ МАГИЯ

Выпускающий редактор *Е. Березина*

Ответственный редактор *Г. Корчагин*

Редактор *В. Бевзюкова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *В. Сергеев*

Корректоры *В. Дроздова, Е. Амелогова*

Иллюстрация на переплете *Donato Giancola*

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 13.01.2010.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72.

Тираж 5100 экз. Заказ № 1660.

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-40612-8

9 785699 406128 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Нил
ГЕЙМАН
Тэл
УИЛЬЯМС
Пон
КОЛФЕР
Орсон Скотт
КАРД

ISBN 978-5-699-40612-8

9 785699 406128 >